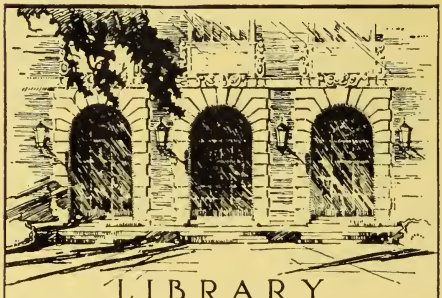
Р-М- 266
1899 г.
МАРТ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
В. И. БЕЗСОНОВА.
Моховая, домъ Карзинкина.
Экз.
№

Отд. IV
№



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1899
no.3

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

МАРТЪ.

3

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1899.

3 м.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Изъ недавняго прошлаго).—**Марка Вовчка.** *Продолженіе* 1

II. ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА. Романъ **Роберта Хитчинса.** Переводъ съ англійскаго. **А. Г.** *Продолженіе* 52

III. ЛЕРИ. Повѣсть.—**А. Эръ.** 85

IV. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА». Стихотворенія **К. К. Случевскаго.** . 121

V. ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ. Романъ **Теодора Фонтана.** Переводъ съ нѣмецкаго. **Н. К.** *Продолженіе* 127

VI. ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ. (Итоги пережитаго).—**П Д. Боборыкина** . 161

VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ **Генрика Сенкевича.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 187

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**М. А. Жемчужникова** 214

IX. БАКТЕРІИ. (Жизнь и развитіе бактерій.—Роль бактерій въ природѣ.—Значеніе бактерій въ жизни человѣка).—**В. Ф. Хмѣлевскаго.** *Окончаніе* 1

X. ЗЕЙТУНСКАЯ ЭПОПЕЯ.—**А. К. Дживелегова.** 26

XI. ОЧЕРКИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ НА ВОСТОКѢ.—**Н. Н. Харузина.** 39

XII. ИЗЪ ПРОШЛАГО. (По личнымъ воспоминаніямъ). II. Новый судъ въ Москвѣ.—**М. Ѳ. Громницкаго.** 68

XIII. ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ПО КЛИМАТОЛОГІИ, ГИДРОЛОГІИ И БАЛЬНЕОЛОГІИ.—**В. С. Богословскаго.** 89

XIV. ИНДУСКА-РОМАНИСТКА.—**В. П—ой** 107

XV. ИСТОРІЯ ОДНОЙ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ.—**В. Л. Бинштока.** . 118

XVI. КРЕСТЬЯНСКОЕ ТРАВОСѢЯНІЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**М. Н. Вонзблейна** 136

XVII. ТОЧНО ЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ ГРОЗИТЪ БЛИЗКАЯ ГИБЕЛЬ?—**К. А. Тимирязева.** 154

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1899.

Москва, типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собствен. домъ.

891.705
RUS
1897
no.3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Изъ недавняго прошлаго).—Марка Вовчка. *Продолженіе* 1

II. ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА. Романъ Роберта Хитчинса. Переводъ съ англійскаго. А. Г. *Продолженіе* 52

III. ЛЕРИ. Повѣсть.—А. Эръ 85

IV. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА». Стихотворенія К. К. Случевскаго . 121

V. ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ. Романъ Теодора Фонтана. (Переводъ съ нѣмецкаго). Н. К. *Продолженіе* 127

VI. ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ. (Итоги пережитаго).—П. Д. Боборыкина . 161

VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 187

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—М. А. Жемчужникова 214

IX. БАКТЕРІИ. (Жизнь и развитіе бактерій.—Роль бактерій въ природѣ.—Значеніе бактерій въ жизни человѣка).—В. Ф. Хмѣлевскаго. *Окончаніе* 1

X. ЗЕЙТУНСКАЯ ЭПОПЕЯ.—А. К. Дживелегова 26

XI. ОЧЕРКИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ НА ВОСТОКѢ.—Н. Н. Харузина 39

XII. ИЗЪ ПРОШЛАГО. (По личнымъ воспоминаніямъ). II. Новый судъ въ Москвѣ.—М. Ѳ. Громницкаго. 68

XIII. ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ПО КЛИМАТОЛОГІИ, ГИДРОЛОГІИ И БАЛЬНЕОЛОГІИ.—В. С. Богословскаго. 89

XIV. ИНДУСКА-РОМАНИСТКА.—В. П—ой 107

XV. ИСТОРІЯ ОДНОЙ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ.—В. Л. Бинштока. . 118

Стр.

XVI. КРЕСТЬЯНСКОЕ ТРАВОСѢЯНІЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—М. Н. Вонзблейна 136

XVII. ТОЧНО ЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ ГРОЗИТЪ БЛИЗКАЯ ГИБЕЛЬ?—К. А. Тимирязева. 154

XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театръ», бенефисъ Е. К. Лешковской: *Усмиреніе строптивой*, ком. въ 5-ти дѣйств. и 10 карт., Вильяма Шекспира, пер. П. П. Гнѣдича;—бенефисъ Н. А. Никулиной: *Ложь*, ком. въ 4-хъ дѣйств., Е. Зеландъ (Дубельтъ).—«Художественно-общедоступный театръ»: *Эдда Габлеръ*, драма въ 4-хъ дѣйств., Генриха Ибсена, пер. С. Л. Степановой-Марковой. Ан.—«Новый театръ»: *Эми Робзаръ*, драма въ 5-ти дѣйств., Виктора Гюго, пер. М. Н. Ремезова. 178

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 171

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Коммиссія по упорядоченію хлѣбной торговли и рѣчь г. министра финансовъ.—Ходатайство московскаго купечества.—Новое торжество Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.—Высочайшее повелѣніе по поводу студенческихъ волненій и наша печать.—О бѣдствіяхъ неурожая.—Наши увеселенія.—Позорныя слова газеты *Кавказъ*. 193

XXI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. (Печатается на основаніи ст. 139 *Устава* о цензурѣ и печати). 204

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, біографіи.—Географія, этнографія, антропологія.—Искусство.—Политическая экономія, статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники, дѣтскія книги, пособія.—Книги для народа.—II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *февраль*.—«Русское Богатство», *январь*.—«Міръ Божій», *февраль*.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 99 г. 76

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ *).

(Изъ недавняго прошлаго).

IX.

De tous les animaux qui s'élèvent dans l'air,
Qui marchent sur la terre, ou nagent dans la mer
De Paris au Pérou du Japon jusqu'à Rome
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme.
. . . . . .
Son coeur toujours flottant entre milee embarras
Ne sait ni ce qu'il veut, ni ce qu'il ne veut pas
Ce qu'un jour il abhorre, en l'autre il le souhaite.
Nicolas Boileau

Выбѣжавъ изъ гостиной, я надергиваю на себя пальто, быстрѣе спугнутой серны спрыгиваю съ террасы и несусь, подобно перекати-полю, гонимому вихремъ, изъ гостепріимной усадьбы съ какою-то безсмысленною надеждой прійти въ нормальное расположеніе духа тотчасъ же, какъ только перешагну за черту Чудовскихъ аллей и рощицъ; въ пять, десять минутъ я перелетаю пространство, на которое, при обыкновенномъ настроеніи, мнѣ требуется, по крайней мѣрѣ, полчаса скорой ходьбы, и останавливаюсь на старомъ каменномъ мостикѣ, откуда начинаются владѣнія пропріетера моей дачи, Павла Павловича Звѣрева; тутъ, какъ мнѣ кажется, я опоминаюсь, привожу въ порядокъ перепутавшіяся мысли, надѣваю на голову шляпу, которую все время мялъ въ рукѣ, снова снимаю ее и громко проговоривъ: какъ благодѣтельно дѣйствуетъ свѣжій воздухъ! облокачиваюсь на проросшія мягкою травкой перила, улыбаюсь, вспомнивъ, съ какимъ паѳосомъ пропріетеръ повѣствуетъ о постройкѣ этого мостика предками, сравнивая ихъ съ древними римлянами; затѣмъ вспоминаю, что помянутый пропріе-

*) *Русская Мысль*, кн. II, 99 г.

теръ поклоняется Генриху IV, почившему королю французовъ, находя большое сходство между собою и этою царственною особой (въ сосѣдствѣ его такъ и называютъ Генрихомъ IV), опять улыбаюсь и принимаюсь смотрѣть на катящійся ручей; я съ напряженнымъ вниманіемъ смотрю на зыбь темныхъ, тихо журчащихъ волнъ, на мигающее въ нихъ отраженіе золотыхъ звѣздъ и стараюсь себя увѣрить, что все это пустяки, что дѣло отлично подвигается и что мнѣ только остается благодарить судьбу.

Однако, я судьбу не благодарю!... И *все это* мутитъ и мутитъ меня!

О, сила прошлаго безумія! О, отрава, вошедшая въ плоть и кровь!

Что же такое *это все*? Какая-то глупая тревога, какой-то нелѣпый стыдъ! Что такое я сдѣлалъ ужаснаго? Какое преступленіе на мнѣ тяготѣетъ? Всякій мало-мальски основательный человѣкъ найдетъ, что я поступаю какъ слѣдуетъ, что хитрость вполнѣ позволительна, когда выходишь противъ врага, когда защищаешь даже не себя, а ближняго, и что, слѣдовательно, совѣсть моя чиста, чище снѣга на Альпійскихъ вершинахъ... основательный человѣкъ вѣдь пожметъ плечами, если я ему признаюсь, что краснѣю хуже проворовавшагося школьника, какъ только представлю себѣ милое, взволнованное лицо, озаренное мягкими блестящими глазами, полными слезъ и мольбы, и тихій, полный раскаянія голосъ, шепчущій мнѣ: «Простите меня! Я вамъ вѣрю! Я теперь знаю, что вы хорошій, честный!»

Что-жъ, развѣ я не хорошій, не честный? Не въ педантски-идеальномъ, разумѣется, смыслѣ, но въ томъ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ эти слова — въ разумномъ?... Что вполнѣ, я полагаю, удовлетворительно... Стремись я къ положительному идеалу (недостижимому), я превратился бы въ сумасброднаго ригориста, вродѣ той полоумной праведницы въ романѣ Вальтеръ Скотта, которая не рѣшается исказить истину даже когда это требуется для спасенія отъ смерти любимой сестры.

Нѣтъ, задача—не ригоризмъ, задача—добро, польза, которыя мы приносимъ ближнему... А сколько случаевъ, когда приходится или отказаться отъ помощи ближнему или, прибѣгать къ маскированію! Развѣ я задумался бы солгать или, солгавъ, сталъ бы этимъ терзаться, если бы придорожный разбойникъ обратился ко мнѣ за указаніемъ, какой дорогой ему короче и лучше пробраться, чтобы ограбить или зарѣзать свою жертву? Какая же разница между разбойникомъ съ ломомъ, кистенемъ и ножомъ, и разбойникомъ, покушаю-

щимся похитить міръ душевный, вѣру въ будущее, стремящимся отравить вамъ все въ жизни, зарѣзать васъ нравственно? Только та, что послѣдній не въ примѣръ безчеловѣчнѣе.

Съ этой стороны не можетъ быть сомнѣній и недоумѣній, и ихъ нѣтъ. Конечно, непріятно, скверно, когда подстерегаемый вами врагъ съ легкомысленною довѣрчивостью протягиваетъ вамъ руку, какъ сторонникъ, и самъ себя выдаетъ головою. Но когда же какія-либо добрыя дѣла, какіе-либо подвиги совершались безъ непріятностей, усилій и различныхъ страданій? Это неизбѣжное условіе всякаго подвижничества и съ этимъ ужъ необходимо примириться. И всякій, у кого есть толкъ, примиряется... и я примиряюсь. Повторяю: конечно, непріятно, скверно... но въ уныніе впадать еще не стоитъ... мутиться этимъ нечего. Да меня это и не мутитъ.

Что-жъ меня, жалкаго безумца, мутитъ?

Напрасно я безсильно бѣшусь, стараюсь заглушить мысли, давно признанныя мною ни къ чему не примѣнимыми, ни на что не годными, нелѣпыми,—онѣ поднимаются въ моей головѣ неискоренимо, онѣ лѣзутъ мнѣ въ глаза, онѣ точатъ, сосутъ какъ змѣи, пилятъ, колесуютъ меня! Я опять,—въ который разъ!—перебираю по ниточкѣ весь мотокъ своихъ воззрѣній, опять копаюсь въ тайникахъ своего я, опять вытягиваю улегшіяся сомнѣнія, успокоившіяся угрызенія, уснувшую мнительность.

Я болѣе часа провожу въ этомъ плодотворномъ занятіи, колыхаясь изъ стороны въ сторону, какъ бабье коромысло, пока, наконецъ, въ результатѣ получается выводъ, что Григорій Ивановъ, быть можетъ, въ сущности и не разбойникъ, а только мечтатель, какимъ были многіе изъ насъ, сумасбродъ, надѣющійся сокрушить лбомъ каменную стѣну, самонадѣянный недоумокъ, стремящійся къ недостижимому въ наше время... легкомысленный утопистъ. А подобные люди также вредны, также пагубны. Какой выигрышъ въ томъ, если молодую жизнь Ольги отравитъ не развращенный пройдоха, а тупоумный фанатикъ? Жизнь-то будетъ вѣдь все-таки отравлена! Слѣдовательно, я все-таки долженъ охранять Ольгу и буду ее охранять!

Разбитый мучительнымъ самопрепирательствомъ, точно по мнѣ, какъ по недозрѣлымъ снопамъ ржи, гуляло около полусотни цѣповъ, я плетусь домой, уныло повторяя себѣ вопросъ Понтія Пилата: что такое истина? и втайнѣ грустно завидуя этому сановнику, какъ это онъ такъ быстро раздѣлался: спросилъ, не разрѣшилъ и умылъ руки... и зажилъ опять по добру по здорову, а тутъ вотъ никакъ не развяжешься, ничѣмъ не отбоярishься.

А ночь тиха и ароматна, звѣзды таинственно мерцаютъ.

Вы, умѣющіе наслаждаться, наслаждайтесь.

Меланхолически пробираюсь я мимо дома моего пропріетера—въ окнѣ у него свѣтъ и сквозь опущенную стору я различаю его фигуру въ креслѣ передъ столомъ: вѣрно онъ чиститъ свой любимый шахматный ящичекъ изъ слоновой кости или перебираетъ свои рѣдкіе камешки и раковинки, или разсматриваетъ какой-нибудь иллюстрированный романъ, и счастливъ!—отворяю калитку въ садъ и уже ступаю на узенькую, прикрытую зеленью нависшихъ деревьевъ тропинку, ведущую къ нанимаемому мной павильону въ видѣ башенки, какъ вдругъ кто-то выскакиваетъ изъ-за куста и вцѣпляется въ меня обѣими руками съ пронзительнымъ крикомъ:

— А, воръ! А! Пойманъ на мѣстѣ преступленія! Отговорки не помогутъ! на мѣстѣ преступленія схваченъ!

— Что за чепуха!—въ свою очередь вскрикиваю я, опомнившись и пытаясь высвободиться.

— На мѣстѣ преступленія! на мѣстѣ преступленія!—злорадостно оретъ напавшій на меня болванъ и при каждомъ восклицѣ щиплетъ меня точно клешнями.—Митродора! Митродора! Сюда! Огня, огня!

— Павелъ Павловичъ! прійдите въ себя, это я!—кричу я, узнавъ Генриха IV—своего пропріетера... Это я, я,—вашъ дачникъ!

— Молчать скотина!—еще бѣшенѣе оретъ пропріетеръ.—Митродора! огня, огня!

— Павелъ Павловичъ!—воплю я.

— А! ты еще толкаться! Погоди, погоди!

— Павелъ Павловичъ! au nom du ciel, ne me pincez pas!—взвизгиваю я, начиная брыкаться.

Французская фраза оказываетъ магическое дѣйствіе; пропріетеръ мгновенно выпускаетъ меня изъ своихъ клешней и бормочетъ:

— Est-ce possible?! Comment, c'est vous?!

Прибѣжавшая съ фонаремъ Митродора (старѣющаяся Габріэль д'Эстрэ, лошадинаго роста, съ лошадиными глазами, съ какими-то грязно-алыми пятнами на увядшихъ щекахъ, съ растрепанными воронымъ волосами, въ измятой засаленной распашонкѣ и босикомъ) освѣщаетъ его гладко-выбритую, желтую, востроносую, съ усами кустикомъ и точно прилизанными волосками на вискахъ, растерянную физіономію, на которой блѣдность злорадства смѣняется краской изумленія, и костюмъ состоящій изъ какого-то зеленаго съ разводами шушуна на ватѣ и шитыхъ гарусомъ спальныхъ сапоговъ.

— Уйди, уйди!—машетъ ей рукою Генрихъ IV.

— Вотъ идолъ!—посылаетъ ему въ отвѣтъ Габріэль д'Эстрэ, дѣлая крутой поворотъ, какъ осаженное дитя табуновъ, и удаляясь съ фонаремъ.—Затѣялъ кутерьму о полночи!

— Объясните, пожалуйста, Павелъ Павловичъ,—начинаю я.

— Mille pardons! mille pardons!—прерываетъ Генрихъ IV.—C'est un malentendu... Un malentendu des plus déplorables! Я испугалъ васъ?

— Еще бы! И исщипали!

— Mille pardons! mille pardons! Je suis au desespoir!...

— Но объясните мнѣ...

— Прошу васъ, зайдите ко мнѣ... Послѣ этого потрясенія вамъ необходимо выпить стаканъ вина.

— Весьма вамъ благодаренъ, Павелъ Павловичъ.

— И тамъ я вамъ все объясню... Ne me refusez pas!

Онъ хватается за меня своими клешнями и подъ руку тащитъ къ балкону, увитому дикимъ виноградомъ, приговаривая:

— Ne me refusez pas! ne me refusez pas!

Я, спотыкаясь, прыгаю за нимъ по ступенькамъ, наталкиваюсь въ темной залѣ и темной гостиной на углы какой-то мебели и, наконецъ, достигаю освѣщенной комнаты.

— Prenez place, je vous prie, prenez place! — суетится Генрихъ IV.—Otez votre paletot... Permettez... Permettez...

— Не безпокойтесь, Павелъ Павловичъ,—говорю я,—пальто мнѣ не мѣшаетъ.

— Mais ôtez votre paletot! Снимите, снимите...

— Пальто не мѣшаетъ.

— Mais ôtez donc! Снимите, снимите... Отчего-жъ вы не хотите снять? Mais ôtez donc! Permettez je vous prie!—пристаетъ онъ, танцуя около меня и дергая меня то за тотъ, то за другой рукавъ.—Mais ôtez donc!

Желая поскорѣе отдѣлаться отъ неотвязнаго маніака, я сбрасываю пальто, которое онъ мгновенно подхватываетъ, какъ коршунъ добычу, и уноситъ во внутренніе покои, крича мнѣ на бѣгу:

— Je vais vous servir! Я сейчасъ вамъ вина...

Проводивъ его мысленнымъ проклятіемъ, я съ досадой опускаюсь на диванъ, брезгливымъ взглядомъ окидываю стѣну, увѣшанную грошевой пачкотней въ позолоченыхъ рамахъ, изображающей преимущественно одѣвающихся, раздѣвающихся и купающихся дамъ и заходящія и восходящія солнца надъ неаполитанскими, генуэзскими, мексиканскими и другими заливами, шкафчики, эта-

жерки и столики, фарфоровыя куколки и деревянныя фигурки, птичьи чучела и вдругъ подскакиваю: у стола въ креслѣ примощено, на подобіе читающаго человѣка, какое-то пугало, сдѣланное изъ разнаго тряпья и обернутое въ знакомый мнѣ малиновый халатъ, въ которомъ пропріетеръ по утрамъ поливаетъ цвѣты въ саду и нарѣзываетъ букеты для отсылки сосѣдкамъ.

«Кажется, мой Генрихъ IV окончательно спятилъ!—говорю я себѣ, вставая и подходя поближе къ тряпичному чучелу.—Къ чему онъ смастерилъ это пугало и помѣстилъ противъ свѣта?—очевидно, съ тѣмъ умысломъ, чтобъ его видѣли со двора и принимали за пропріетерскую особу? Онъ окончательно спятилъ, это несомнѣнно! Съ нимъ, пожалуй, не далеко до бѣды! Куда онъ запропастился? Зачѣмъ унесъ мое пальто?

— Павелъ Павловичъ!—кричу я, обертываясь въ ту сторону, откуда въ отдаленіи слышно какое-то движеніе,—пожалуйста, не безпокойтесь и позвольте мнѣ уйти,—завтра мы побесѣдуемъ.

— Вотъ сейчасъ нашелъ ключи... сейчасъ вамъ вина...—отвѣчаетъ онъ, безшумно, какъ старая ящерица, вбѣгая въ своихъ спальныхъ сапогахъ.—Вотъ сейчасъ, сейчасъ...

И вдругъ какъ-то припрядываетъ на мѣстѣ, словно его стегнули по икрамъ крапивой, и принужденно смѣется.

— Видѣли, видѣли?—спрашиваетъ онъ, кивая острымъ какъ шило подбородкомъ на тряпичное чучело.

— Видѣлъ, Павелъ Павловичъ,—отвѣчаю я, улыбаясь.

— И что-жъ, удивились? Очень удивились? Vous ne savez point à quoi vous en tenir?

— Признаюсь, Павелъ Павловичъ, я ничего не понимаю...

— И не стоитъ, и не стоитъ! Cela ne vaut pas la peine!

— Однако...

— Вотъ я вамъ сейчасъ вина... сейчасъ...

Онъ кидается къ одному изъ шкафиковъ, отмыкаетъ его, достаетъ бутылку и какой-то фигурный серебряный кубокъ и наливаетъ мнѣ темной жидкости, отъ которой мгновенно распространяется кислый, ничуть не аппетитный запахъ.

— Вы напрасно безпокоитесь, Павелъ Павловичъ,—говорю я, нерѣшительно принимая фигурный кубокъ,—вы знаете, я страдаю головными болями и всякое вино нехорошо на меня дѣйствуетъ... Докторъ строго запретилъ мнѣ...

— Это вино вамъ не повредитъ: оно настоено на цѣлебныхъ спеціяхъ.

— Но все-таки это вино, Павелъ Павловичъ!—пробую я защищаться.

— Не бойтесь, не бойтесь... Faites-moi plaisir...

Дѣлать нечего! Я проглатываю жидкость, которую можно причислить къ напиткамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ: квасокъ—выверни глазокъ, и наотрѣзъ отказываюсь отъ второго кубка.

— Объясните же мнѣ, Павелъ Павловичъ,—говорю я,—что такое случилось? Кого вы ловили? За кого меня приняли?

— Un malentendu... un malentendu des plus déplorables!—отвѣчаетъ онъ, ставя бутылку и кубокъ на мѣсто и замыкая шкафчикъ.

— Да кого-жъ вы ловили, Павелъ Павловичъ?

— Вора-съ! — отвѣчаетъ онъ съ внезапно прорвавшеюся злобой.

— Какого вора?

— Вора-съ, который крадетъ у меня цвѣты и ягоды!... Который уничтожаетъ у меня плоды въ зародышѣ! Который осмѣливается даже проникать въ мою оранжерею и портить тамъ персиковыя деревья!

На углахъ его тонкихъ сѣрыхъ губъ сердечкомъ показывается пѣна.

— И что-жъ, вы кого-нибудь подозрѣваете?—спрашиваю я.

— Я подозрѣваю многихъ-съ,—отвѣчаетъ онъ съ такимъ язвительнымъ удареніемъ на словѣ многихъ, что мнѣ приходитъ въ голову, ужъ не подозрѣваетъ ли полоумный старикашка и меня въ томъ числѣ.

— Какъ же вы до сихъ поръ не открыли виновнаго?—говорю я.—Давно продолжаются эти похищенія?

— Съ начала лѣта-съ...

— И воръ такъ ловокъ, что до сихъ поръ вы не могли его захватить? Даже узнать не могли?

— Не могъ... но я его узнаю-съ! Vous pouvez en être sûr et certain! Я его узнаю-съ! Эта кукла мнѣ болѣе не нужна (онъ подскакиваетъ къ тряпичному болвану, растерзываетъ его и кидаетъ тряпье и палки на полъ). Я приму другія, болѣе дѣйствительныя мѣры! Да-съ, мѣры болѣе дѣйствительныя! Je mettrai la main sur lui, sans qu'il s'en-doute! Я подстерегу иначе! Je vous en donne ma parole de gentilhomme?

Онъ улыбается, но пѣна ужъ чуть не брызжетъ съ его губъ.

— Вы напрасно разорили этого болвана,—говорю я, указывая на разметанныя по полу рогульки и тряпки,—онъ могъ отлично обмануть вора, если бы воръ захотѣлъ узнать, не подстерегаете ли вы

его въ какой-нибудь засадѣ въ саду... Глядя со двора сквозь стору, нельзя заподозрить, что это не живой человѣкъ сидитъ... Я, проходя мимо, принялъ, что это сидите вы...

— Проходя?—подпрыгиваетъ онъ.—Откуда проходя? Откуда проходя?

— Я возвращался отъ Елены Дмитріевны Чудовой,—произношу я, съ нѣкоторой запинкой; весь проведенный тамъ вечеръ воскресаетъ въ моей памяти, и я вспыхиваю отъ этого воспоминанія.

— А! Такъ это вы возвращались отъ Чудовой, когда я принялъ васъ... Mille pardons!... Je suis au désespoir...

— Да, отъ Чудовой,—отвѣчаю я спокойнѣе.

— Отъ Чудовой?—повторяетъ онъ.

— Да, да!—отвѣчаю я, вдругъ теряя терпѣніе.—Однако ужъ поздно... Позвольте съ вами проститься, Павелъ Павловичъ...

— C'est étrange pourtant! très étrange!—бормочетъ онъ.—Очень, очень странно!

— Что странно, Павелъ Павловичъ?

— Je vous crois au logis... Я былъ увѣренъ, что вы дома.

— Почему вы были увѣрены, Павелъ Павловичъ?—спрашиваю я, все болѣе и болѣе раздражаясь его ужимками.

— En me promenant, j'ai cru apercevoir de la lumière chez vous... Окно ваше, казалось мнѣ, было освѣщено...

Онъ впивается въ меня, точно ожидаетъ уловить смущеніе на моемъ лицѣ.

— Вы, по всей вѣроятности, ошиблись, Павелъ Павловичъ,—отвѣчаю я.

— Но, можетъ быть, прислуга распорядилась освѣтить вашъ кабинетъ?—улыбается назойливая тварь, какъ бы давая мнѣ этимъ предположеніемъ возможность выпутаться изъ бѣды и схоронить концы какого-то проступка.

— Прислуга никогда не освѣщаетъ кабинета безъ моего распоряженія,—отвѣчаю я холодно;—вы просто ошиблись...

— Весьма можетъ быть... весьма можетъ быть... Ахъ, извините великодушно... Я сейчасъ...

Онъ летитъ въ темную залу, черезъ нѣсколько секундъ возвращается оттуда съ краснымъ шелковымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ и, улыбаясь, поясняетъ:

— Забылъ платокъ.

— Мое почтеніе, Павелъ Павловичъ,—говорю я.

— Мое почтеніе, Андріанъ Андреевичъ, мое почтеніе... Mille

pardons... Croyez à mes regrets les plus sincères... Etes vous bien sûr qu'il n'y avait pas de lumière chez vous? Вы можете это утверждать?

— Конечно, могу,—отвѣчаю я, не скрывая болѣе досады,— но я не понимаю, Павелъ Павловичъ, почему этотъ вопросъ такъ васъ занимаетъ!

— Не особенно... не особенно... Une fantaisie, voilà tout... Je vais vous reconduire, n'est-ce pas?

— Помилуйте, Павелъ Павловичъ, зачѣмъ же вамъ безпокоиться?

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ провожу... Я непремѣнно васъ провожу... Вы ищете ваше пальто? Le voilà! le voilà!

Онъ снова юркаетъ въ темныя двери и выноситъ мнѣ пальто, надѣвая которое, я замѣчаю, что одинъ боковой карманъ вывернутъ на изнанку, и поправляю его.

Эта, повидимому, простая вещь заставляетъ стараго юрода заплясать на мѣстѣ.

— Cette mode des grandes poches est très commode,—бормочетъ онъ,— oui, très commode... J'aime les poches, quand elles sont bien amples...

— Мое почтеніе, Павелъ Павловичъ,—говорю я, направляясь къ дверямъ.

Онъ подбираетъ свой зеленый шушунъ и бѣжитъ за мною.

— Quelle belle nuit, n'est-ce pas? Propice aux amoureux, comme aux voleurs, eh? — хихикаетъ онъ.

— А знаете, что мнѣ приходитъ въ голову? — говорю я, не безъ удовольствія приготовляясь щелкнуть наглый, не отстающій отъ меня старый репей.

— Что такое? что такое?

— А то, что въ вашъ садъ прокрадывается не воръ, а влюбленный.

— Quelle idée! — вскрикиваетъ онъ и умолкаетъ.

Я тоже ничего больше не прибавляю къ высказанному мною предположенію.

Минуты двѣ-три мы безмолвно шагаемъ по дорожкѣ къ моему павильону.

— Quelle idée! — повторяетъ онъ, въ волненіи распахивая и запахивая свой зеленый шушунъ. — Вы шутите? N'est ce pas? Avouez, que c'est une idée baroque!

— Я не выдаю свою мысль за вѣрную, — отвѣчаю я, — но и не шучу: отчего же непремѣнно воръ, а не влюбленный?

— C'est une idée baroque, je vous dis! Какой тутъ влюбленный, откуда? Влюбленный, который обрываетъ ягоды!

— Отчего-жъ влюбленному не обрывать ягодъ, Павелъ Павловичъ? — возражаю я. — Онъ можетъ этимъ заниматься, чтобы сократить томительное время ожиданія... Вѣдь есть люди, которые, даже въ минуты сильнѣйшихъ душевныхъ движеній, не забываютъ пользоваться всѣми усладами, какія попадаются подъ руку... Наконецъ, влюбленный можетъ еще обрывать ваши ягоды и изъ разсчета отвратить подозрѣніе.

— Но въ кого же у меня влюбиться? Pensez un peu! Не въ кого, рѣшительно не въ кого!... Ну, въ кого же?

— А ужъ этого я не знаю, Павелъ Павловичъ.

— Но предполагаете? Vous supposez que... Vous croyez... Vous avez quelques soupçons?

— Я рѣшительно ничего не предполагаю и никого не подозрѣваю, Павелъ Павловичъ, — отвѣчаю я, начиная опасаться, какъ бы легкомысленными словами не навлечь непріятностей Габріэли д'Эстре, и въ то же время невольно потѣшаясь треволненіемъ уѣзднаго Генриха IV, — притомъ же я того мнѣнія, что тайны чужихъ чувствъ должны быть неприкосновенны...

— Non, non, c'est impossible!—бормочетъ онъ, и опять распахиваетъ, запахиваетъ, дергаетъ вверхъ и внизъ свой зеленый шушунъ.

Я не могу удержаться отъ злостнаго подшучиванія и вздыхаю.

— Все возможно, Павелъ Павловичъ!

Онъ подпрядываетъ, словно наступилъ на ежа, но ничего не возражаетъ.

Нѣсколько секундъ мы снова идемъ въ безмолвіи.

Вдругъ онъ взвизгиваетъ:

— Посмотрите! посмотрите! Освѣщено!

Я поднимаю голову въ указанномъ направленіи и не безъ удивленія вижу сквозь сѣть вѣтвей свѣтъ въ окнѣ павильона.

— Eh bien? Eh bien? — начинаетъ онъ лепетать. — Avais-je raison? Видите?

— Да, вижу, и очень удивленъ, — отвѣчаю я.

— C'est bien drôle, n'est ce pas? Какъ же это вы объясняете?

— Небывалымъ капризомъ моей Авдотьи Степановны, — отвѣчаю я.

— Elle a donc des caprices, votre Авдотья Степановна? — хихикаетъ онъ.

— Comme tous les vieux fous, — отвѣчаю я. — Мое почтеніе,

Павелъ Павловичъ! Чрезвычайно признателенъ вамъ за любезную компанію...

И, оставивъ глупаго филина у крыльца, я проворно взбираюсь по лѣсенкѣ во второй этажъ, готовый осыпать градомъ упрековъ безшабашную Авдотью Степановну... что за безобразіе: то наклеитъ бисквитныхъ коробочекъ изъ моего дневника, то распоряжается у меня, какъ въ кухнѣ... Порывисто распахиваю дверь моего кабинета и столбенѣю на порогѣ, какъ передъ головой Медузы...

Въ моемъ креслѣ, облокотившись на письменный столъ и подперевъ руками кудрявую голову, сидѣлъ Григорій Ивановъ, погруженный въ чтеніе!

X.

> Il n'est pas dict qu'en temps et lieu il ne soit permis de nous prévaloir de la sottise de nos ennemis, comme nous faisons de leur lascheté.
>
> *Michel de Montaigne.*

При моемъ появленіи Григорій Ивановъ спокойно приподнимаетъ лицо и говоритъ съ улыбкой:

— А что, не ожидали меня?

— Признаюсь, не ожидалъ... — лепечу я. — Никакъ не ожидалъ... но очень радъ... очень радъ...

— А я подумалъ: зачѣмъ откладывать до завтра благое дѣло?— продолжаетъ онъ.— Пойду-ка я сегодня же! Да прямо изъ Чудовки и повернулъ сюда.

— Конечно, конечно! И прекрасно сдѣлали! И прекрасно сдѣлали! — восклицаю я развязно. — Я очень радъ... Не хотите ли чаю? Я сейчасъ разбужу свою Авдотью Степановну.

— Нѣтъ, не будите, не надо: мнѣ не хочется чаю...

— Такъ папиросъ не хотите ли? У меня отличныя.

— Пожалуй, давайте, — соглашается онъ, беретъ папиросу и закуриваетъ.

Я слѣдую его примѣру, но такъ порывисто, что спаливаю себѣ правую бровь на свѣчѣ и, улыбаясь, спрашиваю:

— Какъ это моя Авдотья Степановна пропустила васъ сюда? Вѣдь она у меня настоящій драконъ!... И на каждаго гостя, являющагося въ мое отсутствіе, смотритъ какъ на своего лютѣйшаго врага...

— Ничего,— отвѣчаетъ онъ,— сначала поломалась, а потомъ пропустила...

— А знаете, Григорій Петровичъ, я все-таки велю поставить самоваръ, — говорю я, — да, велю... Мнѣ хочется чаю... Вотъ я сейчасъ распоряжусь...

Я лечу внизъ по лѣсенкѣ, врываюсь въ кухню, гдѣ Авдотья Степановна спитъ, какъ сурокъ, бужу ее энергическимъ встряхиваніемъ за плечи, приказываю какъ возможно скорѣе поставить самоваръ, снова выскакиваю на лѣсенку и тутъ въ смятеньи оглядываюсь, какъ бы ожидая, не выищется ли откуда-нибудь какая помощь... Но смятенье мое продолжается недолго. Я вдругъ овладѣваю собой, усмѣхаюсь, пожимаю плечами и медленными, рѣшительными шагами начинаю взбираться обратно по лѣсенкѣ.

Чего это я всполошился? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Я могу только радоваться... Я могъ ребячиться, замечтавшись надъ струями ручья, но теперь, когда я лицомъ къ лицу съ вредоноснымъ мальчишкой, ребячеству уже нѣтъ мѣста! Нѣтъ, нѣтъ! Теперь всѣ мои сомнѣнія, всѣ мои колебанія исчезли, какъ мѣловая надпись на доскѣ, по которой махнули влажной губкой... И въ эту минуту я даже не понимаю, какъ могли у меня явиться какія-нибудь сомнѣнія, какія-нибудь колебанія! Да, будь моя воля и сила, я бы сейчасъ же съ величайшимъ наслажденіемъ засадилъ этого легкомысленнаго звѣрка въ желѣзную клѣтку!... А, Григорій Ивановъ! Вы поспѣшили ко мнѣ пожаловать! Милости просимъ! Вы вломились ко мнѣ à la Маркъ Волоховъ (что значитъ великій-то талантъ: нѣсколько мастерскихъ штриховъ и всѣ эти жалкіе героишки заклеймлены на вѣки!),—прекрасно! Милости просимъ, милости просимъ!

Я рѣшительными шагами поднимаюсь на лѣсенку и вхожу въ кабинетъ.

Сердце мое тревожно бьется, но это уже не мучительная тревога недоумѣвающаго, колеблющагося человѣка, а тревога охотника запопавшаго желаннаго звѣря и соображающаго впопыхахъ, какъ всего удобнѣе съ нимъ расправиться.

— Ну, чай сейчасъ будетъ,—говорю я и сажусь противъ Григорія Иванова, — а въ ожиданіи мы можемъ побесѣдовать... Что скажете хорошенькаго, Григорій Петровичъ?

(Я считаю за самое лучшее принять тонъ беззаботный и небрежный.)

— Да я больше затѣмъ и поспѣшилъ къ вамъ, чтобы сказать «хорошенькое», — отвѣчаетъ Григорій Ивановъ.

— А! — протягиваю я, смахивая ногтемъ мизинца пепелъ съ папиросы.

— Дѣло, видите, въ томъ, чтобы выручить изъ бѣды несчастнаго безпомощнаго человѣка, — продолжаетъ Григорій Ивановъ.

(Ну, такъ и есть! Сейчасъ какая-нибудь безсмысленная конспирація, или какіе-нибудь несчастные безпомощные люди! И сейчасъ съ Волоховскою безцеремонностью въ вашъ карманъ! Это тотъ же типъ, мастерски очерченный талантливымъ художникомъ, тотъ же Маркъ Волоховъ, только modifié...)

— Несчастнаго и безпомощнаго человѣка?—повторяю я, взглянувъ въ глаза своему собесѣднику.

— Да.

— Что же для этого надо? Денегъ?

Послѣднее слово вырывается у меня невольно; я пугаюсь, не выдалъ ли себя какъ-нибудь интонаціей, и спѣшу прибавить съ жаромъ:

— Что-жъ, я очень радъ... Нужны деньги? Я съ величайшей готовностью... Всякій, у кого есть лишній грошъ, обязанъ подѣлиться съ тѣми, у кого его нѣтъ... Я...

— Деньги уже у насъ имѣются,—перебиваетъ меня Григорій Ивановъ.

— Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, Григорій Петровичъ... Я очень радъ... Пожалуйста, не стѣсняйтесь...—настаиваю я.

— Чего-жъ бы я сталъ стѣсняться,—отвѣчаетъ Григорій Ивановъ,—говорю вамъ: деньги уже есть. Вотъ онѣ!

Онъ вынимаетъ изъ кармана шароваръ истрепанную записную книжку, открываетъ ее и показываетъ въ боковомъ мѣшечкѣ пукъ ассигнацій, рублей около ста, сколько я могу заключить по виду.

— Если деньги не нужны, то что же я могу сдѣлать для этого безпомощнаго человѣка?—спрашиваю я, предвидя впереди вещи несравненно болѣе непріятныя, чѣмъ денежное пожертвованіе, и мною овладѣваетъ смутное опасеніе чего-то весьма хлопотливаго и могущаго имѣть самыя нежелательныя для меня послѣдствія.—Какъ я могу оказать ему помощь?

— Придется, видите, увозить.

Если бъ я не сдержалъ себя, я бы подпрыгнулъ до потолка.

— Увозить?—повторяю я,—то-есть какъ же это увозить? Вы подразумѣваете: увозить тайно?

— Ужъ, конечно, не явно,—отвѣчаетъ безпардонный разбойникъ.

— Кого же это, Григорій Петровичъ, надо увозить? Кто этотъ безпомощный человѣкъ?... Вѣдь вы мнѣ его еще не назвали,—го-

ворю я, напрягая всѣ свои силы, чтобы казаться спокойнымъ.— Я никогда не видалъ этого человѣка? не слыхалъ о немъ?

— Видѣли...

— Видѣлъ?—перебиваю я съ трепетомъ, который тщусь замаскировать улыбкой:—значитъ, человѣкъ знакомый. Назовите его... назовите...

— Вы вѣдь знаете, что моя тетка Бусова моритъ медленной смертью больную дѣвочку?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчаю я.

(Въ моей памяти мгновенно воскресаютъ изможденное личико и тоненькіе какъ соломинки пальчики, быстро перебирающіе вязальными спицами... Боги! неужто онъ вздумалъ увозить эту дѣвочку?)

— Какъ не знаете?—возражаетъ Григорій Ивановъ:—вы вѣдь ее видѣли, вы вѣдь говорили съ ней, дали денегъ...

— Я точно видалъ какую-то дѣвочку, которая мнѣ показалась очень болѣзненной,—отвѣчаю я,—и точно сказалъ съ ней нѣсколько словъ... Она вамъ передала нашъ разговоръ?

— Да.

И тутъ онъ! Послѣднія колебанія, если у меня еще они оставались, изчезаютъ; я весь—жажда посрамить, уничтожить, стереть съ земли безмозглаго Донъ-Кихотишку!

— Такъ вы думаете увозить эту дѣвочку?—спрашиваю я.

— Да, придется увезти,—отвѣчаетъ мнѣ юное гнѣздилище всѣхъ сумасбродствъ,—лучше ничего не придумаешь.

— Извините, Григорій Петровичъ, но, мнѣ кажется, вы избрали самое неудобоисполнимое средство выручить дѣвочку изъ бѣды.

— Отчего неудобоисполнимое? Вѣдь вы же сами говорили Марѳушѣ, что ей нечего тутъ сидѣть, что ей лучше ѣхать.

— Я?! Марѳушѣ?! Какой Марѳушѣ?!

— Дѣвочку Марѳушей зовутъ...

— Ахъ, да, да... я это говорилъ ей?... Ахъ, да, да!... Я говорилъ, но не то... не совсѣмъ то...

Творецъ міровъ! что за чашу ты мнѣ посылаешь.

— Я, признаюсь, тогда подумалъ: потѣшился баринъ болтовней, сказалъ полдесятка жалкихъ словъ, далъ рублевикъ мелочью да и былъ таковъ!... Кто же васъ зналъ! На видъ вы со всѣмъ здѣшнимъ звѣрьемъ въ большихъ ладахъ, я такъ и посчиталъ, что вы одного съ нимъ поля ягода. Кто же васъ зналъ! Не намекни вы мнѣ на Рѣшоткинскую исторію, я бы до сихъ поръ считалъ васъ дрянью!

Рѣшоткинская исторія. Что это за Рѣшоткинская исторія? Можетъ, тутъ дѣло о кражѣ со взломомъ? Можетъ, еще хуже?

— Я, кажется, на Рѣшоткинскую исторію не намекалъ,—замѣчаю я съ улыбкой.

— Какъ же! вы почти прямо сказали!

— Что же я прямо сказалъ?

— А насчетъ того, что за непроницательность можно дорого поплатиться.

— А... Такъ вы рѣшили увезти Марѳушу?

— Да, и надо бы поскорѣе все это обработать,—отвѣчаетъ безумный мальчишка такъ же спокойно, какъ будто рѣчь идетъ о прогулкѣ по своему собственному саду,— кабы завтра успѣть...

— Завтра?—прерываю я.—Это невозможно!

— Отчего невозможно?

— Не успѣемъ...

— Отчего не успѣть? Успѣемъ. Вы завтра, какъ начнетъ вечерѣть, ступайте къ Бусовой.

— Я? Къ Бусовой?

— Да, и заговаривайте ей зубы, а я тѣмъ временемъ постараюсь черезъ окно пробраться къ Марѳушѣ, возьму ее и къ Головищу; тамъ переправимся на лодкѣ, а по ту сторону будетъ ждать Ольга Алексѣевна въ кабріолетѣ.

— Ольга Алексѣевна? Неужто она рѣшится?—замѣчаю я съ сомнѣніемъ.

— Отчего же не рѣшится?—отвѣчаетъ онъ съ горячностью.— Вы ее не знаете! Она славный человѣкъ!

— Это пріятно слышать... значитъ, и кучеръ въ заговорѣ?

— Нѣтъ, она пріѣдетъ одна.

— Одна?

— Да, она вотъ уже нѣсколько дней ѣздитъ одна кататься, пріучаетъ домашнихъ.

— А!... Прекрасно, прекрасно... Такъ это рѣшено окончательно?

— Разумѣется, окончательно! Вы только смотрите, уведите Бусову въ огородъ, или въ рощу... или ужъ сидите съ ней на балконѣ, чаю, что ли, попросите... Только бы обойти эту живодерку!

— А что, она развѣ имѣетъ какія-нибудь подозрѣнія?

— Насчетъ увоза-то подозрѣній не имѣетъ, но если я попадусь ей на глаза, такъ она сейчасъ же уцѣпится за Марѳушу.

— Какъ, если вы попадетесь ей на глаза, Григорій Петровичъ? Но вѣдь вы живете въ ея домѣ?

— Жилъ, а теперь изгнанъ.

— Изгнаны? но когда же?

— А въ тотъ самый день, когда вы пріѣзжали якобы покупать ягоды. Мы вѣдь теперь только сообразили, что вы прослышали про Марѳушу и ѣздили смотрѣть, правда ли...

— Но за что же изгнаны?

— А вотъ за Марѳушу.

— У васъ, значитъ, было объясненіе на счетъ Марѳуши?

— Какъ же!

(Боги! боги!)

— Скажите, Григорій Петровичъ, кто такая эта Марѳуша? Откуда она? Есть ли у нея какіе-нибудь родные?

— Она круглая сирота, что называется безъ роду, безъ племени. Бусова получила ее въ подарокъ отъ своей сестры, которая живетъ гдѣ-то въ Курской губерніи, въ какой-то деревнѣ Зубковкѣ.

— Полноте! теперь у насъ подобныхъ подарковъ нельзя дѣлать!

— Значитъ, можно!

— Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ Бусова, вѣроятно, имѣетъ какую-нибудь бумагу... видъ на жительство, выданный дѣвочкѣ изъ мѣстной волости?

— Не знаю: вѣрнѣе, что и бумаги никакой нѣтъ.

— Сколько дѣвочкѣ лѣтъ?

— Она сама хорошенько не знаетъ. Должно быть, лѣтъ пятнадцать-шестнадцать, потому что она помнитъ пожаръ, который случился у сестры Бусовой.

— Помилуйте, Григорій Петровичъ, какія ей пятнадцать-шестнадцать лѣтъ. По росту и виду она совершенный ребенокъ.

— У нея рахитизмъ, обѣднѣніе крови, сухотка, чего хочешь, того просишь! Такъ ужъ тутъ какой же ростъ и видъ.

— Но если дѣвочка пришла къ сознанію, что ей невыносимо у Бусовой, то вѣдь она можетъ сама протестовать... обратиться къ мѣстнымъ властямъ...

— Гдѣ ей протестовать! Она боится слово сказать, пошевелиться боится!

— Однако, если она пришла къ сознанію, ей легко внушить, что бояться нечего. Среди мѣстныхъ властей есть люди, которые...

— Которые что?—съ горечью прерываетъ меня Григорій Ивановъ.

— Которые горячо заступятся... которые не допустятъ несправедливостей, притѣсненій...

— Гдѣ же это вы видали такихъ заступниковъ?

— Да вотъ Ѳеофилъ Николаевичъ Богатыревъ... Это человѣкъ, который...

— Былъ я у него, у этого человѣка, который!...

— Были?

— Былъ вчера.

— Ну, и что же? Вы говорили съ нимъ объ этомъ дѣлѣ?

— Говорилъ.

— И что же онъ?

— Перепугался и умылъ руки.

— Неужели?

— Положительныхъ,—говоритъ,—уликъ не имѣется, ясныхъ доказательствъ притѣсненія нѣтъ! А работа съ утра до вечера,—говорю ему,—одиночное заключеніе въ комнатѣ почти по двѣнадцати часовъ въ сутки—не улики, не доказательство?—Конечно,—говоритъ,—это тяжело, но это еще не истязанія,—возьмите наши фабрики, какая тамъ работа! Еще расчувствовался: какъ это грустно, что такъ плачевны условія, въ которыя поставленъ бѣдный человѣкъ, но что же дѣлать? Будемъ надѣяться на свѣтлое будущее, а я ничего не могу. Подними я бездоказательное дѣло, такъ я только лишу себя возможности приносить пользу, служа обществу; кромѣ того у меня семейство, на мнѣ лежатъ обязанности относительно моего семейства. И пошелъ на тему: жена, дѣти! дрова, свѣчи! Потомъ принялся было давать мнѣ отеческіе совѣты: поберегите, дескать, себя, молодой человѣкъ, впереди вамъ предстоитъ еще много добраго, быть можетъ, даже великаго совершить. Утѣшьтесь этимъ. Конечно, грустно за эту дѣвочку, но таковъ законъ жизни, что всѣ не могутъ быть благополучны, что непремѣнно кто-нибудь гдѣ-нибудь да страдаетъ. Успокойтесь, говоритъ, молодой человѣкъ, и выпьемъ кофейку!...

Онъ передаетъ это съ сардоническою усмѣшкою, развалясь въ креслѣ и пуская кольца папироснаго дыма, но при послѣднихъ словахъ вдругъ блѣднѣетъ, какъ платокъ, швыряетъ папироску, встаетъ и начинаетъ ходить.

Я слѣжу за нимъ глазами и начинаю сомнѣваться въ возможности благополучно съ нимъ развязаться: человѣкъ, который внезапно блѣднѣетъ отъ бѣшенства при воспоминаніи о томъ, что ему поперечили и который при этомъ не признаетъ никакихъ резоновъ, кромѣ своихъ, не безопасенъ и того гляди введетъ въ бѣду.

— Такъ что же, согласны вы завтра?—спрашиваетъ онъ, оста навливаясь и обращая на меня свои сверкающія буркалы, какъ будто увлаженныя.

— Согласенъ,—отвѣчаю я,—но...

— Что но?

— Пожалуйста, Григорій Петровичъ, вы не примите, что я желаю только отдѣлаться, какъ Богатыревъ, — говорю я,—нѣтъ, вовсе нѣтъ!... Я, повторяю, на все согласенъ, но не лучше ли попробовать устроить дѣло иначе?

— Какъ же иначе?

— Обратившись, напримѣръ, черезъ посредство вашего дяди къ Бусовой и давъ ей понять, какія непріятныя послѣдствія могутъ имѣть ея притѣсненія. Вѣдь дядя вашъ, кажется, добрый человѣкъ?

(Я говорю эту чепуху, чтобы выгадать время и собраться сколько-нибудь съ мыслями).

— Не брыкается: животное домашнее и выдрессированное!

— И такъ какъ Бусова, я слышалъ, до безумія влюблена въ мужа, то его слова...

— Влюблена, но за супротивныя слова сажаетъ въ темный чуланъ.

— Вы шутите?

— Я не шучу.

— А какъ вы думаете, меня Бусова не выслушаетъ? Я не могу на нее подѣйствовать?

— Объ этомъ и думать не стоитъ. Безполезно возиться съ этою живодеркой. Гораздо проще увезти. Такъ что-жъ, завтра?

— Ольга Алексѣевна, говорите вы, будетъ васъ ждать по ту сторону въ кабріолетѣ?

— Да. Я ее сегодня же увѣдомлю.

(Сегодня! во второмъ часу по полуночи).

— Хорошо. А потомъ?

— А потомъ прямо на станцію и въ Петербургъ.

— И Ольга Алексѣевна?

— Нѣтъ, у нея еще есть тутъ дѣла, она послѣ пріѣдетъ.

— Прекрасно... прекрасно... только не завтра, Григорій Петровичъ, завтра я никакъ не могу... У меня есть дѣло не менѣе важное, могу васъ въ томъ увѣрить... Дѣло, отъ котораго зависитъ многое... очень многое... не мое дѣло, не личное... не частное...

— По Рѣшоткинской исторіи?

— Да... оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ Рѣшоткинской исторіи... А вотъ черезъ два дня я свободенъ... и вотъ тогда...

Если бы не такое дѣло, безотлагательное, понимаете? Такъ я бы ни минуты не колебался... Вы въ этомъ, надѣюсь, не сомнѣваетесь?... Два дня не Богъ знаетъ что такое... а между тѣмъ это дастъ намъ время лучше обдумать наше предпріятіе... Такъ черезъ два дня?

— Обдумывать нечего, но коли нельзя раньше, такъ черезъ два дня,—отвѣчаетъ онъ.—А пока прощайте.

— Вы уже уходите? А сейчасъ самоваръ... Слышите, Авдотья Степановна уже чашками гремитъ на лѣстницѣ?

— Нѣтъ, ужъ прощайте.

— Вы... домой?

— Домой.

— А Ольгу Алексѣевну не увѣдомите?

— О чемъ же увѣдомлять-то? Коли дѣло отложено на два дня, такъ я еще успѣю.

— Правда, правда... А гдѣ же вы теперь живете?

— Тамъ же, въ Благодатномъ.

— Но вы вѣдь говорили, что изгнаны?

— Изгнанъ только изъ апартаментовъ, съ дозволеніемъ помѣщаться въ старой банѣ.

— Гдѣ же эта старая баня?

— Какъ разъ за садомъ.

— Если бы мнѣ понадобилось васъ видѣть, то можно пройти въ эту баню какимъ-нибудь такимъ путемъ, чтобы никому не попасться на глаза?... Иначе вѣдь рискуешь возбудить подозрѣніе... а это, значитъ, рискуешь погубить дѣло...

— Пройдите къ Головищу и тамъ переправьтесь, а потомъ зайдете отъ лѣсу, будетъ проулокъ къ саду; въ концѣ этого проулка и баня. Прощайте.

— До свиданья, Григорій Петровичъ, до свиданья... Я вамъ посвѣчу...

— Не надо.

— Нѣтъ, лѣсенка неисправна у меня...

Я схватываю свѣчу и гляжу, какъ онъ, не оглядываясь, спускается внизъ и исчезаетъ во мракѣ сада, затѣмъ возвращаюсь въ кабинетъ.

Силы небесныя! что-жъ это такое? Что выйдетъ изъ всего этого невѣроятнаго сумбура? Чѣмъ окончится все это неслыханное безуміе? Что предпринять? Не бѣжать ли самому отсюда? Непредвидѣнныя обстоятельства зовутъ... ну, хоть въ Крымъ, напримѣръ,—и конецъ! И избавлюсь я отъ всѣхъ переполоховъ и треволненій!

Но нѣтъ! Я не могу, не долженъ бросать бѣдную Ольгу на жертву этому дикому человѣку... Что-жъ дѣлать! Что предпринять?

Мысли мучительно роятся у меня въ головѣ; планы воздвигаются и валятся, какъ карточные домики; передъ моимъ умственнымъ взоромъ мелькаютъ образы то Елены Дмитріевны Чудовой, то Капитолины Ивановны Бусовой, то исправника Таранельки, сѣдого маленькаго отставного майора съ большою головой, съ черными, точно подъ лакъ, глазами и усами, въ тугомъ мундирѣ, застегнутомъ до верху, въ блестящихъ лаковыхъ сапожкахъ, какъ я его видѣлъ на именинномъ обѣдѣ у Звѣревыхъ, и каждый изъ этихъ образовъ словно манитъ къ себѣ... особенно образъ исправника Таранельки; онъ точно манитъ меня, точно говоритъ: Желаю отличиться! радъ отличиться! могу быстро и ловко... Но нѣтъ, это не годится... исправникъ Таранелька... Да и что-жъ бы это такое было? Нѣчто вродѣ доноса! Создатель! у меня умъ за разумъ заходитъ!

Что-жъ, неужто увезить эту дѣвочку Марѳушу? Вѣдь это чортъ знаетъ чѣмъ пахнетъ! И зачѣмъ, спрашивается, онъ помчитъ эту горемычную дѣвчонку въ Петербургъ?

Но умчавъ Марѳушу, онъ и самъ умчится... Ольга, говоритъ, еще должна остаться съ мѣсяцъ здѣсь (таково распоряжается Григорій Ивановъ!) и кто знаетъ... Да, пусть его себѣ мчится въ Петербургъ съ Марѳушей, это самый лучшій для меня исходъ... Не мѣшать мнѣ этому слѣдуетъ, а помогать! Да, помогать... Дѣйствуя осмотрительно, я не навлеку на себя никакого подозрѣнія въ участіи... Но если Григорій Ивановъ проболтается?... Что-жъ такое, пусть проболтается: я усмѣхнусь и пожму плечами... Репутація моя здѣсь установилась. Напрасно я отложилъ увозъ на два дня! Завтра же пойду въ старую баню и предложу ему поспѣшить.

Появленіе Авдотьи Степановны съ чайнымъ приборомъ прерываетъ мои смятенныя размышленія.

— Не надо, не надо, Авдотья Степановна, — говорю я, махая рукой.

— Какъ не надо? — возражаетъ Авдотья Степановна. — Вѣдь приказали...

— Да, да... а теперь не надо, не хочу... Уберите все это и ложитесь спать.

У меня голова разболѣлась.

— Такъ какъ же? Такъ и не будете пить?—пристаетъ глупая старуха.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—отвѣчаю я рѣзко.

— Кабы знала, не дула бы цѣлый часъ,—ворчитъ она, убирая чашки.

Эта претензія меня взрываетъ, и я еще рѣзче вскрикиваю:

— Велика бѣда, что вы дули! Что вамъ отъ того сдѣлалось? Бываютъ и не такія непріятности съ людьми, да они не ворчатъ!

— Да что-жъ вы, Андріанъ Андревичъ, чего вы?—съ изумленіемъ глядя на меня, допрашивается несносная женщина.—Вѣдь я только такъ сказала... Я не то, чтобы...

Ее прерываютъ пронзительные визги изъ сада.

Мы оба вздрагиваемъ и бросаемся къ окну: я его распахиваю настежь, но ничего не вижу, кромѣ неподвижныхъ темныхъ садовыхъ кущъ, кидаюсь внизъ по лѣсенкѣ и черезъ три секунды, запыхавшись, останавливаюсь на мѣстѣ дѣйствія, на лужайкѣ около крытой аллейки, гдѣ недавно вцѣпился въ меня, принявъ за вора, мой пропріетеръ.

— Что такое, что такое? — восклицаю я, оглядываясь по сторонамъ.

— Царица небесная! что за бѣда?—восклицаетъ Авдотья Степановна, подбѣгая вслѣдъ за мной.

Пропріетеръ мой лежитъ закинутый среди кустовъ розъ и піоновъ, какъ смятая картонная коробка, и, задыхаясь отъ бѣшенства, что-то безсвязно лепечетъ; вправо, по дорожкѣ къ выходу изъ сада, слышны спокойно удаляющіеся твердые шаги.

— Что такое, Павелъ Павловичъ? — повторяю я, подходя къ нему и желая помочь ему привстать.—Что съ вами случилось?

— Ничего, ничего!—отвѣчаетъ онъ, приподнимаясь, схватывая дубинку, откатившуюся въ сторону и запахивая свой шушунъ. — Oh, rien du tout! Ничего, кромѣ разбоя въ собственномъ саду! По вашимъ новымъ законамъ вѣдь это допускается? Vos juges de paix admettent ce procédé! Nous verrons, nous verrons!...

Онъ захлебывается. Авдотья Степановна ахаетъ и взываетъ къ Николаю Чудотворцу.

— Вы опять ошиблись, Павелъ Павловичъ, — начинаю я,— принявъ за вора...

— Я ошибся, а? Я ошибся!

Онъ хочетъ захохотать, но только взвизгиваетъ и начинаетъ судорожно икать.

— Согласитесь, Павелъ Павловичъ, что вцѣпляться въ людей, принимая ихъ, безъ всякихъ основаній, за грабителей...

— Très bien, très bien!...

— Что это еще такое, Господи Боже мой! — восклицаетъ Митродора, выбѣгая на лужайку въ наскоро накинутыхъ одеждахъ.

При видѣ Митродоры пропріетеромъ овладѣваетъ дикая ярость.

— Ты зачѣмъ сюда?—вскрикиваетъ онъ, подступая къ ней.— Зачѣмъ, зачѣмъ, а? Прочь! домой! сію минуту!

Онъ замахивается на нее дубинкой, но трясущаяся отъ бѣшенства рука не въ силахъ управить тяжелымъ орудіемъ: дубинка вырывается, летитъ назадъ и чуть не опрокидываетъ его самого.

Митродора съ глухими проклятіями спѣшитъ скрыться.

— Павелъ Павловичъ!...—говорю я.

— Je vous salue, je vous salue! — прерываетъ онъ.— До свиданья-съ! Nous nous reverrons, nous nous reverrons!

И старый шутъ, шатаясь и спотыкаясь, бѣжитъ къ своему балкону.

XI.

Cease to lament for that thou canst not help.
And study help for that which thou lament'st.
W. Shakespeare.

Я возвращаюсь въ свой кабинетъ, быстро отдѣлываюсь отъ Авдотьи Степановны, которая было осадила меня разспросами и предположеніями, сажусь у окна, съ намѣреніемъ отправиться при первыхъ лучахъ разсвѣта къ Григорію Иванову въ старую баню, погружаюсь снова во всѣ свои мучительныя сомнѣнія и колебанія, незамѣтно впадаю въ сонъ и пробуждаюсь, услыхавъ скрипъ отворяющейся двери.

Утреннее солнце ярко сіяетъ; передо мной стоитъ Авдотья Степановна и говоритъ:

— Къ вамъ Анна Павловна пожаловали въ гости.

— Анна Павловна! — вскрикиваю я, вскакивая съ кресла.

Въ полуотворенную дверь мелькаетъ сѣрое платье, черная мантилька, свѣтлый хищный глазъ и остренькій, какъ игла, носикъ.

— Да, голубчикъ, это я пришла васъ провѣдать, — раздается знакомый, преисполненный деликатной ласковости, голосъ.—Можно къ вамъ? Да не церемоньтесь, милый! Что за церемоніи съ друзьями, какъ вамъ это не грѣхъ! Ну, полноте, полноте прихорашиваться, вы для меня всячески хороши!

Я бросаю гребень, которымъ наскоро пригладилъ свою растрепавшуюся шевелюру, и усерднымъ пожатіемъ отвѣчаю на сердечное пожатіе цѣпкихъ ручекъ въ черныхъ шелковыхъ митенкахъ.

— Что это вы, милый, или нездоровы? — спрашиваетъ Анна Павловна.

— Да... немножко... — отвѣчаю я, поспѣшно придвигая ей кресло.

— Спасибо, спасибо, голубчикъ... Что-жъ это вы, бѣдненькій, мучитесь опять безсонницей? — спрашиваетъ она съ живѣйшимъ участіемъ, успѣвъ однимъ взглядомъ своихъ свѣтлыхъ глазъ обнять и пронзить, какъ буравцомъ, и меня, и всякую щелочку въ моемъ обиталищѣ.

— Да, дорогая Анна Павловна, безсонница, несносная безсонница. Вотъ уже скоро два года, какъ я не могу отъ нея избавиться...

— Бѣдненькій, бѣдненькій! Вы бы попробовали принимать на ночь валерьяновыя капли... Мнѣ помогаетъ... Ахъ, знаю я эту безсонницу!... Я вамъ сегодня же пришлю этихъ капель, голубчикъ...

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ, дорогая Анна Павловна...

— Полноте, полноте, недобрый! Вы все со мной церемонитесь, какъ чужой... Грѣхъ вамъ!... А я вчера смотрю, васъ уже нѣтъ. Спрашиваю у Ольги, гдѣ вы. Ушелъ домой, говоритъ. Я на нее ужасно напала, зачѣмъ она васъ отпустила больного пѣшкомъ...

— Вѣдь тутъ такъ близко... Не что иное, какъ пріятная прогулка...

— Да ужъ я знаю, какой вы терпѣливый, голубчикъ! Vous avez, je crois, le courage, de vous brûler à petit feu... Я увѣрена, что вы вчера ужасно утомились... Ночь была такая душная!

— Напротивъ, дорогая Анна Павловна, эта прогулка была мнѣ очень пріятна... и полезна... значительно облегчила мою головную боль... Я послѣ нея почувствовалъ себя гораздо бодрѣе... несравненно бодрѣе...

— И поэтому, милый, мучились цѣлую ночь безсонницей? — улыбается она съ милой шутливостью.

— Но, дорогая Анна Павловна, мою безсонницу вѣдь можно назвать хроническою, — возражаю я, не выказывая смущенія, — и отъ нея сразу не излѣчишься... даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ спокойной деревенской жизни, какою я теперь наслаждаюсь...

— Правда, правда, милый: разстроить здоровье легко, а воротить трудно... А что вы попрежнему довольны своимъ укромненькимъ уголкомъ?

— О, совершенно доволенъ!

— Ну, и слава Богу, милый... Слава Богу... У васъ тутъ въ

самомъ дѣлѣ премило! Un petit ermitage... Вы совсѣмъ скрыты между деревьями, утопаете въ зелени... и какъ сюда доносится запахъ розъ изъ цвѣтниковъ!

Ея глаза словно отдыхаютъ на колыхающейся листвѣ садовыхъ деревьевъ, остренькій носикъ съ отрадою нюхаетъ воздухъ, улавливая струи аромата, доносящагося съ цвѣтниковъ розъ, и она, повидимому, совершенно предана чистому наслажденію прекраснымъ утромъ, но какой-то тайный голосъ нашептываетъ мнѣ, что съ моей стороны всего благоразумнѣе будетъ сейчасъ же повѣрить ей и вчерашнюю неожиданную сцену съ Павломъ Павловичемъ, и посѣщеніе Григорія Иванова... разумѣется, процензуровавъ какъ слѣдуетъ послѣднее...

— А знаете, дорогая Анна Павловна,—начинаю я, улыбаясь,— какія вчера со мной были происшествія!

— Что, милый?... Простите, я задумалась... Вспомнилось прошлое...

И глаза ея такъ быстро и легко переполняются слезами, какъ будто кранъ отъ слезоема находится у нея въ рукахъ, спрятанный подъ черной шелковой митенкой, и ей стоитъ только его повернуть, чтобы наполнить какой угодно резервуаръ.

Я умолкаю и вздохомъ выражаю свое сочувствіе къ воспоминаніямъ о прошломъ.

— Что вы хотѣли сказать, милый? — спрашиваетъ она.

— Пустяки, дорогая Анна Павловна!

— Скажите, милый, скажите, меня все интересуетъ, что до васъ касается, вы это знаете...

— Но вы такъ грустно настроены, дорогая Анна Павловна...

— Ничего, ничего, голубчикъ... это пройдетъ. Рана моя, вы знаете, не заживаетъ и никогда не заживетъ!... Но ничего, ничего... говорите, милый, говорите!

Я еще колеблюсь, а пока происходитъ это колебаніе, она такъ же быстро и легко завертываетъ слезный кранъ, какъ передъ тѣмъ его отвернула, платочкомъ съ вышитой короной въ уголкѣ уничтожаетъ влагу на щекахъ и повторяетъ:

— Да говорите, милый, я васъ слушаю. Ну, начинайте!

— Я хотѣлъ вамъ разсказать, — начинаю я,— что за удивительныя приключенія были со мной вчера...

И я ей разсказываю о нечаянномъ для меня нападеніи Павла Павловича и, не желая пока идти далѣе, распространяюсь о тряпичномъ болванѣ, о похитителѣ ягодъ и о винѣ, настоенномъ на цѣлебныхъ спеціяхъ.

— Ахъ, голубчикъ, — вдругъ прерываетъ она меня, — я уже все это знаю. Я только не хотѣла вамъ объ этомъ говорить, боялась, что это васъ разстроитъ, огорчитъ...

— Знали?—невольно восклицаю я.—Но когда же вы узнали? Отъ кого?

— Сегодня чѣмъ свѣтъ прибѣжала къ намъ Митродора въ отчаяньи, въ слезахъ, и почти слѣдомъ за нею явился и Поль tout bouleversé, tout tremblant... Не обращайте на это вниманія, милый, и не разстраивайтесь... Я не хотѣла его слушать и прямо ему сказала, что онъ городитъ чепуху... Не огорчайтесь же, милый, прошу васъ...

— Я не огорчаюсь, дорогая Анна Павловна, — отвѣчаю я.— Чѣмъ же мнѣ огорчаться? Я вѣдь тутъ совершенно постороннее лицо...

— Конечно, конечно, голубчикъ! Я-то въ этомъ увѣрена... увѣрена вполнѣ... Но Поль вѣдь престранный. Il est fou! Онъ Богъ знаетъ въ чемъ васъ подозрѣваетъ!

— Неужто въ похищеніи ягодъ? — шучу я.

— Вообразите, голубчикъ, да! — восклицаетъ она, всплескивая руками.

Этого я никакъ не ожидалъ и нѣсколько ошеломленъ.

— Не огорчайтесь только, милый,—начинаетъ она убѣждать,— стоитъ ли огорчаться изъ-за какихъ-нибудь нелѣпыхъ бредней...

— Я не огорчаюсь, дорогая Анна Павловна, — отвѣчаю я съ улыбкою, — но, признаюсь, удивленъ... крайне удивленъ...

— Еще бы вамъ не удивляться, голубчикъ! Я въ такое негодованіе пришла, что и выразить не могу. Я прямо ему сказала: mais vous êtes fou, Paul! Comment osez vous avancer ces horreurs? Я его чуть не выгнала, голубчикъ! Я такъ взволновалась, въ такое пришла негодованіе!

— Помилуйте, дорогая Анна Павловна, — смѣюсь я,— волноваться, приходить въ негодованіе отъ подобныхъ нелѣпицъ! Подобными нелѣпицами можно только позабавиться!

— Ахъ, милый, не могу равнодушно слышать, когда осмѣливаются чернить моихъ друзей! Cela est plus fort que moi! Да еще чернить такого дорогого, милаго, умнаго, несравненнаго... Бѣдненькій вы мой! И тутъ вамъ нѣтъ покою! И тутъ васъ мучатъ!

Она схватываетъ меня ладонями за голову и въ сердечномъ благородномъ увлеченіи цѣлуетъ въ макушку, восклицая:

— Бѣдненькій! бѣдненькій! Никто васъ не понимаетъ! Oh, c'est affreux! c'est affreux! Pauvre cher ami!

Въ знакъ признательности за горячее участіе, я цѣлую обѣ ея черныя шелковыя митенки, но во мнѣ начинаетъ пошевеливаться какое-то непріятное чувство.

— Успокойтесь, дорогая Анна Павловна!—говорю я тѣмъ спокойно авторитетнымъ тономъ и съ тою ласковою самоувѣренною улыбкой, какими отличается рѣчь благоразумнаго человѣка, тронутаго испугомъ любящаго младенца и убѣждающаго, что его, благоразумнаго человѣка, волкъ не можетъ съѣсть, какъ съѣлъ бабушку «Красной Шапочки». Меня подобныя буффонады искренно забавляютъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, вы слишкомъ добры, слишкомъ терпѣливы! Оттого вы и страдаете! Я не могу этого равнодушно переносить! Tenez, mes mains sont froides... И сердце ужасно бьется... Paul est mon frère, mais dans ce moment je l'abhorre... Вы не знаете, онъ выдумалъ цѣлую исторію! И какую исторію!...

— Цѣлую исторію?—улыбаюсь я попрежнему.

— Да, да, милый, и какую исторію! Oh je l'abhorre!

— Разскажите же, дорогая Анна Павловна, эту исторію: она, должно быть, прелюбопытная.

— Oh, cher ami, je n'ose pas! C'est une si vilaine histoire! Невѣроятныя выдумки, милый!

— Чѣмъ невѣроятнѣй, тѣмъ интереснѣй, дорогая Анна Павловна,—настаиваю я:—я люблю игру фантазіи...

— Vous l'exigez, милый?

— Прошу васъ...

— Но дайте мнѣ слово, что сохраните въ тайнѣ все, что я вамъ скажу... Даете, милый?

— Съ удовольствіемъ, дорогая Анна Павловна.

— Du reste, il vaut peut être mieux que vous soyez averti... Только вы, голубчикъ, не огорчайтесь!

— Помилуйте, Анна Павловна, развѣ возможно тутъ огорчаться!

— Вообразите, милый, онъ хочетъ писать къ губернатору... знаете, вродѣ жалобы на васъ... Я, началъ меня увѣрять, имѣю доказательства! Я представлю доказательства!

— Ха, ха, ха!

— Vous êtes fou, Paul!—говорю я съ негодованіемъ,—какія доказательства, что за глупости! taisez vous! C'est honteux! c'est vilain! У меня есть несомнѣнныя доказательства,—твердитъ,—и показываетъ мнѣ листикъ...

— Какой листикъ? Ха, ха, ха!

— Вишневый листикъ, голубчикъ... листикъ съ вишневаго деревца... Вобразите милый, онъ клянется, будто нашелъ его у васъ въ карманѣ!

— У меня въ карманѣ? Ха, ха, ха! Прелесть, прелесть!

— Ахъ, милый, il est si perfide! Онъ васъ вѣдь нарочно зазвалъ къ себѣ и когда вы, бѣдный, ничего не подозрѣвали, обыскалъ ваше пальто! C'est un monstre!

(Я вдругъ припоминаю, какъ полоумный старикашка убѣгалъ съ моимъ пальто во внутренніе покои и какъ завертѣлся, увидавъ, что я поправляю вывороченный карманъ, котораго онъ, впопыхахъ, вѣроятно, не успѣлъ привести въ порядокъ послѣ обыска).

— Ха, ха, ха!—прерываю я своего друга.—Я теперь припоминаю, что Павелъ Павловичъ чуть не со слезами молилъ меня снять пальто и убѣжалъ съ нимъ... и потомъ, когда я уходилъ, я замѣтилъ, что карманъ у меня вывернутъ и что Павелъ Павловичъ какъ будто этимъ сконфузился. Но я тогда не обратилъ на это вниманія... Кто же могъ предполагать? Ха, ха, ха! Прелесть!

— Я тоже посмѣялась, милый. Je lui dis: что ты можешь доказать своимъ вишневымъ листикомъ? finissez vos bêtises! Начинаетъ спорить, что у него есть еще другія доказательства... Что будто бы вы, милый, отводите ему глаза, что будто нарочно освѣщаете свой кабинетъ, чтобы обмануть его, будто вы дома... Потомъ увѣряете, что у васъ не было и нѣтъ свѣта въ окнѣ... А онъ будто побѣжалъ въ гостиную и увидалъ, что у васъ въ окнѣ свѣтъ... У него въ гостиной есть гдѣ-то такой уголокъ, откуда видно ваше окно et il s'est arrangé un observatoire dans ce coin...

— Припоминаю, припоминаю! — продолжаю я смѣяться. — Такъ вотъ зачѣмъ онъ вдругъ бросился въ гостиную! Ха, ха, ха! Да это русскій Видокъ!

— И потомъ будто онъ нарочно пошелъ васъ провожать, чтобы еще разъ уличить—quelle petitesse! и будто уличилъ... будто вы не нашлись, что отвѣтить и начали все сваливать на кухарку, что она безъ вашего позволенія освѣтила кабинетъ...

— Прелесть, прелесть!... Ха, ха, ха!

— Я просто вся дрожала отъ негодованія, милый. И знаете, еще что выдумалъ?

— Не могу себѣ представить ничего выше слышаннаго, дорогая Анна Павловна, рѣшительно не могу!

— Онъ увѣряетъ, что вы... que vous êtes amoureux de Митродора... que vous voulez la séduire...

Я перестаю смѣяться и меня вдругъ взрываетъ.

— Однако, это уже слишкомъ!—говорю я сдержанно, но невольно вспыхиваю отъ гнѣва,—это ужъ переходитъ всякіе предѣлы!

— Oh, c'est ignoble—восклицаетъ Анна Павловна.—Онъ воображаетъ, что его Митродора сокровище. Et cette créature vous accuse aussi.

— Какъ?—восклицаю я, привскакивая въ креслѣ.—Она меня обвиняетъ? Въ чемъ?

— Прибѣжала къ нашей Анфисѣ съ рыданіями, съ воплями—вѣдь наша Анфиса ей тетка...

— Но въ чемъ же она меня обвиняетъ?

— Вы ей будто бы всегда кланяетесь... заговариваете... намекаете... Ужъ право не знаю, милый, я вѣдь, конечно, ее не разспрашивала... Будто она всегда оставалась къ вамъ холодна, вы разсердились за эту холодность и наговорили Полю, что она промѣняла его на дьячка Савелья... un tas d'abominables mensonges, cher ami... Я не хочу вамъ пересказывать...

Я чувствую, что послѣднее хладнокровіе меня покидаетъ; въ ушахъ у меня начинается какой-то шумъ и звонъ, сердце принимается стучать.

— И вообразите, милый,—продолжаетъ Анна Павловна,—до чего доходитъ безуміе Поля: онъ теперь стережетъ каждый вашъ шагъ... Онъ вездѣ разставилъ свою стражу... Кондрашка, крестникъ Митродоры, подстерегаетъ васъ по дорогѣ въ Чудовку, гдѣто въ березникѣ, скотникъ Пахомъ по дорогѣ къ намъ... садовникъ поставленъ въ кустахъ около Головищенскаго лѣска, а староста сидитъ во ржи, караулитъ, не вздумаете ли вы въ городъ, или къ Краснопѣвцевымъ, или къ Морошкину... Однимъ словомъ, милый, васъ стерегутъ со всѣхъ сторонъ... сторожатъ каждый вашъ шагъ.

Мысленно благословляя проклинаемый передъ тѣмъ сонъ, нечаянно помѣшавшій мнѣ отправиться на разсвѣтѣ въ старую баню къ Григорію Иванову, я овладѣваю своими чувствами и говорю Аннѣ Павловнѣ:

— Я полагаю, дорогая Анна Павловна, что мнѣ слѣдуетъ пойти и объясниться съ Павломъ Павловичемъ.

— Что вы, милый, что вы! Боже сохрани!—восклицаетъ она съ тревогой.—Ради Бога, не дѣлайте этого!... Умоляю васъ, голубчикъ!... И съ какой стати вы пойдете съ нимъ объясняться? Вѣдь онъ вамъ ничего не говорилъ. Онъ открылъ это мнѣ, какъ сестрѣ, подъ секретомъ, и не люби я васъ до такой степени, я бы

вамъ ни за что на свѣтѣ не сказала. Ради Бога, милый! Вы вѣдь дали мнѣ слово сохранить въ тайнѣ, что я вамъ скажу... J'ai votre parole...

— Но, дорогая Анна Павловна,—возражаю я,—вы, надѣюсь, сами захотите освободить меня отъ этого даннаго вамъ слова; вы понимаете, въ какомъ... въ какомъ странномъ положеніи я теперь очутился.

— Ахъ, все это уладится, милый, все уладится!—съ жаромъ убѣждаетъ она.—Только вы не разстраивайтесь... не показывайте виду, что вы что-нибудь подозрѣваете, что-нибудь знаете... я уломаю Поля... Je saurai le ramener à la raison... Положитесь на меня, голубчикъ... только положитесь на меня, на вашего друга, который о васъ больше думаетъ и заботится, чѣмъ о самой себѣ...

— Однако, дорогая Анна Павловна...

— Положитесь на меня, милый,—прерываетъ она,—положитесь на меня! Я сегодня же пойду къ Полю, сегодня же уломаю его... Не волнуйтесь, голубчикъ. Я сегодня же... Тсъ! кто-то, кажется, идетъ къ вамъ... Слышите?... Je compte sur votre parole, cher ami... Кто бы это?

Меня бросаетъ въ жаръ: ужъ не Григорій ли Ивановъ вздумалъ снова пожаловать? Интересная бесѣда приняла такое направленіе, что я могъ совершенно естественно забыть о вчерашнемъ ночномъ гостѣ, и Анна Павловна, если она уже провѣдала и объ этомъ приключеніи, не могла претендовать на меня за скрытность... А можетъ-быть она еще и не провѣдала: неизвѣстно, узналъ ли старый полоумный селадонъ лицо, швырнувшее его въ кусты... и вотъ теперь треклятый нахалъ явится и еще новая скандальная исторія на шею!

— Не понимаю, кто можетъ посѣтить меня въ такую раннюю пору,—говорю я, повертываясь съ тайнымъ замираніемъ къ дверямъ, между тѣмъ какъ вышеизложенныя мысли проносятся въ моей головѣ...

— Слышите? спрашиваютъ что-то у Авдотьи...—шепчетъ Анна Павловна, вытянувъ шею, поднявъ вверхъ тонкія бровки и сжавъ въ ниточку губы,—поднимаются по лѣстницѣ... Je compte sur votre parole...

— Дома? принимаютъ?—раздается дружески шутливый голосъ, и на порогѣ показывается генеральша Болотникова въ бѣломъ капотѣ съ буфами, въ чепцѣ съ зелеными лентами, съ палевымъ зонтикомъ въ рукахъ, разбухшая, раскраснѣвшаяся подъ теплыми

лучами утренняго солнца и вся усѣянная, какъ блестками, капельками пота.

Никогда появленіе ея не было для меня пріятнѣе!

— Ахъ, Серафима Павловна, какъ я вамъ благодаренъ! какъ вы добры! — восклицаю я, вскакивая, пожимая ей руки и спѣша подкатить кресло. — Садитесь, дорогая Серафима Павловна... Вы устали?... Не прикажете ли воды съ вишневымъ морсомъ? Вотъ, благодаря добрѣйшей Аннѣ Павловнѣ, у меня превосходный вишневый морсъ...

Я спѣшу прибавить благодарность Аннѣ Павловнѣ, потому что при появленіи сестры по лицу ея какъ будто пробѣгаетъ облако, а изъ глазъ вылетаетъ молнійка—и облако и молнійка, правда, мгновенно исчезаютъ, и она привѣтствуетъ прибывшую столь крѣпкимъ сердечнымъ объятіемъ и поцѣлуемъ, что у той на массѣ, прикрытой бѣлымъ капотомъ съ буфами, и на пухлыхъ губахъ на нѣсколько секундъ остаются, какъ на рыхломъ тѣстѣ, углубленія, но я уже достаточно постигъ политику N—скаго уѣзда и знаю, что лишняя любезность никогда повредить не можетъ, а самомалѣйшее упущеніе по этой части грозитъ всякими невзгодами.

— Мегсі, мегсі, несравненный вы мой Андріанъ Андреевичъ,— отвѣчаетъ генеральша Болотникова, — мегсі! Здравствуй, Нуша! А я къ тебѣ заходила, думала вмѣстѣ совершить пелеринажъ сюда.

— Ахъ, милая, какъ жаль, что я не знала! — восклицаетъ Анна Павловна.—Я бы тебя подождала!

— Мегсі, мегсі, — повторяетъ мнѣ генеральша, опускаясь въ подкаченное мною кресло, тяжело дыша и отирая лицо и шею носовымъ платкомъ.

— А воды съ вишневымъ морсомъ?—напоминаю я.

— Ну, хорошо, дайте,—соглашается генеральша.—Quelle chaleur, bon Dieu! c'est à etouffer!

Я кидаюсь къ графину съ водой, хватаю бутылку съ вишневымъ морсомъ и начинаю приготовлять прохладительное питье.

— Такъ ты заходила къ намъ, Фима? — спрашиваетъ Анна Павловна.

— Заходила,—отвѣчаетъ генеральша Болотникова.—Ты сегодня вмѣстѣ съ Авророй поднялась! Спрашиваю Анфису: гдѣ Анна Павловна? Еще въ седьмомъ часу изволили уйти, говоритъ.

— Да, да, я сегодня рано поднялась... Такъ ты никого у насъ не видала?

— Видѣла и Кирилла и Мефу, да они въ такихъ ажитаціяхъ,

что меня почти и не замѣтили! У васъ тамъ суета страшная: цѣлый возъ мальчишекъ привезли изъ школы...

— Ah! ne m'en parle pas, ma chère! — вздыхаетъ Анна Павловна.

— Да, пожалѣла я тебя, бѣдную! — продолжаетъ генеральша Болотникова. — Ни, думаю-таки, не избѣжать, видно, Нушѣ этой чаши! Всѣ двери въ домѣ настежь, люди суетятся, какъ угорѣлые, Кириллъ и Мефа красные, какъ вареные раки, летаютъ по двору съ глобусами, сами таскаютъ скамейки... Чуть ли не сами вымели избу для ненаглядныхъ гостей. И въ такой, кажется, теперь неразрывной дружбѣ... Какъ скоро! думаю, еще вчера въ Чудовкѣ за ужиномъ едва не затѣяли ссоры, а сегодня ужъ вмѣстѣ избу метутъ!... Mercі, mercі, несравненный вы мой!

Послѣдняя фраза относится ко мнѣ, преподносящему стаканъ воды съ вишневымъ морсомъ.

— Слышите, голубчикъ,—обращается ко мнѣ Анна Павловна:— къ намъ, въ Каменку, цѣлая орда нахлынула! Одно у меня утѣшенье—тихій уголокъ, да и того не суждено! Теперь мнѣ тамъ покою не будетъ!

— Какіе это мальчики?—спрашиваю я.

Я очень хорошо знаю, что эти мальчики изъ городской школы, директоромъ и наставникомъ-любителемъ которой состоитъ Кириллъ Звѣревъ, но, съ одной стороны, намѣреніе Кирилла Звѣрева потѣшить своихъ учениковъ, по моему убѣжденію, похвально, а съ другой стороны я не желаю никоимъ образомъ возражать Аннѣ Павловнѣ, и потому предлагаю вышеприведенный уклончивый вопросъ.

— Да все тѣ же, cher ami, — отвѣчаетъ генеральша Болотникова,—изъ Кирилловой школы. Вѣдь мы теперь влюблены въ эту школу, боготворимъ каждаго школьнаго замарашку...

— Но, я полагаю, эти мальчики вѣдь не надолго пріѣхали въ Каменку?—замѣчаю я.

— Ахъ, голубчикъ, вѣрно, на цѣлое лѣто! —вздыхаетъ Анна Павловна.

— Безъ сомнѣнья на цѣлое лѣто,—подтверждаетъ генеральша Болотникова.—Ужъ мы какъ начнемъ чудодѣйствовать, такъ чудодѣйствуемъ вволю, до сыта! Nous nous en donnons à coeur joie... Но наши чудодѣйства не новость... tout ça, c'est vieux... А вотъ вы, проказникъ, разскажите-ка свои приключенія!—обращается она ко мнѣ, лукаво примаргивая своими голубыми, какъ незабудки, заплывшими жиромъ глазками,—разскажите-ка ваши prouèsses! Хе-хе-хе!

— Мои приключенія, Серафима Павловна?—улыбаюсь я.

Что-жъ мнѣ остается, какъ не улыбаться, хотя внутренно я чуть не лѣзу на стѣну отъ злости.

— Да ваши, ваши, проказникъ! Хе-хе-хе!

— Вы, любезная Серафима Павловна, кажется, знаете о нихъ больше моего,—отшучиваюсь я.

— Какъ же, какъ же! Сегодня мы всѣ еще покоились въ объятьяхъ Морфея, какъ вдругъ прибѣгаетъ жертва вашего коварства, qui jette feu et flamme... Каковъ, думаю, мой скромникъ Андріанъ Андреевичъ! каковъ мой пустынникъ! Il désole les amoureux, il ravage les jardins, il enlève les belles! Поди, вѣрь послѣ этого вашему смиренію! Послѣ этого полагайся на ваше чистосердечіе! Что же это вы надѣлали, безжалостный вы этакій! Comment avez vous le courage de désunir ces deux coeurs? Ah, homme sans entrailles! Какъ же это вы рѣшились посягнуть на такое старое голубиное гнѣздо? Какъ у васъ хватило духу...

— Не шути, Фима,—прерываетъ Анна Павловна,—его, бѣдненькаго, огорчаетъ эта глупая исторія!

— Огорчаетъ? Le repentir?... Хе-хе-хе!

— Прежде всего изумляетъ,—начинаю я.

— Огорчаетъ, огорчаетъ, — перебиваетъ меня Анна Павловна.—Побрани-ка его хорошенько, Фима, скажи, что подобными вещами не стоитъ волноваться... Меня онъ не слушаетъ... Вообрази, хотѣлъ идти объясняться съ Полемъ! Насилу я удержала.

— Что вы, что вы, cher ami!—говоритъ генеральша Болотникова. — Неужто вы въ самомъ дѣлѣ это приняли такъ къ сердцу? Allons, pas de folies, иначе я подумаю, что вы и точно обуреваемы страстью...

— Извините, любезная Серафима Павловна,—отвѣчаю я,—и вы, любезная Анна Павловна, но я съ вами въ этомъ случаѣ не могу согласиться: я полагаю, что мнѣ слѣдуетъ непремѣнно объясниться съ Павломъ Павловичемъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ!—прерываетъ Анна Павловна.

— Un duel?— хихикаетъ генеральша Болотникова. — Ахъ вы крокодилъ! отняли у него любовь безцѣнной дульцинеи и еще хотите отнять жизнь!

— Я со вчерашняго вечера смотрю на Павла Павловича какъ на... какъ на больного,—продолжаю я, подавляя дикое, но страстное желанье пустить бутылкой вишневаго морса въ колышащуюся передо мной отъ хихиканья жирёху.—И потому вы можете быть

совершенно спокойны, объясненіе мое не будетъ имѣть характера воинственнаго... я хочу только ему...

— Нѣтъ, нѣтъ!—снова прерываетъ Анна Павловна.—Ни за что на свѣтѣ. Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ! J'ai votre parole!... И какъ вы начнете съ нимъ объясняться, милый? Вѣдь онъ вамъ ничего не говорилъ... онъ мнѣ сказалъ подъ секретомъ... вѣрно и тебѣ тоже подъ секретомъ, Фима?

— Подъ строжайшимъ!—отвѣчаетъ генеральша Болотникова.

— И охота вамъ, дорогой вы мой, чтобы все это разнеслось по уѣзду!—продолжаетъ Анна Павловна,—чтобы глупые сплетники повсюду о васъ трубили!

— Но, Анна Павловна...

— Положитесь на насъ съ Фимой, милый, мы все это уладимъ, потушимъ!... Правда, Фима?

— Конечно, конечно, — благосклонно отвѣчаетъ генеральша Болотникова.

— Я уже приказала Анфисѣ никому ни слова объ этомъ,—на чее можно положиться, милый, elle m'est très devouée, и припугнула Митродору, чтобы не смѣла болтать... Ты вѣдь, Фима, уже предупредила своихъ, чтобы не болтали? — обращается она къ генеральшѣ Болотниковой.

— Конечно, конечно,—отвѣчаетъ генеральша Болотникова.— Да никто и не слыхалъ, кромѣ Александры Никаноровны... Знаете, этой бѣдной капитанши, которую мы пріютили, а она не выдастъ: elle m'est très devouée aussi...

— А сегодня же ввечеру мы съ Фимой отправимся къ Полю, милый, и вмѣстѣ образумимъ его,—продолжаетъ Анна Павловна,— правда, Фима?

— Конечно, конечно, cher ami,—говоритъ генеральша Болотникова.— Мы его усмиримъ, безцѣнный вы нашъ Андріанъ Андреевичъ, будьте покойны, и все это затихнетъ... забудется... Выручимъ... выручимъ...

Старый барабанъ говоритъ это такимъ тономъ, словно дѣло идетъ не о безобразно, чудовищно оклеветанномъ человѣкѣ, а о попавшемся впросакъ бутилѣ, котораго ей, по своей неизреченной добротѣ, угодно «выручать!»

— C'est entendu, c'est entendu!—прибавляетъ Анна Павловна.— Успокойтесь же, милый, и больше не думайте объ этомъ, не разстраивайте себя... Tout s'arrangera...

И у этой гарпіи точно такой же тонъ!

— Я вамъ чрезвычайно признателенъ, дорогая Анна Павлов-

на,—отвѣчаю я съ улыбкой,—и вамъ, дорогая Серафима Павловна, но я прошу у васъ, какъ милости, не утруждать себя никакими хлопотами обо мнѣ... Я уѣздныхъ сплетенъ не боюсь...

— Ахъ, милый, вы опять за свое!—съ упрекомъ восклицаетъ Анна Павловна.

— Pas de folies, pas de folies! — тоже восклицаетъ и тоже съ упрекомъ генеральша Болотникова и при этомъ мило грозитъ мнѣ жирнымъ, гладкимъ и мягкимъ, какъ дождевой червь, пальцемъ.

— Право, любезная Серафима Павловна,—замѣчаю я шутливо,—вы говорите это такимъ тономъ, какъ будто и сами считаете меня виновнымъ и въ похищеніи ягодъ, и въ посягательствѣ на сердце прекрасной Митродоры.

— О, я снисходительна,—отвѣчаетъ она,—je ne fais que passer l'éponge sur les fautes de mes amis.

— Перестань шутить, Фима!—восклицаетъ Анна Павловна,—твои шутки его разстраиваютъ... погляди, даже въ лицѣ, бѣдненькій, измѣнился!...

— Безцѣнный вы мой, Андріанъ Андреевичъ, что это? Да вы въ самомъ дѣлѣ волнуетесь?—говоритъ генеральша Болотникова.—Полноте, полноте!

— Знаешь что, Фима?—говоритъ Анна Павловна:—его ни за что нельзя теперь оставлять одного, ни за что! Уведемъ его съ собой въ Каменку... Вѣдь ты сегодня у насъ обѣдаешь?

— У васъ, у васъ,—отвѣчаетъ генеральша Болотникова и обращается ко мнѣ:—Позволяете васъ похитить?

— Съ величайшимъ бы удовольствіемъ отправился въ Каменку,—отвѣчаю я,—но, къ сожалѣнію, сегодня никакъ не могу.

— Отчего не можете, милый?—восклицаетъ Анна Павловна.

— Не могу, дорогая Анна Павловна...

— Вы куда-нибудь собираетесь, милый?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, нѣтъ, никуда не собираюсь...

— Ожидаете кого-нибудь?—спрашиваетъ генеральша Болотникова.

— Никого не ожидаю...

— Такъ что же вамъ мѣшаетъ?—восклицаютъ онѣ въ одинъ голосъ.

— Я долженъ отвѣтить на нѣкоторыя письма, — лгу я, не сморгнувъ,—на дѣловыя письма...

— Завтра напишите, что значитъ одинъ день?—говоритъ генеральша Болотникова.

— Я уже и то долго откладывалъ,—продолжалъ я лгать,—дольше невозможно...

— Ну, пишите свои письма, милый,—говоритъ Анна Павловна,—а мы васъ подождемъ... Мы вамъ мѣшать не будемъ... мы пока погуляемъ по саду... А когда вы окончите писать, вы выйдите къ намъ въ садъ... Фима, оставимъ его писать,—обращается она къ генеральшѣ Болотниковой,—пойдемъ въ зеленую бесѣдку посидимъ... Пишите, милый, пишите!...

Она поспѣшно расправляетъ свои черныя шелковыя митенки, торопливо обдергиваетъ мантильку и устремляется къ дверямъ, повторяя:

— Пойдемъ, Фима, пойдемъ... не будемъ ему мѣшать...

— Хорошо, хорошо, — отвѣчаетъ генеральша Болотникова, приподнимаясь съ кресла и протягивая руки къ палевому зонтику.

— Анна Павловна, Серафима Павловна, за что же вы хотите меня лишить своего общества? Да я лучше брошу всякія письма... Богъ съ ними, говоря по правдѣ, я и не чувствую сегодня расположенія писать... Меня тянетъ въ Каменку...

(Меня такъ же туда тянетъ, какъ на рожонъ, но все же предпочтительнѣй быть гостемъ въ Каменкѣ, чѣмъ заключить себя въ собственномъ жилищѣ, которое оцѣпляютъ два неусыпныхъ аргуса и куда того и гляди можетъ пожаловать Григорій Ивановъ и обрушить на вашу голову новый нестерпимый скандалъ.)

— И прекрасно!—одобряетъ генеральша Болотникова.

— Давно бы такъ, милый!—восклицаетъ Анна Павловна.

Спустя нѣсколько минутъ я схожу бокомъ съ своей узенькой лѣсенки, подавая правую руку быстроногой Аннѣ Павловнѣ, которую пропускаю впередъ, а лѣвою поддерживаю грузную генеральшу Болотникову, которая спускается за мной.

— Кушать дома не будете?—спрашиваетъ меня Авдотья Степановна, заслышавшая наши шаги и выглядывающая изъ своей каморки около кухни.

— Не будетъ, не будетъ,—отвѣчаетъ ей за меня Анна Павловна.

Мы направляемся по саду, по аллеѣ, ведущей къ выходу на лѣсную дорогу въ Каменку.

— Смотрите, смотрите!—говоритъ мнѣ генеральша Болотникова, примаргивая на балконъ и окно моего пропріетера,—спустилъ всѣ маркизы и сторы! Вѣдь это, чтобы оградить прекрасную измѣнницу отъ огня вашихъ побѣдоносныхъ взоровъ! Хе, хе, хе!

— Онъ теперь сидитъ у котораго-нибудь окна въ засадѣ и под-

стерегаетъ! — говоритъ Анна Павловна. — Quelle bassesse! И какъ онъ разгнѣвается на насъ съ тобой, Фима, когда увидитъ насъ вмѣстѣ съ нашимъ другомъ!

— Ah, je m'en moque! — отвѣчаетъ генеральша Болотникова.

— Можетъ гнѣваться сколько угодно! — продолжаетъ Анна Павловна. — Онъ меня очень мало знаетъ, если воображаетъ, что я могу когда-нибудь измѣниться къ своимъ друзьямъ!... Дайте мнѣ руку, милый! — прибавляетъ она съ благороднымъ мужествомъ и негодованіемъ, — пусть его смотритъ, какъ мы съ вами идемъ!

Она схватываетъ меня подъ руку.

— Да, да, пусть его смотритъ! — повторяетъ генеральша Болотникова и схватываетъ меня подъ другую руку.

Я выражаю обѣимъ чувство признательности, и мы тройкой проходимъ мимо пустого балкона со спущенными маркизами и оконъ, закрытыхъ вплотную сторами.

Утро великолѣпное, лѣсъ благоухаетъ, звенитъ пѣньемъ, чириканьемъ, жужжаньемъ, лѣсная дорога испещрена чуть-чуть движущимся золотомъ солнечныхъ лучей, проникающихъ сквозь едва шелестящую листву темно-зеленыхъ вѣтвей.

Но во мнѣ кипитъ желчь, и ликованье равнодушной природы только возбуждаетъ во мнѣ мрачное раздраженіе.

Покорный своей злополучной участи, маскируя душевныя муки любезными улыбками и неустаннымъ сочувственнымъ вниманіемъ въ выслушиваніи изліяній по поводу людской низости вообще и нѣкоторыхъ знакомыхъ въ частности, я веду своихъ истязательницъ въ Каменку, тайно обдумывая, подъ какимъ предлогомъ мнѣ оттуда вырваться тотчасъ послѣ обѣда, — вырваться и устремиться въ Чудовку.

Я рѣшилъ, что мнѣ всенепремѣнно слѣдуетъ поспѣшить въ Чудовку. Голосъ благоразумія шепчетъ мнѣ: не лучше ли, при настоящихъ обстоятельствахъ, пообождать, обсудить планъ дѣйствій на досугѣ?... Но я голосу благоразумія не внимаю... не хочу внимать.

XII.

> Отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей. Уподобихся неясыти пустынней, бых яко нощный вранъ на пирищи. Бдѣхъ, и бых яко птица особляющаяся на здѣ. Весь день поношаху мя врази мои и хвалящій мя мною кляняхуся. Зане пепелъ яко хлѣбъ ѣдяхъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ...
>
> *CII псаломъ Давида.*

— Вотъ мы и добрались! — говоритъ Анна Павловна, когда мы, наконецъ, достигаемъ тѣнистаго Каменскаго сада.

— Ah, Dieu mercі! — отдувается генеральша Болотникова,— j'étouffe!

— А вы очень устали, милый?—обращается ко мнѣ Анна Павловна.—Бѣдненькій, какое у васъ измученное лицо! Что головка ваша дорогая не разболѣлась опять отъ этой несносной жары?

— Нѣтъ, дорогая Анна Павловна, — спѣшу я отвѣтить, — нѣтъ... я чувствую себя очень хорошо.

(Очень хорошо, не говоря уже о томъ, что я свинтилъ себѣ шею, повертывая во все продолженіе пути лицо то къ спутницѣ на правой рукѣ, то къ спутницѣ на лѣвой, что отъ любезныхъ улыбокъ имъ обѣимъ у меня онѣмѣли челюсти, я еще долженъ былъ, по выходѣ изъ лѣса, волочить ихъ съ полверсты подъ палящимъ солнцемъ, причемъ генеральша раскисла, какъ чортъ знаетъ что, начала спотыкаться, тянуть меня назадъ, налегать на меня, словно горячая лавина жирнаго тѣста, между тѣмъ какъ Аннѣ Павловнѣ томительный зной придавалъ прыти, и она дергала меня впередъ... Очень хорошо!)

— Я васъ проведу боковой аллейкой,—говоритъ Анна Павловна, оставляя мою руку и сворачивая съ главной аллеи, ведущей къ балкону, на дорожку между стриженными акаціями,—тутъ мы никого не встрѣтимъ и спокойно пройдемъ ко мнѣ, а тамъ всегда по утрамъ гуляетъ Бородинская... Она никогда не удаляется отъ главной аллеи, elle n'aime pas la nature...

— О, поэзія не для нея придумана!—прибавляетъ генеральша Болотникова.

(Она чуть переставляетъ ноги, глаза ея закрыты, пухлыя губы свернуты въ трубочку, и изъ нихъ вылетаетъ, вмѣсто обыкновеннаго человѣческаго дыханія, нѣчто среднее между шипѣніемъ и свистомъ, она совершенно повисла на моей рукѣ и чуть не до земли пригнетаетъ меня своимъ горячимъ жирнымъ бокомъ.)

— О, да!—отвѣчаетъ Анна Павловна, идя впередъ.— А ты знаешь, онъ пріѣхалъ.

— Пріѣхалъ?—повторяетъ генеральша Болотникова.

— Да, вчера поздно вечеромъ,—отвѣчаетъ Анна Павловна.— Вотъ вы его увидите, милый, сегодня за обѣдомъ,—обращается она ко мнѣ.

— Бородинскаго?—спрашиваю я.

— Да... и скажете намъ, какъ онъ вамъ понравится.

— Ахъ, Нуша!—возражаетъ генеральша Болотникова,—какъ будто ему можетъ понравиться Бородинскій, такой сухой непріятный эгоистъ! Il n'a rien pour lui, ni manières, ni figure, ni esprit! Надо

быть Екатериной Николаевной, чтобы не утопиться, живя съ подобнымъ мужемъ! Да и Екатерина Николаевна, и та имъ тяготится!

— Да, онъ не въ ея вкусѣ: ужъ совсѣмъ не аристократъ! — говоритъ Анна Павловна.— Знаете, голубчикъ,— обращается она ко мнѣ, — она заклятая аристократка!

— Неужели? — слабо произношу я.

— Во время крымской войны и во время французской она только и дѣлала, что все сокрушалась, сколько погибаетъ изъ знатныхъ фамилій... Помнишь, Фима?

— Чего-жъ ты отъ нея хотѣла? — отвѣчаетъ генеральша Болотникова.—Ce n'est pas une femme, c'est une machine!

— Знаете, милый... — начинаетъ Анна Павловна.

Но ее прерываетъ звонкій прелестный дѣтскій смѣхъ и рѣзвый топотъ маленькихъ ножекъ.

— Это ея Соня! — шепчетъ Анна Павловна, оборачиваясь къ намъ, — c'est elle!

— Ай, ай, ай! — весело вскрикиваетъ дѣтскій голосъ.

Мы дѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ, и направо, на зеленой лужайкѣ, глазамъ нашимъ представляется Бородинская, у которой въ рукахъ бьется кудрявая бѣлокурая дѣвочка.

— Elle gate sa fille!—шепчетъ мнѣ Анна Павловна.—Она позволяетъ ей все на свѣтѣ!

Увидавъ насъ, Бородинская выпускаетъ изъ рукъ дѣвочку, оправляетъ платье и поднимаетъ съ травы зонтикъ.

— Нѣтъ, ты все-таки не поймала, не поймала, не поймала!— кричитъ дѣвочка, перебѣгая черезъ лужайку и скрываясь за кустами. — Лови! лови! лови!

— Encore bonjour, chère amie,—привѣтствуетъ Анна Павловна Бородинскую.—А мы изъ Звѣревки пѣшкомъ! Умираемъ отъ усталости!

— Bonjour, Кисинька!—говоритъ генеральша Болотникова— Quelle chaleur! Пойдемте съ нами пить кофе... какъ когда-то, au bon vieux temps!

— Да, да, пойдемте, милая, — говоритъ Анна Павловна.

— Благодарю, я уже пила кофе, — отвѣчаетъ Бородинская, обмѣниваясь со мною поклономъ.

— Ну, не хотите кофе пить, посидите такъ съ нами, — настаиваетъ генеральша Болотникова.—Je ne vous vois presque pas!

— Пойдемте, пойдемте, милая! — говоритъ Анна Павловна,— я васъ не отпущу...

Рука въ черной шелковой митенкѣ проскальзываетъ, какъ ужъ, подъ руку Бородинской и увлекаетъ ее за собой.

Наконецъ мы въ гостиной, и я благословляю архитектора, устроившаго ее такимъ высокимъ, обширнымъ, прохладнымъ покоемъ, съ громадными дверями и окнами.

Генеральша Болотникова сваливается на кушетку и указываетъ мнѣ мѣсто возлѣ себя. Я повинуюсь и придвигаю свое кресло.

Анна Павловна усаживаетъ Бородинскую и помѣщается около меня по другую сторону, такъ что я снова между двухъ огней.

— Ah! quelle chaleur! — вздыхаетъ генеральша Болотникова, закрывая глаза и откидывая голову на подушку кушетки.

— Да, ужасная жара! — говоритъ Анна Павловна, стаскивая свои черныя шелковыя митенки и звоня въ бронзовый колокольчикъ.

Ея желтое лицо все въ красныхъ пятнахъ, жидкія темныя кончики прилипли къ вискамъ, но движенья такъ же юрки, изъ глазъ вылетаютъ попрежнему молніи.

— Вы выбрали неудобное время для такой дальней прогулки,— замѣчаетъ Бородинская, вынимая изъ кармана рукавъ полотняной дѣтской рубашечки и начиная шить.

Я съ отрадой и вмѣстѣ съ завистью гляжу на эту женщину: она такъ спокойна, такъ свѣжа, точно только-что вышла изъ быстрой студеной рѣчки.

«Счастливица!—думаю я,—ты не испытываешь невыносимаго раздраженія, у тебя не кружится голова, не горятъ, какъ огонь, подошвы, не пересохло въ горлѣ, тебѣ міръ Божій не представляется мучительнымъ чистилищемъ!»

На звонъ бронзоваго колокольчика появляется Анфиса, приближенная и довѣренная Анны Павловны, высокая, крѣпкая, какъ желѣзо, старуха, въ желтомъ платьѣ, черномъ передникѣ и прическѣ такъ называемой «корзинкой», съ пытливыми, смышлеными глазами, плотояднымъ ртомъ и вкрадчивымъ голосомъ; она оглядываетъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ искоса и низко мнѣ кланяется.

— Анфиса, — говоритъ Анна Павловна, — скорѣе кофе...

— Слушаю-съ, — отвѣчаетъ Анфиса.

— И ягодъ со сливками...

— Слушаю-съ...

— Гдѣ Кириллъ Павловичъ и Мефа Павловна?

— Кириллъ Павловичъ съ Костюшкой фонарики лѣпятъ, а Мефа Павловна ушли съ мальчишками въ Малышевскій лѣсъ гулять.

— Ça commence! — вздыхаетъ Анна Павловна, обращаясь къ намъ со страдальческой покорностью судьбѣ.

— Кириллъ Павловичъ изволили спрашивать два фунта крахмалу аглицкаго, — продолжаетъ Анфиса.

— Два фунта? — вырывается у Анны Павловны. — Ну?

— Я дала простого фунтъ, — больше, — говорю, — нѣту.

— На что это?

— А вотъ все эти фонарики лѣпить... Мефа Павловна требовали сахарныхъ сухарей корзинку и два бѣлыхъ хлѣба, такъ я сказала, что сухари всѣ вышли, а хлѣба только къ чаю остается,— свѣжіе еще не поспѣли, — продолжаетъ Анфиса, стоя со сложенными подъ ложечкой руками.

— Ну, давай скорѣе кофе,—приказываетъ Анна Павловна.— А гдѣ Варенька?

— Въ дѣтской-съ, въ куклы играетъ.

— Такъ скорѣе кофе... и масла, и яицъ...

Анфиса скрывается.

— Я ужъ боялась, не увела ли она и Вареньку съ мальчишками въ Малышевскій лѣсъ! — говоритъ Анна Павловна.— Я увѣрена, что она пробовала ее увести, но Варенька, слава Богу, славная дѣвочка. Какъ Мефа ни старается сбить ее съ толку, а на нее это не дѣйствуетъ...

(Варенька—восьмилѣтняя воспитанница Анны Павловны, безпріютная дѣвочка. Анна Павловна еще во второе наше свиданіе разсказала мнѣ съ мельчайшими подробностями исторію своей питомицы: это побочная дочь какого-то кузена, который отличается неслыханнымъ безчувствіемъ и тщеславіемъ, воображаетъ о себѣ Богъ вѣсть что, и не заплатилъ Аннѣ Павловнѣ ни за сиги, которые она уступила ему изъ выписанной изъ Петербурга провизіи, ни за кирпичи, хотя и покупалъ ихъ у нея на честное слово.)

— Еще новость!—говоритъ генеральша Болотникова.—Давно ли это Мефа стала заниматься Варенькой? Прежде она этого ребенка видѣть не могла!

— Да, а вотъ послѣднія двѣ недѣли не оставляетъ ее въ покоѣ!—отвѣчаетъ Анна Павловна. — Конфетъ ей накупила, поминутно зоветъ къ себѣ въ комнату... это только чтобы мнѣ насолить! А ужъ, кажется, я дѣлаю все, чтобъ ей угодить!... Какъ она обращается со мной даже при постороннихъ! Вчера въ Чудовкѣ я просто не знала, куда мнѣ дѣваться со стыда, такъ она мнѣ отвѣтила! Я и это сношу, никому не жалуюсь, только вотъ съ близкими, въ комъ, какъ въ себѣ, увѣрена, отведу иногда душу...

— Ахъ, Нуша, какъ это ты до сихъ поръ не привыкнешь къ Мефинымъ сумасбродствамъ!—замѣчаетъ генеральша Болотникова.

— Ахъ, Фима! Хорошо тебѣ, что у тебя такой счастливый характеръ, — вздыхаетъ Анна Павловна, — а я не могу, мнѣ все это тяжело, больно... и какъ бы она со мной ни обращалась, все-таки она мнѣ вѣдь не чужая... и я не могу равнодушно видѣть, какъ она глупитъ и позволяетъ всякому водить себя за носъ! Вотъ, вчера, въ Чудовкѣ за ужиномъ Ферапонтовы натолковали, что надо учить крестьянскихъ мальчиковъ понимать природу et les beaux arts et elle a pris le mors aux dents и вотъ ужъ полетѣла съ ними въ Малышевскій лѣсъ! Хоть бы вы, милая, ее останавливали,—обращается она къ Бородинской, — она вѣдь къ вамъ благоволитъ!

— Еслибъ я и рѣшилась это сдѣлать, — отвѣчаетъ Бородинская, продолжая спокойно шить полотняный рукавчикъ, — такъ она бы меня не послушала.

Въ тонѣ ея нѣтъ рѣзкости, но слышится что-то такое, что заставляетъ Анну Павловну завозиться въ креслѣ, словно тамъ очутилось вдругъ нѣсколько муравьевъ.

— Да, ваша правда, милая,—отвѣчаетъ она,—Мефа никогда никого не слушаетъ! Elle n'en fait qu'à sa tête... А если кого слушаетъ, такъ это такихъ людей, что съ ними и говорить-то стыдно!...

Я ожидаю, что она сейчасъ же вклеитъ Григорія Иванова, но она начинаетъ припоминать какого-то нѣмца и какихъ-то акробатовъ, которые когда-то поработили было совсѣмъ Мефу. О Григорьѣ Ивановѣ ни слова. Отчего это? Отчего она ни разу не упомянула его имени? Ни она, ни генеральша Болотникова? Что это, умышленно или случайно?

Анна Павловна прерываетъ мои догадки.

— Что это, милый,—обращается она ко мнѣ,—какой сильный запахъ отъ этихъ жасминовъ. Не заболѣла бы у васъ голова?...

— О, нѣтъ,—спѣшу я увѣрить,—я очень люблю запахъ жасминовъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебиваетъ она,—лучше ихъ вынести въ столовую... Давайте-ка мы ихъ съ вами вынесемъ...

Въ эту самую минуту въ гостиную вбѣгаетъ маленькая Соня съ криками:

— Мама! мама! Иди скорѣе, папа тебя зоветъ! Скорѣе! скорѣе! Будемъ въ лодкѣ кататься. У папы два новыхъ весла! Скорѣе! скорѣе!

Бородинская прячетъ работу и встаетъ.

— Да посидите, ma chère, сейчасъ подадутъ кофе!—говоритъ Анна Павловна.

— Я кофе пила, merci, — отвѣчаетъ Бородинская, которую дочка уже ухватила обѣими ручонками за руку и тянетъ къ дверямъ.

— Нечего и просить,— кисло замѣчаетъ генеральша Болотникова вслѣдъ уходящей Бородинской. — Ужъ если зоветъ супругъ, то супруга должна повиноваться!

— Онъ терпѣть не можетъ, когда Кисинька съ нами,—прибавляетъ она, обращаясь ко мнѣ.

— Отчего же?—спрашиваю я.

— Вѣроятно, боится, что будетъ жаловаться намъ, разскажетъ какія-нибудь его шашни... C'est un homme qui n'a ni foi, ni loi...

— Дѣвочка у нихъ прелестная,—замѣчаю я.

— Смазливенькая, только вся въ отца: дерзкая, неблагодарная, холодная...

— И невыносимо избалована,—прибавляетъ Анна Павловна,— я Варенькѣ приказала быть отъ нея подальше... Ну, что-жъ, голубчикъ, вынесемъ жасмины въ столовую?

Я спѣшу взять одинъ горшокъ съ жасминами, Анна Павловна схватываетъ другой.

— Послушайте, милый,—говоритъ она мнѣ торопливымъ шепотомъ, какъ только мы выходимъ изъ гостиной,—мнѣ надо съ вами поговорить... Очень важное дѣло... Мнѣ тяжело вамъ это передавать... но необходимо васъ предупредить... необходимо, чтобы васъ не захватили врасплохъ, милый...

— Говорите, дорогая Анна Павловна,—отвѣчаю я, не понижая голоса и замирая въ ожиданіи, что еще готовитъ мнѣ судьба.

— Тс! тс! Тише, голубчикъ! Фима услышитъ!... Она милая, добрая, но она болтлива.

— У меня тайнъ нѣтъ, Анна Павловна, я ничего не скрываю, мнѣ нечего таить...

— Бога ради тише, голубчикъ! Вы сами потомъ пожалѣете... Вернемтесь въ гостиную, а то Фима заподозритъ.

Она, какъ ящерица, юркаетъ обратно въ гостиную, гдѣ уже поданъ кофе, генеральша Болотникова сидитъ съ набитымъ сухарями ртомъ, а около стола стоитъ воспитанница Варенька,—высокая, худенькая, блѣдная дѣвочка, гладко причесанная, въ длинномъ, почти вровень съ платьицемъ, бѣломъ передникѣ, съ темными мягкими, черезчуръ мягкими глазами, съ благонравнымъ выраженіемъ лица и съ благонравными манерами.

— Кажется, Кириллъ окончилъ свои фонарики,—говоритъ генеральша Болотникова, проглатывая сухари,—я слышала, какъ онъ къ себѣ прошелъ.

— Наклеили шестьдесятъ кругленькихъ и сорокъ звѣздочкой, еще брали полфунта крахмала,—кротко и ласково замѣчаетъ Варенька,—а тетя Мефа просила сахарныхъ сухарей для мальчишекъ и ушла съ ними въ Малышевскій лѣсъ. Она меня звала, только я не хотѣла и не пошла. Я ждала свою милую маму.

Варенька съ этими послѣдними словами обхватываетъ своими тоненькими ручками сутуловатую талію Анны Павловны, прижимается къ ней и цѣлуетъ ее въ грудь, въ отвѣтъ на что Анна Павловна ласково треплетъ ее по безцвѣтной щечкѣ.

— Что твои куколки?—спрашиваетъ она.

— Легли спать,—отвѣчаетъ Варенька младенческимъ лепетомъ.—Я имъ новый положокъ устроила!

Что такое она хочетъ мнѣ сказать? мучусь я, принимаясь за предложенный мнѣ кофе,—что еще меня ожидаетъ?

— Анна Павловна!—докладываетъ, появляясь на порогѣ Аѳиса,—Кириллъ Павловичъ требуютъ муки на пироги мальчишкамъ.

— Что, что?—вскрикиваетъ Анна Павловна, словно ужаленная.

— Муки на пироги...

— Хорошо, хорошо, я иду... я сама иду,—говоритъ Анна Павловна, отставивъ недопитый кофе и устремляясь во внутренніе покои.

— Варенька, дружочекъ,—обращается генеральша Болотникова къ воспитанницѣ,—поди поищи въ диванной мой платокъ.

— Вотъ платокъ,—отвѣчаетъ Варенька, указывая на пространство между бокомъ генеральши Болотниковой и подушкой кушетки.

— Не этотъ, другой,—настаиваетъ съ неудовольствіемъ генеральша Болотникова,—косыночку мою...

— Въ диванной нѣтъ,—отвѣчаетъ также кротко и ласково Варенька,—вы вѣдь туда не ходили. Я здѣсь поищу.

И начинаетъ шарить, не удаляясь отъ кушетки.

— Ну, не надо, не надо! Сядь на мѣсто, не вертись передъ глазами!—съ пущимъ неудовольствіемъ и рѣзко говоритъ генеральша Болотникова.

Варенька послушно садится въ кресло рядомъ со мной.

— Отойди дальше! Дѣти никогда не должны слушать, что говорятъ между собой старшіе!

Варенька послушно оставляетъ кресло, которое рядомъ со мной, и помѣщается въ другомъ, на другомъ концѣ комнаты.

— Quelle peste!—говоритъ, понижая голосъ и наклоняясь ко

мнѣ, генеральша Болотникова, — такъ и шпіонитъ!... Слушайте, дорогой вы мой, мнѣ надо съ вами переговорить... Дѣло идетъ о вашей чести, которую хотятъ замарать... я не хотѣла говорить при Нушѣ, она милая, добрая, но, знаете, такая, что непремѣнно разболтаетъ.

Я преисполняюсь яростью и едва могу вымолвить:

— Серафима Павловна, вы меня чрезвычайно изумляете... Къ чему тутъ тайна?... Я за свою честь не боюсь...

— Тс! тс! Нуша идетъ!... А гдѣ же это шпіонка Варенька?

Я машинально оглядываюсь, Вареньки нѣтъ въ креслѣ, гдѣ она такъ послушно усѣлась. Я ищу ее глазами и открываю за зеленой кадкой съ тропическимъ растеніемъ, у окна, въ какихъ-нибудь двухъ аршинахъ разстоянія отъ насъ; она кротко и ласково глядитъ оттуда на меня своими мягкими темными глазами, граціозно перебирая передникъ.

— Voyez la petite vipère!—восклицаетъ генеральша Болотникова.

Варенька также кротко и ласково переводитъ съ меня свои мягкіе глаза на генеральшу.

— Силъ нѣтъ!—въ волненьи произноситъ Анна Павловна, возвращаясь въ гостиную, — никакихъ силъ нѣтъ! Кириллъ перевертываетъ весь домъ вверхъ дномъ!

Она опускается въ кресло и дрожащими руками оправляетъ воротничокъ и волосы.

— Что такое?—спрашиваетъ генеральша Болотникова.

— Вздумалъ среди дня пироги печь, и чтобы непремѣнно пекъ поваръ! Помилуй,—говорю,—Кириллъ, поваръ занятъ! Этакъ онъ у насъ жить не захочетъ, если на него навалить печенье пироговъ для мальчишекъ! Пускай для мальчишекъ Акулина печетъ... Il commence à jurer, à frapper des pieds... За все, что я для него вынесла, за все, что я терплю, онъ обращается со мной какъ съ экономкой!...

У нея начинаютъ капать слезы.

— Говорила я тогда тебѣ, Нуша,—вздыхаетъ генеральша Болотникова,—не продавай своего Вознесенскаго! Жила бы ты теперь спокойно, полной хозяйкой, а то вотъ продала, отдала деньги и связала себя по рукамъ и по ногамъ... Какъ будто ты не знала Кирилла!

— Я никогда не думала о себѣ, а только о другихъ, вотъ мое несчастье!—плачетъ Анна Павловна.

— Какъ Кириллъ тогда клялся, что Каменка будетъ твоя, что

онъ тебѣ ее сейчасъ же передастъ, а вотъ уже сколько времени съ тѣхъ поръ прошло и онъ все не передаетъ... Что же изъ того, что онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ твою пользу, когда Каменку того и гляди продадутъ съ аукціона!

— Богъ съ нимъ! Богъ съ нимъ!—плачетъ Анна Павловна.

Варенька подходитъ къ ней и обнимаетъ ее; Анна Павловна схватываетъ дѣвочку въ свои объятія, прижимаетъ къ груди и, глядя на меня, всхлипываетъ:

— Pauvre petite! Ей меня жаль!... Да, еслибъ я не продавала своего Вознесенскаго,—прибавляетъ она,—я была бы теперь покойна! Но я виновата только въ томъ, что никогда не думаю о себѣ...

— Ужъ это у насъ съ тобой общій недостатокъ,—говоритъ генеральша Болотникова:—мы вѣчно готовы положить душу за другихъ... И какъ потомъ дорого платимъ за свои увлеченія! И все никакъ не научимся быть благоразумными, все наше бѣдное сердце насъ подводитъ!

Я долженъ бы сказать слово сочувствія, но я остаюсь нѣмъ и неподвиженъ, какъ снулый окунь.

— Однако, мы и на васъ тоску наведемъ, голубчикъ,—мило улыбается мнѣ Анна Павловна, отирая глаза.

— Помилуйте,—говорю я,—прошу васъ не стѣсняйтесь.

Есть минуты, въ которыя мнѣ такъ же трудно принудить себя сказать любезность, какъ самому себѣ отпилить руку или ногу, а эта одна изъ такихъ минутъ.

— Да, да, не будемъ его печалить,—говоритъ генеральша Болотникова, сморкаясь.—Du courage! Вотъ если бы намъ съ тобой, Нуша, призанять холодности у Бородинской, намъ бы лучше жилось на свѣтѣ! Или если бы Мефа намъ удѣлила частичку своей вѣтрености и безпечности!... Какъ она легко все это переноситъ! Вотъ полетѣла съ мальчиками въ Малышевскій лѣсъ и всѣ напасти забыла! Помнишь, какъ она прошлаго года и не ахнула...

— Да, вообразите, голубчикъ,—обращается ко мнѣ Анна Павловна,—прошлаго года...

Начинается въ перебивку разсказъ о безпечности и эгоизмѣ Мефы, затѣмъ о порокахъ Бородинскаго, затѣмъ снова объ эгоизмѣ Мефы, сюда же припутывается скандалезная исторія о помѣщикѣ Семиградскомъ, о помѣщицѣ Вороновой, о сестрахъ Пѣвцовыхъ.

«Уйду!—думаю я,—сейчасъ встану рѣшительно и уйду!»

Но куда я пойду? Къ Олѣ? Тамъ надо играть роль доброжелателя Григорія Иванова, выслушивать ея признанія въ томъ, что я

считаю безумiемъ и пагубою, и выражать сочувствiе, рѣшать похищенье Марѳуши... Въ данную минуту я не чувствую въ себѣ силъ для подобныхъ испытанiй... Нѣтъ, лучше подождать, что̀ отброютъ мнѣ Анна Павловна и генеральша Болотникова,—что-то шепчетъ мнѣ, что ихъ тайна имѣетъ отношенiе къ ночному посѣщенiю Григорiя Иванова—и тогда къ Ольгѣ, передать ей, что возбуждено подозрѣнiе, представить неудобство при такихъ обстоятельствахъ вмѣшиваться въ исторiю Марѳуши... Но послушаетъ ли меня Ольга?! Временемъ мнѣ приходитъ мысль немедленно бѣжать въ свой павильонъ, уложиться, — даже не укладываться, поручить это Авдотьѣ Степановнѣ, а захватить только бумаги и безъ оглядки спасаться изъ Н-скаго уѣзда.

Но какъ же это? Бѣжать, точно я виноватый, точно въ самомъ дѣлѣ похищалъ вишни изъ сада пропрiетера, замышлялъ обольстить Митродору! Эта чепуха, разумѣется, не стоитъ заботы, но Ольга! Неужто я оставлю Ольгу въ трудную для нея минуту подъ вляньемъ такого человѣка, какъ Григорiй Ивановъ?

Голосъ Кирилла Звѣрева, недовольнымъ тономъ спрашивающаго: что же, будемъ мы сегодня обѣдать?—прерываетъ чуть ли не сороковое извлеченiе изъ уѣздной хроники скандаловъ, которыми потчуютъ меня наперерывъ Анна Павловна и генеральша Болотникова...

— Слышите, что за тонъ?—шепчетъ Анна Павловна.—И я должна сносить!... Я теперь ожидаю только того, что они съ Мефой посадятъ всѣхъ этихъ мальчишекъ вмѣстѣ съ нами за столъ!

— Ну, нѣтъ,—возражаетъ генеральша Болотникова,—ce serait trop fort!

— Да вѣдь Костюшку Кузнецова уже посадили!

— Какъ, развѣ онъ съ вами за столомъ обѣдаетъ?

— Да, да... и Кириллъ ему свои рубашки, свой бархатный пиджакъ...

Входитъ нахмуренный Кириллъ Звѣревъ, а за нимъ, въ бархатномъ пиджакѣ и въ воротничкахъ голландскаго полотна, не поднимая глазъ, робко ступая и какъ бы стараясь схорониться за его дряблую фигуру, слѣдуетъ Костюшка Кузнецовъ, тотъ самый мальчикъ, котораго онъ мнѣ рекомендовалъ наканунѣ въ Чудовскомъ саду какъ страстнаго любителя географiи.

— Что-жъ, будемъ мы сегодня обѣдать? — раздражительно повторяетъ Кириллъ Звѣревъ, но, увидавъ меня, вдругъ проясняется и, протягивая мнѣ обѣ руки, восклицаетъ:

— А, дражайшiй Андрiанъ Андреевичъ! я не зналъ, что вы

здѣсь! Что же вы не пришли ко мнѣ? Ну, батюшка, какихъ мы фонариковъ наклеили,—роскошь! Совершенно въ русскомъ вкусѣ! Кузнецовъ говоритъ: да это, говоритъ, совсѣмъ какъ наши полотенца! Кузнецовъ, гдѣ ты? что-жъ ты не садишься? садись, братецъ.

Кузнецовъ садится въ кресло словно на горячую сковороду.

— Посмотрите-ка какимъ онъ молодцомъ!—продолжаетъ Кириллъ Звѣревъ, кивая на Кузнецова,—я ему велѣлъ передѣлать изъ своего пиджака и вышло очень мило... Ферапонтовъ затѣялъ со мной споръ, что не слѣдуетъ де наряжать въ нѣмецкій костюмъ.... Почему не слѣдуетъ? я, слава Богу, не славянофилъ! Всѣми образованными людьми признано, что европейскій костюмъ удобнѣе... Я-жъ его, батюшка, и срѣзалъ: помилуйте, говорю, Геннадій, да вы славянофилъ!

— Если русскій костюмъ такъ ему дорогъ, отчего же онъ самъ не наряднтся въ поддевку?—вмѣшивается генеральша Болотникова.—Такъ бы въ поддевкѣ и къ губернатору, и къ предводителю дворянства на обѣдъ... Хе, хе, хе!

— Да, да, я такъ ему и сказалъ! это и были мои подлинныя слова!—восклицаетъ Кириллъ Звѣревъ такъ самодовольно, словно и въ самомъ дѣлѣ это были его подлинныя, а не въ этотъ моментъ присвоенныя имъ слова.—Ну, и срѣзалъ окончательно!

— Ужъ послѣ того, какъ ты его срѣзалъ прошлымъ лѣтомъ на обѣдѣ у Краснопѣвцевыхъ, я бы на его мѣстѣ и не вступала съ тобой въ споры!—говоритъ генеральша Болотникова.

— Да, да, прошлаго года я его уничтожилъ, батюшка!—подхватываетъ Кириллъ Звѣревъ.—Дѣло было на обѣдѣ у Краснопѣвцевыхъ, на Петра и Павла... Кажется, на Петра и Павла, Фима?—обращается онъ благосклонно къ генеральшѣ Болотниковой, которую при входѣ едва удостоилъ кивка.

— На Петра и Павла, въ именины Петра Петровича,—отвѣчаетъ генеральша Болотникова,—я никогда не забуду Геннадіева пораженія!

— Да, да... садимся мы за обѣдъ,—начинаетъ Кириллъ Звѣревъ,—Ферапонтовъ наискось противъ меня...

Фима всегда умѣетъ подладиться! говорятъ мнѣ глаза Анны Павловны. *Я* не умѣю, да и не хочу *этого* умѣнья...

— И вдругъ Ферапонтовъ заводитъ споръ о ботаникѣ,—продолжаетъ Кириллъ Звѣревъ,—и начинаетъ вдругъ доказывать...

Раздается колоколъ, призывающій къ обѣду, Анна Павловна встаетъ и голосомъ несчастной жертвы произноситъ:

— Парфёнъ звонитъ, кушать подано.

— Пойдемъ обѣдать,—говорилъ Кириллъ Звѣревъ, беря меня подъ руку.—Кузнецовъ, иди же, братецъ!

Кузнецовъ спѣшитъ за нами и чуть не сталкивается съ Варенькой (которая все время слушала, присѣвъ за этажеркой, и гораздо внимательнѣй, чѣмъ я, извлеченія изъ уѣздной скандалезной хроники), Варенька охаетъ и отпрыгиваетъ отъ мальчика, точно подставили раскаленное желѣзо.

— Иди рядомъ со мной, милая,—говоритъ ей Анна Павловна,—дай мнѣ ручку.

Въ столовой мы находимъ Бородинскую съ дочкой и мужемъ, съ которымъ Звѣревъ меня знакомитъ. Это высокій, еще молодой человѣкъ съ энергичной физіономіей. Лицо его ничего не говоритъ о гнѣздящихся будто бы въ немъ порокахъ, но умъ живой, веселый, проницательный, такъ и брызжетъ изъ его глазъ, улыбки, изъ каждой черты.

Генеральша встрѣчаетъ его съ должной вѣжливостью велико свѣтской дамы, которой тонкое знаніе приличій мѣшаетъ кого-либо третировать пренебрежительно,—что его, кажется, ни мало не огорчаетъ.

— Какъ ваше здоровье?—цѣдитъ она сквозь зубы.

— Какъ нельзя лучше,—отвѣчаетъ Бородинскій съ такою же изысканною великосвѣтскостью,—позвольте узнать, какъ ваше?

— Около меня Андріанъ Андреевичъ, около меня!—кричитъ Кириллъ Звѣревъ,—вотъ тутъ, около меня, садитесь! Я вамъ сейчасъ доскажу про Ферапонтова... Кузнецовъ, гдѣ-жъ ты! садись вотъ тутъ!

Я помѣщаюсь около Кирилла Звѣрева и, пользуясь тѣмъ, что мнѣ послѣднему придвигаютъ судокъ съ четырьмя сортами водки, незамѣтно вынимаю одинъ графинчикъ и какъ бы случайно его придвигаю къ своему сосѣду, замаскировавъ отъ зоркихъ взоровъ Анны Павловны графиномъ съ водою. Это—коварство, но въ немъ одна моя надежда избавиться отъ разсказа о Ферапонтовѣ, за которымъ, я знаю, послѣдуютъ разсказы объ освобожденіи крестьянъ и о сдобныхъ лепешкахъ.

Кириллъ Звѣревъ истолковываетъ мои мотивы иначе, по-своему, и какъ безъ словъ понимающій собратъ, съ своей стороны къ маскирующему графину съ водой приставляетъ маскирующій стаканъ, и веселѣй прежняго принимается за разсказъ о Ферапонтовѣ.

Ко второму блюду является Мефа, запыхавшаяся и красная, какъ перележалая клюква.

— Ахъ, какую прогулку мы сдѣлали!—восклицаетъ она нараспѣвъ.—Я сяду подлѣ Андріана Андреевича... Костюшка, пусти меня, дружокъ, а самъ садись вотъ туда...

Она усаживается рядомъ со мной, а злополучный Костюшка перемѣщается подъ непосредственный ядъ взглядовъ Анны Павловны.

— Вы знаете,—начинаетъ Мефа,—мы ходили съ нашими мальчиками въ Малышевскій лѣсъ, разсматривали букашекъ, собирали цвѣты...

Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, пришелъ конецъ и обѣду. Я знаю очень хорошо, что въ N—комъ уѣздѣ уйти изъ гостей тотчасъ послѣ того, какъ поднимутся изъ-за обѣденнаго стола, равняется кражѣ со взломомъ, но я приведенъ ужъ въ такое состояніе, что рѣшусь, пожалуй, махнуть рукой и на большее. Благодаря Анну Павловну за обѣдъ, я тутъ же твердымъ голосомъ приношу извиненіе, что вынужденъ ей немедленно откланяться, и откланиваюсь.

— Что вы, милый, что вы!—восклицаетъ она,—какъ можно!

— Весьма сожалѣю, Анна Павловна, но долженъ отказаться отъ удовольствія дольше съ вами остаться,—отвѣчаю я любезно, но непоколебимо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ не пущу,—бормочетъ посоловѣлый Кириллъ Звѣревъ, но дѣлаетъ только движеніе бородой и остается на мѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отпускайте его,—говоритъ генеральша Болотникова.

— Ахъ, не уѣзжайте, Андріанъ Андреевичъ! — шепелявитъ Мефа.

— Весьма сожалѣю,—повторяю я съ прежней любезностью и непоколебимостью и хочу направиться къ дверямъ.

— Постойте, постойте!—кричатъ Анна Павловна, генеральша Болотникова и Мефа.

— Постойте!—дикимъ голосомъ безсознательно буркаетъ Кириллъ Звѣревъ.

— Весьма сожалѣю, но долженъ!—снова повторяю я, почти не пріостанавливаясь.

Генеральша Болотникова отяжелѣла послѣ обѣда и временно лишена возможности двигаться, но Анна Павловна и Мефа бѣгутъ за мной.

— Да куда же вы, голубчикъ?—пристаетъ Анна Павловна, ловя меня за рукавъ.—Ну, куда? въ Чудовку?

— Да, въ Чудовку,—отвѣчаю я, едва владѣя собою,—и непремѣнно долженъ сейчасъ же идти...

— Хорошо, хорошо, голубчикъ, идите, идите... я сама туда приду... Вотъ только распоряжусь по хозяйству... До свиданія, милый, идите, а я поспѣшу распорядиться,—прибавляетъ она, уходя въ комнаты.

— А я съ вами отправлюсь,—рѣшаетъ старая Мефа, точно я ея ридикюль.—Вы вѣдь позволяете себя сопровождать?—жантильничаетъ она,—да?

— Помилуйте!—бормочу я чуть не со скрежетомъ.

— Ну, полноте! ну куда идти!—лепечетъ генеральша Болотникова, хлопая слипающимися глазами.

— Такъ подождите только минутку, одну минутку,—говоритъ Мефа.—Я только немножко отряхну съ себя пыль... Одну минутку! подождете, да?

— Извольте...

Жеманная обезьяна легкой иноходью, которая и двадцать лѣтъ тому назадъ не была граціозна, удаляется стряхивать съ себя пыль, а я падаю въ кресло у дверей.

Я въ эту минуту завидую грубому, наглому Григорію Иванову, не признающему общественныхъ законовъ приличія, отвергающему деликатность въ отношеніяхъ съ людьми; онъ бы на моемъ мѣстѣ объявилъ прямо: не надо мнѣ васъ, вы мнѣ надоѣли, опротивѣли, отстаньте!—и разомъ отчистилъ бы отъ себя всѣ эти старые репьи, а я, человѣкъ безукоризненный относительно общепринятой деликатности, я ставлю себя въ положеніе самаго злополучнаго раба, я повседневно влачу цѣпи, мною безнаказанно помыкаютъ сплетницы - старухи! Вѣдь когда-то, года два тому назадъ, когда я нѣсколько походилъ на Григорія Иванова (только нѣсколько, я такъ безобразенъ никогда не бывалъ), мнѣ жилось лучше... Я тогда никому не говорилъ любезностей, меня никто тогда не считалъ за перлъ обходительности, но я былъ свободенъ... У меня не имѣлось столько прекрасно угощающихъ знакомыхъ, но за то я никогда не отплевывался, возвращаясь домой изъ гостей того времени... Да, я готовъ завидовать Григорію Иванову!... Господи, творецъ міровъ! я, наконецъ, дохожу до того, что готовъ завидовать Григорію Иванову, чуть не жалѣю о прошломъ безуміи, за которое такъ дорого заплатилъ! О проклятыя старухи! до чего вы меня, кровопійцы, довели!...

Я поднимаю голову,—Кириллъ Звѣревъ окончательно оцѣпенѣлъ, Кузнецовъ на цыпочкахъ пробирается къ дверямъ въ прихо-

жую, генеральша Болотникова дремлетъ съ легкимъ свистомъ; въ столовой только Бородинскій, и я встрѣчаю его взглядъ. Взглядъ этотъ кажется мнѣ дерзокъ, онъ смущаетъ меня, мнѣ чудится, что онъ читаетъ мои мысли... Я принимаю видъ, достойный человѣка, живущаго въ благовоспитанномъ обществѣ, и обращаюсь къ нему:

— Не правда ли какъ живописна Каменка?

А самъ думаю: если ты теперь мысленно издѣваешься надъ горемыкой, то скажи, зачѣмъ тебя самого принесла нелегкая въ этотъ курятникъ? Ты давно зналъ, что это курятникъ, и прибылъ сюда гостить. Ты не имѣешь оправданій, ты вѣдалъ, куда шелъ!

— Да, мѣстность живописная и здоровая,—отвѣчаетъ онъ.

— Ну, и общество пріятно,—продолжаю я,—общество старыхъ знакомыхъ... Вы вѣдь, если не ошибаюсь, давно уже знакомы съ Каменкой?

— Да, я жилъ здѣсь, когда былъ учителемъ покойнаго сына Анны Павловны...

— Со старыми знакомыми всегда пріятно свидѣться,—говорю я, вкладывая въ фразу, сколько позволяетъ благовоспитанность, язвительности.

— Я бы еще нашелъ силы отказать себѣ въ этомъ удовольствіи,—отвѣчаетъ онъ,—но у меня здѣсь въ окружности дѣла, и это заставило меня нанять помѣщеніе въ Каменкѣ.

У меня чуть не вырывается: нанять! Но я вѳ-время успѣваю удержаться и только прокашливаюсь. Я вспоминаю, какъ горько сѣтовала Анна Павловна на его пріѣздъ со всей семьей въ такое трудное время, когда Каменкѣ грозитъ аукціонъ, и какъ на мои патетическія рѣчи о неделикатности подобнаго стѣсненія она съ чувствомъ отвѣчала: Ахъ, милый! не всѣ такіе, какъ вы! Не всѣ такъ тонко понимаютъ!

— Вы здѣсь до осени, вѣроятно, пробудете?—спрашиваю я.

Но онъ уже успѣлъ уловить на моемъ лицѣ промелькнувшее изумленіе и, какъ будто потѣшаясь имъ, отвѣчаетъ съ улыбкой:

— Я заплатилъ до конца августа, но еще не знаю, доживу ли...

— Вотъ и я!—восклицаетъ Мефа, вбѣгая.—Пойдемте, милый Андріанъ Андреевичъ! а вы, Александръ Ѳедоровичъ, съ нами?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Бородинскій,—извините...

— Ну, оставайтесь, недобрый! Пойдемте, милый Андріанъ Андреевичъ! Я и мальчиковъ беру: они такіе милые! Вотъ они. ждутъ насъ около крыльца...

Марко Вовчокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

UNIVERSITY OF

ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА *).

Романъ Роберта Хитчинса.

Переводъ съ англійскаго.

IV.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ наступленіемъ Суррейской недѣли лэди Локъ часто видѣла лорда Реджи и была какъ-то смущена имъ. Онъ странно отличался отъ всѣхъ видѣнныхъ ею раньше мужчинъ, почти чудовищно отличался и все-таки привлекалъ ее. Въ немъ было что-то молодое и чуткое, несмотря на видимое равнодушіе къ общественному мнѣнію, о которомъ онъ такъ часто говорилъ и съ такимъ несдержаннымъ пыломъ. Иногда она старалась думать, что онъ прикидывается, и что внѣшняя оболочка зла скрываетъ здоровые принципы, быть можетъ, даже евангельскія стремленія или же склонность къ религіозной маніи. Но она быстро разувѣрялась. Лордъ Реджи былъ, дѣйствительно, такъ черенъ, какъ самъ себя описывалъ, или въ обществѣ лгали на него. Конечно, лэди Локъ не слышала о немъ ничего опредѣленнаго. Женщины рѣдко слышатъ опредѣленныя вещи о посторонникъ мужчинахъ, но всѣ были согласны въ томъ, что онъ негодяй, что онъ самый распущенный молодой человѣкъ въ цѣломъ Лондонѣ и что онъ обѣими руками губитъ свою будущность. Лэди Локъ не понимала, почему это ее огорчаетъ, и все-таки огорчалась. Она часто ловила себя на томъ, что думаетъ о немъ съ какимъ-то страннымъ материнскимъ чувствомъ, которое, конечно, не оправдывалось небольшой разницей лѣтъ, бывшей между ними. Въ сущности вѣдь ему было около двадцати пяти лѣтъ, а ей только двадцать восемь, но онъ такъ моложавъ, а она чувствовала... ну, да, она чув-

*) *Русская Мысль*, кн. II, 1899 г.

ствовала себя женщиной солиднаго возраста. Она вышла замужъ семнадцати лѣтъ. Она путешествовала, видѣла суровую сторону жизни, занимала видное положеніе, оффиціально принадлежавшее ей по военному рангу ея мужа. Затѣмъ она пережила тяжелую потерю, она видѣла, какъ сильный человѣкъ, ея мужъ, умиралъ у нея на рукахъ. Ей пришлось больше сталкиваться съ дѣйствительностью жизни, чѣмъ съ ея миражами; одна только дѣйствительность отмѣчаетъ для насъ теченіе лѣтъ и отсчитываетъ біеніе великаго сердца времени. Лэди Локъ знала, что она чувствуетъ себя старше, чѣмъ будетъ чувствовать себя лордъ Реджи въ двадцать восемь лѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ продолжать жить такъ, какъ живетъ теперь.

— Есть у него мать?—спросила она однажды у своей кузины, Бетти Виндзоръ, когда онѣ медленно ѣхали мимо длиннаго ряда глазѣющихъ лицъ, которыми наполненъ Паркъ въ пять часовъ теплымъ лѣтнимъ вечеромъ.

М-съ Виндзоръ, которая совсѣмъ погрузилась въ страсть созерцанія и два раза въ минуту кланялась знакомымъ или друзьямъ, неподвижно сидѣвшимъ на маленькихъ зеленыхъ стульчикахъ, обратила часть вниманія на свою подругу и быстро отвѣтила:

— Двѣ, моя милая.

— Двѣ?

— Да. Его родная мать развелась съ мужемъ, и его отецъ женился на другой. Вторая, маркиза Гедфильда, написала однажды лорду Реджи, что она готова быть его второй матерью. Такъ что видите—ихъ у него двѣ. Это такъ хорошо для дорогого мальчика.

— Вы думаете? Но его родная мать... какая она?

— Я ее не знаю. Никто ее не знаетъ. Она никогда не пріѣзжаетъ въ городъ и никогда не гоститъ въ деревенскихъ домахъ. Но она кажется очень высокаго роста, очень религіозна,—вы замѣчали, что только низенькіе, коренастые люди бываютъ атеистами?—и живетъ въ Кентербюри, гдѣ дѣлаетъ много добра среди богатыхъ. Говорятъ, недавно она обратила какого-то каноника къ вѣрѣ въ Тридцать Девять Положеній *), послѣ того какъ онъ проповѣдовалъ въ соборѣ противъ нихъ и противъ чудесъ. Мнѣ говорили, что канониковъ очень трудно обращать.

— Стало быть, она хорошая женщина. Любитъ ее лордъ Реджи?

— О да, очень. Въ прошломъ году онъ провелъ съ ней недѣлю и въ этомъ году, кажется, собирается провести недѣлю. Она очень

*) Основныя положенія англиканской церкви.

этому радуется. Онъ поѣдетъ съ м-ромъ Амаринтомъ на сборъ хмѣля.

— Какая странная мысль!

— Да, очаровательно оригинальная. Они говорятъ, что сборъ хмѣля—настоящая Аркадія. М-ръ Амаринтъ заказалъ себѣ маленькую флейту у Чаппеля, или еще гдѣ-то, и будетъ сидѣть подъ деревомъ и играть старыя мелодіи Скарлати для сборщиковъ хмѣля, пока они работаютъ. Онъ говоритъ, что такимъ образомъ можно сдѣлать гораздо больше добра, чѣмъ было сдѣлано всѣми миссіонерами, которыхъ съѣли дикари. Я не вѣрю въ миссіонеровъ.

— А вѣрите въ м-ра Амаринта?

— Конечно. Онъ такъ остроуменъ. Потомъ онъ даетъ мысли, а это избавляетъ отъ лишнихъ тревогъ. Люди, которые вѣчно стараются отыскать мысли въ своей собственной головѣ, имѣютъ обыкновенно страшно глупый видъ. Въ одинъ часъ м-ръ Амаринтъ даетъ вамъ столько мыслей, что на два дня хватитъ.

— Я сомнѣваюсь, что мысли эти очень цѣнны. Онъ и лорда Реджи снабжаетъ всѣми его мыслями?

— Да, я думаю. Онъ половину Лондона снабжаетъ своими мыслями. Всегда какая-нибудь одна мысль въ его родѣ всѣми повторяется. Уже не говоря объ его эпиграмахъ, которыя у всѣхъ на языкѣ.

— Отъ этого онѣ должны становиться скучными,—сказала лэди Локъ, когда лошади повернули къ дому и онѣ мягко катились по направленію къ Бельгревъ-скверу.

Въ гостиной онѣ застали очень худую близорукую женщину, которая спокойно сидѣла и, видимо, была погружена въ разсматриваніе картинъ и украшеній гостиной сквозь лорнетъ съ тонкой черепаховой ручкой, которую она держала. У нея было странное лицо—съ длиннымъ, скорѣе еврейскимъ носомъ, съ тонкими губами, лицо съ морщинами вокругъ маленькихъ глазъ, надъ которыми была наклеена густая бахрома свѣтло-каштановыхъ волосъ, прикрытая ясно видимой «невидимой» сѣткой.

— Мадамъ Вальтези!—воскликнула м-съ Виндзоръ,—вы сами пріѣхали, чтобы отвѣтить мнѣ насчетъ моей недѣли. Какъ это мило. Вы ѣдете съ нами въ пустыню? Позвольте представить мою кузину, лэди Локъ,—мадамъ Вальтези.

Худенькая дама поклонилась съ любопытствомъ, потомъ заговорила голосомъ, который звучалъ на двадцать лѣтъ старше ея лица женщины среднихъ лѣтъ.

— Какъ поживаете? Да, я съ удовольствіемъ буду разыгрывать

отшельницу. Я пріѣхала сказать вамъ объ этомъ. Вы во вторникъ уѣзжаете или въ среду?

— Въ среду. У насъ составится очаровательное маленькое общество и очень остроумное. И лордъ Реджинальдъ Гастингсъ, и м-ръ Амаринтъ пріѣзжаютъ, и м-ръ Тайлоръ. Кузина дополнитъ секстетъ. Ахъ, я забыла Томми. Но онъ не считается, т.-е. я хотѣла сказать—не считается по части остроумія. Это маленькій сынъ моей кузины. Онъ будетъ бѣгать съ дѣтьми пастора, это будетъ ему очень полезно.

— Восхитительно, — сказала м-мъ Вальтези, не измѣняя выраженія своего каменнаго лица.—Благодарю васъ, я чаю не хочу. Я заѣхала только сказать, что ѣду. У меня еще три визита сегодня. Прощайте. Завтра утромъ я заказываю trousseau для пустыни—шляпку отъ солнца, перчатки съ манжетами и трость для прогулокъ.

И она засмѣялась хриплымъ голоскомъ, искусно введя подъ конецъ дѣтскую ноту, и медленно, ровно вышла изъ комнаты.

— Я очень рада, что она можетъ пріѣхать,—сказала м-съ Виндзоръ.—Съ ней наша опрощенная жизнь будетъ полна.

— Мы, очевидно, будемъ очень опрощены,—сказала лэди Локъ, улыбаясь и откидываясь назадъ въ креслѣ, съ чашкой чая въ рукахъ.

— Да, удивительно. Мадамъ Вальтези бываетъ всюду. Она самый занимательный человѣкъ въ цѣломъ Лондонѣ. Никто не знаетъ, кто она. Я слышала, что она русская шпіонка и что ея мужъ былъ курьеромъ, или поваромъ, а можетъ быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. У нея есть необыкновенныя брилліантовыя серьги, которыя ей подарилъ какой-то великій князь, и пропасть денегъ. Она постоянно бываетъ въ одномъ театрѣ, потому что ей нравится одинъ актеръ, и она платитъ младшему брату м-ра Амаринта за то, чтобъ онъ всюду ходилъ съ ней и разговаривалъ. Онъ страшно толстъ и неуклюжъ, но очень хорошо разговариваетъ. М-мъ Вальтези пользуется очень большимъ вліяніемъ.

— На кого и на что?

— О... какъ бы сказать... на все, я думаю. Я увѣрена, что моя недѣля мнѣ удастся въ этомъ году. Въ прошломъ году она пропала. Я пригласила профессора Смита, а у него сдѣлался припадокъ. Такъ это глупо съ его стороны. И главное—въ деревнѣ, гдѣ такъ трудно достать доктора. Мы поскорѣе послали за ветеринаромъ, а онъ только одно и могъ сказать «Прижечь!»—но я совсѣмъ не настолько была съ нимъ близка и вообще не имѣла на это ни-

какого желанія. У него бѣшеный характеръ. Въ этомъ году мы будемъ слушать много музыки. Лордъ Реджи и м-ръ Амаринтъ оба играютъ и вырабатываютъ цѣлую программу, только старой музыки, знаете. Они ненавидятъ Вагнера и всѣхъ современныхъ музыкантовъ. Они больше всего любятъ старую церковную музыку Моцарта, Гайдна и Паганини или Палестрину,—никогда не могу этого запомнить,—и всякую такую музыку, очень изысканную. М-ръ Амаринтъ говоритъ, что ничего не было сдѣлано въ музыкѣ за послѣднія сто лѣтъ. Я лично нахожу, что ничего не можетъ быть лучше интермеццо изъ Cavalleria, но я навѣрно ошибаюсь. Вы кончили? Въ такомъ случаѣ я пойду полежать передъ тѣмъ, чтобъ одѣваться къ обѣду. Ужасно жарко. Деревенскій воздухъ будетъ очень пріятенъ.

— Да, признаюсь, я съ большимъ интересомъ жду Суррейской недѣли,—сказала лэди Локъ, все еще улыбаясь.

V.

Коттеджъ м-съ Виндзоръ въ Сурреѣ помѣщался на окраинѣ очаровательной деревни по имени Чинкотъ,—деревни, во всемъ похожей на деревни, которыя описываются въ модныхъ романахъ. Дома бѣдныхъ людей были образцовы, съ рѣшетчатыми окнами и современными усовершенствованіями. Церковь мала, но очень нарядна. Въ окнахъ были витро, выполненные Моррисомъ по рисункамъ Бёрнъ-Джонса; былъ тамъ и отличный маленькій органъ работы Виллиса. Церковь и школа съ красной крышей стояли на очаровательномъ общинномъ зеленомъ лугу, поросшемъ кустами дикаго терна. Всюду росли деревья, и птицы не переставая пѣли въ нихъ. Розы цвѣли въ маленькихъ садикахъ передъ коттеджами, и рѣзвыя краснощекія дѣти счастливо играли вдоль свѣтлыхъ, посыпанныхъ пескомъ, дорогъ. Словомъ, была настоящая, хорошенькая картинка полной англійской деревенской жизни.

Коттеджъ м-съ Виндзоръ былъ самымъ очаровательнымъ уголкомъ всей этой картины. На самомъ дѣлѣ это былъ неправильно крытый соломой бунгало съ большими верандами, по трельяжамъ которыхъ росъ шиповникъ, съ пристойнымъ пріятнымъ садомъ, гдѣ было много бархатныхъ лужаекъ, живыхъ изгородей тисоваго дерева, обрѣзанныхъ въ причудливыя формы. Узкая аллея вела къ широкимъ воротамъ и хорошенькая зеленая рѣшетка ограждала аллею отъ дороги графства, за которой находился правильный деревенскій прудъ въ стилѣ Джорджа Морланда,—прудъ съ грязной водой, жирными гусями, утками и большими, лоснившимися ло-

мовыми лошадьми, которыя входили по колѣно въ воду и пили, расширяя бархатныя ноздри, — словомъ, со всѣми принадлежностями настоящаго пруда. Недалеко отъ дороги стоялъ хорошенькій красненькій домикъ младшаго пастора, а за нимъ деревенская почта и бакалейная лавка. Дальше виднѣлся болѣе обширный домъ ректора, образцовые коттеджи, общинный лугъ, церковь, школа. За бунгало, который назывался «Убѣжище», помѣщалась ферма, гдѣ куры несли яйца для завтраковъ на бунгало и черныя беркшайрскія свиньи росли и зрѣли подъ яснымъ іюньскимъ солнцемъ. На одной изъ бархатныхъ лужаекъ стояли солнечные часы съ вырѣзаннымъ девизомъ: «Tempus fugit» и разнообразные складные и соломенные стулья размѣщались вокругъ, но сѣти лаунъ-тенниса не дозволялось осквернять видъ того полнаго покоя, который являлъ этотъ зеленый садъ усталому городскому глазу.

М-съ Виндзоръ объявила своимъ гостямъ, что они должны довольствоваться суровой жизнью и пріучаться къ ней во время суррейской недѣли; но такъ какъ она взяла съ собою изъ Лондона французскаго повара, двухъ высокихъ выѣздныхъ лакеевъ, карету, пару лошадей, кабріолетъ гувернантки, жирнаго бѣлаго пони, кучера и разнообразныхъ горничныхъ, гости смотрѣли на свою жалкую будущность съ большой долей спокойствія, и на нихъ не нападалъ ни одинъ изъ тѣхъ страховъ, которые безпокоятъ путника, пріѣзжающаго въ деревенскую гостиницу или на берегъ моря. Привыкать къ суровой жизни, можетъ быть, и пріятно, но всегда томительнѣе переживать нѣчто непріятное въ настоящемъ, чѣмъ жить весело послѣ непріятнаго прошлаго. Хотя гости м-съ Виндзоръ лишены были этого послѣдняго удовольствія, зато избавились и отъ предварительнаго чистилища и, не обладая никакимъ видомъ героизма, не испытывали ни малѣйшаго неудовольствія. Суровая сельская жизнь, конечно, не пришлась бы имъ по вкусу, но они легко мирились со смягченной суровостью. М-съ Виндзоръ могла считаться мудрецомъ своего времени. Она была женщина неумная, но, несомнѣнно, знала свой міръ. Два высокихъ выѣздныхъ лакея составляли девизъ ея общественной жизни. Она, лэди Локъ и Томми, сынъ этой послѣдней, пріѣхали изъ Лондона съ утреннимъ поѣздомъ въ среду, когда должна была начаться суррейская недѣля. Остальныхъ гостей ждали среди дня къ чаю. Томми находился почти въ мучительномъ возбужденіи, пока поѣздъ довольно медленно двигался по красивой мѣстности къ Доркингу. Это былъ неуклюжій мальчуганъ, съ розовыми щеками, большими

карими глазами, очень круглой головой, покрытой необыкновенно короткими черными волосами. Ему было девять лѣтъ, онъ носилъ короткія темно-синія панталоны и широкую бѣлую рубашку, обшитую голубыми полосками, съ большимъ, падающимъ воротникомъ. Черные чулки натянуты были на рѣзвыя ноги, а умъ его былъ поглощенъ исключительно предположеніями о томъ, каковы мальчики пастора, съ которыми, по обѣщанію м-съ Виндзоръ, онъ долженъ будетъ играть. Это былъ мальчикъ умный, пытливый и необыкновенно болтливый. М-съ Виндзоръ находила его нѣсколько утомительнымъ. Но она не привыкла къ дѣтямъ, которыхъ у нея, чѣмъ она часто хвасталась, не было.

— Какъ ихъ зовутъ? — сказалъ Томми, внезапно отскакивая отъ окна и усаживаясь передъ м-съ Виндзоръ. Онъ положилъ оба локтя на синія суконныя колѣна, оперся твердымъ, бѣлымъ подбородкомъ на ладони и уставилъ свои большіе глаза прямо на тщательно подмазанное лицо м-съ Виндзоръ, которое его всегда удивляло, потому что такъ мало походило на лицо его матери. — Какъ ихъ зовутъ? Есть тамъ одинъ, котораго зовутъ Томми?

— Не думаю,—отвѣчала она.—Одного изъ нихъ зовутъ Аѳанасій, кажется. Забыла, какъ зовутъ остальныхъ.

— Зачѣмъ его зовутъ Аѳанасій?

— Я думаю, въ честь великаго Аѳанасія.

— А кто былъ великій Аѳанасій?

— Ахъ, тотъ... знаешь... тотъ, который написалъ «Вѣрую», Томми; но ты ничего этого не можешь еще понять. Ты слишкомъ малъ.

— Я думаю, что вы не очень хорошо сами знаете, кто былъ великій Аѳанасій, кузина Бетти,—сказалъ мальчикъ, упорно разсматривая ее и стараясь понять, почему у нея такіе свѣтлые волосы и такія темныя брови.— И вы говорите, что они всѣ носятъ очки. Они безъ очковъ не видятъ?

М-съ Виндзоръ почти съ отчаяніемъ посмотрѣла на лэди Локъ, которая съ глубокимъ вниманіемъ читала статью объ арміи въ *Pall Mall Magazine*.

— Я думаю, могутъ, но не очень хорошо.

— Значитъ, они слѣпые?

— Нѣтъ, но близорукіе. Къ тому же, отецъ ихъ—пасторъ, а всѣ пасторы носятъ очки. Они, можетъ быть, унаслѣдовали это.

— Что? Очки?

— Нѣтъ, это... Я хочу сказать, что имъ, можетъ быть, надо носить очки, потому что отецъ ихъ раньше носилъ. Это часто бы-

ваетъ. Но ты еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать наслѣдственность.

— Я *могу* понимать, кузина Бетти, — отвѣчалъ мальчикъ довольно строго.

— Ну, хорошо. Ну, ступай теперь и смотри въ окно. Посмотри, вонъ мельница и колесо вертится, а вонъ прудъ и на немъ лодочка. Какая миленькая лодочка!

Томми пошелъ послушно, но нѣсколько презрительно, а м-съ Виндзоръ откинулась на спинку сидѣнья и чувствовала себя совершенно измученной. Ей легче казалось обмѣниваться остротами съ острякомъ, чѣмъ разговаривать съ ребенкомъ. Она начинала жалѣть, что Томми принимаетъ участіе въ суррейской недѣлѣ. Если онъ не сойдется съ дѣтьми пастора, то повиснетъ у нея на шеѣ. Не особенно пріятная перспектива. Но она рѣшила объ этомъ не задумываться. Не стоитъ загодя думать о предстоящемъ неудовольствіи. Она закрыла глаза и неопредѣленно размышляла, кто, въ сущности, былъ великій Аѳанасій, пока поѣздъ не началъ останавливаться,—казалось, онъ останавливался все время отъ самой станціи Ватерлоо,—и они подъѣхали къ платформѣ Доркинга. Томми усадили съ горничной его матери въ телѣжку гувернантки, въ которую былъ запряженъ бѣлый пони, что привело мальчика въ сумасшедшую радость, а лэди Локъ и м-съ Виндзоръ поѣхали въ «Убѣжище» въ ландо.

Стоялъ радостный, жаркій день. Зеленыя изгороди были покрыты пылью, воздухъ былъ наполненъ легкой дымкой, которая накладывала на все вокругъ, даже на самыя обыденныя вещи, какую-то особенную прелесть. Доркингъ, какъ всегда, имѣлъ видъ прочный, спокойный и радостный, истинный идеалъ благоденствующаго земледѣльческаго города, сытаго, благообразнаго, съ хорошими лошадьми и грумами. Нѣкоторые лавочники стояли въ дверяхъ въ однихъ жилетахъ, чтобы подышать воздухомъ. Мальчики на посылкахъ громко свистѣли, шныряя вдоль улицъ по своимъ дѣламъ, телѣжки мясниковъ кидались то туда, то сюда съ обычной стремительностью. Лэди Локъ смотрѣла вокругъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Ей нравился чисто-англійскій колоритъ всей мѣстности. Ее охватывало все очарованіе воспоминаній прежнихъ дней. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она въ послѣдній разъ проходила по англійской деревнѣ или проѣзжала по англійскому земледѣльческому городу. Слезы внезапно подступили къ глазамъ, но несчастной она себя не чувствовала. Наоборотъ, сердце ея трепетало и что-то сжимало грудь отъ наплыва радостнаго счастья.

Она проливала безпечныя слезы, самыя сладкія изъ всѣхъ слезъ на свѣтѣ.

М-съ Виндзоръ не испытывала радостнаго счастья, никогда не испытывала. Иногда она была безотчетно весела и почти всегда оживлена, особенно въ присутствіи мужчинъ; и хотя она и читала второстепенныхъ поэтовъ, но чистосердечно думала, что «Silver Points» Джона Грея стоитъ гораздо выше «Оды Безсмертія» Вордсворта или «Blessed Damosel» Россети. Она любила сахарную воду, особенно если сахаръ былъ очень сладокъ, а вода очень мутная. Когда онѣ ѣхали по Хай-стриту, она вдругъ воскликнула:

— Смотрите, Эмили, вонъ Джорджъ Мередитъ! Онъ идетъ на почту. Какъ онъ похожъ на портретъ, который написалъ съ него Уатсъ! Я никакъ не могу зазвать его къ себѣ, хотя читаю всѣ его книги. М-ръ Амаринтъ говоритъ, что онъ выпустилъ новое изданіе его сочиненій, «переведенныхъ на англійскій языкъ» имъ самимъ. Это отличная мысль и очень полезная для читателей. Я увѣрена, что онъ нажилъ бы этимъ большія деньги. Только, я думаю, это очень трудно сдѣлать. Но м-ръ Амаринтъ такъ талантливъ, что могъ бы. Теперь мы скоро пріѣдемъ. Посмотрите на Томми! Ему дали править!

И дѣйствительно, впереди раздавались громкіе крики торжества и возвѣщали божественное обладаніе этимъ блаженствомъ. Лицо Томми, сіявшее улыбкой, было повернуто къ нимъ, и онъ всѣми силами старался обратить ихъ вниманіе на подвиги своей смѣлости. Жирный бѣлый пони, очевидно, подъ какимъ-то страшнымъ впечатлѣніемъ, внезапно пустился въ отчаянный галопъ; вскорѣ телѣжка гувернантки исчезла подъ холмомъ въ облакахъ пыли, причемъ горничная лэди Локъ всячески выражала свой ужасъ, а красивый грумъ хватался отъ хохота за гибкую, подпоясанную талію.

Лэди Локъ сморгнула слезы и улыбнулась.

— Онъ на седьмомъ небѣ,—сказала она.

— Я надѣюсь только, что онъ не свалится оттуда на дорогу,— прибавила ея кузина.—Ахъ, вотъ и деревня, наконецъ.

Въ четыре часа дня пришла телеграмма. М-ръ Тайлоръ увѣдомлялъ, что заболѣлъ инфлюэнцой и пріѣхать не можетъ. М-съ Виндзоръ очень огорчилась.

— Ахъ, Боже мой! надѣюсь, что моя недѣля не разстроится хоть въ этомъ году!—плачевно заявила она.—Я не знаю, кѣмъ бы замѣнить его? У всѣхъ въ это время года такъ много приглашеній. Одного мужчины намъ не хватаетъ.

— Не безпокойтесь, Бетти,—сказала ея кузина.—Томми въ своихъ собственныхъ глазахъ совсѣмъ взрослый мужчина, а я право люблю иногда, чтобы на меня не обращали вниманія. Это такъ отдохновительно.

— Вы думаете? Можетъ быть, вы и правы. Мужчины не всегда пріятны и успокоительны. Пойдемте въ садъ. Остальные гости сейчасъ пріѣдутъ, если только и они не заболѣли инфлюэнцой. Я такъ благодарна м-ру Тайлору, что онъ заболѣлъ не здѣсь. Это было бы хуже удара. Ударъ, въ концѣ-концовъ, продолжается лишь нѣсколько минутъ, не заразителенъ и это ужъ утѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, если хорошенько подумать, то ударъ,—это самая лучшая вещь, которую можно имѣть, ужъ если надо что-нибудь имѣть. Мы будемъ пить чай подъ кедромъ.

Лэди Локъ раскрыла свой красивый, но нѣсколько большой ротъ и полной грудью вдохнула деревенскій воздухъ. Она ровно ничего не думала объ отсутствіи м-ра Тайлора, котораго никогда не видѣла. Ей было довольно деревни, тепла, лѣта; тѣмъ не менѣе ей хотѣлось ближе узнать лорда Реджи, хотѣлось такъ сильно, но она и самой себѣ не отдавала отчета—почему. Она смутно надѣялась, что въ деревнѣ онъ станетъ другимъ, что съ деревенскимъ платьемъ онъ приметъ деревенскій духъ, что мозгъ его будетъ работать естественнѣе подъ соломенной шляпой, что онъ найдетъ нѣкоторое спасеніе въ полотняныхъ ботинкахъ. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ и красивъ, и молодъ на бархатномъ лугу, подъ кедровымъ деревомъ. Это несомнѣнно. Его прихоти, вообще говоря, забавны, иногда оригинальны. Что касается м-ра Амаринта, она совсѣмъ не могла себѣ его представить въ деревнѣ. Отъ него отдавало городомъ. Что онъ будетъ дѣлать dans cette galère, она совсѣмъ не знала. Она откинулась на спинку соломеннаго стула и тихо наслаждалась. Покой среди зелени послѣ Лондона былъ просто очарователенъ. Она слушала, какъ недалеко на фермѣ кудахтали съ перерывами куры, какъ птицы щебетали въ тисовыхъ деревьяхъ, слушала визгливые голоса Томми и дѣтей пастора; ихъ форменно представили другъ другу, и они удалились играть на выгонъ, составлявшій часть достоянія ректора. Самъ ректоръ уѣхалъ на вакаціи, и его замѣщалъ младшій пасторъ. Большія золотыя пчелы медленно и неустанно жужжали, погружаясь и вылѣзая изъ красивыхъ цвѣтовъ аккуратныхъ клумбъ розъ и тянули одну ноту, напоминавшую камертонъ отдаленнаго органа. Моська м-съ Виндзоръ, Бунгъ, лежала на жирномъ боку подъ солнцемъ съ полузакрытыми глазами и громкимъ храпомъ указывала, что собирается

серьезно заснуть. Воздухъ былъ пропитанъ тонкимъ, восхитительнымъ благоуханіемъ, которое нѣжно пробиралось между листьями и цвѣтами. Изъ коттеджа доносился звонъ посуды и серебра, потому что высокіе лакеи приготовлялись нести на воздухъ чай. Какъ все это пріятно! Лэди Локъ хотѣлось бы и самой всхрапнуть съ открытыми глазами, какъ храпѣлъ Бунгъ. Казалось, что это естественная дань, которую слѣдовало отдать и мѣсту, и погодѣ. Но она воздержалась, сложила руки на колѣнахъ и впала въ мечтательность наяву.

Ее пробудилъ скрипъ колесъ по крупному песку въѣзда.

— Вотъ они!—сказала м-съ Виндзоръ, стремительно вскакивая со стула.—Одинъ разъ въ своей жизни поѣздъ пришелъ вовремя. Директоры дороги были бы совсѣмъ шокированы, если бы узнали объ этомъ, но отъ нихъ это скроютъ. Ахъ, мадамъ Вальтези, какъ я рада васъ видѣть! Какъ поживаете, лордъ Реджи? Какъ поживаете, м-ръ Амаринтъ? Такъ вы всѣ вмѣстѣ пріѣхали! Какое блаженство, потому что у меня здѣсь всего одинъ экипажъ, кромѣ тележки, которая не считается. Я вамъ говорила, что придется многое выносить, много неудобствъ, не правда ли? Это принадлежитъ къ числу удовольствій недѣли. Простота во всемъ, знаете, особенно въ экипажѣ. М-ръ Тайлоръ не можетъ пріѣхать. Не досадно ли? Инфлюэнца. Лондонъ наполненъ микробами. Микробы разъѣзжаютъ по гостямъ, м-ръ Амаринтъ? Потому что м-ръ Тайлоръ всегда живетъ въ чистотѣ. Онъ схватилъ ихъ навѣрно въ обществѣ. Хотите выпить чаю, прежде чѣмъ идти въ свои комнаты? Да, пейте. Его несутъ. У насъ будетъ деревенская клубника и лепешки, по пенни штука, которыя пекли въ деревнѣ, и совсѣмъ горячія! Какъ рюстично и здорово! Въ концѣ-концовъ хорошо иногда съѣсть что-нибудь здоровое, не правда ли?

Гости размѣстились въ креслахъ, а Бунгъ, который вскочилъ съ простительнымъ гнѣвомъ, снова улегся и собирался вновь погрузиться въ прерванныя размышленія.

Мадамъ Вальтези уже облеклась во всѣ принадлежности сельскаго туалета. Отъ самаго Лондона она путешествовала въ соломенной шляпкѣ отъ солнца, отдѣланной розовыми розами. Бѣлая вуаль свободно облегала ея круглое лицо; въ рукѣ она держала пеструю, но не яркую трость съ рѣзнымъ серебрянымъ набалдашникомъ. Черный вѣеръ висѣлъ на тонкой серебряной цѣпочкѣ у таліи, и она, по обыкновенію, разсматривала все окружающее въ лорнетъ. М-ръ Амаринтъ и лордъ Реджи были одѣты почти одинаково въ широкіе, очень свѣтлые пиджаки, и на обоихъ бы-

ли высокіе отложные воротнички, совсѣмъ круглые, которые какъ-то внушали мысль о дѣтствѣ или невинности, и свободно завязанные галстуки. На нихъ были соломенныя шляпы, шведскія перчатки, коричневые сапоги и въ петличкахъ ярко цвѣли огромныя зеленыя гвоздики. Имъ, видимо, было прохладно, удобно и очень хотѣлось чаю. Лицо Реджи было скорѣе блѣдно и взглядъ его голубыхъ глазъ указывалъ, что Лондонъ поглощаетъ его лучшія силы.

— Здоровыя вещи, вообще говоря, мнѣ не годятся,—сказала м-мъ Вальтези своимъ хриплымъ голосомъ,— когда я ѣмъ ихъ въ неподходящее время. Ну, хоть бы горячая лепешка—очень подходящая для меня вещь утромъ передъ завтракомъ или ночью въ постели, но если бы я съѣла ее теперь, я бы чувствовала себя несчастной. Ваша клубника очень оригинальна, это настоящая вещь. Не сердитесь на меня за то, что я пренебрегаю лепешками. Еслибъ я съѣла хоть одну, я бы, право, непремѣнно потеряла терпѣніе.

— Какъ странно,—сказалъ м-ръ Амаринтъ, деликатно взявши одну лепешку своими двумя толстыми бѣлыми пальцами.— Терпѣніе и сердце—это единственныя двѣ вещи, которыхъ я никогда не теряю! Все остальное исчезнетъ. Мнѣ кажется, что искусство терять вещи—очень тонкое искусство. Такъ мало людей, которые умѣютъ потерять что-нибудь красиво. Всякій можетъ найти вещь. Это такъ просто. Тотъ, кто мететъ улицу, можетъ найти шести-пенсовую монету, лежащую на мостовой. Но дѣйствительно оригиналенъ будетъ тотъ, кто, подметая улицу, потеряетъ шесть пенсовъ.

— Я бы хотѣла найти нѣсколько шести-пенсовыхъ монетъ,— сказала м-мъ Вальтези, медленно потягивая чай съ своей обычной каменной серьезностью.— Плохія настали времена. Знаете, мистеръ Амаринтъ, я боюсь, что мнѣ придется не держать больше или кареты, или вашего брата. Не могу удержать за собою ихъ обоихъ и къ тому же платить по счетамъ портнихи. Вчера я ему это сказала. Онъ былъ очень огорченъ.

— Бѣдный Тедди! Уменьшились его разговорные таланты? Я его никогда не вижу. Божій міръ такъ великъ, не правда ли?

— Нѣтъ, онъ все еще говоритъ довольно хорошо!

Потомъ, обращаясь къ лэди Локъ, она прибавила:

— Вы знаете, я плачу́ ему пять шиллинговъ въ часъ, а въ минуты великодушія—десять шиллинговъ за то, чтобы онъ со-

провождалъ меня и разговаривалъ со мною. Онъ отличный gasconeur. Мнѣ будетъ очень скучно безъ него.

— Профессія causeur'а очаровательна,—сказала м-съ Виндзоръ,—удивляюсь, отчего многіе ею не занимаются. Вы черезчуръ великодушны, Эзмѣ; вы занимаетесь ею изъ любви къ искусству.

— Настоящій артистъ всегда будетъ аматёромъ,— сказалъ лордъ Реджи мечтательно и глядя на лэди Локъ абстрактными голубыми глазами,—точно такъ же, какъ настоящій мученикъ всегда будетъ жить для своей вѣры. Эзмѣ похожъ на дрозда. Онъ всегда по два раза повторяетъ намъ свои эпиграммы, иначе мы не смогли бы сразу уловить ихъ первую тонкую, изысканную прелесть. Повторенія составляютъ одну изъ тайнъ успѣха въ наши дни. Эзмѣ первый собесѣдникъ въ Англіи, который открылъ этотъ фактъ, достигъ такимъ образомъ своего настоящаго, никѣмъ не оспариваемаго положенія и сумѣлъ удержать его.

— Способность разговаривать иногда бываетъ очень неудобна,—сказала м-мъ Вальтези.—Прошлою зимой красили и обклеивали обоями мой домъ на Кромвель-Родѣ. Я переѣхала въ гостиницу, но рабочіе такъ копались, что я снова перебралась къ себѣ, падѣясь выжить ихъ оттуда. Это былъ въ высшей степени роковой шагъ. Они такъ полюбили меня и я имъ показалась такой интересной, что они совсѣмъ не хотѣли уходить, а красятъ до сихъ поръ и, пожалуй, всегда будутъ красить. Стоитъ мнѣ сказать что-нибудь остроумное, они покатываются со смѣха, и думаю, что мое имя вошло въ поговорку въ Уайтъ-Чапелѣ или Уэппингѣ, или всюду, гдѣ живетъ британскій рабочій. Что мнѣ дѣлать?

— Читайте имъ вслухъ послѣднюю юмористическую книгу Джерома К. Джерома *),—сказалъ Амаринтъ, они сразу уйдутъ.— Я нахожу, что книги его очень полезны. Я всегда начинаю цитировать ихъ, когда хочу отдѣлаться отъ надоѣдливаго человѣка.

— Но онъ очень интересный писатель,—замѣтила лэди Локъ.

— Любезная милэди, прочтите и вы увидите, что онъ прямо противоположенъ Гамлету Бирбома Три. Гамлетъ въ исполненіи Три смѣшонъ, но не пошлъ, а произведенія Жерома пошлы и не смѣшны. Его книги, какъ академическія картины. Онѣ всѣ заслуживаютъ первыхъ мѣстъ.

— Я думаю, что онъ исполненъ добрыхъ намѣреній,—сказала м-съ Виндзоръ, накладывая себѣ клубники.

— Боюсь, что да,—отвѣчалъ Амаринтъ.—У людей съ хоро-

---

*) Юмористическій писатель, редакторъ журнала *To day*.

шими намѣреніями всегда выходитъ одно плохое. Они похожи на тѣхъ дамъ, которыя носятъ платья не къ лицу, чтобы показать свое благочестіе. Хорошія намѣренія неизмѣнно безграмотны.

— Хорошія намѣренія губятъ міръ,—горячо сказалъ Реджи.— Только тѣ и совершили что-нибудь, которые не имѣли никакихъ намѣреній. У меня нѣтъ намѣреній.

— Зато вы никогда не будете введены въ искушеніе нарушить обѣщаніе, если всегда будете это утверждать,—смѣясь замѣтила лэди Локъ.

— Преднамѣренность—признакъ буржуазности,—продолжалъ Амаринтъ.—Геркомеръ заразился преднамѣренностью и началъ писать портреты директоровъ желѣзнодорожныхъ компаній. Большая картина выставки этого года преднамѣренна. Большія картины выставокъ всегда преднамѣренны. Она изображаетъ хорошенькую молочницу, которая доитъ корову; изящный кавалеръ проѣзжалъ мимо, спѣшился и цѣлуетъ молочницу.

М-мъ Вальтези молча смотрѣла на него нѣсколько секундъ, потомъ сказала съ видомъ неприступной добродѣтели:

— Какой дурной примѣръ для коровы!

— Ахъ! мнѣ никогда это не приходило въ голову!—воскликнула м-съ Виндзоръ.

— Рѣдко приходитъ въ голову, какъ легко сконфузить пристойную корову и... пристойныхъ людей. Вотъ почему они такъ часто убѣгаютъ отъ увеселеній Лондона и предаются увеселеніямъ Парижа. Тамъ они могутъ конфузиться сколько угодно,—ихъ знакомые ничего объ этомъ не узнаютъ.

— Почему это пожилые люди, много видѣвшіе на свѣтѣ, всегда такъ пристойны?—спросилъ Реджи.—Недавно я жилъ на Мальтѣ съ однимъ старымъ генераломъ; онъ взялъ у меня въ спальнѣ тонкій и прелестный романъ Катюль Мандеса *Mephistophela* и сжегъ его. Самъ же онъ на смотрахъ употреблялъ самыя артистическія ругательства. Я думаю, что для развитія личности всегда опасно видѣть свѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я должна считать себя безнадежно погибшей,—сказала лэди Локъ,—потому что прожила восемь лѣтъ въ Сингапурѣ.

— Боже мой!—прошептала м-мъ Вальтези.—Гдѣ это? Это звучитъ такъ, какъ тѣ мѣста, куда географическій Генри Артуръ Джонсъ *) посылаетъ героевъ своихъ драмъ искупать добродѣтели.

*) Драматическій писатель, авторъ „Michael and his cast angel“, „Saints and sinners“ и т. д.

— Большая ошибка думать, что авторъ или артистъ долженъ наполнять свой великолѣпный пустой разумъ знаніемъ или впечатлѣніями, или фактами какого бы то ни было рода,—сказалъ Амаринтъ.—Я написалъ большой романъ объ Исландіи, полный красокъ, страсти и тончайшей испорченности, и тѣмъ не менѣе не могъ бы показать вамъ на картѣ, гдѣ находится Исландія. Я не знаю ни гдѣ она, ни что это такое. Я знаю только, что она имѣетъ красивое названіе и что я написалъ о ней красивую вещь. Наше время—время отождествленія, нашъ богъ—британская энциклопедія, а нашъ дьяволъ—волшебная сказка, которая ничему не научаетъ. И при этомъ мы думаемъ, что идемъ впередъ. Мы съ такимъ же успѣхомъ могли бы вернуться къ мнѣніямъ Дарвина или милымъ фантазіямъ Джона-Стюарта Милля, тѣ, по крайней мѣрѣ, были занимательны, и никто не пытался вѣрить въ нихъ.

— Мы всегда возвращаемся къ нашей первой ненависти,— сказалъ Реджи какъ-то томно.

— Выпейте еще чашечку, мадамъ Вальтези,—просила м-съ Виндзоръ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Никогда не пью больше одной чашки по принципу,—по тому принципу, что первая чашка самая лучшая, какъ послѣднее слово. Я хочу пройтись по розовому саду, если можно. Мистеръ Амаринтъ, пойдемте со мною?

Когда они медленно уходили вдвоемъ, она прибавила вполголоса:

— Терпѣть не могу смотрѣть, какъ другіе пьютъ, когда я уже кончила. Я себя чувствую въ такихъ случаяхъ служанкою кабака.

VI.

Лэди Локъ и лордъ Реджи остались вдвоемъ. М-съ Виндзоръ ушла въ коттеджъ написать записку пастору Ченкота, приглашая его обѣдать на другой день. Она всегда приглашала пастора обѣдать во время суррейской недѣли. Она находила, что это придаетъ вещамъ очаровательную сельскую красоту. Лордъ Реджи все еще казался усталымъ и ѣлъ много клубники. Онъ дѣлалъ это механически, какъ будто и самъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ. Лэди Локъ посмотрѣла на него и почувствовала, что его видъ совершенно соотвѣтствуетъ ея ожиданіямъ въ смыслѣ изящества и моложавости. Круглый дамскій воротничокъ молодилъ его еще на пять лѣтъ. Соломенная шляпа съ черною лентой очень шла къ нему. Ее только оскорблялъ видъ яркой зеленой гвоздики. Ей ужасно хотѣлось спросить его, зачѣмъ онъ ее носитъ, но она чувствовала, что не имѣ-

етъ на это права. Итакъ, она наблюдала, какъ онъ принималъ усталый видъ и ѣлъ клубнику, пока онъ не взглянулъ на нее своими красивыми голубыми глазами.

— Очень вкусная клубника,—сказалъ онъ.—Я бы кончилъ ее, но терпѣть не могу кончать что бы то ни было. Въ этомъ есть что-то пошлое. Вы не думаете? Пошлые люди всегда все кончаютъ и все дѣлаютъ до конца. Они распредѣляютъ свой день и для всего имѣютъ опредѣленные часы. Я бы хотѣлъ не имѣть опредѣленнаго часа ни для чего. Это было бы оригинальнѣе.

— Вы очень любите оригинальность?

— А вы не любите?

— Я не знаю хорошенько. Можетъ быть, я мало встрѣчала оригинальныхъ людей въ жизни. Я, знаете, долго жила внѣ Англіи и внѣ городовъ. Я почти всегда жила среди военныхъ.

— Военные никогда не бываютъ оригинальны. Они находятъ, что это не годится для мужчины. Однажды я провелъ цѣлую недѣлю съ командиромъ одной изъ нашихъ армій и никогда въ жизни не слыхалъ этого замѣчанія чаще. Они все считали аффектаціей. Однажды за офицерскимъ столомъ я заговорилъ о Метьѣ Арнольди. Они нашли, что онъ аффектація.

— О, нѣтъ!

— Я васъ увѣряю, что нашли. Я объяснилъ, что онъ былъ инспекторомъ школъ. Думалъ, что это ихъ разувѣритъ. Но они, очевидно, мнѣ не повѣрили. Они ничего не знали, ни о чемъ и ни о комъ. И это само по себѣ было бы прелестно, но они при этомъ думали, что знаютъ все.

— Я полагаю, что вы попали очень неудачно.

— Можетъ быть. Я знаю, что старался быть мужественнымъ. Я говорилъ о Вильсонъ Барретѣ *), что я могъ еще сдѣлать? Когда вы говорите о Вильсонѣ Барретѣ, то это обыкновенно указываетъ, что вы цѣните героическія времена. Конечно, теперь уже никто о немъ не думаетъ. Но мнѣ ничего не удалось. Я помню, что въ теченіе этой недѣли былъ на пяти обѣдахъ, и на каждомъ изъ нихъ мы разговаривали объ огнестрѣльныхъ снарядахъ. Наконецъ, мнѣ показалось, что всю мою жизнь я самъ былъ огнестрѣльнымъ снарядомъ и что всѣ мужчины и женщины кругомъ просто скорострѣльное орудіе.

— Я думаю, что каждый изъ насъ склоненъ разговаривать, какъ говорится, о лавкахъ.

---

*) Американскій актеръ-трагикъ и драматическій писатель.

— Да, но мы должны все-таки говорить хоть о лавкахъ вообще или о лавкѣ, гдѣ все продается—и Библіи, и дешевый сыръ. Впрочемъ, Библіи можно обойти молчаніемъ. М-съ Гомфрей Уардъ вызвала крахъ въ этомъ производствѣ.

— А вы клубнику-то все-таки кончили.

Реджи разразился почти дѣтскимъ смѣхомъ.

— Кончилъ. Никто изъ насъ, я думаю, не живетъ согласно съ своими идеалами. Но у меня, право, нѣтъ идеала. Я согласенъ съ Эзмѣ, что идеалы болѣе всего ограничиваютъ горизонты человѣка.

— Тѣмъ не менѣе, глядя на васъ, иногда кажется, что вы можете имѣть идеалы,—сказала она наполовину самой себѣ. Снова на нее нашло то странное материнское чувство, родъ нѣжности, которая часто ведетъ къ проповѣдничеству.

Реджи посмотрѣлъ на нее спокойно и съ довольнымъ выраженіемъ лица. Косвенная дань его внѣшности приводила его въ восхищеніе, все равно исходила ли хвала отъ мужчины, или отъ женщины, и онъ цѣнилъ выше этого только прямо высказанную похвалу.

— А, но это ничего не значитъ,—сказалъ онъ.—Ошибочно думать, какъ это дѣлаютъ многіе, что душа отражается въ наружности человѣка. Порокъ иногда обрисовывается въ чертахъ лица, измѣняетъ контуры, но вотъ и все. Въ сущности наши лица маски, данныя намъ для того, чтобы скрывать подъ ними духовный образъ. Конечно, иногда маска случайно наполовину соскальзываетъ, обыкновенно когда мы бываемъ глупы и чувствительны. Но это не артистическая случайность. Внѣшнее выраженіе того, что происходитъ внутри насъ, бываетъ гораздо рѣже, чѣмъ думаютъ глупые люди. Чрезвычайно мелѣпа теорія, что артистъ выражаетъ самого себя въ своемъ искусствѣ. Писатель, наприм., имѣетъ по меньшей мѣрѣ три ума: умъ, который онъ проявляетъ въ обществѣ, писательскій умъ и свой настоящій умъ. Всѣ они раздѣльны и различны, или должны бы были быть таковыми. Лишь только писательскій умъ человѣка смѣшивается съ его настоящимъ умомъ, онъ перестаетъ быть артистомъ. Вотъ почему Свинбёрнъ *) такъ понизился. Если вы хотите написать дѣйствительно тонкое эротическое стихотвореніе, вы должны вести строгую и совершенно почтенную жизнь. «Laus Veneris» могла быть написана человѣ-

*) Поэтъ, о которомъ говорятъ, что онъ пишетъ въ духѣ итальянскаго возрожденія. Авторъ „Saugs before sunrise“, „Laus Veneris“ его поэма.

комъ съ совѣстью нонконформиста. Я убѣжденъ, что м-съ Гумфрей Уардъ самая строгая ортодоксальная христіанка, которую мы можемъ представить себѣ, иначе ея книги противъ общепринятаго христіанства не могли бы принести ей такъ много тысячъ фунтовъ. Я, конечно, никогда не читалъ ихъ. Жизнь слишкомъ длинна и пріятна для такого времяпрепровожденія, но одинъ епископъ сказалъ мнѣ однажды, что она великая артистка и что, если бы она обладала большей серьезностью, она могла бы соперничать съ Джоржемъ Эліотомъ. У Диккенса навѣрное не было чувства юмора. Вотъ почему онъ моритъ со смѣху простоватыхъ людей. Оскаръ Уальдъ въ корнѣ ошибался, когда писалъ «Picture of Dorian Gray». Послѣ акта жестокости Доріана, вся картина должна была стать нѣжнѣе, святѣе, чище по выраженію.

— Я никогда не читала этой книги.

— Вы мало потеряли. Бѣдный Оскаръ! Онъ страшно правдивъ. Онъ мнѣ очень напоминаетъ Джоржа Вашингтона.

— Не прогуляться ли намъ по саду, если вы дѣйствительно кончили чай? —сказала лэди Локъ, вставая.—Какой чудный день, тихій, отдѣленный отъ остального года, сказалъ бы м-ръ Амаринтъ. Я рада, что уѣхала изъ Лондона. Только по привычкѣ можно выносить Лондонъ.

— По привычкѣ ничего нельзя переносить, а то бы мы любили политику и привыкли бы къ присутствію повѣренныхъ по дѣламъ въ обществѣ.

— Я люблю политику,—смѣясь сказала лэди Локъ.—Какія великолѣпныя розы! Ахъ, вотъ и Томми. Вы вѣдь не знаете моего мальчика?

Томми дѣйствительно бѣжалъ къ нимъ, прыгая по одной изъ розовыхъ аллей. Его щеки горѣли отъ волненія, а когда онъ приблизился, они увидѣли, что глаза его свѣтятся за огромными очками, криво надѣтыми на его прямой маленькій носъ.

— Мой милый мальчикъ,—воскликнула его мать,—скажи на милость, что это ты затѣялъ? Какой у тебя ужасный видъ!

— Герри Смитъ далъ мнѣ ихъ,—кричалъ Томми радостно.—Онъ говоритъ, что это страшно ко мнѣ идетъ.

— Все это очень хорошо, но Герри Смитъ нуждается въ очкахъ, а ты не нуждаешься. Его отцу это будетъ непріятно. Ты долженъ ихъ отдать, Томми. Подай руку лорду Реджинальду Гастингсу. Онъ будетъ гостить здѣсь.

Томми подалъ руку опасливо и сразу вступилъ въ разговоръ, сказавши:

— Вы знаете, кто былъ великій Аѳанасій?

— Это былъ прекрасный человѣкъ, пріобрѣвшій громкую славу. Онъ не написалъ Аѳанасьевской вѣры и по этой причинѣ всегда будетъ заслуживать наше уваженіе.

Томми слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ и остался очень доволенъ этимъ вкладомъ въ свои еще юныя знанія. Онъ всунулъ свою горячую руку въ руку лорда Реджи съ безхитростнымъ замѣчаніемъ:

— Вы умнѣе кузины Бетти!—и затѣмъ предложилъ ему сыграть партію въ мячъ на лугу. Къ удивленію лэди Локъ, лордъ Реджи не устоялъ предъ заманчивымъ искушеніемъ и весело убѣжалъ вслѣдъ за мальчикомъ. Она стояла и смотрѣла, пока они не исчезли, перебѣжавши черезъ мягкую, зеленую лужайку.

— Не могу понять его, — думала она. — Онъ, повидимому, уменъ, а представляетъ только эхо другого человѣка; отъ природы добръ, но преисполненъ отвратительныхъ нелѣпостей; джентльменъ и совсѣмъ не мужчина. Говоритъ, что предается всякому пороку, который привлекаетъ его, и совсѣмъ не имѣетъ порочнаго вида. Что онъ такое? Таковъ ли онъ самъ по себѣ, или только подражаетъ м-ру Амаринту, или просто позируетъ, или въ самомъ дѣлѣ отвратителенъ, или просто капризенъ, талантливъ и нелѣпъ? Чѣмъ бы онъ былъ, если бы никогда не встрѣчался съ м-ромъ Амаринтомъ?

Она начинала смутно не любить м-ра Амаринта и смутно любить лорда Реджи. Ея мальчику онъ сразу понравился, а она была мать чрезмѣрно переполненная материнскимъ чувствомъ. Люди съ чрезмѣрнымъ материнскимъ чувствомъ очень часто и любятъ импульсивно, и ненавидятъ импульсивно. Въ ихъ умѣ нѣтъ тѣхъ «почему» и «слѣдовательно», которыми удерживалось бы ихъ сердце. Она медленно шла домой, чтобы одѣться къ обѣду, и пока шла, ей продолжалъ горячо нравиться лордъ Реджи.

Вечеромъ, послѣ обѣда, занимались музыкой въ маленькой гостиной, великолѣпно убранной въ восточномъ стилѣ, съ потолкомъ со сводами, деревянными ширмами поразительной рѣзьбы, вывѣзенными изъ Верхняго Египта, персидскими подвѣсками и вышивками, диванами и молитвенными коврами, на которыхъ никто никогда не молился. И лордъ Реджи, и м-ръ Амаринтъ играли на фортепіано свободно и развязно, замѣняя избыткомъ выразительности недостатки исполненія и покрывая случайныя оплошности скорѣе глухой педалью, чѣмъ громкой. Лордъ Реджи сыгралъ гимнъ своего сочиненія, который онъ откровенно признавалъ ве-

ликолѣпнымъ. Онъ говорилъ, что это гимнъ безъ словъ, и прибавилъ мягко, что таковы должны быть всѣ гимны. Гимнъ отличался архаической простотой, чтобы не сказать пустотой, которая привела м-съ Виндзоръ въ экзотическое восхищеніе, и былъ необыкновенно коротокъ, что довершало впечатлѣніе.

Въ эту ночь на небѣ стояла луна полная, круглая, ясная, и большія французскія окна были настежь открыты въ тихій садъ. Гостиная была освѣщена слабо, и пока Реджи игралъ, онъ находился въ тѣни. Его блѣдное, умное лицо едва виднѣлось. Лэди Локъ смотрѣла на него, и онъ казался такимъ молодымъ и чистымъ. Ему такъ нравился гимнъ, что онъ игралъ его много разъ подъ рядъ и, судя по туше, старался придать мощному звуку Стейнвейя возможно большее сходство съ клавесиномъ.

М-мъ Вальтези сидѣла на диванѣ, положивши свои длинныя тонкія ноги на вышитую подушку. Она курила папироску, обнаруживая большую привычку къ этому занятію. М-съ Виндзоръ стояла у окна и безцѣльно слѣдила глазами за передвиженіями Бунга, который носился по саду съ закрученнымъ хвостомъ и вздернутымъ носомъ, какъ привидѣніе. М-ръ Амаринтъ облокотился на рояль, и вся поза его выражала восторженное вниманіе, а умное, чисто-выбритое лицо—чувственность.

Лэди Локъ слушала спокойно. Она никогда не слышала такого частаго повторенія одного и того же гимна, но не скучала.

Наконецъ, лордъ Реджи остановился и сказалъ:

— Эзмѣ, завтра пасторъ будетъ здѣсь обѣдать. Помните, что вы должны быть съ нимъ очень любезны. Я хочу въ воскресенье играть на органѣ, и онъ долженъ позволить намъ устроить антифонъ. Я его сочиню. Мы можемъ сдѣлать репетицію хора въ пятницу вечеромъ, если м-съ Виндзоръ ничего не имѣетъ противъ этого.

— О, восхитительно! — закричала м-съ Виндзоръ у своего окна.—Я больше всего на свѣтѣ люблю репетиціи хоровъ. Хоры мальчиковъ это такая прелесть. Они должны придти на репетицію въ своихъ ночныхъ рубашкахъ. Я увѣрена, что мистеръ Смитъ будетъ въ восторгѣ. Только помните, что завтра вечеромъ вы должны твердо держаться Высокой Церкви. М-ръ Смитъ ужасно строгъ по этой части.

— Я, право, не знаю, какъ это держаться Высокой Церкви,— серьезно сказала м-мъ Вальтези.—Надо ли придавать своему тѣлу какое-нибудь особое положеніе, или можно показывать свои убѣжденія только извѣстными положеніями ума?

— О, тутъ нѣтъ ничего мудренаго,—сказалъ лордъ Реджи.— Надо только какъ можно больше нападать на евангеликовъ. Отзывайтесь непочтительно объ епископѣ Ливерпульскомъ и скажите, что во всей Англіи единственные проповѣдники истинной вѣры отецъ Стаунтонъ и епископъ Линкольнскій. Ритуалистамъ не трудно угодить. Они всю свою вѣру кладутъ на проповѣдниковъ и на позы. Еслибъ я былъ чѣмъ-нибудь, то былъ бы католикомъ.

— Вы желали бы признаваться въ своихъ грѣхахъ?—спросила лэди Локъ съ удивленіемъ.

— Ужасно. Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ разсказывать добродѣтельному человѣку, какія ты надѣлалъ скверности. Это интеллектуально привлекательно. Одно изъ наибольшихъ удовольствій того, что называется порокомъ, заключается именно въ возможности такъ много объ этомъ разсказывать добродѣтельнымъ людямъ. Добродѣтельные люди любятъ разговоры о грѣхахъ. Развѣ вы не замѣчали, что грѣшникъ ни мало не интересуется святымъ, а святой всегда отличается какимъ-то неловкимъ любопытствомъ ко всѣмъ движеніямъ грѣшника?

Эзмѣ Амаринтъ вздохнулъ громко-музыкально, а потомъ замѣтилъ:

— Изъ всего мнѣ извѣстнаго вѣра есть нѣчто наиболѣе множественное. Предполагается, что мы всѣ вѣримъ въ одно и то же на разныя манеры. Это все равно, что ѣсть изъ одного и того же блюда различно окрашенными ложками. А мы бьемъ другъ друга этими ложками, какъ дѣти.

— А блюдо это портитъ намъ пищевареніе,— сказала м-мъ Вальтези.—Однажды я провела недѣлю съ одной теткой, которая предавалась молебствіямъ, какъ другіе люди предаются рюмочкѣ. Мы ходили на молебствія каждый день, и никогда во всю мою жизнь у меня не было такой диспепсіи. Молебствія въ большомъ количествѣ неудобоваримѣе омара въ полночь.

— Какая славная луна, — сказала лэди Локъ, подходя къ окошку.

— Луна—это религія ночи,—сказалъ Эзмѣ.—Ступайте всѣ въ садъ, я вамъ спою пѣснь къ лунѣ. Она очень красива, мнѣ хочется отдать ее Жану Решке. Мой голосъ будетъ лучше звучать издалека, какъ всѣ хорошіе голоса.

Онъ сѣлъ за рояль, и всѣ остальные вышли въ тихій зеленый садъ.

У него былъ чистый, свѣжій голосъ, и онъ скорѣе проговорилъ,

чѣмъ пропѣлъ слѣдующіе стихи; всѣ стояли и слушали, пока не отзвучала и не умолкла послѣдняя трель аккомпанимента:

О, выйди ты, призрака дивный ликъ!
О, мѣсяцъ, со снѣжнымъ челомъ!
Очнись, отгони прочь дремоты мигъ,
И съ глазъ своихъ сдерни покровъ.
Въ тоскѣ мое сердце не знаетъ словъ,
И ноетъ въ томленьи глухомъ.
О, выйди ты, призрака дивный ликъ!
О, мѣсяцъ, со снѣжнымъ челомъ!

О, пурпуръ цвѣтка, о, прелестный ротъ!
О, нѣжный дыханія пылъ!
Цѣлуй, очаруй этотъ сонный гротъ!
Шепчи,—міръ померкнетъ вокругъ,
Тѣнь мрачная снимется вдругъ
Со смерти натянутыхъ крылъ.
О, пурпуръ цвѣтка, о, прелестный ротъ!
О, нѣжный дыханія пылъ!

О, души простертыя, дивный даръ!
О, души съ тревогой въ глазахъ!
Покойся, душа, въ мірѣ полномъ чаръ,
Гдѣ не зачѣмъ падать слезамъ,
Не надо внимать голосамъ,
Гдѣ нѣтъ разсужденья въ страстяхъ
О, души простертыя, дивный даръ!
О, души съ тревогой въ глазахъ!

Романсъ былъ пропѣтъ съ такой кажущейся страстью, что, когда среди прохлады ночи умолкло послѣднее слово, лэди Локъ почувствовала на глазахъ слезы.

— Какъ прекрасно,—невольно сказала она лорду Реджи, стоявшему рядомъ съ ней.—И какъ извращенно!

— Это противорѣчитъ одно другому,—сказалъ онъ.—Ничто прекрасное не можетъ быть извращенно.

— Въ такомъ случаѣ какъ удивительно правы были нѣкоторыя женщины, которыхъ общество лишило своихъ милостей,—замѣтила м-мъ Вальтези.

— Да,— отвѣтилъ Реджи.—И какъ удивительно счастливы въ своей прямотѣ.

— Но не въ наказаніи, которое понесли,—сказала м-съ Виндзоръ,—я думаю, что глупо давать людямъ поводъ казнить себя за то, что эти люди сами дѣлаютъ.

— Общество только одну вещь цѣнитъ больше самого порока,—сказала м-мъ Вальтези, величественно разсматривая луну въ свой черепаховый лорнетъ.

— А что именно?—спросила лэди Локъ.

— Санкцію несправедливости.

VII.

— Ну, что вы намѣрены сегодня дѣлать?—спросила на другое утро м-съ Виндзоръ послѣ чаю, который подавался въ половинѣ одиннадцатаго, потому что всѣ вставали рано изъ уваженія къ деревенскому воздуху, и м-ръ Амаринтъ объявилъ, что проснулся раньше пяти часовъ и наслаждался огненно-красной музыкой пѣтуховъ фермы.

— Я бы хотѣла пойти въ лавку,—замѣтила м-мъ Вальтези, которая была одѣта въ бѣлое сержевое платье, усѣянное невинными розовыми цвѣточками.

— Но, моя милая, здѣсь нѣтъ лавокъ!

— Во всякой деревнѣ есть суконная или полотняная лавка,—отвѣчала м-мъ Вальтези,—и бакалейная лавка.

— Но что же вы тамъ можете купить?

— Вотъ это я и желала бы знать. Могу я взять телѣжку гувернантки? Мнѣ хотѣлось бы чувствовать себя гувернанткой.

— Конечно. Я сейчасъ прикажу. Вы сами будете править?

— О, нѣтъ, я слишкомъ слѣпа. Не поѣдете ли вы со мной, лэди Локъ? Я увѣрена, что вы умѣете править. Мнѣ стоитъ только взглянуть на человѣка, и я сразу вижу, что онъ умѣетъ дѣлать. Я указала бы вамъ на дантиста въ толпѣ изъ ста человѣкъ.

— Или кучера?—сказала лэди Локъ.—Я думаю, что справлюсь съ бѣлымъ пони. Да, я съ удовольствіемъ поѣду съ вами.

— А я пойду въ гостиную сочинять свой антифонъ къ воскресенью,—сказалъ лордъ Реджи.—Я не похожъ на Сенъ-Санса,—всегда сочиняю за роялемъ.

— А я пойду въ розовый садъ,—сказалъ Эзмѣ,—и буду ѣсть лепестки розъ. Ничего не можетъ быть вкуснѣе спѣлой «La France». Можно, м-съ Виндзоръ? Пожалуйста, не отвѣчайте: «здѣсь дворецъ свободы», а то это напомнитъ мнѣ м-ра Александера, добраго, молодого антрепренера, никогда не умирающаго, но скажите просто могу ли я?

— Можете. Да, сочините нѣсколько ритуалистическихъ эпиграмъ, чтобы сказать ихъ сегодня вечеромъ м-ру Смиту. Ахъ, какъ

мы всѣ очаровательно рюстичны! Такъ наивны! Я иду заказывать обѣдъ и провѣрять вчерашніе счета экономки.

Она вышла съ тяжеловѣсной граціей, шурша юбками и слабо побрякивая большой связкой ключей, которые ничего особеннаго не запирали; они просто составляли принадлежность деревенской хозяйки дома.

Черезъ нѣсколько минутъ простые аккорды и звукъ ряда устарѣвшихъ секвенцій, за которыми послѣдовали чисто-генделевскія рулады, указали, что лордъ Реджи началъ сочинять свой антифонъ, а въ это же время м-мъ Вальтези и лэди Локъ садились въ телѣжку гувернантки, весьма походившую на большую поясную ванну на колесахъ. Онѣ сѣли другъ противъ друга на низенькія скамейки. Лэди Локъ правила.

Пока онѣ ѣхали по пыльной деревенской дорогѣ, пролегавшей между двумя пахучими насыпями, поросшими цвѣтами, м-мъ Вальтези сказала:

— Что, гувернантки всегда ѣздятъ въ ваннахъ? Это входитъ въ систему?

— Я не знаю,—отвѣтила лэди Локъ, глядя на сгорбленную бѣлую фигурку, сидѣвшую напротивъ, и на маленькіе злые глазки, смотрѣвшіе изъ-подъ огромной, вызывающей садовой шляпки.—О какой системѣ вы говорите?

— О системѣ англійскихъ гувернантокъ... Простая одежда, ни друзей, ни общества, ни денегъ, ни поздняго обѣда. Ужинъ въ девять часовъ, всякіе таланты, и извольте быть въ постели въ десять часовъ, все равно—хотите вы спать или нѣтъ. Всегда ли онѣ разъѣзжаютъ также въ ваннахъ?

— Я думаю, часто. Эти телѣжки всегда называютъ телѣжками гувернантокъ.

М-мъ Вальтези загадочно кивнула головой.

— Я рада, что мнѣ никогда не надо было сдѣлаться гувернанткой,—задумчиво сказала лэди Локъ.—Съ свѣтской точки зрѣнія—я родилась подъ счастливой звѣздой.

— На свѣтѣ нѣтъ такой вещи, которую называютъ счастьемъ,—замѣтила м-мъ Вальтези, раскрывая большой бѣлый зонтикъ, сразу заслонившій видъ на нѣсколько миль вокругъ.—На свѣтѣ бываютъ только способности.

— Но вѣдь многіе способные люди несомнѣнно несчастны.

— Они неспособны въ томъ или другомъ направленіи. Развѣ вы не замѣтили, что про всякаго неудачника его друзья говорятъ, что онъ способный человѣкъ? Тотъ человѣкъ неспособный, кото-

рому не удалось въ жизни, точно такъ же какъ та женщина не умна, которой не удалось добыть самое худшее и самое необходимое зло—мужа.

— Вы очень циничны,—сказала лэди Локъ, хлопая кнутомъ по жирной бѣлой спинѣ пони.

— Всѣ умные люди циничны. Цинизмъ—это просто искусство видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть, а не такими, какими онѣ должны быть. Когда говоришь, что христіанство никогда не сдѣлало людей христіанами, или что любовь погубила большее число женщинъ, чѣмъ ненависть, или что добродѣтель есть простая случайность обстановки, то можно быть увѣреннымъ, что тебя сочтутъ циникомъ. А между тѣмъ всѣ эти замѣчанія вѣрны до полнаго абсурда.

— Я этого не думаю.

— Да, но вѣдь вы восемь лѣтъ прожили въ Сингапурѣ. Они вѣрны въ Лондонѣ. И на самомъ дѣлѣ на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ болѣе пяти общихъ истинъ. Если хочешь быть понятымъ, надо всегда локализировать истину. То, что въ Лондонѣ истина, то будетъ ложью въ деревнѣ. Я думаю, что въ деревнѣ есть еще много настоящихъ христіанъ, но они только потому и хорошіе христіане, что живутъ въ деревнѣ... большая часть изъ нихъ. Наши добродѣтели по большей части счастливыя или несчастныя случайности, и то же самое можно сказать про наши пороки. Посмотрите на лорда Реджи. Онъ одинъ изъ самыхъ порочныхъ молодыхъ людей нашихъ дней. Почему? Потому что какъ хамелеонъ онъ принимаетъ цвѣтъ того, на чемъ останавливается или около чего находится, а его помѣстили около пурпура, а не около бѣлизны.

У лэди Локъ странно и болѣзненно дрогнуло сердце.

— Я увѣрена, что у лорда Реджи есть много хорошаго!—воскликнула она.

— Не достаточно, чтобы испортить его прелесть,—сказала м-мъ Вальтези.—У него нѣтъ настоящаго намѣренія ни быть хорошимъ, ни быть дурнымъ. Онъ живетъ какъ Эзмѣ Амаринтъ, только для того, чтобъ быть артистичнымъ.

— Но скажите мнѣ, Бога ради, что значитъ это слово?—спросила лэди Локъ.—Это, повидимому, самое модное слово. Я его всюду слышу какъ какой-то припѣвъ.

— Я не могу вамъ этого объяснить. Я слишкомъ стара. Спросите лорда Реджи. Онъ готовъ сказать вамъ все на свѣтѣ.

Послѣднія слова были сказаны съ легкой преднамѣренностью.

— Что вы хотите сказать?—быстро спросила лэди Локъ.

— Вотъ мы доѣхали до почтовой конторы. Развѣ не слѣдуетъ намъ, по-настоящему, купить нѣсколько марокъ? Нѣтъ? Ну, тогда остановимся у лавки бѣлья и сукна. У меня страшное желаніе купить какихъ-нибудь деревенскихъ пустяковъ. А кромѣ того въ окнѣ выставлены премилые шершавые носовые платки, въ квадратный ярдъ величиною. Мнѣ надобно добыть себѣ дюжину.

За завтракомъ лордъ Реджи заявилъ, что онъ сочинилъ великолѣпный антифонъ на слова:

«Какъ лента алая губы твои, и уста твои прекрасны; какъ пластъ гранатоваго яблока виски твои подъ кудрями твоими».

— Это звучитъ какъ что нибудь эзмеевское,—сказалъ онъ,—а на самомъ дѣлѣ это взято изъ пѣсни пѣсней Соломона. Совсѣмъ я не зналъ, что Библія такъ интенсивно артистична. Въ книгѣ Іова есть мѣста, подъ которыми я не постыдился бы подписаться.

— Вы напомнили мнѣ объ одной дамѣ-писательницѣ, очень популярной въ кухонныхъ кругахъ,—сказалъ Эзмѣ,—мужъ которой однажды заявилъ мнѣ, что она выработала свой стиль на Рёскинѣ и лучшихъ частяхъ Библіи. Она выпускаетъ около семи книгъ въ годъ, мнѣ говорили, и все о матросахъ, а сама рѣшительно ничего о нихъ не знаетъ. Я ее вѣчно встрѣчаю, и она все приглашаетъ меня завтракать и говоритъ, что знаетъ моего брата. Она, повидимому, какъ-то странно соединяетъ въ одно цѣлое моего бѣднаго брата и завтракъ. Я никогда съ ней завтракать не буду, а она всегда меня будетъ приглашать.

— Надежда цвѣтетъ вѣчно въ человѣческомъ сердцѣ,—сказала м-съ Виндзоръ, радуясь своей находчивости.

— Это величайшее заблужденіе меланхолическаго времени,—отвѣтилъ Эзмѣ, поправляя неуклюжей рукой большой лунный камень булавки своего галстука,—«самоубійство» было бы болѣе подходящимъ словомъ. «Вторая мистрисъ Тенкерей» ввела самоубійство въ страшную моду. Мнѣ говорили, что пропасть весьма почтенныхъ дамъ, безъ всякаго признака прошлаго, покончили недавно съ своей жизнью. Умирать естественной смертью стало прямо нефешенебельно; впрочемъ, безъ сомнѣнія, приливъ скоро отойдетъ.

— Я бы желала знать, понимаютъ ли люди, какъ могутъ быть опасны ихъ писанія,—сказала лэди Локъ.

— Приходится выбирать одно изъ двухъ—или быть опаснымъ, или быть скучнымъ. Общество любитъ, увѣряю васъ, чувствовать себя на краю пропасти. Безвредность—смертельный врагъ общественнаго спасенія. Строгая почтенность, по нынѣшнимъ време-

намъ, спугнула бы даже богатаго американца, а богатые американцы страшно почтенны по природѣ. Вотъ почему они всегда такъ стремятся попасть въ компанію принца Вельскаго.

— Я думаю, что Ибсенъ за многое отвѣтственъ,—сказала м-съ Виндзоръ неопредѣленно. Позавтракавши, она всегда выражалась туманно; послѣ пищи разумъ ея тщетно искалъ выхода, какъ солнце старается выглянуть изъ-за надвинувшихся тучъ.

— Мнѣ кажется, что м-ръ Клементъ Скоттъ *) такъ думаетъ,— сказалъ Амаринтъ,—но то, что думаетъ м-ръ Клементъ Скоттъ, имѣетъ не особенно большое значеніе, не правда ли? Положеніе критики всегда поражало меня своей комичностью. Критики вѣчно бѣгаютъ за спиною общественнаго мнѣнія и кричатъ: «впередъ» или «назадъ!»—тѣмъ, кто впереди нихъ. Если бы хоть половина изъ нихъ имѣла настоящее вліяніе, наши молодые актеры и актрисы играли бы пьесы Пинеро **), какъ когда-то м-съ Сиддонсъ и Чарльзъ Кинъ играли пьесы Шекспира. Многіе изъ нихъ претендуютъ на авторитетъ на томъ основаніи, что знали Диккенса, чего имъ слѣдовало бы скорѣе стыдиться. Всѣ они держатся ничѣмъ не озаренной рутины, какъ м-ръ Сала ***), который самъ еще болѣе пошлъ, чѣмъ книги, о которыхъ онъ вѣчно говоритъ. Джозефъ Найтъ—ихъ оракулъ на первыхъ представленіяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ живутъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что Робертъ Букананъ можетъ писать хорошимъ англійскимъ языкомъ и что Джоржъ Р. Симсъ...чѣмъ бы онъ былъ безъ этой буквы Р. передъ своимъ именемъ?—незначительный поэтъ.

— О, Боже мой! Я боюсь, что всѣ мы часто ошибаемся,— сказала м-съ Виндзоръ все еще туманно.—Но знаете, намъ слѣдовало бы все-таки подумать о прогулкѣ на Лейфъ-Хиль. Чудный день. Вы пойдете съ нами мадамъ Вальтези?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ представляется, что я, какъ Провидѣніе, создана для сидячей неподвижности. Кто представляетъ себѣ Божество стоящимъ на ногахъ? Я останусь дома и буду читать послѣдній номеръ *The Lellow Disaster*. Мнѣ хочется видѣть, какъ Обрей Бирдслей понялъ архіепископа Кентербюрійскаго. Онъ нарисовалъ его сидящимъ въ телѣжкѣ въ садахъ Лембетскаго дворца, а подъ нимъ подписано: «J'y suis, j'y reste». На немъ, кажется, надѣта черная маска, можетъ быть, для того, чтобы скрыть сходство.

---

*) Театральный критикъ, въ *Daily Telegraph*.

**) Современный драматическій писатель.

***) Журналистъ и критикъ.

— Я видѣла его,—сказала м-съ Виндзоръ:—это очень талантливо. Во всемъ рисункѣ всего три линіи, двѣ для телѣжки и одна для епископа.

— Какая дивная простота!—сказалъ лордъ Реджи, уходя въ переднюю за своей соломенной шляпой.

Вечеромъ, когда всѣ собрались въ гостиной въ ожиданіи обѣда, оказалось, что и м-съ Виндзоръ, и м-мъ Вальтези одѣлись въ честь пастора въ простыя черныя платья. Лэди Локъ не носила настоящаго вдовьяго траура, но послѣ смерти мужа никогда не одѣвалась въ цвѣтное платье. Въ виду скораго появленія м-ра Смита, на всю компанію нашло настроеніе пристойнаго ожиданія. М-ръ Амаринтъ сталъ серьезенъ до тяжеловѣсности; лордъ Реджи былъ блѣденъ и казался разсѣяннымъ. Онъ, вѣроятно, думалъ о своемъ антифонѣ, ему представлялось, что аккордъ тоники и доминанты, а также и діатоническіе ходы необыкновенно и утонченно артистичны. Ему хотѣлось написать его въ лидійскомъ тонѣ, только онъ никакъ не могъ вспомнить, что̀ такое лидійскій тонъ, а руководство теоріи музыки онъ позабылъ взять съ собою. Онъ посмотрѣлся въ зеркало, висѣвшее надъ каминомъ, пригладилъ рукою свои свѣтлые золотистые волосы и приготовился быть очень любезнымъ съ пасторомъ, чтобы получить позволеніе завладѣть орга̀номъ въ будущее воскресенье.

— Мистеръ Смитъ!—доложилъ одинъ изъ высокихъ лакеевъ, отворяя двери гостиной, и въ комнату вошелъ высокій, худой, аскетическаго вида, человѣкъ, съ темнымъ выбритымъ лицомъ и преждевременною плѣшью.

— Кушать подано!

Оба доклада слѣдовали другъ за другомъ почти безъ перерыва. М-съ Виндзоръ попросила пастора вести ее къ столу, представивъ его предварительно всѣмъ своимъ гостямъ, по обыкновенію отчасти сконфуженно, отчасти небрежно. Когда всѣ усѣлись и м-ръ Амаринтъ уже началъ разглагольствовать о прозрачномъ супѣ, она конфиденціально пробормотала своему кавалеру:

— Какъ это мило съ вашей стороны, что вы навѣстили насъ. Боюсь, что вы найдете насъ не особенно занимательными. Въ сущности, мы пріѣхали сюда, чтобы тихо, серьезно прожить недѣлю,— знаете, вродѣ какъ на retraite. М-ръ Амаринтъ поучаетъ насъ. Я надѣюсь, что на этотъ разъ ни у кого не будетъ припадка. Ахъ, да, впрочемъ, вы вѣдь не были у меня въ прошломъ году. Какъ вамъ нравится Ченкотъ? Не правда ли, премилая деревня?

— Очень милая—наружно. Но боюсь, что для внутренней ея

жизни многое еще надобно сдѣлать. Большое требуется очищеніе и оздоровленіе умовъ, прежде чѣмъ духъ мѣстности станетъ возможнымъ.

— О, Боже мой! Какъ мнѣ грустно это слышать. Конечно, никогда нельзя сказать...

— Многое я уже пресѣкъ, могу это сказать, благодаря Богу. Я неуклонно разгонялъ притоны лѣни и пресѣкъ вечернее буйство на выгонѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ я рада. Мадамъ Вальтези, м-ръ Смитъ разогналъ притоны лѣни. Развѣ это не истинная благодать?

М-мъ Вальтези глядѣла загадочно, что она всегда дѣлала, когда чего-нибудь не знала. Она не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое притонъ лѣни и какъ его можно разогнать. Поэтому она продолжала смотрѣть въ свой лорнетъ и не сказала ничего. М-ръ Амаринтъ былъ менѣе скроменъ.

— Притонъ лѣни!— сказалъ онъ. — Какое прелестное выраженіе. Его могъ бы выдумать самъ Исаакъ Вальтонъ *). Это наводитъ на мысль о Джорджѣ Морландѣ. Я люблю его полотна, деревенскія попойки...

Но въ эту минуту Реджи посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и губы его молчаливо произнесли слова: «вспомните о моемъ антифонѣ».

— Онъ, разумѣется, идеализируетъ,—продолжалъ Амаринтъ, не смущаясь.—Конечно, настоящая попойка страшно не артистична. Всякое излишество не артистично, хотя Оскаръ Уальдъ и утверждаетъ, что ничто не имѣетъ бо̀льшаго успѣха.

— Излишество чрезвычайно зловредно,— сказалъ м-ръ Смитъ нѣсколько строго. — Излишество — наиболѣе характеристическая черта нашего времени. Я готовъ пожелать, чтобы многіе вернулись къ аскетической жизни. Благодарю васъ, я не пью вина.

— Увы, да?—сказала м-съ Виндзоръ.—Я всегда это думала. Есть что-то необыкновенно прекрасное въ томъ, чтобы не ѣсть, не пить, не жениться и все такое. Мы зато должны признать, что безбрачіе входитъ въ моду. Наши молодые люди теперь наотрѣзъ отказываются жениться. Будемъ надѣяться, что это шагъ впередъ по истинному пути.

— Еслибъ они чаще женились и меньше пили, я думаю, что нравственность ихъ отъ этого не много бы пострадала,—замѣтила

---

*) Авторъ извѣстной книги „Complete Angler“, рыболовъ и философъ.

м-мъ Вальтези необыкновенно сухо, разглядывая лысинку м-ра Смита сквозь свой черепаховый лорнетъ.

— Монашеская жизнь необыкновенно прекрасна, — объявилъ лордъ Реджи. — Всякій разъ, когда я попадалъ въ монастырь, монахи давали мнѣ отличное вино. Я думаю, что они берегутъ власяницы исключительно для собственнаго употребленія.

— Развѣ это не высшая степень гостепріимства? — сказала лэди Локъ.

— Истинный путь намъ указываетъ партія Высокой Церкви,— внушительно началъ Амаринтъ и перекинулся съ лордомъ Реджи взглядомъ, въ которомъ можно было прочесть цѣлые томы. — Она понимаетъ значеніе эстетизма въ религіи. Она признаетъ тотъ фактъ, что красивое облаченіе гораздо болѣе возвышаетъ душу, чѣмъ цѣлая дюжина плохихъ гимновъ какого-нибудь Стенера или Барнбея и всякаго другого антимузыкальнаго христіанина. Средній англиканскій гимнъ — это лишенная всякаго воображенія, самая антипоэтическая вещь въ мірѣ. Это всегда напоминаетъ мнѣ выставку ломовыхъ лошадей въ Духовъ день. Коричневый грегоріанскій напѣвъ гораздо благочестивѣе.

— Извините, какъ вы сказали?—спросилъ м-ръ Смитъ, который до тѣхъ поръ слушалъ эти замѣчанія съ одобреніемъ, но теперь видимо нѣсколько растерялся.

— Коричневый грегоріанскій напѣвъ,—повторилъ Амаринтъ.— Всякое сочетаніе звуковъ вызываетъ цвѣтовое представленіе. Грегоріанскіе напѣвы всѣ богатаго темно-коричневаго цвѣта, точно такъ же, какъ гимны Арміи Спасенія рѣзко красно-фіолетовые.

— Я думаю, что епископы начинаютъ теперь лучше понимать грегоріанскую музыку. Благодарю васъ, я не хочу битыхъ яицъ,— сказалъ м-ръ Смитъ, который былъ лишенъ чувства мелодіи, но считалъ себя музыкальнымъ авторитетомъ, потому что долженъ былъ запѣвать въ церкви.

— Епископы никогда не начнутъ ничего понимать,— сказалъ м-ръ Амаринтъ.— Они прячутъ свой умъ, когда онъ у нихъ есть, за рукава своего облаченія. Я разъ встрѣтился съ однимъ епископомъ на гарденъ-парти въ Ламбетскомъ дворцѣ. Онъ отвелъ меня къ сторонкѣ въ малиновые кусты и объявилъ, что онъ буддистъ, и прибавилъ, что почти всѣ епископы буддисты.

— Правда ли это, что м-ръ Хайесъ *) представилъ всю свою

*) Извѣстный проповѣдникъ и конферентъ, занимавшійся тоже музыкой. Онъ принадлежитъ къ протестантской церкви.

конгрегацію одному Махатмѣ, въ ризницѣ, послѣ обѣдни въ послѣднее воскресенье? — сказала м-мъ Вальтези.

— Мнѣ это говорили, и говорили тоже, что онъ убѣдилъ Маленькаго Тича читать обязательныя главы Библіи вплоть до окончанія сезона. Я нахожу, что это тягостно для увеселительныхъ заведеній. Въ наше время всюду такая конкурренція!

— Я ничего не знаю о м-рѣ Хайесѣ,—сказалъ м-ръ Смитъ.— Я понялъ, что это какой-нибудь фокусникъ или директоръ театра, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— О, нѣтъ! Онъ настоящій клержименъ, — воскликнула м-съ Виндзоръ. — Настоящій! Только не тогда, когда онъ говоритъ съ каѳедры. Я думаю, что онъ находитъ лучшимъ, съ религіозной точки зрѣнія, не быть клержименомъ въ этихъ случаяхъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала, въ богослуженіи произошла большая перемѣна, — сказала лэди Локъ. — Оно стало пышнѣе и веселѣе.

— Да, христіане ужасно оживились, — сказала м-мъ Вальтези, кладя себѣ на тарелку котлету en aspic.—Они требуютъ для своего благочестія большого разнообразія или того, что иногда коротко называется «номерами». Наиболѣе популярные лондонскіе священники неизмѣнно организуютъ антифоны, которые длятся полчаса, а проповѣдуютъ битыхъ пять минутъ.

— Я думаю, что музыка врядъ ли можетъ окончательно изъять проповѣдь, — началъ м-ръ Смитъ, мягкимъ движеніемъ руки отказываясь отъ entrée.

— Священникъ моего прихода, — сказала м-съ Виндзоръ, — всегда останавливается на нѣсколько минутъ передъ проповѣдью, чтобы люди могли выйти изъ церкви, если пожелаютъ.

— Какъ это неразумно,—сказалъ м-ръ Амаринтъ.—Конечно, никто не осмѣливается двинуться. Англичане никогда не осмѣливаются двинуться съ мѣста иначе, какъ въ самое неподходящее время. Они думаютъ, что гораздо менѣе замѣтно, если они выйдутъ съ концерта во время пѣнія, чѣмъ въ антрактѣ. Англичане вообще живутъ подъ вліяніемъ многихъ странныхъ заблужденій. Они думаютъ, напримѣръ, что очень почтенны, когда ихъ никто не замѣчаетъ, заставить же говорить о себѣ значитъ быть разгульнымъ. А между тѣмъ о дѣйствительно разгульныхъ людяхъ никто никогда не говоритъ. Половина тѣхъ молодыхъ людей въ Лондонѣ, имена которыхъ стали кличками, наоборотъ, твердо и безнадежно добродѣтельны. Они сами это знаютъ и вотъ почему такъ блѣд-

ны. Сознаніе добродѣтели—ужасная вещь, не правда ли, мистеръ Смитъ?

— Я боюсь, что не совсѣмъ понялъ то, что вы говорите. Благодарю васъ, я не хочу пуддинга, — сказалъ м-ръ Смитъ.

— Я говорилъ, что всѣ мы, современные люди, гораздо лучше, чѣмъ кажемся. Въ наше время гораздо больше лицемѣрія порока, чѣмъ лицемѣрія добродѣтели. Количество совершенствъ, которое встрѣчаешь вокругъ, положительно способно смутить васъ, надо только знать, гдѣ ихъ искать. Но добродѣтельные люди въ обществѣ очень боятся, что ихъ добродѣтели будутъ замѣчены.

— Въ самомъ дѣлѣ! Неужели это возможно?

— Да, возможно. Общество безусловно откровенно относительно своихъ пороковъ и безусловно скрытно относительно своихъ уклоненій въ сторону добродѣтели, если я могу такъ выразиться. Я зналъ одного молодого лорда — по воскресеньямъ онъ ходилъ два раза въ церковь и утромъ, и среди дня. Ему удавалось скрывать это въ теченіе пяти лѣтъ. Какъ вдругъ однажды, къ своему ужасу, онъ видитъ замѣтку въ *Звѣздѣ*. *Звѣзда* — это маленькая вечерняя газетка, которая расходится главнымъ образомъ среди членовъ консервативной партіи, желающихъ знать, что дѣлаетъ аристократія. Въ этой замѣткѣ разоблачался его секретъ. Онъ немедленно покинулъ родину и живетъ теперь уединенно въ Буэносъ-Айресѣ, который, говорятъ, можетъ считаться современнымъ эквивалентомъ старомоднаго чистилища.

— Господи Боже мой! Лондонъ, должно быть, находится въ очень грустныхъ условіяхъ, — сказалъ м-ръ Смитъ, весьма взволнованный. —Нѣтъ, благодарю васъ, я никогда не ѣмъ фруктовъ. Я думаю, что прежде все было иначе, хотя я никогда не бывалъ въ городѣ дольше, чѣмъ на одинъ день, и только для того, чтобы сходить къ дантисту.

— Да, настала эра перемѣнъ, — промолвилъ лордъ Реджи, который говорилъ мало, а ѣлъ много. —Честныя женщины предаются разговорамъ о порокахъ, а скоро порочные мужчины полюбятъ разговоры о добродѣтели.

— Я думаю, что вы несправедливо обижаете честныхъ женщинъ, лордъ Реджи, — серьезно сказала лэди Локъ.

— Теперь почти невозможно обидѣть женщину, — задумчиво отвѣтилъ онъ. — Женщины исключительно занимаются тѣмъ, что обижаютъ мужчинъ, и на другое у нихъ не остается времени. Сара Грендъ начала эру женскихъ обидъ.

— Я боюсь, что она сведетъ съ ума бѣдную мистрисъ Линнъ-Линтонъ *), — сказала м-съ Виндзоръ, надѣвая перчатки: она твердо вѣрила, что, вслѣдствіе присутствія м-ра Смита за столомъ, обѣдъ долженъ считаться парадным.—Статьи м-съ Линтонъ становятся все крикливѣе и прикливѣе. Вы не находите, что онѣ невольно наводятъ на мысль о Бедламѣ?

— Меня онѣ не наводятъ ровно ни на какія мысли,—отвѣтилъ м-ръ Амаринтъ устало. — Я не могу различить одной отъ другой. Онѣ всѣ какъ овцы, которыя разбрелись въ разныя стороны.

— А все-таки я должна сказать, что предпочитаю ея статьи статьямъ лэди Жёнъ, — сказала м-съ Виндзоръ.

— Лэди Жёнъ хватаетъ общество за шиворотъ и терзаетъ его, — сказала м-мъ Вальтези.

— И терзаетъ его весьма не артистично, — прибавилъ лордъ Реджи.

— Увы! — подтвердилъ Амаринтъ, когда дамы уже встали, чтобъ идти въ гостиную, — она дѣлаетъ одну огромную ошибку: она судитъ все общество по своимъ друзьямъ и смотритъ на жизнь сквозь очки судьи по бракоразводнымъ дѣламъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что она стала бультерьеромъ современной лондонской жизни.

М-съ Виндзоръ остановилась въ дверяхъ столовой и оглянулась.

— Мы будемъ пить кофе въ саду, — сказала она. — Хотите прійти къ намъ туда? Не сидите слишкомъ долго надъ своей водой, м-ръ Смитъ! — прибавила она тономъ благочестивой насмѣшки.

— Нѣтъ, не буду; но я никогда не пью кофе, благодарю васъ — торжественно отвѣтилъ онъ.

А. Г.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Авторъ „Jashua Davidson“, „Under which lord“, „Girl of the period“. Очень передовая женщина, измѣнившая свои убѣжденія подъ конецъ жизни.

ЛЕРИ.

Повѣсть.

I.

Пробило восемь часовъ, и всѣ стали сходиться къ утреннему чаю. Раньше всѣхъ была, конечно, на своемъ мѣстѣ пожилая экономка Данаевыхъ, Ирина Васильевна или, какъ всѣ ее называли, Аринушка. Безшумно двигаясь по комнатѣ своею маленькою полною фигуркой, она приготовляла все по вкусу каждаго изъ членовъ семейства, заварила чай для мужчинъ и для барышни, и кофе для себя, для хозяйки и для «манмазели»; приготовила цѣлую гору тартинокъ на тарелкѣ; Андрею Ивановичу придвинула кресло и принесла газеты, еще холодныя, съ мороза. Теперь, кажется, все въ порядкѣ, вотъ только темновато; скоро придется зажигать по утрамъ лампу.

Аринушка еще разъ оглянула столъ своими небольшими зоркими глазками и, успокоившись, сѣла на стулъ передъ самоваромъ. Изъ-подъ крышки объемистаго чайника на нее пахнуло душистымъ паромъ настоявшагося напитка; кофейникъ, стоявшій на буфетѣ, начиналъ бурлить. Она подождала еще немного и стала наливать стаканы.

— Наше вамъ, Аринушка! Много лѣтъ здравствовать.

Андрей Ивановичъ сильно тряхнулъ руку Аринушки. Сегодня онъ былъ въ наипрекраснѣйшемъ расположеніи духа, и опытная Аринушка видѣла это. Съ особеннымъ удовольствіемъ она принялась хлопотать для него; налила чаю, крѣпкаго, почти чернаго, какъ онъ любилъ; придвинула тарелки съ холоднымъ мясомъ и бутербродами. Она знала, что ей нынче не избѣжать похвалы, и уже заранѣе готовилась къ ней.

Андрей Ивановичъ отхлебнулъ изъ стакана и взялъ газеты.

Все въ его лицѣ, полномъ, съ свѣжими выбритыми щеками, дышало спокойствіемъ и довольствомъ. Онъ собирался, казалось, сказать что-то пріятное Аринушкѣ, но, услыхавъ шаги, повернулъ голову навстрѣчу входившимъ.

Это были его сыновья, Володя и Гриша, оба офицеры, почти одного возраста, одинаково одѣтые, въ сѣрыхъ тужуркахъ. Оба подошли поцѣловать отца, потомъ пожали руку Аринушкѣ, которая сейчасъ же передала имъ ихъ стаканы. Старшій, Володя, утащилъ у отца газету и, прихлебывая чай, просматривалъ крупныя буквы объявленій. Розовый и толстый Гриша уписывалъ тартинки за обѣ щеки.

— Ну, какъ вчерашнее собраніе?—спросилъ Андрей Ивановичъ, откидываясь на спинку кресла.—Весело было? Я слышалъ: часа въ три пріѣхали.

Гриша продолжалъ ѣсть, не отвѣчая. Володя отвѣтилъ равнодушно:

— Ничего!... Я мало и въ залѣ-то былъ. На билліардѣ съ Петровымъ играли... Вотъ ловокъ-то, шельма!—докончилъ онъ, внезапно оживляясь.

Два младшихъ сына, студентъ-первокурсникъ и техникъ, вошли почти въ одно время съ матерью. Какъ и каждое утро—произошло маленькое движеніе. И сыновья, и отецъ поднялись навстрѣчу Павлѣ Михайловнѣ, немолодой, худощавой женщинѣ, съ красивымъ еще, утомленнымъ лицомъ. Она кивнула головой Аринушкѣ и стянула концы большого оренбургскаго платка, накинутаго на плечахъ. Ея обыкновенное мѣсто было у самовара, возлѣ экономки.

— Mademoiselle будили?—спросила она Аринушку, мѣшая сахаръ въ своемъ кофе.—Скоро девять, пора бы, кажется...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. При матери всѣ подтянулись, тѣмъ болѣе, что всѣ видѣли по ея лицу, что она плохо спала, да и теперь еще чѣмъ-то разстроена. Отецъ не поднималъ глазъ отъ газеты; молодые люди сосредоточенно пили чай. Одна Аринушка изъ-за своего самовара оглядывала всѣхъ быстрыми глазками, точно желая показать свою полнѣйшую безопасность.

Вошла гувернантка, m-lle Paton, маленькаго роста, довольно полная, бѣлокурая, похожая скорѣе на нѣмку, чѣмъ на француженку. Она молча поздоровалась съ Павлой Михайловной, бросила остальнымъ свое гортанное: Bonjour messieurs! и сѣла около хозяйки.

— Лери спитъ?—спросила Павла Михайловна по-французски.

— Oui, madame!

— А какъ она спала ночь, вы не знаете?

— Очень спокойно. Я подходила къ ней нѣсколько разъ—и ничего!—отвѣтила гувернантка.—Вы напрасно безпокоитесь, madame.

— Да, конечно же, Павленька,—заговорилъ Андрей Ивановичъ, откладывая свою газету.—Возьметъ себѣ въ голову что-нибудь и не спитъ цѣлую ночь... а на самомъ дѣлѣ ничего и нѣтъ. Ну, подумай сама, вѣдь Лери не маленькая.

— Въ томъ-то и бѣда, что не маленькая!—хмуро возразила Павла Михайловна.—Будь она маленькой, она бы ничего не поняла...

— Ну, а какъ же другія-то?—снова заговорилъ Андрей Ивановичъ, послѣ непродолжительнаго молчанія.—Вѣдь она не одна ѣздила, и Зиночка, и Катя.

— Ахъ! что мнѣ за дѣло до другихъ!—нетерпѣливо перебила Павла Михайловна.—Вообще, ты стараешься оправдаться, тебѣ это нужно, ну, вотъ ты и говоришь что-то такое. Во всякомъ случаѣ хорошаго тутъ мало.

— Да въ чемъ дѣло, maman?—спросилъ Гриша.

Съ его стороны немного было смѣло спрашивать объ этомъ мать, но онъ зналъ, что былъ ея любимцемъ, послѣ дочери, конечно. Потомъ онъ видѣлъ, что съ Павлы Михайловны уже сходитъ раздраженіе: ей всегда бывало легче, послѣ того какъ она высказывалась. И теперь она не разсердилась.

— Спроси у отца!—коротко отвѣтила она.

Андрей Ивановичъ улыбнулся, чувствуя за собой вину и стараясь показать, что онъ не придаетъ ей особенной важности.

— Гмм!... да что же тутъ разсказывать?—началъ онъ, оглядывая всѣхъ своими добрыми, свѣтлыми глазами.—Поѣхалъ я вчера къ Таровскому, какъ всегда по воскресеньямъ, повинтить вечерокъ... ну-съ, а Павленька и навязала мнѣ Лери.

Смѣшливый Ѳедя, въ формѣ техника, фыркнулъ; другіе улыбнулись. Павла Михайловна серьезно покачала головой.

— Я не понимаю, къ чему эти шутки и твои любимыя «красныя словца?»—сказала она.—Съ какой стати я буду навязывать тебѣ Лери противъ ея и твоего желанія?

— Ну, такъ я ужъ не понимаю, какъ это случилось, что Лери поѣхала со мной!—развелъ руками Андрей Ивановичъ.—Вѣрнѣе всего, что она сама навязалась, и мы поѣхали.

— Папочка, да ты не самъ ли приходилъ просить отпустить

съ тобой Лери?—спросилъ смѣясь Ѳедя.—Мнѣ что-то помнится... Я въ это время у тапап сидѣлъ.

— Ну, можетъ-быть и такъ!—согласился Андрей Ивановичъ.—Вотъ пріѣзжаемъ мы съ ней, а вся Таровская молодежь собирается въ театръ, на какую-то тамъ оперу. Всѣ—всѣ ѣдутъ, ужъ и ложа взята, и Зина съ Катой въ прихожей шубки надѣваютъ. Какъ быть? Моя-то компанія вся тутъ, а Лери хоть домой отвози, все равно цѣлый вечеръ одна проскучаетъ. Смотрю: накинулась на меня вся эта толпа и ну просить: отпусти съ ними Лери въ театръ!... Я и такъ и сякъ, не отстаютъ... Я посмотрѣлъ, стоитъ моя Леричка въ уголку, еще раздѣться не успѣла, и носикъ повѣсила. Ну, я тутъ и махнулъ рукой. Ѣзжайте, берите ее.

— Очень хорошо!—насмѣшливо замѣтила Павла Михайловна.—Ты хоть бы узналъ, какая опера идетъ; подумалъ бы, можно ли дѣвочкѣ ее смотрѣть.

— Да я вѣдь и такъ подумалъ!—оправдывался Андрей Ивановичъ: коли опера, значитъ ничего! Вѣдь ѣздила же Лери на «Жизнь за Царя», на «Руслана»... Ну, чего же тутъ еще? Вотъ въ драму я бы ее не пустилъ; я это и самъ понимаю. А опера—что-жъ такое? Послушаетъ музыку, пѣніе; небось и словъ-то половины не поняла.

— А все-таки опера оперѣ рознь!—не сдавалась Павла Михайловна.—Особенно для Лери; вѣдь она у меня и книги только по выбору читаетъ. Она еще и Тургенева не всего читала.

— То-то она у насъ Тургенева-то таскала, помнишь?—толкнулъ Ѳедя студента.

— Да и одного ли Тургенева?

— Молчи!—тихо отозвался тотъ.—Не надо выдавать.

Ѳедя съ упрекомъ взглянулъ на брата. Выдавать маленькую Лери? Да кому же это въ голову придетъ? Конечно, тапап добра ей желаетъ, воспитывая ее такъ, но сдѣланнаго не воротишь. Что было, то было... И они знали, что случись Лери нужда въ братьяхъ, они бы всѣ вытянулись для нея въ струнку, и старшіе, и меньшіе.

— Ну, и что же, тапап?—вмѣшался Володя.—Ты думаешь, это очень хорошо, что ты такъ воспитываешь Лери? Ребенкомъ она могла быть въ десять лѣтъ, теперь она становится дѣвушкой. Всему свое время. И мнѣ кажется, лучше будетъ, если она начнетъ вникать въ жизнь подъ твоимъ руководствомъ, чѣмъ, если...

— Все это такъ, Володя!—перебила мать.—Мы расходимся только въ одномъ: по вашему она—дѣвушка, по-моему—ребенокъ.

По-вашему, можетъ быть, ее нужно вывозить, таскать по баламъ и театрамъ, искать ей жениховъ.

— Ну, вотъ жениховъ-то можно и совсѣмъ не искать!—вдругъ почему-то обидѣлся Андрей Ивановичъ.—Пусть явится хоть одинъ, я ему покажу. Одна дочка, и ужъ женихи. Женихами-то у насъ хоть прудъ пруди. Къ намъ невѣстъ милости просимъ, а не жениховъ. Нѣтъ, матушка, лучше ты мнѣ и не поминай про жениховъ: ну ихъ къ Богу!

И мать, и сыновья улыбались, смотря на разгорячившагося Андрея Ивановича. Всѣ вполнѣ понимали его, его любовь къ шалуньѣ Лери, красному солнышку въ домѣ. Павла Михайловна не разъ жаловалась, что ей одной приходится бороться съ разумными взглядами и доводами относительно воспитанія дѣвочки противъ всеобщей неразумной, слѣпой и губительной любви къ Лери. Всѣ въ домѣ готовы были исполнять ея малѣйшій капризъ, ея малѣйшую прихоть, всѣ стояли за нее горой, просили за нее, старались смягчить наказаніе, если Павла Михайловна, убѣжденная въ своей правотѣ, для блага дочери же, наказывала ее почти всегда лишеніемъ удовольствія. Павла Михайловна упрекала мужа и сыновей въ томъ, что они возстановляютъ противъ нея дочь, пріучаютъ Лери только бояться ея, какъ строгой и злой женщины, заставляютъ быть скрытной съ матерью. Она вслухъ удивлялась, какъ это до сихъ поръ Лери не превратилась въ такую же избалованную верченую куклу, какъ маленькая княжна Зарайская, самый несносный ребенокъ въ мірѣ. А ужъ, конечно, своими похвалами и потачками они въ концѣ изуродуютъ дѣвочку. И по поводу вчерашняго театра Павла Михайловна не могла удержаться, чтобы не повторить своей любимой фразы:

— По счастію, у ребенка слишкомъ доброе сердце!

— Опять ребенокъ! поди ты, Павленька!—досадливо заговорилъ Андрей Ивановичъ. — Какой она ребенокъ? Она, слава Богу, не маленькая, а молоденькая... — и онъ повторилъ, обращаясь къ женѣ: — Какъ ты ей года и платья ни убавляй, а все она будетъ молоденькая! Такъ вѣдь, Аринушка?

— Думается, такъ, ваше превосходительство!—откликнулась изъ-за самовара экономка. Она уже перетирала посуду и удивлялась, что господа такъ долго сегодня остаются за столомъ. Если бы она смѣла, она напомнила бы всѣмъ ихъ обязанности, которыя знала лучше ихъ самихъ. Костенькѣ и Ѳедѣ пора бы ужъ заниматься, Володя словно хотѣлъ ѣхать съ визитомъ въ одиннадцать часовъ, барыня въ пассажъ собиралась. Аринушка съ интересомъ

прислушивалась къ разговору, хотя не совсѣмъ понимала, чѣмъ барыня недовольна и что дурного могла сдѣлать ея неоцѣненная Леричка. Кажется, говорили, на неприличные театры попала? Такъ вѣдь это не ея вина, а вонъ той лупоглазой, прости Господи. Чѣмъ бы за барышней присмотрѣть, она знай по-своему лопочетъ, да по-своему книжки читаетъ. Нешто на то ее брали?...

Аринушка, не чувствуя за собой никакой особенной заслуги, кромѣ безграничной любви и преданности ко всему семейству Данаевыхъ, всегда протестовала противъ пришлаго элемента въ домѣ. Она была женщина простая, необразованная, недалекая и никогда не претендовала на большую роль въ домѣ; но генералъ съ генеральшей, а за ними и ея ненаглядныя дѣтки подавали ей руку, называли ее ласково-фамильярнымъ именемъ Аринушка, говорили ей «ты»,—было отъ чего возгордиться! Аринушка готова была горой стоять за Данаевское семейство, лучше котораго для нея не было въ цѣломъ мірѣ. Она признавала волю одной Павлы Михайловны, старалась угодить генералу, чѣмъ могла, а къ дѣтямъ, къ ихъ шалостямъ и шуткамъ съ ней относилась крайне снисходительно и никогда не могла на нихъ сердиться; напротивъ, ей часто приходилось принимать вину на себя, лишь бы избавить мальчиковъ отъ выговора барыни. Къ прислугѣ Аринушка относилась, какъ къ низшимъ, требовала почтенія къ себѣ и строго наказывала за малѣйшую провинность,—въ этомъ ей дана была полная воля. Аринушка постоянно получала отъ Павлы Михайловны платья, съ которыми могла дѣлать, что хотѣла; но большую часть изъ нихъ она передѣлывала для себя, а платья похуже—продавала. Аринушка считала себя «дамой среднихъ лѣтъ» и, кажется, собиралась остаться навсегда въ этомъ возрастѣ; говорила довольно жеманно и была склонна пококетничать, вслѣдствіе чего прикалывала на голову и на платья множество разноцвѣтныхъ бантиковъ всѣхъ величинъ. Гувернантку француженку она возненавидѣла, но молчала и затаила въ себѣ свою ненависть, стараясь вредить ей исподтишка. Теперь изъ-за самовара она смотрѣла на француженку презрительно-гордымъ взглядомъ и старалась наливать ей кофе какъ можно жиже.

Володя всталъ первымъ, спѣша одѣться къ визиту, потомъ поднялись «учащіеся». Павла Михайловна послала m-lle Paton разбудить Лери, и за столомъ остались только она съ мужемъ да Гриша, продолжавшій что-то медленно пережевывать. У этого толстенькаго офицера былъ ужасный аппетитъ, который онъ никакъ не могъ побѣдить, несмотря на огорченіе, причиняемое ему его полно-

лой. Мать посмотрѣла на него съ ласковою усмѣшкой; съ нея уже совсѣмъ сошло.

— А ты совсѣмъ отощалъ, Гриша,—сказала она.—Это нехорошо, мой милый!

— Какое тамъ, maman!—уныло отвѣтилъ Гриша, засовывая въ ротъ цѣлый ломоть хлѣба съ масломъ. — Вчера, вѣрите ли, у новаго сюртука съ мясомъ двѣ пуговицы отлетѣли... Только, знаете, нагнулся... трахъ!

— Ха-ха-ха!—закатился Андрей Ивановичъ.—Молодецъ! Ну, а если бы дама на балу платокъ уронила... ха-ха-ха! А ты бы его поднять захотѣлъ, а?

— Вышелъ бы конфузъ!—доложила изъ-за самовара Аринушка своимъ тоненькимъ голоскомъ.

— И вовсе ничего!—защищался Гриша.—Я бы тогда живо въ уборную. Вотъ только трескъ бы... Да и пуговицы иногда очень далеко отлетаютъ. Нѣтъ, надо моціономъ заняться...

Въ окна столовой уже глядѣло зимнее ясное утро. Пробило десять. И Павла Михайловна, и генералъ заторопились, и оба отправились одѣваться. Гриша оставался дольше всѣхъ, съѣлъ еще пяточекъ тартинокъ и наконецъ пошелъ «промяться», какъ онъ объяснилъ Аринушкѣ. Самоваръ давно заглохъ, блюдца и чашки стояли горками, вымытыя и вытертыя, и Аринушка только что кривой щеточкой смахнула со скатерти крошки. Только чайникъ еще былъ покрытъ расшитымъ плато, да въ сторонѣ стояла хорошенькая чашка Лери, ожидавшая ея прихода. Аринушка подложила въ корзинку еще ванильныхъ сухариковъ, которые такъ любила Лери, придвинула молочникъ съ особенно густыми сливками.

Лери, наконецъ, вошла вмѣстѣ съ m-lle Paton.

Это была довольно высокая дѣвочка, стройная, несмотря на широкое полудѣтское платье, съ прехорошенькою черноволосою головкой, съ выразительнымъ личикомъ и большими карими глазами. Она была въ темномъ платьѣ, и только бѣлый рюшикъ по вороту оттѣнялъ матовый цвѣтъ ея лица съ совсѣмъ еще дѣтскою кожей, бархатистой и нѣжной, съ тонкими переливами румянца. Черные волосы были собраны въ пушистую косу, брошенную по спинѣ.

— Садитесь!—сказала m-lle Paton.—Вотъ хлѣбъ, масло, ваши сухарики... Спѣшите: вы проспали, и намъ нельзя терять времени.

Лери была не въ духѣ,—ей пришлось уже получить выговоръ отъ матери, при свиданіи, за вчерашній театръ. И теперь она разсердилась, услыхавъ это: вы проспали!

— Я не просила давать мнѣ спать!—рѣзко отвѣтила она.—Я не ребенокъ: могу и не выспаться.

— Такъ хотѣла ваша мать!—холодно возразила француженка.

Эта фраза начинала надоѣдать Лери. Вѣчно одно и то же! Сколько разъ ей хотѣлось спросить объясненія насчетъ того или другого приказанія, хотѣлось попросить совѣта, и на все она получала въ отвѣтъ эту фразу. Она не могла любить своей гувернантки. Два года тому назадъ ушла отъ нихъ miss Ikes, потому что Павла Михайловна нашла, что Лери знаетъ англійскій языкъ въ ущербъ остальнымъ. И вотъ появилась эта парижанка, къ которой Лери до сихъ поръ не можетъ привыкнуть относиться симпатичнѣе. Все въ этой француженкѣ противно ей: и словно вылинявшіе голубые глаза, и безчисленныя кудряшки на очень большомъ лбу, и гортанный говоръ. Она сама сознавала, что была часто невѣжлива съ ней. Но она не понимала, какъ это дѣлалось; съ miss Ikes ей этого и въ голову не пришло бы, а эту вертячку она не можетъ уважать. Вотъ и теперь! она охотно поболтала бы съ Аринушкой, если бы не было m-lle.

— Кушайте!—повторила m-lle Paton, передавая Лери чашку.

Дѣвочка молча принялась за чай; кофе она не выносила. Она непремѣнно хотѣла пить съ блюдечка, хотя чай былъ вовсе не такъ горячъ. Изъ-за блюдца, утвержденнаго на трехъ широко разставленныхъ пальцахъ, она украдкой взглядывала на Аринушку, безшумно хохотавшую за самоваромъ и чрезвычайно довольную, что барышня дѣлаетъ «губернаркѣ» на зло. M-lle Paton пожала плечами.

— Что за манера пить!—презрительно сказала она.

— Самая русская!—отрѣзала Лери.—Я—москвичка.

Ей очень хотѣлось поговорить съ Аринушкой. Француженка сказала ей только, что за чаемъ все время говорили о ней, о Лери, но что̀ именно говорили, m-lle Paton, конечно, не могла понять. Вотъ, если бы Аринушка первая начала разговоръ! Нѣтъ, сидитъ и молчитъ; глупая какая! Наконецъ, Лери потеряла терпѣніе: первая чашка допита, а она еще ничего не узнала. Она рѣшилась на сильное средство: подавая чашку, постаралась ущипнуть Аринушку за палецъ. Но та и этого не поняла; только ласково улыбнулась ей изъ-за самовара. Если начать первой разговоръ, француженка пожалуется... Лери было запрещено говорить по-русски отъ девяти до трехъ часовъ дня, то-есть въ учебное время, и ничѣмъ нельзя было такъ разсердить maman, какъ жалобой на нежеланіе Лери говорить по-французски. Павла Михайловна до сихъ поръ находила, что у Лери плохое произношеніе, и гувернантка обязана была стро-

го слѣдить за этимъ. А сегодня maman и такъ еще разстроена. Но любопытство продолжало мучить Лери.

— Ай, ай!—вдругъ закричала она и вскочила со стула, указывая на Аринушку.—Жукъ, паукъ! Тараканъ, тараканъ!...

— Qu'est ce que c'est, taratan? — подпрыгнула на стулѣ испуганная француженка.

А Лери бѣгала вокругъ Аринушки и кричала тѣмъ испуганнымъ голосомъ, нисколько не понижая его, чтобы не возбудить подозрѣнія:

— Душенька, Аринушка, это я нарочно выдумала! Мнѣ очень хочется поговорить съ тобой, а ты все молчишь. Не бойся, ничего на тебѣ нѣтъ... Разскажи мнѣ скорѣе, что за столомъ обо мнѣ говорили?

Аринушка уже улыбалась, успокоенная отсутствіемъ на ней жука, паука и таракана. Она только удивлялась хитрости барышни, а та, старательно отряхивая плечи Аринушки, успокоивала:

— Ce n'est rien, m-elle! Parti! n'ayez pas peur!...

Француженка сѣла, переводя подозрительный взглядъ съ Аринушки на свою воспитанницу, которая, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за свою вторую чашку.

— Ну!—поглядѣла она на Аринушку.

Та слегка откашлялась и начала:

— Маменька говорятъ: Леринька еще ребеночекъ, зачѣмъ же вы, папенька, возите ихъ на неприличные театры?

На лицѣ Лери выразилось удивленіе. Аринушка продолжала, не смущаясь:

— Вы бы, говорятъ, узнали, какое представленіе, тогда бы и повезли. А то, говорятъ, это во вредъ послужитъ. А папочка говорятъ: наша Леринька не маленькая, а молоденькая, не убавляйте ей больше платьевъ. Да-съ, такъ и сказали: молоденькая!

— Ну?!—радостно удивилась Лери.—А мама что?

— А мама сказали: молчи, Володя!...

— Какъ Володя? Вѣдь она съ папой разговаривала? — изумилась Лери.—Экая ты, Аринушка, вѣчно перепутаешь!

— Да вѣдь тутъ и Владиміръ Андреевичъ говорили!—не смутилась Аринушка.—Точно я не понимаю. Я вамъ все какъ есть по порядку!

— Зачѣмъ вы съ ней говорите теперь, Лери?—заволновалась m-lle Paton.—Вы знаете, ваша maman не хочетъ этого.

— Я только отвѣчаю ей, m-lle!—возразила Лери съ невиннымъ видомъ.—Я только вѣжлива...

— И все-таки попросите ее замолчать, — настаивала гувернантка.

Лери сдѣлала строгое лицо.

— Аринушка! если ты будешь молчать и не разскажешь мнѣ всего сейчасъ, то я скажу maman! Слышишь: maman!

— Да... да...—подтвердила француженка, бросая уничтожающій взглядъ на экономку.

Та поспѣшила исполнить ея желаніе.

— Тутъ папенька, знаете, барышня, разсердился и даже говорятъ: пусть придутъ женихи, я ихъ выгоню. Я, говоритъ, имъ покажу всѣмъ!...

Лери вытаращила глаза.

— Какіе женихи, Аринушка? Что ты!!...

— Вѣрно-съ, Леринька. И даже очень долго сердились папенька! А потомъ всѣ и ушли... На томъ все и кончилось...

— Да что же это такое?—негодовала француженка.—Лери! Я буду жаловаться madame!

— Mais que dois je faire, m-elle! — вскричала Лери. — Vous voyez, elle parle toujours... Аринушка не смѣй молчать! — Eh? voyez-vous, m-elle?...

— Ахъ! это какая-то сумасшедшая!—презрительно вздернула плечи m-elle Paton.—Вы кончили, Лери? намъ пора въ классную.

— Больше ничего интереснаго, Аринушка? — съ порога крикнула Лери.

— Думается, ничего, барышня!

И Аринушка стала убирать посуду въ буфетѣ.

II.

Въ классной все было уже приготовлено къ уроку; даже карта Европы висѣла на доскѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ Лери рѣшительно ненавидѣла эту карту и даже попыталась испортить ее, чтобы получить взамѣнъ другую. Она провела по всѣмъ рѣкамъ черныя линіи, а кружки, обозначавшіе города, увеличила до невозможныхъ размѣровъ. M-elle Paton, увидавъ карту, пришла въ такой ужасъ, что даже не рѣшалась идти жаловаться madame, вѣроятно боясь, что и ее обвинятъ за то, что допустила свою воспитанницу до такой продѣлки. Она старательно терла карту ластикомъ, чуть не до дырокъ, даже пробовала закрашивать мѣломъ, но ни къ какимъ результатамъ не пришла, и карта осталась такой же размалеванной.

— Я не могу учиться по такой страшной картѣ!—пробовала протестовать Лери.

— А кто же виноватъ?—спрашивала француженка.—Кто все это сдѣлалъ?

— А я почемъ знаю?... Должно быть, вы!...

— Я?! это просто ужасно, что вы говорите, Лери...—m-elle Paton была почти въ обморокѣ отъ такого обвиненія.

Но какъ бы то ни было, карта оставалась въ употребленіи, и даже старичокъ-учитель только покосился на нее, но ничего не сказалъ. Лери должна была покориться.

Она сняла съ полочки свои учебники и сѣла къ столу. Мысли ея были далеко, и она никакъ не могла удержать ихъ возлѣ книгъ и противной разрисованной карты. Съ ея мѣста видна была въ окно часть двора, занесеннаго снѣгомъ. Вотъ полозья отъ подъѣзда ведутъ къ воротамъ... Вѣрно кто-нибудь изъ братьевъ поѣхалъ. Счастливые! куда хотятъ, туда ѣдутъ, и въ театръ, и на балъ, и куда угодно. А она-вонъ вздумала вчера повеселиться, и какъ ей досталось!

— Однако папа сказалъ, что я уже молоденькая! — вдругъ вспомнила она.

Это слово такъ льстило ей. Молоденькая—это уже что-нибудь, молоденькой можетъ быть только дѣвушка. Развѣ говорятъ: молоденькая дѣвочка?—если и говорятъ, то неправильно. Итакъ, она уже дѣвушка, какъ это славно!

— А вонъ телеграмму несутъ!—вытянула она голову къ окну.—Mademoiselle, телеграмма...

— Ah! taisez-vous!—досадливо отозвалась француженка, оторванная отъ своихъ думъ.

— Вовсе я не хочу: taisez-vous!—мгновенно разсердилась Лери!—Что вы, m-elle? У меня языкъ есть; мнѣ надоѣло молчать. А вонъ maman выѣхала...

M-elle Paton не отвѣчала. Лери потянулась на своемъ жесткомъ табуретѣ: она только теперь почувствовала, что не выспалась.

— Скучища!—протянула она и, шумно двинувъ табуретъ въ сторону, пошла къ двери.

— Куда вы?—подняла голову m-elle Paton.

— Спросить, кому телеграмма,—отвѣтила на ходу Лери.

— Постойте, не ходите! И я... я съ вами!—тщетно взывала гувернантка, но Лери уже исчезла за дверью.

Она разсчитывала пробѣжать по всему дому, посидѣть въ ком-

натахъ у братьевъ, и подъ конецъ спрятаться у папы. Пусть-ка догонитъ m-elle.

— Это—мученье!—воскликнула m-elle Paton, бросая работу. —И что только будетъ изъ этой барышни?

Въ комнату вошелъ учитель.

Немудрено, что Лери была любимицей въ семьѣ. Она была младшимъ ребенкомъ и единственной дѣвочкой. Когда она была крошкой, ее то и дѣло брали отъ няни руки то одного, то другого изъ братьевъ, и она любила хватать ручонками длинные усы отца. Подрастая, начиная лепетать первыя слова, она говорила о себѣ: я пошелъ, я упалъ, я самъ... потому что всѣ такъ говорили вокругъ нея, кромѣ мамы и няни, а она отдавала предпочтеніе большинству. Такъ же говорилъ и младшій изъ братьевъ Костя, постоянный товарищъ ея игръ и занятій, и она долго не могла бросить этой привычки, какъ ни смѣялись надъ нею и родители, и братья. Потомъ Костю увели отъ нея, отдали въ классическую гимназію, куда онъ самъ захотѣлъ поступить, и дѣвочка осталась одна. Сначала она очень скучала по братѣ и удивлялась, что онъ не проводитъ съ ней цѣлые дни, какъ прежде, а прибѣгаетъ по вечерамъ, на полчасика, и снова уходитъ, ссылаясь на множество уроковъ. Потомъ ей взяли англичанку, она сама начала учиться. Способности у нея оказались большія: въ полгода она сносно болтала по-англійски, и уже умѣла держать себя, какъ слѣдуетъ, при взрослыхъ. Ея монотонная дѣтская жизнь ясно помнилась ей, именно благодаря своей монотонности: изо дня въ день, какъ вчера такъ сегодня, такъ и завтра. Сперва вставанье, довольно раннее, потомъ обязательное во всякую погоду холодное купанье, которое много пользы принесло дѣвочкѣ, и отъ котораго она не могла отвыкнуть до сихъ поръ. Уроки, завтракъ, прогулка по Тверской, мимо губернаторскаго дома, опять уроки, музыка, обѣдъ, чай,—все это такъ скучно, такъ однообразно. Лѣтомъ повторялось то же самое: только прогулки въ лѣсъ и въ поле были интереснѣе московскихъ, да вмѣсто уроковъ занимались разговорами и чтеніемъ. По праздникамъ утромъ всегда церковь, потомъ всегда пироги за завтракомъ, горячіе, съ икрой и сливочнымъ масломъ; Лери называла эти пироги «папиными», можетъ быть, потому, что генералъ очень любилъ ихъ и всегда вкусно прищелкивалъ языкомъ, когда ихъ подавали.

— Папины пироги-и!—кричала Лери, поднимая кверху руки, и miss строго оборачивалась къ ней, приглашая ее вести себя приличнѣе.

По праздникамъ же ее возили въ гости къ Таровскимъ, Зинѣ и Катѣ, или къ Дреммисъ, гдѣ была одна дѣвочка, Фанни, и два мальчика, Паня и Мика, съ которыми Лери разъ подралась, за что ее наказали и перестали возить туда. Она Дреммисъ не любила и была очень рада не встрѣчаться съ ними больше. Потомъ слѣдовалъ еще цѣлый рядъ знакомыхъ дѣтей, у которыхъ она бывала. Иногда всѣ эти дѣти собирались у нея, и она занимала ихъ, какъ настоящая маленькая хозяйка. Miss Ikes устраивала для нихъ игры, танцы и другія забавы...

Веселѣе всего проходило время на Рождествѣ. Съ сочельника до самаго Новаго года стояла въ залѣ елка и зажигалась послѣдній разъ тридцать перваго декабря. На утро Лери вставала и начинала искать елку по всему дому, а взрослые говорили ей, что старый годъ унесъ ее съ собою. Ужъ эти взрослые! можно ли имъ вѣрить когда-нибудь?...

У всѣхъ знакомыхъ тоже бывали елки, и Лери обыкновенно очень веселилась и накапливала игрушекъ на цѣлый годъ, а свои старыя отсылала въ пріютъ, куда часто ѣздила maman. И какъ весело становилось у нея на душѣ, когда, бывало, гувернантка говорила ей:

— Ну, дитя мое, пора подумать о бѣдныхъ: скоро Рождество!

И Лери начинала отбирать игрушки, отдавая иногда очень хорошія, почти новыя, зная, что никто не будетъ бранить ее за это. Она знала, что ея старенькія платья, шубки, старое бѣлье—все шло тѣмъ же бѣднымъ дѣтямъ, а ей каждый годъ дѣлали все новое. О бѣдныхъ дѣтяхъ она имѣла довольно смутное понятіе: они всѣ представлялись ей очень-очень хорошими и добрыми, за что всѣ и дарили имъ разныя вещи на праздникъ. Потомъ, вмѣсто игрушекъ, ей стали дарить книги, большей частью иностранныя, въ дорогихъ переплетахъ, съ прекрасными картинами. Долго она любовалась только рисунками: ей и въ голову не приходило наказать себя добровольнымъ урокомъ, начать читать книгу. Первую она одолѣла съ помощью гувернантки, за вторую принялась сама, а съ третьей увлеклась чтеніемъ. Павлѣ Михайловнѣ пришлось много бороться съ этой внезапно развившейся любовью къ книгамъ. Однако, никакія мѣры не дѣйствовали, и Лери продолжала читать въ засосъ одну книгу за другой. Но потомъ такія книги перестали ей нравиться, и она начала бранить ихъ. Она отлично помнила, какъ однажды она читала вслухъ miss Ikes какую-то поучительную исторію, гдѣ фигурировали очень добродѣтельные мальчики и ангелоподобныя дѣвочки. Былъ тамъ также, вѣроятно, для контраста,

одинъ дурной мальчикъ, котораго обижали постоянно всѣ: и люди, и судьба. Каждый разъ, какъ съ нимъ случалось несчастіе, miss Ikes кивала головой и поучительно произносила: «See! это ему за то, что онъ такой дурной!»

Лери читала, читала, наконецъ призадумалась и рѣшительно воскликнула:

— По-моему, это былъ прелестный мальчикъ! Если бы я тамъ была, я бы всегда ходила съ этимъ Джоржемъ и помогала бы ему колотить расфранченныхъ дѣвчонокъ!

— Но вы совсѣмъ не такъ поняли эту исторію!—возразила англичанка.—Напротивъ, вы должны подражать этимъ умнымъ и добрымъ барышнямъ...

— Ни за что! — вскричала Лери. — Мнѣ мальчикъ гораздо больше нравится... Значитъ, это глупая книга, miss: вотъ я прочла ее, и мнѣ хочется дѣлать то же, что дѣлалъ этотъ шалунъ...Съ нимъ вдвоемъ мы бы распугали всѣхъ маменекъ!...

Лери вообще была не робкаго десятка. Какъ-то на Святкахъ, когда у Лери собралось много маленькихъ гостей, братья вздумали нарядиться и попугать дѣтвору. Достали они самыхъ страшныхъ масокъ, накинули какіе-то балахоны и появились въ залѣ. Дѣтишки замерли сперва отъ страха, потомъ съ плачемъ и крикомъ разбѣжались по комнатамъ и старались спрятаться, всѣ дрожа, не помня себя отъ ужаса. Когда на крикъ прибѣжали старшіе, они застали такую картину: въ углу сбившіяся въ кучу дѣти, плачущія, закрывающія глаза руками, и впереди всѣхъ — Лери, блѣдная, съ горящими глазами, лицомъ къ лицу съ чудовищемъ, на которое она готова была броситься съ сжатыми кулаками. Надо прибавить, что Лери никогда въ жизни еще не видала рядженыхъ. Въ компаніи были дѣти старше ея, были мальчики,—и всѣ убѣжали передъ этой страшной рожей; одна Лери не струсила и готова была драться со страшилищемъ, какъ дралась бы и съ обыкновеннымъ человѣкомъ. Братьевъ тогда строго наказали, дѣтей насилу успокоили, а Лери, еще блѣдная отъ испуга, сидѣла на колѣняхъ у отца, приведеннаго въ совершенный восторгъ ея геройствомъ. Андрей Ивановичъ до сихъ поръ любилъ вспоминать объ этомъ.

А Лери рѣшительно не могла понять, за что ее хвалили: она не могла бы иначе поступить. Когда она узнала, что ихъ испугалъ не кто иной, какъ Ѳедя, она только усмѣхнулась и сказала:

— Ну, голубчикъ, хорошо, что пришли большіе, а то бы тебѣ досталось!

Наконецъ, ей надоѣло читать про благовоспитанныхъ дѣвочекъ

и мальчиковъ; она стала находить, что всѣ эти исторіи на одинъ ладъ. Ей дали Бичеръ-Стоу, Диккенса, она стала получать свой журналъ. Она глотала книги и послѣ каждой оставалась неудовлетворенной, сама не понимая, чего она хочетъ.

Ея маленькія подруги подрастали вмѣстѣ съ ней. Эти нарядныя дѣвочки походили на маленькихъ дамъ, когда встрѣчались на прогулкахъ или въ гостиныхъ своихъ матерей: такъ все въ нихъ было чинно, прилично и изящно. Онѣ переставали уже говорить объ игрушкахъ и урокахъ, а болтали о танцахъ, кавалерахъ, о шляпахъ и костюмахъ. Послѣднее не могло особенно интересовать Лери, потому что ей не позволяли входить въ это самой, да она и не стремилась. Ей скоро стало скучно съ франтихами подругами и она осталась дружна только съ Таровскими. Это было семейство совершенно другого склада, чѣмъ Данаевы. Отецъ—добродушный толстякъ, большой гастрономъ, любитель картъ; мать—милая, снисходительная женщина, не умѣвшая ни въ чемъ отказать дѣтямъ. Дочери—ихъ было двѣ—росли на свободѣ, безъ гувернантокъ, учились обѣ въ гимназіи, обожали сперва классныхъ дамъ, потомъ учителей, любили театръ и выѣзды... Читали онѣ все, безъ разбора, доставая книги черезъ подругъ, потихоньку записываясь въ библіотеку, хотя и были увѣрены, что родители никогда не будутъ противъ. Но потихоньку—было интереснѣе. Таровскія нисколько не считали себя хуже другихъ и называли этихъ другихъ вертеными куклами, которыя шагу не умѣли ступить просто. А для Лери онѣ были «страхъ какими умными». Пріѣзжая къ нимъ, она всегда готовилась узнать что-нибудь новое и интересное. Тамъ она впервые услыхала разговоры о любви, объ увлеченіяхъ, оттуда получила первый романъ, точно открывшій ей новую жизнь. Она читала ночью, со всевозможной осторожностью, вздрагивая при малѣйшемъ стукѣ, пряча книгу каждую минуту, оглядываясь кругомъ съ трепетнымъ ужасомъ. Она сама удивлялась, какъ это удавалось ей подъ зоркой наблюдательностью miss Ikes. Жажда чтенія охватила ее. Въ то время, какъ maman съ опасеніемъ давала ей «Муму» и «Бирюка», она подрядъ читала всего Тургенева, грезила по ночамъ о князѣ Болконскомъ изъ «Войны и Мира» и старалась быть похожей на прельстившую ее Вѣрочку изъ «Обрыва». Хорошо ли было это? Маленькая Лери скоро научилась думать о себѣ и о другихъ, сопоставляя всѣхъ съ героями прочитаннаго.

На пятнадцатомъ году она словно устала отъ этой гонки за впечатлѣніями, успокоилась и стала внимательно приглядываться къ окружающей жизни. Отецъ—въ немъ, кромѣ хорошаго и добраго

человѣка, она не видѣла и не искала никого; братьевъ она называла «мальчиками» и не думала, чтобы въ нихъ можно было влюбиться; maman... Лери считала ее очень-очень умной и доброй и немножко чувствовала себя виноватой передъ ней. Если бы maman заикнулась хоть словечкомъ объ ея чтеніи, Лери бы высказала все, все... Но maman ничего не замѣчала, называла Лери ребенкомъ,—что очень обижало Лери,—и была почти всегда довольна отзывами гувернантки. Ни Аринушка, ни m-elle Paton не привлекали ея вниманія. И раза два оглянувшись вокругъ, миновавъ эти давно знакомыя, обыкновенныя, какъ ей казалось, лица, она нашла интереснѣе всѣхъ самоё себя.

Всѣ эти героини, о которыхъ она читала и которыя покоряли сердца безъ счету, были красавицы, каждая по-своему... А она, Лери? Подолгу оставаясь у зеркала, она разсматривала свое лицо и фигуру и только разочарованно вздыхала. Maman въ веселыя минуты называла Лери «пучеглазымъ совенкомъ», и передъ зеркаломъ дѣвочка вполнѣ соглашалась съ ней. Ну, что хорошаго въ этихъ глупо-вытаращенныхъ черныхъ глазахъ, въ вѣчно растрепанной головѣ, въ смуглыхъ щекахъ? Всѣ «тѣ» были бѣленькія, съ нѣжными или страстными очами, съ изящно-убранной головкой, стройныя, очаровательныя. Что могло быть общаго между ними и ею? Лери готова была рыдать, отъ всей души ненавидя себя, постоянно терзаясь сознаніемъ, что она хуже всѣхъ, что она—дурнушка. Одну бѣлокурую нѣмочку изъ своихъ знакомыхъ она не могла видѣть безъ умиленія; цвѣтъ лица, голубые глаза, постоянно гладко-причесанная головка—все восхищало Лери. Она мечтала, какъ она была бы тоже такой, какъ Миночка, и какъ довольны были бы maman и братья, имѣя такую хорошенькую дѣвочку. Папѣ все равно, папа не могъ бы любить ее больше, въ этомъ Лери была увѣрена.

Какъ-то около того же времени Лери съ отцомъ была у Таровскихъ. Зина, Катя и еще двѣ гимназистки наперерывъ хвалили Лери ученье въ гимназіи.

— Совсѣмъ не страшно и не трудно, а ужъ какъ весело-то! Въ маленькихъ классахъ, правда, скучно—все учительницы, а вотъ теперь...

— Весь нашъ классъ влюбленъ въ исторію!—восторженно говорила вертлявая маленькая гимназистка.—Это такая прелесть: блондинъ, кудрявые волосы, и такъ тихо говоритъ...

— Я тоже была въ него влюблена, да недавно перестала!—сказала Катя.—Очень ужъ онъ важенъ: вниманія никакого не об-

ращаетъ. Я ему всегда подавала за урокомъ карандашъ, на которомъ было написано мое имя, а онъ и ни разу не прочиталъ даже.

— А по-моему онъ—прелесть!—задумчиво выговорила молчавшая до сихъ поръ другая гимназистка.—Только онъ самъ неравнодушенъ къ Антоновской.

— Еще бы такая душечка!—подхватила Зина.—Немудрено! Ее и въ младшихъ-то классахъ всѣ дѣвочки обожаютъ.

— Почему?—спросила заинтересованная Лери.

— Страхъ какая хорошенькая!—всплеснула руками первая гимназистка.

— Ну, вотъ... вродѣ васъ она, такая хорошенькая! Пожалуй, немножко и похуже, а есть сходство...

— Да развѣ я... хорошенькая?—вспыхнула Лери.

— Ну, вотъ, еще бы!—засмѣялась Катя.—И будто не знаетъ, хитрая!

— У насъ въ гимназіи всѣ бы учителя тебѣ двѣнадцать ставили,—привела Зина самое вѣское доказательство..—Тебѣ бы русскій за восемь ошибокъ въ диктантѣ не меньше одиннадцати.

— Будетъ вамъ! Что вы!—отмахивалась Лери, невольно краснѣя отъ радости.

Ночью, передъ сномъ, Лери часа два простояла передъ зеркаломъ, разсматривая лицо и прямо и въ профиль, любуясь глазами, носомъ, пушистой косой. «Хорошенькая, хорошенькая!—шептала она, и ей все еще не вѣрилось.—Нѣтъ, завтра нужно спросить у братьевъ... Только похитрѣе, а то на смѣхъ поднимутъ».

Послѣ обѣда, когда всѣ разошлись изъ столовой, кромѣ Гриши, доѣдавшаго свою внушительную порцію пирожнаго, Лери обратилась къ нему съ замираніемъ сердца.

— Гриша, ты любишь хорошенькихъ?

— Эка сказала, всякій умный человѣкъ любитъ хорошенькихъ!—отвѣтилъ Гриша, отправляя въ ротъ апельсинную корку.

— А ты былъ бы радъ, если бы я была хорошенькой?

— Конечно, радъ. Ишь унесла все, противная Аринушка, чтобы оставить еще на тарелочкѣ?

— Гриша, ну, скажи же!—не отставала Лери.

— Да вѣдь я говорю, что радъ. Смертельно радъ...

— Да чему радъ-то, Гриша?

Гриша, наконецъ, разсердился и пригрозилъ посадить ее на шкапъ, если она не отстанетъ. Онъ одинъ разъ продѣлалъ съ ней такую штуку, и Лери сидѣла на шкапу, не имѣя возможности слѣзть, до тѣхъ поръ, пока кто-то изъ старшихъ не пришелъ ей на

помощь. Теперь она сочла за лучшее отретироваться. Не спросить ли Аринушку?

— Аринушка, я хорошенькая? — прямо приступила она къ сути.

Экономка развела руками.

— Эна, извѣстно какъ картинка вырѣзанная. Очень вашъ даже интересный видъ, Леринька! Опять же и платьице ваше изъ хорошей матеріи. Да что говорить, прямо—красавица!

Лери надулась и ушла въ досадѣ на глупость Аринушки. Она стала сравнивать себя съ m-elle Paton и рѣшила, что будь она хоть чуточку похожа на француженку, она всю жизнь просидѣла бы въ чуланѣ. Но вопросъ оставался неразрѣшеннымъ и попрежнему мучилъ ее.

«Спросить развѣ у Володи? Онъ все-таки самый старшій и, навѣрное, скажетъ! — пришло ей въ голову. — Спрошу прямо: пусть смѣются, а я зато навѣрное буду знать».

Володя и въ самомъ дѣлѣ засмѣялся и потрепалъ ее по щекѣ. Онъ не видѣлъ надобности скрывать правды отъ сестры.

— Ты-то хорошенькая? — переспросилъ онъ, смѣясь. — Да ты всякую хорошенькую за поясъ заткнешь. Погоди, вотъ начнешь кружить головы.

Милый Володя! какъ легко съ нимъ говорить, какъ онъ хорошо понимаетъ ее! Дѣвочка спрятала зардѣвшееся личико на плечѣ брата: ей захотѣлось высказаться.

— Володя, знаешь? Я вѣдь все читала...—прошептала она.— Я Тургенева прочла, романовъ много-много... А папа не знаетъ. Гадкая я?

— Ну, что же теперь дѣлать?—сказалъ Володя.— Все равно, половины не поняла: самое лучшее для тебя пропало.

— Вовсе нѣтъ,—съ жаромъ возразила Лери.—Я все поняла... Поняла, какъ люди думаютъ, страдаютъ, любятъ, погибаютъ... Это все жизнь, настоящая жизнь, какъ же мнѣ не понять? Да я не изъ однѣхъ книгъ знаю жизнь, а и въ дѣйствительности. Вонъ Зина Таровская до безумія влюблена въ своего гимназическаго учителя.

— Ого!—расхохотался Володя.—Вотъ такъ секретъ дѣвичьяго сердца!... Немножко раненько. Ну, а ты какъ?

— О, я еще ничего! — отвѣчала Лери.— Только мнѣ не очень хочется любить, пусть меня сначала...

— Ну-ну!—покрутилъ головой Володя.—Опасная ты штучка, сестренка. Только берегись: мнѣ кажется, что какъ разъ наоборотъ случится...

— Вотъ еще!—вскричала Лери, весьма довольная, соскакивая съ его колѣнъ. — Вотъ увидишь, какъ всѣ будутъ въ меня влюбляться.

Со времени этого разговора пошелъ уже второй годъ, но Лери не измѣнила своихъ намѣреній,—напротивъ, стала приводить ихъ въ исполненіе. Въ ней проснулось желаніе нравиться,—нравиться всѣмъ безъ исключенія, даже неинтереснымъ, даже дамамъ, даже дѣтямъ и прислугѣ. И она достигала этого съ успѣхомъ. За ней начинала ухаживать учащаяся и не учащаяся молодежь, на дѣтскихъ балахъ у знакомыхъ она не успѣвала отдыхать отъ безпрерывныхъ приглашеній; гости и особенно гостьи, пріѣзжавшія къ maman, вслухъ восхищались ея «прелестной дочкой». И Лери была довольна.

Недавно она чуть не упала съ лѣстницы отъ радости, случайно услыхавъ внизу разговоръ прислуги, швейцара и горничной maman, пожилой уже Параши.

— Понятное дѣло! Что тутъ?—говорила Параша.—Барышня словно грибокъ подъ дождичкомъ тянутся. И думать-то нечего!...

— А я тебѣ говорю, такъ! — спорилъ швейцаръ. — Для барышни само собой будетъ, а это для молодыхъ господъ. Дескать, вродѣ смотринъ: навезутъ невѣстъ...

— И споритъ со мной! Милые вы мои!—удивлялась Параша.—Вѣдь я небось слыхала, какъ барыня съ портнихой говорили насчетъ платья, ну? Бальное платье, да притомъ и длинное, скажи пожалуйста! А къ чему же балъ-то въ барышнино рожденье, то-есть въ самое-то, въ самое рожденье будетъ? Шестнадцать, поди, минетъ! А ты—для господъ. Господа-то и на офицерскихъ балахъ напляшутся...

Лери захотѣлось запрыгать, завизжать отъ радости. Вѣдь это говорили про *ея* балъ, ея первый балъ, когда она надѣнетъ длинное платье и останется дольше двѣнадцати часовъ, останется ужинать съ большими. Господи! А она-то забыла...

И все послѣднее время она жила въ мечтахъ о балѣ. Теперь ее больше всего заботило платье: какого оно будетъ цвѣта и пойдетъ ли къ ней, и не худы ли ея плечи и руки для декольте? А кто будетъ убирать ей голову? Будутъ ли цвѣты? И вдругъ она подурнѣетъ до тѣхъ поръ? Ея мечты шли гораздо дальше. Останется ли еще при ней m-elle Paton? Можетъ быть, съ тѣхъ поръ ее будутъ считать за совершенно взрослую, она будетъ причесывать волосы à la grek и носить платья въ талію? Все это такъ манило и оживляло ее.

— Шестнадцать лѣтъ! Господи, да когда же я доживу до нихъ?— сокрушалась Лери. — Показала бы я этой противной Paton, какъ я танцую! Смѣетъ еще говорить, что я неграціозна!

III.

Передъ обѣдомъ Павла Михайловна взяла дочь съ собой, вмѣсто ея обязательной прогулки пѣшкомъ съ m-elle Paton. Лери не часто баловали катаньемъ, и она была очень рада неожиданному удовольствію; но ее смущало объясненіе съ maman, которое она предчувствовала. Непремѣнно спроситъ maman насчетъ вчерашняго.

Сойдя у Рядовъ, Павла Михайловна направилась вдоль крайней галлереи, отыскивая свободную лавочку. Наконецъ таковая нашлась.

— Сядемъ, Лери, я отдохну немного! — сказала Павла Михайловна.

Лери, все время бывшая на-сторожѣ, взглянула на нее украдкой, стараясь угадать, сердится она или нѣтъ. Худое лицо Павлы Михайловны было спокойно, щеки слегка порозовѣли на холодѣ, и она то и дѣло прижимала къ лицу мѣховую муфту. Взглядъ былъ скорѣе ласковымъ.

— Нѣтъ, кажется, ничего! — рѣшила Лери.

Павла Михайловна оглянулась кругомъ; народу было немного. На противоположной лавочкѣ сидѣли двѣ неподвижныя старушки; мимо прошелъ студентъ.

— Послушай, — сказала Павла Михайловна, слегка пододвигаясь къ дочери, — почему ты такъ не ладишь съ m-elle Paton? Или, можетъ быть, ты избаловалась, набралась какихъ-нибудь глупыхъ идей отъ Таровскихъ? M-elle Paton говоритъ, что она отказывается съ тобой справляться. Помни, Лери, что ты еще дѣвочка и своевольничать тебѣ я не позволю.

— Да что же я, maman... — начала было Лери, но мать перебила ее.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ ты и не настолько мала, чтобы позволять себѣ подобныя выходки, какъ сегодня утромъ. Я изъ дому — и ты изъ классной. M-elle говорила, что у нея голова даже разболѣлась, такъ долго бѣгала она за тобой. А Семенъ Васильевичъ ждалъ...

Лери виновато покосилась на мать; ея румяный ротикъ дергала веселая улыбка. Павла Михайловна продолжала:

— Помни, что m-lle Paton останется при тебѣ до твоихъ восемнадцати лѣтъ. Ладьте съ ней, какъ хотите, я жалобъ слушать не желаю... да еще такихъ глупыхъ.

— Потому что она сама очень глупа!—возразила Лери.—Да, да, это правда, maman. Она вообразила, что я пошла къ Гришѣ, она всегда это воображаетъ... а я и не думала: я только спросила у Филиппа, кому телеграмма. Ты можешь узнать это вѣрно, maman! Я сейчасъ же вернулась. Противная! еще жалуется... Я уже отвѣтила всю Австрію, а она только что пришла.

Лери говорила съ вытянутымъ лицомъ: очень ужъ ее поразило и огорчило извѣстіе, что m-elle Paton останется и послѣ шестнадцати лѣтъ. Павла Михайловна съ незамѣтной улыбкой наблюдала за дочерью.

— А почему же m-elle вообразила, что ты непремѣнно у Гриши?—спросила она.

Лери немного смутилась, но отвѣтила:

— Да потому, что она въ него... онъ ей очень нравится, maman. Что же, я не виновата. Я сама видѣла, какъ она подкладываетъ ему на тарелку самые большіе куски. А одинъ разъ даже утащила для него у Аринушки индѣйку.

— Ну, полно, Лери! — не выдержала и расхохоталась Павла Михайловна. — Тебѣ вѣчно вздоръ кажется... Пойдемъ!

Онѣ пошли къ центральному выходу; Лери улыбалась, довольная, что изъ сегодняшняго объясненія ничего не вышло. А ужъ этой доносчицѣ Paton она устроитъ штуку.

Принарядившаяся Аринушка ходила кругомъ стола, зажигая разставленные на немъ канделябры. Лампа покачивалась на своихъ золоченыхъ цѣпяхъ, обливая яркимъ свѣтомъ бѣлоснѣжную скатерть, хрусталь, серебро и свѣжіе цвѣты, благоухавшіе въ фарфоровой корзинѣ, въ центрѣ стола. Дубовые стулья всѣ были придвинуты къ столу; на буфетѣ стояли стопками тарелки, и лакей Петръ быстро и ловко перетиралъ ихъ.

— Развѣ будутъ гости, Аринушка? — удивилась вошедшая Лери.

Она только что скончила уроки и сошла внизъ. У m-elle Paton болѣла голова, и она просила Лери извиниться за нее передъ madame. Лери только что радовалась, что избавилась отъ присутствія гувернантки и замѣчаній ея за столомъ; теперь, увидавъ, что кого-то ждутъ, она снова опечалилась, боясь, что ее отошлютъ наверхъ и она будетъ одна обѣдать тамъ и слушать стоны m-elle Paton.

— А кто будетъ, не знаешь, Аринушка?—спросила она, подходя къ столу и разглаживая замысловато сложенную салфетку съ большимъ вышитымъ гладью вензелемъ.—А много человѣкъ?

— На троихъ поставили приборы... — обязательно отвѣтилъ Петръ, покончившій съ тарелками и натягивавшій теперь перчатки. — Къ шести часамъ баринъ наказывали...

— Пожалуйте, Леринька, къ мамашѣ! — посовѣтовала Арнушка. — А то какъ бы не прогнѣвались!

Лери вышла съ печальнымъ вздохомъ и пошла на половину матери; ей хотѣлось плакать. Столовая стала такой нарядной и торжественной; имъ всѣмъ будетъ весело, пріѣдутъ гости, вонъ цвѣты принесли, зажгли канделябры... А она сиди одна наверху. Очень нужно!...

— Очень нужно!... — вслухъ повторила Лери, входя уже въ первую комнату матери, гостиную, всю уставленную растеніями и темно-красной мягкой мебелью.

Горничная Параша растапливала каминъ, стоя на колѣняхъ. Стѣнныя лампы въ матовыхъ абажурахъ обѣ были зажжены.

— Гдѣ мама? — спросила Лери. — Я ей не помѣшаю?

— Пожалуйте. Онѣ ужъ одѣлись, — отвѣтила Параша, не прерывая своего занятія.

За красной бархатной портьерой дверь не была притворена, и Лери просунула въ комнату свою растрепанную головку. Мать ея читала у своего рабочаго столика, откинувшись на спинку кресла; изъ-подъ абажура высокой лампы свѣтъ падалъ на раскрытую книгу и на склоненную голову Павлы Михайловны съ изящно причесанными темными съ сѣдиной волосами. Лери нерѣшительно вошла.

Павла Михайловна подняла голову и взглянула на дочь. Въ ея прищуренныхъ глазахъ играла улыбка, и Лери тотчасъ замѣтила ее и ободрилась.

— Ты что? — спросила ее Павла Михайловна.

— Я... я... m-elle Paton нездорова, — смутилась Лери. — Я бы хотѣла, maman...

— Ты всегда хочешь, чего не слѣдуетъ, — сказала Павла Михайловна, уже угадавшая ея цѣль. — Хорошо, ты будешь обѣдать съ нами, чтобы не безпокоить m-elle Paton. Пойди и скажи ей объ этомъ.

Лери рванулась было къ двери и остановилась.

— А мнѣ не нужно переодѣться и причесаться, maman, — спросила она живо. — Я еще успѣю...

— Къ чему это? — отвѣтила Павла Михайловна, оглядывая дочь. — Это гости къ папѣ. Ты сядешь со мной, и никто не обратитъ на тебя вниманія.

«Ну, это мы еще посмотримъ!» — подумала Лери, уходя изъ комнаты.

— Здравствуйте, m-elle Paton! Какъ вы себя чувствуете? — влетѣла она въ свои комнаты. — Maman очень васъ жалѣетъ, а мнѣ позволила обѣдать внизу. Будутъ преинтересные гости.

M-elle Paton приподняла съ подушки голову, обвязанную мокрымъ полотенцемъ.

— Mais qui donc? — заинтересовалась она гостями.

Лери испугалась; ей даже показалось, что m-elle Paton хочетъ встать.

— Будетъ пять старыхъ-престарыхъ стариковъ!—поспѣшила она сказать, браня себя за болтливость. — Не знаю, гдѣ папа набралъ такихъ. А Гриша,— она сдѣлала печальное лицо,— узналъ, что васъ не будетъ, и уѣхалъ обѣдать къ товарищу.

— Ah, si... — вздохнула m-elle Paton.

— Ну, до свиданія, m-elle, лежите тутъ себѣ... — сказала Лери, вставая. —А завтра вамъ все-таки будетъ за ваши доносы.

— Лери! Не выводите меня изъ терпѣнія! — вскипѣла француженка.

— Да! Мнѣ нынче изъ-за васъ досталось... — не унималась Лери. — Очень стыдно такъ дѣлать, m-elle. Я бы и нынче вамъ отплатила, — ну, да вы захворали.

Она опять вернулась къ матери и сѣла подлѣ нея, играя съ ея кошкой, хорошенькимъ дымчатымъ звѣркомъ, который, однако, преисправно царапался. Раза два Муська мяукнула; Павла Михайловна посмотрѣла въ ихъ сторону.

— Лери, оставь ты кошку въ покоѣ! Не понимаю, что за охота ходить постоянно съ исцарапанными руками. У барышни руки должны быть лучше всего.

Лери бросила кошку и принялась внимательно разсматривать свои руки. Потомъ она сказала, точно говоря сама съ собой:

— Что-жъ, онѣ довольно изящны. Ими можно любоваться... А царапины пройдутъ.

— Не болтай глупостей! —прервала мать.—Кто это будетъ любоваться такими чумазыми лапками? Никакой формы нѣтъ!

И по лицу ея Лери видѣла, что она уже любуется этими «лапками» дочери. Лери засмѣялась и вдругъ приникла губами къ худымъ пальцамъ матери, унизаннымъ кольцами.

— Ну, вѣрно опять что-нибудь напроказила?— спросила Павла Михайловна, тихо смѣясь и кладя одну руку въ вьющіеся воло-

сы дочери, у которой всегда такъ начинались признанія.—Ну, говори скорѣй, что-нибудь отчаянное?...

— О, нѣтъ, maman! Я только сказала m-elle Paton, что я ей завтра задамъ за ея жалобы. А она такъ испугалась!...

— Ну, это стыдно, Лери!—сказала Павла Михайловна.—Она больна, а ты ее безпокоишь. Это дурно!

Лери подняла голову и смотрѣла тоже серьезными глазами.

— Да мнѣ и самой теперь стыдно, maman! —прошептала она, смущенная.—Это я съ досады. Можно мнѣ пойти попросить у нея прощенья?

— Теперь, пожалуй, поздно, сейчасъ шесть.—Павла Михайловна посмотрѣла на часы, приколотые на груди къ ея корсажу.—Да вотъ и Петръ. Что, пріѣхали?

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ Петръ, появившійся на порогѣ спальни.—Баринъ въ столовую приказали просить.

Павла Михайловна уже вышла изъ комнаты. Лери на минуту остановилась передъ большимъ трюмо, оглядѣла себя, поправила волосы и улыбнулась: она была довольна собой сегодня. Неужели правда на нее не посмотрятъ?

Изъ столовой доносились голоса, Лери показалось, что комната полна народу. Ей бросились въ глаза нѣсколько человѣкъ военныхъ, и она только потомъ разсмотрѣла, что двое изъ нихъ были Володя и Гриша, въ вицъ-мундирахъ. Лери остановилась у своего мѣста, на краю стола, а Павла Михайловна прошла дальше, къ тому концу, гдѣ стоялъ Андрей Ивановичъ. Его раскатистый хохотъ то и дѣло раздавался по комнатѣ.

— А, Павленька, позволь тебѣ представить!—весело закричалъ онъ, увидавъ жену.—Полковникъ Асмолинъ, сынъ Николая Николаевича, помнишь? И вообрази: жилъ двѣ недѣли въ Петербургѣ, а сюда и не являлся. Ну, вотъ, видишь, каковъ молодецъ сынокъ-то, и ужъ полковникъ! Въ батюшку пошелъ, въ батюшку!

Лери все время со своего мѣста слѣдила за матерью. Полковника она нашла красивымъ и «настоящимъ» мужчиной; остальныхъ гостей оглядѣла мелькомъ. Но ей не давали наблюдать. Все время кто-то сзади дергалъ ее за рукавъ, и она сердилась и оглядывалась, и никого не могла замѣтить. Только теперь она разсмотрѣла, что это былъ Ѳедя, прятавшійся за буфетомъ. Ей вдругъ стало такъ весело, такъ безпричинно хорошо на душѣ: захотѣлось прыгать, пѣть, смѣяться.

Андрей Ивановичъ пригласилъ всѣхъ садиться. Кромѣ полковника обѣдало еще двое офицеровъ, изъ товарищей Володи. Всѣ ста-

ли размѣщаться, съ громомъ и шумомъ, двигая стульями по паркету. Лери не выпускала изъ рукъ спинки своего стула, увѣренная, что мать займетъ свое мѣсто на концѣ стола. Ѳедя подшучивалъ надъ сестрой, а Костя уговаривалъ ее садиться между ними двумя, обѣщая занимать ее весь обѣдъ. Лери еще колебалась, помня слова maman, но потомъ уступила и совсѣмъ спряталась своей тоненькой фигуркой между рослыми братьями.

Она была необыкновенно довольна и молила Бога, чтобы maman о ней не вспомнила. Но ея желаніе не исполнилось.

— А, ты все-таки здѣсь,—сказалъ Гриша громовымъ голосомъ, обгладывая куриную косточку изъ супа.—Объясни: почему ты здѣсь?

Лери перепугалась и смотрѣла на Гришу умоляющими глазами; Костя и Ѳедя дѣлали ему какіе-то знаки. Гриша взялъ еще косточку и прогремѣлъ:

— Хорошо, я никому не скажу, что ты здѣсь сидишь. Сиди, Леринька, сиди!

Лери была въ отчаяніи и упрашивала братьевъ показать ему кулаки. Павла Михайловна вспомнила о ней и начала уже отыскивить ее глазами; полковникъ откинулся на спинку стула, чтобы не мѣшать ей видѣть. Потомъ, желая быть любезнымъ, онъ спросилъ:

— Не ищете ли вы эту маленькую барышню? Вотъ на нашей сторонѣ, черезъ одинъ, два... черезъ стулъ отъ меня.

И Костя, и Ѳедя разсмѣялись, но Лери было не до того. Стараясь выглянуть на него изъ-за братьевъ, она воскликнула обиженно:

— Я вовсе не маленькая барышня! Я развѣ немножко помоложе своихъ братьевъ.

— Э, кто это тамъ пищитъ?—удивился Андрей Ивановичъ, въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ не замѣчавшій Лери.—Голосъ какъ будто нашей Лерички, а? Какъ это ты сюда попала?

— Это все Гриша, противный!—негодовала Лери.—Погоди!

Эти слова были сказаны вполголоса, но Гриша услыхалъ ихъ и даже поторопился доѣсть супъ, чтобы отвѣтить:

— А, такъ я противный Гриша! Хорошо!—заговорилъ онъ, вытирая ротъ.—А хочешь, разскажу про шкапъ?

Лери не на шутку струсила: отъ него вѣдь станется, онъ разскажетъ и при всѣхъ. Вѣроятно, на ея лицѣ выразился такой испугъ, что Гриша самъ успокоилъ ее.

— Ужъ развѣ только сегодня при важномъ гостѣ прощаю!—сказалъ онъ.—А другой разъ берегись.

— Это я-то важный гость?—разсмѣялся полковникъ. — Не вѣрьте, барышня, я самый простой человѣкъ, при мнѣ можно все разсказать... Да мы еще познакомимся.

Лери ничего не отвѣтила, хотя эти слова заинтересовали ее. «Вотъ какъ! значитъ, онъ собирается надолго остаться здѣсь, будетъ часто бывать у нихъ. Кто онъ? Папа очень радъ ему, только на него и смотритъ; и maman тоже очень ласкова съ нимъ».

Костя и Ѳедя не переставали смѣшить ее, а ей, какъ нарочно, нынче все казалось потѣшнымъ. Она не могла серьезно смотрѣть на озабоченную Аринушку съ рожками, вмѣсто банта, на головѣ; смѣялась на аппетитъ Гриши и на одного изъ офицеровъ, у котораго все сваливалась въ тарелку салфетка. Она открыла братьямъ сердечную тайну m-elle Paton и разсказала, какъ коварно обманула ее нынче, сказавъ, что Гриша уѣхалъ обѣдать къ товарищу. Братья хохотали, а Гриша слушалъ серьезно и не переставая жевать и, наконецъ, сказалъ съ набитымъ ртомъ:

— Я и самъ къ ней неравнодушенъ. Я послѣ обѣда пойду къ ней и все разскажу. Не позволю я такъ надувать ее!

— Гриша, голубчикъ, и я! — просила Лери.—Я буду прощенья у нея просить, а при тебѣ она будетъ добрѣе.

Гриша промычалъ что-то неопредѣленное, кажется, согласился.

Обѣдъ подходилъ къ концу: подавали мороженое. Лери знала, что maman положитъ ей микроскопическую порцію, и не вытерпѣла, попросила ей дать побольше, обѣщая быть осторожной, не глотать сразу. За столомъ разсмѣялись, когда замолкъ нѣжный голосъ дѣвочки, дѣлавшей тщетныя усилія показать себя матери изъ-за братьевъ. Павла Михайловна съ улыбкой стала отдѣлять для дочери половину сливочнаго шарика.

— Ну, ужъ цѣлый! —шепотомъ попросилъ полковникъ, тоже съ улыбкой слѣдя за ней.

И когда она положила чуть-чуть больше половины и хотѣла подозвать Петра, полковникъ всталъ самъ и, поставивъ тарелочку передъ Лери, шепнулъ, наклоняясь:

— Только осторожнѣе, маленькая барышня!

Лери оглянулась, удивленная, и почти съ испугомъ подняла на него глаза; ужъ этого-то она не ожидала, что онъ самъ принесетъ ей ея пирожное. Потомъ она улыбнулась: вблизи онъ понравился ей еще больше, и она была довольна, что и онъ имѣлъ случай разглядѣть ее поближе.

«Хорошо, что я хорошенькая!»—порадовалась она.

IV.

— M-elle Paton до того была рада, что Гриша пришелъ, что сразу у нея и голова прошла,—разсказывала Лери Ѳедѣ за чайнымъ столомъ.—Хотѣла даже сюда идти, вотъ вѣдь она какая!...

— Что-жъ она не идетъ?—спросилъ Ѳедя.—Не сходить ли за ней?

— Что ты, что ты! — съ ужасомъ остановила его Лери,— мы ее и такъ насилу обманули. Ужъ на этотъ разъ Гриша самъ догадался, съ ней простился и меня поцѣловалъ. Прощайте, говоритъ, уѣзжаю!

— И поѣхалъ въ ту же столовую,—докончилъ Ѳедя:—пріѣхалъ и напалъ на конфеты. Вотъ безпардонный: ужъ полкоробки съѣлъ. Надо конфеты-то спасать!...

— И мнѣ, и мнѣ, Ѳедя!—просила Лери.

Володя съ товарищами уѣхали еще до чаю, Костя пошелъ заниматься. Аринушка разливала чай, а Павла Михайловна тутъ же на концѣ стола раскладывала пасьянсъ.

— Лери!—окликнулъ Гриша, у котораго Ѳедя отнялъ-таки коробку съ конфетами, пойдемъ, я тебя выучу польку танцовать.— Я теперь такъ навострился.

Лери вспыхнула и изъ-подъ рѣсницъ посмотрѣла въ сторону гостя, разговаривавшаго съ Андреемъ Ивановичемъ. Что онъ объ ней подумаетъ? Шестнадцать лѣтъ барышнѣ и не знаетъ польки. Несносный Гриша.

— Пойдемъ же!—повторялъ Гриша.—А то жалѣть будешь: такъ и не научу.

— Мамочка, честное слово, все выдумываетъ, самъ хочетъ учиться, — защищалась Лери, замѣтивъ, что мать смотритъ на нихъ.—Дразнитъ меня цѣлый день... Какъ не стыдно не умѣть!— обратилась она къ брату: ужъ что такое полька, самый простой танецъ! Вѣдь учился же ты когда-нибудь?

— Вотъ, я забылъ!—сказалъ Гриша, тяжело поднимаясь со стула.—Ну, не сердись, пойдемъ. А то m-elle Paton позову.

Лери только молча поглядѣла на него, устрашенная этою перспективой, и послушно пошла за нимъ въ гостиную. Тамъ она однако оживилась, показывая брату па, и скоро Гриша носился по комнатѣ, сотрясая полъ и стѣны. Ѳедя однимъ пальцемъ наигрывалъ «Собачій вальсъ», увѣряя, что это та же полька.

— Ахъ, какая же полька, когда вальсъ?—кричала Лери.— Гриша, ты лучше самъ подпѣвай.

— Куда тутъ еще подпѣвать, я и такъ боюсь лопнуть,—пыхтѣлъ Гриша, не переставая выдѣлывать ногами самые отчаянные па.—Вѣдь я, Лери, для тебя же стараюсь; на твоемъ балу съ m-elle Paton пропляшемъ.

— Непремѣнно съ m-elle Paton?—обиженно спросила Лери.—А со мной?

— Съ тобой? Куда намъ. У тебя и безъ насъ такіе кавалеры найдутся, что намъ хоть прятаться,—махнулъ рукой Гриша.—Разные тамъ пажики, кадетики, юнкера-поэтики.

— Молчи и танцуй!—повелительно оборвала его Лери, стараясь побороть улыбку.—Ѳедя, играй же!

Въ столовой оставались трое старшихъ, которые тихо разговаривали. Аринушка уже снимала со стола посуду, самоваръ унесли. Изъ смежной гостиной доносился воинственный топотъ Гриши и робкіе звуки рояля. Павла Михайловна смѣшала карты.

— Нѣтъ, не сошелся!—сказала она.—Попробую еще.

— Ты, Павленька, послушай, что Сергѣй Николаевичъ тутъ выдѣлываетъ,—заговорилъ Андрей Ивановичъ.—Номеръ вишь у него взятъ, и денщикъ тамъ съ вещами сидитъ, а? Тебѣ это какъ покажется?

— Да развѣ вы не у насъ?—удивилась Павла Михайловна.—Полно, что это вы? У насъ мѣста много, домъ большой. И вашего денщика сюда.

— Сюда, сюда, конечно, сюда,—вторилъ ей Андрей Ивановичъ.—Да развѣ можно такъ? Меня, батенька, совѣсть замучитъ, если я Николашина сынка, да въ номеръ. Онъ-то, бывало, какъ меня принималъ.

— Видите ли, уважаемый Андрей Ивановичъ,—заговорилъ полковникъ своимъ низкимъ, красивымъ голосомъ.—Я вамъ очень признателенъ за ваше гостепріимство, но... я не имѣю права злоупотреблять имъ.

— Да какое же злоупотребленіе, помилуйте!

— Я долженъ почти годъ оставаться здѣсь, до мая... виноватъ, до іюня будущаго года. Это уже слишкомъ, согласитесь.

— И цѣлый годъ жить въ номерахъ? это же ужасно,—сказала Павла Михайловна.—Конечно, вы должны остаться у насъ. Вы насъ не стѣсните, развѣ только веселѣй у насъ станетъ.

— Эээ! Петръ!—закричалъ Андрей Ивановичъ.—Съѣзди, братецъ, вотъ по адресу, и привези оттуда вещи и денщика. Вотъ для господина полковника.

Дѣло было улажено. Андрей Ивановичъ трепалъ по плечу мо-

лодого полковника, повторяя, что у него появился еще самый старшій сынокъ. Счастье ему на сынковъ, да и только! Вошедшая Лери съ недоумѣніемъ смотрѣла на нихъ.

— А вы меня возьмете въ братья?—обратился къ ней Асмолинъ.—Я буду самымъ примѣрнымъ...?

Лери улыбнулась.

— Папа, взять?—лукаво спросила она.—Боюсь только, что этотъ тоже будетъ дразнить меня.

— Какъ вѣжливо сказала Лери, этотъ...—остановила ее Павла Михайловна.—Что подумаетъ полковникъ...?

— O m-elle Paton!—живо докончила Лери.—Вотъ такъ француженка, которая не сумѣла научить вѣжливости. Но вѣдь вы будете называть меня маленькой барышней, это мнѣ вовсе не по вкусу!—отнеслась она къ Асмолину.

— Нѣтъ, нѣтъ,—смѣялся тотъ.—Я буду считать васъ очень опытной особой, буду васъ слушаться, буду спрашивать вашихъ совѣтовъ. Я чистосердечно признаю мою ошибку, вы вполнѣ взрослая.

Лери полузастѣнчиво протянула ему руку.

— Хорошо!—сказала она.—Если все будетъ такъ, вы станете милымъ братцемъ. Надѣюсь, вы умѣете танцовать? Ну, вотъ, а Гриша къ этому совершенно неспособенъ. Слышите, въ гостиной громъ? Это Гриша все старается.

Павла Михайловна осталась въ столовой доканчивать свой пасьянсъ, а Андрей Ивановичъ и Аринушка пошли смотрѣть комнату для гостя. И Лери тоже стремилась за отцомъ, но Павла Михайловна отослала ее спать, къ ея великой досадѣ. Денщикъ Ѳедоровъ былъ уже привезенъ, напоенъ и накормленъ, и спалъ, какъ убитый, у швейцара Филиппа. Къ одиннадцати часамъ его еле могли добудиться, чтобы показать ему комнату его барина, который хотѣлъ раньше лечь, уставъ съ дороги.

— Что, Ѳедоровъ, нравится тебѣ тутъ?— спрашивалъ полковникъ.

— Такъ точно-съ, ваше высокородіе!—отвѣчалъ солдатъ.—Тепло и сытно, и баринъ ласковый. Икономка—должно то же важнѣющая барыня. Я очень всѣми доволенъ. Покойной ночи, ваше высокородіе, на новомъ мѣстѣ...

Лери въ это время тоже была въ постели. Уже засыпая, она повернула растрепавшуюся голову по подушкѣ, и довольная улыбка изогнула ея румяныя губки.

— О, мы еще познакомимся!—прошептала она.

V.

День былъ веселый, солнечный, съ легкимъ бодрящимъ морозцемъ, съ хрустящимъ подъ ногами снѣгомъ, съ чистымъ синимъ небомъ. На улицахъ кишѣла предпраздничная суета; всѣ торопились, везли и несли покупки; извозчики безшумно проносились взадъ и впередъ, покрикивая на заиндевѣвшихъ лошадокъ. Вся улица съ бѣлой, гладко укатанною дорогой, дома, высокіе и красивые, низкіе и простенькіе, ослѣпительно бѣлыя массы снѣга повсюду,—все это казалось нарядным и яркимъ и все такъ блестѣло подъ лучами солнца. А люди спѣшили и спѣшили съ озабоченными и довольными лицами, радуясь веселымъ хлопотамъ этихъ дней.

Лери шла внизъ по Тверской, тоже съ озабоченнымъ и веселымъ видомъ. Все радовало ее нынче: и прекрасная погода, и оживленіе на улицахъ, и отсутствіе m-elle Paton, и порученія, данныя maman ей, какъ взрослой, и, наконецъ, ея спутникъ Асмолинъ, вызвавшійся сопровождать ее по магазинамъ. Ей казалось, что она совсѣмъ самостоятельная барышня, дѣлаетъ праздничныя закупки одна, со своимъ знакомымъ. Зорко приглядываясь къ лицамъ встрѣчавшихся, Лери старалась угадать по выраженію ихъ, догадываются ли они всѣ, кто она, что ей еще нѣтъ шестнадцати лѣтъ, что у ней—о позоръ!—есть еще гувернантка. Но нѣтъ, этого не могло быть: всѣ эти люди смотрятъ такъ серьезно и даютъ ей дорогу, какъ взрослой и занятой особѣ.

Ея румяное личико, подъ широкими полями шляпы, сохраняло очень озабоченное выраженіе, и она старалась не обращать вниманія на Асмолина, смѣявшагося надъ ея дѣловитостью. Правда, и онъ велъ себя довольно мило и переставалъ шутить тотчасъ же, какъ она начинала сердиться. Такимъ образомъ они дошли до Страстного монастыря, довольные и прогулкой, и другъ другомъ.

Дальше по Тверской стало еще людне. Навстрѣчу попадалась болѣе изящная публика: барыни съ неизбѣжными сверточками и коробочками въ рукахъ, господа въ шинеляхъ и цилиндрахъ, франтоватые военные; изрѣдка проходили купцы въ запахнутыхъ шубахъ съ широкими воротниками. У оконъ магазиновъ останавливались иногда цѣлыя толпы; разсыльные, съ ихъ красными шапками, стояли вдоль стѣнъ, какъ на стражѣ. У дома губернатора пришлось идти совсѣмъ медленно,—такъ много было народу.

— Да это цѣлое гулянье!—воскликнулъ полковникъ.

Лери улыбнулась и тряхнула головой. Она не смотрѣла на него

и старалась только соразмѣрить свой мелкій шагъ съ его твердою поступью, сопровождаемой легкимъ бряцаньемъ шпоръ. Ей было очень весело, и она была увѣрена, что и онъ доволенъ, что попалъ сюда. Всѣ дамы и барышни, попадавшіяся навстрѣчу, казались такими свѣженькими и красивыми на морозѣ; а вѣдь Лери знала, что всякій умный человѣкъ любитъ хорошенькихъ. Поэтому она не смотрѣла на надоѣвшіе ей магазины, а занималась совсѣмъ другимъ дѣломъ. Почти на каждую барышню она указывала Асмолину, какъ на очень хорошенькую, и шепотомъ спрашивала, которая ему нравится. Полковникъ почти все время кивалъ головой, не желая обидѣть вкуса Лери, а она приходила въ восторгъ отъ каждой.

— Посмотрите-ка на эту,—говорила она, дотрогиваясь до его перчатки своею теплою отъ муфты рукой: смотрите, какая прелесть! Вотъ, вотъ съ бѣлой вуалеткой. Что, правда?

— Ничего особеннаго,—говорилъ онъ, пожимая плечами.— Такъ, недурна.

— Недурна?! — возмущалась Лери. — Что же вы понимаете послѣ этого? Смотрите, смотрите скорѣй: направо, въ сѣромъ... Видѣли? А какіе глаза-то.

— О, великолѣпные! — полковникъ старательно восхищался. — Не нужно ли намъ идти поскорѣй, Лери?

— Ахъ, погодите! Вотъ дождемся той блондинки, повернемъ и пойдемъ скорѣе,—говорила Лери.—Намъ нужно сюда повернуть, будетъ просторнѣе. Вотъ она сюда идетъ; миленькая, да?

— Ахъ, Боже мой! Да вамъ-то, Лери, какой въ нихъ интересъ?—взмолился, наконецъ, Асмолинъ.

Они перешли улицу и пошли скорѣе.

— Какъ, мнѣ очень интересно,—сказала Лери.—Во-первыхъ, я вообще люблю смотрѣть на хорошенькихъ, а потомъ... я сравниваю ихъ съ собою.

— И какой же выводъ?—улыбнулся онъ.

— А это ужъ не ваше дѣло,—лукаво отозвалась Лери.—Впрочемъ, нѣтъ, вамъ я скажу. Почти всегда я нахожу, что я далеко хуже.

И разсмѣявшись его недовѣрчивому виду, она прибавила просительнымъ тономъ:

— Только maman не говорите.

— А вотъ ѣдетъ нашъ милый Андрей Ивановичъ!—указалъ Асмолинъ.—Смотрите, Лери. Вотъ увидалъ насъ... Мое почтеніе.

— Папа, папа!—крикнула было Лери; ей вдругъ представи-

лось, что отецъ остановитъ извозчика и пойдетъ съ ними. Но Андрей Ивановичъ только улыбнулся, узнавъ ихъ, и ласково закивалъ головой.

— Что, не хотите ли догнать его?—пошутилъ Асмолинъ.

Онъ былъ очень высокъ передъ дѣвочкой и смотрѣлъ на нее сверху смѣющимися глазами. Она тоже начала было смѣяться, но вдругъ стала необыкновенно серьезной и спросила:

— Не криво сидитъ моя шляпа?

Онъ сказалъ, что нѣтъ, и сталъ бранить ее за кокетство, слишкомъ раннее въ такіе годы; но она не обращала на него вниманія, стараясь припомнить, куда могла дѣвать списокъ matan.

— Право, я забыла его,—повторяла она.—Или потеряла? Какъ же быть? Ахъ, впрочемъ, вотъ онъ. Ну, теперь идемте.

Они уже были у дверей магазина, откуда высыпала толпа, сзади напирали входившіе. Полудѣтская фигурка Лери совсѣмъ затерялась въ массѣ дамъ, и Асмолинъ только издали могъ слѣдить за ея круглою шляпкой, выдѣлявшейся между другими своею свѣтло-синею отдѣлкой. Онъ догналъ ее только въ первомъ полутемномъ отдѣленіи модныхъ товаровъ, гдѣ Лери остановилась передъ занятымъ прилавкомъ, со своимъ спискомъ въ рукахъ. Теперь она совсѣмъ забыла о присутствіи полковника, вся уйдя въ свои покупки, съ заботливо и дѣловито наморщеннымъ лбомъ. Наконецъ, она пробралась къ самому прилавку, и приказчикъ занялся исключительно съ ней, какъ съ настоящей покупательницей. Асмолину стало интересно, о чемъ могла разсуждать Лери съ такимъ жаромъ, и онъ подошелъ ближе.

— Эта тесемка непрочна,—говорила дѣвочка увѣреннымъ тономъ, вертя въ рукахъ кусокъ тесьмы.—Я беру не для того, чтобы бросить черезъ минуту. Покажите мнѣ другую.

Часамъ къ пяти, когда совсѣмъ стемнѣло и въ магазинѣ повсюду зажглось электричество, Лери покончила съ покупками, которыми она нагрузила Асмолина, повторяя, что теперь онъ ей очень полезенъ. Коробокъ и свертковъ была такая масса, что все невозможно было забрать, и они рѣшили связать ихъ въ нѣсколько большихъ пакетовъ. Расположившись на одной изъ площадокъ центральной лѣстницы, гдѣ стояли образцы мебели и висѣли картины и портьеры,—Лери и полковникъ начали упаковывать покупки, старательно помогая другъ другу. Было жарко и свѣтло на этой площадкѣ, которой мягкая мебель и портьеры придавали видъ элегантнаго салона. Лери чувствовала себя очень утомленной и очень довольной пріятными заботами этого дня. Ей было очень

смѣшно смотрѣть на Сергѣя Николаевича, старавшагося связать вмѣстѣ нѣсколько послѣднихъ, самыхъ мелкихъ свертковъ, которые все разсыпались изъ его рукъ. Она могла бы помочь ему, но это была уже его доля работы, и потомъ ей очень нравилось видѣть его забавное отчаяніе. Не будь тутъ постоянно проходившей мимо публики, она дала бы волю душившему ее хохоту. Но публика все шла и шла, и нѣкоторые внимательно оглядывали ихъ.

Наконецъ, полковнику удалось исполнить свое желаніе. Все купленное состояло теперь изъ трехъ большихъ свертковъ, и Лери досталось нести одинъ, поменьше. Они совсѣмъ уже готовились уходить, какъ вдругъ Лери увидала своихъ подругъ Таровскихъ, проходившихъ мимо.

— Зина! Ката!—окликнула она.—Здравствуйте. Куда вы?

Обѣ дѣвочки оглянулись. Онѣ были однѣ, какъ всегда, и точно испугались сперва встрѣчи со знакомыми. Узнавъ Лери Данаеву, онѣ просіяли, бросились къ ней, заговорили обѣ вразъ, удивляясь ея присутствію здѣсь и объясняя причину своего. Онѣ были на елочномъ базарѣ и не могли раньше окончить покупокъ: такъ тамъ много хорошихъ вещей, не знаешь, что и выбрать. Съ двѣнадцати часовъ онѣ здѣсь, устали страшно и вовсе не такъ много накупили, придется и завтра провести здѣсь цѣлый день. А это такъ надоѣдаетъ.

— Нѣтъ, а я все успѣла,—сказала Лери съ торжествующимъ лицомъ:—все очень, очень хорошее. Теперь maman будетъ знать, что на меня можно положиться.

— Да неужели ты одна? И тебя теперь пускаютъ?—удивлялась Ката.

— Вѣрно, прогнали m-lle Paton.

— А можетъ-быть, она умерла отъ любви къ твоему толстому брату,—добавила Зина.—Это было бы такъ интересно.

Но Лери отрицательно покачала головой, съ очень огорченнымъ видомъ. M-lle Paton еще долго останется и не думаетъ умирать; напротивъ, толстѣетъ съ каждымъ днемъ, вѣрно хочетъ сравняться съ Гришей.

— А я пришла сюда съ однимъ офицеромъ, который у насъ гоститъ,—объясняла Лери.—Вы еще его не знаете. Мы уже давно не видались, я не успѣла разсказать вамъ про него.

Зина и Ката сейчасъ оглянулись.

— Это вотъ тотъ, сидитъ на диванчикѣ? И покупки твои у него? Ахъ, какой красивый, какой прелестный! Счастливая! ходитъ съ такимъ интереснымъ кавалеромъ, а мы однѣ.

Лери самодовольно улыбалась, находя, что онѣ правы. Всѣ три молоденькихъ личика обернулись къ Асмолину, съ легкимъ нетерпѣніемъ слѣдившему за ними. Онъ находилъ, что Лери слишкомъ долго болтаетъ съ подругами.

— Онъ смотритъ сюда!—замѣтила Зина.—Какіе у него глаза чудные, Ката, видишь? И вообще онъ самъ такой красавецъ! Лери, душенька, познакомь насъ.

— Познакомь, миленькая!—пристала и Ката.

Лери ничего не имѣла противъ этого. Это будетъ очень удобно: онѣ кончили свои покупки, встрѣтились и вмѣстѣ пойдутъ домой. Чего же проще.

— Кажется, намъ въ другую сторону,—вспомнила Ката.— Что же дѣлать?

— Ничего, вотъ бѣда!—утѣшала Лери.—Онъ Москвы, кажется, не знаетъ, онъ пріѣзжій, пойдемъ, куда хотимъ, и скажемъ, что такъ ближе. Пойдемте!

Черезъ минуту всѣ были знакомы и вмѣстѣ собрались домой. Лери въ восторгѣ оставила было свой узелокъ, но полковникъ пришелъ въ отчаяніе и отказывался двинуться съ мѣста, повторяя, что у него не хватаетъ рукъ. Лери должна была вернуться за сверткомъ, и всѣ четверо, наконецъ, начали спускаться по лѣстницѣ.

Несмотря на поздній для магазина часъ, народу не убывало: входило точно еще больше, чѣмъ выходило. Внизу у входа была давка. Полковникъ высоко поднялъ покупки, опасаясь, что ихъ сомнутъ въ толпѣ, и совѣтовалъ Лери сдѣлать то же самое. Но Лери его даже не слыхала. Она шла впередъ подъ руку съ Зиной, тогда какъ Ката, какъ старшая, разговаривала съ Асмолинымъ, стараясь идти съ нимъ рядомъ въ этой толкотнѣ. Какъ очень умная и начитанная барышня, она старалась начать интересный и содержательный разговоръ и очень огорчалась, что полковникъ такъ мало выказывалъ вниманія и все смотрѣлъ впередъ.

— Какъ вамъ нравятся наши театры? Въ Маломъ, напримѣръ, превосходный составъ труппы,—начинала Ката.

Полковникъ отвѣчалъ:

— Я не имѣлъ еще случая... Лери, держитесь немного къ этой сторонѣ! — вдругъ крикнулъ онъ. — Право, васъ совсѣмъ сдавятъ.

— Не безпокойтесь,—гордо отвѣчала Лери, поддерживая готовую свалиться шляпу.

— Но вы непремѣнно должны побывать въ театрѣ на празд-

никахъ!—приставала Ката, вдругъ проскакивая впередъ отъ внезапнаго толчка сзади.—Это такое высокое наслажденіе.

— Ну вотъ! Я такъ и зналъ,—пробормоталъ Асмолинъ, видя, что Лери попала въ самую давку.—Лери, идите сюда, ко мнѣ.

Но Лери только послала ему издали презрительный взглядъ и совсѣмъ исчезла въ толпѣ. Асмолинъ сталъ было пробираться туда, но за его спиной раздался умоляющій голосъ Каты:

— Господинъ полковникъ, подождите меня. Меня совершенно сжали: я даже чувствую, что мои ноги подкашиваются.

Онъ долженъ былъ подождать Кату, внутренно проклиная эту неожиданную встрѣчу, и вздохнулъ свободно, только увидавъ на улицѣ у входа знакомую широкополую шляпу. Зина выразительно посмотрѣла на Кату, и та, не безъ сожалѣнія уступивъ ей свое мѣсто, подошла къ двери.

— Какой онъ душка!—зашептала Ката, стиснувъ ея руку.—Онъ, навѣрное, страхъ какой умный, и... Лерька, скажи, милочка, правду: ты въ него влюблена?

— Да нѣтъ еще!—отвѣтила Лери, удивляясь, какъ эта мысль до сихъ поръ не пришла ей въ голову.—Да неужели онъ такой красивый, Ката? Неужели отъ даже лучше учителя исторіи?

— О, какое же сравненіе,—воскликнула Ката.—Это все противная Зина не дала мнѣ съ нимъ поговорить. Видишь, Лери, ли ты еще не любишь его, то я буду... Онъ просто неотразимъ...

— Что-жъ, какъ хочешь,—отвѣтила Лери.—Люби: онъ еще долго въ Москвѣ пробудетъ.

— Я буду къ вамъ часто приходить теперь,—мечтала Ката.—Ахъ, Лери, какъ я рада, что я нашла любимаго человѣка.

— Лери, куда это мы идемъ?— окликнулъ полковникъ.—Я вотъ что думаю: мы простимся съ милыми барышнями, извинимся и наймемъ извозчика. Я боюсь, что мы не поспѣемъ домой къ обѣду, и Павла Михайловна будетъ безпокоиться.

— Ну, дойдемъ еще до того угла,—просила Лери.—Вотъ кстати тамъ стоятъ извозчики. Мы идемъ, куда нужно, Сергѣй Николаевичъ, да еще самою близкою дорогой.

По просьбѣ Каты, она отозвала Зину опять къ себѣ, и та пришла недовольная, такъ что Лери стало даже жаль ее.

— О чемъ вы говорили?—спросила Лери.

— Онъ мнѣ наговорилъ кучу любезностей,—отвѣтила Зина, слывшая кокеткой.—Ему, навѣрное, веселѣе было со мной, чѣмъ съ этою мудрицей. Я всегда должна ей уступать, потому что она старшая. Ну, а тутъ я ужъ не уступлю, ни за что!

Лери слушала, удивленная, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Я тебѣ сейчасъ все скажу,—начала Зина.—Хоть она и сестра мнѣ, она всегда меня притѣсняетъ. А теперь... знаешь, Лери, ты должна мнѣ помочь, ты мой лучшій другъ. Ангелъ, прелесть, поможешь?

— Да въ чемъ?—недоумѣвала Лери.

— Ахъ, какая ты! неужели ты не видишь?... Я никому, никому его не отдамъ, даже сестрѣ... Я влюблена въ твоего знакомаго, Лери, въ этого прелестнаго офицера!

— И ты?!—вырвалось у изумленной Лери.—Батюшки! какъ же вы обѣ сразу? Это и въ романахъ рѣдко случается.

— А, такъ она ужъ успѣла!—возмутилась Зина.—Но все равно, ты должна помогать мнѣ, потому что ты моя ровестница. Пусть, пусть ее... Ну, подумай сама, чья возьметъ: я умѣю кокетничать, а она все съ умными разговорами. Ну, скажи: кому изъ мужчинъ нравятся барышнины умные разговоры?

— Ужъ не знаю... — отвѣтила Лери. — Вотъ Гришѣ не нравятся.

— И никому не нравятся! — увѣряла Зина. — Такъ вотъ, послушай, Лери: намъ нужно видѣться. Если ты меня любишь, ты приведешь его на катокъ въ четвергъ, слышишь? Въ два часа!

Они дошли до угла, темные силуэты извозчиковъ тянулись вдоль тротуара. Асмолинъ взялъ одного и сталъ торопить Лери садиться; Таровскія поцѣловали ее по-очереди.

— Катокъ, два часа!—шепотомъ напомнила Зина.—На этой недѣлѣ, въ четвергъ, не спутай! До свиданія, Сергѣй Николаевичъ!

— Приду непремѣнно, во вторникъ!—сказала Ката, точно отвѣчая на приглашеніе.—До свиданія, полковникъ.

Асмолинъ молча раскланялся и сталъ усаживать Лери.

А. Эръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПѢСНИ ИЗЪ „УГОЛКА“.

Усть-Нарова, 1898 г.

XXVIII.

Мой прудъ, онъ съ утрà разрисованъ,
На немъ арабески, штрихи,
Онъ весь покраснѣлъ и алѣетъ
Въ опавшихъ сережкахъ ольхи.

Давно ли въ оттаявшихъ льдинахъ
Глядѣлъ онъ такъ скучно, мертво!
Теперь и безъ вѣтра онъ дышитъ...
То рыбки колеблютъ его.

XXIX.

Во снѣ мучительномъ я долго такъ бродилъ
Кого-то я искалъ, чего-то добивался;
Я переплылъ моря, пустыни посѣтилъ,
Въ скалàхъ карабкался, на торжищахъ скитался...

И сталъ предъ дверью я открытою... За ней
Какой-то мягкій свѣтъ струился издалёка;
Отъ створовъ падали столбы большихъ тѣней;
Ступени вверхъ вели и, кажется, высòко!

Но что за дверью тамъ, впередъ какъ ни смотри—
Не видишь... А за мной—земного міра тѣни...
Мнѣ голосъ слышался... Онъ говорилъ: «Умри!
И можешь ты тогда подняться на ступени!...»

И смѣло я пошелъ... И началъ замирать...
Чуть въ полный свѣтъ вступилъ—ослѣпнули зѣницы,

Я ѝначе прозрѣлъ... Какъ? Радъ бы передать,
Но нѣтъ пригодныхъ струнъ и звуковъ у цѣвницы!...

XXX.

Закрыла осень всѣ пути,
Ручьи умолкшіе застыли,
Сгорѣли трàвы, полегли.
Онѣ недавно живы были.

Ну, память! Ты въ правà вступай
И изъ нѣмыхъ воспоминаній
Былого лѣта выдвигай
Черты живыхъ произрастаній!

Пусть въ тьмѣ рождественскихъ ночей,
Передъ духовными очами,
Мысль глянетъ всходами полей,
И побѣгутъ мечты ручьями.

XXXI.

Повиснулъ хмѣль съ жердей забора,
И снасть съ рѣки убралъ рыбакъ;
Въ остаткахъ прежняго убора
Лѣсъ замолчавшій полунагъ.

Какъ длинны сумерки! Какъ мàлы
Просвѣты неба; въ облакахъ
Нѣтъ жизни; полегли—усталы
Въ другъ дружку давящихъ слояхъ.

И въ людяхъ бытіе любое,—
Когда приблизится разсчетъ,
И все почти уйдетъ въ былое—
Такой же обликъ возстаетъ.

А тамъ придетъ гробокопатель,
Предвѣстникъ смерти—сѣдина!...
Ты красишь волосы, пріятель...
Какая чудная весна!

XXXII.

Мощь сѣверныхъ лѣсовъ въ сугробахъ и наносахъ,
Въ прозрачной темени, одѣтой въ снѣгъ хвой,
Какъ явствуютъ въ тебѣ въ безгласности великой,
Могучей жизненности раннія струи!

Да, только здѣсь, у насъ, гдѣ смерть лѣса объяла
На долгій, долгій срокъ; гдѣ нѣтъ иной судьбы,
Въ февральскомъ холодѣ, во мглѣ, уже взираетъ
Пушистый бархатецъ проснувшейся вербы!

Да, только здѣсь, въ снѣгахъ полуночнаго лѣса,
Въ объятьяхъ холода и мертвой тишины
Способны оживать такъ рано насажденья
Тепла душевнаго и внутренней весны!

XXXIII.

Право, не больше чѣмъ въ полчаса времени
Горы и лѣсъ очутились въ снѣгахъ,
Будто бы все населилось маркизами
Въ пудрѣ, въ косичкахъ, въ большихъ парикахъ.

Что было въ осень поломано, выжжено,
Садъ, что мѣстами раскопанъ и взрытъ,
Даже кусты и деревья умершіе
Всѣ поюнѣли и бодры на видъ.

Славное время маркизовъ! Подъ пудрою,
Подъ париками — скрывались года,
Всѣ были юны... Толкуютъ, что, будто бы,
Модамъ — судьба воскресать иногда...

XXXIV.

Надъ глухимъ болотомъ буря развернулась!
Но молчитъ болото, ей не отвѣчаетъ,
Въ мохъ оно одѣлось, въ тину завернулось,
Только стебельками острыхъ травъ качаетъ.

Восклицаетъ буря: «Ой, проснись, болото!
Проступи ты къ свѣту зыбью и сверканьемъ!
Ты совсѣмъ иное испытаешь что-то
Подъ моимъ могучимъ творческимъ дыханьемъ.

«Я тебя немного, правда, взбаломучу,
Но зато твои я мертвенныя воды
Породню, чуть только опрокину тучу,
Съ влагою небесной, съ дѣтищемъ свободы!

«Дамъ тебѣ вздохнуть я! Свѣту дамъ трясинѣ,
Громъ мой, громъ веселый, слышишь, какъ хохочетъ!»
Но молчитъ болото и, погрязши въ тинѣ,
Ничего иного вовсе знать не хочетъ.

XXXV.

Ахъ, какъ я люблю порою,
Утомившись разсуждать,
Надъ болтливою рѣкою
Посидѣть и помолчать!

Затихаетъ шумъ сомнѣній,
Замиряется разладъ;
Нѣтъ вопросовъ — нѣтъ рѣшеній!
Жизнь проста, я жизни радъ.

Счастливъ я вблизи природы;
Устраненъ въ себѣ самомъ,
Внѣ неволи, безъ свободы
И съ немыслящимъ умомъ.

XXXVI.

Серебряный сумракъ спустился,
И сходитъ на землю покой;
Мнѣ слышно движеніе лодки,
Удары весла за горой...

Пловецъ, мнѣ совсѣмъ неизвѣстный,
Отъ сердца скажу: добрый путь!
На трудъ ли плывешь ты, на радость,
На горе ли,— счастливымъ будь!

Я такъ преисполненъ покоя,
Я такъ имъ богатъ, что возьми

Хоть часть,—мнѣ достанетъ дѣлиться
Со всѣми, со всѣми людьми.

XXXVII.

Качается лодка на цѣпи,
Привязана крѣпко она,
Чуть движетъ на привязи вѣтеръ,
Чуть слышно колышетъ волна.

Охъ! хочется лодкѣ на волю,
На волю, въ невѣдомый путь,
И свернутый парусъ расправить,
И выставить на-вѣтеръ грудь!

Но цѣпь и крѣпка, и не ржава,
И если судьба повелитъ—
Поплыть, то не цѣпь оборвется,
А треснувшій бортъ отлетитъ.

XXXVIII.

Я помню ночь. Мы съ ней сидѣли.
Вдругъ—теплый дождь! Въ лучахъ луны
Всѣ капли вкругъ зазеленѣли,
Струясь на землю съ вышины.

Зажглась заря. Вновь упадая
Дождемъ, всѣ капли разожглись
И, въ вѣтрѣ утреннемъ пылая,
Дождемъ рубиновъ пронеслись.

Гдѣ эта ночь съ ея значеньемъ?
Гдѣ годы тѣ? Гдѣ взять её?
И самъ живу я подъ сомнѣньемъ:
Остатокъ дней—не бытіе...

XXXIX.

Ты часто такъ на снѣгъ глядѣла,
Дитя архангельскихъ снѣговъ,

Что мысль въ очахъ заледенѣла,
И взглядъ твой холодно-суровъ.

Бѣги! Направься къ странамъ знойнымъ,
Къ морямъ, не смѣвшимъ замерзать,
Они дыханіемъ спокойнымъ
Принудятъ взглядъ твой запылать.

Тогда изъ новыхъ сочетаній,
Гдѣ югъ и сѣверъ въ связь войдутъ,
Возникнетъ міръ очарованій
И въ немъ—кому-нибудь пріютъ...

К. Случевскій.

ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ *).

Романъ Теодора Фонтана.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

VI.

Въ тотъ часъ, когда у Трейбелей вставали изъ-за стола, у профессора Шмидта начинался «вечеръ». Это собраніе, носившее также названіе «кружка», сходившееся за круглымъ столомъ при свѣтѣ краснаго абажура, состояло въ полномъ комплектѣ изъ семи учителей гимназіи, по большей части носившихъ званіе профессоровъ. Кромѣ Вилибальда Шмидта, тамъ были: Фридрихъ Дистель-кампъ, выслужившій пенсію директоръ гимназіи, затѣмъ профессора Риндфлейшъ и Ганнибалъ Ку, наконецъ старшій учитель гимназіи Иммануилъ Шульце. Въ заключеніе д-ръ Шарль-Этьенъ, учитель французскаго языка въ аристократическомъ женскомъ пансіонѣ, другъ и товарищъ Марселя, и Фридбергъ, учитель рисованія, которому недавно, неизвѣстно какъ и откуда, свалилось званіе профессора, что, впрочемъ, никому не внушило къ нему почтенія. Его попрежнему мало уважали и не разъ заводили рѣчь объ исключеніи изъ кружка, чему воспротивился Вилибальдъ Шмидтъ, покоривъ всѣхъ слѣдующимъ аргументомъ: «Фридбергъ, несмотря на свое научное ничтожество, имѣетъ неоцѣненное свойство для нашихъ вечеровъ. Видите ли, друзья мои, когда мы въ своемъ кругу, то каждый изъ насъ слѣдитъ за разсужденіями другого только изъ уваженія или вѣжливости, въ твердомъ убѣжденіи, что и самъ можетъ сказать все это не хуже, если не лучше. Такое сознаніе парализуетъ. По крайней мѣрѣ, что касается меня, долженъ сказать откровенно, что когда мой рефератъ стоитъ на очереди, я не могу отдѣлаться отъ какого-то томленія, по временамъ даже

*) *Русская Мысль* кн. II, 1899 г.

тоскливаго безпокойства. Когда въ такую трудную минуту съ смущеннымъ видомъ входитъ всегда запаздывающій Фридбергъ, я немедленно ощущаю, какъ у меня вырастаютъ крылья. Я говорю свободнѣе, убѣдительнѣе, яснѣе, потому что у меня есть публика, хотя и неважная. Почтительный слушатель уже есть нѣчто, и нѣчто значительное». Горячая защита Вилибальда Шмидта сохранила кружку Фридберга. Вообще, Шмидтъ могъ считаться душою кружка, окрещеннаго имъ: «Семь греческихъ мудрецовъ». Иммануилъ Шульце, всегда стоявшій въ оппозиціи, предложилъ другое названіе: «Знамя семи стоиковъ»,—но потерпѣлъ пораженіе.

Само собою разумѣется, что общество распалось бы почти на столько партій, сколько въ немъ было членовъ. Только благодаря счастливой случайности три сослуживца по гимназіи, которыхъ связывала общность интересовъ, были кромѣ того въ родствѣ (Ку былъ тестемъ, а Шульце—зятемъ Риндфлейша); въ силу этой случайности четверо остальныхъ, изъ чувства самосохраненія, держались другъ за друга и при постановленіяхъ были единодушны. Что касается Шмидта и Дистелькампа, ихъ единодушіе не представляло ничего удивительнаго, такъ какъ они съ давнихъ поръ были друзьями; но Этьена и Фридберга раздѣляла пропасть, что обнаруживалось въ полнѣйшемъ несходствѣ ихъ внѣшности и житейскихъ привычекъ. Этьенъ, отличавшійся необычайной элегантностью, не пропускалъ случая съѣздить на каникулы въ Парижъ, тогда какъ Фридбергъ, ссылаясь на необходимость пейзажа для картинъ, отправлялся въ деревню, что было только предлогомъ. Въ дѣйствительности Фридбергъ, при ограниченности средствъ, долженъ былъ довольствоваться окрестностями Берлина и покидалъ городъ для того, чтобы на нѣкоторое время избавиться отъ жены, съ которой уже нѣсколько лѣтъ собирался развестись.

Въ кружкѣ, гдѣ поступки и слова членовъ подвергались бы строгой критикѣ, такія увертки неизбѣжно повели бы къ конфликту, но прямота и откровенность не были свойственны «семи мудрецамъ». Такъ, напримѣръ, каждый изъ нихъ утверждалъ, что не можетъ жить безъ «вечеровъ», но въ дѣйствительности являлись только тѣ, кому некуда было дѣваться. Всегда отдавалось предпочтеніе театру и скату; манкировки членовъ сдѣлались общимъ правиломъ, и на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Сегодня собирались особенно туго. Фамильные часы Шмидтовъ пробили половину девятаго, и никого еще не было кромѣ Этьена, который, какъ Марсель, принадлежалъ къ друзьямъ дома и не считался гостемъ.

— Ну-съ, Этьенъ, — обратился къ молодому человѣку Шмидтъ, — что ты скажешь о такой медлительности? Гдѣ пропадаетъ Дистелькампъ? Если уже на него нельзя положиться («Дугласы всегда были вѣрны»), то «вечера» распадутся, и я впаду въ пессимизмъ; мнѣ придется на закатѣ дней углубиться въ Шопенгауэра и Эдуарда Гартманна.

Пока онъ говорилъ, раздался звонокъ, и немного спустя въ комнату вошелъ Дистелькампъ.

— Прости, Шмидтъ, я запоздалъ. Избавляю тебя и молодого пріятеля отъ подробностей. Слушать объясненія, почему опоздалъ, такъ же интересно, какъ разсказъ о болѣзни. Итакъ, оставимъ это. Однако, я пораженъ: несмотря на опозданіе, я почти первый. Этьенъ не считается, — онъ свой человѣкъ. Но учителя гимназіи! Гдѣ они? Я не говорю о Ку и Иммануилѣ,—они кліенты своего тестя и зятя. Но что же это Риндфлейшъ?

— Риндфлейшъ прислалъ отказъ; онъ сегодня въ засѣданіи «Грековъ».

— Какъ глупо! На что ему «Греки»? «Семь мудрецовъ» стоятъ несравненно выше. Право, отсюда онъ вынесъ бы гораздо больше.

— Это твое мнѣніе, Дистелькампъ, но дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. У Риндфлейша не чиста совѣсть, или вѣрнѣе — «опять не чиста совѣсть».

— Тѣмъ болѣе ему мѣсто здѣсь; здѣсь онъ можетъ покаяться. Но въ чемъ дѣло? О чемъ ты говоришь?

— Онъ опять на дняхъ попалъ впросакъ, что-то спуталъ, кажется, трагика Фриниха съ Фринихомъ, авторомъ комедій. Кажется, такъ, Этьенъ? (Утвердительный кивокъ.) А второклассники написали на него памфлетъ...

— И...?

— И надо, во что бы то ни стало, сгладить шероховатость, для чего лучшимъ средствомъ можетъ послужить дружба съ «Греками».

Дистелькампъ, закурившій между тѣмъ пѣнковую трубочку и уютно примостившійся въ углу дивана, за все время разсказа пріятно улыбался.

— Все вздоръ. Ты думаешь, что ему могутъ выйти непріятности? Не вѣрю. А еслибъ и такъ, что-жъ изъ этого? Въ концѣ-концовъ ровно ничего не выйдетъ. Такіе промахи случаются на каждомъ шагу и со всякимъ. Я разскажу тебѣ нѣчто, Шмидтъ, что произвело на меня сильное впечатлѣніе. Когда я былъ молодъ и преподавалъ въ четвертомъ классѣ исторію Бранденбурга...

— Послушаемъ. Въ чемъ дѣло?

— А дѣло вотъ въ чемъ: откровенно говоря, мои познанія ка сательно Бранденбурга были очень скудны; готовясь къ урокамъ я читалъ много біографій и между прочимъ стараго генерала Барфуса, который, подобно многимъ генераламъ, пороху не выдумалъ, но былъ честнѣйшій человѣкъ. Во время осады Бонна онъ былъ предсѣдателемъ военнаго суда, гдѣ рѣшалось дѣло молодого офицерика.

— Такъ, такъ. Что же дальше?

— Подсудимый, говоря снисходительно, обнаружилъ отсутствіе геройства, и весь совѣтъ стоялъ за присужденіе его къ смертной казни. Только старикъ Барфусъ не хотѣлъ ничего слышать: «Посмотримъ сквозь пальцы, господа,— сказалъ онъ; — я видѣлъ его въ тридцати стычкахъ и долженъ замѣтить, что день на день не приходится, и человѣкъ, его сердце, его духъ не всегда одинаковы. Насколько возможно, надо быть снисходительнымъ; каждому изъ насъ можетъ понадобиться снисходительность».

— Прекрасный разсказъ, Дистелькампъ; спасибо тебѣ, и несмотря на преклонные года я зарублю его себѣ на носу. Мнѣ самому не разъ случалось попадать впросакъ; хотя юнцы меня и не поддѣвали, но самъ я страшно злился и отчаивался. Не правда ли, Этьенъ, такіе казусы всегда возможны? Или съ французскимъ языкомъ такихъ бѣдъ не случается; по меньшей мѣрѣ, когда учитель каждый годъ ѣздитъ въ Парижъ и вывозитъ оттуда томикъ Мопассана! Въ настоящее время, это кажется самое утонченное чтеніе? Прости иронію. Что касается Риндфлейша, онъ честнѣйшій малый, потеп ei отец, и лучшій товарищъ, во всякомъ случаѣ лучше Ку и Иммануила Шульце, который себѣ на умѣ и увертливъ. Онъ хочетъ показать, что видалъ виды, а между тѣмъ не можетъ распутаться съ женой, въ которой есть что-то сомнительное, что, вѣроятно, по вкусу супругу.

— Шмидъ, ты сегодня въ полосѣ злословія. Я только что спасъ изъ твоихъ когтей Риндфлейша; ты обѣщалъ даже исправиться и немедленно набрасываешься на несчастнаго Шульце. Если его можно въ чемъ упрекнуть, то совсѣмъ въ другомъ.

— А именно?

— Въ отсутствіи авторитета. Если нѣтъ авторитета дома— грустно, но не наше дѣло. Но если, какъ я слышу отовсюду, онъ не пользуется авторитетомъ въ классѣ, это совсѣмъ плохо. Видишь ли, Шмидтъ, за послѣдніе годы моей жизни меня убиваетъ шаткость категорическаго императива. Когда вспомню старика Вебера! О немъ говорили, что съ его появленіемъ въ классъ слышно

было паденіе песку въ часахъ и ни одному первоклассніку не приходило въ голову болтать или подсказывать. И кромѣ его голоса, я хочу сказать Вебера, слышно было только шуршанье страницъ Горація. Да, Шмидтъ то были времена: стòило быть директоромъ и учителемъ. Теперь гимназисты, приходя въ кофейню, безъ церемоніи обращаются къ директору: «когда вы, г. директоръ, прочтете газету, то позвольте ее мнѣ...»

Шмидтъ засмѣялся.

— Да, Дистелькампъ, такова теперь молодежь, таковы времена; правда, правда! Но меня это не огорчаетъ. Вглядитесь попристальнѣе, что такое были эти важные сановники съ двойными подбородками и красными носами? Кутилы, которые знали лучше бургундское, чѣмъ Гомера. Вѣчно хвалятъ доброе старое время; вздоръ! Старцы не дураки были выпить: это видно по ихъ портретамъ въ актовомъ залѣ. Ну—да, у нихъ было сознаніе собственнаго достоинства и накрахмаленное величіе, все это у нихъ было, и отъ нихъ не отымется. Но какъ шли дѣла вообще?

— Лучше, чѣмъ теперь.

— Не нахожу. Когда я завѣдывалъ нашей библіотекой—благодареніе Создателю, что теперь это не мое дѣло—мнѣ нерѣдко случалось заглядывать въ учебные планы, диссертаціи, актовыя рѣчи. Я знаю, что каждое время считаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ, и весьма возможно, что грядущее поколѣніе посмѣется надъ нами. Но посмотри, Дистелькампъ, съ точки зрѣнія нашей настоящей науки или, скажемъ, съ точки зрѣнія нашего вкуса, мы можемъ только смѣяться надъ ихъ напудренной, тупоумно-напыщенной наукой. Не знаю, при комъ это, кажется, при Родегастѣ, вошло въ моду брать темы публичныхъ рѣчей и т. п. изъ садовой культуры, можетъ-быть потому, что у него былъ большой садъ; и вотъ, я нахожу диссертаціи, о садоводствѣ въ раю, о расположеніи Геѳсиманскаго сада, о вѣроятномъ планѣ сада Іосифа Аримаѳейскаго. Сады и все сады! Что ты на это скажешь?

— Съ тобой трудно бороться. Ты во всемъ находишь комическую сторону. Ты выуживаешь смѣшное, нанизываешь его и выставляешь напоказъ. А что было рядомъ хорошаго, оставляешь въ покоѣ. Ты совершенно вѣрно замѣтилъ, что надъ нашими смѣшными сторонами тоже посмѣются. Кто намъ поручится, что наши изслѣдованія не окажутся еще болѣе смѣшными, чѣмъ изслѣдованія о растительности въ раю. Любезный Шмидтъ, существеннымъ остается все же личность; не тщеславная, а хорошая, честная вѣра въ себя. Bona fide должна руководить нами. Съ нашей вѣчной

наклонностью къ критикѣ и самокритикѣ мы впадаемъ въ mala fides и сомнѣваемся въ томъ, что должны говорить. Безъ вѣры въ себя и въ свое дѣло не можетъ быть настоящей радости, успѣха и, по меньшей мѣрѣ, авторитета. А его-то намъ и недостаетъ. Какъ не можетъ быть арміи безъ дисциплины, такъ не можетъ быть школы безъ авторитета. Это все равно, что съ вѣрой. Нѣтъ надобности, чтобы вѣрили въ истинное, надо только, чтобы вообще вѣрили. Въ каждомъ вѣрованіи есть таинственная сила, то же самое и въ авторитетѣ.

Шмидтъ посмѣивался.

— Я съ тобой не согласенъ. Все это прекрасно въ теоріи, но на практикѣ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Конечно, все сводится къ уваженію учениковъ. Мы расходимся только въ томъ, откуда должно вытекать уваженіе. Ты все сводишь къ личности и если не высказываешь, то думаешь: «вѣрьте только сами въ себя, и всѣ въ васъ повѣрятъ». Но, милый другъ, именно это я и оспариваю. Съ одной вѣрой въ себя, или, если позволишь, съ напыщенной важностью и помпой въ настоящее время ничего не сдѣлаешь. На мѣсто устарѣлой силы народилась реальная сила научнаго знанія. Оглядись только кругомъ, и ты увидишь, что не профессоръ Гаммерштейнъ, сражавшійся при Шпихернѣ и сохранившій съ тѣхъ поръ лейтенантскія манеры, владѣетъ аудиторіей, а нашъ несравненный Агатонъ Кнурцель, который по виду похожъ на Понча, но своими хищными глазками держитъ классъ въ страхѣ Божіемъ. Особенно наша берлинская молодежь: она сейчасъ оцѣнитъ каждаго по достоинству. Если бы одинъ изъ стариковъ возсталъ изъ гроба и явился преисполненный гордости и высокомѣрія, съ разсужденіемъ о растительности въ раю, куда бы полетѣла вся его важность. Черезъ три дня онъ фигурировалъ бы въ Кладерадаччѣ съ собственнымъ стихотвореніемъ учениковъ.

— И все-таки, Шмидтъ, съ традиціями старой школы падаетъ истинная наука.

— Не думаю. А еслибъ и такъ? Если научное міросозерцаніе, т.-е. то, что мы такъ зовемъ, должно пасть, то пускай падаетъ. Уже Аттингаузенъ, будучи самъ старикомъ, говорилъ: «Старое падаетъ, времена мѣняются». И мы близки къ процессу замѣны стараго новымъ, или, вѣрнѣе, мы уже подвергаемся ему. Нужно ли тебѣ напоминать, что было время, когда дѣла церкви были въ рукахъ духовенства. А теперь что? Потерялъ отъ этого міръ? Нѣтъ. Старыя формы отжили и наша наука не будетъ ис-

ключеніемъ. Посмотри сюда...—онъ снялъ съ маленькаго столика большое роскошное изданіе,—посмотри сюда. Сегодня получилъ и оставляю у себя, несмотря на дороговизну. Шлиманновскія раскопки въ Микенахъ. Какъ ты къ этому относишься?

— Съ большимъ сомнѣніемъ.

— Понятно. Потому что не можешь отдѣлаться отъ старинныхъ воззрѣній. Ты не можешь себѣ представить, чтобы человѣкъ, клеившій мѣшки и торговавшій изюмомъ, могъ вывести на свѣтъ Божій старца Пріама; когда же онъ доберется до Агамемнона и начнетъ разбирать черепные швы, ты совсѣмъ разсвирѣпѣешь. Съ этимъ, другъ, надо примириться. Ты совершенно не правъ. Конечно, придется кое-чѣмъ поступиться, hic Rhodus, hic salta; кто умѣетъ прыгать, тотъ прыгаетъ, независимо отъ того, научился ли онъ этому искусству въ Гёттингенскомъ университетѣ, или въ приготовительной школѣ. Въ остальномъ я тебѣ уступаю; мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты злить тебя Шлиманномъ, который всегда былъ тебѣ ненавистенъ. Книги лежатъ здѣсь потому, что я хотѣлъ спросить у Фридберга объясненія нѣкоторыхъ рисунковъ. Не понимаю, почему онъ не идетъ, или, вѣрнѣе, почему его еще нѣтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ явится, иначе такой аккуратный человѣкъ заранѣе извѣстилъ бы.

— Да, онъ таковъ; эту черту онъ заимствовалъ у семитической родни,—сказалъ Этьенъ.

— Вѣрно. Но намъ все равно, откуда у него эта черта. Я очень жалѣю, что мы, коренные германцы, не заимствовали изъ какого-нибудь посторонняго источника немного лоску и вѣжливости. Ужасное родство между Тевтобургскимъ лѣсомъ и грубостью намъ сильно вредитъ. Фридбергъ, подобно Максу Пикколомини, всегда культивировалъ «утонченность нравовъ», и намъ остается только сожалѣть, что ученики его не достаточно цѣнятъ. Иначе говоря, они ходятъ у него на головахъ...

— Неизмѣнная судьба всѣхъ рисователей и чистописателей...

— Вѣрно. Видно такъ тому и быть. Однако, бросимъ щекотливый вопросъ. Вернемся лучше къ Микенамъ. Скажи мнѣ свое мнѣніе о золотыхъ маскахъ. Я увѣренъ, что мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то особеннымъ, совершенно своеобразнымъ. Сомнительно, чтобы обыкновенныхъ смертныхъ хоронили въ золотыхъ маскахъ; значитъ, это государи и, въ высшей степени вѣроятно, непосредственные предки Ореста и Ифигеніи. Когда представлю себѣ, что золотыя маски дѣлались аккуратно по лицу, какъ теперь восковыя или

гипсовыя, у меня сердце прыгаетъ при мысли, что вотъ *это*,— онъ указалъ на раскрытую страницу,—можетъ быть лицо Атрея; его отца или дяди...

— Допустимъ, что дяди.

— Ты опять шутишь, Дистелькампъ, а мнѣ запрещаешь шутки. И все это потому, что не довѣряешь всему дѣлу и не можешь позабыть, что онъ, я говорю о Шлиманнѣ, въ школьные годы не выступалъ противъ Фюрстенберга... Почитай только, что говоритъ о немъ Вирховъ,—Вирхову-то ты повѣришь?

Въ эту минуту позвонили.

— A, lupus in fabula. Это — онъ. Я зналъ, что онъ намъ не измѣнитъ...

Не успѣлъ Шмидтъ договорить фразы, какъ въ комнату вошелъ Фридбергъ въ сопровожденіи обворожительнаго, чернаго пуделя, который, вѣроятно, отъ быстраго бѣга далеко высунулъ красный языкъ. Собака бросилась къ старикамъ и поочередно ласкалась къ Шмидту и Дистелькампу. Къ Этьену, который казался ей слишкомъ изящнымъ, она не рѣшилась подойти.

— Чортъ возьми, Фридбергъ, откуда вы такъ поздно?

— Виноватъ и очень сожалѣю. Должно быть, Фипса неудержимо тянетъ сюда или онъ заходитъ слишкомъ далеко въ своей любви ко мнѣ, если вообще въ любви можно заходить слишкомъ далеко. Я заперъ его на ключъ и въ назначенное время вышелъ изъ дому. Прекрасно. И что бы вы думали случилось? Прихожу сюда и нахожу Фипса. Я отношу его домой, передаю портье, и чѣмъ же увѣнчиваются всѣ хлопоты и уговоры? Только что подхожу къ вашему дому,— Фипсъ тутъ, какъ тутъ. Что же, наконецъ, дѣлать? Пришлось привести его съ собой. Прошу извиненія за него и за себя.

— Онъ ни въ чемъ не виноватъ, — сказалъ Шмидтъ, лаская собаку.—Прелестный звѣрокъ, такой ласковый и преданный. Если онъ ничего не имѣетъ противъ, я приглашаю его на сегодняшній вечеръ и прошу быть желаннымъ гостемъ въ кухнѣ, за такъ называемымъ «чернымъ столомъ съ музыкантами». За Шмольке ручаюсь. У нея страсть къ пуделямъ, а если разсказать про его вѣрность...

— То она не откажетъ ему въ лакомомъ кусочкѣ, — подхватилъ Дистелькампъ.

— Конечно, не откажетъ. И на этотъ разъ я всею душой буду за Шмольке, потому что о вѣрности много говорятъ, но въ дѣйствительности она встрѣчается все рѣже, и Фипсъ безкорыстный ея проповѣдникъ.

Эта, повидимому, невинная шутка Шмидта была направлена противъ защищаемаго имъ обыкновенно Фридберга, котораго неудачная супружеская жизнь въ значительной степени обусловливалась его постоянными артистическими отлучками въ деревню.

Фридбергъ почувствовалъ ударъ и хотѣлъ выпутаться изъ бѣды, оказавъ Шмидту любезность; но ему это не удалось, потому что въ комнату вошла Шмольке и, поклонясь гостямъ, шепнула профессору на ухо, что «все готово».

— Любезные друзья, прошу васъ...—и, взявъ подъ руку Дистелькампа, Шмидтъ пошелъ черезъ прихожую въ гостиную, гдѣ накрытъ былъ ужинъ. Отдѣльной столовой въ домѣ не было. Фридбергъ и Этьенъ послѣдовали за хозяиномъ.

VII.

Они вошли въ ту самую комнату, гдѣ наканунѣ Коринна принимала коммерціи совѣтницу. Посрединѣ стоялъ столъ, накрытый на четверыхъ и красиво уставленный винами и свѣчами. Шмидтъ сѣлъ спиною къ оконному простѣнку, усадивъ противъ себя Фридберга, который такимъ образомъ могъ постоянно любоваться на себя въ зеркало. Среди блестящихъ подсвѣчниковъ стояли двѣ выигранныя въ лоттерею фарфоровыя вазы, изъ зубчатаго, волнообразнаго отверстія которыхъ—dentatus et undulatus,—какъ говорилъ Шмидтъ,—торчали скромные, купленные на рынкѣ букеты желтофіолей и незабудокъ. Передъ винными стаканами лежали хлѣбцы съ тминомъ, которымъ, какъ всему тминному, хозяинъ придавалъ особое цѣлебное значеніе.

Настоящія кушанья еще отсутствовали. Хлѣбнувъ два раза изъ большой пивной кружки и отломивъ оба кончика у хлѣбца, Шмитъ сталъ впадать въ дурное настроеніе и проявлять признакъ нетерпѣнія. Наконецъ, дверь въ прихожую отворилась, и вошла Шмольке, красная отъ возбужденія и печного жара, неся большое блюдо, полное раковъ. «Слава тебѣ Господи,—сказалъ Шмидтъ,—я ужъ думалъ раки расползлись»; неосторожное замѣчаніе усилило смущеніе Шмольке и повергло ее въ дурное настроеніе. Шмидтъ былъ достаточно хорошимъ стратегомъ и, замѣтивъ свою оплошность, поспѣшилъ ее исправить. Положимъ, это удалось ему только наполовину, что, однако, не помѣшало ему войти въ роль любезнаго хозяина. Конечно, на свой ладъ.

— Посмотри, Дистелькампъ, этотъ ракъ для тебя. У него одна клешня большая, другая — маленькая, что бываетъ у лучшихъ.

Встрѣчается игра природы, которая—болѣе чѣмъ просто игра природы и можетъ служить мудрецу путеводною нитью; сюда принадлежатъ, напримѣръ, понтакскіе апельсины или берсдорфскія раненты; чѣмъ на нихъ больше шишекъ, тѣмъ лучше. Возьмемъ хоть этихъ одерскихъ раковъ, они, кажется, изъ Кюстринской области; соединеніе Варты съ Одеромъ даетъ, повидимому, особенно благопріятные результаты. Это, кажется, ваша родина, Фридбергъ?

Фридбергъ кивнулъ утвердительно.

— Былъ увѣренъ. Память меня никогда не обманываетъ. Скажите, другъ, по вашему личному опыту, что это дѣйствительно такъ и одерскихъ раковъ можно считать мѣстнымъ продуктомъ или, подобно вердерскимъ вишнямъ, они встрѣчаются по всему Бранденбургу?

— Я думаю, что раки дѣйствительно изъ Одера, — сказалъ Фридбергъ, мастерски очищая вилкой блѣдно-розовую раковую шейку.—Мы имѣемъ здѣсь одерскихъ раковъ не только по имени, но de facto.

— De facto,—повторилъ Шмидтъ, посмѣиваясь латыни Фридберга.

Фридбергъ продолжалъ:

— Около Кюстрина ихъ ловятъ массами, хотя все не такъ много, какъ въ былыя времена. Я самъ видалъ чудеса, но все не то, что разсказываютъ старики. Тысячу лѣтъ, можетъ быть, и болѣе тому назадъ было такъ много раковъ, что весною послѣ половодья ихъ десятками тысячъ стрясали съ деревьевъ.

— Вотъ была лафа-то, — сказалъ Этьенъ въ качествѣ гастронома.

— Для васъ лафа, а на мѣстѣ это было наказаніемъ Божіимъ. На раковъ совсѣмъ не было цѣны. Простому народу вкусъ ихъ сталъ такъ противенъ, что было запрещено давать слугамъ и рабочимъ раковъ болѣе трехъ разъ въ недѣлю. Шестьдесятъ раковъ стоило одинъ пфеннигъ.

— Хорошо, что этого не слышитъ Шмольке, а то бы ея настроеніе снова испортилось. Какъ истая берлинка, она стоитъ за экономію, и я не думаю, чтобы могла отнестись равнодушно къ минованію эпохи дешевыхъ раковъ.

— Надъ этимъ нечего смѣяться, Шмидтъ,—сказалъ Дистелькампъ.—Эту добродѣтель встрѣчаешь все рѣже и рѣже.

— Да, ты правъ. Но у моей добрѣйшей Шмольке есть въ этомъ отношеніи les défauts de ses vertus. Такъ говорится, Этьенъ?

— Конечно, — сказалъ тотъ. —«Les défauts de ses vertus» и

«comprendre c'est pardonner»,—это истины, ради которыхъ жила Жоржъ-Зандъ.

— Можетъ быть, еще ради Альфреда де-Мюссе, — добавилъ Шмидтъ, который не упускалъ случая, оставаясь вѣрнымъ классицизму, щегольнуть модно-литературными взглядами.

— Да, если хотите, также ради Альфреда де-Мюссе. Но о такихъ вещахъ, къ счастію, исторія литературы умалчиваетъ.

— Не говори такъ, Этьенъ. Не къ счастію, а къ сожалѣнію. Исторія почти всегда проходитъ мимо того, на чемъ бы должна была остановиться. Что старый Фрицъ бросилъ въ голову президенту, не помню его имени, костыль и, что еще важнѣе, хотѣлъ быть похороненнымъ около своей собаки, потому что ненавидѣлъ людей, эту «méchante rasse», мнѣ, по меньшей мѣрѣ, безразлично.

Дистелькампъ засмѣялся.

— Узнаю Шмидта. Ты всегда былъ за анекдотъ и за жанръ. Я цѣню въ исторіи только великое,—до малаго и второстепеннаго мнѣ нѣтъ дѣла.

— И да, и нѣтъ. Второстепенное ничего не стоитъ, если оно только второстепенное и не скрываетъ въ себѣ важнаго. Если же въ немъ что-нибудь скрывается, тогда оно становится главнымъ.

— Въ поэтическомъ смыслѣ ты правъ.

— Подъ условіемъ, чтобы поэтическимъ называлось не то, что подразумѣваетъ подъ этимъ мой другъ Женни Трейбель. Поэзія всегда права и далеко опережаетъ исторію...

Шмидтъ напалъ на свою любимую тему; въ его рѣчахъ сказывался старый романтикъ. Однако ему не пришлось взобраться на своего конька и развить дальше свои взгляды, такъ какъ въ сѣняхъ послышались голоса, и въ комнату вошли Марсель и Коринна; первый грустный и разстроенный, вторая все еще въ прекрасномъ настроеніи духа. Она подошла поздороваться къ Дистелькампу, который былъ ея крестнымъ отцомъ и всегда говорилъ ей комплименты. Затѣмъ подала руку Фридбергу и Этьену и закончила отцомъ, который, обтеревъ по ея приказанію салфеткой ротъ, крѣпко поцѣловалъ дочь.

— Ну, дѣтки, что скажете? Подсаживайтесь къ намъ, мѣста съ избыткомъ: Риндфлейшъ прислалъ отказъ... у грековъ... а два другіе, понятно, отсутствуютъ, какъ его придатки. Но будетъ злословія, я поклялся исправиться и хочу сдержать слово. Итакъ, Коринна, садись напротивъ, возлѣ Дистелькампа, а ты, Марсель, между Этьеномъ и мной. Сейчасъ Шмольке подастъ бифштексъ... Вотъ такъ, прекрасно... Теперь совсѣмъ другое дѣло. Когда остаются

пустыя мѣста, мнѣ все кажется, что появится тѣнь Банко. Благодареніе Создателю, ты Марсель не похожъ на Банко, а если и есть маленькое сходство, то ты умѣешь скрывать свои раны. Ну, разсказывайте же дѣти. Что подѣлываетъ Трейбель? Что мой другъ Женни? Пѣла? Готовъ биться объ закладъ—неизмѣнную пѣсню, *мою* пѣсню, знаменитое мѣсто, «гдѣ два бьются юныхъ сердца въ унисонъ», и Адоларъ Крола аккомпанировалъ. Если бы при этомъ хоть разокъ заглянуть въ душу Крола. Впрочемъ, можетъ быть, онъ относится къ дѣлу мягко и человѣчно. Кто ежедневно бываетъ приглашенъ на два обѣда и съѣдаетъ не менѣе полутора... Однако, Коринна, позвони.

— Нѣтъ, папа, я лучше пойду сама. Шмольке не любитъ приходить на звонокъ, у нея свои взгляды на то, какъ должны относиться къ ней и къ ея покойнику. Не знаю, вернусь ли я назадъ; гости простятъ меня. Послѣ Трейбельскаго обѣда всего лучше припомнить, какъ и что было, съ кѣмъ и о чемъ пришлось говорить. Марсель можетъ разсказать вмѣсто меня. Вотъ что еще: моимъ сосѣдомъ былъ въ высшей степени интересный англичанинъ; кто вздумаетъ въ этомъ усомниться, тому достаточно будетъ услыхать, что его фамилія—Нельсонъ. Затѣмъ, до свиданія.

И Коринна ушла.

Марселю подали бифштексъ, и когда онъ, чтобы не портить хорошаго настроенія дяди, попросилъ попробовать рака, Шмидтъ сказалъ:

— Начинай скорѣе. Артишоки и раковъ можно всегда ѣсть, даже послѣ Трейбельскаго обѣда. Можно ли то же самое сказать объ омарѣ, это—вопросъ. Лично мнѣ омаръ никогда не вреденъ. Извѣстное дѣло, что съ такого рода вопросами никогда не раздѣлаешься, они только мѣняются въ теченіе жизни. Въ молодости мы спрашиваемъ: «красива или дурна, брюнетка или блондинка?»— подъ старость задаемъ себѣ болѣе важные вопросы: «омаръ или ракъ?» Можно пустить вопросъ на голоса. Съ другой стороны, я долженъ сознаться, что въ голосованіи есть что-то мертвенное, шаблонное и мнѣ несимпатичное, я бы охотнѣе втянулъ Марселя въ разговоръ. Итакъ, лучше обсудить, дебатировать вопросъ. Скажи, Марсель, что ты предпочитаешь?

— Понятно, омара.

— Юность прытка на слова. Сразу, за немногими исключеніями, всѣ за омара, тѣмъ болѣе, что можно сослаться на императора Вильгельма. Но вопросъ не разрѣшается такъ просто. Понятно, когда передъ вами лежитъ разрѣзанный омаръ и чудесная красная

икра, символъ плодородія и изобилія, которая внушаетъ увѣренность, что не переведутся омары всегда, нынѣ и присно...

Дистелькампъ сбоку взглянулъ на пріятеля.

— Увѣренность, что всегда, нынѣ и присно сыны человѣческіе будутъ пользоваться симъ небеснымъ даромъ,—да, друзья, если такъ понимать безконечное, то вопросъ рѣшится въ смыслѣ благопріятномъ для омара и нашихъ къ нему отношеній. Потому что всякое филантропическое побужденіе (ужъ изъ эгоизма слѣдовало бы культивировать филантропію) указываетъ на усиленіе здороваго и въ тоже время утонченнаго аппетита. Все хорошее находитъ награду въ себѣ, это неоспоримо.

— Но...

— Но тѣмъ не менѣе природа озаботилась, чтобы деревья не росли до небесъ, и на-ряду съ великимъ малое имѣло не то чтобы свои права, но свои преимущества. Несомнѣнно, что раку кой-чего недостаетъ; онъ, такъ сказать, «мѣрою» не вышелъ, что въ военномъ государствѣ, какъ Пруссія, всегда принимается въ разсчетъ, но и онъ имѣетъ право сказать, я не жилъ даромъ. И когда его, т.-е. рака, поставятъ передъ вами въ аппетитномъ соусѣ изъ масла и петрушки, не явится ли у него сознаніе своего превосходства, главнымъ образомъ, потому, что лучшая часть его *я* будетъ въ сущности не съѣдена, а высосана, вылизана. Именно это имѣетъ въ мірѣ наслажденій особую цѣну, надѣюсь никто со мной не будетъ спорить. Это такъ сказать даръ природы. Въ первыхъ рядахъ идутъ грудные младенцы, для нихъ сосать—значитъ жить. Но и на высшихъ семестрахъ...

— Будетъ тебѣ, Шмидтъ,—перебилъ Дистелькампъ.—Меня удивляетъ, какъ ты на-ряду съ Гомеромъ и Шлиманомъ можешь съ увлеченіемъ обсуждать чисто-кулинарные вопросы, точно принадлежишь къ банкирамъ или биржевымъ тузамъ, относительно которыхъ я допускаю, что они хорошо ѣдятъ...

— Несомнѣнно.

— И я убѣжденъ, что господа биржевики говорятъ о черепаховомъ супѣ съ меньшимъ жаромъ и увлеченіемъ, чѣмъ ты.

— Вѣрно и вполнѣ понятно. Это зависитъ отъ того, что я хорошо сохранился. Все дѣло въ свѣжести. Свѣжести обязанъ человѣкъ жаромъ, рвеніемъ, интересомъ, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ничего нѣтъ. Самое жалкое существованіе, какое только можетъ вести человѣкъ, это существованіе petit crevé! Одно безцѣльное мотанье и ничего болѣе. Не такъ ли, Этьенъ?

Послѣдній утвердительно кивнулъ головой. Дистелькампъ оста-

вилъ спорный вопросъ или, вѣрнѣе, ловко далъ другое направленіе разговору. Отъ кулинарнаго искусства вообще онъ перешелъ къ извѣстнымъ гастрономамъ, сначала барону Руморъ и послѣ краткаго замѣчанія къ князю Пюклеръ-Мускоу, съ которымъ былъ нѣкогда въ дружбѣ. Дистелькампъ высоко ставилъ князя. Если бы когда-нибудь понадобилось найти историческую личность, какъ выразителя сущности современной аристократіи, то пришлось бы выставить за образецъ князя Пюклера. Онъ былъ при этомъ очень обходителенъ, хотя немного капризенъ, упрямъ и надменъ, но всегда безконечно добръ. Жаль, что вымираютъ такіе характеры. Послѣ вступленія Дистелькампъ сталъ разсказывать о жизни князя и его путешествіяхъ.

Шмидтъ всегда охотно слушалъ такого рода разсказы и особенно отъ Дистелькампа, къ которому питалъ величайшее расположеніе.

Марсель тоже раздѣлялъ его симпатіи къ старому директору и умѣлъ, несмотря на свое берлинское происхожденіе, внимательно и съ интересомъ слушать. Однако на этотъ разъ онъ задавалъ неумѣстные вопросы, ясно доказывавшіе его разсѣянность. Онъ былъ занятъ совсѣмъ другимъ.

Пробило одиннадцать, и съ послѣднимъ ударомъ часовъ, прервавъ Шмидта на полуфразѣ, гости поднялись изъ-за стола и вышли въ переднюю, гдѣ Шмольке приготовила всѣмъ пальто и шляпы. Марсель отвелъ дядю въ сторону и сказалъ: «Я бы хотѣлъ поговорить съ тобой», — на что послѣдній весело и сердечно далъ свое согласіе. Затѣмъ гости, въ сопровожденіи Шмольке, держащей высоко надъ головою подсвѣчникъ, спустились по лѣстницѣ и вышли на вонючую, душную Адлерштрассе. Наверху, между тѣмъ, Шмидтъ взялъ племянника подъ руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Ну-съ, въ чемъ дѣло, Марсель? Курить ты не станешь,—у тебя слишкомъ мрачный видъ; извини, пожалуйста, я набью сначала трубку.—И придвинувъ къ себѣ ящикъ съ табакомъ, усѣлся въ уголъ дивана.— Такъ! Ну-съ, Марсель, бери себѣ стулъ и выкладывай. Въ чемъ дѣло?

— Старая пѣсня.

— Коринна?

— Да.

— Не сердись на меня, Марсель, но что ты за влюбленный, если обращаешься постоянно за поддержкой къ отцу. Ты знаешь, я согласенъ. По-моему вы созданы другъ для друга. Она превосхо-

дитъ насъ съ тобой. Въ ней Шмидтовская натура сказывается не только въ стремленіи къ совершенствованію, но, я долженъ сказать это, несмотря на то, что она моя дочь, и въ достиженіи его. Не всякой семьѣ это подъ силу. Но Шмидты состоятъ изъ такихъ ингредіентовъ, что совершенство, о которомъ я говорю, ихъ не подавляетъ. А почему? Потому что самокритика, составляющая нашу силу, ставитъ знакъ вопроса послѣ каждаго шага къ совершенствованію. Шмидтовская натура довольно своеобразна. Ты слѣдишь за мной?

— Конечно, дядя. Говори дальше.

— Такъ видишь ли, Марсель, вы прекрасно подходите другъ къ другу. У нея геніальная натура, но это даетъ мало преимуществъ въ жизни. Почти наоборотъ. Геніальные люди всегда наполовину остаются дѣтьми, поддаются тщеславію, полагаются на интуицію, bon sens, сантименты и не знаю еще какія французскія слова. Или, выражаясь роднымъ языкомъ, они полагаются на откровенія своего разума. Это еще куда ни шло; иной разъ какъ будто и блеснетъ что-то на полчаса, а то и больше; затѣмъ электричество потухаетъ и не только улетучивается блестящій умъ, но пропадаетъ даже здравый смыслъ. Именно. Такъ и съ Коринной. Ей необходимъ разумный руководитель, т.-е. мужъ образованный и съ характеромъ. Таковъ ты; все это у тебя есть. Даю тебѣ свое благословеніе, а объ остальномъ позаботься самъ.

— Ты такъ всегда говоришь, дядя. Но какъ мнѣ приступиться? Я не могу зажечь въ ней пламенную страсть. Очень вѣроятно, что она на такую страсть и не способна. Допустимъ наоборотъ; но какъ можетъ двоюродный братъ довести сестру до страсти? Этого никогда не бываетъ. Страсть есть нѣчто внезапное; и если съ пятилѣтняго возраста люди играли вмѣстѣ, прятались по погребамъ и сараямъ за дрова и кадки съ капустой, радуясь, что не находятъ другъ друга, да, дядя, тутъ не можетъ быть вопроса о внезапной пламенной страсти.

Шмидтъ разсмѣялся.

— Прекрасно сказано, Марсель. Но это только усиливаетъ мою любовь къ тебѣ. Въ тебѣ также есть шмидтовское, хотя подавленное толстымъ слоемъ ведеркопповскаго. Держись только этого тона съ Коринной, и ты одолѣешь, она будетъ твоей.

— Не думаю, дядя. Ты заблуждаешься въ Коринѣ. Ты хорошо знаешь ее съ одной стороны и совершенно не знаешь съ другой. Все разумное, серьезное и особенно блестящее ты въ ней видишь обоими глазами, но не замѣчаешь напускного, моднаго. Я не скажу,

чтобы въ ней было пошлое кокетство, желаніе побѣдить каждаго, кто бы онъ ни былъ; такого кокетства въ ней нѣтъ. Но она безжалостно набрасывается на того, кого рѣшила побѣдить, и ты не можешь себѣ представить, съ какой жестокой послѣдовательностью, съ какой адской виртуозностью запутываетъ она въ свои сѣти намѣченную жертву.

— Ты думаешь?

— Да, дядя. Сегодня у Трейбелей мы имѣли примѣръ такой облавы. Она сидѣла между Леопольдомъ Трейбелемъ и англичаниномъ, фамилію котораго тебѣ уже называла, Нельсономъ. Онъ обладаетъ, какъ большая часть англичанъ изъ хорошихъ семей, какой-то наивной прелестью, но вообще личность совершенно безцвѣтная. И посмотрѣлъ бы ты на Коринну. Она занята была, повидимому, только сыномъ Альбіона и ей удалось повергнуть его въ изумленіе. Не подумай, что рыжеватый англичанинъ представлялъ для нея самомалѣйшій интересъ; все ея вниманіе сосредоточено было на Леопольдѣ Трейбелѣ, съ которымъ она почти не сказала ни слова, но въ честь котораго разыграла нѣчто вродѣ французской proverbe, легкой комедіи или драматической сцены. И могу тебя увѣрить, съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Несчастный Леопольдъ давно ловитъ каждое ея слово и впиваетъ сладкій ядъ ея рѣчей, но такимъ, какъ сегодня, я его никогда не видалъ. Онъ весь былъ воплощенное восхищеніе, и каждая его мина, казалось, говорила: «Какъ скучна Елена (такъ зовутъ жену его брата) и какъ восхитительна Коринна».

— Прекрасно, Марсель, но я не вижу тутъ ничего дурного. Почему же ей не разговаривать съ правымъ сосѣдомъ и не производить впечатлѣнія на лѣваго? Такіе капризы свойственны женской натурѣ и встрѣчаются на каждомъ шагу.

— Ты называешь это капризомъ. Хорошо, кабы такъ! Но дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Все одинъ холодный разсчетъ. Она хочетъ выйти замужъ за Леопольда.

— Вздоръ. Леопольдъ — мальчикъ.

— Нѣтъ. Ему двадцать пять лѣтъ, ровно столько, сколько самой Коринѣ. Но если бы онъ былъ совсѣмъ юношей, Коринна и тогда привела бы свой планъ въ исполненіе.

— Не можетъ быть.

— Вѣрно, вѣрно. Не только возможно, но несомнѣнно. Она хочетъ быть женою Леопольда Трейбеля и, когда умретъ старикъ, чего, по ея увѣренію, придется ждать еще лѣтъ десять, или когда

сго выберутъ въ Цоссенѣ, она переѣдетъ въ виллу и, если не заблуждаюсь, къ сѣрому какаду прибавитъ еще павлина.

— Ахъ, Марсель, это все фантазіи.

— Можетъ быть, съ ея стороны, но не съ моей. Все это ея подлинныя слова. Ты бы послушалъ, съ какимъ презрѣніемъ говорила она о «скудныхъ средствахъ» и какъ расписывала скромную жизнь, для которой не создана; она не создана для гороха съ саломъ и тому подобнаго... и если бы ты слышалъ, какъ это говорилось! Не такъ себѣ, между прочимъ, но съ горечью, и я съ грустью замѣтилъ, какъ она мелочна и какъ крѣпко держитъ ее въ тискахъ проклятое новое время.

— Гм...—сказалъ Шмидтъ.—Это мнѣ не нравится, и именно горохъ съ саломъ. Глупое важничанье; точно всѣ кушанья, которыя любилъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, — баранина съ капустой и лини съ укропомъ,—имѣли какое-нибудь значеніе. Придавать значеніе ѣдѣ просто нелѣпо. И Коринна не придаетъ ей значенія, для этого она слишкомъ дочь своего отца, и если ей взбрело на умъ говорить съ тобой о модахъ и расписывать прелесть парижской булавки или лѣтней кофточки, въ которой все chic и одинъ chic и съ которой по красотѣ ничто не можетъ сравниться, то, вѣрь мнѣ, все это фейерверкъ, игра фантазіи, jeu d'ésprit, и завтра съ такимъ же паѳосомъ она разскажетъ тебѣ исторію семинариста, который въ бесѣдкѣ изъ жасминовъ блаженно покоится въ объятіяхъ Лотхенъ. Это, что я называю, шмидтовская черта. Нѣтъ, Марсель, не впадай въ унынie; все это не серьезно...

— Вполнѣ серьезно.

— А если серьезно, чему я до сихъ поръ еще не вѣрю, потому что Коринна большая оригиналка, то все-таки изъ этого ничего не выйдетъ. Повѣрь мнѣ, Марсель. Потому что для женитьбы нужны двое.

— Несомнѣнно, дядя. Но Леопольдъ еще болѣе Коринны желаетъ...

— Его желаніе не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Позволь тебѣ сказать, и это великое слово: коммерціи совѣтница не желаетъ.

— Ты въ этомъ увѣренъ?

— Совершенно.

— Есть у тебя основанія?

— Основанія и доказательства, Марсель. И даже такія основанія и доказательства, которыя ты видишь передъ собой въ лицѣ дяди Вилибальда Шмидта...

— А именно?

— Да, другъ, видишь передъ собой воочію. Такъ какъ я имѣлъ счастіе на себѣ самомъ, какъ объектъ и жертва, изучить нравъ моей пріятельницы Женни. Женни Бюрстенбиндеръ, ея дѣвичья фамилія, какъ ты, вѣроятно, уже знаешь, есть типъ чистокровной буржуазки. Это ея природный талантъ съ малолѣтства; еще въ тѣ времена, когда она въ лавкѣ потихоньку отъ отца лакомилась изюмомъ и декламировала «Кубокъ» и другіе стихи, причемъ глаза ея наполнялись слезами, она уже была такой. Однажды я написалъ ей свои знаменитые стихи,—ты, конечно, давно знаешь это несчастное произведеніе, которое она съ тѣхъ поръ постоянно поетъ, вѣроятно, пѣла и сегодня .Выслушавъ его, она бросилась ко мнѣ на шею и сказала: «Вилибальдъ, единственный, это даръ Божій!» Я въ смущеніи пробормоталъ что-то про свои чувства и любовь; она осталась при своемъ, что это даръ Божій, и такъ всхлипывала, что я, съ одной стороны, былъ польщенъ въ своемъ самолюбіи, съ другой—испугался силы ея чувства. Да, Марсель, такъ произошло наше молчаливое обрученіе,—молчаливое, но все-таки обрученіе; по крайней мѣрѣ, такъ думалъ я и употреблялъ сверхчеловѣческія усилія, чтобы скорѣе окончить курсъ и сдать экзамены. Все шло прекрасно. Но когда я явился, чтобы санкціонировать обрученіе, она меня удержала; была со мной попеременно то сердечна, то холодна; распѣвая мою пѣсню, строила глазки всякому, кто приходилъ въ домъ, пока, наконецъ, явился Трейбель и подпалъ обаянію ея каштановыхъ локоновъ и еще болѣе сантиментальности. Тогдашній Трейбель былъ не похожъ на теперешняго. Вскорѣ я получилъ свадебныя карточки. Непріятная исторія, и всякій на моемъ мѣстѣ порвалъ бы дружбу. Но я не злопамятенъ и не помѣха чужому счастію и въ пѣснѣ, какъ ты вспомнишь «два сердца бьются въ унисонъ»—божественная тривіальность, какъ разъ для Женни Трейбель, въ пѣснѣ живетъ наша дружба по сейчасъ, точно ничего не случилось. И въ сущности, почему бы ей порваться? Я лично ничего противъ нея не имѣю, а Женни обладаетъ способностью забывать все, что желаетъ забыть. Она опасная особа, и тѣмъ болѣе опасная, что сама того не подозрѣваетъ, и искренно убѣждена, что у нея чувствительное сердце, доступное «всему высокому». Но ея сердце доступно только тому, что можно измѣрить или взвѣсить и что даетъ процентъ. Леопольда дешевле, чѣмъ за полмилліона она не уступитъ, откуда бы эти полмилліона ни шли. А самъ бѣдняга Леопольдъ? Вѣдь, ты его прекрасно знаешь. Развѣ онъ способенъ

на сопротивленіе или на побѣгъ въ Гретна-Гринъ *). Повѣрь мнѣ, Марсель, у Трейбелей свадьба не обойдется безъ Брюкнера **) или Кёгеля ***), потому что чѣмъ ближе ко двору, тѣмъ лучше. Они постоянно либеральничаютъ и сантиментальничаютъ, но все это одинъ фарсъ: если дѣло коснется окраски, то «деньги все и въ нихъ лишь дѣло».

— Я думаю, что ты слишкомъ низко цѣнишь Леопольда.

— Боюсь, наоборотъ, что перецѣниваю. Я знаю его съ перваго курса. Дальше онъ не пошелъ; да и къ чему, правда? Хорошій человѣкъ, посредственность, а по характеру ниже посредственности.

— Если бы ты поговорилъ съ Коринной.

— Нѣтъ надобности. Вмѣшательство только нарушитъ естественный ходъ вещей. Все можетъ быть шатко и неустойчиво, одно несомнѣнно твердо: характеръ моей пріятельницы Женни. На ней покоятся основы твоего благополучія. Если Коринна запутается въ собственныхъ глупостяхъ, оставь ее. Я заранѣе знаю исходъ дѣла. Она должна быть твоей и будетъ; даже, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ ты думаешь.

VIII.

Трейбель вставалъ рано, по крайней мѣрѣ, для коммерціи совѣтника; не позже восьми часовъ онъ входилъ къ себѣ въ кабинетъ совершенно одѣтымъ; просматривалъ частную корреспонденцію, пробѣгалъ газеты и поджидалъ, когда появится супруга, чтобы вмѣстѣ завтракать. Обыкновенно совѣтница не заставляла себя ждать; на этотъ разъ она опоздала. Писемъ было два-три, въ газетахъ уже сказывалось вліяніе глухого сезона, поэтому Трейбель сталъ обнаруживать легкіе слѣды нетерпѣнія и, быстро вставъ съ софы, зашагалъ по большимъ комнатамъ, гдѣ наканунѣ пировали гости. Окно изъ столовой было открыто и, облокотясь удобно на подоконникъ, Трейбель могъ любоваться садомъ. Декорація была та же, что вчера; отсутствовалъ только какаду, вмѣсто котораго Хонигъ водила вокругъ бассейна на веревочкѣ болонку коммерціи совѣтницы. Это случалось аккуратно каждое утро и

*) Гретна-Гринъ—деревушка въ Шотландіи, близъ англійской границы, служившая убѣжищемъ для лицъ, вступившихъ въ бракъ безъ согласія родителей или опекуновъ. (*Прим. перев.*).

**) Генералсуперинтендентъ въ Берлинѣ.

***) Извѣстный проповѣдникъ, вліятельное духовное лицо при прусскомъ дворѣ.

длилось до тѣхъ поръ, пока какаду занималъ металлическую жердочку или совсѣмъ съ клѣткой появлялся на воздухѣ. Тогда Хонигъ уводила болонку, чтобы избѣжать злобныхъ столкновеній между двумя равноправными любимцами дома. Трейбель любезно освѣдомился изъ окна о здоровьѣ компаньонки, что коммерціи совѣтница всегда находила излишнимъ; получивъ успокоительный отвѣтъ, спросилъ, какъ она нашла англійскій выговоръ m-r Нельсона, исходя изъ болѣе или менѣе основательнаго взгляда, что каждой воспитательницѣ, сдавшей экзаменъ въ берлинскомъ училищномъ совѣтѣ, ничего не стоитъ рѣшить такой вопросъ. Хонигъ, не желавшая смущать его увѣренности, ограничилась указаніемъ на неправильное произношеніе m-r Нельсономъ звука *a*; она находила, что его произношеніе ближе къ шотландскому, чѣмъ къ англійскому. Трейбель серьезно выслушалъ ея замѣчаніе и хотѣлъ продолжать разговоръ, но ухо его уловило вдали звукъ открываемой двери и, значитъ, приближенія коммерціи совѣтницы. Онъ простился съ Хонигъ и пошелъ въ кабинетъ, куда только что вошла совѣтница. Изящно сервированный завтракъ уже стоялъ на столѣ.

— Здравствуй, Женни... Хорошо ли отдохнула?

— Только посредственно. Ужасный Фогельзангъ давилъ меня, какъ кошмаръ.

— Не позавтракать ли намъ на воздухѣ?

Женни позвонила, и слуга перенесъ подносъ на веранду.

— Хорошо, Фридрихъ,—сказалъ Трейбель и собственноручно подвинулъ скамейку для ногъ, чтобы жена, а также и онъ самъ могли устроиться наивозможно удобнѣе. Женни требовала вниманія, иначе портилось ея настроеніе.

И на этотъ разъ ловкій маневръ не прошелъ безслѣдно.

Она улыбнулась, пододвинула къ себѣ сахарницу и спросила держа на вѣсу выхоленную, бѣлую руку:

— Одинъ или два?

— Два, если позволишь. Я не имѣю никакихъ отношеній къ свекловицѣ и поэтому могу благодушно пользоваться паденіемъ цѣнъ на сахаръ.

Женни согласилась, положила сахаръ и пододвинула мужу маленькую чашечку, наполненную аккуратно до золотой полоски кофе.

— Ты уже просмотрѣлъ газеты? Что Гладстонъ?

Трейбель отъ души разсмѣялся.

— Если позволишь, Женни, останемся въ данную минуту лучше по сю сторону канала, въ Гамбургѣ или гамбургскомъ міркѣ, и

вмѣсто вопроса о здоровьѣ Гладстона рѣшимъ вопросъ о нашей невѣсткѣ Еленѣ. Она была видимо разстроена, но я все колеблюсь, чему приписать ея огорченіе. Была ли она недовольна своимъ мѣстомъ, или огорчилась, что m-r Нельсона, ея любезно-уступленнаго намъ, почетнаго гостя, посадили просто между Хонигъ и Коринной?

— Ты только что разсмѣялся, Трейбель, потому что я спросила о Гладстонѣ; но тебѣ не слѣдовало этого дѣлать, потому что намъ, женщинамъ, позволительно спрашивать объ одномъ, когда насъ интересуетъ совсѣмъ другое; но вы, мужчины, не должны намъ подражать. Уже потому, что вамъ это никогда не удается. Ты не могъ не замѣтить, въ какомъ восторгѣ былъ добрѣйшій Нельсонъ; значитъ, Елена не могла ничего имѣть противъ того, какъ мы посадили ея протеже. Если это вѣчная ревность ея къ Коринѣ, которая, по ея мнѣнію, себѣ слишкомъ много позволяетъ... и недостаточно женственна, недостаточно въ гамбургскомъ вкусѣ, что, по ея мнѣнію, почти тождественно... то,—продолжала Женни, не обращая вниманія на слова мужа, она въ первый разъ въ жизни все это ей простила, потому что та помогла ей исправить недостатокъ гостепріимства. Нѣтъ, тутъ дѣло не въ m-r Нельсонѣ. Елена дуется на насъ обоихъ, потому что мы не хотимъ понять ея намековъ и до сихъ поръ не пригласили къ себѣ ея сестру Гильдегарду. Гильдегарда — имя совсѣмъ неподходящее гамбуржанкѣ. Гильдегардой можно называться въ замкѣ съ фамильными портретами, гдѣ по ночамъ ходитъ бѣлая женщина. Елена дуется на насъ, потому что мы глухи относительно Гильдегарды.

— И она права.

— А я нахожу, что она не права. Это безцеремонность, граничащая съ дерзостью. На что похоже? Точно мы для того только и существуемъ, чтобы принимать у себя родныхъ и знакомыхъ съ дровяного склада? Или мы для того здѣсь, чтобы осуществлять планы Елены и ея родителей? Если наша невѣстка желаетъ разыграть изъ себя гостепріимную сестру, то можетъ когда угодно выписать къ себѣ Гильдегарду и предоставить избалованной куколкѣ рѣшить, что красивѣе, Альстеръ около Уленхорста или Шпре подъ Трептовомъ. Какое *намъ* до этого дѣло? У Отто свой складъ, не хуже чѣмъ твоя фабрика, а его виллу многіе находятъ красивѣе нашей, что и прекрасно. Наша слишкомъ старомодна и мала, такъ что я часто не знаю, какъ помѣститься. Мнѣ недостаетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ комнатъ. Не стоитъ объ этомъ толковать, но съ какой стати приглашать Гильдегарду, точно мы хлопочемъ о под-

держаніи связи между двумя семействами и ничего такъ не желаемъ, какъ притока гамбургской крови въ нашу семью

— Но, Женни...

— Никакого «но», Трейбель. Въ этихъ дѣлахъ вы ничего не смыслите, потому что у васъ нѣтъ проницательности. Я тебѣ говорю, что у нихъ такіе планы и потому мы должны приглашать Гильдегарду. Если Елена пригласитъ сестру, то это имѣетъ такъ мало значенія, что не окупаетъ путевыхъ издержекъ, и тѣмъ болѣе новыхъ туалетовъ. Какой смыслъ можетъ имѣть свиданіе двухъ сестеръ? Ровно никакого; онѣ совсѣмъ не подходятъ другъ къ другу и постоянно ссорятся; если же мы пригласимъ Гильдегарду, это будетъ значить, что Трейбели въ восторгѣ отъ своей гамбургской невѣстки и почтутъ за честь и счастіе, если m-lle Гильдегарда Мункъ согласится стать m-e Леопольдъ Трейбель. Да, другъ, все къ тому ведется. Это вопросъ рѣшенный. Леопольдъ долженъ жениться на Гильдегардѣ или вѣрнѣе Гильдегарда должна выйти замужъ за Леопольда; потому что Леопольдъ существо пассивное и долженъ только повиноваться. Этого желаютъ Мунки, этого желаетъ Елена, и нашъ бѣдный Отто, который не смѣетъ много разсуждать, въ концѣ-концовъ также долженъ будетъ желать. А такъ какъ мы колеблемся и не спѣшимъ съ приглашеніемъ, то Елена на насъ дуется и разыгрываетъ роль угнетенной, не оставляя ея даже тогда, когда изъ любезности къ ней я приглашаю m-r Нельсона, единственно ради того, чтобы у нея не остыли утюги.

Трейбель откинулся на спинку кресла и искусно выпустилъ въ воздухъ маленькое колечко дыму.

— Я не думаю, чтобы ты была права. А если бы и такъ? Отто восемь лѣтъ живетъ счастливо съ Еленой, что̀ вполнѣ естественно; я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ былъ несчастливъ съ уроженкой Гамбурга. Онѣ всѣ такъ безупречны, обладаютъ внѣшнею и внутреннею чистотой, и обнаруживаютъ во всемъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ, правильную школу дѣтской. За нихъ никогда не приходится краснѣть, и онѣ почти достигаютъ идеала своихъ тайныхъ мечтаній «походить на англичанку». Я долженъ повторить, что Елена Мункъ сдѣлала нашего Отто счастливымъ, и почти увѣренъ, что Гильдегарда сдѣлала бы Леопольда также счастливымъ, можетъ быть, даже еще счастливѣе. И въ этомъ не было бы волшебства, потому что лучшаго человѣка, чѣмъ нашъ Леопольдъ, вообще нѣтъ на свѣтѣ; онъ почти красная дѣвушка.

— Почти?— сказала Женни.— Можешь сказать, вполнѣ. Не

понимаю, почему оба молодые человѣка вышли такою размазней. Природные берлинцы и въ сущности больше похожи на гернгуттеровъ. Въ нихъ есть что-то сонное и право не знаю, чья тутъ вина.

— Моя, Женни, конечно, моя.

— И хотя я прекрасно знаю,—продолжала Женни,—какъ безполезно ломать себѣ голову надъ такими вещами и, къ сожалѣнію, знаю также, что подобные характеры не мѣняются, но я знаю еще, что на насъ лежитъ обязанность помочь тамъ, гдѣ еще помощь возможна. Въ бракѣ Отто мы это упустили изъ виду и къ его холодному темпераменту подобрали Елену съ полнымъ отсутствіемъ темперамента; результаты видишь на Лицци, куклѣ изъ всѣхъ куколъ, когда-либо существовавшихъ. Я думаю Елена еще выучитъ ее выставлять на англійскій манеръ зубы. Ея дѣло. Но сознаюсь тебѣ, Трейбель, что съ меня довольно *такой* невѣстки и *такой* внучки; я желала бы для Леопольда чего-нибудь болѣе подходящаго, чѣмъ жена изъ семейства Мункъ.

— Ты бы желала сдѣлать изъ него смѣльчака, наѣздника, спортсмена.

— Нѣтъ, а вообще человѣка. Человѣку свойственны страсти, и еслибъ его захватила страсть, онъ бы пробудился и ожилъ, и хотя я не охотница до скандаловъ, но была бы довольна, если бы что-нибудь подобное случилось съ нимъ; конечно, не дурное, но необычайное.

— Не шути съ чортомъ, Женни. Чтобы онъ кого-нибудь похитилъ, не знаю къ счастью или къ сожалѣнію, мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ; но бывали примѣры, что лица неспособныя къ похищенію бывали сами похищены. Встрѣчаются рѣшительныя женщины, а Леопольдъ довольно слабъ и въ одинъ прекрасный день можетъ быть поднятъ на сѣдло бѣдной и нѣсколько эмансипированной дѣвушки, по фамиліи Шмидтъ, и перевезенъ черезъ границу.

— Не думаю,—сказала коммерціи совѣтница, онъ для этого слишкомъ недогадливъ. Она была такъ увѣрена въ отсутствіи опасности, что даже не обратила вниманія на случайно или намѣренно произнесенную фамилію Шмидтъ.

И впадая въ юношескій задоръ, совѣтница предалась мечтамъ о любовномъ похожденіи. Леопольдъ съ закрученными усиками, на пути въ Италію; рядомъ съ нимъ отважная похитительница изъ силезскихъ помѣстій, съ сѣрымъ перомъ на шляпѣ, въ клѣтчатомъ шотландскомъ плащѣ, которымъ прикрываетъ дрогнущаго возлю-

бленнаго. Картина такъ живо встала у нея передъ глазами, что она съ грустью промолвила:

«Бѣдный юноша! Если бы онъ былъ на это способенъ!»

Разговоръ старыхъ Трейбелей происходилъ въ девятомъ часу утра; они и не подозрѣвали, что въ то же самое время Трейбели молодые, завтракая у себя на верандѣ, вспоминали вчерашнее общество. Елена была очень интересна, чему способствовалъ не только изящный утренній туалетъ, но также необычайное оживленіе ея обыкновенно вялыхъ, свѣтло-голубыхъ глазъ. Было очевидно, что она только что съ необычайнымъ жаромъ нападала на Отто, который въ смущеніи глядѣлъ передъ собою; и, кажется, нападеніе должно было продолжаться, но было прервано приходомъ Лицци и ея воспитательницы miss Ульстенъ.

Лицци, несмотря на ранній часъ, была во всемъ парадѣ. Свѣтлые, волнистые волосы спускались до таліи; весь туалетъ былъ бѣлый: платье, длинные чулки, отложной воротникъ, только вокругъ таліи, если можно назвать это таліей, повязанъ былъ широкій, красный шарфъ, который Елена никогда не называла иначе, какъ «pink-coloured scarf. Малютка, въ томъ видѣ, какъ появилась передъ родителями, могла бы въ качествѣ символической фигуры быть поставленной на шкафъ съ бѣльемъ въ комнатѣ матери; до такой степени она напоминала связку бѣлья, перетянутую розовой ленточкой. Лицци слыла среди знакомыхъ образцовымъ ребенкомъ, что наполняло сердце Елены съ одной стороны благодарностію къ Богу, съ другой—къ Гамбургу, потому что къ дарамъ природы, ниспосланнымъ небомъ, пришло на помощь образцовое воспитаніе, которое могутъ дать только гамбургскія традиціи. Образцовое воспитаніе началось со дня появленія ребенка на свѣтъ. Елена, находя кормленіе «некрасивымъ» (что оспаривалъ даже Крола, бывшій тогда на семь лѣтъ моложе), отказалась отъ исполненія материнскихъ обязанностей; когда предложенная старыми Трейбелями деревенская кормилица была отвергнута, съ замѣчаніями, что «многое переходитъ отъ кормящей на невиннаго младенца», пришлось обратиться къ единственному оставшемуся выходу. Искусственное вскармливаніе Лицци было поручено замужней женщинѣ, горячо рекомендованной настоятелемъ духовной общины св. Ѳомы, которая съ величайшей добросовѣстностью и съ часами въ рукахъ принялась за свое дѣло. Лицци кормленіе пошло въ прокъ и вскорѣ у нея на плечикахъ показались ямочки. Все шло вполнѣ нормально. Коммерціи совѣт-

никъ все-таки относился къ такому способу подозрительно и только позже, когда Лицци обрѣзала ножомъ руку (за что няня лишилась мѣста), Трейбель успокоительно воскликнулъ: «Благодареніе Создателю, у нея, повидимому, настоящая кровь!»

Въ строгомъ порядкѣ началась жизнь Лицци и въ строгомъ порядкѣ продолжалась. Бѣлье, которое она носила, было всегда замѣчено соотвѣтствующимъ числомъ и днемъ недѣли; по словамъ дѣдушки, на ея чулкахъ можно было прочесть: «сегодня 10-е число». Въ кукольномъ шкафу всѣ вѣшалки были перенумерованы, и если случалось, что Лицци, которая обыкновенно была олицетворенный порядокъ, насыпала въ игрушечной кухнѣ манную крупу въ ящичекъ, на которомъ отчетливо значилось «чечевица», Елена считала долгомъ выяснить своей любимицѣ всю важность такой небрежности. «Это не пустяки, милая Лицци. Кто хочетъ не дѣлать упущеній въ большомъ, тотъ не долженъ пренебрегать мелочами. Подумай, еслибъ у тебя былъ братецъ, и ты вздумала бы спрыснуть его eau de Cologne и вмѣсто того спрыснула eau de Javelle,—да, милая Лицци, братецъ твой могъ бы ослѣпнуть, а если бы проникло въ кровь—умереть. И такая ошибка была бы еще простительнѣе, потому что обѣ жидкости безцвѣтны и похожи на воду; но манная крупа и чечевица? Милая Лицци, такая ошибка указываетъ на крупную небрежность или, что еще хуже, на полное равнодушіе».

Такова была Лицци, которая, къ удовольствію матери, была очень послушна. Положимъ, два передніе зуба недостаточно выглядывали наружу, такъ что не могли вполнѣ удовлетворить Елену; и въ настоящую минуту она обратила все материнское вниманіе на важный вопросъ о зубахъ, такъ какъ была убѣждена, что счастливый матеріалъ, данный природой, требовалъ только внимательнаго отношенія воспитателей. «Ты опять зажимаешь губы, Лицци; этого не слѣдуетъ дѣлать. Красивѣе, когда ротъ наполовину раскрытъ, точно для разговора. Миссъ Ульстенъ, я бы просила васъ обращать побольше вниманія на эти пустяки, которые для меня вовсе не пустяки... Какъ идетъ поздравительное стихотвореніе?»

— Лицци очень старается.

— Зато и я исполню твое желаніе, Лицци. Пригласи сегодня послѣ обѣда къ себѣ маленькихъ Фельгентрей. Но, конечно, прежде надо приготовить уроки. А теперь, если miss Ульстенъ позволитъ,—послѣдняя утвердительно кивнула головой,—можешь погулять по саду, только не ходи на дворъ, гдѣ черезъ известковыя

ямы положены доски. Отто, надо было бы перемѣнить доски, онѣ совсѣмъ гнилыя!

Лицци была довольна позволеніемъ побѣгать часокъ; поцѣловавъ матери руку и получивъ предостереженіе беречься бочки съ водою, она пошла съ гувернанткой прочь; родители смотрѣли вслѣдъ дѣвочкѣ, которая еще нѣсколько разъ съ благодарностію оглянулась на мать.

— Въ сущности,—сказала Елена,—я съ удовольствіемъ удержала бы Лицци при себѣ и прочла съ ней страничку по-англійски; у miss Ульстенъ плохой выговоръ, такой low, такой vulgar. Но я принуждена отложить свое желаніе до завтра, такъ какъ намъ необходимо окончить разговоръ. Я неохотно говорю что-нибудь противъ твоихъ родителей, такъ какъ знаю, что это неприлично, и знаю еще, что ты со своимъ упрямымъ характеромъ (Отто улыбнулся) становишься отъ этого еще упрямѣе; но нельзя ставить выше всего вопросы вѣжливости и благоразумія. А это было бы такъ, еслибъ я продолжала молчать. Поведеніе твоихъ родителей въ этомъ вопросѣ обидно для меня и еще болѣе для моихъ родныхъ. Не обижайся, Отто, но что такое въ концѣ-концовъ Трейбели? Опасно касаться такого щекотливаго вопроса, и я бы воздержалась отъ него, если бы ты самъ не побуждалъ меня къ тому.

Отто молчалъ и приводилъ въ равновѣсіе ложечку на указательномъ пальцѣ; Елена продолжала:

— Мунки датскаго происхожденія и одна вѣтвь, какъ ты прекрасно знаешь, получила при Христіанѣ графство. Какъ уроженка Гамбурга и дочь вольнаго города, я не придаю этому значенія. Теперь—со стороны моей матери: Томсоны принадлежатъ къ синдикату. Ты, кажется, не придаешь этому значенія. Хорошо, оставимъ это въ покоѣ, я скажу тебѣ только еще, что наши корабли уже отправлялись въ Мессину, когда мать твоя еще играла въ лавкѣ, гдѣ открылъ ее твой отецъ. Гастрономическіе и колоніальные товары... У васъ это называется быть купцомъ... я не говорю у тебя... но купецъ купцу рознь.

Отто все пропускалъ мимо ушей и смотрѣлъ въ садъ, гдѣ Люцци играла мячикомъ.

— Ты имѣешь что-нибудь возразить мнѣ, Отто?

— Лучше не буду, милая Елена. Къ чему? Вѣдь, ты не можешь отъ меня требовать, чтобы въ этомъ дѣлѣ я держался твоего мнѣнія; если же я съ тобой не согласенъ и высказываю это, ты только раздражаешься. Я нахожу, что ты требуешь большаго,

чѣмъ должно бы было требовать. Моя мать съ тобой очень любезна, что еще вчера доказала, потому что я сильно сомнѣваюсь, чтобы обѣдъ, данный въ честь нашего гостя, доставилъ ей большое удовольствіе. Ты кромѣ того знаешь, что она экономна во всемъ, что не касается ея лично.

— Экономна!—засмѣялась Елена.

— Называй скупостью, мнѣ все равно. Тѣмъ не менѣе она всегда къ тебѣ очень внимательна и въ дни рожденій ея подарки являются первыми. Тебя это не трогаетъ. Напротивъ, ты укрѣпляешься въ своей упорной несправедливости къ мамѣ и все потому, что она своимъ поведеніемъ даетъ тебѣ понять, что то, что папа называетъ «гамбурговщиною», не высшее въ мірѣ, и что Господь Богъ создалъ міръ не ради однихъ Мункъ.

— Ты повторяешь слова матери или говоришь отъ себя? У тебя даже голосъ дрожитъ.

— Елена, если хочешь, чтобы мы спокойно обсудили вопросъ и рѣшили его осмотрительно и справедливо, то не подливай поминутно масла въ огонь. Ты такъ раздражена на мамà, потому что она не хочетъ замѣчать твоихъ намековъ и не обнаруживаетъ желанія пригласить Гильдегарду. И ты не права. Если въ тебѣ разыгрались родственныя чувства, то пригласи сестру; мамà тутъ не причемъ.

— Очень лестно для Гильдегарды и для меня также...

— Если же ты преслѣдуешь другую цѣль,—ты, вѣдь, созналась мнѣ, каковъ твой планъ,—то, несмотря на взаимное желаніе обоихъ семействъ заключить двойной союзъ, необходимо, чтобы дѣло было обставлено естественно и не носило характера принужденія. Если ты пригласишь Гильдегарду и это приведетъ черезъ два-три мѣсяца къ обрученію съ Леопольдомъ, тогда будетъ именно то, что я называю естественнымъ ходомъ вещей; если же мама напишетъ Гильдегардѣ пригласительное письмо и выскажетъ въ немъ, какое счастье доставитъ ей болѣе продолжительное пребываніе у нея въ домѣ сестры ея милой Елены, то въ этомъ выразится нѣкоторое обязательство по отношенію къ твоей сестрѣ и какъ бы заискиваніе передъ ней, чего фирма Трейбель не желаетъ.

— И ты это одобряешь?

— Да.

— По крайней мѣрѣ, ясно. Но ясно не значитъ вѣрно. Итакъ, вся суть, если я тебя вѣрно поняла, въ вопросѣ, кто сдѣлаетъ первый шагъ?

Отто утвердительно кивнулъ головой.

— Если это такъ, почему же Трейбели хотятъ уклониться отъ перваго шага? Почему? — спрашиваю я тебя. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, женихъ или влюбленный сватался къ невѣстѣ...

— Несомнѣнно, милая Елена. Но у насъ еще не дошло дѣло до сватовства. Въ настоящую минуту дѣло идетъ только о приглашеніи и о сооруженіи моста. Мостъ долженъ сооружать тотъ, кто болѣе заинтересованъ.

— А!—засмѣялась Елена.—Мы, Мунки... болѣе заинтересованные! Ты бы, по крайней мѣрѣ, не говорилъ такъ, Отто; не потому, что это унижаетъ меня и мое семейство, а потому, что выставляетъ въ смѣшномъ видѣ всю трейбелевщину съ тобою во главѣ. Да, другъ, ты бросаешь мнѣ вызовъ, и я отвѣчу тебѣ откровенно: на вашей сторонѣ всѣ интересы, выигрышъ и почетъ. И вы должны доказать, что сознаете это, и не притворяться непонимающими. Вотъ въ чемъ первый шагъ, о которомъ я говорила. Разъ уже дѣло дошло до объясненій, я выскажу тебѣ все, Отто. На-ряду съ серьезной и дѣловой стороной есть и другая—личная; надѣюсь, что ты не будешь отрицать, что по внѣшности никто не выдержитъ сравненія съ моей сестрой. Гильдегарда — красавица, портретъ своей бабушки Елизаветы Томсонъ (въ честь которой крещена наша Лицци) и обладаетъ chic'омъ лэди; ты былъ со мной раньше согласенъ. Взгляни теперь на своего брата Леопольда. Онъ добрый малый; купилъ себѣ верховую лошадь, высоко подтягиваетъ каждое утро стремена, чтобы походить на англичанина, но изъ этого ничего не выходитъ. Онъ былъ и остается ниже критики и, во всякомъ случаѣ, далекъ отъ настоящаго наѣздника, и если Гильдегарда согласится пойти за него (я боюсь, что она откажетъ), то это будетъ единственнымъ путемъ для достиженія джентльменства. Можешь сказать это своей матери.

— Я бы предпочелъ, чтобы ты сдѣлала это сама.

— Кто происходитъ изъ хорошей семьи, старается избѣгать непріятностей и сценъ.

— И потому дѣлаетъ ихъ мужу.

— Это другое дѣло.

— Да? — засмѣялся Отто. Но въ его смѣхѣ было что-то меланхолическое.

Леопольдъ Трейбель принималъ участіе въ дѣлѣ брата, а жилъ дома. Въ этомъ году онъ намѣревался отбывать воинскую повинность въ драгунскомъ полку, но не былъ принятъ вслѣдствіе слишкомъ узкой груди, что огорчило всю семью. Трейбель былъ сильно

разстроенъ, нѣсколько меньше совѣтница и всѣхъ меньше самъ Леопольдъ, который для исправленія недостатка сталъ заниматься верховой ѣздой. Ежедневно два часа проводилъ онъ въ сѣдлѣ, и такъ какъ очень усердствовалъ, представлялъ изъ себя жалкую фигуру.

И въ это утро, когда молодые и старые Трейбели вели разговоръ на одну и ту же рискованную тему, Леопольдъ, не подозрѣвая, что составляетъ главный предметъ щекотливаго разговора, предпринялъ обычную прогулку верхомъ изъ отцовскаго дома по безлюдной въ этотъ часъ Кёпникерштрассе мимо виллы брата по направленію къ Трептову. На казармахъ пробило семь, когда онъ проѣзжалъ подъ «Силезскими воротами». Пребываніе въ сѣдлѣ всегда оживляло Леопольда, но на этотъ разъ какъ-то особенно. Припоминая вчерашніе разговоры Коринны съ m-r Нельсономъ, онъ испытывалъ желаніе мчаться въ карьеръ, чему, однако, препятствовало отсутствіе горячей лошади, которую замѣняла привыкшая къ манежу кляча, которую невозможно было побудить на какую-либо экстравагантность. Леопольдъ ѣхалъ шагомъ, несмотря на желаніе летѣть. Понемногу шагъ перешелъ въ рысь и такимъ образомъ доѣхалъ онъ до «Силезскаго кустарника», гдѣ, по словамъ Ивана, еще вчера вечеромъ ограбили часовщика и двухъ женщинъ. «Этому безобразію не будетъ конца! Небрежность полиціи». Утромъ здѣсь было совершенно безопасно, и Леопольдъ въ прекрасномъ настроеніи духа наслаждался пѣніемъ жаворонковъ и зябликовъ. Неменьшее удовольствіе испыталъ онъ, выбравшись на дорогу, гдѣ справа тянулись хлѣбныя поля, а слѣва сверкала Шпре. Все было такъ прекрасно и свѣжо, что онъ снова пустилъ лошадь шагомъ. Но, несмотря на медленную ѣзду, онъ скоро достигъ того мѣста, гдѣ останавливался пароходикъ, переправлявшій пассажировъ черезъ рѣку. Въ это время на шоссе показались со стороны города еще верховые, проѣхалъ вагонъ конки, который, насколько можно было видѣть, везъ немного гостей въ Трептовъ. Это радовало Леопольда, потому что завтракъ, которымъ онъ здѣсь подкрѣплялся, терялъ половину прелести, когда кругомъ сидѣло съ полдюжины истыхъ берлинцевъ, заставлявшихъ своихъ пинчеровъ прыгать черезъ стулья и носить поноску. Сегодня этого нечего было опасаться.

Въ половинѣ восьмого онъ былъ на мѣстѣ; подозвалъ подростка мальчика, у котораго была одна только рука, а вмѣсто другой болтался пустой рукавъ, которымъ тотъ поминутно махалъ въ воздухѣ, соскочилъ съ сѣдла и отдалъ однорукому уздечку: «Отведи ее подъ липу, Фрицъ. Здѣсь слишкомъ печетъ солнце». Мальчикъ испол-

нилъ приказаніе, а Леопольдъ пошелъ мимо изгороди, обвитой виноградомъ, къ калиткѣ, ведущей въ трептовскій ресторанъ. Слава Богу, лучшаго нельзя было желать: всѣ столы пусты, стулья опрокинуты и ни одного кельнера, кромѣ его пріятеля Мютцеля, человѣка лѣтъ подъ сорокъ, держащаго себя съ большимъ достоинствомъ и съ утра одѣтаго въ безупречный фракъ. «На чаи» онъ не вымогалъ и все принималъ съ любезной улыбкой.

— Видите ли, г. Трейбель, — сказалъ онъ однажды, когда зашелъ объ этомъ разговоръ съ Леопольдомъ,— большинство хочетъ утянуть и не дать того, что слѣдуетъ, особенно дамы, но есть много добрыхъ господъ (Леопольдъ былъ всегда очень щедръ), и даже очень добрыхъ, которые понимаютъ, что сигарой сытъ не будешь, а женѣ и тремъ дѣтишкамъ также жить надо. И подумайте, больше даютъ небогатые люди. Не дальше, какъ вчера, былъ здѣсь человѣчекъ, который по нечаянности далъ мнѣ пятнадцать пфенниговъ, принявъ ихъ за десять, и когда я обратилъ на это его вниманіе, онъ не взялъ монеты обратно и сказалъ только: «Оставьте себѣ, видно Пасха и Троица приходятся въ этомъ году на одинъ день».

Такой разговоръ происходилъ съ недѣлю назадъ. Вообще, Леопольдъ съ Мютцелемъ нерѣдко болтали; молодой человѣкъ былъ доволенъ, что ему не приходилось говорить о вещахъ, которыя сами собою понятны. Стоило молодому Трейбелю показаться въ саду, какъ Мютцель, поклонившись издали, исчезалъ въ кухнѣ и нѣсколько минутъ спустя появлялся съ подносомъ, на которомъ стояла чашка кофе, стаканъ свѣжаго молока и лежало два англійскихъ бисквита. Стаканъ молока былъ всего важнѣе, такъ какъ докторъ Ломейеръ послѣ недавней оскультаціи сказалъ коммерціи совѣтницѣ: «Сударыня, пока нѣтъ еще ничего важнаго, но надо предотвращать возможное, къ тому мы здѣсь; впрочемъ, наши знанія такъ несовершенны. Итакъ, я попрошу, какъ можно меньше кофе и каждое утро литръ молока».

И сегодня при появленіи Леопольда произошла обычная сцена: Мютцель исчезъ въ кухню и теперь появился изъ дверей ресторана, держа подносъ на концахъ пальцевъ правой руки, почти съ виртуозностью клоуна.

— Добраго утра, г. Трейбель. Прекрасное сегодня утро.

— Да, любезный Мютцель. Очень хорошо. Немного свѣжо. Особенно здѣсь около воды. Меня порядкомъ знобитъ, и я совсѣмъ ослабъ. Дайте попробовать, горячъ ли кофе.

Не успѣлъ кельнеръ поставить подноса на столъ, какъ Леопольдъ взялъ маленькую чашечку и залпомъ опорожнилъ.

— Чудесно! Хорошо грѣетъ стариковскую кровь. Теперь выпьемъ молоко, Мютцель, только съ прохладцей. Когда покончу съ молокомъ,—молоко всегда нѣсколько холодитъ, говорю это не въ порицаніе, хорошее молоко должно быть холодно,—когда я съ нимъ покончу, то попрошу еще чашечку...

— Кофе?

— Конечно, Мютцель.

— Но, г. Трейбель...

— Въ чемъ дѣло? У васъ такой смущенный видъ, Мютцель, точно я Богъ знаетъ что сказалъ.

— Но, г. Трейбель...

— Чортъ возьми, въ чемъ дѣло?

— Когда третьяго для были здѣсь ваша матушка, г. коммерціи совѣтникъ и компаніонка, а вы, г. Трейбель, пошли на карусель, г-жа коммерціи совѣтница сказали мнѣ: «Послушайте, Мютцель, я знаю, онъ пріѣзжаетъ сюда почти каждое утро, поручаю его вамъ... не болѣе одной чашки, никогда... совѣтникъ докторъ Ломейеръ, который лѣчилъ также вашу жену, сказалъ мнѣ очень серьезно: двѣ чашки—ядъ»...

— Вотъ какъ? Можетъ быть, мама еще что-нибудь сказала?

— Коммерціи совѣтница сказали еще: «Вы отъ этого не будете въ накладѣ, Мютцель... Я не могу сказать, чтобы мой сынъ былъ страстный человѣкъ, онъ человѣкъ хорошій, добрый»... Вы извините, г. Трейбель, что я такъ прямо повторяю вамъ все, что говорила ваша матушка... «но у него страсть къ кофе. Въ томъ-то и бѣда, что у людей бываетъ именно *та* страсть, которой имъ не слѣдуетъ имѣть. Итакъ, Мютцель, одна чашка и никакъ не болѣе».

Леопольдъ слушалъ его съ двоякимъ чувствомъ и не зналъ, смѣяться ему или огорчаться.

— Ну, хорошо, Мютцель, не надо, обойдемся безъ второй.

И онъ снова сѣлъ на мѣсто, между тѣмъ какъ Мютцель занялъ свой выжидательный постъ у угла дома.

«Итакъ, жизнь моя въ опасности,—сказалъ Леопольдъ, оставшись одинъ.—Я слышалъ объ одномъ человѣкѣ, который выпилъ на пари двадцать чашекъ кофе и тутъ же умеръ. Что же это доказываетъ? Если я съѣмъ двѣнадцать круговъ сыру, то также умру; всякая дюжина убиваетъ человѣка. Но какой разумный человѣкъ станетъ увеличивать свои кушанья въ двѣнадцать разъ? Предполагается, что разумный человѣкъ будетъ самъ сообразоваться съ своимъ здоровьемъ и не станетъ разрушать организма. За себя, по

крайней мѣрѣ, ручаюсь. Мама могла бы знать, что я не нуждаюсь въ контролѣ, и не должна была назначать мнѣ руководителемъ напвнаго Мютцеля. Но она хочетъ непремѣнно держать въ рукахъ всѣ нити, всѣмъ распоряжаться и все организовать. Если я захочу набѣть бумажную фуфайку, она потребуетъ, чтобы я надѣлъ шерстяную.

Онъ взялся за молоко и разсмѣялся.

«Мой настоящій напитокъ. Молоко—напитокъ благонамѣренныхъ людей, сказалъ бы папа. Какъ все это обидно! Ужасно обидно. Всюду опека, точно я только что конфирмовался. Елена лучше меня знаетъ, что нужно. Отто тоже лучше знаетъ и даже мама лучше знаетъ. Она охотно предписала бы мнѣ, носить ли зеленый или голубой галстукъ, прямой или косой проборъ. Но я не буду обижаться. У голландцевъ есть поговорка: «Не обижайся, лучше удивляйся». Я отучусь и отъ этого.

Онъ продолжалъ разговаривать самъ съ собой, жалуясь то на людей, то на отношенія, пока, наконецъ, обратилъ недовольство на самого себя:

«Глупости. Люди, отношенія, не въ этомъ дѣло; нѣтъ, нѣтъ. И у другихъ бываютъ властолюбивыя матери, однако они дѣлаютъ, что хотятъ; бѣда во мнѣ. «Pluck (мужество), dear Leopold, that's it», — сказалъ мнѣ добрѣйшій Нельсонъ на прощанье, и онъ совершенно правъ. Все дѣло въ мужествѣ и ни въ чемъ другомъ. Мнѣ недостаетъ энергіи и мужества; оказывать сопротивленія я совершенно не умѣю».

Разсуждая такимъ образомъ, онъ смотрѣлъ передъ собой, отбрасывалъ хлыстикомъ камешки и чертилъ на свѣжеразметенномъ пескѣ буквы. Когда онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ массу лодокъ на рѣкѣ и среди нихъ шедшую противъ теченія большую барку съ мачтой. Съ завистью посмотрѣлъ онъ на нее.

«Ахъ, надо мнѣ вырваться изъ жалкаго положенія и если правда, что любовь даетъ мужество и рѣшимость, то все еще поправится. И не только поправится, но поможетъ начать борьбу и доказать имъ всѣмъ, а прежде всего матери, что они во мнѣ ошиблись и слишкомъ низко цѣнили. Если я впаду въ нерѣшимость, чего не дай Богъ, *она* дастъ мнѣ необходимыя силы. У нея есть все, чего мнѣ недостаетъ; она все знаетъ и все можетъ. Но могу ли я на нее разсчитывать? Вотъ въ чемъ главный вопросъ. Мнѣ право кажется, что она мной интересуется и, разговаривая съ другими, въ сущности говоритъ со мной однимъ. Такъ было вчера вечеромъ, и

я замѣтилъ, какъ Марсель мѣнялся въ лицѣ отъ ревности. Другой причины не было. Если все это такъ»...

Онъ прервалъ размышленія, потому что собравшіеся кругомъ воробьи съ каждой минутой становились все смѣлѣе и назойливѣе. Одни садились прямо на столъ и ударами клюва напоминали, что онъ еще не позаботился о ихъ завтракѣ. Смѣясь разломилъ онъ бисквитъ и бросилъ на дорожку; захвативъ крошки, сначала улетѣли къ липамъ смѣльчаки-побѣдители, а затѣмъ и всѣ остальные. Едва улетѣли нахалы, Леопольдъ снова вернулся къ прежнимъ мыслямъ.

«Да, настроеніе Марселя говоритъ въ мою пользу, есть и кое-что другое. А если это только игра и капризъ? Коринна ко всему относится легко: она любитъ болтать и возбуждать въ слушателяхъ изумленіе. Когда я раздумываю объ этомъ свойствѣ ея характера, то мнѣ представляется возможнымъ, что она просмѣетъ меня и выгонитъ. Жестоко. Однако все это надо взвѣсить. Еслибъ у меня былъ кто-нибудь, кому бы я могъ довѣриться, съ кѣмъ посовѣтоваться. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никого, нѣтъ даже друга, объ этомъ мама также позаботилась. И вотъ я долженъ одинъ безъ помощи и совѣта получить двойное «да». Прежде всего отъ Коринны. Затѣмъ, если мнѣ даже удастся получить его, то не скоро добьюсь я второго. Для меня это не подлежитъ сомнѣнію. Второе согласіе я могу завоевать и добьюсь его. Многимъ показалось бы это пустякомъ, но мнѣ трудно; я не герой, а геройству не научишься. «Всякій дѣлаетъ по силамъ»,—говорилъ обыкновенно директоръ Хильгенханъ. Я почти чувствую, что на меня возложено больше, чѣмъ могутъ вынести мои слабыя плечи».

Въ это время на рѣкѣ показался пассажирскій пароходъ, направлявшійся вверхъ по теченію; на палубѣ играла музыка, пѣли пѣсни. Когда пароходъ обогнулъ «Островъ любви», Леопольдъ очнулся отъ мечтаній, взглянулъ на часы и убѣдился, что давно пора возвращаться, чтобы попасть своевременно въ контору и не получить выговора или, что еще хуже, ироническаго замѣчанія отъ Отто. Онъ направился, напутствуемый любезнымъ поклономъ Мютцеля, къ липамъ, гдѣ однорукій мальчикъ держалъ его лошадь.

— Вотъ тебѣ, Фрицъ!

Онъ вскочилъ въ сѣдло и рысью поѣхалъ обратно. Около дровянаго склада Отто Трейбеля Леопольдъ повернулъ въ узенькій проѣздъ, откуда черезъ рѣшетчатый заборъ были видны садъ и вилла. Братъ и невѣстка еще сидѣли за завтракомъ. Леопольдъ раскланялся:

— Здравствуй, Отто, здравствуй, Елена!

Оба отвѣтили на поклонъ, но разсмѣялись, потому что находили смѣшнымъ ежедневныя поѣздки верхомъ. И главное, Леопольдъ! Что онъ воображаетъ!

Леопольдъ, между тѣмъ, соскочилъ съ лошади и отдалъ ее дожидавшемуся у задняго крыльца слугѣ, который повелъ ее по Кёпникерштрассе къ фабричному двору Трейбелей, гдѣ помѣщалась конюшня,—Stable yard,—говорила Елена.

Н. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ.

(Итоги пережитаго).

Вступленіе.

Италія! Римъ! Вотъ два обаятельныхъ звука. Кто на нихъ не отзовется, даже изъ тѣхъ, кому привелось дожить до старости, въ глуши, и никогда не переѣзжать границы своего отечества?

Но, обращаясь къ русскимъ моего поколѣнія, т.-е. къ людямъ шестидесятыхъ годовъ, особенно къ тѣмъ, кто родился и воспитывался въ провинціи, я спрошу ихъ:

Что они вынесли изъ своего дѣтства, и даже юношескихъ лѣтъ, такого, въ чемъ Италія и Римъ,—куда имъ суждено было впослѣдствіи попасть,—назрѣвали въ ихъ душѣ? Какіе запали въ нихъ идеи, образы, впечатлѣнія отъ разговоровъ, книгъ, произведеній искусства, наконецъ, отъ встрѣчъ и знакомствъ съ людьми, которые сами видѣли страну оливъ и апельсиновъ, развалины Палатина и римскаго Форума?

У большинства всего этого было мало, очень мало. Говорю такъ увѣренно потому, что смотрю на свое воспитаніе какъ на нѣчто средне-культурное, въ періодъ отъ половины сороковыхъ до половины пятидесятыхъ годовъ.

Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ у насъ царитъ строго-классическая система въ гимназіяхъ. Теперь, быть можетъ, гимназисту въ послѣднихъ классахъ гораздо ближе все, что связано съ Римомъ, съ Италіей древности, Средневѣковья и Возрожденія. Говорю «быть можетъ», хотя въ отзывахъ тѣхъ, кто хорошо знаетъ теперешнихъ гимназистовъ—преобладаютъ сѣтованія о малой общей развитости юношей, о ихъ переутомленіи отъ чисто-формальныхъ занятій древними языками. Но, во всякомъ случаѣ, если не въ классѣ, то дома, у товарищей, изъ книгъ, газетъ, журналовъ,

зрѣлищъ, выставокъ, они могутъ вобрать въ себя многое, что, съ раннихъ лѣтъ, въ состояніи возбуждать интересъ къ той странѣ, куда тянетъ всѣхъ за красотами природы и творчества, къ тому мѣсту, которое не даромъ зовутъ до сегодня «вѣчнымъ городомъ».

Мы были *полу*-классиками. Насъ также, съ перваго класса гимназіи, учили одному древнему языку—латинскому. Италія и Римъ могли и въ насъ вызывать особый интересъ. Но этого совсѣмъ не было. Древній Римъ заслоняли для насъ тошные уроки этимологіи и синтаксиса или подневольные переводы изъ Корнелія Непота, Тита Ливія, Цезаря, Цицерона, и въ послѣднемъ классѣ, съ великимъ грѣхомъ пополамъ, кое-какіе отрывки изъ Горація и Вергилія. Никто любовно не говорилъ намъ о римской культурѣ, о древнемъ искусствѣ, не называлъ даже именъ античныхъ художниковъ, не упоминалъ о тѣхъ памятникахъ зодчества, какіе сохранились попынѣ, о всемірно-извѣстныхъ храмахъ, статуяхъ, театрахъ, термахъ, тріумфальныхъ аркахъ, базиликахъ.

То же самое и по части христіанскаго искусства первыхъ вѣковъ. Ни одинъ учитель,—словесности, исторіи или латинскаго языка,—не разсказывалъ намъ о римскихъ катакомбахъ, о ихъ подземной жизни, о фрескахъ, гробницахъ, криптахъ, тайномъ богослуженіи. Не было объ этомъ рѣчи и въ урокахъ церковной исторіи. Средневѣковая Италія и судьбы Рима,—до эпохи Возрожденія,—значились въ «Смарагдовѣ», зазубривались къ экзамену и только.

Не помню, чтобы когда-нибудь учитель исторіи, словесности или латинскаго языка, или же учитель рисованія (а рисовали мы до седьмого класса) принесъ какой-нибудь альбомъ или нѣсколько гравюръ и показалъ намъ Колизей, церковь св. Петра, Аполлона Бельведерскаго, Венеру Медицейскую, что-нибудь изъ огромной области изящнаго творчества, какой-нибудь хотя немудрый снимокъ съ одной изъ всемірно-прославленныхъ картинъ итальянскихъ художниковъ.

Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь, даже изъ самыхъ способныхъ учениковъ, зналъ хоть нѣсколько именъ живописцевъ и архитекторовъ Ренессанса, кромѣ Рафаэля, да Микель-Анджело, да, можетъ быть, Леонардо да-Винчи.

Такая же скудость была и дома, въ обществѣ взрослыхъ, родныхъ, знакомыхъ, домашнихъ учителей и гувернеровъ. Еще на мою долю выпала удача въ лицѣ французскаго гувернера, о которомъ, въ другомъ мѣстѣ, я говорилъ уже въ печати. Онъ былъ, въ наполеоновское время, молодымъ военнымъ врачомъ посланъ въ Ита-

лію, въ началѣ вѣка, провелъ тамъ два года, выучился немного по-итальянски и разсказывалъ мнѣ про Римъ, Венецію, Миланъ, Неаполь; но все это урывками, безъ всякаго умѣнья и даже желанія развить своего питомца въ культурно-эстетическомъ направленіи.

Разговоръ взрослыхъ, цѣлыми годами, вращался вокругъ чисторусскихъ темъ. Изрѣдка кое-что изъ политики, воспоминанія о 1812 годѣ, потомъ венгерская кампанія и толки николаевскаго времени о разныхъ строгостяхъ и экзекуціяхъ. Но Италія и Римъ стояли тамъ гдѣ-то, въ туманѣ, въ дали, которая если и манила къ себѣ, то случайно, въ видѣ подвернувшагося гдѣ-нибудь рисунка, или стихотворенія, имени, отрывка.

Тогда, т.-е. съ половины сороковыхъ годовъ, въ губернскомъ городѣ, даже и въ богатой помѣщичьей средѣ, рѣдко попадались люди, побывавшіе «въ чужихъ краяхъ». И я, за все свое дѣтство и отрочество вплоть до окончанія курса въ гимназіи, не помню ни одного мѣстнаго дворянина, барыни или пріѣзжаго столичнаго жителя, которые бы разсказывали у насъ объ Италіи и Римѣ.

Римъ! Въ томъ освѣщеніи, какое мы теперь даемъ ему, «вѣчный городъ» и не могъ быть обаятельнымъ для насъ въ тѣ времена. Мы съ дѣтства узнали, что тамъ живетъ «папа». И этотъ звукъ «папа» давалъ сейчасъ же всему старорусское окрашиваніе. Папство, латинство, іезуиты, индульгенціи, инквизиція—вотъ рядъ идей, всплывавшихъ въ нашей головѣ. Рознь религіозная, при значительномъ равнодушіи къ вопросамъ вѣры, была унаслѣдована, висѣла въ воздухѣ, вошла въ обиходъ представленій о томъ городѣ, гдѣ свило себѣ главное гнѣздо католичество, «*польская* вѣра», искони враждебная «*русскому* Богу».

Съ образомъ папы мы соединяли что-то и опасное, и чуждое, вродѣ Далай-Ламы, у котораго надо цѣловать туфлю. И когда я, мальчикомъ лѣтъ десяти, услыхалъ, какъ въ нашемъ домѣ, на домашнемъ спектаклѣ, въ пьесѣ Хмельницкаго «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай», моя тетка произнесла съ комическимъ выраженіемъ лица: «И папы римскаго зеленые очки», я долго потомъ не могъ себѣ иначе представлять римскаго первосвященника, какъ курьезнымъ старикомъ въ зеленыхъ очкахъ.

Вѣковой предразсудокъ противъ латинства и его соблазновъ несомнѣнно повліялъ на то, что Римъ со всей Италіей уходили въ даль, не становились настолько предметомъ интереса, какъ Парижъ, Лондонъ, даже нѣмецкія столицы.

Вообще можно сказать, что театръ и литература владѣли нами

въ ущербъ изобразительному искусству и его классической родинѣ, въ особенности театръ. Съ ранняго дѣтства я и многіе мои товарищи жили впечатлѣніями сцены, а лѣтъ тринадцати я уже могъ по-нѣмецки декламировать монологи изъ «Вильгельма Телля» и «Дѣвы Орлеанской».

Русская литература въ лицѣ Гоголя заставила меня едва ли не впервые остановиться отроческой душою надъ Римомъ, когда, послѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ» пошли и въ провинціи толки о томъ, что Гоголь утомитъ свой талантъ, живя слишкомъ долго за границей, именно въ этомъ самомъ Римѣ. Помню, съ какимъ любопытствомъ мы разсматривали, нѣсколько позднѣе, большой листъ карикатуры (кажется, Новаховича) съ изображеніемъ всѣхъ тогдашнихъ корифеевъ литературы, въ видѣ погребальной процессіи. Гоголя везли на томѣ «Мертвыхъ душъ».

Его отрывокъ о Римѣ,—быть можетъ первый, по времени, у насъ, дифирамбъ вѣчному городу,—я могъ прочесть еще въ гимназіи, но прочелъ ли—не припомню. Думаю, что нѣтъ, что я съ нимъ познакомился, когда онъ уже изъ журнальной книжки перешелъ въ отдѣльное изданіе. Могу утверждать только то, что и передъ выходомъ изъ гимназіи, и въ первые годы университетскаго ученія «Римъ» Гоголя не взволновалъ меня настолько, чтобы я сталъ мечтать о вѣчномъ городѣ.

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ сороковыхъ годахъ можно было и мальчику встрѣчаться съ художниками, видать хорошія картины, зданія, коллекціи. Въ провинціи артистовъ, кромѣ заѣзжихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, да учителей музыки совсѣмъ почти не было; а архитекторы, для насъ, приравнивались къ чиновникамъ, только въ вицмундирахъ другого цвѣта. Живопись существовала въ видѣ иконописанія и помѣщичьяго любительства. И не мало ходило, вокругъ насъ, разсказовъ о крѣпостныхъ живописцахъ, которые, кромѣ писанія копій, образовъ и расписыванія комнатъ, употреблялись и какъ свои театральные декораторы.

Нельзя сказать, чтобы тогдашнее дворянское общество было совершенно равнодушно къ хорошимъ картинамъ. Но этотъ интересъ не шелъ дальше случайнаго охотницкаго чувства. Въ гостиной *полагалось* повѣсить нѣсколько масляныхъ картинъ. Но откуда онѣ, какой школы—до этого не допытывались. Дворянское «дитя», мальчикъ или дѣвочка, должно было учиться рисованію, но я уже говорилъ, до какой степени учителя рисованія и въ гимназіяхъ скудно развивали насъ эстетически, мало заохочивали къ тому, чтобы хоть немножко устыдиться своей невѣжественности по исторіи искусства.

Въ нашемъ губернскомъ городѣ проживалъ всего одинъ *академикъ* (кажется, мѣстный уроженецъ нѣкій Веденецкій) и успѣлъ даже нажить себѣ домъ расписываньемъ церквей, а главное—писаніемъ портретовъ, что тогда было очень въ ходу. Но этого «академика» я никогда нигдѣ не видалъ, ни у насъ, ни въ знакомыхъ домахъ. И въ видѣ какого-то гриба на тогдашней крѣпостной почвѣ выросла въ уѣздномъ городѣ нашей губерніи (въ Арзамасѣ) цѣлая школа нѣкоего Ступина, о которой впослѣдствіи писали въ журналахъ и газетахъ. Она существовала до конца пятидесятыхъ годовъ и выпустила цѣлый контингентъ иконописцевъ, декораторовъ и учителей рисованія. Этотъ Ступинъ, на свои скудныя средства, устроилъ у себя галлерею гипсовыхъ снимковъ съ античныхъ статуй, тогда какъ въ губернскомъ городѣ не было и намека на какое-либо художественное собраніе. Толковыхъ собирателей тоже не водилось даже и между богатыми людьми.

Едва ли не «Послѣдній день Помпеи» было то русское произведеніе, которое, къ началу пятидесятыхъ годовъ, заставило провинцію говорить объ искусствѣ, о личности знаменитаго живописца, о его жизни въ Римѣ и тамошнемъ громкомъ успѣхѣ. Случилось такъ, что романъ Бульвера съ этимъ же заглавіемъ былъ раньше прочтенъ многими и въ русскомъ переводѣ.

Тогда только, т.-е. передъ самымъ моимъ поступленіемъ въ университетъ, міръ искусства и его колыбель—Италія, Римъ и наши пансіонеры, вмѣстѣ съ сильнымъ увлеченіемъ итальянской оперой, шедшимъ изъ столицъ, стали немного расшевеливать провинцію. Но Римъ, какъ вѣчный городъ, и другіе центры Италіи: Флоренція, Миланъ, Венеція, Неаполь—лично притягивали ничтожное меньшинство и почти только изъ столицъ. Тогда уже началась мода на зимніе сезоны въ Ниццѣ, Флоренціи, Неаполѣ. Стоитъ вспомнить встрѣчу героя «Тарантаса» съ княземъ, возвращающимся въ имѣніе, и ихъ разговоръ о русскихъ «львицахъ», проводящихъ сезоны въ Неаполѣ и другихъ мѣстахъ.

Тогда уже большіе баре — одни съ толкомъ и знаніемъ, другіе изъ тщеславія — стали болѣе интересоваться древностью, искусствомъ Возрожденія, жить домами въ Италіи, изучать Римъ по цѣлымъ годамъ. Но все это было тамъ гдѣ-то. Это отражалось на вкусахъ и настроеніяхъ высшаго столичнаго общества; а провинція оставалась почти въ томъ же равнодушіи и незнаніи, въ такомъ же смутномъ или несвободномъ отношеніи къ той странѣ и къ тому городу, откуда можно было вывезти:

«И папы римскаго зеленые очки».

Университетскіе мои годы начались также въ провинціи — въ Казани. Цѣлыхъ два года прошли въ пробѣ своихъ силъ и способностей, въ грубоватомъ прожиганіи жизни студенческой братіи, въ выѣздахъ въ губернскій свѣтъ и въ осмысливаніи дальнѣйшей научной дороги. Италія и Римъ были такъ же далеки, какъ и въ гимназіи. Къ искусству, кромѣ музыки, къ археологіи, къ исторіи культуры, *вообще къ красотѣ* — не хватало повода обращаться всѣмъ тѣмъ, кто попадалъ въ факультеты, кромѣ словеснаго. Словесникамъ читалось о древности. Существовало даже нѣчто вродѣ каѳедры исторіи архитектуры, съ кое-какимъ собраніемъ моделей; но слушатели были, сколько помню, не словесники, а математики.

Кто оказался серьезнѣе и воспріимчивѣе изъ моихъ ближайшихъ товарищей, тотъ увлекался точными науками, правомъ, читалъ журнальныя статьи по критикѣ и публицистикѣ; но врядъ ли кто-нибудь мечталъ о той странѣ, откуда пришла Миньона. Не думаю, чтобы на сто человѣкъ хоть одинъ читалъ «Вильгельма Мейстера» или «Italienische Reise» Гёте. Можетъ быть, «Письма изъ Франціи и Италіи» и попадались въ руки моимъ товарищамъ (*Современникъ* въ то время уже не выдавался ни студентамъ, ни гимназистамъ); но такія «Письма» могли возбуждать скорѣе политическій интересъ къ событіямъ до и послѣ революціи 1848 года— картинами тогдашняго римскаго движенія въ искристой и хлесткой передачѣ уже и тогда знаменитаго автора романа «Кто виноватъ».

Въ Дерптѣ, въ университетѣ съ чисто-нѣмецкими традиціями и нравами, куда я перешелъ въ 1855 году, нашлось больше поводовъ расширить свой кругозоръ по части Италіи и Рима. Не говоря уже о филологахъ, которымъ читалась исторія искусства и культуры, эстетика, какъ отдѣлъ философіи, всемірная литература (на эти лекціи можно было попадать и студентамъ другихъ факультетовъ, въ томъ числѣ и мнѣ), не трудно было встрѣтить людей развитыхъ болѣе по-европейски, читавшихъ авторитетныя тогда книги по эстетикѣ, знакомыхъ съ Винкельманомъ и Лессингомъ, знавшихъ по-итальянски, изучавшихъ Данте, Аріоста, Петрарку и Боккачіо, видавшихъ если не подлинныя статуи и картины, то хорошія копіи и цѣнныя собранія эстамповъ. Историческая начитанность обращалась часто къ классической странѣ изящнаго творчества, въ связи съ изученіемъ судебъ Рима—древняго, средневѣковаго и эпохи Возрожденія. Не даромъ же такіе нѣмцы, какъ Нибуръ и Ранке, дали, въ свое время, толчокъ научнымъ трудамъ въ этихъ двухъ направленіяхъ.

Нечего таить грѣха, въ средѣ ближайшихъ моихъ сверстни-

ковъ по Дерпту, въ русской корпораціи, да и вообще въ *буршикозной* сферѣ, на сходкахъ и «кнейпахъ», «коммерсахъ» и «шкандалахъ» — все дышало смѣшноватымъ ухарствомъ и поглощено было своими пересудами, «вѣцами», задорной болтовней, въ которую истые бурши погружались на цѣлые годы.

Но мнѣ лично посчастливилось—именно въ русскомъ кружкѣ—сойтись съ человѣкомъ большого образованія, учившимся когда-то въ Берлинѣ, въ ту эпоху, когда тамъ слушалъ лекціи Кудрявцевъ. Онъ выдержалъ въ Дерптѣ на магистра и доктора словеснаго факультета (съ диссертаціями на обязательномъ тогда латинскомъ языкѣ) и остался вѣчнымъ студентомъ-энтузіастомъ, вплоть до тѣхъ годовъ, когда я, въ послѣдній разъ, встрѣтилъ его—послѣ тридцатилѣтней разлуки.

Въ немъ культъ Рима и Италіи нашелъ я какъ нѣчто совершенно особенное, исключительное, даже и среди тогдашней нѣмецко-балтійской умственной культуры. Онъ уже побывалъ въ Италіи, страстно любилъ поэзію Данте и Аріосто, *чувствовалъ* обаяніе Рима и античнаго, и папскаго, умѣлъ, въ бесѣдахъ со мною, образно возстановлять цѣлыя эпохи. Изученіе античнаго міра, особенно эллинской жизни во всѣхъ ея изящныхъ проявленіяхъ, въ пластикѣ и драмѣ, придавало всѣмъ его оцѣнкамъ, характеристикамъ, указаніямъ и личнымъ воспоминаніямъ особую привлекательность и часто глубину, рядомъ съ проблесками своеобразнаго юмора, въ которомъ сказывался высококультурный русскій баринъ сороковыхъ годовъ.

Безъ знакомства съ этимъ знатокомъ и любителемъ античнаго міра и Ренессанса и мои дерптскіе годы прошли бы, быть можетъ, безъ всякой подготовки къ тому, что Италія и Римъ представляютъ собою въ дѣлѣ гармоническаго развитія человѣка. Меня затягивало въ Дерптѣ, послѣдовательно, изученіе естественныхъ наукъ и медицины; а досуги шли на слушаніе лекцій по философіи, исторіи литературы, политическимъ наукамъ, на чтеніе нѣмецкихъ классиковъ, на Шекспира, на все, что тогдашніе русскіе журналы, возродившіеся съ 1856 года, давали оживляющаго и содержательнаго.

Римъ напомнилъ о себѣ въ ту поѣздку на вакаціи, когда я попалъ въ Петербургъ, какъ разъ во время выставки картины Иванова «Явленіе Христа народу». Я очутился на Васильевскомъ островѣ въ воздухѣ рьяныхъ споровъ на студенческихъ квартирахъ и, въ особенности, въ томъ ресторанѣ, по близости университета, гдѣ былъ недорогой общій столъ. Молодежь была *за* кар-

тину Иванова, но болѣе университетская, чѣмъ академическая. Нападали на нее художники съ именемъ и тогдашніе присяжные критики. Личность Иванова трогала своей беззавѣтной и полумистической любовью къ «святому» искусству. Имя его было связано съ именемъ Гоголя. Черезъ него на всѣхъ насъ пахну́ло Италіей и Римомъ сороковыхъ годовъ, когда тамъ заживались русскіе люди, какъ въ какомъ-то Эльдорадо, жертвуя всѣмъ счастью оставаться въ Римѣ, дышать тамошнимъ воздухомъ, видѣть тамошнее небо, наслаждаться, цѣлыми годами, сокровищами вѣчнаго города.

Но тогда въ беллетристикѣ стали уже появляться вещи изъ жизни русскихъ художниковъ, вродѣ повѣсти Григоровича «Неудавшаяся жизнь», гдѣ отмѣчались рисовка и смѣшноватое фразерство разныхъ широкихъ натуръ, въ плащахъ Альмавивы, съ закатываньемъ глазъ и безпрестаннымъ возгласомъ: «Roma, Napoli!»

Такъ подкрались и шестидесятые года. Я выступилъ какъ писатель въ самомъ началѣ этого десятилѣтія, и Петербургъ взялъ у меня около пяти лѣтъ усиленной работы и житейскихъ испытаній, куда затягивало меня издательство журнала.

До Италіи и Рима было и изъ тогдашняго Петербурга еще далеко. Жизнь захлестнула такъ, что не привелось проѣхаться за границу даже до Берлина. Но въ Петербургѣ міръ искусства, все, что связано съ классической страной красоты и ея центромъ—вѣчнымъ городомъ—стало все-таки ближе. Это сдѣлалъ Эрмитажъ, его богатства, до сихъ поръ такъ мало воспитывающія вкусъ нашей публики, ежегодныя выставки, знакомства съ артистами, новые русскіе таланты, толки, споры, борьба русскаго *гражданскаго* направленія съ академіей, участіе, въ качествѣ сотрудника и редактора большого журнала, во всѣхъ художественныхъ интересахъ столицы.

Италія и Римъ стали въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ближе къ нашему обществу не потому одному, что поднялось эстетическое развитіе, и не потому также, что античная старина или эпоха Ренессанса сдѣлались предметомъ всеобщаго культа,—нѣтъ, тутъ подоспѣло политическое движеніе. Гарибальди былъ уже и для насъ легендарнымъ героемъ. Освобожденіе и единство Италіи радовало и волновало и столицу, и провинцію. Въ крестьянскихъ избахъ появились лубочные портреты «генерала» въ красной рубашкѣ. Мы всѣ ненавидѣли чужеземное иго итальянцевъ, бурбонскіе дворы, сильнѣе всего черную братію и папскій тронъ — не первосвященника, а прислужника Австріи и Наполеона III, засѣвшаго въ своемъ Ватиканѣ, подъ прикрытіемъ цѣлаго французскаго корпуса.

Тогда и потянуло въ Италію не однихъ пансіоперовъ академіи или досужихъ любителей искусства, богатыхъ и скучающихъ баръ или чахоточныхъ петербургскихъ чиновниковъ, а всякаго, кому можно было проѣхаться за границу. Дешевизна паспортовъ уже существовала. Обаяніе новой, освобождающейся Италіи было гораздо сильнѣе, чѣмъ притягательная сила вѣчнаго города и музеевъ и памятниковъ зодчества Милана, Флоренціи, Неаполя, Венеціи.

Эстетическій интересъ, даже и въ разгаръ русской кампаніи противъ «итальянщины», антиковъ, Рафаэля и флорентійской «византійщины», все-таки поднялся. Этому помогъ, несомнѣнно, и Тэнъ—его книга объ Италіи, его первыя статьи по философіи искусства. Едва ли не тогда только русскій средній читатель сталъ зачитываться блестящей прозой, гдѣ такъ ярко и образно, горячо и многосторонне говорилось о томъ, что, до того, ученые нѣмцы, проникавшіе къ намъ—Кýглеры и Лю́бке—описывали сухо и вязко, хотя и очень основательно, безъ красокъ и даровитыхъ, широкихъ обобщеній. У нѣмецкихъ историковъ искусства, вродѣ этихъ двухъ знаменитостей, развитіе изящнаго творчества во всѣхъ его областяхъ являлось слишкомъ отрѣшеннымъ отъ дѣйствительности, при всѣхъ ихъ ученыхъ указаніяхъ на связь между исторіей и искусствомъ. Тэну посчастливилось свести красоту къ живой жизни. Даже излишняя *прямолинейность* его метода помогла тому, что и тѣ, кто смотрѣлъ на искусство и красоту съ пренебреженіемъ (а такихъ тогда въ средѣ русской молодежи было не мало), поддавались обаянію его обобщающаго таланта, мирились съ красотой и творчествомъ, какъ съ яркими *признаками расы и эпохи*, какъ со средствомъ изучать настоящую *суть* жизни, общественные устои и нравственныя задачи прогрессирующаго человѣчества.

Вырвавшись изъ Петербурга, я съ конца 1865 года по январь 1871 года провелъ за границей, съ однимъ только пріѣздомъ въ Россію на нѣсколько мѣсяцевъ въ 1866 году. За цѣлыя почти пять лѣтъ заграничнаго скитанья, до конца 1870 года, я не нашелъ ни времени, ни случая попасть въ Италію, а въ то же время доѣзжалъ до Кадикса и Севильи.

Почему такъ вышло? Неужели совсѣмъ не тянуло туда? Доказательство тому, что къ Италіи я не былъ равнодушенъ за этотъ періодъ — налицо. Въ Парижѣ я впервые сталъ довольно усердно заниматься итальянскимъ языкомъ. Національное возрожденіе этой страны, геройская эпопея Гарибальди, завоеваніе имъ цѣлаго королевства, дальнѣйшая судьба, война 1866 года, окончательное

освобожденіе отъ нѣмецкаго ига, французская оккупація Рима — все это и волновало насъ, особенно за границей, и дѣлало итальянцевъ ближе и симпатичнѣе.

Но Парижъ, Лондонъ, Вѣна, Берлинъ тѣхъ годовъ удерживали въ центрѣ Европы. Пришлось многое заново изучать, откликаться на разныя движенія въ философской мысли, наукѣ, политикѣ, соціальныхъ вопросахъ, литературѣ и искусствѣ центральной Европы. Одинъ Парижъ захватилъ на нѣсколько зимъ. На Лондонъ пошло около двухъ лѣтнихъ сезоновъ. Къ Вѣнѣ привлекалъ театръ, музыка, приволье ея нравовъ. Берлинъ разрастался послѣ войны 1866 года и для всякаго, кто писалъ о текущей жизни Европы, дѣлался важнымъ пунктомъ. Лѣто и осень шли на разные съѣзды, конгрессы, экскурсіи по Швейцаріи, Германіи, славянскимъ странамъ. Время летѣло. И поѣздка въ Испанію, лѣтомъ 1869 года, была вызвана обязанностями корреспондента: тогда въ Мадридѣ, послѣ сентябрьской революціи предыдущаго года, разыгрывалась политическая траги-комедія съ Примомъ, Серано, новою конституціей, поверхъ болѣе скрытыхъ федеративно-республиканскихъ теченій.

Вотъ какъ и почему русскому писателю, отдававшемуся изученію среднеевропейской жизни въ постоянной работѣ публициста и беллетриста, не удавалось осуществить мечту о поѣздкѣ въ Италію. А мечта эта не замирала. Она только заслонялась пестрою вереницей событій, знакомствъ, переѣздовъ, все новыхъ и новыхъ вопросовъ, идей, книгъ, лекцій, парламентскихъ преній, знакомствомъ съ нравами, учрежденіями, свѣтлыми и темными сторонами культуры, съ упованіями тѣхъ, кто заявлялъ двигательные протесты и у себя на родинѣ, и въ изгнаніи.

Но въ эти же пять лѣтъ заграничнаго житья и въ центрѣ европейскаго материка, и въ Лондонѣ, незамѣтно происходила постоянная подготовка къ тому, что необходимо для всякаго, кто собирается въ «вѣчный» городъ. Область красоты, исторія изящнаго искусства, всѣ высшіе образцы всемірнаго творчества, собранные въ музеяхъ, коллекціяхъ, библіотекахъ, рядомъ съ памятниками архитектуры, съ продуктами музыкальнаго и драматическаго генія, на фонѣ разнообразныхъ картинъ природы — все это переплеталось съ остальными проявленіями культурной жизни. И въ этой школѣ росла и закрѣплялась потребность въ воспріятіи прекраснаго, выяснялись взгляды и симпатіи, развивалась привычка къ болѣе систематическому знакомству со всѣми областями общечеловѣческаго творчества.

Начиная съ Берлина, въ каждой столицѣ вы проходите черезъ наглядную школу. Передъ вами развиваются всѣ фазы искусства отъ самыхъ дальнихъ эпохъ. Парижъ, какъ бы онъ ни захватывалъ васъ своимъ ежедневнымъ кипѣньемъ, хранитъ такія богатства въ Луврѣ, въ Музеѣ Клюни, въ Люксанбургѣ, въ памятникахъ средневѣковаго зодчества, такъ приподнимаетъ, ежегодно, интересъ къ искусству на своихъ выставкахъ, что невозможно, живя въ немъ подолгу, не развиваться и въ этомъ направленіи. И въ немъ же раздавалось живое слово того критика-мыслителя, который и раньше сумѣлъ уже сдѣлаться для людей моего поколѣнія желаннымъ руководителемъ.

Цѣлыхъ три курса по исторіи пластики и живописи Тэна въ парижской Ecole des Beaux-Arts посчастливилось мнѣ выслушать съ 1867 по 1869 годъ. Онъ читалъ при мнѣ объ эллинскомъ искусствѣ, итальянской живописи эпохи Возрожденія и голландской школѣ. Эти лекціи, вошедшія потомъ въ его «Philosophie de l'art», получили всемірную извѣстность. Обсуждать ихъ значеніе въ исторіи критики изящнаго я здѣсь не буду. Я высказывался много разъ въ печати о методѣ и обобщеніяхъ Тэна. Если и то, и другое и не представляетъ собою совершенства, то преподаваніе Тэна было въ высшей степени привлекательно, будило въ слушателяхъ множество попутныхъ идей, позволяло, слѣдя за его изложеніемъ, чрезвычайно ярко и рельефно воображать себѣ самыя произведенія искусства и уходить въ воздухъ данной эпохи, понимать ея жизнь, чувствовать, *какъ* она текла, видѣть лица, костюмы, домашнюю обстановку, улицы, залы, площади, слышать тонъ и звукъ рѣчей.

Высшаго лекторскаго мастерства я *никогда* и *нигдѣ* не встрѣчалъ, а могу сказать безъ преувеличенія, что слышалъ лекціи всевозможныхъ профессоровъ и лекторовъ за цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и въ Россіи, и на Западѣ, вплоть до самаго послѣдняго времени.

Курсы Тэна объ Элладѣ и ея творчествѣ и объ Италіи Возрожденія были самымъ благодарнымъ средствомъ войти душой въ пониманіе и чувство того, какъ происходила эволюція человѣческаго творчества, не въ формѣ метафизическихъ измышленій, общихъ мѣстъ и афоризмовъ, произвольныхъ правилъ и каноновъ академическаго совершенства, но въ выводахъ, руководимыхъ методомъ точныхъ изученій, въ характеристикахъ, полныхъ жизни и красокъ.

Элладу, въ ея драгоцѣнныхъ памятникахъ пластики находите вы, послѣ Лувра съ его Венерой Милосской, въ Британскомъ музеѣ, съ его мраморами Парѳенона, въ тѣхъ тихихъ залахъ, гдѣ,

бывало, ходишь, отдыхая отъ работы въ библіотечной ротондѣ надъ какою-нибудь срочною статьей.

И «Національная галлерея» Лондона внесла свой вкладъ въ знакомство съ своеобразнымъ складомъ британскаго искусства, съ тѣмъ, какъ даровитые англійскіе живописцы трактовали природу, животныхъ, человѣческое лицо, домашній бытъ, общественную жизнь.

Памятники готики и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ Австріи нуждались также въ пониманіи и оцѣнкѣ. Ихъ прелесть уживалась для тѣхъ, кто связывалъ ихъ съ эпохой, рядомъ съ признаніемъ другихъ очертаній, другихъ поисковъ идеала—съ эллинскою прямотой линій, съ римскими сводами, съ куполами, арками и украшеніями итальянскаго Ренессанса.

А тѣмъ временемъ поѣздки въ разные концы Европы давали случай и досугъ знакомству съ другими хранилищами. Вѣнскій Бельведеръ, Дрезденская галлерея, Пинакотека и Глиптотека Мюнхена, галлереи и собранія Амстердама, Гаги, Брюсселя вносили свою ноту, расширяли кругозоръ, изощряли отзывчивость на всякій оттѣнокъ искусства и мастерства.

Испанія дала свой взносъ—и какой! Къ ней каждаго изъ насъ давно уже влекла книга Боткина. Добровольная лямка корреспондента, погнавшая въ Мадридъ, лѣтомъ 1869 года, позволила видѣть то, что готика и арабское зодчество оставили великаго и своебытнаго, а Мадридскій музей—богатѣйшее хранилище первоклассныхъ произведеній живописи,—манилъ къ себѣ, и въ самые душные, нестерпимо-жаркіе дни, отъ которыхъ русскому корреспонденту приходилось страдать больше, чѣмъ его тогдашнимъ собратамъ южанамъ.

Вотъ и подползла предательски-неожиданно война 1870 года. Пришлось продѣлать ее, съ перомъ въ рукѣ, исколесить окраины Германіи, а потомъ и Франціи—съ востока на сѣверъ и съ запада на юго-востокъ. Тогда было не до Италіи, не до красотъ вѣчнаго города!...

Къ ноябрю, усталый и полубольной, увидавъ, что мои письма «съ театра войны» идутъ въ явное противорѣчіе съ тономъ газеты, куда я писалъ, гдѣ стали слишкомъ сочувствовать нѣмцамъ, я, доѣхавъ до Марселя, самъ отказался продолжать свою корреспондентскую службу и тутъ увидалъ, что я въ двухъ шагахъ отъ той обѣтованной страны, къ которой жизнь долго готовила меня, вопреки всѣмъ житейскимъ передрягамъ и диверсіямъ въ сторону.

Тогда же я рѣшилъ и свое возвращеніе домой, не пугаясь зимы.

И, въ видѣ желаннаго и заслуженнаго отдыха, предстала передо мною поѣздка въ Италію,—правда, не въ то время года, какое сулило бы прелесть климата; но съ этимъ я заранѣе мирился и откладывать поѣздку въ Италію боялся. Въ Россіи жизнь могла затянуть на долгіе годы. И было бы слишкомъ обидно, послѣ пятилѣтнихъ заграничныхъ скитаній, вернуться, не видавъ ни Миланскаго собора, ни Тайной Вечери Леонарда, ни музеевъ Ватикана, ни Колизея, ни Фарнезскаго Юпитера, ни Неаполитанскаго залива, съ Везувіемъ и Помпеей.

Въ Ниццѣ, тогда совсѣмъ опустѣлой, былъ я — на порогѣ Италіи.

I.

По Италіи за четверть вѣка.

Съ театра франко-прусской войны.—Ницца, перевалъ черезъ Корниче.—Генуя.—Флоренція.—Римъ „итальянцевъ".—Неаполь.—Итоги первой поѣздки зимой 1870 г.—Лѣтомъ 1871 г.—Озера.—Послѣ петербургскихъ сезоновъ.—Болѣзнь.—Годъ въ Тосканѣ.—Римъ въ 1874 г.—Малярія.—Позднѣйшія поѣздки по Италіи.—Частое житье во Флоренціи.—Римъ не давался.—Новое стремленіе въ вѣчный городъ.

Первая поѣздка въ Италію отошла уже въ моей памяти больше чѣмъ на четверть вѣка. Всего сильнѣе тянула туда потребность отдохнуть отъ войны, разъѣздовъ, тяжкихъ картинъ, адской погоды, грязи, переутомленія, все надвигавшейся бѣды на ту страну, которую, въ то время, я жалѣлъ почти какъ свою родину.

Шесть недѣль положилъ я на эту прогулку. Къ русскому новому году хотѣлось быть уже дома.

Изъ Ниццы путь лежалъ тогда по Корниче, во французскомъ дилижансѣ на Ментону, до которой еле доходила желѣзная дорога, на Бордигьеру, Санъ-Ремо—вплоть до Савоны, гдѣ пересаживались въ поѣздъ и ѣхали въ Геную.

Ницца, гдѣ черезъ двадцать лѣтъ я сталъ жить по зимамъ—тогда оставила по себѣ совсѣмъ непривлекательную память. Погода стояла хмурая. Городъ совсѣмъ пустой. Въ Грандъ-Отелѣ кое-какіе иностранцы-игроки, въ томъ числѣ и русскіе, жившіе для рулетки. Въ столовой блестѣлъ даже ведерный самоваръ—не знаю ужъ кѣмъ подаренный. Монте-Карло еще съ тѣсноватымъ казино—и то хмурое, какъ будто и безшабашнымъ игрокамъ было совѣстно предаваться своему безпутству тутъ, на порогѣ Франціи. Еще печальнѣе, чѣмъ игорныя залы, показался мнѣ спектакль въ самой Ниццѣ, гдѣ плохіе актеры играли «Le gendre de m-r Poirier».

Я простился съ этимъ «парадизомъ» безъ всякаго сожалѣнія.

И роскошная природа казалась мнѣ тусклой, горы голыми, прибрежье плосковатымъ. Море не тѣшило. На всемъ лежала дымка чего-то тусклаго и ординарнаго. Солнце упорно не хотѣло выглянуть. Уличная жизнь отзывалась провинціей; кафе съ кое-какимъ сбродомъ мрачнаго вида, проститутки съ непріятнымъ мѣстнымъ акцентомъ.

Дилижансъ оживилъ сразу. Съ высотъ Корниши видно было какъ море дѣлаетъ безпрестанные загибы; оно искрилось подъ проглянувшими лучами солнца. Безпрестанно мелькали городки и поселки съ итальянскими крышами. Лимонныя и апельсинныя деревья золотились отъ назрѣвающихъ плодовъ. Рыбаки въ цвѣтныхъ колпакахъ, дѣти, мулы, ослики. И надо всѣмъ небо—темно-синее, бездонное, умиротворяющее. А внизу—въ заливахъ—изумруды тихаго прибоя.

Поѣздка начиналась, какъ я мечталъ. Но дальше пошло не совсѣмъ такъ. Наступила скорая—въ томъ году—зима и накинула на все свой невеселый пологъ.

Ѣхалъ я безъ малѣйшаго намѣренія писать объ Италіи. Я слишкомъ много работалъ перомъ, съ самаго объявленія войны. Каждый день я отправлялъ корреспонденціи и долженъ былъ съ августа каждый мѣсяцъ высылать въ *Отечественныя Записки* по цѣлой части романа *Солидныя добродѣтели*, который еще въ іюлѣ обязался доставлять на послѣднія четыре книжки 1870 г. И я выполнилъ это обязательство. Вездѣ, и по окраинамъ—въ Германіи, въ Бельгіи, и во Франціи, и въ Швейцаріи я продолжалъ писать романъ. Мнѣ предстояло его доканчивать въ Римѣ, гдѣ я разсчитывалъ пробыть болѣе трехъ недѣль, чтобы вернуться въ Россію, объѣхавъ сѣверъ Италіи—Туринъ, Миланъ, Венецію, Тріестъ, передъ обратнымъ переваломъ черезъ Альпы.

Но объ Италіи не думалъ я писать и не писалъ, ни въ эту первую поѣздку, ни потомъ—на протяженіи цѣлыхъ двадцати семи лѣтъ. Никогда я не былъ корреспондентомъ изъ итальянскихъ городовъ, и если мнѣ случалось задѣвать итальянскія темы, то развѣ въ рецензіяхъ, вродѣ, напримѣръ, статьи «Генеральскія нескромности»—появившейся въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ началѣ 70-хъ годовъ, по поводу книги генерала Ламармора, надѣлавшей тогда много шуму. Писалъ я ее во Флоренціи.

Поэтому въ этихъ «Итогахъ пережитаго» я не рискую повторяться. Если Италія и Римъ *прошлись* по моему писательству, то почти исключительно въ беллетристикѣ, и я перечислю здѣсь то,

что читатели могутъ найти у меня итальянскаго въ повѣстяхъ, романахъ и разсказахъ.

Это, во-первыхъ, цѣлая вторая часть романа *Полжизни*, гдѣ дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, во Флоренціи и Ливорно. Весь романъ и былъ написанъ въ этихъ двухъ городахъ въ 1873 г. Потомъ одна глава въ началѣ повѣсти *Въ усадьбѣ и на порядкѣ*, съ картиной изъ римской жизни на Piazza di Spagna, у лѣстницы къ *S.-Trinita de monti* и фонтана Бернини у «барки». Есть пейзажи и штрихи въ повѣсти *Презрѣнный* и въ романѣ *По-другому*, навѣянные Неаполитанскимъ заливомъ и Капри—гораздо позднѣе, въ девяностыхъ годахъ, и цѣлый разсказъ прямо изъ флорентинской жизни, за зиму 1873 г., *Бамбино*, написанный болѣе десяти лѣтъ спустя. Вотъ, кажется, и все.

На мою первую поѣздку въ Италію я смотрѣлъ какъ на то, что въ операѣ представляетъ собою увертюра. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что я ѣду не въ первый разъ. Поѣздка могла выйти удачной или нѣтъ; я съ этимъ заранѣе мирился.

Переѣздъ по Корнишѣ до Савоны далъ сейчасъ чувство страны, непохожей ни на что остальное. Франція, Германія, Австрія, Швейцарія—все это уже успѣло примелькаться въ цѣлыя пять лѣтъ. То-же было и съ картиной вечерней уличной жизни въ Генуѣ—первомъ большомъ городѣ, куда я попалъ по желѣзной дорогѣ изъ Савоны.

Разумѣется, Парижъ или Лондонъ захватываютъ въ первый разъ сильнѣе—нѣтъ никакого сравненія. Но Генуя, ночью, съ своею характерною толпой, въ улицахъ, похожихъ на проходы между дворцами, и по мостовой точно изъ бѣлаго мрамора—давала чувство «заграницы»—какъ нынче говорятъ, не меньше, чѣмъ Севилья или Барселона. Тогда ѣхать прямо въ Ливорно еще нельзя было. Приходилось нанимать «веттурино» на площади, гдѣ театръ Карло-Фличе. Мой гидъ (первый по счету гидъ, какихъ мнѣ привелось брать) посовѣтовалъ мнѣ переѣхать на пароходѣ. Погода стояла еще прекрасная. Въ одну ночь я могъ очутиться въ Ливорно. Я такъ и сдѣлалъ и проспалъ въ каютѣ безъ малѣйшей тревоги.

Приступъ къ Италіи былъ удачный. Генуя не всѣмъ нравится, но она даетъ сейчасъ же предвкусіе того, что влечетъ къ Италіи. Архитектура домовъ, палаццо съ удивительными Ванъ-Диками, оперный театръ, уличное оживленіе, типъ женщинъ, ихъ кружевныя косынки, суета порта, Кампо-Санто, воздухъ, апельсинныя деревья и оливы, садъ Паллавичини, вблизи города, морской берегъ вправо и влѣво; вы уже чувствовали себя *совсѣмъ* въ Италіи.

И послѣ Франціи, тогда зловонной, унылой—васъ молодила жизнь объединенной страны, только что достигшей исполненія своихъ завѣтныхъ упованій. Римъ былъ уже взятъ 20 сентября 1870 г. Во всемъ сказывалась свобода конституціоннаго государства. Дышалось полной грудью. Было какъ-то особенно отрадно и ново—проводить цѣлые дни на воздухѣ, до поздней ночи; а въ дома, церкви, театры заходить только затѣмъ, чтобы видѣть и слышать что-нибудь художественное.

Послѣ Пизы съ ея четырьмя памятниками архитектуры, выстроенными точно на большомъ подносѣ—для удобства форестьеровъ—во Флоренціи сразу измѣнилось настроеніе. Это было въ самыхъ первыхъ числахъ заграничнаго декабря. Выпалъ снѣгъ, задулъ вѣтеръ, которымъ Флоренція такъ богата зимой. Пришлось «работать» въ галлереяхъ и церквахъ—на этотъ разъ уже безъ гида ища убѣжища отъ погоды.

Но тогда Флоренція была еще столицей Италіи. Дворъ еще не переѣзжалъ окончательно въ Римъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ, я присутствовалъ на какомъ-то патріотическомъ парадѣ, на *Piazza Signoria*, въ *Palazzo Vecchio*. И площадь, и палаццо сразу захватывали васъ и давали вамъ ноту итальянскаго средневѣковья, какъ, быть можетъ, никакой другой пунктъ старыхъ городовъ Италіи. И Уффици, и палаццо Питти, и соборъ, и бабтистерія, и другія церкви и зданія Флоренціи интересовали и нравились; но не было приволья для созерцательной жизни. Погода продолжала хмуриться. Этотъ милый городъ не могъ тогда привлекать такъ, какъ позднѣе, когда судьбѣ угодно было поселить меня въ немъ на долгій срокъ.

Флоренція была тогда гораздо людиѣе и бойчѣе. Съ тѣхъ поръ она все пустѣла и засыпала. Никогда уже потомъ не случалось мнѣ видѣть такіе блестящіе оперные спектакли въ *Pergola*, какъ въ тотъ пріѣздъ. Тогда во Флоренціи жило, кромѣ свѣтскаго итальянскаго общества, много иностранцевъ, особенно русскихъ. Жило тогда и посольство, пріѣхавшее звать принца Амедея на испанскій престолъ. Въ театрѣ *Никколини* давали придворный спектакль, гдѣ Ристори—уже очень пожилая, въ костюмѣ театральной пастушки, выходила произносить по-испански монологъ изъ шиллеровской «Іоанны д'Аркъ»

Заживаться во Флоренціи мнѣ не хотѣлось. Тянуло въ Римъ, съ надеждой на другое небо и другой воздухъ. Римъ взялъ болѣе трехъ недѣль; и въ немъ мои дни неизмѣнно проходили такъ: все утро до двухъ—прогулки и поѣздки по городу, развалины, музеи,

церкви, палаццо, Ватиканъ, Колизей, Термы. Съ двухъ до поздняго обѣда работа надъ концомъ *Солидныхъ добродѣтелей* въ темноватой и сыроватой комнатѣ отеля *Минерва*, до сихъ поръ существующаго, у камина, который надо было топить каждый день. Время продолжало стоять сѣрое, дождливое, но гораздо болѣе мягкое, чѣмъ во Флоренціи. Задавались и солнечные дни, и тогда все получало совсѣмъ другое освѣщеніе и вызывало тѣ думы и состоянія духа, черезъ какія проходишь только въ Римѣ.

Но въ это первое посѣщеніе «вѣчнаго города» въ душѣ еще не сложилось чего-нибудь цѣльнаго. Прошлое Рима чаще давило, чѣмъ восхищало. Трудно было отрѣшиться и отъ вчерашняго дня. «Итальянцы»,—какъ ихъ зовутъ и до сихъ поръ римляне,—только что овладѣли Римомъ, гдѣ рѣшена была судьба папской власти. Прошло всего два съ небольшимъ мѣсяца послѣ взятія Рима. Ватиканъ облекся въ трауръ и въ добровольное затворничество папы. И, въ связи съ погодой, на всемъ городѣ тяготѣло что-то тяжеловато-сѣрое и тусклое. Хотѣлось видѣть что-нибудь болѣе яркое и оживленное. А находили вы вездѣ слѣды стараго порядка, вѣковые устои церковной власти, физіономію города, гдѣ живописность и оригинальность дворцовъ и церквей выступали на фонѣ неустройства, грязи, запущенія цѣлыхъ кварталовъ, бѣдности жизненныхъ соковъ и интересовъ. Корсо—узкая и цѣлыми часами пустая улица, съ плоховатыми лавками, Сотни и тысячи запущенныхъ каменныхъ ящиковъ-домовъ, безъ всякой архитектуры, плохіе театры, тѣсные и закопченые кафе. Никакихъ еще признаковъ обновленія національной жизни. Ничего, въ чемъ бы бился ея пульсъ.

Этому помогало и житье въ отелѣ Минерва, гдѣ, за табльдотомъ, вы были окружены пріѣзжими патерами и клерикальными иностранцами.

Доступъ къ хранилищамъ Ватикана, въ станцы Рафаэля и Сикстинскую капеллу требовали особыхъ разрѣшеній. И я долженъ былъ подниматься на самый верхъ дворца,—въ канцелярію кардинала Антонелли,—выправлять входные билеты. И обстановка тогдашняго «узника» не вызывала особенной симпатіи во всякомъ, кто въ первый разъ попадалъ въ Ватиканъ и проходилъ черезъ пикеты швейцарцевъ въ разноцвѣтныхъ камзолахъ и жандармовъ на каждой площадкѣ и на каждомъ дворикѣ громаднаго помѣщичьяго дома главы католичества, создававшагося на-долгихъ, безъ фасада, съ пристройками и флигелями, поражающаго своею гадательною цифрой 30,000 комнатъ.

Не скажу, чтобъ и Петръ сразу поразилъ меня. Ему недоста-

вало уже тогда торжественныхъ папскихъ служеній. Его тишина и безлюдье говорили ежедневно о томъ «non possumus», какое, съ тѣхъ поръ, все еще не сдается.

Колизей настраивалъ иначе. Безъ всякихъ комментарій вы выносили оттуда чувство универсальности древняго Рима. И все остальное античное—Палатинъ, Форумъ, Термы Діоклетіана и Каракаллы, арки, своды отнимали у васъ охоту осматривать церкви, если и не одного и того же стиля, то, въ большинствѣ, испорченныя семнадцатымъ вѣкомъ. А религіозная жизнь куда-то ушла въ то время. Вы не видали ни процессій, ни богомольцевъ, ни благоговѣйныхъ службъ.

Римомъ, въ то хмурое время, трудно было наслаждаться такъ, какъ бы вы желали. Одно, что не обмануло и привлекало много разъ въ Ватиканъ и Капитолій, это—скульптура. Она какъ бы дополняла то, что навѣвали на васъ руины, говорившія о многовѣковомъ величіи. Ею можно было упиваться, забывая все остальное, отводить на ней душу за всѣ недочеты и пробѣлы того Рима, о какомъ вы мечтали.

Послѣдняя глава романа «Солидныя добродѣтели» была дописана въ сыроватой и темноватой комнатѣ отеля Минерва. Потянуло подъ болѣе чистое небо, въ тепло и блескъ Неаполитанскаго залива. Захотѣлось иной природы.

Неаполь взялъ у меня недѣлю. Но и тамъ бушевали стихіи. Въ первую же ночь,—въ отелѣ на набережной,—буря выперла двери балкона въ передней комнатѣ моего помѣщенія, и холодный, мокрый вихрь ворвался въ спальню. Поѣздка на пароходѣ въ Искію, въ Капри не манила, но Везувій и Помпея, уличная жизнь на Толедо и чудный видъ сверху на городъ, скульптура, музей, Санта-Лючія—все это было доступно и въ плоховатую погоду.

И тутъ же первая встрѣча съ русскими изъ Тамбова. Двѣ четы жуировъ, надоѣдливыхъ и пошловатыхъ. Мужья бѣгали, тайно отъ женъ, по всѣмъ притонамъ. Жены были едва ли еще не противнѣе мужей, съ своею безвкусною и трескучею болтовней, охами и ахами.

Послѣ Рима Неаполь всегда тѣшитъ своими красками, движеніемъ, напряженностью южнаго темперамента, вѣчно кишащимъ муравейникомъ. Точно вы попадаете изъ скита на яркое торжище. Нѣтъ такихъ руинъ, нѣтъ такой величавой исторіи, нѣтъ на каждомъ шагу памятниковъ творчества, неизмѣримо меньше собрано въ музеяхъ. Но есть не только народный бытъ настоящей минуты, жизнь крупнаго центра, полнаго суеты и живописной мизерной

оборванности,—есть, въ двухъ шагахъ, на улицахъ Помпеи и нѣчто, чего Римъ уже не можетъ дать. Вы переживаете воображеніемъ весь обиходъ античнаго города, который былъ такъ же полонъ красокъ, звуковъ, шума и гама, какъ и теперешній Неаполь, хоть и въ меньшихъ размѣрахъ.

И черезъ нѣсколько дней, опять изъ Рима (на обратномъ пути черезъ Чивитта-Веккію)—все такого же хмураго и сырого,—я попалъ уже совсѣмъ на сѣверъ. Мой объѣздъ остальныхъ выдающихся городовъ начался съ Турина, гдѣ лежалъ снѣгъ и въ комнатахъ приходилось зябнуть не хуже, чѣмъ, бывало, въ Парижѣ, въ самыя суровыя зимы. Столица Пьемонта смотрѣла такъ, какъ ей полагалось: благоустроенная, совсѣмъ новѣйшая, парадная и дѣловая, созданная расой, которой суждено было объединить Италію.

Миланъ опять оживилъ, но далеко не такъ, какъ Неаполь. И тутъ хозяйничала зима. Въ типѣ населенія, въ уличной суетѣ чувствовалась и другая раса, и совсѣмъ иной характеръ интересовъ. Богатый, промышленный городъ, въ плоской мѣстности, заново точно обстроенный, съ сѣрымъ небомъ и туманнымъ воздухомъ. Соборъ своею глыбой узорчатаго мрамора и стилемъ болѣе изнѣженной готики выступалъ неожиданнымъ сюрпризомъ на фонѣ прозаическаго города, даже для каждаго, кто зналъ его по рисункамъ и фотографіямъ. А тамъ, гдѣ-то въ трапезѣ упраздненнаго монастыря, на облупленной стѣнѣ, еще сохранилась фреска Тайной Вечери—Леонардо-да-Винчи, и туда бѣжалъ каждый туристъ, прежде чѣмъ попадалъ въ музей Бреры.

Галлерея Виктора-Эммануила только еще строилась. Сосѣднее корсо и площадь передъ соборомъ были оживленнѣе, чѣмъ теперь, послѣ того, какъ весь Миланъ сталъ стекаться къ этой галлереѣ. Въ театрахъ,—и плохонькихъ, и получше,—чувствовалась привычка къ зрѣлищамъ, бо̀льшая литературность и вкусъ. Въ одномъ изъ маленькихъ театровъ показали мнѣ впервые молоденькую принцессу Маргариту, теперешнюю королеву. Ея мужъ командовалъ тогда отдѣльною частью въ Ломбардо-Венеціи. Его я видалъ въ Венеціи, въ театрѣ Фениче, а короля уже во Флоренціи, двумя годами позднѣе. Молодую чету любили во вновь освобожденныхъ провинціяхъ.

И Миланъ, и Венеція переживали еще медовый мѣсяцъ національной независимости, особенно Венеція, всего четыре года передъ тѣмъ стряхнувшая съ себя австрійскій гнетъ.

Какъ смѣшно и даже дико видѣть *теперешнее* чувство итальянцевъ къ нѣмцамъ. Давно ли это было? Какихъ-нибудь 25—30

лѣтъ. Крикъ: «morte ai tedeschi»—только что замолкъ, но его вибрація еще не улеглась въ груди каждаго патріота.

Слѣдами австрійскаго хозяйничанья была еще полна Венеція въ 1870 г., да и теперь не освободилась отъ культурнаго захвата нѣмцевъ.

Насладиться ею вполнѣ опять-таки не удалось въ началѣ января, въ туманную и дождливую погоду. Но хмурый колоритъ неба и каналовъ, въ тѣ дни, какіе я провелъ въ Венеціи, придавалъ ей особую прелесть вымиранья, накладывалъ налетъ грусти, быть можетъ еще болѣе своеобразный, чѣмъ блескъ и роскошь солнечнаго освѣщенія въ другіе разы, когда мнѣ приводилось заѣзжать въ нее. Тѣмъ разительнѣе, по сочности красокъ и смѣлости рисунка, выступали Тиціаны, Тинторетто и Павлы Веронезы изъ потемнѣвшихъ золотыхъ рамъ и говорили про минувшую рьяную эпоху республики, такъ долго умиравшей среди своихъ великолѣпій.

Пьяцца и Пьяцетта, съ своею однообразною суетней города, точно не имѣющаго никакого «raison d'être», кромѣ художественно-архаическаго, промелькали передо мною, съ ближайшими уличками, какихъ вы нигдѣ не найдете на свѣтѣ, съ чѣмъ-то, что васъ сейчасъ переноситъ въ міръ гольдоніевскихъ комедій, какой-нибудь «Il ventaglio» или «La bottega di caffè». Но Гольдони уже не давали. Въ народныхъ театрикахъ шли фарсы на мѣстномъ нарѣчіи, аляповатой работы. Въ оперномъ театрѣ Фениче только публика партера сохраняла еще черты мѣстнаго быта. Первыя оперныя залы Италіи — неаполитанская Санъ-Карло и миланская Скала—стояли еще запертыми, карнавалъ еще не начинался. Въ нихъ я попалъ въ другіе годы: въ первый—спустя почти пятнадцать лѣтъ, во второй въ началѣ 90-хъ годовъ.

Но ни въ первую мою поѣздку, ни впослѣдствіи я нигдѣ не имѣлъ случая видѣть ту чуткость къ вокальному искусству, о какой привыкъ читать,—ни въ Римѣ, ни въ Неаполѣ, ни во Флоренціи, ни въ Миланѣ, ни въ Туринѣ, ни въ Венеціи. Вездѣ публика оперныхъ театровъ ведетъ себя безцеремонно. Въ ложахъ дамы громко болтаютъ съ мужчинами, которые обходятъ знакомыхъ, дѣлая свои визиты въ театрѣ. Правда, удачная фіоритура сопрано или высокое фермато тенора сейчасъ же вызываютъ рукоплесканія. Но серьезнаго вниманія и интереса къ оркестру, къ творчеству композитора, къ музыкѣ или драмѣ вы и тогда не находили, да и теперь они очень рѣдки. Зато партеръ рѣзче и даже жесточе къ пѣвцамъ, чѣмъ гдѣ-либо. Сильныхъ схватокъ между сторонниками и противниками пѣвца или композитора я и въ первую поѣздку не

видалъ. Въ драматическихъ театрахъ, особенно въ дешевыхъ, публика до сихъ поръ ведетъ себя, какъ дома, на верхахъ смѣшлива и наивна. Среднее общество въ своихъ литературныхъ оцѣнкахъ нисколько не развитѣе, чѣмъ въ Германіи или Франціи. Напротивъ, на нѣсколько градусовъ ниже.

И тогда, въ эти шесть недѣль объѣзда Италіи, мнѣ не привелось увидать ни одной изъ тѣхъ сценическихъ извѣстностей, какія потомъ увлекали своей игрой русскую публику, — ни Росси, ни Сальвини, ни одной изъ актрисъ, сдѣлавшихъ себѣ громкое имя— между Ристори и Дузе.

Въ Тріестѣ двойственная физіономія города съ итальянской культурой служила преддверіемъ къ Вѣнѣ, гдѣ я не бывалъ съ весны предыдущаго года.

Первое знакомство съ Италіей и Римомъ дало менѣе того, что, быть можетъ, сулило. Но пробѣлы и недочеты этой поѣздки не отнимали у нея своего значенія. Это была одна изъ многихъ экскурсій по Италіи, какія дѣлаютъ туристы, въ томъ числѣ и русскіе. Однихъ онѣ сразу заохочиваютъ, другихъ охлаждаютъ. Меня судьба не особенно баловала, но и не отводила меня отъ возвращеній на тотъ югъ, гдѣ, кромѣ природы, хранится столько творческихъ произведеній.

Конечно, было бы гораздо отраднѣе и цѣннѣе ѣздить, впослѣдствіи, въ Италію, съ строго опредѣленной программой, безъ всякихъ сторонніхъ мотивовъ, безъ исканія тепла и здоровья. Но многіе ли изъ моихъ соотечественниковъ бывали поставлены въ такія условія? Тѣ, у кого находятся въ распоряженіи и свобода, и матеріальныя средства, часто не умѣютъ ими распорядиться, равнодушны ко всему, что не пестрая перемѣна мѣста и погоня за новизной и минутными удовольствіями. А тѣ, кто ѣдутъ въ Римъ или Флоренцію, какъ спеціалисты, кого шлетъ академія или университетъ, художники и археологи—впадаютъ нерѣдко въ другую крайность. Они засядутъ гдѣ-нибудь на десятки лѣтъ и, какъ кроты, уйдутъ въ свою мурью, ничего не видятъ и не знаютъ, кромѣ своей спеціальности, и могутъ въ Римѣ, Флоренціи или Неаполѣ прожить, какъ въ Тетюшахъ или Царевококшайскѣ, нигдѣ не бывая, кромѣ студіи или своего кабинета, архива или библіотеки, да тратторіи и кафе, гдѣ они ѣдятъ и пьютъ кофе.

Такіе экземпляры водятся въ Италіи и по сіе время.

Не прошло и года, а я уже опять очутился за границей. На этотъ разъ болѣзнь погнала туда. Но я могъ бы ограничиться Парижемъ и Вѣной. Меня однако-жъ потянуло дать большой крюкъ и

изъ Швейцаріи черезъ Симплонъ, въ дилижансѣ, по снѣговымъ вершинамъ, пробраться на итальянскія озера. Я на нихъ не попалъ зимой 1871 года.

Тогда всплыла передо мною *Isola Bella* на Лаго Маджіоре, поднимая въ душѣ вдохновенную страницу изъ «Призраковъ» Тургенева. Вся панорама озера была передо мною, когда я сидѣлъ на террасѣ отеля, въ Стрезѣ, куда дилижансъ высадилъ меня прямо и покатилъ дальше въ Миланъ.

Итальянскія озера и послѣ Швейцаріи имѣютъ въ себѣ нѣчто милое и тихо-радостное. Къ нимъ принадлежитъ и Лугано—швейцарское по географіи и чисто-итальянское по характеру своей живописности.

Тогда переѣздъ отъ Лаго Маджіоре до Лугано дѣлали въ таратайкѣ, съ веттурино, что было гораздо пріятнѣе. Вся мѣстность дышала еще памятью объ эпопеѣ гарибальдійскаго возстанія. Для меня лично это связано было съ разсказами покойнаго Н. В. Берга, когда-то моего сотрудника по *Библіотекѣ для чтенія*. Онъ ѣздилъ къ Гарибальди въ эти именно мѣста и любилъ передавать подробности о «генералѣ», всѣхъ его повадкахъ и привычкахъ, о томъ, какъ онъ ѣздилъ верхомъ, командовалъ, исчезалъ въ горы на цѣлый день, внезапно появлялся здѣсь и тамъ.

Лугано изо всѣхъ итальянскихъ озеръ до сихъ поръ для меня самое привлекательное. Тогда оно меня восхитило особымъ освѣщеніемъ прибрежныхъ скалъ, ихъ розоватымъ колоритомъ и прозрачной дымкой воздуха. И, плывя по нему, вы испытываете гораздо больше отрады въ его тѣснинахъ, чѣмъ на Лаго Маджіоре, съ его низменными издали берегами, и на Комскомъ озерѣ, съ его вереницей виллъ и садовъ, не исключая и того прославленнаго раздѣла водъ, гдѣ стоятъ Белладжіо и Менаджіо.

Много разъ попадалъ я потомъ на тѣ же озера, ночевалъ въ Белладжіо, проводилъ цѣлыя недѣли въ городѣ Лугано, дожилъ до того времени, когда изъ Менаджіо можно уже было по узкоколейной желѣзной дорогѣ переѣзжать сквозь ущелья и крутизны прямо къ пристани озера Лугано.

Первый захватъ красокъ на итальянскихъ озерахъ ни съ чѣмъ несравнимъ и онъ уже никогда не повторяется; но полюбить ихъ можно надолго, и каждый разъ, когда я попадалъ въ Миланъ весной или ранней осенью, я ѣхалъ въ Комо за тѣмъ только, чтобы прокатиться по озеру хоть до Белладжіо, или отправлялся въ вагонѣ до пристани Лаго Маджіоре.

Въ то возвращеніе изъ Франціи въ Вѣну, лѣтомъ 1871 года,

посѣтилъ я и Венецію и нашелъ ее во всей прелести ея красокъ, окутанную широкой зыбью лагунъ, безъ налета той печальной красоты, какую въ послѣднихъ страницахъ «Наканунѣ» русскій великій писатель умѣлъ схватить и передать художественными словами. Тогда можно было взять у Венеціи все, что въ ней есть самаго драгоцѣннаго. Но жить въ ней по-долгу не привелось и позднѣе, вплоть до самыхъ послѣднихъ годовъ, ни въ городѣ, ни на Лидо, во время морскихъ купаній.

Проползъ въ Петербургѣ одинъ всего годъ, очень тяжелый, и болѣзнь, на этотъ разъ болѣе серьезная, погнала зимой, въ декабрѣ, лѣчиться, искать врачебной помощи, тепла и солнца. Изъ Праги и Вѣны занесло меня въ итальянскій Тироль, въ Меранъ и Боценъ, а оттуда, на конецъ зимовки, во Флоренцію.

Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ февраля 1873 года, Флоренція сдѣлалась тѣмъ пунктомъ Италіи, гдѣ я всего больше и чаще жилъ. Тамъ провелъ я цѣлый годъ (съ сезономъ морскихъ купаній въ Ливорно), лѣчился, выздоравливалъ, много работалъ, написалъ романъ *Полжизни* и половину романа *Докторъ Цыбулька*, тамъ уходилъ въ изученіе итальянскаго языка и литературы, усердно знакомился съ искусствомъ старыхъ флорентинскихъ мастеровъ и всѣмъ, что Средневѣковье и Возрожденіе сдѣлали изъ столицы Тосканы, создавъ изъ нея нѣчто гармоническое и своеобразное, какъ бы огромный музей итальянскаго творчества по всѣмъ отраслямъ—по живописи, архитектурѣ, ваянію, мозаикѣ, литейному дѣлу, городскимъ сооруженіямъ, садамъ и отдѣлкѣ холмовъ.

Во Флоренціи завязалъ я впервые и личныя сношенія съ итальянской интеллигенціей. Тамъ испыталъ я тихое обаяніе жизни въ культурномъ городѣ, среди умнаго и тонкаго населенія, вдали отъ шума столичной суетни.

Но здоровье погнало и оттуда. Слѣдующая зима стояла суровая, съ рѣзкими вѣтрами. Римъ былъ уже подъ бокомъ — не въ шести часахъ ѣзды, какъ теперь, но въ какихъ-нибудь восьми-десяти часахъ.

И вотъ я снова въ «вѣчномъ городѣ», передъ самымъ карнаваломъ 1874 года. Первые дни приласкали свѣтомъ и теплом. Бѣготня по улицамъ, въ поискахъ за квартирой, принесла съ собою простуду. Надо было гораздо зорче беречься коварнаго римскаго климата. На виллѣ Боргезе или въ другомъ какомъ нездоровомъ урочищѣ Рима, но микробъ лихорадки былъ проглоченъ, и *малярія* подкралась сначала въ видѣ зубной боли, а потомъ и съ болѣе яркими изнурительными признаками.

Всякій, кто получилъ этотъ подарокъ отъ Рима, знаетъ, какъ малярія дѣйствуетъ на душевное состояніе. Цѣлыми днями вы испытываете паденіе силъ, «прострацію», соединенную съ подавленнымъ настроеніемъ. Не хочется никого видѣть, ни читать, ни писать, ни говорить, ни двигаться. Когда бывало полегче,—обыкновенно послѣ полудня,—я дописывалъ *Доктора Цыбульку*. И эта единственная въ моемъ писательствѣ *сатирическая* вещь была дописана, когда римская лихорадка держала меня въ своихъ когтяхъ. Могу отмѣтить здѣсь мимоходомъ, что тогдашнее медицинское свѣтило, проф. Бачелли (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), съ такимъ «легкимъ сердцемъ» приказалъ мнѣ взять три горячихъ ванны сряду, что послѣ второго раза я еле дышалъ. Вылѣчилъ меня покойный лейбъ-медикъ папы Пія IX, докторъ Мацони, по спеціальности хирургъ, чисто-итальянскими прогрессивными дозами хинина, и не раньше отпустилъ меня на сѣверъ, какъ къ маю, давъ мнѣ письменную діагнозу, откуда я помню выраженіе: «Viscerі sani», т.-е. здоровыя внутренности, всѣ, кромѣ, конечно, селезенки.

Этотъ подарокъ Рима давалъ потомъ о себѣ знать долгіе годы, въ видѣ головныхъ невралгій. Малярія наложила свою лапу на все мое тогдашнее трехмѣсячное житье въ Римѣ. Къ веснѣ я сталъ выходить, но настоящаго вкуса къ изученію памятниковъ, къ прогулкамъ и поѣздкамъ не могло быть, какъ у здороваго человѣка *). Я больше смотрѣлъ на жизнь города изъ оконъ своихъ комнатъ, на «Piazza di Spagna», въ трехъэтажномъ старинномъ домѣ, наискосокъ отъ фонтана Бернини, у подошвы лѣстницы, ведущей на «Monte-Pincio». Каждая поѣздка куда-нибудь за черту города, въ катакомбы или «S. Paolo fuori le mura», оплачивалась возобновленіемъ припадковъ. И какъ на зло, апрѣль выдался свѣжій, съ сѣверовосточными вѣтрами или удушливымъ «широкко».

Римъ, тѣмъ временемъ, оживлялся, сталъ болѣе похожъ на столицу, полегоньку утрачивалъ свою прежнюю физіономію.

Но эти новыя черты столичной жизни не особенно нравились иностранцамъ. Военные и чиновники, крупный и мелкій буржуазный людъ, принесли съ собою то, что извѣстно было по Милану и Турину. Даже и очень наблюдательному форестьеру трудно еще было схватить какія-нибудь характерныя черты столицы объединеннаго королевства, кромѣ двухъ-трехъ, скорѣе непріятныхъ новшествъ.

*) Изъ русской артистической колоніи я видѣлся только съ Антокольскимъ. Онъ тогда уже вылѣпилъ своего „Связаннаго Іисуса“.

Какъ больной, жившій на такомъ бойкомъ пунктѣ, я не мало терпѣлъ отъ ѣзды и, главное, отъ неистовыхъ криковъ газетныхъ разносчиковъ. Свобода печати принесла съ собою бойкую уличную промышленность. Вечеромъ, до позднихъ часовъ, бывало, лежишь съ несносными болями въ вискахъ и жаромъ во всемъ тѣлѣ, а внизу, подъ окнами, мальчишки, вырвавшись изъ типографій, бѣгутъ одинъ за другимъ и бѣшено орутъ: *Fanfulla*. Тогда это была самая расхожая газета. Теперь она еле-еле дышитъ.

«Вѣчный городъ» во второй разъ подсиживалъ меня, не давалъ мнѣ воспринять его вполнѣ, полюбить, испытать на себѣ его обаятельную силу. И покидалъ я его съ понятнымъ вздохомъ облегченія, на пути къ нѣмецкимъ водамъ. На Германію и Швейцарію возлагалъ я самыя положительныя надежды, а между тѣмъ тамъ я заново разстроился здоровьемъ и еще болѣе года долженъ былъ убить, живя въ Вѣнѣ, до возвращенія въ Россію, въ сентябрѣ 1875 года.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ. Италія не переставала тянуть къ себѣ,—Италія, но не Римъ. Онъ пугалъ возможностью снова схватить малярію. До 1878 года я не ѣздилъ за границу, но съ поѣздки на Парижскую выставку 1878 года, почти каждый годъ, я отправлялся на весенній сезонъ на западъ и югъ. Флоренція стала моимъ любимымъ мѣстомъ. Тамъ, въ апрѣлѣ и маѣ, я обыкновенно начиналъ какую-нибудь беллетристическую работу. Флоренція чередовалась съ Баденомъ. На долю Рима пришлась всего одна ночевка за цѣлыхъ 23 года. И она меня снова смутила. Было это въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, кажется, въ 1884 году. Я жилъ въ Баденѣ въ маѣ и писалъ пьесу, данную въ слѣдующій сезонъ въ Москвѣ и Петербургѣ, *Докторъ Мошковъ*. Дошелъ я до четвертаго акта и почувствовалъ необходимость сдѣлать передышку. Но тамъ же узналъ я, что въ Неаполѣ будутъ праздновать открытіе водопровода, ожидаютъ королевскую чету, готовятъ празднества всякаго рода. Это меня заохотило пролетѣть туда на нѣсколько дней. Неаполемъ и его заливомъ мнѣ не удалось насладиться вполнѣ зимой 1870 года. Разстояніе не испугало меня. Безъ передышки очутился я на Кіяйѣ и три-четыре дня съ прогулкой по морю на Капри промелькнули, какъ нѣчто лучезарное. На возвратномъ пути я пріѣхалъ ночевать въ Римъ. И весь городъ, и его Корсо, въ девять часовъ вечера, показались мнѣ чѣмъ-то мертвенно провинціальнымъ. И только что я, придя въ свой номеръ Hôtel d'Europe легъ въ постель, со мной начался приступъ настоящей лихорадки. Римъ рѣшительно запрещалъ мнѣ оставаться въ немъ. Двадцатью гранами хинина и тревожной ночью поплатился я за эту остановку.

Малярія не возобновилась, по крайней мѣрѣ, въ видѣ лихорадочныхъ припадковъ, но впечатлѣніе осталось. И мнѣ было тяжело видѣть, что Римъ отходитъ отъ меня. Охота ѣхать въ него, пожить и пополнить всѣ недочеты знакомства съ нимъ, не являлась довольно долго. Флоренцію я опять навѣщалъ. А съ тѣхъ поръ, какъ сталъ проводить зимы на Ривьерѣ, въ Италію и изъ Италіи ѣздилъ по всѣмъ путямъ: и черезъ Монъ-Сени, и на С. Готтардъ, и по Бреннеру, и по Земмерингу. Миланъ, Туринъ, Венеція, Болонья, Верона; вездѣ привелось побывать за эти двадцать слишкомъ лѣтъ, всего чаще въ Миланѣ и Генуѣ. Флоренція не переставала быть доброй, милой старушкой, которую каждый разъ посѣщаешь съ примиряющимъ чувствомъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ, живя въ Ниццѣ и Монако, я возвращался мыслью къ Риму. Одинъ разъ, въ концѣ зимняго сезона, совсѣмъ было собрался, съ желаніемъ испытать, могу ли продержаться тамъ хоть мѣсяцъ. Эта поѣздка не состоялась. Зато Италія, кромѣ Сициліи, сдѣлалась еще болѣе знакома, и въ ней всего ближе Флоренція.

Но безъ возвращенія въ Римъ аккордъ былъ не полный. Слыша отъ многихъ туристовъ, что «aria cattiva» уже больше не хозяйничаетъ тамъ, какъ въ папское управленіе, тридцать лѣтъ назадъ, я сталъ заново мечтать попасть въ «вѣчный городъ», на осень и зиму, какъ только будетъ удобнѣе.

Прошло полное двадцатипятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ я впервые переѣхалъ границу Италіи, а впереди все манилъ городъ, гдѣ, на склонѣ жизни, еще отраднѣе уйти въ даль вѣковъ, заново испытать, неторопливо и безъ помѣхи отъ нездоровья, все то, черезъ что прошли столько поколѣній изъ всѣхъ культурныхъ странъ старой Европы и Новаго Свѣта, гдѣ и русскіе люди жили и работали, отдаваясь обаянію природы и вѣкового творчества, гдѣ Гоголь писалъ свои «Мертвыя души», а А. Ивановъ свое «Явленіе Христа народу».

Кромѣ Флоренціи, о которой говорю отдѣльно, я не считалъ особенно стоющимъ помногу останавливаться здѣсь на томъ, что привелось видѣть въ моихъ поѣздкахъ по Италіи. Цѣнно то, что̀ глубже пережито, что вошло, какъ прочный вкладъ, въ душевную жизнь. Впечатлѣнія заѣзжаго туриста въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Италіи сдѣлались въ послѣдніе годы у насъ слишкомъ банальны, и было бы невеликодушно заставлять слушать или читать варіаціи на страницы изъ Бедекера.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ *).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

V.

Легко можно было предвидѣть, что если магистръ оставилъ Мальборгъ и отправился на войну, то нечего и Збышка искать въ Мальборгѣ, хотя во всякомъ случаѣ нужно собрать о немъ самыя точныя свѣдѣнія. Старикъ Мацько сильно опечалился, но такъ какъ онъ былъ человѣкъ сообразительный, то рѣшилъ не терять времени и завтра же отправиться въ дальнѣйшую дорогу. Лихтенштейнъ питалъ къ княгинѣ Александрѣ неограниченное довѣріе и поэтому получить отъ него письмо являлось дѣломъ незатруднительнымъ. Мацько былъ снабженъ рекомендаціями къ бродницкому старостѣ и къ великому магистру, за что, однако, подарилъ комтуру объемистый серебряный кубокъ, превосходной вроцлавской работы. Въ такихъ кубкахъ обыкновенно ставилось вино у постели рыцарей, чтобъ они, въ случаѣ безсонницы, имѣли подъ рукой и снотворное снадобье, и нѣкоторое утѣшеніе. Щедрость Мацька удивила чеха, который зналъ, что старый рыцарь не особенно склоненъ осыпать кого-нибудь дарами, — въ особенности нѣмцевъ, — но Мацько сказалъ:

— Я сдѣлалъ такъ потому, что намѣтилъ его и долженъ буду съ нимъ драться, — нельзя же мнѣ было наступать на горло человѣку, который оказалъ мнѣ услугу. Не нашъ это обычай, — обижать тѣхъ, кто сдѣлалъ намъ добро.

— Да кубка-то хорошаго жаль, — не соглашался чехъ.

На это Мацько сказалъ:

— Я ничего не дѣлаю, не подумавши, не бойся! Если мило-

*) *Русская Мысль*, кн. III, 99 г.

сердый Господь Іисусъ дозволитъ мнѣ одолѣть нѣмца, то я и кубокъ получу назадъ, и еще много другихъ хорошихъ вещей вмѣстѣ съ нимъ.

Потомъ они, съ участіемъ Ягенки, начали обдумывать, что̀ дѣлать дальше. Мацьку приходило въ голову оставить ее и Сецеховну въ Плоцкѣ, по тому случаю, что завѣщаніе аббата хранится у епископа, но дѣвушка воспротивилась этому всей силой своей непреклонной воли. Правда, безъ нихъ можно было бы ѣхать скорѣе,— не нужно было бы для ночлега отыскивать отдѣльные дома или избѣгать какихъ-нибудь предполагаемыхъ опасностей, но вѣдь они не затѣмъ выѣхали изъ Згожелицъ, чтобы сидѣть въ Плоцкѣ. Завѣщаніе, коли оно находится у епископа, не пропадетъ, а если по дорогѣ окажется, что они должны будутъ гдѣ-нибудь остаться, то лучше имъ искать покровительства у княгини Анны, потому что при ея дворѣ меньше привержены къ крестоносцамъ, а Збышка любятъ больше. Положимъ, Мацько отвѣтилъ, что умъ—это не бабье дѣло и что дѣвушкѣ непристойно «верховoдить», какъ будто бы она обладала этимъ умомъ, но сопротивлялся онъ нерѣшительно, а вскорѣ и совсѣмъ уступилъ, когда Ягенка отвела его въ сторону и заговорила со слезами на глазахъ:

— Знаете что?... Богъ видитъ мое сердце и знаетъ, что я утромъ и вечеромъ прошу Его спасти Данусю и даровать Збышку счастье. Но и вы, и Глава говорите, что она уже погибла и живою не выберется изъ рукъ крестоносцевъ. Если это вѣрно, то я...

Она съ минуту колебалась; накопившіяся слезы медленно катились по ея щекамъ. Наконецъ, она тихо добавила:

— То я хочу быть къ Збышку поближе.

Мацька растрогали эти слезы и эти слова, но однако онъ отвѣтилъ:

— Если та погибнетъ, Збышко съ горя и не посмотритъ на тебя.

— Я и не хочу, чтобъ онъ смотрѣлъ на меня, я хочу только быть возлѣ него.

— Ты знаешь, что и я хотѣлъ того же, чего и ты, но въ первую минуту горя онъ еще, пожалуй, будетъ готовъ обидѣть тебя.

— Пускай обижаетъ, — отвѣтила Ягенка съ грустной улыбкой. — Но онъ этого не сдѣлаетъ, потому что не узнаетъ меня.

— Узнаетъ.

— Не узнаетъ. Вѣдь вотъ вы не узнали. Вы скажете ему, что это не я, а Ясько, а онъ къ тому же очень похожъ на меня. Вы скажете ему, что Ясько выросъ и только, а ему даже и въ голову не придетъ, чтобы это была я.

Дѣйствительно, лицо у Яська было почти такое же, волосы его отросли и носилъ онъ ихъ въ сѣткѣ, какъ и всѣ мальчики благородныхъ семей и даже рыцари. По этимъ соображеніямъ Мацько уступилъ и заговорилъ о томъ, какъ имъ поступать дальше. Выѣхать они должны были завтра. Мацько рѣшилъ углубиться въ орденскіе края, добраться до Бродницы, тамъ раздобыть «языка», и если магистръ, въ противность предположеніямъ Лихтенштейна, еще въ Мальборгѣ, то ѣхать въ Мальборгъ, въ противномъ случаѣ— идти вдоль орденской границы вплоть до Спыхова, разспрашивая по дорогѣ о молодомъ польскомъ рыцарѣ и его свитѣ. Мацько разсчитывалъ даже, что ему скорѣе удастся узнать что-нибудь о Збышкѣ въ Спыховѣ или при дворѣ князя Януша варшавскаго, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

И они на слѣдующій день выѣхали. Весна уже совсѣмъ вступила въ свои права, и разливы рѣкъ, въ особенности Скрвы и Дрвенцы, настолько мѣшали путешествію, что Мацько только на десятый день послѣ выѣзда изъ Плоцка перешелъ въ орденскую землю и очутился въ Бродницѣ. Городокъ былъ чистенькій и приличный, но суровая нѣмецкая власть проявлялась на первомъ же шагу: огромная каменная висѣлица *), возвышающаяся за городомъ на Горченицкой дорогѣ, была вся украшена тѣлами повѣшенныхъ, среди которыхъ виднѣлась одна женщина. На сторожевой башнѣ и на замкѣ развѣвалось знамя — красная рука на бѣломъ полѣ. Самого комтура Мацько не засталъ въ городѣ,—онъ во главѣ части гарнизона и сосѣдней шляхты выбылъ въ Мальборгъ. Объясненіе это Мацьку далъ старый крестоносецъ, слѣпой, который когда-то былъ комтуромъ Бродницы, а потомъ, привязавшись къ городу и къ замку, доживалъ въ немъ остатокъ жизни. Когда капелланъ прочелъ старику письмо Лихтенштейна, онъ ласково принялъ Мацька и заговорилъ съ нимъ по-польски, такъ какъ онъ жилъ среди польскаго населенія и отлично зналъ его языкъ. Оказалось, что недѣль шесть тому назадъ онъ ѣздилъ въ Мальборгъ, куда его, какъ опытнаго рыцаря, призвали на военный совѣтъ, и зналъ, что дѣлается въ столицѣ. О молодомъ польскомъ рыцарѣ онъ сказалъ, что имени его не помнитъ, но слышалъ о комъ-то, который сначала возбуждалъ всеобщее удивленіе своимъ рыцарскимъ поясомъ, такъ не подходящимъ къ его молодымъ лѣтамъ, а потомъ одержалъ побѣду на турнирѣ, устроенномъ великимъ магистромъ для иноземныхъ гостей передъ отправленіемъ на войну. Потомъ старикъ при-

*) Остатки этой висѣлицы сохранились до 1818 года.

помнилъ, что молодого рыцаря полюбилъ и взялъ подъ особое покровительство мужественный и благородный, хотя и вспыльчивый братъ магистра, Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, и далъ ему охранныя грамоты, съ которыми молодой человѣкъ, кажется, уѣхалъ потомъ на востокъ. Мацько былъ весьма утѣшенъ этими свѣдѣніями, — у него ни на минуту не явилось сомнѣніе, что этотъ молодой рыцарь былъ Збышко. Принимая въ соображеніе все это, ему не зачѣмъ было ѣхать въ Мальборгъ. Хотя великій госпиталитъ или другіе оставшіеся орденскіе сановники, конечно, дали бы ему болѣе подробныя указанія, но ни въ какомъ случаѣ не могли бы сообщить, гдѣ въ настоящее время находится Збышко. Наконецъ Мацько и самъ лучше всѣхъ зналъ, гдѣ найти его; не трудно было догадаться, что онъ кружитъ гдѣ-нибудь около Щитна, или, если не нашелъ тамъ Данусю, дѣлаетъ розыски въ болѣе отдаленныхъ восточныхъ замкахъ и комтуріяхъ.

И, не теряя времени, онъ пустился въ путь по орденской землѣ, на востокъ, къ Щитну. Ѣхать было легко, — частые города и мѣстечки соединены были хорошими дорогами, которыя крестоносцы, или вѣрнѣе сказать—купцы, живущіе въ городахъ, поддерживали въ хорошемъ порядкѣ, почти въ такомъ же, въ какомъ были польскія дороги, возникшія подъ хозяйственной и твердой рукой короля Казиміра. Къ тому же погода стояла чудная. Ночи были звѣздныя, дни ясные, а въ часы полуденнаго зноя дулъ теплый, сухой вѣтерокъ, который вливалъ въ человѣческую грудь здоровье и бодрость. Хлѣба на поляхъ зазеленѣли, луга зацвѣли обильнымъ цвѣтомъ, а сосновые лѣса закурились смолистымъ благоуханіемъ. Во всю дорогу до Лидзбарка, а оттуда до Дзядлова и дальше, до Недзбожа, Мацько и ѣдущіе съ нимъ не видали ни одной тучки на небесномъ сводѣ. И лишь въ Недзбожѣ, ночью, ихъ застигла гроза, первая въ эту весну, но длилась она не долго, а утро слѣдующаго дня было такое ясное, розовое и золотистое, что—покуда глазъ хватитъ—все сверкало, осыпанное дождемъ жемчужныхъ и бриллiантовыхъ искръ, и весь край, казалось, улыбается небу и радуется своей роскошной жизни.

Въ такое-то утро Мацько свернулъ къ Щитну. Мазовецкая граница была недалеко, до Спыхова рукой подать. Была минута, когда Мацько хотѣлъ было сдѣлать такъ, но, подумавъ, рѣшилъ, что лучше сначала пробраться въ страшное орденское гнѣздо, въ которомъ такъ ужасно разрѣшилась судьба Збышка. Взявъ проводника-крестьянина, Мацько приказалъ вести ихъ къ Щитну, хотя въ проводникѣ особой надобности не было, потому что къ Щитну

отъ самаго Недзбожа вела прямая дорога, на которой нѣмецкія мили обозначались бѣлыми каменными столбиками.

Проводникъ ѣхалъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, за нимъ Мацько съ Ягенкой верхами, потомъ чехъ со Сецеховной, а дальше шли телѣги, окруженныя вооруженными слугами. Было раннее утро. Розовая окраска еще не сошла съ восточной стороны неба, хотя солнце уже горѣло ярко, превращая въ опалы капли росы, висящія на травахъ и деревьяхъ.

— Ты боишься ѣхать въ Щитно? — спросилъ Мацько.

— Не боюсь, — отвѣтила Ягенка. — Надо мною Богъ, — я сирота.

— Тутъ никому вѣрить нельзя, никто слова своего не держитъ. Хуже всѣхъ былъ песъ Данфельдъ, котораго Юрандъ убилъ вмѣстѣ съ Готфридомъ... Такъ говорилъ чехъ. Другой послѣ Данфельда былъ Ротгеръ, который палъ отъ Збышкинаго топора, но остался еще старый насильникъ, слуга діавола... Никто хорошенько ничего не знаетъ, но я думаю, что если Дануся погибла, то отъ его руки. Болтаютъ, что съ нимъ будто что-то случилось, но княгиня говорила мнѣ въ Плоцкѣ, что онъ вывернулся. Вотъ съ нимъ-то намъ и придется вести дѣло въ Щитнѣ... Хорошо, что у насъ есть письмо отъ Лихтенштейна, потому что собачьи дѣти, кажется, его боятся больше, чѣмъ самого магистра. Очень ужъ онъ важенъ, говорятъ, и, кромѣ того, мстителенъ. Ни малѣйшей обиды не проститъ. Безъ этого письма я не ѣхалъ бы такъ спокойно въ Щитно.

— А этотъ старикъ, какъ его зовутъ?

— Зигфридъ де-Лёве.

— Богъ дастъ, мы и съ нимъ справимся.

— Богъ дастъ!

Тутъ Мацько расхохотался и черезъ минуту прибавилъ:

— Княгиня сказала мнѣ въ Плоцкѣ: «вы все жалуетесь и жалуетесь, какъ овцы на волковъ, а изъ этихъ волковъ, — говоритъ, — троихъ уже нѣтъ въ живыхъ, потому что ихъ невинныя овечки задушили». А сказать по-совѣсти, оно такъ и есть...

— А Дануся, а ея отецъ?

— И я то же самое сказалъ княгинѣ. Но въ душѣ я радъ, — оказывается, что и насъ обижать не безопасно. Мы тоже знаемъ, какъ взять топоръ въ руки и взмахнуть имъ, какъ слѣдуетъ. А что касается Дануськи и Юранда, такъ это правда. Я думаю также, какъ и чехъ, что ихъ уже нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, а на самомъ дѣлѣ никто объ этомъ не знаетъ. Жаль мнѣ Юранда, онъ и при жизни много натерпѣлся, а если и погибъ, то, должно быть, тяжелой смертью.

— Когда о немъ кто-нибудь заговоритъ, я всегда вспоминаю о тятѣ,—сказала Ягенка.—И его нѣтъ на свѣтѣ.

Она подняла кверху свои глаза, полные слезъ. Мацько покачалъ головою и сказалъ:

— Онъ на Божьемъ свѣтѣ, и, конечно, осіянъ вѣчной славой, потому что лучшаго человѣка во всѣмъ нашемъ королевствѣ не было.

— Охъ, не было, не было!—вздохнула Ягенка.

Дальнѣйшій ихъ разговоръ прервалъ крестьянинъ проводникъ, который сразу задержалъ свою лошадь, потомъ повернулъ ее, подскакалъ къ Мацьку и закричалъ какимъ-то страннымъ, испуганнымъ голосомъ:

— Боже мой! Посмотрите, какъ рыцарь, кто спускается къ намъ съ пригорка.

— Кто спускается, гдѣ?—спросилъ Мацько.

— А вонъ... Великанъ какой-то, или еще что...

Мацько и Ягенка, остановивъ лошадей, посмотрѣли по направленію, указанному проводникомъ, и, дѣйствительно, ихъ глазамъ представилась фигура, размѣры которой, казалось, значительно превосходили предѣлы человѣческаго роста.

— Правду онъ говоритъ, мужикъ, дѣйствительно, большой,—пробормоталъ Мацько.

Потомъ онъ поморщился, но вдругъ сплюнулъ въ сторону и сказалъ:

— Чуръ насъ.

— Чего вы чураетесь?—спросила Ягенка.

— Я вспомнилъ, какъ въ такое же точно утро, по дорогѣ изъ Тыньца въ Краковъ, мы со Збышкомъ увидали такого же великана. Тогда говорили, что это Вальгеръ Удалый. Да. А оказалось, что это панъ изъ Точева, но ничего хорошаго изъ этого не вышло. Чуръ насъ.

— Это не рыцарь, потому что идетъ пѣшкомъ,—сказала Ягенка, напрягая зрѣніе.—И я даже вижу, что у него никакого оружія нѣтъ, только костыль въ лѣвой рукѣ.

— И онъ нащупываетъ имъ себѣ дорогу, какъ будто теперь ночь,—добавилъ Мацько.

— Да онъ слѣпой, ей-Богу!

Они пустили въ ходъ лошадей и вскорѣ подъѣхали къ старику, который еле-еле сползалъ съ горы, ощупывая посохомъ дорогу.

Старикъ былъ, дѣйствительно, огромнаго роста, хотя вблизи не казался великаномъ. Вмѣсто глазъ у него зіяли двѣ кровавыхъ

ямы. У него не хватало также правой руки, на мѣстѣ которой виднѣлась повязка изъ грязной тряпки. Бѣлые его волосы падали на плечи, а борода достигала пояса.

— У него, бѣдняги, нѣтъ ни повадыря, ни собаки, онъ самъ ощупью отыскиваетъ дорогу,—отозвалась Ягенка.—Видитъ Богъ, мы не можемъ его оставить безъ помощи. Не знаю, пойметъ ли онъ меня, я все-таки поговорю съ нимъ по-нашему.

Она тотчасъ же соскочила съ иноходца, и, остановившись какъ разъ передъ «дѣдомъ», начала искать какую-нибудь монету въ кожаномъ кошелькѣ, висѣвшемъ у ея пояса. Дѣдъ, заслышавъ передъ собою конскій топотъ и человѣческую рѣчь, протянулъ впередъ посохъ и поднялъ голову кверху, какъ это дѣлаютъ слѣпые люди.

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа! — сказала Ягенка.—Дѣдушка, вы понимаете по-христіански?

Дѣдъ, при звукахъ ея мягкаго, молодого голоса, вздрогнулъ, по лицу его промелькнуло выраженіе волненія, и, отбросивъ палку, онъ упалъ передъ Ягенкой на колѣна, съ руками, простертыми къ небу.

— Встаньте, мы вамъ и безъ того поможемъ. Что съ вами?— съ удивленіемъ спросила Ягенка.

Но дѣдъ не отвѣчалъ ничего, только двѣ слезы скатились по его щекамъ, а изъ устъ вырвался крикъ, болѣе похожій на стонъ:

— А-а, а!

— Ради Бога, нѣмой вы, что ли?

Онъ поднялъ руку, сначала сдѣлалъ ею знаменіе креста, потомъ сталъ водить ладонью вдоль губъ.

Ягенка, ничего не понимая, взглянула на Мацька, а тотъ сказалъ:

— Онъ показываетъ что-то такое, какъ будто у него отрѣзали языкъ.

— У васъ отрѣзали языкъ?—спросила дѣвушка.

— А, а, а, а! — нѣсколько разъ повторилъ дѣдъ, кивая головой.

Потомъ онъ показалъ пальцемъ на глаза, выставилъ правое плечо, лишенное руки, а лѣвою сдѣлалъ движеніе, какъ будто рубилъ что-то.

Тогда Мацько и Ягенка поняли его.

— Кто же это сдѣлалъ съ вами?—спросила Ягенка.

Дѣдъ нѣсколько разъ почертилъ въ воздухѣ.

. . . . . .

— Крестоносцы!—крикнулъ Мацько.

Старикъ въ знакъ утвержденія опустилъ голову на грудь.

Наступила минута молчанія. Мацько и Ягенка съ тревогой переглядывались другъ съ другомъ, они воочію видѣли, какимъ отсутствіемъ милосердія и чувства мѣры въ примѣненіи наказанія отличались орденскіе рыцари.

— Жестоко же они правятъ!—наконецъ, сказалъ Мацько,—и тяжело его наказали, только Богъ знаетъ, справедливо ли. Объ этомъ у него не допросишься. Хотя бы узнать, по крайней мѣрѣ, куда его отвезти, потому что это, видимо, человѣкъ изъ здѣшней мѣстности. По нашему понимаетъ, а тутъ простой народъ такой же, какъ и въ Мазовіи.

— Вы понимаете, что мы говоримъ?—спросила Ягенка.

Дѣдъ утвердительно кивнулъ головою.

— А вы изъ здѣшнихъ мѣстъ?

— Нѣтъ,—знакомъ показалъ старикъ.

— Такъ, можетъ быть, изъ Мазовіи?

— Да.

— А что вы дѣлали у крестоносцевъ?

Старикъ не умѣлъ отвѣтить, но лицо его въ одну минуту приняло выраженіе такого неизмѣримаго горя, что доброе сердце Ягенки возгорѣлось еще большимъ сочувствіемъ, и даже Мацько, хотя его взволновать было не особенно легко, сказалъ:

— Собачьи дѣти, должно быть, обидѣли его безвинно.

Ягенка всунула въ руку бѣдняка нѣсколько мелкихъ монетъ.

— Слушайте,—сказала она,—мы не оставимъ васъ. Вы поѣдете съ нами въ Мазовію, и въ каждой деревнѣ мы будемъ спрашивать васъ, не ваша ли это деревня. Можетъ быть, какъ-нибудь и нападемъ на слѣдъ. А теперь встаньте съ колѣнъ, мы не святые угодники.

Но старикъ не всталъ съ колѣнъ, напротивъ, поклонился и обнялъ ея ноги, словно отдавая себя подъ ея покровительство и благодаря ее. Но вдругъ на его лицѣ отразилось недоумѣніе и какъ будто разочарованіе. Быть можетъ, судя по голосу, онъ думалъ, что передъ нимъ стоитъ женщина, тогда какъ его рука коснулась яловыхъ сапогъ, которые тогда во время путешествія носили рыцари и оруженосцы.

А Ягенка сказала:

— Такъ и будетъ. Скоро подойдутъ наши телѣги, вы подкрѣпитесь и отдохнете. Но въ Мазовію вы сейчасъ не поѣдете, потому что передъ этимъ намъ нужно быть въ Щитнѣ.

При этихъ словахъ старикъ вскочилъ на ноги. Лицо его омрачилось гнѣвомъ и изумленіемъ. Онъ простеръ впередъ руки, какъ

будто хотѣлъ загородить дорогу, а изъ его устъ полились дикіе, полные ужаса звуки.

— Что съ вами?—воскликнула испуганная Ягенка.

Чехъ, который подъѣхалъ къ нимъ вмѣстѣ со Сецеховкой и давно уже упорно всматривался въ дѣда, вдругъ обратился къ Мацьку и, съ измѣнившимся лицомъ, сказалъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Клянусь язвами Христовыми, дозвольте мнѣ, господинъ, переговорить съ нимъ, вы не знаете, кто онъ.

И, не дожидаясь разрѣшенія, онъ подскочилъ къ дѣду, опустилъ ему руки на плечи и началъ разспрашивать:

— Вы изъ Щитна идете?

Старикъ, какъ бы пораженный звукомъ его голоса, успокоился и кивнулъ головой:

— Не отыскивали ли вы тамъ своего ребенка?

Дѣдъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ только однимъ глухимъ стономъ.

Глава немного поблѣднѣлъ, еще съ минуту всматривался своимъ рысьимъ взглядомъ въ лицо дѣда, потомъ медленно и съ разстановкой сказалъ:

— Вы—Юрандъ изъ Спыхова?

— Юрандъ?!..—крикнулъ Мацько.

Но Юрандъ зашатался и въ ту же минуту лишился чувствъ. Испытанныя имъ муки, отсутствіе пищи и длинная дорога свалили его съ ногъ. Уплывалъ вотъ уже десятый день, какъ онъ блуждалъ, ощупью ища дороги, въ голодѣ, въ утомленіи, не зная, куда идетъ. Лишенный возможности разспрашивать о дорогѣ, онъ днемъ руководствовался только теплотою солнечныхъ лучей, а ночи проводилъ въ придорожныхъ канавахъ. Когда ему случалось проходить черезъ деревню или поселокъ, или встрѣчать людей, онъ рукою и голосомъ просилъ милостыню, но рѣдко получалъ ее, потому что всѣ считали его за преступника, подвергнувшагося возмездію закона и справедливости. Вотъ уже два дня, какъ онъ питался древесною корой и листьями и совершенно отчаялся попасть въ Мазовію, какъ вдругъ встрѣтился съ родными сердцами, съ родными голосами, изъ которыхъ одинъ напоминалъ ему сладкій голосъ Дануси, а когда въ концѣ его назвали по имени, мѣра волненія его переполнилась, сердце въ груди что-то стиснуло, мысли вихремъ закружились въ головѣ, и онъ свалился бы лицомъ на пыльную дорогу, если бы его не поддержала сильная рука чеха.

Мацько соскочилъ съ коня, потомъ вдвоемъ съ Главой отнесли

Юранда въ обозъ и положили на устланную сѣномъ телѣгу. Дѣвушки привели его въ чувство, накормили, напоили виномъ, причемъ Ягенка, замѣтивъ, что онъ не можетъ держать кубокъ, сама подавала ему напитокъ. Юранда тотчасъ же охватилъ непреоборимый, каменный сонъ, отъ котораго онъ проснулся только на третій день. Мацько наскоро составилъ совѣтъ.

— Я скажу коротко,—отозвалась Ягенка,—ѣхать сейчасъ же не въ Щитно, а въ Спыховъ, чтобъ оставить его въ какомъ-нибудь безопасномъ мѣстѣ, между своихъ людей, въ покоѣ и удобствѣ.

— Скажи, пожалуйста, какъ это ты рѣшаешь! — отвѣтилъ Мацько. — Понятно, его нужно отослать въ Спыховъ, но намъ всѣмъ нѣтъ надобности ѣхать туда,—съ нимъ можетъ пойти одна телѣга.

— Я не рѣшаю, но думаю, что мы могли бы многое узнать отъ него о Збышкѣ и о Данусѣ.

— А по-каковски ты будешь говорить съ нимъ, коли у него языка нѣтъ.

— А кто-жъ, какъ не онъ самъ показалъ вамъ, что у него языка нѣтъ? Мы и безъ словъ узнали все, что намъ было нужно, а теперь еще и не то будетъ, когда я привыкла понимать, что онъ показываетъ головой и рукою. Спросите у него, напримѣръ, пріѣзжалъ ли Збышко изъ Мальборга въ Щитно, онъ вамъ сейчасъ же покажетъ знаками, такъ ли это или нѣтъ. И то-же самое о другихъ вещахъ.

— Это правда!—воскликнулъ чехъ.

— Да и я не спорю, что правда,—сказалъ Мацько,—и мнѣ приходила такая же мысль, но у меня—первое дѣло—разсужденіе, а языкъ ужъ потомъ.

И онъ приказалъ обозу свернуть къ мазовецкой границѣ. Во время пути Ягенка отъ времени до времени подъѣзжала къ телѣгѣ, на которой лежалъ Юрандъ, посмотрѣть не умеръ ли онъ во снѣ.

— Не узналъ я его,—говорилъ Мацько,—да и не мудрено. Мужикъ былъ, словно туръ! Мазуры говорятъ, что изъ нихъ онъ одинъ могъ бы помѣряться съ Завишей, а теперь—скелетъ скелетомъ.

— Ходили слухи,—сказалъ чехъ,—что его замучили до смерти, но иные не хотѣли вѣрить, чтобъ христіане могли такъ поступить съ описаннымъ рыцаремъ, который, кромѣ того, носитъ имя святого Георгія.

— Богъ послалъ, что Збышко хоть отчасти отомстилъ за него. Но, однако, посмотрите, какая разница между нами и ними. Прав-

да, изъ этихъ четырехъ собачьихъ дѣтей погибло трое, но они погибли въ битвѣ и ни у кого ни языкъ не отрѣзали, ни глазъ не выкололи.

— Ихъ Богъ покараетъ,—сказала Ягенка.

Мацько обратился къ чеху:

— А ты почему узналъ его?

— Сначала и я его не узналъ, хотя видѣлъ его позже, чѣмъ вы видѣли. Но у меня мелькнуло что-то въ головѣ, и чѣмъ больше я присматривался къ нему, тѣмъ больше прояснялось... Тогда у него ни бороды не было, ни сѣдыхъ волосъ,—онъ былъ могущественный и сильный рыцарь,—есть ли какое-нибудь сходство съ такимъ нищимъ! Но когда паненка сказала, что мы ѣдемъ въ Щитно, а онъ началъ выть, глаза у меня тотчасъ же открылись.

Мацько задумался.

— Изъ Спыхова его нужно будетъ повезти къ князю Съ такимъ важнымъ человѣкомъ такъ поступили! Князь не оставитъ это безнаказаннымъ.

— Господинъ, они отопрутся. Вѣдь похитили же они измѣнническимъ образомъ его дочь и отперлись, а о спыховскомъ панѣ скажутъ, что языкъ, руку и глаза онъ потерялъ въ битвѣ.

— Это вѣрно,—сказалъ Мацько.—Когда-то они и самого князя похитили. Воевать онъ съ ними не можетъ,—потому что не одолѣетъ, развѣ нашъ король придетъ къ нему на помощь. Люди все болтаютъ о большой войнѣ, а пока и малой нѣтъ.

— Есть съ княземъ Витольдомъ.

— Слава Богу, что хоть тотъ ихъ ни за что не считаетъ... Эхъ, князь Витольдъ! Вотъ это такъ князь! И хитростью они его взять не могутъ, потому что онъ хитрѣй всѣхъ ихъ. Бывало, злодѣи, прижмутъ его такъ, что неминучая гибель, какъ мечъ, виситъ надъ его головой, а онъ, какъ змѣя, вывернется и тотчасъ же ихъ укуситъ... Берегись его, когда онъ дерется, а еще больше берегись, когда онъ ласкаетъ тебя!

— И онъ со всѣми таковъ?

— Не со всѣми, а только съ крестоносцами. Съ другими онъ добрый и щедрый князь.

Мацько задумался, какъ будто хотѣлъ яснѣе воскресить передъ собою образъ Витольда.

— Это совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ здѣшніе князья,—наконецъ, сказалъ онъ.—Збышко нужно было ѣхать къ нему, потому что въ его службѣ и при его помощи куда какъ легче было бы справляться съ крестоносцами.

Спустя минуту онъ добавилъ:

— Кто знаетъ, не очутимся ли мы тамъ оба,—тамъ и мести легче добиться.

Потомъ они снова повели бесѣду о Юрандѣ, о его несчастной судьбѣ и невѣроятныхъ обидахъ, которыя онъ испыталъ отъ крестоносцевъ. Прежде всего, безъ всякой причины, они убили его жену, а потомъ, платя местью за месть, похитили ребенка, а самого его подвергли такимъ жестокимъ мукамъ, что и татары лучшихъ не выдумали бы. Мацько и чехъ скрежетали зубами, понимая, что и самое его освобожденіе было новою, хитро обдуманною жестокостью. Старый рыцарь въ глубинѣ души давалъ себѣ обѣтъ разузнать, какъ все было, а потомъ съ лихвою заплатить за это.

Послѣ жгучаго дня наступила тихая, звѣздная ночь и Мацько съ своимъ обозомъ, нигдѣ не останавливаясь на ночлегѣ, послѣ троекратной кормежки переѣхалъ границу и на разсвѣтѣ очутился на спыховской землѣ. Старикъ Толима, видимо, крѣпко держалъ порядокъ въ своей желѣзной рукѣ, потому что едва Мацько углубился въ лѣсъ, какъ навстрѣчу ему выѣхало двое вооруженныхъ всадниковъ. Впрочемъ, замѣтивъ, что это не войско, а небольшой отрядъ, они не только пропустили его безъ разспроса, но даже проводили чрезъ трясины и болота, недоступныя для людей, незнакомыхъ съ этой мѣстностью.

Въ городкѣ гостей приняли Толима и ксёндзъ Калебъ. Вѣсть, что какіе-то добрые люди привезли Юранда, какъ молнія разнеслась по всему гарнизону. И только когда лишь солдаты увидали, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ крестоносцевъ, среди нихъ поднялась такая буря угрозъ и бѣшенства, что, если бы въ спыховскихъ подземельяхъ находился какой-нибудь крестоносецъ, то никакая человѣческая власть не могла бы спасти его отъ лютой смерти.

Конные «паробки» и такъ хотѣли уже садиться на лошадей, скакать къ границѣ, схватить кого-нибудь изъ нѣмцевъ, и бросить ихъ головы къ ногамъ Юранда, но Мацько обуздалъ ихъ. Онъ зналъ, что нѣмцы сидятъ въ городахъ и крѣпостцахъ, а сельское населеніе принадлежитъ къ той же польской крови, только живетъ подъ чужимъ гнетомъ. Но ни этотъ шумъ, ни крики, ни скрипъ колодезныхъ журавцовъ не могли разбудить Юранда и его такъ и перенесли на медвѣжьей шкурѣ въ его комнату и уложили на постель. Остался при немъ ксёндзъ Калебъ, его давній другъ и молочный братъ. Онъ любилъ его какъ родного и тотчасъ же началъ молить Искупителя міра возвратить несчастному Юранду глаза, языкъ и руку.

Наши путники послѣ ранняго завтрака пошли отдохнуть. Мацько проснулся уже далеко за полдень и приказалъ позвать къ себѣ Толиму.

И зная, что Юрандъ передъ отъѣздомъ приказалъ всѣмъ повиноваться Збышку и завѣщалъ ему Спыховъ, онъ начальническимъ голосомъ обратился къ старому слугѣ:

— Я дядя вашего молодого господина и, пока онъ не вернется сюда, управлять буду я.

Толима склонилъ свою сѣдую голову, отчасти похожую на голову волка и, приставивъ руку къ уху, спросилъ:

— Такъ это вы, господинъ, благородный рыцарь изъ Богданьца?

— Да,—отвѣтилъ Мацько.—Откуда вы знаете обо мнѣ?

— Потому что о васъ спрашивалъ и ждалъ сюда молодой панъ Збышко.

Услыхавъ это, Мацько вскочилъ на ноги и, забывъ о своей важности, крикнулъ:

— Збышко? Въ Спыховѣ?

— Былъ, господинъ; два дня назадъ выѣхалъ.

— Боже милостивый! Откуда же онъ прибылъ и куда поѣхалъ?

— Прибылъ изъ Мальборга, по дорогѣ былъ въ Щитнѣ, а куда поѣхалъ—не сказалъ.

— Не сказалъ?

— Можетъ быть, сказалъ ксёндзу Калебу.

— Боже Ты мой! Значитъ, мы разъѣхались!—говорилъ Мацько, ударяя себя по бедрамъ.

Толима приставилъ руку къ другому уху.

— Что вы говорите, господинъ?

— Гдѣ ксёндзъ Калебъ?

— У стараго пана, возлѣ его ложа.

— Пошлите его сюда... или нѣтъ... я самъ пойду къ нему.

— Я приведу его, — сказалъ старикъ и вышелъ вонъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести ксёндза, въ комнату вошла Ягенка.

— Поди сюда! Ты знаешь? Два дня тому назадъ здѣсь былъ Збышко.

Ея лицо измѣнилось въ одну минуту, ноги, обтянутыя узкими полосатыми штанами, задрожали.

— Былъ и уѣхалъ?—спросила она съ сильно бьющимся сердцемъ.—Куда?

— Два дня тому назадъ, а куда... можетъ быть, ксёндзъ знаетъ.

— Намъ нужно послать за нимъ,—сказала она рѣшительнымъ голосомъ.

Черезъ минуту пришелъ ксёндзъ Калебъ. Онъ думалъ, что Мацько хочетъ разспросить его о Юрандѣ и сказалъ, предупреждая вопросъ:

— Спитъ еще.

— Я слышалъ, что здѣсь былъ Збышко?

— Былъ. Онъ уѣхалъ третьяго дня.

— Куда?

— Онъ и самъ не зналъ... Искать... Поѣхалъ къ Жмудской границѣ, тамъ теперь война.

— Ради Бога, разскажите, святой отецъ, что вы знаете о немъ?

— Я знаю только то, что слышалъ отъ него самого. Онъ былъ въ Мальборгѣ, заручился важнымъ покровительствомъ брата магистра, — онъ у нихъ первый рыцарь. По его повелѣнію Збышко могъ искать во всѣхъ замкахъ.

— Юранда и Дануську?

— Да, но Юранда онъ не искалъ, потому что ему сказали, что его нѣтъ въ живыхъ.

— Разсказывайте по порядку.

— Сейчасъ. Дайте только отдохнуть и прійти въ себя, потому что я возвращаюсь съ того свѣта.

— Какъ съ того свѣта?

— Съ того свѣта, куда на конѣ не доѣдешь, а на молитвѣ доѣдешь... отъ стопъ Іисуса Христа, Котораго я просилъ смилостивиться надъ Юрандомъ.

— Такъ вы просили чуда? И у васъ есть такая сила?—съ великимъ любопытствомъ спросилъ Мацько.

— Силы у меня никакой нѣтъ, но Искупитель всемогущъ и, если захочетъ, можетъ возвратить Юранду и зрѣніе, и языкъ, и руку...

— Если захочетъ, то сумѣетъ,—отвѣтилъ Мацько,—но все-таки вы просили у него не малаго.

Ксёндзъ Калебъ не отвѣтилъ ничего, можетъ быть, потому, что не разслышалъ хорошенько. Глаза его смотрѣли безсознательно, и было замѣтно, что онъ, дѣйствительно, совершенно забылся въ горячей молитвѣ.

Теперь онъ закрылъ лицо руками и съ минуту просидѣлъ въ молчаніи, но наконецъ встряхнулся, протеръ глаза и сказалъ:

— Ну, теперь разспрашивайте меня.

— Какимъ образомъ Збышко привлекъ къ себѣ Самбинскаго войта *)?

— Онъ теперь уже не Самбинскій войтъ.

— Все равно... Вы понимаете, о чемъ я спрашиваю, и отвѣчайте, что знаете.

— А привлекъ его онъ къ себѣ на турнирѣ. Ульрихъ любитъ мѣряться къ кѣмъ-нибудь оружіемъ на турнирѣ, — мѣрялся и со Збышкомъ, потому что въ Мальборгѣ было множество рыцарей и магистръ устроилъ разныя состязанія. Подпруга сѣдла Ульриха лопнула, и Збышко легко могъ бы свалить его съ коня, но увидалъ это и еще поддержалъ его.

— О, видишь?—воскликнулъ Мацько, обращаясь къ Ягенкѣ.— Такъ за это Ульрихъ и полюбилъ его.

— За это и полюбилъ. Онъ ужъ не хотѣлъ биться съ нимъ ни на острыхъ, ни на тупыхъ копьяхъ и полюбилъ его. Збышко разсказалъ ему о своихъ огорченіяхъ, а онъ заботливо оберегаетъ рыцарскую честь, воспылалъ великимъ гнѣвомъ и передалъ жалобу Збышка своему брату, магистру. Господь пошлетъ ему за это вѣчное спасеніе, потому что среди крестоносцевъ мало такихъ, которые любили бы справедливость. Збышко говорилъ мнѣ также, что ему много помогъ и господинъ де-Лоршъ,—тамъ его очень почитаютъ ради знатнаго рода и богатства, а онъ постоянно вступался за Збышка.

— А что вышло изъ этой жалобы и этого заступничества?

— Вышло то, что великій магистръ строго приказалъ щитненскому комтуру тотчасъ же прислать въ Мальборгъ всѣхъ плѣнниковъ, которые находятся въ Щитнѣ, не исключая самого Юранда. Относительно Юранда комтуръ отписалъ, что онъ умеръ отъ ранъ и похороненъ у церкви, а остальныхъ плѣнниковъ отослалъ, въ томъ числѣ подростка-дѣвчонку, но нашей Дануси въ числѣ ихъ не было.

— Оруженосецъ Глава говорилъ мнѣ, что объ этой дѣвчонкѣ упоминалъ и Ротгеръ, тотъ, котораго Збышко убилъ при дворѣ князя Януша. Онъ говорилъ, что ее считали Юрандовой дочерью, а когда княгиня сказала, что они сами видѣли настоящую Юрандовну и знали, что дѣвчонка вовсе не Юрандовна, Ротгеръ отвѣтилъ: «Сущая правда, но я думалъ, что ее подмѣнила нечистая сила».

---

*) Войтъ, нѣмецкое Vogt, начальникъ города, то же, что теперешній бургомистръ или президентъ, но обладавшій, кромѣ того, и судебною властью.—*Прим. пер.*

— То же самое написалъ комтуръ магистру, что они держали эту дѣвчонку не въ плѣну, а подъ охраной и отбили ее у разбойниковъ.

— И магистръ повѣрилъ?

— Онъ самъ не зналъ, вѣрить ли ему, или не вѣрить, но Ульрихъ воспылалъ еще большимъ гнѣвомъ и вытребовалъ у брата, чтобы онъ послалъ со Збышкомъ въ Щитно орденскаго чиновника, и настоялъ на своемъ. Но, пріѣхавши въ Щитно, они не застали уже стараго комтура, который уѣхалъ на войну съ Витольдомъ, а нашли только подвойта, которому чиновникъ приказалъ открыть всѣ склепы и подземелья. Искали, искали и ничего не нашли. Разспрашивали разныхъ людей. Одинъ сказалъ Збышку, что много можно узнать отъ капеллана, потому что капелланъ можетъ заставить объясняться нѣмого палача. Но палача взялъ съ собою старый комтуръ, а капелланъ уѣхалъ въ Кролевецъ на какой-то духовный конгрессъ... Они часто съѣзжаются и шлютъ жалобы къ папѣ на крестоносцевъ, потому что и бѣднымъ священникамъ туго приходится подъ орденскою властью.

— Меня удивляетъ, какъ они не нашли Юранда, — замѣтилъ Мацько.

— Должно быть, старый комтуръ выпустилъ его раньше этого. Въ этомъ освобожденіи видна еще бо́льшая злоба, чѣмъ если ему просто перерѣзали бы горло. Имъ хотѣлось, чтобы передъ смертью онъ перенесъ столько, сколько можетъ перенести человѣкъ его званія... куда тамъ! и еще больше! Слѣпой, нѣмой, безрукій, — побойтесь же вы Бога!... Ни дома найти, ни о дорогѣ справиться, ни хлѣба попросить... Они думали, что онъ умретъ гдѣ-нибудь подъ плетнемъ отъ голода или утонетъ въ какой-нибудь рѣчкѣ... Что они оставили ему? Только память о томъ, кѣмъ онъ былъ, да нужду безвыходную. А вѣдь это мука превыше всѣхъ мукъ!... Можетъ быть, онъ сидѣлъ гдѣ-нибудь возлѣ костела или при дорогѣ, а Збышко проѣхалъ мимо и не узналъ его. Можетъ быть, онъ слышалъ голосъ Збышка, а самъ не могъ позвать его! Эхъ!... Не могу не плакать!... Богъ сотворилъ чудо, что вы встрѣтили его, и потому я думаю, что можетъ быть еще большее чудо, хотя его испрашиваютъ такія недостойныя и грѣшныя уста, какъ мои.

— А что же Збышко говорилъ еще? Куда онъ поѣхалъ?—спросилъ Мацько.

— Онъ сказалъ такъ: «Я знаю, что Дануся была въ Щитнѣ, но они или уморили ее, или вывезли куда-нибудь. Старикъ де Лё-

ве,—говоритъ,—сдѣлалъ это и, клянусь Богомъ, я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не настигну его».

— Такъ онъ вотъ что сказалъ! Значитъ, онъ поѣхалъ къ восточнымъ комтуріямъ, но тамъ теперь война.

— Онъ зналъ, что тамъ теперь война, и поэтому поѣхалъ къ князю Витольду. Онъ говорилъ, что при его помощи онъ скорѣе добьется чего-нибудь отъ крестоносцевъ, чѣмъ при помощи короля.

— Къ князю Витольду!—воскликнулъ Мацько и вскочилъ съ мѣста.

Потомъ онъ обратился къ Ягенкѣ:

— Видишь какой у него умъ? Не говорилъ ли я того же самаго? Ей-Богу, я предсказывалъ, что и намъ придется идти къ Витольду.

— Збышко надѣялся,—отозвался ксёндзъ Калебъ,—что Витольдъ вторгнется въ Пруссію и будетъ осаждать тамошніе замки.

— Если у него будетъ время, то онъ не преминетъ сдѣлать это,—отвѣтилъ Мацько.—Ну, слава Богу! теперь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, гдѣ искать Збышка.

— Значитъ, намъ нужно сейчасъ же трогаться? — сказала Ягенка.

— Тише! — крикнулъ Мацько. — Мальчишкамъ неприлично навязываться съ своими совѣтами.

И онъ многозначительно посмотрѣлъ на нее, какъ бы напоминая ей, что она мальчикъ. Ягенка опамятовалась и замолчала.

Мацько подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Если мы теперь и найдемъ Збышка, то не иначе, какъ возлѣ князя Витольда. Но необходимо развѣдать, нужно ли ему искать по свѣту еще что-нибудь, кромѣ обѣщанныхъ орденскихъ гребней.

— А какъ же это можно узнать?—спросилъ ксёндзъ Калебъ.

— Еслибъ я узналъ, что тотъ щитненскій ксёндзъ уже возвратился изъ синода, то повидался бы съ нимъ, — сказалъ Мацько.—У меня есть письмо Лихтенштейна, и я безъ боязни могу ѣхать въ Щитно.

— Это не синодъ, а конгрессъ, и капелланъ давно долженъ былъ возвратиться съ него,—сказалъ ксёндзъ Калебъ.

— Это хорошо. Въ остальномъ же положитесь на меня... Я возьму съ собою Главу, двухъ слугъ, съ боевыми конями на всякій случай, и поѣду.

— А потомъ къ Збышку?—спросила Ягенка.

— А потомъ къ Збышку, но на это время ты останешься здѣсь и будешь ждать, пока я не возвращусь изъ Щитна. Я такъ думаю, что больше трехъ или четырехъ дней тамъ не пробуду. Кости у меня

еще тверды и дорожныя невзгоды не въ новинку. А передъ этимъ я попрошу у васъ, ксёндзъ Калебъ, письмо къ щитненскому капеллану. Онъ легче повѣритъ мнѣ, когда я покажу ему ваше письмо... священники всегда легче сговариваются другъ съ другомъ.

— Люди хорошо отзываются о тамошнемъ ксёндзѣ,—сказалъ отецъ Калебъ,—и если кто знаетъ что-нибудь, такъ это онъ.

И къ вечеру онъ приготовилъ письмо, а на другой день, прежде чѣмъ взошло солнце, старика Мацька уже не было въ Спыховѣ.

VI

Юрандъ проснулся на другой день въ присутствіи ксёндза и, забывъ во снѣ, что съ нимъ произошло, и не зная, гдѣ онъ находится теперь, началъ ощупывать ложе и стѣну, возлѣ котораго оно стояло. Но ксёндзъ Калебъ заключилъ его въ объятія, и, растроганный, плачущій, заговорилъ:

— Это я, ты въ Спыховѣ! Братъ Юрандъ! Богъ сподобилъ тебя, чтобъ ты... среди своихъ... Тебя привезли благочестивые люди... Братъ Юрандъ! Братъ!...

И, прижавъ его къ груди, ксёндзъ цѣловалъ его лобъ, его пустыя глазныя впадины и снова прижималъ къ груди, и снова цѣловалъ. Юрандъ сначала былъ совершенно ошеломленъ и, казалось, ничего не понималъ, но, наконецъ, провелъ лѣвою рукою по лбу и по головѣ, какъ будто хотѣлъ отогнать и разсѣять тяжелыя тучи сна и ошеломленія.

— Ты слышишь меня и понимаешь? — спросилъ ксёндзъ Калебъ.

Юрандъ движеніемъ головы показалъ, что понимаетъ, потомъ потянулся рукою за серебрянымъ распятіемъ, которое въ свое время добылъ въ борьбѣ съ однимъ знатнымъ нѣмецкимъ рыцаремъ, снялъ со стѣны, приложилъ къ устамъ и отдалъ ксёндзу.

Ксёндзъ сказалъ:

— Я понимаю тебя, братъ. Богъ остается съ тобою и какъ Онъ вывелъ тебя изъ плѣненія, такъ можетъ возвратить все, что утратилъ ты.

Юрандъ показалъ рукою кверху, въ знакъ того, что только тамъ получитъ утраченное имъ, причемъ слезы вновь потекли изъ его глазныхъ впадинъ, а на измученномъ лицѣ появилось выраженіе неизмѣримой боли.

Ксёндзъ Калебъ, подмѣтивъ это движеніе, понялъ, что Дануси уже нѣтъ въ живыхъ, опустился на колѣна возлѣ ложа Юранда и сказалъ:

— Да упокоетъ ее Господь въ селеніяхъ праведныхъ!

Слѣпой приподнялся, сѣлъ на постели и началъ махать рукою, какъ бы въ знакъ отрицанія, но никакъ не могъ объясниться съ ксёндзомъ Калебомъ, тѣмъ болѣе, что въ ту же минуту въ комнату вошелъ старикъ Толима, а за нимъ городской гарнизонъ и пограничная стража, болѣе значительные и старѣйшіе обыватели Спыхова, лѣсники и рыбаки, потому что вѣсть о возвращеніи господина распространилась уже по всему Спыхову. Одни обнимали его колѣна, цѣловали руки и заливались горючими слезами при видѣ калѣки и старика, который ничѣмъ не напоминалъ прежняго грознаго Юранда; другихъ, въ особенности тѣхъ, которые ходили съ нимъ въ бой, все болѣе и болѣе охватывалъ вихрь гнѣва и заставлялъ блѣднѣть ихъ лица отъ бѣшенства. Спустя минуту, они начали сбиваться въ кучу, толкать другъ друга локтями, наконецъ изъ кучи выступилъ одинъ, спыховскій кузнецъ, нѣкто Сухаръ, упалъ къ ногамъ Юранда и сказалъ:

— Господинъ, когда васъ привезли сюда, мы хотѣли было тотчасъ же двинуться на Щитно, но рыцарь, который привезъ васъ, запретилъ намъ это. А вы ужъ позвольте намъ, потому что мы не можемъ остаться безъ мести. Пусть будетъ такъ, какъ и раньше бывало. Прежде насъ не срамили задаромъ и не будутъ срамить... Мы ходили на нихъ и подъ вашимъ начальствомъ и теперь пойдемъ съ Толимой или безъ него. Мы во что бы то ни стало должны взять Щитно и пролить ихъ собачью кровь и да поможетъ намъ Богъ!

— Да поможетъ намъ Богъ!—повторили нѣсколько голосовъ.

— На Щитно!

— Намъ нужно крови!

И огонь сразу охватилъ пылкія мазурскія сердца. Послышались голоса, скрежетъ зубовъ, но вскорѣ все смолкло, и глаза спыховцевъ обратились на Юранда. А у того въ первый моментъ щеки разгорѣлись тоже, какъ будто въ немъ заговорила прежняя свирѣпость и прежняя боевая отвага. Онъ поднялся и снова началъ водить рукою по стѣнѣ. Спыховцамъ показалось, что онъ ищетъ мечъ, но его пальцы встрѣтились съ крестомъ, который ксёндзъ Калебъ повѣсилъ на старое мѣсто.

Тогда Юрандъ во второй разъ снялъ его со стѣны, поблѣднѣлъ и, повернувшись къ своему народу и поднимая кверху пустыя глазныя впадины, протянулъ впередъ распятіе.

Наступило молчаніе. На дворѣ смеркалось. Въ открытыя окна врывалось щебетаніе птицъ, которыя располагались на ночь на

откосахъ крыши и на липахъ, растущихъ на дворѣ. Послѣдніе багряные лучи солнца падали на высоко-поднятый крестъ и бѣлые волосы Юранда.

Кузнецъ Сухаръ посмотрѣлъ на Юранда, обернулся къ товарищамъ, посмотрѣлъ еще во второй разъ, наконецъ, перекрестился и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. За нимъ такъ же тихо вышли всѣ остальные и лишь на дворѣ начали перешептываться другъ съ другомъ:

— Ну, и что-жъ?

— Не пойдемъ, что ли?

— Не позволилъ.

— Онъ оставляетъ отомщеніе Богу. Видно, что и душа въ немъ перемѣнилась.

Такъ и было въ дѣйствительности.

Въ комнатѣ Юранда остался только ксёндзъ Калебъ, старикъ Толима, а съ ними Ягенка и Сецеховна, которыя, завидѣвъ цѣлую толпу вооруженныхъ людей, пришли также посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Ягенка болѣе смѣлая и самоувѣренная, подошла къ Юранду:

— Да поможетъ вамъ Богъ, рыцарь Юрандъ,—сказала она.— Это мы привезли васъ изъ Пруссіи.

Лицо Юранда просвѣтлѣло при звукѣ ея молодого голоса. Очевидно, онъ вспомнилъ все, что произошло на щитненской дорогѣ, потому что благодарственно началъ кивать головой и прикладывать руку къ сердцу.

Ягенка начала разсказывать, какъ они встрѣтили его, какъ его узналъ чехъ Глава, оруженосецъ рыцаря Збышка, и какъ, наконецъ, они привезли его въ Спыховъ. И о себѣ она разсказала, что вмѣстѣ съ товарищами, носитъ шлемъ и мечъ за рыцаремъ Мацько изъ Богданьца, Збышковымъ дядей, который, отыскивая племянника, поѣхалъ въ Щитно, но черезъ три или четыре дня возвратится въ Спыховъ.

Юрандъ при упоминаніи о Щитнѣ, правда, не впалъ въ такую тревогу, какъ въ первый разъ, на дорогѣ, но на лицѣ его все-таки отразилось безпокойство. Ягенка тотчасъ поспѣшила успокоить его, что рыцарь Мацько настолько же ловокъ, насколько и храбръ, и что никому не попадется на удочку, а кромѣ того, у него есть письмо отъ Лихтенштейна, съ которымъ онъ всюду можетъ проѣхать безопасно. Слова эти успокоили Юранда, видимо было, что онъ хочетъ разспросить и о многихъ

другихъ вещахъ, но, не имѣя возможности сдѣлать это, терзается душой. Сообразительная Ягенка тотчасъ же поняла это и сказала:

— Если мы чаще будемъ говорить другъ съ другомъ, то до всего договоримся.

Юрандъ снова улыбнулся, протянулъ руку, случайно положилъ къ ней на голову и долго держалъ, какъ будто благословлялъ ее. Онъ, дѣйствительно, многимъ былъ обязанъ ей, но, кромѣ того, ему, видимо, приходились по сердцу и эта молодость, и это щебетанье, напоминающее щебетанье птицъ.

И съ той поры, когда онъ не молился,—а молился онъ почти весь день,—или не былъ погруженъ въ сонъ, онъ всегда искалъ ее около себя, а если ея не было, тосковалъ по ней и всяческими способами давалъ понять ксёндзу Калебу и Толимѣ, что ему желательно было бы присутствіе прекраснаго мальчика.

Ягенка всегда приходила по первому зову. Ея доброе сердце искренно жалѣло его, а кромѣ того въ его обществѣ легче было ожидать пріѣзда Мацька, который какъ-то странно долго задержался въ Щитнѣ.

Онъ долженъ былъ возвратиться черезъ три дня, а теперь протекалъ четвертый и пятый. На шестой подъ вечеръ встревоженная дѣвушка собиралась было просить Толиму отправить людей на развѣдки, какъ вдругъ со сторожеваго дуба дали знать, что кто-то приближается къ Спыхову.

Немного погодя, по подъемному мосту застучали копыта, и на дворъ въѣхалъ оруженосецъ Глава съ другимъ слугою. Ягенка, которая еще раньше сошла сверху и ждала на дворѣ, подскочила къ чеху, прежде чѣмъ онъ успѣлъ слѣзть съ коня.

— Гдѣ Мацько?—спросила она съ тревожно-бьющимся сердцемъ.

— Поѣхалъ къ князю Витольду, а вамъ приказалъ остаться тутъ,—отвѣтилъ оруженосецъ.

VII.

Ягенка, узнавъ, что, по приказанію Мацька, она должна остаться въ Спыховѣ, сначала не могла выговорить ни слова отъ удивленія, горя и гнѣва и только широко открытыми глазами глядѣла на чеха, который хорошо понималъ, какую непріятную новость приноситъ ей.

— Я хотѣлъ бы отдать вамъ отчетъ въ томъ, что мы слышали въ Щитнѣ, —сказалъ онъ.—Много новостей, и важныхъ.

— О Збышкѣ есть какіе-нибудь слухи?

— Нѣтъ, всѣ слухи щитненскіе... понимаете?

— Понимаю! Пусть слуга разсѣдлаетъ коней, а вы идите за мной.

И отдавъ приказаніе слугѣ, она повела съ собою чеха на верхъ.

— Отчего Мацько оставилъ насъ? Зачѣмъ мы должны оставаться въ Спыховѣ и зачѣмъ вы вернулись?—проговорила она однимъ духомъ.

— Я возвратился потому, что мнѣ приказалъ рыцарь Мацько, — отвѣтилъ Глава. — Мнѣ и самому хотѣлось на войну, но что-жъ подѣлаешь? Рыцарь Мацько сказалъ мнѣ такъ: «ты вернешься назадъ, будешь охранять згожелицкую панну и ждать отъ меня извѣстій. Можетъ быть,—говоритъ,—тебѣ придется провожать ее въ Згожелицы, одной ей ѣхать неудобно».

— Ради Бога, что такое случилось? Нашлась, что ли, дочь Юранда? Или Мацько не къ Збышку, а за Збышкомъ поѣхалъ? Ты видѣлъ ее, говорилъ съ ней? Отчего же ты не привезъ ее сюда и гдѣ она теперь?

Растерявшійся отъ этой кучи вопросовъ, чехъ склонился къ ногамъ дѣвушки и сказалъ:

— Да не прогнѣвается ваша милость, что я на все это не отвѣчу сразу, а то нѣтъ никакой возможности. Я буду отвѣчать по очереди на каждый вопросъ, если мнѣ не будутъ мѣшать.

— Хорошо! Отыскалась она или нѣтъ?

— Нѣтъ, но совсѣмъ подтвердилось, что она была въ Щитнѣ и ее увезли въ какой-нибудь восточный замокъ.

— А мы чего ради должны сидѣть въ Спыховѣ?

— Да, а если она найдется?... Оно пожалуй что... Тогда, правда, намъ незачѣмъ здѣсь оставаться.

Ягенка замолкла, только щеки ея вспыхнули.

А чехъ продолжалъ:

— Я думалъ и все еще думаю, что изъ этихъ собачьихъ когтей мы не вырвемъ ее живою, но все въ рукахъ Божіихъ. Нужно разсказать все по порядку. Пріѣхали мы въ Щитно,—ну, хорошо. Рыцарь Мацько показалъ письмо подвойту, а подвойтъ,—онъ когда-то въ молодости носилъ за нимъ мечъ,—на нашихъ же глазахъ поцѣловалъ печать письма, а насъ принялъ радушно и ни въ чемъ не заподозрилъ. Будь у насъ людей побольше, можно было бы и крѣпость взять, такъ онъ намъ довѣрялъ. Съ ксёндзомъ видѣться намъ никто не препятствовалъ и мы бесѣдовали съ нимъ цѣлыя двѣ ночи и узнали дивныя вещи, а ксёндзу о нихъ разсказывалъ палачъ.

— Да палачъ нѣмой.

— Нѣмой, но умѣетъ ксёндзу все показывать знаками, а ксёндзъ его такъ понимаетъ, какъ будто съ нимъ говорили обыкновеннымъ языкомъ. Дивныя вещи и виденъ въ нихъ перстъ Божій. Этотъ палачъ отрубилъ у Юранда руку, вырвалъ языкъ и выжегъ глаза. Онъ таковъ, если дѣло касается мужчины, что не вздрогнетъ ни передъ какою мукой, и если ему прикажутъ рвать человѣка зубами, то онъ станетъ рвать. Но ни на одну женщину онъ руки не поднимете, какими муками ему ни угрожай. А таковъ онъ по той причинѣ, что у него когда-то была единственная дочь, которую онъ ужасно любилъ и которую крестоносцы...

Глава запнулся и не зналъ, какъ говорить ему дальше. Ягенка замѣтила это и сказала:

— Ну, что вы мнѣ тамъ разсказываете о дочери палача!

— Потому что это относится къ дѣлу, — отвѣтилъ чехъ. — Когда нашъ молодой господинъ зарубилъ рыцаря Ротгера, то старый комтуръ, Зигфридъ, чуть не взбѣсился. Въ Щитнѣ говорили, что Ротгеръ былъ его сынъ, но ксёндзъ отвергалъ это, хотя и подтвердилъ, что никогда никакой отецъ не любилъ сына больше. И Зигфридъ ради мести запродалъ дьяволу душу, палачъ видѣлъ это. Съ убитымъ онъ разговаривалъ, какъ я съ вами, а мертвецъ въ гробу то смѣялся, то скрежеталъ зубами, то облизывался чернымъ языкомъ отъ радости, что комтуръ обѣщалъ ему голову пана Збышка. Но пана Збышка онъ тогда не могъ достать и пока приказалъ мучить Юранда, а потомъ его языкъ и руку положилъ въ гробъ Ротгера, который тотчасъ же началъ жрать ее сырьемъ...

— Страшно слушать! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! — сказала Ягенка.

И вставъ съ мѣста, она подбросила щепокъ въ каминъ, потому что уже совершенно смерклось.

— Какъ же! — продолжалъ Глава. — Не знаю, какъ будетъ на страшномъ судѣ, потому что Юранду должно быть возвращено все, что ему принадлежало, но это не дѣло человѣческаго разума. Палачъ тогда все это видѣлъ. И вотъ, накормивши упыря человѣческимъ мясомъ, старый комтуръ пошелъ приносить ему въ жертву Юрандову дочь, потому что упырь, должно быть, шепнулъ ему, что хотѣлъ бы запить ужинъ невинною кровью... Но палачъ, который, какъ я говорилъ, сдѣлаетъ все, только не можетъ видѣть мученій женщины, еще раньше сѣлъ въ засаду на лѣстницѣ... Ксёндзъ говорилъ, что палачъ не въ полномъ разумѣ, все равно, какъ бы какая-нибудь скотина, но разницу между мужчиной и женщиной по-

нимаетъ, и если нужно устроить такъ, то въ хитрости съ нимъ никто не сравняется. И вотъ, усѣлся онъ на лѣстницѣ и ждетъ, и вдругъ комтуръ... Заслышалъ онъ сопѣнье палача, увидалъ его горящіе глаза и испугался,—представилось ему, что это дьяволъ. А онъ какъ хватитъ комтура кулакомъ! Думалъ, что насквозь пробьетъ его, и знака отъ него никакого не останется, но комтуръ остался живъ. Онъ лишился чувствъ и захворалъ со страху, а когда выздоровѣлъ, то боялся покушаться на Юрандовну.

— Но все-таки онъ вывезъ ее.

— Вывезть то,—вывезъ, но вмѣстѣ съ нею взялъ и палача. Онъ не зналъ, что это палачъ защитилъ Юрандовну, ему мерещилась какая-то непонятная сила, не то злая, не то добрая. Но во всякомъ случаѣ онъ не хотѣлъ оставлять палача въ Щитнѣ. Или онъ боялся его свидѣтельства, или еще что... Правда, онъ нѣмой, но еслибъ случился судъ, то могъ бы сказать при помощи ксёндза то, что сказалъ... И въ концѣ ксёндзъ говоритъ рыцарю Мацьку вотъ что: «старикъ Зигфридъ не убьетъ Юрандовну, потому что боится, а еслибъ и приказалъ кому-нибудь другому, то Дидерихъ, пока живъ, не дастъ ее въ обиду, тѣмъ болѣе, что одинъ разъ уже спасъ ее».

— А ксёндзъ зналъ, куда ее отвезли?

— Въ точности не зналъ, но слышалъ, что что-то говорили о Рагнетѣ. Этотъ замокъ лежитъ невдалекѣ отъ литовской или отъ жмудской границы.

— А Мацько что сказалъ на это?

— Панъ Мацько выслушалъ это и сказалъ мнѣ на слѣдующій день: «Если такъ, то, можетъ быть, мы и найдемъ ее, а мнѣ во всю прыть нужно спѣшить къ Збышку, чтобъ его не поманили Юрандовной и не подцѣпили на удочку, какъ подцѣпили Юранда. Пусть только скажутъ, что ее отдадутъ ему, если онъ самъ пріѣдетъ, то онъ и пріѣдетъ, а тогда старикъ Зигфридъ учинитъ надъ нимъ такую месть за Ротгера, какую и человѣческое око не видало».

— Правда! вѣрно!—съ тревогой воскликнула Ягенка.—Если онъ спѣшилъ для этого, то, значитъ, хорошо.

Но, спустя минуту, она опять обратилась къ Главѣ:

— Въ одномъ только онъ ошибся, что прислалъ васъ сюда. Чего насъ оберегать здѣсь, въ Спыховѣ? Насъ убережетъ и старикъ Толима, а тамъ вы были бы нужны Збышку, — вы такой сильный и ловкій.

— А кто васъ, паненка, въ случаѣ надобности, отвезъ бы въ Згожелицы?

— Въ случаѣ надобности вы могли бы пріѣхать раньше нихъ.

Они должны будутъ прислать съ кѣмъ-нибудь извѣстія,—пришлютъ съ вами, а вы отвезете насъ въ Згожелицы.

Чехъ поцѣловалъ у нея руку и спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

— А на это время вы останетесь здѣсь?

— Надъ сиротою Богъ! Мы останемся здѣсь.

— И не тяжело вамъ будетъ здѣсь? Что вы будете здѣсь дѣлать?

— Просить Господа Іисуса, чтобы онъ возвратилъ Збышку счастье, а всѣхъ васъ сохранилъ въ добромъ здоровьѣ.

И при этихъ словахъ она расплакалась.

А оруженосецъ снова склонился къ ея колѣнамъ.

— Вы,— сказалъ онъ,— словно ангелъ небесный.

Но она отерла слезы, взяла съ собой оруженосца и пошла къ Юранду сообщить новыя извѣстія. Нашла его она въ большой комнатѣ съ ксёндзомъ Калебомъ, съ Сецеховной, со старикомъ Толимой и съ ручной волчицей, лежащей у его ногъ. Мѣстный дьячокъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ рибальтомъ, подъ звуки лютни пѣлъ пѣсню о какой-то стародавней битвѣ Юранда съ «нечестивыми крестоносцами», а слушатели внимали ему въ задумчивости и грусти. Въ комнатѣ было свѣтло отъ луннаго свѣта. Послѣ дня, почти знойнаго, наступилъ вечеръ тихій и очень теплый. Окна были открыты, и при лунномъ блескѣ были видны летающіе жуки, которые роились въ липахъ, растущихъ на дворѣ. Въ каминѣ, тѣмъ не менѣе, тлѣло нѣсколько головней, у которыхъ слуга разогрѣвалъ медъ, смѣшанный съ подкрѣпляющимъ виномъ и пахучими травами.

Рибальтъ, вѣрнѣе—дьячокъ и слуга ксёндза Калеба, только что начиналъ новую пѣсню о «счастливой стычкѣ»: «Ѣдетъ Юрандъ, ѣдетъ, конь подъ нимъ гнѣдой...»—какъ въ комнату вошла Ягенка и сказала:

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа!

— Во вѣки вѣковъ! — отвѣтилъ ксёндзъ Калебъ.

Юрандъ сидѣлъ на скамьѣ, опершись рукою на ея поручень, но, заслышавъ голосъ Ягенки, тотчасъ же повернулся къ ней и привѣтственно закивалъ сѣдою, какъ лунь, головою.

— Збышкинъ оруженосецъ пріѣхалъ изъ Щитна,—заговорила дѣвушка, — и привезъ извѣстія отъ ксёндза. Мацько ужъ не пріѣдетъ,— онъ отправился къ князю Витольду.

И она начала разсказывать все, что слышала отъ чеха, не утаила и того, что Мацько теперь надѣется отыскать Данусю, от-

бить ее и привезти въ Спыховъ, для чего собственно и поѣхалъ къ Збышку, а имъ приказалъ остаться здѣсь.

Въ концѣ голосъ ея задрожалъ, какъ бы отъ грусти или горя, а когда она кончила, въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Только въ липахъ раздавались трели соловьевъ, которыя, казалось, врывались въ комнату и заливали ее, какъ крупныя и частыя капли дождя. Всѣ обратили вниманіе на Юранда, а онъ съ закрытыми глазами и закинутою назадъ головою не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни.

— Вы слышите? — спросилъ его наконецъ ксёндзъ Калебъ.

Юрандъ еще больше закинулъ голову, поднялъ лѣвую руку кверху и показалъ пальцемъ на небо.

Лунный блескъ падалъ прямо на его лицо, на бѣлые волосы, на выжженные глаза, и на этомъ лицѣ отпечатлѣвалось такое страданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая неизмѣримая покорность воли Божіей, что всѣмъ показалось, что они видятъ лишь душу, освобожденную отъ тѣлесныхъ узъ,—душу, которая, разъ навсегда разлучившись съ земной жизнью, ничего уже не ждетъ отъ нея и ни на что не разсчитываетъ. И снова наступило молчаніе и снова слышны были только соловьиные голоса, цѣлою волною заливающіе дворъ и комнату.

Но Ягенку вдругъ охватило непреоборимое сожалѣніе и словно дѣтская любовь къ этому несчастному старику и, слѣдуя первому побужденію, она подбѣжала къ нему, схватила его руку и прижала къ губамъ.

— И я сирота!—вырвалось изъ ея переполненнаго сердца.— Я не мальчикъ, я Ягенка изъ Згожелицъ. Мацько взялъ меня, чтобы уберечь отъ дурныхъ людей, но теперь я останусь съ вами, пока Богъ не возвратитъ вамъ Данусю.

Юрандъ не выказалъ даже удивленія, какъ будто зналъ передъ тѣмъ, что она была женщиной, только прижалъ ее къ своей груди, а она, все осыпая поцѣлуями его руку, продолжала прерывистымъ и рыдающимъ голосомъ:

— Я останусь съ вами, а Дануська возвратится... А потомъ я поѣду въ Згожелицы... Надъ сиротами Богъ! Нѣмцы и моего тятю убили, а ваша дочка жива и вернется къ вамъ. Пошли это, Господи Всесильный, пошли, Пречистая Матерь, Милосердая...

Ксёндзъ Калебъ вдругъ опустился на колѣна и отозвался торжественнымъ голосомъ:

— Киріе элейсонъ!

— Христосъ элейсонъ! — отвѣтили ему въ одинъ голосъ чехъ и Толима.

Всѣ также стали на колѣна, всѣ поняли, что это—молебствіе, которое совершается не только у ложа умирающаго, но и для избавленія кого-нибудь отъ смертельной опасности. И Юрандъ опустился на колѣна, и всѣ хоромъ заговорили:

— Киріе элейсонъ! Христотъ элейсонъ!... Отче небесный, помилуй насъ!... Сынъ Искупитель!

Людскіе голоса и молитвенные возгласы: «помилуй насъ!...»— сливались съ соловьиными трелями.

Но вдругъ прирученная волчица поднялась съ медвѣжьей шкуры, лежавшей у скамьи Юранда, приблизилась къ открытому окну, поставила лапы на подоконникъ и, задравъ кверху свою трехугольную голову, тихо и жалобно завыла.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *

Въ сумракѣ вечера птица ночная
Вѣетъ, мелькаетъ неслышно, какъ тѣнь.
Свѣта чуждаясь и солнца не зная,
Если проснулась ты, птица ночная,
Значитъ, уснулъ истомившійся день.

Вечеромъ жизни тяжелая дума
Вѣетъ, мелькаетъ, и сердцу не въ мочь
Съ нею бороться. Средь блеска и шума
День догорѣлъ и тяжелая дума
Вѣетъ и шепчетъ: «ночь близится, ночь»...

Михаилъ Жемчужниковъ.

Бактеріи*).

(Жизнь и развитіе бактерій.— Роль бактерій въ природѣ.— Значеніе бактерій въ жизни человѣка).

Въ первой части моей лекціи я старался дать представленіе о благодѣтельной роли, какую бактеріи играютъ въ экономіи природы, и при этомъ указать, что человѣкъ имѣетъ полную возможность утилизировать дѣятельность полезныхъ бактерій умѣлымъ обращеніемъ съ ними. Разсмотримъ теперь дѣятельность бактерій паразитовъ, которые производятъ заболѣванія животныхъ и людей и носятъ названіе патогенныхъ бактерій. Бактеріи извѣстны въ обществѣ больше именно съ этой зловредной стороны.

Подобно сапрофитнымъ, болѣзнетворныя или патогенныя бактеріи распространены всюду: и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ почвѣ, гдѣ присутствіе ихъ было впервые констатировано Пастёромъ. Пастёръ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ мѣстности, гдѣ были зарыты трупы животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы, снова повторились случаи заболѣванія сибирскою язвой. Чтобы провѣрить это обстоятельство, онъ привилъ морскимъ свинкамъ разболтанную въ водѣ землю, взятую изъ того мѣста, гдѣ нѣкогда были зарыты павшія животныя. Въ результатѣ опыта свинки заболѣли сибирскою язвой. Дальнѣйшія изслѣдованія убѣдили Пастёра—въ томъ, что споры сибиреязвенныхъ бактерій вышли на поверхность почвы при помощи дождевыхъ червей, съ ихъ изверженіями попали, очевидно, на листья растеній, были съѣдены животными и такимъ образомъ вызвали повторные случаи заболѣванія. Пастёръ подтвердилъ это предположеніе опытомъ. Онъ закопалъ въ землю въ глубокомъ сосудѣ споры Bacillus anthracis и посадилъ въ тотъ же сосудъ дождевыхъ червей. Черезъ нѣкоторое время Пастёръ открылъ въ изверженіяхъ червей на поверхности сосуда сибиреязвенныя споры. По наблюденіямъ Пастёра, сибиреязвенныя бактеріи Bacillus anthracis не только могутъ многіе годы сохраняться въ почвѣ, но даже могутъ размножаться въ ней при извѣстныхъ условіяхъ тепла и влажности. По разсказу Дюкло, бациллы сибирской язвы сохраняли свою жизнеспособ-

---

*) *Русская Мысль*, кн. II, 99 г.

ность въ почвѣ въ теченіе 12 лѣтъ, куда были зарыты вмѣстѣ съ павшими овцами. Кромѣ сибиреязвенныхъ, Пастёръ находилъ въ почвѣ и многихъ другихъ патогенныхъ бактерій, наприм. палочку злокачественнаго отека, вызывающую зараженіе и гніеніе крови у теплокровныхъ животныхъ и человѣка, названную имъ Vibrion septique. Многіе другіе изслѣдователи находили въ почвѣ разнообразныхъ патогенныхъ бактерій. Тифозныя бациллы могутъ не только оставаться въ почвѣ по 5 мѣсяцевъ, но даже могутъ размножаться въ ней (Grancher и Deschamps). Холерныя бациллы тоже обладаютъ способностью размножаться во влажной и загрязненной отбросами почвѣ.

Изъ почвы патогенныя бактеріи могутъ проникать на поверхность земли при разныхъ обстоятельствахъ: наприм., при помощи дождевыхъ червей, какъ это показалъ Пастёръ, а также при помощи другихъ роющихъ животныхъ, каковы — кроты, мыши, крысы и т. п., которыя роютъ иногда свои ходы и на кладбищахъ, и въ отхожихъ мѣстахъ, и въ выгребныхъ ямахъ, соединяя ихъ нерѣдко съ колодцами и почвенными водами и такимъ образомъ заражая питьевую воду; при помощи разныхъ земляныхъ работъ патогенныя бактеріи также могутъ быть вынесены на поверхность земли. Въ водѣ, даже чистой, текучей бактеріи сохраняютъ свою жизнеспособность въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, а въ стоячей водѣ, загрязненной органическими остатками, могутъ даже размножаться, какъ, наприм., бациллы холеры и тифа. Бактеріи, вышедшія на поверхность почвы, разсѣиваются въ воздухѣ вмѣстѣ съ пылью и осаждаются на нашей одеждѣ, пищѣ и т. д. Попадая въ нашъ организмъ, онѣ вызываютъ тѣ или иныя инфекціонныя заболѣванія.

При разсмотрѣніи бактерій патогенныхъ, я буду слѣдовать тому же плану, что и при разсмотрѣніи бактерій сапрофитныхъ, т.-е. разсмотрю ихъ въ связи съ производимыми ими эффектами, именно болѣзнями, которыя онѣ причиняютъ людямъ и животнымъ. Но такъ какъ инфекціонныхъ болѣзней очень много и одинъ перечень ихъ завелъ бы насъ далеко за предѣлы рамокъ настоящей лекціи, то, въ силу необходимости, я ограничусь лишь краткимъ обзоромъ наиболѣе страшныхъ для человѣчества болѣзней, какъ чахотка, холера, чума, проказа, изслѣдованіями которыхъ заняты въ настоящее время выдающіеся представители медицины и бактеріологіи.

Одна изъ самыхъ опустошительныхъ болѣзней безспорно чахотка. Ежегодно на всемъ земномъ шарѣ умираетъ отъ нея до трехъ милліоновъ людей. Сравнивая число жертвъ, умершихъ отъ холеры, съ числомъ, умершихъ отъ чахотки въ Берлинѣ, или любомъ европейскомъ городѣ, мы убѣждаемся, что пальма первенства въ дѣлѣ истребленія человѣчества принадлежитъ чахоткѣ. Наружные признаки этой болѣзни общеизвѣстны—истощеніе организма, худоба, кашель. Изслѣдованіе труповъ, умершихъ отъ чахотки, обнаруживаетъ въ ихъ легкихъ особаго вида бугорки не болѣе просяного зерна, вслѣдствіе чего чахотку называютъ также бугорчаткой. Въ настоящее время общеизвѣстно, что бугорчатка бываетъ не только въ

легкихъ, но и въ другихъ органахъ тѣла, наприм. въ мозгу, въ кишкахъ, въ печени, даже на поверхности кожи, въ послѣднемъ случаѣ болѣзнь называется волчанкой. Подобная же бугорчатка обнаружена въ послѣднее время у животныхъ, лошадей, свиней, кроликовъ; у рогатаго скота бугорчатка извѣстна подъ именемъ жемчужной болѣзни и образуетъ гроздевидныя опухоли на внутреннихъ органахъ. Бугорчатка поражаетъ даже птицъ, наприм. куръ, производя сильныя опустошенія въ курятникахъ.

Въ 60-хъ годахъ Вильменъ (Villemin) впервые собралъ факты о заразительности чахотки. Въ настоящее время никто болѣе не сомнѣвается въ ея заразительности, такъ какъ извѣстенъ и порождающій болѣзнь живой контагій—чахоточная бактерія или туберкулёзная бацилла. До 1882 г. всѣ попытки выдѣлить этихъ бациллъ оставались безуспѣшными и лишь въ 1882 г. знаменитый нѣмецкій бактеріологъ Кохъ впервые получилъ чистыя разводки чахоточныхъ бациллъ, названныхъ имъ Bacillis tuberculosis. Эта бактерія имѣетъ видъ слегка изогнутой палочки, длиною отъ 1 до 3 микр. Для полученія длины въ 1 миллиметръ нужно взять ихъ отъ 300 до 500 шт. Развиваться она можетъ лишь при температурѣ отъ 30° до 42°С. тепла. Распознать эту бактерію и изучить ее подъ микроскопомъ Коху удалось только благодаря изобрѣтенному имъ способу окрашиванія ихъ анилиновыми красками. Это открытіе Коха составляло эпоху въ изслѣдованіи чахотки, вступившемъ съ тѣхъ поръ на новый научный путь. Благодаря выдѣленію заразнаго начала явилась возможность производить точные опыты, и надо надѣяться, что не долго ждать того времени, когда чахотка, считавшаяся еще недавно неизлѣчимою болѣзнью, будетъ вполнѣ въ рукахъ врачей. Изобрѣтенное Кохомъ въ 1890 г. средство противъ чахотки, такъ называемый туберкулинъ, надѣлавшій въ первое время много шума и не оправдавшій возлагаемыхъ на него надеждъ, все же оказался дѣйствительнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ для пріостановки туберкулёзнаго процесса; но прививка туберкулина не создаетъ невосприимчивости къ болѣзни; хотя на международномъ съѣздѣ врачей въ Берлинѣ въ 1890 г. Кохъ заявилъ, что его туберкулинъ (представляющій собой вытяжку изъ чистой разводки туберкулёзныхъ палочекъ при помощи 40—50% раствора глицерина) можетъ сообщить морской свинкѣ (какъ извѣстно, очень воспріимчивой къ бугорчаткѣ) полнѣйшую невосприимчивость. Бернгеймъ (Bernheim) опубликовалъ въ 1894 году подобные же опыты прививокъ животнымъ свѣжихъ губеркулезныхъ разводокъ, ослабленныхъ нагрѣваніемъ до 80°С., которыя сообщали привитымъ животнымъ полную невосприимчивость.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ туберкулезныя бациллы проникаютъ въ человѣческій организмъ различными путями: или черезъ пораженные покровы кожи, царапины, трещины, при соприкосновеніи съ больными и принадлежащими имъ вещами, каковы: ихъ бѣлье, носильное платье и т. д., или же при вдыханіи пыли, въ которой вмѣстѣ съ высохшими мокротами больныхъ содержатся туберкулезныя бациллы, или при употребленіи въ пищу сырыхъ овощей и плодовъ, на которые бациллы могли попасть вмѣстѣ съ

пылью изъ воздуха, и, наконецъ, при употребленіи молока и мяса зараженныхъ туберкулезомъ животныхъ. Сверхъ того, зараженіе можетъ совершиться передачей болѣзни отъ родителей въ періодѣ утробной жизни, даже въ періодѣ зачатія, какъ это подтверждено многими клиническими наблюденіями. Возможность зараженія бугорчаткой чрезъ вдыханіе зараженной пыли было подтверждено многочисленными опытами. Такъ Кохъ дѣлалъ опыты съ животными, вдувая имъ растертую въ порошокъ мокроту въ дыхательные органы, и вызывалъ этимъ зараженіе чахоткой экспериментируемыхъ животныхъ. Тшернингъ (Tschering) разсказываетъ о случаѣ заболѣванія бугорчаткой одной молодой дѣвушки, поранившей себѣ палецъ плевальницей, заключавшей мокроту чахоточнаго. Пришлось отрѣзать ей палецъ, чтобъ остановить развитіе болѣзни. Дюрингъ (Dühring) сообщаетъ о случаѣ зараженія чахоткой посредствомъ серегъ, принадлежавшихъ раньше чахоточной. Туберкулезный процессъ начался сперва на ухѣ, быстро перешелъ на другіе органы и, такимъ образомъ, изъ мѣстнаго сдѣлался общимъ, имѣвшимъ смертельный исходъ. Боллингеръ (Bollinger) приводитъ случаи зараженія бугорчаткой чрезъ желудокъ. Этотъ ученый вскрывалъ куръ, жившихъ на больничномъ дворѣ и съѣдавшихъ мокроту чахоточныхъ больныхъ, и находилъ у всѣхъ туберкулезъ кишекъ, печени и селезенки. Всѣ перечисленные органы поражаются туберкулезомъ и у человѣка при употребленіи въ пищу мяса и молока туберкулезныхъ коровъ. Деме (Demme), Клебсъ (Klebs) и другіе наблюдали очень часто туберкулезъ кишекъ у маленькихъ дѣтей, питавшихся молокомъ туберкулезныхъ коровъ. То же наблюденіе сдѣлано было надъ пастухами въ Швейцаріи, которые заболѣвали бугорчаткой кишекъ вслѣдствіе употребленія въ пищу сырого молока и другихъ молочныхъ продуктовъ больныхъ коровъ. По словамъ Клебса и Баярда (Bayard), жемчужная болѣзнь рогатаго скота является главнымъ источникомъ человѣческой бугорчатки.

Въ настоящее время борьба съ чахоткой ведется единственно профилактическими и предупредительными мѣрами: стараются поднять жизненныя силы больныхъ хорошимъ питаніемъ, чистымъ воздухомъ и прочими благопріятными условіями жизни, а также поставить ихъ въ невозможность заражать окружающихъ здоровыхъ людей изолированіемъ больныхъ, дезинфекціей ихъ мокроты и прочихъ выдѣленій, запрещеніемъ продажи молока и мяса чахоточныхъ коровъ, устройствомъ возможно большого количества приморскихъ лѣчебныхъ учрежденій для слабыхъ, анемичныхъ и золотушныхъ субъектовъ, особенно дѣтей, устройствомъ санаторій въ благопріятныхъ мѣстностяхъ для чахоточныхъ, наконецъ распространеніемъ въ публикѣ всякаго рода свѣдѣній, знакомящихъ съ чахоткой и мѣрами борьбы съ нею. Таковы были постановленія международнаго съѣзда врачей, бывшаго во Франціи въ 1891 г.

Несмотря на повсемѣстное распространеніе туберкулезной бациллы и на самую широкую возможность заполучить ее, однако же не всѣ люди заражаются чахоткой. Въ медицинской наукѣ въ настоящее время утвердилось

убѣжденіе, что заражаются только предрасположенные къ болѣзни, т.-е. ослабленные какимъ-либо образомъ организмы, у большинства же людей существуетъ особая невосприимчивость къ болѣзни, такъ называемый иммунитетъ. Но чему именно мы обязаны этимъ спасительнымъ иммунитетомъ? На основаніи многочисленныхъ изслѣдованій бактеріологовъ и медиковъ извѣстно, что здоровый человѣческій и животный организмъ вырабатываетъ соки, губительно дѣйствующіе на развитіе бактерій, таковы, наприм.: кровяная сыворотка, соки селезенки, щитовидной железы и другихъ органовъ, таковы же и бѣлыя кровяныя тѣльца, названныя Мечниковымъ фагоцитами. Въ 1883 г. на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ нашъ русскій ученый Мечниковъ впервые высказалъ свои соображенія о той роли, какую играютъ безцвѣтныя кровяныя тѣльца въ крови животныхъ и человѣка въ борьбѣ организма съ болѣзнетворными бактеріями, попадающими въ кровь. Мечниковъ открылъ, что эти безцвѣтные кровяные шарики, названные имъ фагоцитами, постоянно стоятъ на стражѣ нашего благополучія; какъ только въ нашу кровь попадаютъ бактеріи, они тотчасъ устремляются къ нимъ, обволакиваютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и поглощаютъ. Такимъ образомъ, они защищаютъ нашъ организмъ отъ враговъ, угрожающихъ нашему здоровью. Бактеріи, развиваясь въ животномъ организмѣ, выдѣляютъ всегда изъ своего тѣла продукты своей жизнедѣятельности—ядовитые токсины (послѣдніе, вырабатываемые бактеріями въ гніющемъ веществѣ, называются птомаинами отъ греческаго слова πτῶμα—падаль). Эти-то ядовитыя вещества, выдѣляемыя болѣзнетворными бактеріями, поселившимися въ нашей крови, раздражаютъ фагоцитовъ, чѣмъ обусловливаютъ ихъ приближеніе къ бактеріямъ. Въ большинствѣ случаевъ, кровяныя тѣльца или фагоциты одерживаютъ побѣду въ борьбѣ съ бактеріями; но если силы фагоцитовъ будутъ ослаблены неблагопріятными жизненными условіями организма, наприм., голодомъ, простудой, или же если они унаслѣдованы слабыми,—словомъ, если силы враговъ превышаютъ силы нашихъ защитниковъ, то неистребленныя бактеріи продолжаютъ безпрепятственно размножаться, и результатомъ ихъ жизнедѣятельности въ нашемъ тѣлѣ является всеобщее отравленіе нашего организма ядовитыми токсинами, влекущее за собой разложеніе крови и смерть.

Въ настоящее время извѣстно много фактовъ изъ борьбы, какая почти непрерывно ведется въ нашемъ организмѣ между различными болѣзнетворными бактеріями и фагоцитами нашей крови, и потому нельзя не упомянуть о ней, говоря о бактеріяхъ, тѣмъ болѣе, что на ней основаны предохранительныя прививки противъ заразныхъ болѣзней.

Для нѣкоторыхъ болѣзней, какъ оспа, сибирская язва, тифъ, констатировано, что разъ перенесенная болѣзнь предохраняетъ отъ вторичнаго заболѣванія. Такимъ образомъ является возможность предупредить эти болѣзни, заставляя организмъ переболѣть болѣе слабой, не смертельной ихъ формой. Для этого еще въ древности пользовались инокуляціей,—такъ называлось искусственное зараженіе здоровыхъ людей слабой, не смертельной

формой какой-либо болѣзни, наприм. оспы, чтобы сообщить имъ невоспріимчивость къ сильной формѣ болѣзни. Предохранительныя прививки коровьей оспы человѣку, какъ извѣстно, общеприняты въ Европѣ еще съ прошлаго столѣтія. Значеніе вакцинаціи, т.-е. предохранительной прививки, открыто было чисто-эмпирическимъ путемъ. Эдвардъ Дженеръ, обезсмертившій свое имя этимъ благодѣтельнымъ для человѣчества открытіемъ, обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что люди, случайно заразившіеся коровьей оспой, не заболѣвали злокачественной. Провѣривъ это явленіе, замѣченное еще въ древности въ народѣ, онъ былъ первымъ, введшимъ предохранительное зараженіе или прививку въ 1796 г. въ защиту отъ страшной въ то время злокачественной оспы. Въ данномъ случаѣ Дженеръ употребилъ методъ, легшій въ основу выработанныхъ впослѣдствіи методовъ прививокъ, именно: ослабленія контагіознаго начала проведеніемъ его черезъ организмъ другого животнаго, именно коровы, менѣе воспріимчивой къ болѣзни—оспѣ. Послѣ открытія Дженера многіе врачи пытались дѣлать предохранительныя прививки разныхъ болѣзней, прививая заразное начало отъ однихъ больныхъ другимъ. Но эти попытки въ большинствѣ случаевъ кончались плачевно, не достигая цѣли. Потребовался глубокій и проницательный умъ Пастёра, чтобы проникнуть въ самую суть успѣха Дженеровскаго метода оспопрививанія. Пастёръ первый послѣ Дженера сознательно позаботился объ ослабленіи заразнаго начала соотвѣтственной культурой бактерій, почему Пастёра съ полной справедливостью можно считать основателемъ ученія о предохранительныхъ прививкахъ противъ заразныхъ болѣзней. Въ результатѣ такихъ послѣдовательныхъ культуръ Пастёръ получилъ ослабленныя поколѣнія патогенныхъ бактерій—такъ называемыя *вакцины*. Сдѣланныя имъ прививки куриной холеры курамъ, свиной рожи свиньямъ, далѣе усовершенствованіе открытаго Туссеномъ (Toussain) способа прививокъ сибирской язвы рогатому скоту, имѣвшія такое важное значеніе для сельскаго хозяйства, завершились открытіемъ, которое останется навсегда памятнымъ въ сердцахъ признательнаго человѣчества: именно, въ 1884 г. Пастёръ открылъ способъ предохранительныхъ прививокъ такъ называемаго «собачьяго бѣшенства» или водобоязни, отъ котораго до тѣхъ поръ не существовало никакого спасенія. Ядъ бѣшенства Пастёръ ослаблялъ особымъ способомъ высушиванія до извѣстныхъ степеней мозговъ бѣшеныхъ кроликовъ; соотвѣтственно этимъ степенямъ высушиванія получались большія или меньшія степени ядовитости (вирулентности) бѣшеннаго начала. Послѣдовательныя прививки ослабленнаго такимъ образомъ яда оказались дѣйствительными для спасенія людей, укушенныхъ бѣшеными животными, если только дѣлались въ началѣ инкубаціоннаго (скрытаго) періода болѣзни. Чтобы представить себѣ яснѣе дѣйствіе предохранительныхъ прививокъ на организмъ для сообщенія ему невоспріимчивости къ тому или иному роду болѣзни, возьмемъ для поясненія сибирскую язву (anthrax). Кровь животныхъ, умершихъ отъ этой болѣзни, переполнена бактеріями—Bacillis anthracis. Разводки этихъ бакте-

рій, полученныхъ при обыкновенныхъ условіяхъ компатной температуры, отличаются сильной ядовитостью. Они убивали животныхъ, которымъ ихъ прививали, черезъ нѣсколько дней послѣ прививки; но если сибиреязвенныхъ бактерій разводить при 42—43° С., какъ это дѣлалъ покойный профессоръ Ценковскій, то они скоро теряютъ свою сильную ядовитость и привитыя животнымъ, наприм. баранамъ, безсильны уже убить послѣднихъ, а причиняютъ имъ лишь слабую степень болѣзни. Итакъ, сущность прививки состоитъ въ пріученіи фагоцитовъ крови барановъ къ борьбѣ съ бактеріями сибирской язвы, и если такому барану, претерпѣвшему ослабленную болѣзнь, привить послѣдовательно нѣсколько сильную разводку, то онъ остается живымъ. Онъ, очевидно, пріобрѣлъ уже иммунитетъ. Фагоциты его, привыкшіе къ борьбѣ съ болѣе слабыми врагами, справляются и съ сильнѣйшими, одолѣвая ихъ.

Въ послѣднее время въ медицинѣ практикуется способъ прививки сыворотки крови иммунизированныхъ животныхъ при лѣченіи дифтерита и чумы. Способъ приготовленія антитоксической сыворотки, изобрѣтенный французскимъ ученымъ Ру (Roux) и одновременно нѣмецкимъ ученымъ Берингомъ (Behring), состоитъ въ томъ, что какое-нибудь животное, преимущественно лошадь, иммунизируютъ къ той или иной болѣзни, прививая ей послѣдовательно повышающіяся дозы соотвѣтственныхъ разводокъ бактерій, начиная съ слабо дѣйствующихъ и постепенно переходя къ болѣе сильнымъ. Лошадь послѣ этихъ прививокъ заболѣваетъ слабой формой болѣзни и по выздоровленіи въ ея тѣлѣ вырабатывается противоядіе—антитоксинъ. Если этотъ антитоксинъ, растворенный въ крови иммунизированной лошади, привить животному или человѣку, заболѣвшему той болѣзнью, противъ которой иммунизировали лошадь, то впрыснутая въ кровь больного антитоксическая сыворотка нейтрализуетъ дѣйствіе болѣзнетворныхъ токсиновъ и излѣчиваетъ болѣзнь. Сывороточное лѣченіе дифтерита, рекомендованное Берингомъ и Ру, практикуется теперь всюду въ Европѣ. У насъ въ Россіи противодифтеритная сыворотка добывается въ институтѣ экспериментальной медицины въ Петербургѣ и всюду на бактеріологическихъ станціяхъ разныхъ городовъ, откуда разсылается во всѣ концы Россіи врачамъ-практикамъ, которые почти единогласно констатируютъ громадный успѣхъ, сопровождающій сывороточное лѣченіе.

Всѣ болѣзни, причиняемыя бактеріями, принято дѣлить на двѣ большія группы, сообразно дѣйствію ихъ на человѣческій организмъ: септицемическую и токсическую. Къ первой группѣ относятъ болѣзни, при которыхъ бактеріи распространяются быстро и въ громадныхъ количествахъ по всему тѣлу, каковы: холера, тифъ, септицемія, чума, сибирская язва; при болѣзняхъ токсическихъ бактеріи поражаютъ только часть нашего тѣла, отравляя весь остальной организмъ своими ядовитыми выдѣленіями—токсинами, таковы: дифтеритъ, тетанусъ—столбнякъ. Антитоксическое сывороточное лѣченіе болѣзней токсическихъ, наприм. дифтерита, признается вполнѣ раціональнымъ; благопріятное дѣйствіе этого лѣченія объясняется тѣмъ, что про-

тивоядіе антитоксина парализуетъ дѣйствіе ядовитаго токсина дифтеритныхъ бациллъ, отравляющихъ тѣло больного; что же касается самихъ бациллъ, то хотя онѣ и продолжаютъ развиваться на опредѣленномъ участкѣ тѣла, но постепенно поглощаются фагоцитами, и такимъ образомъ организмъ освобождается отъ нихъ мало-по-малу и побѣждаетъ болѣзнь. При болѣзняхъ же септицемическихъ, наприм. холерѣ, хотя токсины, отравляющіе тѣло больного, и нейтрализуются антитоксиномъ сыворотки, но бактеріи размножаются съ такою быстротой по всему тѣлу больного, что фагоциты не успѣваютъ справиться съ ними, и борьба становится неравной. Поэтому и успѣхъ сывороточнаго лѣченія по способу Ру (Roux) болѣзней септицемическихъ становится гадательнымъ (Ушинскій).

Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что холера, приводившая недавно въ ужасъ всю Европу, заставляя жителей городовъ, пораженныхъ эпидеміей, бѣжать въ паническомъ страхѣ, какъ это было въ Баку, Астрахани, Гамбургѣ лѣтомъ 1892 г., что эта страшная болѣзнь причиняется тоже особымъ видомъ бактерій. Робертъ Кохъ, профессоръ Берлинскаго университета, командированный во главѣ научной экспедиціи въ Индію для изученія происхожденія холеры, въ 1883 г. выдѣлилъ эту бактерію, неизмѣнно встрѣчающуюся въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ. Она оказалась запятовидной палочкой въ половину или двѣ трети туберкулёзной бациллы. Вслѣдствіе ея сходства съ запятой, Кохъ назвалъ ее «Komma bacillus» — бацилла-запятая. На одномъ концѣ эта палочка снабжена жгутикомъ, у нѣкоторыхъ индивидовъ бываетъ по нѣскольку жгутиковъ, поэтому всѣ холерныя запятыя отличаются очень оживленными движеніями. Очень часто двѣ запятыхъ соприкасаются другъ съ другомъ, образуя форму S, иногда нѣсколько запятыхъ переплетаются между собою, образуя правильную спираль. Холерныя запятыя чаще всего принимаютъ форму спириллъ при наступленіи какихъ-либо неблагопріятныхъ условій, задерживающихъ развитіе ихъ. Запятыя найдены были Кохомъ также въ водѣ болотной мѣстности, въ которой свирѣпствовала холера среди индійскаго населенія, употреблявшаго эту воду для питья и мытья. Въ этой запятовидной бактеріи (Komma bacillus) Кохъ, а за нимъ почти весь научный міръ, признали контагій холеры. Родина холеры—Индія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея, какъ Бенгалія, устье Ганга, холера свирѣпствуетъ эндемически и при благопріятныхъ для переноса условіяхъ широко распространяется, вызывая эпидеміи не только у себя на родинѣ, но и въ Европѣ, гдѣ страшную гостью назвали «азіатскою» по мѣсту ея происхожденія. По мнѣнію Коха, зараженіе холерой происходитъ черезъ посредство пищеварительныхъ органовъ: холерныя запятыя попадаютъ вмѣстѣ съ пищей въ желудокъ, и если пищеварительныя отправленія нарушены, то не убитыя желудочнымъ сокомъ бактеріи проникаютъ въ кишечникъ, гдѣ размножаются и отравляютъ организмъ своими ядовитыми токсинами, вызывая тѣ страшныя болѣзненныя явленія, которыя сопровождаютъ заболѣваніе холерой. Холерныя выдѣленія, загрязняя бѣлье, воду, влажную почву, распространяются и снова по-

падаютъ на пищевые продукты такъ или иначе — или съ пылью воздуха, или съ водой, и заражаютъ новыя жертвы среди людей, страдающихъ пищеварительными разстройствами.

Холерная запятая — бактерія факультативная, такъ какъ она бываетъ то сапрофитомъ, то паразитомъ, смотря по тому, гдѣ развивается — въ почвѣ, или въ живомъ организмѣ. Растетъ она лучше всего въ присутствіи кислорода воздуха, но легко можетъ обходиться и безъ воздуха. Самыя благопріятныя условія для ея развитія—слабо-щелочная среда, влажность и высокая температура отъ 30°—40° С. Размноженіе холерной запятой, по наблюденіямъ Бюхнера (Büchner) и другихъ, совершается въ предѣлахъ отъ 19—40 м. Кислая питательная среда замедляетъ и даже совсѣмъ прекращаетъ развитіе запятыхъ. Продолжительное дѣйствіе кислаго желудочнаго сока убиваетъ ихъ; поэтому люди съ здоровымъ желудкомъ имѣютъ больше шансовъ противостоять зараженію холерой, чѣмъ страдающіе катарромъ, у которыхъ желудочный сокъ бѣденъ кислотой и имѣетъ щелочную реакцію. Холодъ запятыя переносятъ до 26° R., по наблюденіямъ Внукова. Къ высушиванію онѣ относятся также стоически. Беркгольцъ (Berkholz) нашелъ запятыхъ на высохшей шелковинкѣ, гдѣ онѣ оставались засохшими 86 дней, и, будучи переведены въ благопріятную для нихъ среду, проявили свою жизнеспособность, а Гюйонъ (Guyon) разсказываетъ, что высушенныя на покровныхъ стеклышкахъ въ термостатѣ (особая печь съ постоянной температурой) холерныя запятыя сохраняли свою жизнеспособность въ теченіе 120 дней.

Если принять во вниманіе это равнодушіе холерныхъ бациллъ къ холоду и засухѣ, то нисколько неудивительно, что въ мѣстностяхъ, загрязненныхъ холерными изверженіями, холерныя эпидеміи возобновляются по нѣскольку лѣтъ подъ-рядъ при наступленіи извѣстной степени влажности, необходимой для развитія запятыхъ.

Несмотря на почти всеобщее признаніе Коховской запятой за контагій холеры, нѣкоторые изъ очень авторитетныхъ ученыхъ,—наприм., проф. Петтенкоферъ,—не соглашались съ Кохомъ, такъ какъ опыты съ животными, которымъ прививались чистыя разводки холерныхъ запятыхъ, были не убѣдительны: они не давали настоящей картины холернаго заболѣванія, но въ то же время и не опровергали предположенія Коха, принимавшаго «запятыхъ» за контагій холеры, тѣмъ болѣе, что всѣ изслѣдователи неизмѣнно находили ихъ въ холерныхъ изверженіяхъ. Петтенкоферъ утверждалъ, что Коховская запятая сама по себѣ не можетъ произвести холеры, а вызываетъ ее особый ядъ, токсинъ бактеріи, являющійся въ результатѣ ея развитія при особыхъ совмѣстныхъ условіяхъ температуры, воздуха, почвы и воды. Поясняя свое предположеніе примѣромъ, Петтенкоферъ сравнилъ холерную запятую съ дрожжевыми грибками при броженіи, почву при извѣстныхъ условіяхъ—съ виноградным сусломъ, а токсинъ запятыхъ, являющійся при развитіи ихъ въ особыхъ условіяхъ почвы,—со спиртомъ, получаемымъ въ результатѣ жизнедѣятельности дрожжевыхъ грибковъ на-

счетъ виноградnаго сусла. Ни дрожжевые грибки, ни виноградное сусло не могутъ опьянить человѣка, такъ какъ опьяняющимъ свойствомъ обладаетъ лишь спиртъ — продуктъ жизнедѣятельности дрожжевыхъ грибковъ на счетъ виноградnаго сусла. Точно также и холерная запятая Коха сама по себѣ не вызываетъ холеры, а контагіемъ служитъ ея токсинъ, образующійся при нѣкоторыхъ благопріятныхъ для развитія бактеріи условіяхъ почвы и температуры. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о холерномъ контагіи Петтенкоферъ рѣшился на героическій поступокъ: именно, нейтрализовавъ кислотность своего желудка содой, онъ принялъ разводку Коховскихъ запятыхъ, исходя изъ того положенія, что въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ жилъ, не было холеры, слѣдовательно не было и всѣхъ тѣхъ условій, которыя могли бы обусловить заболѣваніе холерой. Послѣ пріема холерныхъ бактерій Петтенкоферъ не мѣнялъ обычнаго образа жизни, однако принятыя «запятыя» дали себя почувствовать, размножившись въ кишечникѣ экспериментатора. Извержeнія кишечника имѣли холерный видъ, хотя при этомъ не было тѣхъ тяжелыхъ, болѣзненныхъ явленій, какія обыкновенно сопровождаютъ холеру. На 7-й день Петтенкоферъ окончательно поправился отъ послѣдствій пріема Коховскихъ запятыхъ, доказавъ такимъ образомъ на самомъ себѣ, что эта «запятая» хотя и сопровождаетъ холеру, но не есть контагій холеры. Подобный же опытъ, десять дней спустя послѣ Петтенкофера, продѣлалъ съ такимъ же успѣхомъ профессоръ Эммерихъ. Эти опыты, полные благородства и самоотверженія, произведенные въ октябрѣ 1892 г., побудили новыхъ изслѣдователей искать источникъ холерной заразы уже не въ Коховской запятой, такъ какъ она сама по себѣ не производитъ ни одного изъ тѣхъ страшныхъ явленій, которыя сопровождаютъ холерный поносъ и указываютъ на отравленіе всего организма, влекущее за собой смерть.

Изслѣдованія врачей Блакштейна и Шубенка, командированныхъ въ Баку, во время послѣдней холерной эпидеміи, петербургскимъ институтомъ экспериментальной медицины обнаружили контагій холеры не въ одной запятой Коха, а въ совмѣстномъ дѣйствіи ея съ 3 другими видами бактерій. Поименованные врачи изслѣдовали большое количество холерныхъ больныхъ и произвели много опытовъ искусственнаго зараженія животныхъ, именно мышей и кроликовъ. Опытъ состоялъ въ томъ, что они впрыскивали кролику подъ кожу 1 к. с. свѣжаго испражненія холернаго больного. Каждый кроликъ послѣ такой прививки неизбѣжно умиралъ. Бактеріологическое изслѣдованіе впрыскиваемаго испражненія показало, что Коховская запятовидная бактерія по количеству вчетверо превосходила другихъ бывшихъ тамъ бактерій. Затѣмъ Блакштейнъ и Шубенко сумѣли выдѣлить изъ испражненій холерныхъ больныхъ чистыя разводки четырехъ видовъ бактерій, изъ которыхъ одна была Коховская запятая, три другихъ вида бактерій сильно разнились отъ нея и названы ими были Bacilli Caspicis. Когда экспериментаторы впрыскивали подъ кожу мышамъ по $^1/_{20}$ к. снт. каждой изъ этихъ чистыхъ разводокъ отдѣльно, то мыши оставались живыми,

но если имъ впрыскивали такое же точно количество, т.-е. по $^1/_{20}$ смѣси разводокъ всѣхъ четырехъ видовъ бактерій, то получалась полная картина смерти отъ холеры.

Судя по опубликованнымъ Блакштейномъ и Шубенкомъ опытамъ, заразность холеры обусловливается совмѣстнымъ развитіемъ этихъ бактерій, изъ которыхъ одна представляетъ собой Коховскую запятую. Опытъ Петтенкофера и Эммериха (Pettenkofer, Emmerich) такимъ образомъ находитъ объясненіе въ отсутствіи въ принятой ими разводкѣ другихъ видовъ бактерій, необходимыхъ для произведенія холеры.

Многочисленные изслѣдователи изучали сущность холернаго яда, и по этому вопросу мнѣнія ученыхъ раздѣлились. Одни изъ нихъ съ (Pfeiffer) Пфейферомъ во главѣ утверждаютъ, что ядовитый токсинъ содержится въ тѣлѣ бактерій, а другіе, какъ Грюберъ и Берингъ (Grüber, Behring), доказываютъ, что холерный токсинъ образуется подъ вліяніемъ жизнедѣятельности бактерій. Этотъ спорный вопросъ разрѣшенъ очень остроумными опытами Мечникова, Ру (Roux) и Торели-Салимбени (Taureli-Salimbeni). Упомянутые ученые сдѣлали три мѣшечка изъ коллодія, каждый изъ нихъ вмѣщалъ въ себѣ жидкости отъ 3 — 4 кубич. снтм. Въ одинъ мѣшечекъ они заключили растворъ пептона съ живыми холерными бактеріями, другой наполнили мертвыми бактеріями, а третій стерилизованнымъ бульономъ; всѣ три мѣшечка были тщательно закупорены тѣмъ же самымъ коллодіемъ, такъ что бактеріи не могли проникнуть изъ мѣшка наружу. Для опыта были взяты морскія свинки, которымъ и вводили въ полость брюшины по одному коллодійному мѣшечку, конечно, при соблюденіи строгихъ антисептическихъ предосторожностей, чтобы не вызвать зараженія свинокъ другими бактеріями. Та свинка, которой былъ введенъ стерилизованный бульонъ, осталась жива и здорова; вторая, которой введенъ былъ мѣшечекъ съ мертвыми бактеріями, немножко переболѣла, но осталась въ живыхъ, а третья, которой былъ введенъ мѣшечекъ съ живыми бактеріями, околѣла спустя три дня, при явленіяхъ отравленія всего организма, свойственныхъ холерѣ. Анатомическое изслѣдованіе свинки не обнаружило ни слѣда холерныхъ бактерій ни въ полости брюшины, ни въ крови, ни въ селезенкѣ. Ясно, что смерть свинки причинена ядовитыми токсинами, которыя получались благодаря размноженію и жизнедѣятельности бактерій и диффундировали чрезъ стѣнки коллодійнаго мѣшка въ соки организма свинки. Этотъ опытъ былъ рѣшающимъ въ спорномъ вопросѣ: такъ какъ мертвыя бактеріи не причинили смертельнаго вреда свинкѣ, то слѣдовало признать холерный токсинъ продуктомъ жизнедѣятельности холерныхъ бактерій.

Благодаря развитію ученія объ иммунитетѣ, выдвинутъ былъ на очередь вопросъ объ искусственной иммунизаціи людей противъ азіатской холеры. Гамалѣя былъ первымъ изслѣдователемъ въ выработкѣ способа иммунизаціи противъ холеры. Для этого онъ воспользовался методомъ Пастёра въ прививкахъ противъ водобоязни, именно: кровь зараженныхъ холерой морскихъ свинокъ Гамалѣя прививалъ голубямъ, въ тѣлѣ которыхъ холерный

ядъ очень усиливался и привитый послѣ этого снова морскимъ свинкамъ, въ видѣ ничтожнаго количества голубиной крови, способенъ былъ уже причинить имъ смерть. Такъ получалось усиленіе холернаго яда. Для сообщенія иммунитета морскимъ свинкамъ противъ холеры Гамалѣя бралъ сильныя разводки, стерилизовалъ ихъ нагрѣваніемъ и впрыскивалъ морскимъ свинкамъ подъ кожу. Иммунизированныя такимъ образомъ животныя безнаказанно выносили уже прививки сильнѣйшаго холернаго яда.

Подобные же опыты надъ морскими свинками продѣланы были испанскимъ врачомъ Ферамомъ (Ferran), начавшимъ послѣ опытовъ надъ животными противохолерныя прививки людямъ для сообщенія имъ иммунитета къ холерѣ, но прививки эти не имѣли успѣха. Вслѣдъ за Ферамомъ очень многіе изслѣдователи занялись разработкой вопроса объ иммунизаціи противъ холеры. Въ 1892 г. Хавкинъ дѣлалъ предохранительную холерную прививку себѣ и еще нѣкоторымъ лицамъ,—прививка оказалась вполнѣ безвредной и сообщающей иммунитетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Во время холерной эпидеміи въ Калькутѣ въ 1894 г. Хавкинъ дѣлалъ многочисленныя противохолерныя прививки. Къ сожалѣнію, только надъ небольшимъ количествомъ привитыхъ былъ учрежденъ строгій контроль и возможна была провѣрка результатовъ, оказавшихся въ общемъ благопріятными. Въ послѣднее время Пфейферъ изобрѣлъ бактеріеубивающую сыворотку, но она дѣйствительна только для иммунизаціи и не способна противодѣйствовать токсинамъ, отравляющимъ организмъ при заболѣваніи холерой. Гораздо большій интересъ для лѣченія холеры представляетъ добытая Мечниковымъ, Ру и Торели-Салимбени, а также Берингомъ и Рансомомъ (Behring, Ransom) антитоксическая сыворотка. Опытъ показалъ, что 3 к. снт. этой сыворотки, впрыснутые подъ кожу морской свинкѣ, которой предварительно введена была въ область брюшины почти тройная порція смертельной холерной разводки, спасали ее отъ смерти.

Итакъ, благодаря лабораторнымъ трудамъ уже недалеко то время, когда человѣчество избавится отъ ужасныхъ бичей въ видѣ чахотки, дифтерита, холеры, чумы и т. п. болѣзней, локализируя ихъ съ одной стороны профилактическими мѣрами и антитоксическимъ сывороточнымъ лѣченіемъ, а съ другой стороны путемъ иммунизаціи людей въ мѣстахъ, гдѣ эпидеміи свирѣпствуютъ эндемически, вырывая съ корнемъ очаги заразы.

Особенно важно для Европы уничтоженіе очаговъ чумы, существующихъ въ Азіи. Въ Европѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы чума свирѣпствовала эндемически, какъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая, въ Остъ-Индіи, у подошвы Гималайскихъ горъ, въ Месопотаміи — у верховьевъ Тигра и Ефрата, въ Малой Азіи — въ Арменіи. Къ намъ чума заносилась всегда съ Востока. Опасность заноса страшной гостьи возросла въ послѣднее время съ улучшеніемъ путей сообщенія и облегченіемъ международныхъ сношеній. Въ Китаѣ съ 1894 г. чума коситъ свою страшную жатву, а съ 1896 г. эпидемія распространилась и по Индіи. Наши азіатскія границы съ одной стороны прилегаютъ непосредственно къ китайскимъ, съ другой — къ индійскимъ вла-

дѣніямъ англичанъ, и намъ, болѣе чѣмъ другимъ европейскимъ державамъ, слѣдуетъ опасаться грознаго запоса чумы.

Болѣзнь эта, повидимому, стара какъ міръ и существовала еще въ доисторическія времена. О ней упоминается, какъ о болѣзни извѣстной въ древности, еще въ первоначальныхъ, историческихъ документахъ, наприм., въ Библіи, у Платона, въ Исторіи Геродота и Фукидида. Послѣдній описалъ чуму, бывшую въ Аѳинахъ въ правленіе Перикла въ 531 г. до Р. Х. Для спасенія Аѳинъ призванъ былъ Гиппократъ, именуемый «отцомъ медицины», который предложилъ очистить атмосферу зараженнаго города посредствомъ огня. Изъ римскихъ источниковъ мы находимъ указаніе о чумѣ у Тацита, у Тита Ливія, у Виргилія, у Овидія, въ запискахъ Юлія Цезаря и другихъ хроникеровъ, оставившихъ описаніе чумы еще до Р. Х. и послѣ.

Въ VI столѣтіи по Р. Х. такъ называемая Юстиніанова чума опустошила Малую Азію, Сирію, Сѣверную Африку и всю Европу. Съ VI стол. по XIV чума свирѣпствовала въ разныхъ мѣстахъ Европы, но особенно ожесточилась въ IX вѣкѣ, распространившись почти по всей Европѣ. Благодаря крестовымъ походамъ, главнымъ образомъ, и великому переселенію народовъ чумная зараза, вмѣстѣ съ другой страшной болѣзнью—проказой, разносилась по Европѣ, причиняя ей страшныя опустошенія въ средніе вѣка. Въ XIV стол. чумная эпидемія подъ именемъ черной смерти повторилась съ невѣроятной губительностью и на этотъ разъ скосила въ Азіи, по свидѣтельству современниковъ, около 24 милліоновъ, не считая Китая, которому приписываютъ 13 милліоновъ жертвъ, а въ Европѣ вымерла $^1/_4$ часть ея населенія, по Hecker'у около 22 милліоновъ. Черная смерть свирѣпствовала не только на материкѣ Стараго Свѣта, но и на островахъ Архипелага, Средиземнаго моря, а также на островахъ Великобританіи, Шотландіи, Фаррерскихъ, Шотландскихъ и Гренландіи, куда чума проникла черезъ Норвегію. При отсутствіи въ то время точныхъ статистическихъ данныхъ мы должны довольствоваться приблизительными цифрами. Очень возможно, что количество жертвъ превосходило упомянутыя цифры, особенно въ Китаѣ и Индіи, населенныхъ несравненно гуще, чѣмъ современная имъ Европа. Въ XIV столѣтіи Россія не избѣжала общей участи Европы съ Азіей и Африкой. Но еще раньше, согласно лѣтописи Нестора, въ XI стол. Кіевъ сдѣлался жертвой чумы, похитившей 7,000 человѣкъ въ двѣ недѣли. Въ XIII стол., по свидѣтельству лѣтописцевъ, вся средняя и сѣверная Россія поражены были ужасной «моровой язвой», которая не покидала Россію въ теченіе 5 столѣтій, то вспыхивая въ разныхъ мѣстахъ, то затихая на нѣкоторое время.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія чума опустошила Индію. По вычисленіямъ Hirsch'a, смертность представляла 80%. Ходъ эпидеміи былъ быстрый и губительный. Въ русскіе предѣлы чума проникла изъ Азіи на Кавказъ и въ Крымъ, а также въ тридцатыхъ годахъ въ дѣйствующую противъ турокъ армію въ Молдавіи и Валахіи. Въ Одессу чума была занесена въ 1837 г., но всюду ее удавалось быстро локализировать санитар-

пыми мѣрами. Въ 1878 г. чума появилась при устьѣ Волги, въ станицѣ Ветлянкѣ. Эпидемія продержалась здѣсь всего нѣсколько мѣсяцевъ, съ половины октября 1878 г. по январь 1879 г., и отличалась особенной злокачественностью и быстротой теченія. Въ началѣ и концѣ эпидеміи процентъ смертности былъ отъ 80% до 90%, а въ зенитѣ эпидеміи 100% заболѣвшихъ. Въ концѣ пощады не было никому, кто заболѣвалъ, тотъ и умиралъ. Всего было около 500 чумныхъ заболѣваній. Эмидемію удалось потушить только строгими санитарными мѣрами. Ветлянку оцѣпили военнымъ кордономъ и не выпустили изъ нея никого до окончательнаго прекращенія эпидеміи; послѣ чего обеззаразили и сожгли все, что могло послужить къ дальнѣйшему распространенію заразы. Чума дала намъ первое грозное предостереженіе. Въ Индіи, между тѣмъ, чума не прекращается до послѣдняго времени, а Европа въ лицѣ своихъ ученыхъ неустанно изыскиваетъ мѣры для борьбы съ угрожающей ей болѣзнью.

Болѣзнь эта, по свидѣтельству многихъ историковъ-очевидцевъ и врачей, характеризуется опухолью лимфатическихъ железъ или образованіемъ бубоновъ чаще всего въ паху и подъ мышками, поэтому типичная чума и называется бубонною. Бубоны достигаютъ иногда величины куринаго яйца и причиняютъ заболѣвшимъ сильную боль. Одновременно поражаются и легкія, отчего является кровохарканье и иногда кровавая рвота. Температура, по свидѣтельству врачей Морозова и Григорьева, умершихъ въ Ветлянкѣ, поднимается выше 40°; больные жалуются на страшную головную боль, невыносимую жажду, боль въ груди, мучительное психическое угнетеніе, тоску и отчаяніе. Болѣзнь сопровождается сильной лихорадкой и пораженіемъ нервной системы. Больные бредятъ, у иныхъ замѣчается потеря сознанія, судороги и параличъ языка. Иногда все тѣло покрывается черными пятнами и нарывами. Болѣзнь чаще всего кончается смертью на третій или на четвертый день по заболѣваніи, но въ особенно злокачественныхъ случаяхъ смерть наступаетъ черезъ нѣсколько часовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ больные выздоравливаютъ. Было замѣчено, что люди, разъ перенесшіе чуму, не заболѣваютъ ею вторично, становятся иммунными къ чумѣ.

Эпоху въ изученіи чумы сдѣлало одновременное открытіе врачами Іерсиномъ (Iersin) и Китазато (Kitasato) чумной бактеріи въ крови и бубонахъ чумныхъ въ 1894 г. Ту же бактерію Іерсинъ находилъ въ почвѣ зачумленныхъ мѣстъ. Со времени этого открытія врачи и бактеріологи неутомимо эксперементируютъ въ своихъ лабораторіяхъ, изучая біологическія свойства чумной бактеріи. По опредѣленію изслѣдователей чума представляетъ собой коккобактерію, т.-е. такую палочку, которая въ ранней стадіи своего развитія имѣетъ шарообразную форму, а въ болѣе позднѣй превращается въ палочку съ закругленными концами, длиною отъ 1 до 2 д. На агаръ-агарѣ чума вырастаетъ до 5—8 м., посѣянная въ бульонѣ она образуетъ цѣпочки, какъ стрептококки. Коккобактерія чумы отличается неподвижностью, размножается дѣленіемъ, споръ не образуетъ, развивается

хорошо и въ присутствіи кислорода и безъ доступа кислорода. Словомъ, чума факультативно аэробная бактерія, живущая по обстоятельствамъ, то какъ аэробная, то какъ анаэробъ. Устойчивость чумной бациллы противъ неблагопріятныхъ условій поразительна. Габричевскій дѣлалъ опыты, засушивая на стеклѣ и сохраняя ихъ въ темнотѣ и на разсѣянномъ свѣтѣ по два года, и бактеріи послѣ такого продолжительнаго засыханія сохраняли свою жизнеспособность. Замораживаніе ихъ при 20° С. съ послѣдующимъ оттаиваніемъ тоже не лишало ихъ жизнеспособности. Солнечный свѣтъ губительно дѣйствуетъ на чумную бактерію, какъ и на всякую другую. Культуры чумныхъ палочекъ, выставленныя на прямой солнечный свѣтъ, погибаютъ черезъ нѣсколько часовъ даже въ нашемъ климатѣ, а на родинѣ чумы палящее въ разгаръ лѣта солнце всегда ослабляло и даже прекращало чумныя эпидеміи, какъ это было замѣчено въ Мессопотаміи по Tholozan'у. То-же явленіе было замѣчено и относительно Египта (Prosper Alpinus). Флоринскій тоже собралъ факты, подтверждающіе, что всѣ чумныя эпидеміи въ Россіи начинались осенью. Антисептическія средства, какъ негашеная известь, сулема, карболовая кислота по Габричевскому даже въ 1% растворѣ убиваютъ чумную палочку черезъ часъ. Русскіе врачи въ 1829 г. во время чумной эпидеміи въ войскахъ, воевавшихъ съ Турціей, предохраняли себя одеждой пропитанной дегтемъ и обеззараживаніемъ рукъ и волосъ. Врачи въ Ветлянкѣ смазывали себѣ руки карболовымъ масломъ и растворомъ карболки обрызгивали свои волосы, а платье надѣвали изъ каучука.

Многочисленными наблюденіями доказано, что зараза передается при непосредственномъ прикосновеніи съ больными, или съ зараженными вещами, а также заносится съ обувью, съ приставшими къ ней частицами почвы. (Почва—естественная среда для развитія чумной палочки). Китазато и Іерсинъ находили чумныя бациллы въ воздухѣ вмѣстѣ съ пылью на разстояніи 4—5 фут. отъ больного. Многіе наблюдали, по сообщеніямъ д-ра Ренни, что чумныя эпидеміи животныхъ—мышей, крысъ, кошекъ, собакъ, свиней, куръ предшествуютъ чумнымъ эпидеміямъ среди людей.

Зараза разносится зачумленными животными, а еще чаще мухами, въ тѣлѣ которыхъ Китазато и Вильмъ (Wilm) находили чумныя палочки. Мы уже знаемъ изъ опытовъ Пастёра, какую роль играютъ дождевые черви при выносѣ на поверхность земли заразныхъ микробовъ, зарытыхъ вмѣстѣ съ трупами на извѣстной глубинѣ. Разрытіе чумныхъ кладбищъ, земляныя работы въ мѣстахъ, гдѣ были зарыты чумныя животныя, вѣроятно, также служили нерѣдко источникомъ эпидемій.

Многіе хроникеры и очевидцы разсказываютъ просто легендарныя исторіи о причинахъ, вызвавшихъ чумныя эпидеміи или отдѣльные случаи зараженія. Эти разсказы подтверждаютъ общее убѣжденіе въ необыкновенной живучести чумной заразы. Такъ Тринкавелли (Trincavelli) разсказываетъ, что чумная эпидемія, отъ которой погибло 10,000 человѣкъ, была вызвана зараженіемъ служителя веревкой, служившей нѣкогда для погре-

бенія чумныхъ и пролежавшей 20 лѣтъ запертою въ ящикѣ, откуда ее вынулъ служитель. Фрари (Frari) сообщаетъ аналогичный случай въ Смирнѣ. Одинъ человѣкъ вернулся на родину черезъ 30 лѣтъ послѣ своего отъѣзда изъ дома отца, умершаго отъ чумы; вынулъ изъ запертаго ящика его вещи, которыя велѣлъ спрятать передъ отъѣздомъ, заразился чумою черезъ прикосновеніе къ этимъ вещамъ и умеръ.

Въ виду лабораторныхъ наблюденій относительно невѣроятной живучести нѣкоторыхъ бактерій, наприм., «thyrothrux», сохранившихъ, по свидѣтельству Дюкло, свою жизнеспособность въ теченіе 21 года въ старой забытой культурѣ и т. п., мы не вправѣ отрицать подобные разсказы, пока они не будутъ опровергнуты путемъ строгихъ научныхъ опытовъ, доказывающихъ предѣльную способность живучести чумныхъ палочекъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ. А до тѣхъ поръ эти разсказы имѣютъ для насъ значеніе указанія на необходимость соблюденія крайней осторожности съ зараженными вещами. Обычай предавать землѣ трупы людей и животныхъ, погибшихъ отъ заразныхъ болѣзней, безспорно обычай отжившій свой вѣкъ, не выдерживающій критики при современномъ развитіи бактеріологіи. Всякій заразный трупъ кишитъ милліардами бактерій, для уничтоженія которыхъ понадобились бы цѣлые пуды антисептическихъ веществъ. Древній классическій обычай сожженія труповъ на кострѣ, не говоря уже о его поэтической сторонѣ, имѣетъ свое научное оправданіе. Этотъ прекрасный обычай слѣдовало бы примѣнить закономъ, хотя бы по отношенію къ павшимъ животнымъ. За границей уже давно практикуется сожженіе человѣческихъ труповъ, замѣняющее по желанію зарываніе въ землю при погребеніи, для чего устроены на кладбищахъ особыя печи.

Медицина не нашла еще до сихъ поръ лѣкарства отъ чумы, и вся борьба съ нею сводится только къ санитарнымъ и гигіеническимъ мѣрамъ предосторожности. Но начатыя впервые врачемъ Іерсинымъ, а потомъ Хавкинымъ противочумныя сывороточныя прививки людямъ подаютъ надежду, что человѣчество въ концѣ-концовъ обуздаетъ своего неуловимаго жестокаго врага. Іерсинъ иммунизировалъ къ чумѣ лошадей разводкой живыхъ чумныхъ бациллъ, прививая имъ послѣдовательно повышенныя по ядовитости дозы этихъ разводокъ. Когда лошадь, переболѣвъ, пріобрѣтала иммунитетъ къ чумѣ, онъ бралъ ея кровяную сыворотку и дѣлалъ изъ нея противочумную прививку людямъ. Изъ 26 больныхъ чумой китайцевъ, которымъ Іерсинъ сдѣлалъ прививки, только двое умерли, но этимъ двоимъ сдѣланы были прививки слишкомъ поздно—на 5 день по заболѣваніи ихъ.

У насъ въ институтѣ экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ подъ наблюденіемъ д-ра Владимірова приготовляютъ античумную сыворотку по способу Ру, иммунизируя лошадей разводкой убитыхъ нагрѣваніемъ до 58° С. чумныхъ палочекъ. Прививка противочумной сыворотки, употребленной впервые Іерсиномъ, создаетъ такъ называемый пассивный иммунитетъ. Пріученіе же организма къ сопротивленію заразѣ посредствомъ прививокъ убитыхъ микробовъ или ихъ токсиновъ вызываетъ такъ называе-

мый активный иммунитетъ. Пользуясь культурами чумныхъ бациллъ, ослабленныхъ нагрѣваніемъ, д-ръ Хавкинъ сдѣлалъ многочисленные опыты надъ людьми въ Бомбеѣ, вызывая у привитыхъ активный иммунитетъ. Среди нѣсколькихъ сотъ привитыхъ, по словамъ Хавкина, процентъ заболѣванія былъ самый ничтожный. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько времени длится этотъ активный иммунитетъ, прививаемый Хавкинымъ.

Успѣхъ упомянутыхъ опытовъ даетъ намъ право надѣяться на полное торжество науки въ близкомъ будущемъ надъ однимъ изъ злѣйшихъ бичей человѣчества.

Чума врагъ страшный, но открытый и притомъ грозящій намъ, европейцамъ, издалека; а среди насъ гнѣздится другой врагъ не менѣе страшный, но тайный и мало кому извѣстный это—проказа или Lepra, какъ ее принято называть въ медицинѣ. Вопреки мнѣнію многихъ авторитетныхъ ученыхъ, каковъ, наприм., Бокль, полагавшій, что средневѣковая проказа совершенно исчезла во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, очаги этой ужасной болѣзни продолжаютъ существовать въ разныхъ пунктахъ Европы эндемически, какъ чума въ Азіи, широко распространяясь среди населенія.

Начало проказы теряется въ глубокой древности. Въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ письменныхъ источникахъ, наприм., въ Библіи и у нѣкоторыхъ греческихъ писателей, встрѣчаются указанія на проказу какъ на болѣзнь существовавшую въ Египтѣ, Финикіи, Сиріи, Палестинѣ, а также въ Китаѣ и Индіи за много вѣковъ до Р. Хр. Въ началѣ христіанской эры проказа была очень распространена въ Греціи и Италіи. Великое переселеніе народовъ и крестовые походы вмѣстѣ съ чумой разносили по Европѣ и проказу. Но это гибельное распространеніе не вызывало такой массовой паники, какъ при чумѣ, потому что теченіе этой ужасной болѣзни хроническое, зараженіе обнаруживается нескоро, проходятъ недѣли, мѣсяцы, иногда многіе годы, пока болѣзнь обнаружится и заболѣвшіе могутъ жить по нѣскольку десятковъ лѣтъ, медленно разлагаясь заживо. Въ средніе вѣка въ Европѣ было такъ много прокаженныхъ, что въ западныхъ государствахъ не существовало города или мѣстечка, гдѣ бы не было лепрозерій—особыхъ убѣжищъ для прокаженныхъ. Въ одной Франціи было 2,000 лепрозерій, а во всей Европѣ ихъ насчитывали 19,000. Въ войскахъ крестоносцевъ повальное заболѣваніе проказой вызвало необходимость учрежденія особыхъ убѣжищъ lazaretti, и для ухода за больными понадобилось учредить рыцарскій орденъ св. Лазаря, въ которомъ гросмейстеръ выбирался только изъ прокаженныхъ (Hirsch). Въ одной Лифляндіи въ XIII в. насчитывали болѣе 100 лепрозерій. Вообще въ западныхъ европейскихъ государствахъ прокаженныхъ было такое множество, что невозможно было помѣстить ихъ всѣхъ въ лепрозеріи и тогда общество отпѣвало ихъ въ церквахъ, какъ покойниковъ, послѣ чего выдавало имъ особыя одежды палки и трещотки, которыми прокаженные должны были предупреждать здоровыхъ людей о своемъ приближеніи и предоставляло имъ право суще-

ствовать милостыней. По мѣрѣ приближенія къ XIX в. число прокаженныхъ уменьшалось постепенно въ Европѣ и, наконецъ, въ наше время не многіе знаютъ, что проказа продолжаетъ гнѣздиться среди насъ и что согласно статистическимъ даннымъ медицинскаго департамента за періодъ времени отъ 1888 по 1890 г. въ Россіи оффиціально зарегистрованы 5,877 прокаженныхъ въ 59 губерніяхъ, причемъ 25 губерній и областей, согласно изслѣдованіямъ Петерсена, должны быть признаны очагами проказы, откуда она распространяется. Къ тамимъ очагамъ причисляютъ Финляндскій край, Курляндскую, Лифляндскую, Эстляндскую и Петербургскую губерніи. Въ самомъ Петербургѣ съ 1872 г. по 1888 г. обнаружено, согласно Петерсену, 43 случая заболѣванія. По изслѣдованіямъ проф. Минха къ очагамъ проказы слѣдуетъ причислить область Войска Донского, области Терскую и Кубанскую на Кавказѣ, въ Средне-азіатскихъ русскихъ владѣніяхъ области Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую, въ Сибири области Якутскую и Приморскую, гдѣ проказа свила себѣ прочныя вѣковыя гнѣзда. Въ Крыму тоже существуютъ подобныя гнѣзда. Проказа на югѣ Россіи даже именуется въ народѣ «крымской» или крымскою болѣзнью. По сосѣдству съ Россіей въ Восточной Пруссіи проказа тоже распространена эндемически, а также въ Швеціи, по изслѣдованіямъ Lorand'a; имѣются очаги проказы и въ Норвегіи. Въ послѣдней по изслѣдованіямъ Hansen'a за 1856 г. насчитывали 2,833 прокаженныхъ. Въ Турціи—нашей пограничной сосѣдкѣ Lambaco насчитываетъ свыше 4 тыс. Въ одномъ Константинополѣ больше 200 прокаженныхъ (Düring). Въ Португаліи Falcao приводитъ 750 случаевъ за 1890 г. Въ Испаніи, гдѣ проказа распространяется тоже эндемически, по указаніямъ д-ра Olavide болѣе 1,500 прокаженныхъ. Во Франціи даже такіе культурные центры, какъ Парижъ (100 прокаженныхъ) и Ривьера—побережье Средиземнаго моря съ Ниццей не исключаютъ случаевъ проказы, особенно много ихъ въ Бретани. Австрія и Италія тоже имѣютъ свои гнѣзда проказы. Въ Сициліи теперь ихъ 100 человѣкъ, на островѣ Мальтѣ свыше 70 чел., на островахъ Греческаго Архипелага прокаженныхъ очень много, на островѣ Критѣ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ самой Греціи, въ славянскихъ государствахъ по Дунаю, въ Венгріи, Австріи проказа не выводится. Въ Англіи, говорятъ, проказа только заносная, а собственные очаги уже уничтожены. Даже въ такихъ здоровыхъ мѣстностяхъ какъ Швейцарія, Тироль, Черногорія, судя по указаніямъ Kalindero, Neuman'a, Lang'a, имѣются прокаженные. Если принять во вниманіе, что врачи до послѣдняго времени сплошь и рядомъ смѣшивали проказу съ другими накожными болѣзнями и что до сихъ поръ не принимали никакихъ мѣръ для изоляціи больныхъ, живущихъ въ семействахъ, то можно смѣло сказать, что приведенныя статистическія цифры гораздо ниже дѣйствительности. Въ Индіи по отчету коммиссіи за 1890—91 г. насчитываютъ прокаженныхъ около 250,000,—цѣлая армія, могущая привести въ ужасъ. Въ Китаѣ ихъ, вѣроятно, еще больше, такъ какъ тамъ проказа существовала съ незапамятныхъ временъ. Въ Японіи по свидѣтельству

Baelty ихъ больше 10,000. Въ Африкѣ проказа распространена по всему материку. Въ Египтѣ, по отчету коммиссіи за послѣднее время прокаженныхъ 2,204. Особенно ихъ много на островахъ: Мадагаскарѣ, Азорскихъ, Мадейры, Св. Елены и другихъ. Въ Австраліи стали попадаться единичные случаи заболѣванія проказой съ 1870 г. и вслѣдствіе быстраго распространенія болѣзни изданы были законы объ устройствѣ спеціальныхъ пріютовъ для больныхъ. На островахъ Тихаго океана, особенно на Филиппинскихъ и Сандвичевыхъ, проказа широко распространена. По изслѣдованіямъ Arning'a и Leloir'a она появилась тамъ не раньше начала текущаго столѣтія и за послѣднія 35 лѣтъ распространилась на $^1/_{12}$ часть всего населенія. Въ Сѣверную Америку проказа занесена эмигрантами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свила себѣ гнѣзда. Въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднее время наблюдалось всего 960 случаевъ. Но особенно много ихъ въ Мексикѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Южной Америкѣ, въ Бразиліи, въ Гвіанѣ и въ Колумбіи. Въ послѣдней, по свидѣтельству Hicks'a, 18,000 прокаженныхъ приходится на 6 милліоновъ всего населенія.

Болѣзнь эта проявляется въ ужасныхъ формахъ, хронически, медленно разрушая человѣческій организмъ и при этомъ невѣроятно обезображивая его. Поражается кожа, которая покрывается или пятнами, иногда красными, иногда темнокоричневыми и бѣлыми, или буграми, наростами, струпьями и язвами; разрушаются хрящи, нервы, лимфатическія железы, слизистыя оболочки и внутренніе органы. Въ концѣ-концовъ, прокаженные теряютъ зрѣніе и заживо сгниваютъ. Перенося жестокія страданія, они живутъ въ среднемъ отъ 8—12 лѣтъ при быстромъ теченіи болѣзни и до 40 лѣтъ при медленномъ теченіи.

Проявленіе болѣзни вначалѣ бываетъ разное; на основаніи начальнаго проявленія, врачи различаютъ три главныхъ типа проказы: во-первыхъ, нервную, которая характеризуется въ началѣ пятнами одновременно съ пораженіемъ нервовъ; во-вторыхъ, узелковую, которая характеризуется болѣе ужаснымъ и быстрымъ пораженіемъ кожи съ одновременнымъ пораженіемъ нервовъ и внутреннихъ органовъ и, въ-третьихъ, смѣшанный типъ, гдѣ эти явленія существуютъ одновременно. Обыкновенно въ концѣ болѣзни всѣ три типа невозможно бываетъ отличить другъ отъ друга.

Въ 1880 г. Hansen и Neisser нашли въ буграхъ проказы бактерію, вызывающую эту болѣзнь. Лепрозная бацилла имѣетъ видъ тонкой палочки съ еще болѣе тонкими концами. По наблюденіемъ многихъ изслѣдователей она отличается подвижностью, красится подобно чахоточной палочкѣ, на которую она очень похожа по своей формѣ и величинѣ, но легко обезцвѣчивается. Чистую разводку лепрозныхъ палочекъ еще не удалось получить. Ее находили только въ тѣлѣ лепрозныхъ.

Несмотря на открытіе лепрозной бациллы, врачи и теперь еще часто смѣшиваютъ раннія стадіи проказы съ волчанкой, сифилисомъ и другими накожными болѣзнями. Заразность проказы констатирована еще въ древ-

ности. Въ Библіи мы находимъ въ Моисеевомъ законодательствѣ строгое требованіе безусловнаго изолированія больныхъ отъ здоровыхъ. Множество фактовъ, собранныхъ врачами всѣхъ странъ, подтверждаютъ заразность проказы. Въ послѣднее время лабораторные опыты съ животными окончательно подтвердили несомнѣнность сдѣланныхъ наблюденій надъ людьми. Кролики, которыхъ заражали лепрозными палочками, умирали отъ проказы со всѣми измѣненіями въ органахъ тѣла, свойственными проказѣ.

Медицина до сихъ поръ не нашла лѣкарства отъ проказы. Хотя очень рѣдко и наблюдали случаи полнаго исцѣленія отъ проказы, но они происходили отъ неизвѣстныхъ причинъ, а не отъ лѣкарствъ. Хорошимъ здоровымъ режимомъ жизни можно только замедлить ходъ болѣзни и ослабить ея теченіе.

Успѣхъ лѣченія чумы противочумными сывороточными прививками даетъ намъ надежду на то, что наука изобрѣтетъ современемъ и для этой ужасной болѣзни какое-нибудь лѣкарство, а пока человѣчество должно оберегать себя строгимъ контролемъ надъ заболѣвшими своими членами и немедленной изоляціей больныхъ отъ здоровыхъ. Печальная картина положенія прокаженныхъ въ Сибири, изображенная миссъ Марксденъ (англійская сестра милосердія, посѣтившая очаги проказы въ Сибири), и подобные же разсказы другихъ наблюдателей о безотрадномъ положеніи прокаженныхъ на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи указываетъ обществу на настоятельную необходимость устройства удобныхъ санаторій для этихъ несчастныхъ парій, отвергаемыхъ обществомъ въ силу роковой необходимости самозащиты. До какой степени отсутствуетъ санитарный надзоръ надъ прокаженными, показываютъ изслѣдованія проф. Минха. На Волгѣ на рыбныхъ промыслахъ хозяева и рабочіе попадаются прокаженные, и сушеная и соленая ими рыба расходится по всей Россіи; въ самомъ Петербургѣ въ мясной лавкѣ приказчикъ оказался прокаженнымъ; въ станицахъ по Волгѣ очень много больныхъ проказой живетъ въ семьѣ внѣ всякаго контроля и невозбранно заражаетъ здоровое населеніе. А сколько такихъ больныхъ странствуетъ по Россіи, по монастырямъ и святымъ мѣстамъ, разнося заразу изъ края въ край! Пресѣчь это ужасное зло въ корнѣ задача будущаго. Необходимы спеціальныя лѣчебницы въ большемъ количествѣ, чѣмъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время, чтобы съ одной стороны облегчить участь больныхъ, а съ другой стороны оградить здоровыхъ отъ неизбѣжнаго зараженія въ случаѣ совмѣстной жизни ихъ съ больными.

Наука открыла намъ причину заразныхъ болѣзней, она же озаботилась изыскать и средства для борьбы съ ними,—обществу остается только воспользоваться указаніями науки и дѣятельно приняться за оздоровленіе, руководствуясь въ жизни частной и общественной правилами гигіены. Гигіена—наука о здоровьѣ—должна лечь въ основу какъ частной, такъ и общественной жизни; но въ настоящее время, къ прискорбію, еще далеко не всѣ классы общества могутъ устроиться согласно съ требованіями гигіены, а масса не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Между тѣмъ, необходимо принять во вниманіе, что всѣ заразныя болѣзни развиваются и

поддерживаются антигигіеническими условіями жизни. Дурно провѣтриваемыя, тѣсныя, сырыя, темныя жилища, дурное питаніе и еще болѣе продолжительное голоданіе, простуда, нечистоплотность, а также различнаго рода излишества, физическое и умственное переутомленіе—вотъ почва, на которой развиваются инфекціонныя болѣзни.

Насколько простуда благопріятствуетъ зараженію инфекціонными болѣзнями выяснилось изъ опытовъ Пастёра надъ птицами. Такъ какъ сибиреязвенная бактерія (Bacillus anthracis) не развивается при температурѣ 40°, свойственной птицамъ, то Пастёръ искусственно понижалъ температуру тѣла курицы, помѣщая ея связанныя ноги въ холодную воду, послѣ чего прививка сибирской язвы заражала курицу. Чтобы понять до какой степени вредны для здоровья сырыя и темныя квартиры, необходимо обратить вниманіе на тѣ работы бактеріологовъ, которыя наглядно иллюстрируютъ губительное дѣйствіе солнечнаго свѣта на бактеріи. Мы уже неоднократно упоминали о томъ, что бактеріи гибнутъ при засыханіи и на солнечномъ свѣтѣ скорѣе теряютъ свою жизнеспособность, чѣмъ при высыханіи въ темнотѣ, и что именно этимъ губительнымъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта на бактеріи и объясняется ослабленіе и прекращеніе эпидемій въ жаркое время года. Простой народъ на югѣ усвоилъ себѣ эту истину чисто-эмпирически, руководясь многовѣковымъ опытомъ и поэтому ежедневно вывѣшиваетъ на солнце свою одежду и постельныя принадлежности для оздоровленія ихъ. Обеззараживающее благодѣтельное для человѣка дѣйствіе солнца, подмѣченное народомъ, выражено имъ даже въ пословицѣ: «куда не заходитъ солнце, туда заходитъ врачъ». Бактеріологи научнымъ образомъ подтвердили эмпирическое убѣжденіе народа. Уже Пастёръ показалъ, что сибиреязвенныя бактеріи, если ихъ выставить въ водѣ на свѣтъ, задерживаются въ развитіи и гибнутъ. Позднѣе многими учеными, какъ Бухнеръ (Buchner), Пансини (Pansini), Франкландъ (Frankland), Маршаль Уордъ (Marschall Word) было констатировано, что свѣтъ губительно дѣйствуетъ на развитіе всѣхъ бактерій, такъ, наприм., оказалось что сибиреязвенныя, тифозныя, холерныя и другія патогенныя бактеріи окончательно теряли способность развиваться, если ихъ подвергали дѣйствію разсѣяннаго свѣта въ теченіе нѣсколькихъ дней, и достаточно было одного, двухъ часовъ дѣйствія лучей прямого солнечнаго свѣта, чтобъ убить окончательно зародыша тѣхъ же бактерій. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи блестящіе и остроумные по своей простотѣ и убѣдительности опыты англійскаго ученаго Маршаль Уорда, наглядно доказавшіе, что свѣтъ дѣйствуетъ оздоровляющимъ образомъ, задерживая развитіе бактерій и даже убивая ихъ. Разсмотримъ вкратцѣ нѣкоторые изъ нихъ.

Маршаль Уордъ для опыта бралъ плоскія стеклянныя блюдца (такъ называемыя чашки Петри), покрывалъ ихъ совнутри тонкимъ слоемъ питательнаго желатина или агаръ-агара и сѣялъ на немъ бактеріи или сибиреязвенныя или другія, наприм. пурпуровыя, выдѣленныя изъ воды рѣки Темзы. Чтобы показать вліяніе свѣта на развитіе бактерій, онъ опроки-

дывалъ блюдце и на дно его наклеивалъ какую-нибудь букву, вырѣзанную изъ толстаго картона, или покрывалъ культуру съ бактеріями фотографическимъ негативомъ англійскаго ландшафта. Покрытые такимъ образомъ зародыши бактерій начинали развиваться, но подъ разными частями покрышки различно; тамъ, гдѣ свѣтъ проходилъ черезъ стекло не затѣненное буквой или сквозь прозрачныя мѣста негатива, убитыя и задержанныя въ развитіи свѣтомъ бактеріи не развивались; тамъ же, гдѣ свѣтъ былъ задержанъ картонной буквой или черными мѣстами негатива, бактеріи успѣшно развивались, образовали многочисленныя колоніи, выдѣлявшіяся матовымъ налётомъ на прозрачномъ фонѣ желатина. По снятіи картонной буквы съ культурной чашки, на желатинѣ оказалось изображеніе буквы, сдѣланное бактеріями; а на желатинѣ чашки покрытой негативомъ получилось позитивное изображеніе взятаго ландшафта, такъ что бактеріи, посѣянныя на желатинѣ, сыграли роль фотографической бумаги. Этотъ изящный опытъ фотографированія при помощи бактерій показываетъ намъ, до какой степени бактеріи боятся свѣта.

Въ другихъ опытахъ Маршаль Уордъ показалъ намъ, какихъ именно лучей въ солнечномъ спектрѣ боятся бактеріи. Какъ извѣстно, солнечный свѣтъ кажется намъ бѣлымъ, но если пропустить его сквозь призму, напримѣръ, изъ горнаго хрусталя, то онъ дастъ спектръ, т.-е. разложится на семь цвѣтныхъ лучей, такъ называемыхъ цвѣтовъ радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый—и сверхъ того еще на невидимые нашему глазу лучи тепловые, за красной частью спектра, и химическіе—за фіолетовой частью спектра. Пропустивъ лучи солнца черезъ призму, онъ отбрасывалъ полученный спектръ на подобное же блюдце съ посѣянными на немъ въ желатинѣ зародышами бактерій; удерживая при помощи геліостата спектръ въ одномъ положеніи по отношенію къ культурѣ взятыхъ бактерій въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, онъ получалъ на взятой желатинѣ изображеніе спектра, появившееся вслѣдствіе неравномѣрнаго развитія бактерій подъ вліяніемъ различныхъ лучей спектра; оказалось, что закрасные (такъ называемые тепловые лучи) и красные лучи менѣе всего препятствовали развитію бактерій; слѣдуя отъ красныхъ лучей къ фіолетовымъ, степень развитія бактерій постепенно уменьшалась и, наконецъ, въ синихъ, фіолетовыхъ и зафіолетовыхъ химическихъ лучахъ развитіе бактерій было совершенно задержано.

Далѣе Уордъ выяснилъ, что прозрачное оконное стекло, даже въ очень тонкомъ слоѣ, уменьшаетъ до нѣкоторой степени губительное вліяніе свѣта на бактеріи, такъ какъ оно поглощаетъ часть синихъ, фіолетовыхъ и зафіолетовыхъ лучей, что онъ и доказалъ слѣдующимъ опытомъ: на культуру бактерій, посѣянную на тонкомъ слоѣ желатины, отброшены были рядомъ два солнечныхъ спектра, полученныхъ при помощи призмъ изъ горнаго хрусталя, пропускающаго безпрепятственно химически-дѣйствующіе лучи солнечнаго спектра. Часть культуры въ районѣ одного спектра покрывалась тонкой пластинкой изъ горнаго хрусталя, другая часть культуры подъ

другимъ спектромъ покрывалась такой же тонкой пластинкой изъ обыкновеннаго стекла. По окончаніи опыта оказалось, что тонкая стеклянная пластинка задержала настолько дѣйствіе химическихъ лучей, что бактеріи до нѣкоторой степени развились даже въ районѣ синихъ, фіолетовыхъ и зафіолетовыхъ лучей, въ то время какъ въ культурѣ, прикрытой тонкой пластинкой горнаго хрусталя, пропускающаго химическіе лучи, споры бактерій погибли въ районѣ синихъ и фіолетовыхъ лучей.

Весьма поучительны также опыты этого изслѣдователя, демонстрирующіе вліяніе на развитіе бактерій степени прозрачности воды. Чистая вода пропускаетъ массу химически-дѣйствующихъ лучей свѣта и, слѣдовательно, чистая вода не препятствуетъ свѣту уничтожать зародыши бактерій въ водѣ; наоборотъ, вода загрязненная, мутная не пропускаетъ лучей свѣта и, слѣдовательно, свѣтъ не можетъ оказать оздоровляющаго вліянія на мутную воду,—въ ней бактеріи не только могутъ сохранять свою жизнеспособность, но даже могутъ размножаться.

Не ограничиваясь лабораторными опытами, Маршаль Уордъ сдѣлалъ наблюденія надъ бактеріями, находящимися въ естественныхъ условіяхъ въ природѣ въ разныя времена года, и нашелъ, что въ ясные лѣтніе дни въ куб. сант. воды, взятой изъ Темзы, содержалось несравненно меньше бактерій, чѣмъ въ мрачные осенніе дни въ томъ же объемѣ воды.

Итакъ, разсмотрѣнные нами опыты Маршаль Уорда показываютъ до полной очевидности, насколько намъ необходимъ солнечный свѣтъ въ нашихъ жилищахъ, а также пропускающая свободно солнечные лучи чистая прозрачная вода, не взмученная грязью и не загрязненная всякими отбросами, дѣлающими ее удобной средой для развитія бактерій. Въ виду всего вышесказаннаго, общество не должно игнорировать такое вопіющее зло, какъ систематическое загрязненіе водъ всякими отбросами фабрикъ, заводовъ, сточныхъ каналовъ, которое практикуется у насъ повсемѣстно.

Страшно подумать, какую массу нечистотъ, зараженныхъ часто изверженіями всякихъ заразныхъ больныхъ, эти каналы сплавляютъ въ рѣки и рѣчки, превращая ихъ въ клоаки, кишащія микробами! А между тѣмъ вода этихъ рѣкъ и рѣчекъ служитъ для питья и мытья десяткамъ тысячъ людей, живущихъ ниже по теченію. До какой степени низко стоятъ въ санитарномъ отношеніи большіе и малые города Россіи, вы можете судить по многочисленнымъ газетнымъ корреспонденціямъ, тщетно взывающимъ къ обществу, подобно «гласу вопіющаго въ пустынѣ». Во многихъ европейскихъ городахъ познали уже вредъ, происходящій отъ загрязненія рѣкъ, и приняли соотвѣтственныя мѣры для исправленія зла. Такъ Парижъ съ 1872 г. утилизируетъ свои сточныя клоачныя воды, орошая ими поля за городской чертой, и эта мѣра повела къ поразительнымъ результатамъ въ смыслѣ оздоровленія города.

Позволю себѣ остановить ваше вниманіе на этомъ мѣропріятіи, имѣющемъ резвычайно важное санитарное значеніе. Съ цѣлью оздоровленія рѣки Сены Парижъ устроилъ цѣлую сѣть ирригаціонныхъ трубъ, выводящихъ сточ-

ныя воды въ равнину Женнвилье и въ опытный Аньерскій садъ (jardin-modèle d'Asnières), которые и орошаются этими водами, доставляемыми ежедневно Парижемъ въ количествѣ 423,000 куб. метровъ. Сточныя воды распредѣляются по равнинѣ тоже при помощи трубъ. Эти трубы въ извѣстныхъ мѣстахъ имѣютъ отверстія, герметически закрывающіяся. Смотря по надобности, ихъ открываютъ и пускаютъ воду въ параллельныя борозды, которыми пересѣчены поля и огороды, съ тою цѣлью, чтобы вода смачивала только корни растеній, не касаясь ихъ листьевъ. Такихъ водъ расходуется приблизительно 40,000 куб. метровъ на гектаръ. Благодаря этому орошенію растительность на поляхъ и въ опытномъ Аньерскомъ саду роскошная. Такъ, наприм., саженцы грушъ въ питомникахъ, орошаемыхъ сточными водами, вырастаютъ въ годъ до двухъ метровъ вышины. Такого удивительнаго роста, разумѣется, не достигаютъ саженцы въ питомникахъ, лишенныхъ сточнаго орошенія. Избытокъ сточныхъ водъ, орошающихъ поля и садъ въ равнинѣ Женнвилье, профильтровавшись черезъ верхніе слои почвы, вытекаетъ изъ дренажной трубы и течетъ дальше въ видѣ ручья, который впадаетъ въ Сену. Въ этомъ ручьѣ разводятъ разную рыбу, жители употребляютъ воду его для питья, и врачи находятъ ее болѣе чистой и здоровой, чѣмъ воду парижскихъ водопроводовъ. Почва въ равнинѣ Женнвилье стала чрезвычайно плодородной со времени сточнаго орошенія. Такъ, наприм., съ одного гектара собираютъ до 80,000 штукъ артишоковъ, до 30,000 кочней цвѣтной капусты и т. д. Благосостояніе жителей поднялось и доходы Парижа, дающаго орошаемую землю въ аренду, увеличились значительно. Достаточно сравнить арендную плату до введенія ирригаціи около 90—150 франковъ за гектаръ и въ настоящее время 500 и болѣе франковъ. Превосходное санитарное положеніе равнины Женнвилье привлекаетъ къ ней населеніе изъ другихъ мѣстъ, и за десятилѣтіе по послѣдней переписи народонаселеніе увеличилось на 86%. Въ теченіе того же десятилѣтія въ равнинѣ Женнвилье не было ни одной какой бы то ни было эпидеміи. Этотъ счастливый опытъ побудилъ Парижъ расширить свою ирригаціонную сѣть на другіе участки земли, принадлежащіе городу.

Итакъ практика воспользовалась уже указаніями науки и приступила къ оздоровленію рѣкъ утилизаціей сточныхъ водъ. Но одна ли вода служитъ источникомъ распространенія инфекціонныхъ болѣзней?

Чахотку, дифтеритъ или скарлатину мы можемъ заполучить повсемѣстно и съ пылью. Съ послѣдней мы обращаемся не менѣе неумѣло, чѣмъ съ водой. По утрамъ въ городахъ метутъ соръ по улицамъ, подымая цѣлыя облака пыли, прислуга вытряхиваетъ ковры, постельныя принадлежности часто на головы прохожимъ, которымъ пыль попадаетъ при этомъ не только на платье, но и, вопреки всякому желанію, въ носъ и въ ротъ. На эту негигіеническую чистку улицъ и вещей никто не обращаетъ вниманія, она считается только непріятной. А между тѣмъ, какъ извѣстно, бактеріологическое изслѣдованіе городской пыли открываетъ въ ней всевозможныхъ патогенныхъ бактерій, каковы туберкулезныя бациллы, дифтеритныя, кру-

позной пневмоніи и т. п. Уффельманъ (Uffelman), наприм., нашелъ въ 1 грам. уличнаго сора въ Роштокѣ до 40 милліоновъ зародышей микроорганизмовъ, среди которыхъ было не мало и патогенныхъ. Такъ что иному прохожему подобное непредвидѣнное вдыханіе пыли можетъ стоить даже жизни.

Знаменитый берлинскій профессоръ Вирховъ справедливо замѣтилъ, что эпидеміи служатъ предостереженіемъ обществу и что по статистическимъ даннымъ смертности общество можетъ ясно видѣть, насколько оно грѣшитъ противъ основныхъ законовъ гигіены. А насколько мы грѣшимъ противъ гигіены въ продовольственномъ вопросѣ, на это указываютъ хроническія голодовки въ многочисленныхъ губерніяхъ нашего обширнаго и обильнаго дарами природы отечества. Какое же противодѣйствіе развитію ужасныхъ микробовъ могутъ оказать человѣческіе организмы, истощенные продолжительнымъ голодомъ? Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ эпидеміи такъ называемаго «голоднаго тифа» и тому подобныя болѣзни. Профессоръ Эрисманъ высказалъ по этому поводу горькую истину въ слѣдующихъ ироническихъ словахъ: «Если бы къ питанію человѣка прилагалась хотя часть тѣхъ заботъ, которыми мы окружаемъ нашихъ домашнихъ животныхъ, то общественное здоровье отъ этого выиграло бы несомнѣнно гораздо больше, чѣмъ отъ всей той нерѣдко безплодной суеты, которая поднимается въ нашемъ обществѣ при появленіи какой-нибудь грозной эпидеміи». Общество, въ виду собственныхъ интересовъ, не должно быть глухо къ вопросу о продовольственныхъ мѣрахъ, о болѣе или менѣе равномѣрномъ распредѣленіи среди населенія насущнаго хлѣба. Эта сторона нашей жизни не менѣе санитарной нуждается въ упорядоченіи.

Въ заключеніе нашей лекціи позволю себѣ выразить увѣренность въ лучшемъ будущемъ, котораго достигнетъ человѣчество съ помощью науки. Человѣческій разумъ, воплощенный въ наукѣ, можно сравнить съ божественнымъ огнемъ, похищеннымъ Прометеемъ у боговъ на Олимпѣ и принесеннымъ въ даръ страждущему человѣчеству. Этотъ огонь съ каждымъ вѣкомъ разгарается все сильнѣе и ярче и все болѣе и болѣе суживаетъ районы тьмы невѣжества и соединенной съ нею нищеты матеріальной. Распространеніе всеобщаго просвѣщенія и широкое примѣненіе правилъ общественной гигіены измѣнятъ нашу жизнь къ лучшему до того идеальнаго предѣла, о которомъ мы можемъ только мечтать теперь. Научныя открытія дадутъ намъ возможность достигнуть власти надъ микробами, научивъ насъ съ одной стороны направлять ихъ развитіе въ свою пользу, съ другой—ограничивать ихъ вредное вліяніе на нашу жизнь. Если не мы и не наши дѣти, то наши внуки увидятъ результаты научныхъ изысканій въ мірѣ микроорганизмовъ и воспользуются плодами величайшей и благороднѣйшей побѣды надъ страшными врагами человѣчества. Нашимъ внукамъ не придется умирать преждевременно отъ инфекціонныхъ болѣзней. Огражденные отъ заразъ, соблюдая гигіену тѣла и души, они сохранятъ свое здоровье и силы до глубокой старости—естественнаго предѣла ихъ нормальнаго жизненнаго вѣка.

Вик. Хмѣлёвскій.

Зейтунская эпопея.

(*A. Latino*: „Gli Armeni e Zeitun“, tt. I—II. Firenze.)

Фактъ быстрой распродажи двухъ изданій сборника *Братская помощь пострадавшимъ армянамъ* показалъ, что въ русскомъ обществѣ существуетъ большой интересъ къ судьбамъ маленькаго народа, перенесшаго за послѣднее время такъ много горя. Во второмъ изданіи этого сборника, спеціальный отдѣлъ, посвященный Арменіи и армянамъ, значительно расширенъ. Однако, несмотря на всю полноту собранныхъ въ книгѣ свѣдѣній объ армянахъ, какъ разъ одному изъ наиболѣе интересныхъ представителей армянскаго племени — зейтунцамъ удѣлено непропорціонально мало вниманія. Между тѣмъ, зейтунскіе горцы со своимъ бытомъ представляютъ много любопытнаго матеріала и этнографическаго, и историческаго, и даже чисто-художественнаго, благодаря тому, что они меньше другихъ поддавались постороннему вліянію и по своему изолированному положенію сумѣли до настоящаго времени сохранить свой самобытный, суровый типъ.

Настоящій очеркъ составленъ главнымъ образомъ по недавно появившейся книгѣ итальянскаго путешественника по Малой Азіи, Анатоліо Латино, во второмъ томѣ которой собранъ богатый этнографическій и статистическій матеріалъ, собранъ притомъ прямо на мѣстѣ, такъ что представляетъ весь интересъ новизны. Не всегда, правда, книга Латино даетъ ясный отвѣтъ на затронутые ею вопросы, не всегда легко разобраться въ грудѣ собраннаго авторомъ матеріала, не всегда подъ его терминологіей возможно добраться до реальныхъ отношеній, но во всякомъ случаѣ трудъ его нельзя не признать крайне цѣннымъ въ виду почти полнаго отсутствія свѣдѣній о Зейтунѣ. Это, впрочемъ, относится только ко второму тому. Первый излагаетъ традиціоннымъ путемъ, т.-е. со всѣмъ миѳическимъ и полумиѳическимъ прикладомъ, исторію Арменіи съ древнѣйшихъ временъ и гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ второй. Его мы оставимъ въ сторонѣ и займемся исключительно Зейтуномъ и его обитателями.

I.

Зейтунъ расположенъ у восточной границы Киликіи, въ котловинѣ, окруженной отовсюду горами. Слово Зейтунъ значитъ маслина; такое названіе

мѣстность получила отъ густыхъ масличныхъ рощъ, покрывающихъ разсыпанные вокругъ населенія невысокіе холмы и пригорки. Самые поселки расположены на сѣверъ, подъ склономъ горы Карзаиръ, надъ которой возвышается могучая, вѣчно покрытая снѣгомъ вершина воспѣтой въ зейтунской народной поэзіи горы Беритъ. Природа прихотливо одѣла бока и скаты этого богатыря, и взоръ то отдыхаетъ на ярко-зеленыхъ оврагахъ и холмикахъ, то въ нѣмомъ удивленіи останавливается на крутыхъ обрывахъ, мрачныхъ пещерахъ и окутанныхъ туманомъ вершинахъ горы. Видъ оживляется частыми ручейками, съ шумнымъ журчаніемъ выливающимися изъ разсѣлинъ, и живописными группами стадъ, которыя цѣлое лѣто пасутся подъ сѣнью горы. На востокъ отъ Зейтуна возвышается гора Берджуга, на западъ другая гора Солокъ Деде. Южная сторона поселенія болѣе открыта. Холмики и овраги слѣдуютъ одни за другими на разстояніи трехчасового пути вплоть до берега рѣки Гиханъ, а оттуда до горъ Акурдагъ бѣгутъ крутые склоны и долины. Съ подножья Акурдага начинается трудный двухчасовой подъемъ, который, достигши вершины ея, спускается крутымъ откосомъ Инджебель на полутора-часовомъ разстояніи отъ большого города Марашъ.

Съ юга направлялись обыкновенно всѣ нападенія на Зейтунъ, съ остальныхъ сторонъ онъ недоступенъ. Но и тутъ преградою служитъ Гиханъ и цѣлый рядъ тѣснинъ между рѣкою и городомъ. А зейтунцы мастера въ пользованіи своими природными укрѣпленіями. Всѣ неудачи враговъ Зейтуна столько же являются результатомъ природныхъ условій, сколько безумной отваги его обитателей.

Климатъ въ Зейтунѣ превосходный, притомъ чѣмъ выше, тѣмъ онъ лучше. Зима суровая, часты снѣга, такъ что въ горахъ толщина снѣжнаго слоя достигаетъ двухъ метровъ. Въ лѣтніе мѣсяцы перепадаетъ много дождей. Температура зимою очень низка, а лѣтомъ невыносимая жара. Въ котловинѣ масса воды, которую доставляютъ источники; двѣ рѣчки орошаютъ ее съ двухъ сторонъ: одна течетъ съ сѣвера-востока на востокъ, другая, побольше, съ сѣвера на югъ. Потомъ онѣ сливаются и текутъ по одному руслу, по направленію къ югу. Эти рѣчки не только даютъ превосходную, годную для питья воду, но еще служатъ для орошенія почвы и для приведенія въ дѣйствіе мельницъ.

Въ горѣ Беритъ есть желѣзные рудники, которые одно время разрабатывались жителями Зейтуна и обогатили нѣкоторыя семьи; они заброшены съ тѣхъ поръ, какъ европейскій ввозъ сбилъ цѣны на туземные продукты. Западная гора изобилуетъ прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, въ которомъ встрѣчаются дубъ, кедръ и другія породы. Зейтунцы занимались и лѣсопильнымъ дѣломъ, но забросили и его, такъ какъ правительство, изыскивая средства для выхода изъ затруднительнаго положенія, подняло налогъ на рубку лѣса въ имперіи. Заработокъ зейтунцевъ не окупалъ налога.

Въ окрестностяхъ Зейтуна расположены два монастыря, одинъ къ во-

стоку во имя Св. Дѣвы, другой—старинный монастырь во имя Спасителя; у послѣдняго находится источникъ, которому приписываютъ цѣлебную силу.

О времени основанія Зейтуна нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Преданіе разсказываетъ, что когда христіанство стало подвергаться гоненію *), нѣсколько армянскихъ семей бѣжали въ Киликію и поселились въ горной котловинѣ среди отроговъ Тавра. Тутъ они жили мирно и свободно, пока оттоманское владычество не распространилось на Киликію. Тутъ же въ горахъ лицомъ къ лицу съ могучимъ величіемъ киликійской природы и выработался тотъ типъ, съ которымъ въ общихъ чертахъ познакомилась Европа по случаю борьбы 1895 года.

Горная природа всегда и вездѣ создавала одинаковый типъ людей. За вычетомъ расовыхъ и племенныхъ особенностей мы всегда найдемъ у горцевъ совокупность нѣкоторыхъ чертъ, которыя сопровождали и будутъ сопровождать ихъ, если только не явится какой-нибудь пертурбаціонный элементъ въ видѣ сильнаго культурнаго вліянія. Когда знакомишься съ бытомъ и исторіей зейтунцевъ, невольно встаютъ въ памяти другіе, славянскіе горцы, въ судьбѣ и въ типѣ которыхъ такъ много общаго съ армянскими—черногорцы. Это тотъ же суровый, свободолюбивый, глубоко религіозный, поразительно непритязательный въ частной жизни народъ, какъ и зейтунцы. Да и обитатели самой Киликіи всегда являлись передъ нами съ тѣми же чертами, которыя природа наложила на зейтунцевъ, конечно, опять-таки mutatis mutandis. Цицеронъ, бывшій одно время **) проконсуломъ Киликіи, неоднократно жалуется въ своихъ письмахъ на тѣ непріятныя хлопоты, которыя доставлялъ ему неукротимый нравъ обитателей его провинціи.

Новые обитатели Зейтуна навѣрное доставляютъ своему начальству не меньше хлопотъ, чѣмъ древніе.

Мы отмѣтимъ лишь главные моменты въ жизни Зейтуна; таковыми являются исключительно періоды борьбы за свободу и за существованіе, веденной зейтунцами съ турецкими войсками. Борьба эта долгое время была очень успѣшна: зейтунцы сохраняли свою самостоятельность, но въ концѣ-концовъ принуждены были уступить силѣ.

Уже въ 1800 году большое турецкое войско подъ предводительствомъ Келендеръ-паши явилось подъ Зейтуномъ, чтобы принудить его къ покорности. Горцы разныхъ деревень соединили свои силы. Началась борьба. Одушевленные любовью къ свободѣ и къ христіанской религіи, зейтунцы сумѣли дать такой отпоръ туркамъ, что черезъ девять мѣсяцевъ они должны были отступить, потерявъ большую часть своихъ. Гораздо легче справились зейтунцы съ двумя добровольцами мусульманской миссіи, Чапанъ-оглу и Гаджи-ага, которые пытались овладѣть зейтунской твердыней въ 1815 году съ громадными иррегулярными бандами. Зейтунцы разогнали ихъ послѣ

*) О какомъ гоненіи разсказываетъ преданіе и со словъ преданія передаетъ А. Латино, опредѣлить трудно; надо думать, что дѣло идетъ о позднѣйшей эпохѣ XVII—XVIII вѣковъ. XIX вѣкъ ужъ застаетъ зейтунцевъ на ихъ мѣстѣ.

**) Около 60 года до Р. Х.

первой же попытки. Около этого времени появляется во главѣ зейтунцевъ замѣчательный человѣкъ, настоящій горный самородокъ, воинъ, для котораго битва—родная стихія, офицеръ, прошедшій турецкую военную школу, прекрасно знакомый съ условіями мѣстности, дипломатъ, тягавшійся съ такимъ партнеромъ, какъ Ибрагимъ-паша египетскій, по профессіи—простой священникъ. Имени его не сохранилось: у своихъ онъ попросту назывался «бѣшенымъ попомъ»,—до того поражала его земляковъ эта богато-одаренная натура. Въ исторіи Зейтуна ему пришлось сыграть очень видную роль.

Когда египетскій вице-король, знаменитый Махметъ-Али-паша, потребовалъ отъ султана взамѣнъ оказанной имъ помощи противъ грековъ Сирію и получилъ отказъ, онъ, какъ извѣстно, послалъ въ Турцію своего сына Ибрагима съ большимъ войскомъ. Тотъ легко занялъ Сирію и черезъ Киликію двинулся на Константинополь. Это было въ 1835 г. Зейтунъ лежалъ какъ разъ на пути. Расположившись неподалеку лагеремъ, Ибрагимъ сталъ разспрашивать о горцахъ. Ему поразсказали про нихъ и особенно про «бѣшенаго попа» столько чудесъ, что онъ заинтересовался и потребовалъ, чтобы необыкновенный священникъ явился къ нему. Тотъ пришелъ и на разспросы Ибрагима представилъ ему Зейтунъ какъ неприступную твердыню, защищаемую титанами, не разъ отражавшую нападенія турецкихъ войскъ. По его словамъ, зейтунцы, зная о походѣ Ибрагима на своего постояннаго врага—султана, питали къ нему самыя дружественныя чувства и считали его своимъ союзникомъ. Ибрагимъ былъ пораженъ аргументаціей своего собесѣдника и отпустилъ его съ увѣреніями въ своей милости. Но затѣмъ, побуждаемый приближенными, захотѣлъ провѣрить, дѣйствительно ли неприступенъ Зейтунъ и непобѣдимы его обитатели. «Бѣшеный попъ» блестяще доказалъ ему это: горцы дали такой отпоръ Ибрагиму, что онъ принужденъ былъ отступить, оставивъ часть своихъ солдатъ въ рѣкѣ Гиханъ. «Бѣшеный попъ» воспользовался и этимъ: онъ прекрасно понималъ, что долго защищаться противъ войскъ султана совершенно невозможно и покореніе Зейтуна—лишь вопросъ времени. Онъ рѣшился отправиться въ Константинополь, получилъ аудіенцію у султана и, представивъ ему яркую картину битвы зейтунцевъ съ возмутившимся противъ своего повелителя египетскимъ войскомъ,—«бѣшеный попъ», повидимому, забылъ свою «дружескую» бесѣду съ Ибрагимъ-пашей,—умолялъ султана забыть прежніе грѣхи Зейтуна и принять его подъ свою могучую руку, обложивъ небольшой податью, «сообразно съ горской нищетой». Султанъ самъ былъ очень доволенъ избавиться отъ лишнихъ хлопотъ, немедленно согласился на всѣ условія и даже привѣсилъ «бѣшеному попу» орденъ.

Но не долго оставались спокойны отважные горцы. Уже въ 1855 году они напали на марашскихъ турокъ, убившихъ англійскаго консула, и изрядно пощипали ихъ. Для наказанія Зейтуна былъ посланъ Куршидъ-паша съ большимъ отрядомъ, но, попробовавъ желѣзныхъ объятій горныхъ богатырей, принужденъ былъ съ позоромъ отступить.

Въ Константинополѣ рѣшили положить предѣлъ буйному разгулу зейтунскаго военнаго пыла. Азисъ-паша съ войскомъ болѣе чѣмъ въ 80,000 человѣкъ окружилъ Зейтунъ. Горцы защищались съ героизмомъ отчаянія и еще разъ отразили врага, завладѣвъ пушками и другимъ оружіемъ.

Тогда султанъ велѣлъ двинуться на Зейтунъ цѣлой стотысячной арміи. Невозможность бороться дольше была очевидна. Зейтунцы обратились черезъ одного армянскаго банкира, имѣвшаго дѣла въ Парижѣ, къ Наполеону III, и благодаря французскому давленію султанъ отказался отъ репрессивныхъ мѣръ. Онъ отправилъ въ Зейтунъ трехъ комиссаровъ, которые хитростью убѣдили простодушныхъ горцевъ вернуть трофеи недавней побѣды.

Это было въ 1865 году. Съ этой поры въ Зейтунѣ явились турецкіе чиновники и началась эра мусульманской администраціи. Тяжело пришлось свободолюбивымъ, религіознымъ горцамъ. Деспотизмъ и мусульманскій фанатизмъ тяжкимъ бременемъ легли на Зейтунъ. Чиновники на каждомъ шагу оскорбляли религіозное чувство зейтунцевъ, стѣсняли всячески ихъ свободу, брали съ нихъ и по закону и противъ закона. Пришлось зейтунцамъ убѣдиться, что подчиненіе хуже самой опасной борьбы, и стали они дожидаться удобнаго случая. Онъ скоро представился. Въ 1873 году губернаторомъ Зейтуна былъ жестокій фанатикъ Даудъ-эффенди, который, казалось, поставилъ себѣ задачей испытывать терпѣніе горцевъ. Онъ наполнилъ тюрьмы, затруднялъ христіанское богослуженіе, подвергалъ жителей на каждомъ шагу самымъ разнообразнымъ оскорбленіямъ, какія только можетъ выдумать дикая фантазія турецкаго изувѣра. Однажды онъ цѣлую ночь забавлялся тѣмъ, что собственноручно пыталъ всякими способами своего слугу, молодого армянина, котораго и зарѣзалъ къ утру. Терпѣнію зейтунцевъ пришелъ конецъ: они увидѣли, что защиты имъ можно ждать только отъ собственнаго оружія, ихъ жалобы не только оставались безъ дѣйствія, но служили доказательствами усердной службы лицъ административнаго персонала. И они возстали. Въ одинъ день въ Зейтунѣ не оставалось ужъ слѣда турокъ: зданія администраціи были разрушены, чиновники прогнаны. Еще три года прожилъ Зейтунъ свободно. Въ 1878 году попытки разоружить его не привели ни къ чему, такъ какъ большинство ушло въ горы, гдѣ никто не могъ ихъ достать, и оттуда нападало на турецкіе отряды. Султанъ велѣлъ вернуть оружіе, получивши которое зейтунцы немедленно разбили стоявшій неподалеку турецкій отрядъ и немного спустя прогнали черкесскую орду, которая по приказанію правительства поселилась было по близости Зейтуна для острастки его обитателей.

Тогда изъ Константинополя назначили новую коммиссію для рѣшенія зейтунскаго вопроса. Сначала переговоры не привели ни къ чему, но когда зейтунцамъ обѣщаны были реформы, облегченіе налоговъ, сложеніе недоимокъ, амнистія виновникамъ возстанія и освобожденіе арестованныхъ въ разное время зейтунцевъ, горцы вновь пустили къ себѣ турецкихъ чиновниковъ. Противъ обыкновенія обѣщанія были исполнены, но господство

законнаго порядка продолжалось недолго. Произволъ турецкихъ властей вернулся снова и начались обычныя оскорбленія и угнетенія.

Въ 1884 г. Зейтунъ снова поднялся изъ-за жестокостей, совершенныхъ турками при сборѣ податей, была небольшая схватка съ солдатами, зейтунцы побѣдили и добились назначенія у себя головы изъ своей среды.

Спустя нѣсколько времени зейтунскій губернаторъ, желая услужить правительству, вздумалъ вызвать безпорядки. Онъ отнялъ у зейтунцевъ нѣсколько муловъ и послалъ ихъ подъ конвоемъ въ сосѣдній округъ. Горцы, конечно, отбили ихъ по дорогѣ и пожаловались султану. Тотъ смѣстилъ губернатора и простилъ зейтунцамъ избіеніе конвоя.

А въ 1890 году турки выдумали ужъ новое средство, по безчеловѣчности едва ли имѣющее себѣ подобное даже въ богатой фактами безчеловѣчности исторіи турецкой администраціи. Губернаторъ Мараша прислалъ въ Зейтунъ доктора для прививки дѣтямъ оспы. Въ результатѣ около пятисотъ дѣтей *умерло*, ни одинъ ребенокъ не пережилъ турецкой прививки. Зейтунъ снова взялся за оружіе. Но губернаторъ, очевидно, понялъ, что перешелъ мѣру. Онъ подарилъ Зейтуну большую сумму денегъ и позволилъ собрать въ свою пользу очередную десятину.

Тотъ же паша, узнавъ откуда-то о существованіи въ Зейтунѣ тайнаго общества, послалъ двухъ полицейскихъ агентовъ развѣдать, основательны ли слухи. Одинъ изъ этихъ агентовъ прельстился красотой зейтунской дѣвушки и пытался ее похитить. Когда это не удалось, онъ рѣшилъ донести губернатору, что тайное общество, дѣйствительно, существуетъ. Зейтунцы узнали о его намѣреніи и убили его. Марашскій губернаторъ напалъ на Зейтунъ, но горцы не только отразили его, но и прогнали собственнаго губернатора со всѣмъ его штатомъ. Снова зейтунцы въ теченіе нѣкотораго времени оставались свободны.

Въ 1893 году явился новый губернаторъ Тевфикъ-бей. Первое время онъ велъ себя крайне сдержанно, даровалъ амнистію участникамъ недавняго возстанія и вообще изъявлялъ самыя мирныя намѣренія. Только-только зейтунцы собирались успокоиться, какъ Тевфикъ круто перемѣнилъ политику и вернулся на старый путь. Онъ началъ съ того, что пытался поселить раздоръ между различными сектами армянской религіи, но безуспѣшно. Затѣмъ, при сборѣ податей приказывалъ вписывать въ регистры цифры налога ниже настоящей его суммы и разницу клалъ въ карманъ; сажалъ зейтунцевъ въ тюрьму за несуществующія политическія преступленія и отпускалъ лишь за приличный выкупъ. Опять бы взбунтовался Зейтунъ, но наверху догадались смѣнить Тевфика.

Въ 1894 году явился въ Зейтунъ съ титуломъ вице-губернатора Сулейманъ-эффенди, который превзошелъ своими жестокостями и своимъ фанатизмомъ даже своихъ предшественниковъ. Подъ предлогомъ взысканія недоимокъ, продавалось послѣднее имущество несчастныхъ зейтунцевъ за самую ничтожную цѣну *), жандармы насиловали армянокъ и получали за

*) Три осла, наприм., были проданы по 10 піастровъ (около 80 к.) каждый.

это награду, оскорблялась религія, осквернялись обряды. Зейтунцы терпѣли въ надеждѣ на вмѣшательство державъ. Однажды Сулейманъ призвалъ къ себѣ зейтунскихъ старѣйшинъ и обратился къ нимъ со слѣдующей, въ высшей степени характерною рѣчью *):

«Неужели вы думаете, что если султанъ Гамидъ, принужденный невѣрными европейцами, настроенными въ вашу пользу, даруетъ вамъ привилегіи, то мы, мусульмане, молча снесемъ это? Я знаю, что ужъ восемь лѣтъ существуетъ среди армянъ секретное общество, глава котораго находится въ Лондонѣ, столицѣ британской королевы...

«Знайте же всѣ, невѣрныя собаки, что, помимо султана, народъ мусульманскій поклялся именемъ нашего великаго пророка Магомета искоренить христіанство и истребить христіанъ, особенно армянскій народъ.

«Дипломатія нашего султана смѣется надъ европейскою дипломатіей и умѣетъ обманывать всю христіанскую Европу. Въ ближайшіе дни подъ предлогомъ увеселительной поѣздки (*sic!*), нѣкоторые офицеры нашего главнаго штаба пройдутъ во всѣхъ направленіяхъ по горамъ, холмамъ и долинамъ Зейтуна. Наше согласіе (!) съ вами прекращается съ сегодняшняго дня, и вы свободны дѣйствовать по своему желанію».

Это было формальное объявленіе войны. Встревоженные зейтунцы обратились въ Марашъ съ запросомъ, и нескромнаго Сулеймана немедленно смѣстили. Среди горцевъ началось глухое броженіе.

Но, прежде чѣмъ перейти къ разсказу послѣдней борьбы Зейтуна съ турками, мы нѣсколько остановимъ вниманіе читателей на внутреннихъ условіяхъ его жизни.

II.

Поселеніе зейтунцевъ образуетъ настоящій городъ; оно расположено по отлогому скату горы и идетъ довольно правильными этажами, такъ что крыша одного дома въ то же время представляетъ террасу другого, построеннаго выше него. Дома построены по одному образцу изъ земли, смѣшанной съ соломой; дерево тоже употребляется довольно часто. Дома двухъэтажные; въ нижнемъ помѣщается скотъ, отсюда по внутренней лѣстницѣ входъ въ бельэтажъ, болѣе или менѣе просторный. Тутъ играютъ дѣти, работаютъ женщины и въ знойныя лѣтнія ночи спитъ вся семья. Въ случаѣ нужды вся эта система домовъ превращается въ неприступный рядъ баррикадъ, гдѣ нападающій лишенъ всякой возможности защищаться отъ смертоносныхъ залповъ.

Городъ раздѣленъ на четыре квартала; каждый изъ нихъ во времена самостоятельности Зейтуна управлялся своимъ главою (ишханъ—князь) **).

---

*) Мы буквально перевели эту рѣчь изъ книги *Латино*, II, стр. 154.

**) Въ настоящее время въ Зейтунѣ пользуются большимъ вліяніемъ старѣйшины, которые, вѣроятно, имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ ишханамъ и являются, значитъ, главами родовъ. А можетъ быть ихъ вліяніе развилось на экономической почвѣ (см. ниже). Латино совершенно не выясняетъ этого вопроса.

Такое дѣленіе, вѣроятно, появилось на почвѣ родового строя, который вообще довольно крѣпко держится у армянъ, и въ настоящее время въ полной силѣ встрѣчается и у насъ въ Закавказьѣ. Въ каждомъ кварталѣ по одной григоріанской церкви, кромѣ которыхъ въ городѣ есть еще двѣ часовни, протестантская и католическая.

До 1864 года Зейтунъ управлялся, какъ замѣчено выше, самостоятельно, четырьмя старѣйшинами. Въ настоящее время Зейтунъ составляетъ одинъ изъ четырехъ округовъ большого губернаторства-мутессарифата—Марашъ; въ немъ свой губернаторъ — каймакамъ съ цѣлымъ штатомъ, въ рукахъ котораго находится вся административная и судебная власть.

Населеніе исчисляется въ 8,000—9,000 человѣкъ, причемъ 300 католиковъ, 400 протестантовъ, 100 мусульманъ, остальные григоріане. Господствующій языкъ — армянскій. За послѣднее время, несмотря на громадныя потери, населеніе увеличилось.

Зейтунцы — глубоко религіозный народъ; въ ихъ борьбѣ религіозный мотивъ играетъ едва ли не главную роль. Но ихъ религіозность совершенно иного рода, чѣмъ дикій фанатизмъ мусульманъ. Религія для зейтунца единственный культивирующій источникъ, внушающій ему его моральныя представленія и сильно реагирующій на его небогатую психику. Зейтунецъ любитъ обряды и свято соблюдаетъ ихъ; помимо обычнаго церковнаго ритуала при таинствахъ, у него много чисто-бытовыхъ обрядовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ церковными. Любопытный обычай сопровождаетъ, напримѣръ, передачу невѣсты жениху. При уходѣ изъ родительскаго дома къ мужу, молодая женщина получаетъ яблоко, обернутое въ платокъ. Придя въ свой новый домъ, она дѣлитъ яблоко пополамъ съ мужемъ, и новобрачные тутъ же съѣдаютъ его. Платокъ, въ которомъ было принесено яблоко, каждая женщина хранитъ всю жизнь въ воспоминаніе о дѣвичьей свободѣ.

Женщина въ Зейтунѣ, какъ и вездѣ почти при такихъ условіяхъ, мужественны, скромны и безупречны въ поведеніи. Развратъ, даже простое прелюбодѣяніе—вещи незнакомыя горцамъ, и общественное мнѣніе въ буквальномъ смыслѣ казнило бы уличеннаго или уличенную въ безпутномъ поведеніи. Воровство и убійство въ Зейтунѣ большая рѣдкость, хотя бѣдность часто граничитъ съ полною нищетой, а живая, легко воспламеняющаяся горская натура трудно переноситъ самую пустую обиду. Поэтому драки съ кровопролитіемъ случаются, но до серьезнаго покушенія на жизнь земляка дѣло никогда не доходитъ. И тутъ играетъ роль боязнь общественнаго мнѣнія.

Всѣ эти черты — несомнѣнный результатъ глубокой религіозности. Къ нимъ присоединяются обычныя черты бѣдныхъ горцевъ: гостепріимство, безпритязательность, экономность. Съ нѣкотораго времени у зейтунцевъ родилась любовь къ европейцамъ, въ которыхъ они видятъ своихъ защитниковъ противъ турецкаго произвола и носителей высшей культуры. Самъ зейтунецъ не далеко ушелъ на культурномъ пути. Въ настоящее время еще

половина Зейтуна безграмотна, но такое отношеніе обѣщаетъ измѣниться къ лучшему, такъ какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ открылись первыя школы. Въ настоящее время есть двѣ большія школы—мужская и женская, причемъ у первой четыре филіальныхъ отдѣленія—это григоріанскія школы, кромѣ нихъ есть протестантская и католическая.

Духовная жизнь Зейтуна находитъ свое лучшее и наиболѣе полное выраженіе въ народныхъ пѣсняхъ. Господствующихъ мотивовъ въ пѣсняхъ два—религія и свобода. Во всѣхъ проходитъ красною нитью боевое одушевленіе, поддерживаемое религіей, исходящее отъ любви къ свободѣ и ненависти къ рабству. Что бы ни воспѣвалъ Зейтунъ, красоты родной природы съ зейтунскимъ Араратомъ, горой Беритъ, любовь, прелести возлюбленной, — вездѣ звучитъ у него воинственная нота и теплится глубокая вѣра. Громадное большинство его пѣсенъ — настоящая военная поэзія народа, любящаго свободу больше всего земного, полнаго увѣренности въ своихъ силахъ и суровой рѣшимости защищаться до конца. Нѣкоторыя изъ нихъ облечены въ эпическую и даже драматическую форму; одни куплеты вкладываются въ уста многочисленныхъ пашей, приходившихъ воевать съ Зейтуномъ, другіе—въ уста зейтунскихъ вождей. Заключительный аккордъ—отчаяніе турка и торжество Зейтуна. Въ пѣсняхъ зейтунцевъ много чертъ, общихъ съ боевой поэзіей молодой Греціи, что̀ объясняется сходствомъ многихъ условій и общностью врага, противъ котораго слагали свои марши мѣстные тиртеи.

Экономическое положеніе горцевъ не лучше культурнаго. Въ Зейтунѣ всего десять землевладѣльцевъ *), которыхъ можно считать богатыми; все остальное—бѣднота. Главные продукты Зейтуна—виноградъ, медъ, яблоки, груши, гранаты, сливы, орѣхи. Небольшое количество хлопчатой бумаги женщины обрабатываютъ на мѣстѣ для домашняго употребленія. Хлѣба ежегодно рождается около 60,000 пудовъ. Изъ животныхъ разводятся въ большомъ количествѣ козы.

Вывозитъ Зейтунъ немного. Главные предметы вывоза — сушеный виноградъ и козы; масло и шкуры на второмъ планѣ. Все это направляется въ сосѣдніе города, главнымъ образомъ—въ Марашъ.

Зейтунъ почти не выросъ изъ періода натуральнаго хозяйства. Рынковъ нѣтъ, хлѣбъ печется дома, сушеный виноградъ, масло, молоко, «булгуръ»—пшеничная крупа, вино, употребляющееся за столомъ всю зиму и весну,—все это каждый имѣетъ возможность получать изъ своего хозяйства. Предметомъ продажи служитъ одно мясо, и стоитъ оно 2—3 піастра за оку, т.-е. отъ $5\frac{1}{2}$ до 8 копеекъ фунтъ. Такая высокая по зейтунскимъ условіямъ цѣна показываетъ, что мясо не составляетъ предмета постояннаго потребленія.

Поденная рабочая плата колеблется между $2\frac{1}{2}$ и 5 піастрами (20—40 к.)

---

*) Въ регистрѣ вопросовъ, составленныхъ Латино, неясно, вся ли зейтунская земля распредѣлена между этими десятью или только часть ея.

для обыкновенныхъ рабочихъ и 7—12 (36—96 к.) для мастеровъ. Большихъ мастерскихъ въ городѣ нѣтъ; необходимыя ремесла,—кузнечное, столярное,—въ рукахъ мелкихъ ремесленниковъ.

Общественной гигіены не существуетъ совершенно, частная—въ эмбріональномъ состояніи, чистота въ домахъ—самаго проблематичнаго свойства. Въ среднемъ каждый домъ расходуетъ *ежегодно* 2 куска мыла.

Крупнымъ подрывомъ и безъ того неблестящаго хозяйства зейтунцевъ являются многочисленные налоги. Тутъ и поголовный въ 47 піастровъ (3 р. 76 к.), называемый бадалать аскаріе, и торговая пошлина, и налогъ съ недвижимостей, и десятина. Способъ ихъ собиранія самый варварскій; продажа съ молотка грозитъ за каждую пара (0,2 коп.) недоимки, тюрьма—за хотя бы справедливый протестъ; произволъ царитъ невѣроятный.

Что касается до тюрьмы, то, попадая въ нее, даже могучій зейтунецъ не всегда выдерживаетъ: арестованные остаются безъ постели, ѣды отъ начальства не полагается. Сулейманъ (см. выше) сажалъ зейтунцевъ въ тюрьму вмѣстѣ съ животными, будучи серьезно убѣжденъ, что между христіанами и скотиной нѣтъ никакой разницы.

Никогда зейтунцы не научились смотрѣть на турецкую администрацію болѣе или менѣе сдержанно. Если съ ней не боролись открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, то терпѣли ее, какъ необходимое зло. И, конечно, никто, кромѣ самихъ чиновниковъ, не былъ виноватъ въ этомъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ серединѣ октября 1895 года по Зейтуну пронеслась радостная вѣсть, что султанъ издалъ реформы, обѣщающія существенно облегчить положеніе армянъ *). Но турки приняли эту вѣсть совершенно иначе. Мусульманскій фанатизмъ не хотѣлъ понимать, что законы нужны и для христіанъ; тутъ, повидимому, примѣшивалась еще и досада на то, что реформы изданы подъ сильнымъ давленіемъ европейскихъ державъ. А можетъ быть,—что представляется вполнѣ возможнымъ послѣ близкаго ознакомленія съ событіями, — провинціальныя

*) Кстати о реформахъ. Въ настоящее время уже есть нѣкоторыя данныя объ ихъ результатахъ, исходящія отъ вполнѣ освѣдомленныхъ людей. Въ розданной въ февралѣ Синей книгѣ („Further correspondence, respecting the Asiatic provinces of Turkey, presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty", стр. 209 и слѣд.) мы находимъ сводъ свѣдѣній о результатахъ введенія реформъ, содержащихъ данныя о слѣдующихъ вилайетахъ: Ванъ, Битлисъ, Эрзерумъ, Трапезонъ, Харпутъ, Сивасъ, Алеппо, Діарбекиръ, Адана, Ангора. Свѣдѣнія эти исходятъ отъ консуловъ. Тутъ приводятся цифры, показывающія, что количество христіанъ въ турецкой полиціи и податной администраціи въ нѣкоторыхъ вилайетахъ довольно значительно. Но всѣ консулы сходятся въ томъ, что судьба армянъ ни на іоту не измѣнилась къ лучшему. Христіанскіе чиновники въ лучшемъ случаѣ являются только безполезными; они не пользуются никакимъ вліяніемъ; ихъ полномочія и ихъ власть парализуются ихъ мусульманскими коллегами и особенно высшей властью, всегда находящейся въ рукахъ турокъ. Они и сами чувствуютъ себя стѣсненными, совершенно лишены иниціативы и постепенно превращаются въ послушное орудіе турокъ. Потерпѣвшимъ выходитъ опять-таки злополучное армянское населеніе, въ выгодѣ остаются одни турки.

власти получили соотвѣтственныя инструкціи. Какъ бы то ни было, послѣ вѣсти о реформахъ повсюду господствовало самое напряженное состояніе. Взрывъ произошелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу. Въ Алабашѣ, деревнѣ недалеко отъ Зейтуна, батальонъ солдатъ замучилъ троихъ жителей. Остальные вооружились и напали на него. Послѣ небольшой стычки, армяне отступили въ Зейтунъ. Тамъ между тѣмъ губернаторъ позвалъ къ себѣ старѣйшинъ города и пытался ихъ убить. Но когда они закричали о помощи и сбѣжался вооруженный народъ, губернаторъ отпустилъ ихъ. Тутъ пришла вѣсть о происшествіяхъ въ Алабашѣ, и зейтунцы поднялись. Осадили казарму турецкаго гарнизона и домъ губернатора. Начали съ того, что испортили воду въ бассейнѣ казармы и отвели самый источникъ, такъ что солдаты отъ одной жажды принуждены были бы сдаться. Они заперлись со своими семьями. Зейтунцы объявили имъ, что подожгли бы ихъ немедленно, если бы съ ними не было невинныхъ женщинъ и дѣтей. Гарнизонъ оборонялся отчаянно, но всѣ усилія были напрасны; ружейный и пушечный огонь не останавливалъ зейтунцевъ, изъ вылазокъ ни одинъ турокъ не возвращался назадъ. Жажда мучила мусульманъ, но они не хотѣли сдаваться. Губернаторъ, которому въ своемъ домѣ было труднѣе защищаться, сдался раньше, чѣмъ гарнизонъ и письмомъ убѣждалъ полковника прекратить мученія запертыхъ въ казармѣ людей. Полковникъ сдался. Зейтунцы отобрали оружіе у турокъ и помѣстили ихъ въ домѣ губернатора въ качествѣ военно-плѣнныхъ. Вѣсть объ этомъ мигомъ облетѣла всѣ окрестности; всюду въ деревняхъ мусульманское населеніе набросилось на армянъ и произвело страшную рѣзню. Кое-куда зейтунцы успѣли послать подкрѣпленіе; кое-гдѣ жители сами организовали защиту. Порядкомъ поняли и турокъ. Все населеніе разрушенныхъ деревень стало понемногу стекаться въ Зейтунъ. Регулярные отряды, разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ, не могли устоять противъ зейтунцевъ и отступили за подкрѣпленіемъ. Оно явилось въ видѣ пятитысячнаго отряда подъ начальствомъ Али-бея, первымъ дѣломъ котораго было произвести рѣзню въ деревнѣ Гебенъ. Зейтунцы бросились на помощь къ сосѣдямъ, заставили отступить Али-бея и перебили турецкое населеніе деревни. Отрядъ Али-бея между тѣмъ росъ, и онъ рѣшилъ напасть на большое поселеніе Фернуцъ. Послѣ отчаянной обороны жители должны были отступить, турки ворвались въ деревню и началась опять та кровавая вакханалія, которая такъ подробно описана во время сасунской рѣзни. Около 3,000 семей, разсыпанныхъ по долинамъ, сдѣлались жертвою турецкой ярости. Даже солдаты не всегда рѣшались исполнять приказанія своего начальника, — до того эти приказанія бывали безчеловѣчны. Одинъ явился къ Али-бею и разсказалъ ему, что въ какомъ-то домѣ онъ нашелъ женщину, только что разрѣшившуюся отъ бремени; ребенокъ около нея; и онъ, и мать еле живы. Что дѣлать? — спрашивалъ солдатъ. Али-бей пришелъ въ ярость. «Сколько разъ повторять тебѣ приказанія, собака? Ступай въ домъ, убей мать, брось на землю ребенка, не поджигай дома, чтобы, вернувшись, всѣ видѣли то, что сдѣлано». Солдатъ все-таки

не исполнилъ приказанія. Женщины и дѣвушки достались башибузукамъ, дѣти — черкесамъ. Судьба ихъ ожидала одна: первыхъ — насилованіе на мѣстѣ, потомъ гаремъ, вторыхъ—продажа въ рабство.

Вернемся въ послѣдній разъ въ Зейтунъ и разскажемъ послѣдній актъ его эпопеи, вѣрнѣе—его трагедіи; въ ней, какъ у древнихъ грековъ, дѣйствующія лица—герои, и такъ же, какъ и въ греческой трагедіи, они падаютъ подъ ударами рока.

Защитниковъ въ городѣ оставалось не болѣе 500 человѣкъ. На нихъ надвигалось двадцатитысячное войско подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала Рамзи-паши. Зейтунцы видѣли, что долго защищаться невозможно, но рѣшили не сдаваться до конца. Поправили свои укрѣпленія, насыпали новые валы.

Читатели помнятъ, что Зейтунъ доступенъ только съ одной стороны, съ юга, гдѣ въ трехчасовомъ разстояніи протекаетъ рѣка Гиханъ. Зейтунцы забаррикадировали проходъ, и атака на нихъ стоила туркамъ тысячи убитыхъ. Часть зейтунцевъ пошла навстрѣчу отряду Али-бея, который приближался съ другой стороны. Пока Зейтунъ защищалъ родныя Ѳермопилы, въ городъ прибыли женщины, спасшіяся отъ фернуцкаго погрома, и разсказали обо всѣхъ ужасахъ, совершившихся тамъ. Зейтунки пришли въ ярость. Вооруженная чѣмъ попало, сопровождаемая мальчиками въ 12—15 лѣтъ, ворвалась толпа женщинъ въ прежній губернаторскій домъ, въ которомъ содержались плѣнные турки и въ продолженіе трехъ часовъ предавалась мести. Рѣзня произошла безъ вѣдома самихъ зейтунцевъ и вызвала большое неудовольствіе съ ихъ стороны. Одинъ изъ старѣйшинъ, во избѣжаніе повторенія чего-нибудь подобнаго, спряталъ оставшихся въ живыхъ турокъ въ своемъ домѣ.

Между тѣмъ приближался отрядъ Али-бея. Противъ него выступилъ отрядъ зейтунцевъ и принудилъ отступить съ большими потерями, напавъ на него ночью. Эта побѣда еще больше воодушевила турокъ.

Рамзи-паша началъ бомбардировку, которая продолжалась все время, сначала прекращаясь ночью, затѣмъ безостановочно, но, къ счастью, приносила мало вреда, потому что жители прятались, а дома построены не изъ горючаго матеріала. 18 ноября турки атаковали казарму, гдѣ прежде помѣщался гарнизонъ, но ихъ угостили оттуда такимъ залпомъ изъ турецкихъ же пушекъ, что они долго не рѣшались возобновить атаку. Впрочемъ, и зейтунцы потеряли 22 человѣка.

Картечь стала приходить къ концу, пороху стало не хватать. Тогда зейтунцы придумали высыпать порохъ изъ тѣхъ турецкихъ гранатъ, которыя не разрывало. Ежедневно добывали такимъ путемъ до пуда пороху. Свинецъ шелъ на картечь. Такъ какъ ремесленникамъ было не до работы, то ихъ и засадили снабжать воиновъ военными припасами.

Зейтунцы приготовились ко всему. Защита города была распредѣлена между отдѣльными отрядами, выбраны начальники. Рамзи-паша предлагалъ подчиниться и обѣщалъ полную амнистію подъ условіемъ разоруженія и

выдачи членовъ тайнаго общества, находившихся въ Зейтунѣ и принимавшихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ. Зейтунцы отвѣчали молчаніемъ. Тогда Рамзи повелъ солдатъ на генеральный штурмъ. Это было 23 декабря. Казарма была взята послѣ отчаянной защиты, дорого стоившей туркамъ. Зейтунцы подожгли ее и отступили. Снова собрался совѣтъ, снова рѣшили защищаться до послѣдней возможности, снова принялись за укрѣпленіе траншей; ремесленникамъ велѣно было изготовить оружіе для женщинъ и дѣтей, чтобы, въ случаѣ взятія Зейтуна, въ каждомъ домѣ турка ждала смерть.

Зейтунцамъ снова предложили принять условія, отправляли къ нимъ парламентеровъ, самъ мутессарифъ Мараша явился въ лагерь и писалъ зейтунцамъ съ предложеніемъ сдачи. Зейтунъ не отвѣчалъ ничего и продолжалъ защищаться. Къ бомбардировкѣ настолько привыкли, что дѣти забавлялись и играли, собирая турецкія бомбы.

Судьба какъ бы готовила награду храбрецамъ за ихъ нечеловѣческое мужество. Выходъ изъ отчаяннаго положенія представился совершенно неожиданный, притомъ такой, который зейтунцы могли принять болѣе или менѣе спокойно. Европа вступилась за нихъ.

6 января одинъ изъ вождей получилъ телеграмму отъ консуловъ великихъ державъ, предлагавшихъ посредничество. Зейтунцы съ радостью приняли его. Они понимали, что рано или поздно они должны были сдаться, и предпочитали сдаваться непобѣжденными и сдаваться Европѣ, а не туркамъ. Условія подчиненія были слѣдующія: 1) всеобщая амнистія, 2) изгнаніе въ Европу членовъ тайнаго общества, 3) выдача *военнаго* оружія.

Зейтунъ прекратилъ борьбу...

А. Дживелеговъ.

Очерки дѣятельности европейцевъ на Востокѣ.

I.

Малая Азія. Анатолійская желѣзная дорога.

Десятокъ-полтора лѣтъ тому назадъ, не болѣе, Малая Азія представляла интересъ для европейца, преимущественно, если онъ былъ археологомъ. Богатая страна, служившая нѣкогда житницей для Византіи, оставалась въ забвеніи и запустѣніи; жизнь сосредоточивалась лишь въ портовыхъ городахъ и въ селеніяхъ по берегамъ моря. Правда, изъ глубины полуострова двигались къ морю торговые караваны, направлявшіе товары къ Западу. Но этимъ караванамъ приходилось проходить преимущественно по плохо устроеннымъ дорогамъ, подчасъ неприспособленнымъ къ колесной ѣздѣ въ мало-мальски сносныхъ экипажахъ, оставлять за собой поросшія кустарникомъ развалины нѣкогда богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ. Вблизи развалинъ ютились деревушки турковъ, грековъ, мѣстами и переселившихся изъ Россіи кавказскихъ горцевъ. Надгробныя плиты, камни зданій, колонны храмовъ греческой, римской и византійской эпохъ нерѣдко шли то на постройку новыхъ домовъ, то на устройство деревенскихъ изгородей и проч. Все свидѣтельствовало о нѣкогда цвѣтущемъ состояніи края, о развитіи въ немъ въ былое время гражданской и торговой дѣятельности. Чуть не каждый шагъ на почвѣ Анатоліи напоминалъ о минувшей исторіи края. Имена героевъ Гомера, миѳическаго Мидаса, славившихся своимъ богатствомъ царей Фригіи и Лидіи могли смѣняться въ воображеніи туриста цѣлымъ сонмомъ именъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, пышнаго Милета и гордаго своимъ храмомъ Ефеса, вызывать картины прошлаго величія края, его борьбы съ персами и римлянами. Крезъ и Киръ, Александръ, неукротимый Аннибалъ и Миѳрадатъ, алчные римскіе полководцы и правители, смотрѣвшіе на Малую Азію, какъ на источникъ богатой добычи, и слабые мѣстные цари, завѣщавшіе свои небольшія государства могучему Риму, вызывали въ мечтахъ новыя картины и новыя лица: Анатолія освѣщена именами апостоловъ, царя Константина, отцовъ никейскаго собора; она была мѣстомъ дѣйствія многихъ кровавыхъ драмъ исторіи Византіи,

видѣла полчища крестоносцевъ, испытала на себѣ нашествіе турковъ сельджуковъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствовали развалины. Культура классической и византійской эпохъ смѣнилась новой: правовѣрные поклонники пророка—сельджукскіе султаны воздвигали мечети, украшали ихъ при помощи вызванныхъ изъ Персіи мастеровъ блестящею поливною мозаикой, увѣковѣчивали свои имена въ узорчатыхъ надписяхъ. Они заботились объ улучшеніи дорогъ, строили странноприимные дома (ханы), гдѣ могли найти убѣжище на ночь сотни путниковъ и тысячи верблюдовъ и ословъ, на которыхъ перевозились тогда, какъ и до новѣйшаго времени, богатые товары Востока къ западному побережью. Мечети и дворцы періода господства сельджуковъ лежатъ въ большинствѣ случаевъ въ развалинахъ. Нѣмые свидѣтели нѣкогда обширной торговли—странноприимные дома пришли въ ветхость: ихъ не ремонтируютъ—да и не зачѣмъ; остатковъ ихъ вполнѣ достаточно, чтобы принять подъ свою кровлю незначительные сравнительно съ прежнимъ торговые караваны.

Съ установленіемъ на берегахъ Босфора владычества турковъ-османовъ начинается періодъ замиранія внутренней жизни Анатоліи. По мѣрѣ нравственнаго и политическаго паденія Турціи падала и нѣкогда оживленная торговля Малой Азіи, падало ея сельское хозяйство, уменьшались экономическія силы ея. Пастухи-курды поддерживали свое существованіе скотоводствомъ, остальное населеніе занималось земледѣліемъ. Плодородная почва Анатоліи требуетъ мѣстами сложной обработки и искусственнаго орошенія; невозможность сбывать избытокъ зерна на западное побережье благодаря плохому состоянію путей сообщенія и прекращенія сбыта на ближайшіе рынки, вслѣдствіе упадка и подчасъ даже уничтоженія многихъ, прежде богатыхъ, городовъ — привело къ сокращенію площади обработки; многіе каналы, служившіе для искусственной ирригаціи полей были заброшены. Анатолійскому земледѣльцу не было основанія заботиться объ улучшеніи орудій земледѣлія; онъ не имѣлъ побудительной причины поднимать производительность почвы: онъ не зналъ бы, что ему дѣлать съ избыткомъ зерна. Если населеніе береговой полосы еще могло находить себѣ подспорье въ заработкахъ въ портахъ, то жители внутреннихъ областей были обречены работать лишь столько, сколько требовалось для обезпеченія своего скромнаго существованія. Поэтому-то бѣдствія въ видѣ засухъ, недородовъ и проч. вызывали тяжелыя послѣдствія для населенія: неприготовленные къ перенесенію тяжелой годины жители Малой Азіи, въ особенности внутреннихъ частей ея, при первой постигавшей ихъ бѣдѣ оказывались чуть ли не окончательно разоренными. Имъ приходилось эмигрировать къ морю или искать себѣ заработка за предѣлами Анатоліи. Плохое управленіе, высасывающее послѣдніе соки изъ населенія, тяжелые налоги, тяготѣющіе на немъ, возмутительные способы ихъ взиманія и проч.—ускоряли быстрое экономическое паденіе страны. Прежняя, почти неисчерпаемая житница Византіи утратила свое значеніе. Только ближайшія приморскія области доставляли про-

дукты плодоводства и земледѣлія въ Константинополь; но привозимаго изъ Анатоліи хлѣба было недостаточно для удовлетворенія нуждъ даже населенія столицы: послѣдняя вынуждена выписывать хлѣбъ изъ Россіи. А между тѣмъ тутъ же, по другую сторону пролива, лежитъ эта отличающаяся плодородіемъ почвы Анатолія, гдѣ жатвы самъ 15—20 считаются заурядными и гдѣ мѣстами, при болѣе заботливой обработкѣ, земля вознаграждаетъ урожаемъ въ самъ 30 и мѣстами даже въ самъ 60. Но невозможные пути сообщенія затруднили бы, сдѣлали бы почти немыслимымъ подвозъ хлѣба къ морю изъ внутреннихъ частей полуострова, и въ плодородной Анатоліи, гдѣ 80—85% всей площади способны къ культурѣ, подвергнуто обработкѣ немного болѣе половины этой площади; остальная лежитъ втунѣ или служитъ пастбищемъ для многочисленныхъ стадъ курдовъ-скотоводовъ. Культивируемая же площадь подвергается въ большинствѣ случаевъ самой примитивной обработкѣ; плохо вспахивается, во многихъ мѣстахъ не удобряется; молотьба производится преимущественно еще первобытными пріемами, благодаря чему множество зерна пропадаетъ. Землѣ часто не дается отдыха: ее засѣваютъ одной и той же породой злаковъ, пока она не начнетъ истощаться. Вырубка лѣсовъ, производимая въ теченіе долгаго времени, уменьшила водное богатство страны и дѣлаетъ болѣе затруднительной искусственную ирригацію, во многихъ мѣстахъ необходимую вслѣдствіе нерѣдко случающихся засухъ. Очевидно, что Малая Азія не утратила своихъ богатствъ; они лишь не эксплоатируются частью вслѣдствіе недостаточнаго культурнаго уровня населенія, частью за невозможностью обезпечить сбытъ.

Другой видный источникъ благосостоянія страны—плодоводство и огородничество—не можетъ развиваться, несмотря на благопріятствующія условія климата. Избытокъ, за удовлетвореніемъ домашнихъ нуждъ, почти исключительно можетъ направляться въ столицу; для болѣе отдаленныхъ частей полуострова сбытъ фруктъ и овощей почти закрытъ.

Жители въ нѣкоторыхъ округахъ предаются съ успѣхомъ шелководству; сажаютъ тутовыя деревья, заботливо взращиваютъ ихъ, внимательно ухаживаютъ за червями, подчасъ уступая имъ почти все домашнее помѣщеніе: семья довольствуется тѣмъ, что тѣснится въ какомъ-нибудь углу и предоставляетъ остальную часть заботливо вскармливаемымъ шелковичнымъ червямъ. Но стоило появиться эпидеміи—черви гибли массами, и невооруженный знаніемъ анатоліецъ-шелководъ стоялъ безпомощнымъ передъ наступающимъ несчастіемъ: онъ не сумѣлъ бы ни во-время замѣтить симптомовъ болѣзни, ни найти средства для борьбы съ ней,—онъ подчинялся «року», разрушавшему его благосостояніе. Впрочемъ, и въ удачные годы онъ не умѣлъ ухаживать за коконами, не зналъ усовершенствованныхъ средствъ для разматыванія нити—и въ результатѣ предлагаемый имъ товаръ обезцѣнивался. Малая Азія, какъ и большинство странъ Востока, въ экономическомъ отношеніи переживаетъ стадію упадка. Но естественныя богат-

ства ея велики и оживленіе страны составляло и составляетъ предметъ заботы европейцевъ.

Давно уже европейцы обратили вниманіе на Анатолію, давно они стремились проникнуть въ нее и сдѣлать ее рынкомъ для сбыта своихъ товаровъ. Несмотря на поддержку, которую они временами встрѣчали со стороны турецкаго правительства, ихъ старанія долгое время оставались или совершенно, или почти безуспѣшными. Новая эра жизни для Анатоліи открывается со времени начала постройки такъ называемой анатолійской желѣзной дороги. Постройка ея, начатая въ 1889 г. зимой у Хайдаръ-Паши, отъ берега моря, почти противоположнаго Константинополю, быстро подвигалась впередъ. Къ іюню 1890 г. рельсовый путь дошелъ до Ада-Базара (132 кил.), а менѣе чѣмъ черезъ 2 года дорога достигла уже Ангоры (578 кил.),—города, имя котораго популярно въ Европѣ, благодаря шкурамъ и шерсти такъ называемыхъ ангорскихъ козъ. У Эскишера дорога раздвояется и отъ вѣтви, ведущей къ Ангорѣ, отдѣляется другая вѣтвь, длиной слишкомъ 440 кил., направляющаяся на юго-востокъ полуострова, къ Коніи, древней Иконіи, игравшей видную роль въ историческихъ судьбахъ Малой Азіи въ византійскую эпоху и бывшей впослѣдствіи резиденціей сельджукскихъ султановъ. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени, отъ конца 1889 до 1896 г., почти тысячеверстный желѣзнодорожный путь прорѣзалъ Малую Азію и соединилъ важнѣйшіе центры внутренней части полуострова—Ангору и Конію съ берегомъ моря. Если вспомнить, что менѣе 40 часовъ достаточно, чтобы перенестись изъ Вѣны въ Константинополь, что ничтожный морской переѣздъ отдѣляетъ Константинополь отъ Хайдаръ-Паши и что достаточно 2—3 дней, чтобы оказаться въ сердцѣ Анатоліи—въ Ангорѣ или Коніи,—значеніе анатолійской желѣзной дороги станетъ вполнѣ понятнымъ. Сдѣлается яснымъ и фактъ, что анатолійская желѣзно-дорожная линія, проникшая въ глубь полуострова, должна была сыграть видную роль въ дѣлѣ экономическаго развитія страны и затмить значеніе прежде существовавшихъ, выстроенныхъ англичанами и французами, сравнительно незначительныхъ въ этомъ отношеніи желѣзно-дорожныхъ линій, идущихъ отъ Смирны и не проникающихъ такъ далеко въ глубь; естественно также, что старыя дороги стремятся соединиться съ новой анатолійской, сдѣлавшейся магистральною вѣтвью для Малой Азіи; именно эта недавно устроенная желѣзная дорога открыла для европейцевъ прежде столь трудно доступную Анатолію и, несмотря на недавнее свое существованіе, уже успѣла оказать вліяніе на экономическую жизнь ея.

Малая Азія долгое время была и продолжаетъ еще быть ареной столкновенія и борьбы противоположныхъ интересовъ различныхъ европейскихъ государствъ: здѣсь сталкивались интересы Англіи, Франціи, Россіи, Германіи, Австріи и часто противоположныя интересамъ послѣдней стремленія Венгріи. Побѣду, по крайней мѣрѣ, временно, одержала Германія: анатолійская жел. дорога выстроена нѣмцами, на нѣмецкій капиталъ; главный управляющій обществомъ анатолійской жел. дор. живетъ въ Берлинѣ, изъ Германіи же былъ

привезенъ и почти весь матеріалъ для постройки (рельсы, вагоны, локомотивы и проч.); завѣдываніе движеніемъ на мѣстѣ лежитъ въ рукахъ нѣмцевъ. Если соображеніямъ политическимъ, усилившимъ временно германское вліяніе на берегахъ Босфора, нѣмцы обязаны полученіемъ отъ турецкаго правительства концессіи на постройку анатолійской жел. дороги, то исполненіе взятой задачи всецѣло было предоставлено заботливости и искусству нѣмцевъ. Они гордятся выполненіемъ этого крупнаго дѣла въ Анатоліи и внѣ всякаго сомнѣнія имѣютъ на это полное право. Когда въ 1888 г. между оттоманскимъ министромъ торговли и общественныхъ работъ и представителемъ германскихъ капиталовъ (германскаго банка въ Берлинѣ и Vereinsbank въ Вюртембергѣ) былъ заключенъ договоръ, предоставляющій нѣмцамъ къ октябрю 1892 г. открыть желѣзно-дорожное сообщеніе отъ Хайдаръ-Паша до Ангоры и когда открывшееся подъ эгидой названныхъ банковъ «Общество анатолійскихъ жел. дорогъ» приступило къ работамъ, большинство сомнѣвалось въ возможности для Германіи исполнить взятое на себя обязательство. Акціи новаго общества разошлись преимущественно среди нѣмцевъ, съ вѣрой смотрѣвшихъ на свое предпріятіе. Рядъ поѣздокъ во внутреннія части полуострова, основательное изученіе топографіи, климата, экономическихъ условій жителей, ихъ характера и особенностей, изслѣдованіе существующихъ торговыхъ путей и проч.—познакомило нѣмцевъ съ трудностями, съ которыми имъ предстояло бороться, но открыло одновременно и выгоды, на которыя можно было разсчитывать при эксплоатаціи новаго желѣзно-дорожнаго пути. Строители и руководители анатолійской дороги знали, на что они идутъ: это былъ глубоко и зрѣло обдуманный планъ мирнаго завоеванія для германской промышленности и торговли новаго восточнаго рынка, планъ блестяще приведенный въ исполненіе. Были приглашены въ руководители лица, хорошо знакомыя съ Турціей и съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ на Балканскомъ полуостровѣ; во главѣ поставлены гг. Кюльманъ, бывшій представитель общества развитія восточныхъ жел. дорогъ, и Кнаппъ, извѣстный своей видной дѣятельностью при постройкѣ жел. дорогъ въ Сербіи. Остальной составъ былъ подобранъ не менѣе умѣло; были примѣнены при постройкѣ новѣйшія техническія усовершенствованія, какъ, напримѣръ (при устройствѣ пути отъ Эскишера на Конію) *), рельсо-прокладывательная машина Гольцмана, устанавливающая заготовленные рельсы на 9 метровъ впередъ, такъ что рельсовый путь тотчасъ же дѣлался доступнымъ движенію; этимъ достигалась экономія времени и расходовъ: при работѣ 35 человѣкъ оказывалось возможнымъ прокладывать въ день до 2,500 метровъ пути, на что при обыкновенномъ способѣ прокладыванья потребовалось бы не менѣе 200—250 рабочихъ. Заводы Нюрнберга, Мюнхена, Эслингена, Гёрлица и другихъ городовъ Германіи быстро изготовляли новые вагоны, частью спеціально-приспособлен-

*) Для постройки этой линіи образовалось новое общество нѣмецкихъ капиталистовъ (1893 г.). Правленіе его находится во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

ные къ мѣстнымъ условіямъ. Несмотря на затрудненія, которыя встрѣчала постройка благодаря тому, что путь на значительномъ протяженіи пересѣкалъ гористую мѣстность, къ 28 іюня 1896 г. дорога достигла Коніи; до Ангоры она дошла еще въ 1892 г.

Въ настоящее время прежде дорого стоявшій и затруднительный переѣздъ въ глубь Малой Азіи составляетъ пріятную прогулку, которой охотно пользуются туристы. Знойное солнце юга дѣлаетъ томительными переѣзды въ вагонахъ: это неудобство устранено руководителями постройки. Обыкновенная, къ тому же выкрашенная въ черный цвѣтъ крыша вагона накаляется на солнцѣ до 40—50° R. и дѣйствуетъ какъ печь на внутреннее помѣщеніе. Въ Германіи былъ заказанъ новый типъ вагоновъ съ двойной крышей, причемъ верхняя, поднимающаяся на 10 цент. надъ нижней, деревянная и выкрашена въ бѣлый цвѣтъ. Свободное пространство между обѣими крышами содѣйствуетъ вентиляціи, матеріалъ и окраска верхней крыши въ связи съ вентиляціей препятствуютъ накаливанью нижней крыши, температура которой не поднимается выше 20—25° R. Въ палящій зной, путникъ въ вагонѣ не испытываетъ духоты. Знаніе мѣстныхъ условій жизни заставило руководителей обратить особенное вниманіе на устройство отдѣльныхъ вагоновъ для дамъ и гаремликовъ (дамскихъ комнатъ), чтобы ничѣмъ не стать въ противорѣчіе со взглядами на этотъ счетъ туземнаго, мусульманскаго населенія. Введены и особые вагоны для транспортированія мелкаго скота: двухъэтажные, съ легко-вынимаемымъ внутреннимъ поломъ, эти вагоны служатъ преимущественно для перевозки овецъ. За отсутствіемъ этого рода клади, внутренній полъ выдвигается, и вагонъ обращается въ обыкновенный товарный. Остроумно-придуманный видъ вагоновъ, исполненный въ Нюрнбергѣ (Крамеръ-Клеттъ) доставилъ значительную экономію въ расходахъ по изготовленію подвижного состава. Уступая привычкамъ страны, пассажирское движеніе по анатолійской дорогѣ совершается по турецкому счету часовъ и исключительно днемъ. Какъ сумѣли воспользоваться управители ночнымъ временемъ для эксплоатаціи дороги, мы укажемъ ниже.

Лицу, выѣхавшему изъ Константинополя, этихъ «воротъ на Востокъ», въ Хайдаръ-Паша и слѣдующему по новой жел. дорогѣ, не бросится, пожалуй, сразу въ глаза, что онъ путешествуетъ по линіи нѣмецкой жел. дороги. Нѣмцы занимаютъ главныя мѣста въ управленіи; низшіе служащіе, поѣздная прислуга и проч. состоитъ изъ мѣстныхъ жителей, и восточный колоритъ дороги не утрачивается. Лишь внимательно приглядываясь, онъ замѣтитъ результаты германской работы вдоль древней караванной дороги, ведущей отъ моря черезъ Ангору къ отдаленному Багдаду. Проѣзжая вначалѣ близъ морского берега, путникъ будетъ очарованъ красотой природы, многочисленными, богатыми виллами; онъ можетъ забыть, что онъ въ Анатоліи: мечты перенесутъ его въ прославленную итальянскую Ривьеру. Продолжая свой путь, онъ пересѣчетъ по дорогѣ къ Ангорѣ плодородныя мѣстности, населеніе которыхъ занято главнымъ образомъ огородничествомъ и плодоводствомъ; онъ увидитъ оливковыя рощи, виноградники,

вишневые сады. Кипарисы, платаны, могучіе дубы, лавры, гранаты, фиговыя деревья разнообразятъ ландшафтъ. Дѣвственный лѣсъ изъ дуба, буковъ, мѣстныхъ хвойныхъ породъ, въ тѣни которыхъ пышно цвѣтутъ кусты рододендроновъ, отдѣляетъ путника отъ слѣдующей полосы, отличной отъ первой и въ климатическомъ отношеніи, и по вызываемому послѣднимъ хозяйственному строю. Отъ Гейве за Балабанскимъ ущельемъ тянутся плантаціи тутовыхъ деревьевъ; здѣсь главный центръ шелководства, составляющаго важнѣйшее занятіе мѣстнаго населенія; маковыя поля, воздѣлываемыя для приготовленія опія, плантаціи хлопка и проч. смѣняютъ картины роскошнаго сада морского побережья, украшеннаго переливами морскихъ волнъ и Виѳинскими горами, надъ которыми царитъ снѣжная вершина виѳинскаго Олимпа. За Каракіой путникъ вступаетъ въ новую полосу—земледѣлія и скотоводства. Чѣмъ дальше онъ будетъ подвигаться къ Ангорѣ или Коніи, тѣмъ болѣе будетъ ему бросаться въ глаза уменьшеніе культивируемыхъ площадей и увеличеніе числа встрѣчаемыхъ имъ стадъ, пасомыхъ на необъятныхъ пространствахъ. Примитивныя повозки, курды въ широкихъ плащахъ, послужившихъ, какъ предполагаютъ, образцами для извѣстныхъ плащей орденскихъ крестоносцевъ, разнообразятъ скучную, выжженную солнцемъ мѣстность. Здѣсь-то, въ этой области, лежитъ та обѣтованная земля, богатства которой открыты теперь для Европы. Земля эта еще пустынна, но ей предстоитъ будущее: лежащая нетронутой почва подвергнется культурѣ, пастбища будутъ замѣнены нивами и экономическій строй населенія долженъ подвергнуться коренному измѣненію.

Анатолійская желѣзная дорога открыла «сердце Малой Азіи» для европейскихъ товаровъ и, конечно, преимущественно для германскихъ. Доходы отъ эксплоатаціи дороги поступаютъ, конечно, главнымъ образомъ въ кошельки нѣмецкихъ капиталистовъ. Значеніе Анатоліи для германской торговли громадно, но для насъ важенъ другой вопросъ: что собственно выиграла Малая Азія отъ проведенія этой желѣзной дороги, которой такъ гордятся нѣмцы и на которую французы и англичане смотрятъ недоброжелательно, усматривая въ ней опаснаго для ихъ торговыхъ интересовъ соперника.

Какъ отнеслось, прежде всего, мѣстное населеніе къ неожиданному новшеству, которому предстоитъ въ корнѣ измѣнить прежде господствовавшій строй? Сколько бы ни говорили объ инертности турецкаго населенія, объ его неспособности къ прогрессу,—малоазіатскіе турки наглядно опровергли ходячія мнѣнія, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, основанныя на знакомствѣ исключительно съ городскимъ населеніемъ. Турку-анатолійцу легко было усмотрѣть, что цѣна на хлѣбъ въ Стамбулѣ лѣтомъ раза въ 3 выше, чѣмъ въ Ангорѣ; онъ понялъ, что новый способъ перевозки дешевъ, и увеличилъ свою дѣятельность. Не трудно было ему замѣтить, что его овощи и фрукты только оттого не могутъ экспортироваться къ морю, что путь слишкомъ продолжителенъ: ему дали возможность быстро доставлять свой товаръ, и онъ сталъ отправлять его по желѣзной дорогѣ, одновременно заботясь объ

увеличеніи своихъ плантацій. Поэтому-то еще въ то время, когда новый желѣзно-дорожный путь не успѣлъ достигнуть конечныхъ пунктовъ, лицу, видѣвшему прорѣзываемыя дорогой области до и послѣ открытія движенія, уже бросалось въ глаза вліяніе новаго фактора, введеннаго въ исторію культуры Малой Азіи. Почти отъ Исмида, пункта, гдѣ рельсовый путь оставляетъ море, чтобы двинуться въ глубь страны, началось уже раскультивированье дремучаго субтропическаго лѣса: высокіе стволы вѣковыхъ деревьевъ вмѣстѣ съ обвивавшими ихъ непроходимою сѣтью ліанами, вырубались или чаще выжигались, чтобы на выжженныхъ участкахъ устроить поля; на тучной землѣ вездѣ быстро возникали небольшіе участки, засѣянные кукурузой. Не только турки, но даже переселившіеся сюда представители кавказскихъ народностей, наводившіе своими разбоями страхъ на далекія окрестности, спѣшатъ перейти къ земледѣлію, хорошо вознаграждающему трудъ. Поднимается благосостояніе населенія, одновременно увеличивается и безопасность страны: трудъ земледѣльца оказывается выгоднѣе непрочной и непостоянной добычи отъ грабежей и разбоевъ. Начинаютъ оживать и города: населеніе постепенно увеличивается; въ мѣстечкахъ, не игравшихъ прежде никакой роли, появляется торговое населеніе, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дорога не проходитъ непосредственно у городовъ и мѣстечекъ, они сами даютъ выселки къ желѣзной дорогѣ, стремятся сами стать ближе къ ней. Въ край широкимъ потокомъ двинулось переселеніе изъ Босніи и Герцеговины: эти переселенцы-мусульмане, извѣстные подъ общимъ именемъ мухаджировъ, вносятъ въ Малую Азію болѣе совершенныя сельско-хозяйственныя орудія и болѣе старательные пріемы обработки земли. Мѣстный турокъ охотно приглядывается къ пришельцамъ и начинаетъ уже мѣстами замѣнять свою примитивную соху усовершенствованнымъ плугомъ, перенимать способы обработки земли, чтобы увеличить доходность своего участка.

Въ интересахъ германской торговли и промышленности, равно и въ интересахъ новой желѣзно-дорожной компаніи требуется подъемъ экономическаго благосостоянія населенія. Обрабатывающая промышленность Малой Азіи находится на низкомъ уровнѣ, но развитіе промышленности добывающей поднимаетъ экономическія силы страны, обезпечиваетъ грузы новой дорогѣ и гарантируетъ сбытъ европейскихъ товаровъ. Интересы туземнаго населенія и пришельцевъ идутъ рука объ руку. Неудивительно поэтому, что управленіе желѣзной дороги не только съ удовольствіемъ смотритъ на возникающее благодаря его дѣятельности оживленіе хозяйственной жизни, но старается всѣми силами ускорить экономическое пробужденіе спавшей много вѣковъ Анатоліи.

Управленіе желѣзной дороги удачно стремится къ облегченію правилъ по пріему грузовъ. Оно воспользовалось, между прочимъ, ночнымъ временемъ, когда пассажирское движеніе прекращается, чтобы отправлять спеціальные поѣзда для принятія грузовъ—фруктъ и овощей. Двигающіеся ночью поѣзда останавливаются въ опредѣленныхъ пунктахъ, куда стекается населеніе окрестныхъ деревень, принимаетъ кладь, и къ утру свѣжіе фрукты и овощи достав-

ляются въ Хайдаръ-Паша, откуда они немедленно направляются въ потребляющій ихъ въ огромномъ количествѣ Константинополь. Кромѣ того, на станціяхъ устроены спеціальныя мѣста, приспособленныя для храненія фруктъ и овощей въ теченіе дня, съ тѣмъ, чтобы знойное южное солнце не испортило запасовъ. Неудивительно, что турки охотно отправляютъ произведенія огородничества и плодоводства по желѣзной дорогѣ и что въ первое же полугодіе по открытіи рельсоваго пути изъ одной Сабанджи (отъ 1 іюня по 31 декабря 1890 г.) было вывезено 195,000 килогр. вишенъ, сливъ и грушъ, 66,000 килогр. персиковъ, 506,000 килогр. яблоковъ, 2,000 килогр. арбузовъ и т. д.

Этимъ не ограничились, конечно, заботы: управленіемъ дороги было обращено вниманіе на обезлѣсеніе края, вредно отзывавшееся на земледѣліи, въ особенности въ крайне пустынныхъ внутреннихъ частяхъ полуострова. О. Ф. Кюльманъ задумалъ широкій планъ искусственнаго разведенія лѣсныхъ породъ и устройство лѣсныхъ школъ вдоль линіи желѣзной дороги. Но наиболѣе важнымъ оказался стоявшій въ связи съ приведеннымъ другой проектъ Кюльмана—о приведеніи въ исполненіе цѣлаго ряда мѣръ для поднятія сельскаго хозяйства въ областяхъ, прорѣзываемыхъ желѣзной дорогой.

Для осуществленія этого плана былъ приглашенъ ученый сельскій хозяинъ г. Германъ. Его задача состояла въ устройствѣ цѣлой сѣти опытныхъ полей и образцовыхъ фермъ, которыя находились бы въ соотвѣтствіи съ нуждами населенія всѣхъ трехъ поясовъ, прорѣзываемыхъ желѣзною дорогой (полоса развитія огородничества и плодоводства, шелко- и хлопководства и полеводства). Г. Германъ принялся искусно за порученное ему трудное дѣло. Устраивая свои образцовыя фермы, онъ прежде всего изгналъ все то, что служитъ для внѣшняго блеска подобныхъ учрежденій какъ въ Европѣ, такъ и въ Турціи, гдѣ существуютъ устроенныя правительствомъ образцовыя фермы. Видныя вывѣски, красивыя изгороди, затѣйливые кіоски не нашли себѣ мѣста въ фермахъ, устраиваемыхъ г. Германомъ. Онъ позаботился о простотѣ, примѣняясь къ привычкамъ мѣстнаго населенія; его маленькія хозяйства ничѣмъ по внѣшнему виду не отличались отъ обычныхъ у крестьянъ хозяйствъ, зато они и не отпугивали своей внѣшней роскошью туземное населеніе. Въ самомъ непродолжительномъ времени было устроено семь образцовыхъ фермъ: двѣ въ полосѣ развитія плодоводства и огородничества, двѣ въ гористой мѣстности—въ полосѣ шелко-и хлопководства и три въ глубинѣ полуострова на малоазіатскомъ плоскогорьѣ, въ полосѣ полеводства. Скромно устроенныя, эти фермы не бросаются въ глаза, и путникъ легко можетъ проѣхать мимо, не замѣтивъ ихъ. Но культурное значеніе ихъ стало сказываться быстро. Въ зависимости отъ мѣстности и занятій жителей каждое опытное и образцовое хозяйство г. Германа носитъ особый характеръ: около Буюкъ-Дербента и Сабанджи главное вниманіе обращено на фруктовыя деревья и ягодные кусты; тамъ разсаживаются преимущественно яблони, груши, вишни, малина, смородина, крыжовникъ

и пр.; разсады продаются окрестнымъ жителямъ за дешевую цѣну. Одновременно, для снабженія желѣзно-дорожныхъ станцій деревьями, устроены древесныя школы кипарисовъ, эвкалиптовъ,— для лихорадочныхъ мѣстностей,—и другихъ породъ, равно и колючихъ растеній для живыхъ изгородей. Въ промежуткахъ между плодовыми деревьями сажается картофель и люцерна, чтобы дать понятіе о возможности соединенія плодо-и полеводства. Въ слѣдующей полосѣ, около Адабазара, воздѣлываются опытныя поля подъ спаржу, свекловицу и хмѣль; сдѣланы, по предложенію одной нѣмецкой фирмы, въ большихъ размѣрахъ опыты засѣванья полей льномъ, и опыты дали блестящіе результаты. Культура гороха, до послѣдняго времени бывшая въ загонѣ у мѣстныхъ жителей, обратила на себя вниманіе г. Германа, въ виду существованія у Картала фабрики консервъ: стали сѣять горохъ въ значительномъ количествѣ—и результаты превысили всѣ ожиданія; кромѣ того, оказалось, что, благодаря климатическимъ условіямъ, сборъ гороха начался уже въ іюнѣ. Послѣ перепашки, бывшую подъ горохомъ землю засѣяли кукурузой, и она успѣла вызрѣть къ осени. Въ результатѣ— двѣ жатвы въ годъ. Разводятся въ школахъ этой полосы и фруктовыя деревья, которыя могутъ произрастать въ этой сухой мѣстности. Далѣе въ Везирханѣ устроена наиболѣе обширная древесная школа для обсаживанья станцій по линіи желѣзной дороги. Черезъ короткій промежутокъ времени школа имѣла въ своемъ распоряженіи уже 80,000 однолѣтокъ различныхъ древесныхъ породъ, конечно, преимущественно такихъ, которыя могутъ вынести зной и отсутствіе влаги. Гдѣ требовалось, г. Германъ вводилъ искусственное орошеніе, усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія и проч. Въ земледѣльческой полосѣ было произведено обстоятельное изслѣдованіе видовъ злаковъ, наиболѣе успѣшно поддающихся культурѣ, изучены условія урожайности и пр., чтобы предохранить населеніе отъ недородовъ, сдѣланы опыты культуры овса (почти не воздѣлываемаго мѣстнымъ населеніемъ), клевера, гороха, картофеля и пр. Турки не сразу довѣрчиво отнеслись къ попыткамъ г. Германа,—они присматривались. Не первый разъ они видѣли опытныя поля и образцовыя фермы, которыя устраивались турецкимъ правительствомъ и не имѣли никакого успѣха. Они предрекали то же и трудамъ г. Германа. Но успѣхи послѣдняго вскорѣ переубѣдили ихъ,—турокъ и здѣсь показалъ себя способнымъ къ прогрессу. Доступность хозяйствъ, устроенныхъ г. Германомъ, заставила сначала ближайшихъ сосѣдей пользоваться его совѣтами, указаніями и примѣрами; вскорѣ стали появляться земледѣльцы изъ болѣе отдаленныхъ областей,—интересъ къ начинаніямъ г. Германа возросталъ; даже начальники черкесскихъ ауловъ многократно обращались къ завѣдующему фермами съ просьбой посѣтить ихъ и научить болѣе совершеннымъ пріемамъ. Вскорѣ поля по близости отъ станцій начали принимать болѣе благоустроенный видъ; болѣе состоятельные жители стали пріобрѣтать усовершенствованные плуги,—бѣднымъ они ссужались отъ фермъ. Мѣстами начали возобновлять заброшенную вѣками искусственную ирригацію, разводить растенія и плоды, которые прежде

или были неизвѣстны населенію, или не обращали на себя достаточнаго вниманія послѣдняго. Во время постигшаго нѣкоторыя деревни неурожая г. Германомъ были выданы ссуды зерномъ жителямъ, и это скрѣпило ихъ окончательно съ новымъ дѣломъ. На слѣдующій годъ отличающіеся своей честностью турецкіе крестьяне спѣшили возвратить взятое зерно, причемъ нѣкоторые, во избѣжаніе подозрѣнія въ недостаточно внимательномъ отношеніи къ своему долгу, даже перемывали зерно, чтобы удалить соръ. Таковы въ общихъ чертахъ итоги дѣятельности г. Германа, посколько они успѣли выясниться еще въ началѣ. Съ 1895—96 гг. вліяніе и значеніе для мѣстнаго населенія опытныхъ полей и образцовыхъ фермъ продолжаетъ расти и развиваться.

Въ Германіи неоднократно поднималась мысль сдѣлать изъ Малой Азіи область, куда она могла бы направлять свою колонизацію: условія, при которыхъ подобная колонизаціонная дѣятельность могла бы имѣть успѣхъ, детально изучались нѣмцами. Первыя попытки въ этомъ отношеніи, правда, не были удачны. Раздоры между колонизаторами, неумѣніе приспособиться къ условіямъ мѣстности и къ туземному населенію приводили къ гибели колоній; иныя попытки оказались однако вполнѣ удачными. Для колонизаторовъ облюбована плодородная долина р. Пурзака, текущаго отъ Эскишера къ востоку. Издаются руководства для будущихъ поселенцевъ, чтобъ ознакомить ихъ съ предстоящими имъ на новой родинѣ условіями. Городъ Эскишеръ дѣлается оплотомъ германской торговли и колонизаціи въ Анатоліи. Нельзя сомнѣваться, что вслѣдъ за германскими товарами, по желѣзной дорогѣ, устроенной нѣмцами, нахлынетъ на Малую Азію значительная волна нѣмецкихъ колонистовъ-земледѣльцевъ; они найдутъ на Востокѣ многія условія, къ которымъ они привыкли на родинѣ, но болѣе плодородную почву и большее вознагражденіе за потраченные труды, чѣмъ въ Германіи. Нѣмецкая колонизація будетъ имѣть тѣмъ бо̀льшій успѣхъ, что мысль о ней встрѣчаетъ полное сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ Турціи. Германія закрѣпитъ за собой мало-азіатскій рынокъ не только для импорта своихъ товаровъ, но и для экспорта произведеній анатолійской почвы, добытыхъ нѣмецкими земледѣльцами. Правленіе анатолійской желѣзной дороги имѣетъ въ виду вытѣснить конкурренцію другихъ европейскихъ державъ, въ томъ числѣ, конечно, и Россіи, торговля которой на сѣверѣ полуострова продолжаетъ оставаться значительной. Но эта же Германія, хотя бы изъ своекорыстныхъ побужденій, вывела значительную часть Малой Азіи изъ летаргическаго оцѣпенѣнія. Многое предстоитъ еще сдѣлать мѣстному населенію, чтобы усовершенствовать свою земледѣльческую культуру; но толчокъ уже данъ, и волну нѣмецкой колонизаціи встрѣтитъ пробудившійся Востокъ, который сумѣлъ уже кое-что перенять отъ своихъ первыхъ учителей и не преминетъ воспользоваться примѣромъ новыхъ чужеземныхъ поселенцевъ: Анатоліи, послѣ начавшейся для нея новый эры, не предстоитъ играть роль только овцы, шерсть которой будутъ снимать нѣмецкія ножницы; цивилизаторская дѣятельность управленія новой желѣзной дороги

принесла уже свои плоды и если эти плоды частью пойдутъ на пользу учителей, то и ученики не окажутся обездоленными.

Дѣятельностью анатолійской желѣзной дороги, конечно, не исчерпывается европейская работа по оживленію производительныхъ силъ Малой Азіи. Мы ограничимся еще указаніемъ на принесшія пользу заботы европейцевъ, направленныя на поднятіе виноградарства и шелководства.

Плантаціи винограда имѣютъ вообще широкое распространеніе въ Анатоліи. Въ теченіе тысячелѣтій она славилась между прочимъ и развитіемъ этой отрасли сельскаго хозяйства; виноградники, гдѣ это только позволяютъ условія, культивируются какъ на западномъ побережьѣ, такъ и внутри страны. Ангора, напримѣръ., вся окружена ими. Однимъ изъ крупныхъ пунктовъ развитія виноградарства оказывается западное побережье; близость послѣдняго къ морю, равно и бо́льшая доступность для европейцевъ сдѣлали, что именно тамъ, до послѣдняго времени по крайней мѣрѣ, сосредоточивалась работа европейцевъ. Недалеко отъ Скутари, въ Эренкой и окрестностяхъ, виноградарство получило особенное развитіе благодаря дѣятельности нѣмецкаго піонера г. Эккелина. Лѣтъ 16 тому назадъ появилась въ Малой Азіи филоксера. Борьба съ ней была успѣшна, но виноградники запустѣли. Эккелинъ добился отъ турецкаго правительства порученія, а затѣмъ и субсидіи на введеніе среди окрестнаго населенія американскихъ лозъ, путемъ разсадки и прививокъ. Подъ его руководствомъ возникла въ Эренкой виноградная школа, задачей которой было распространеніе американскихъ лозъ главнымъ образомъ путемъ безвозмездной выдачи окрестнымъ жителямъ новыхъ сортовъ, выращенныхъ въ школѣ; одновременно шло и обученіе населенія пріемамъ прививки. Черезъ нѣсколько лѣтъ число выращиваемыхъ ежегодно отводковъ достигло 20,000. Но и этого числа оказывается недостаточно для удовлетворенія все развивающагося среди туземнаго населенія спроса на американскія лозы. Въ скоромъ времени по открытіи г. Эккелиномъ школы американскими сортами было засажено около 50 гектаровъ, принадлежавшихъ 50—60 хозяевамъ. Менѣе пользы для туземцевъ дало одно нѣмецкое торговое товарищество, которое занялось около Смирны выдѣлкой вина: винодѣліе находится преимущественно въ рукахъ грековъ и армянъ; турки воздѣлываютъ виноградъ, но не занимаются винодѣліемъ изъ соображеній религіознаго характера. Экспортъ вина изъ Смирны достигаетъ солидной годовой цифры около 650,000 килогр. Способы выработки вина, конечно, самые примитивные; къ тому же обычай прибавлять смолу въ вино, извѣстный еще у древнихъ грековъ, уменьшалъ сбытъ продуктовъ мѣстнаго винодѣлія на европейскіе рынки. Новое нѣмецкое предпріятіе внесло и усовершенствованные пріемы въ винодѣліе. Одновременно управленіе товарищества позаботилось и о развитіи мѣстнаго виноградарства, путемъ устройства собственныхъ виноградниковъ въ широкихъ размѣрахъ: до 3,000 гектол. товарищество получало изъ собственныхъ садовъ. Несмотря на высокую пошлину, которой въ Турціи обложены спиртные напитки, дѣло продолжаетъ развиваться. Значительная часть

вина изъ Анатоліи идетъ въ Венгрію, смѣшивается тамъ съ мѣстными винами и, подъ венгерскими названіями, распространяется по Европѣ. Примѣръ нѣмецкаго предпріятія вызываетъ подражаніе среди мѣстныхъ болѣе крупныхъ винодѣловъ. Какъ описанное торговое товарищество, такъ и г. Эккелинъ были одни изъ первыхъ піонеровъ нѣмецкой дѣятельности въ Малой Азіи.

Шелководство, которымъ прежде славилась Анатолія, постепенно приходило въ упадокъ по мѣрѣ развитія его въ европейскихъ странахъ и открытія новыхъ мѣстъ для экспорта коконовъ въ Европу. Болѣзнь шелковичныхъ червей начала сказываться и въ Анатоліи въ концѣ 50-хъ годовъ. Съ болѣзнью боролось правительство довольно успѣшно путемъ введенія червей изъ Закавказья и съ береговъ Каспійскаго моря; въ 60-хъ годахъ сдѣлали довольно удачные опыты акклиматизаціи червей изъ Японіи. Несмотря на это, шелководство приходило въ быстрый упадокъ. Турція оказалась вынужденной обратиться для поднятія этой видной отрасли мѣстнаго хозяйства въ европейскому просвѣщенію. Въ 1878 г. былъ сдѣланъ обязательнымъ пастёровскій способъ для борьбы съ болѣзнью. Управленіе Dette Publique Ottomane приступило къ устройству шелководныхъ школъ, изъ которыхъ двѣ были предназначены для спеціальныхъ нуждъ Анатоліи. Школы были расположены въ центрахъ мало-азіатскаго шелководства: въ Бруссѣ и Исмидѣ. Введеніе просвѣщенія и болѣе совершенныхъ пріемовъ не замедлило сказаться на развитіи шелководства: въ 60-хъ годахъ общій вѣсъ добываемыхъ въ Анатоліи коконовъ едва достигалъ 2 милліоновъ килогр., въ 1895 г. онъ значительно превысилъ 6 милліоновъ килогр.

Можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ къ поднятію добывающей и обрабатывающей промышленности Малой Азіи, сдѣланныхъ въ разное время европейцами частью по собственной иниціативѣ, частью по иниціативѣ оттоманскаго правительства. Попытки развитія хлопководства, табаководства, шелко-фабричнаго производства и пр., привлеченіе французскихъ и англійскихъ капиталовъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, опыты разработки или, по крайней мѣрѣ, изученія минеральныхъ богатствъ края и пр. составляютъ немаловажную заслугу европейскаго просвѣщенія въ Анатоліи. Однако, ни одной изъ этихъ попытокъ пока не было суждено играть еще той выдающейся роли въ жизни туземнаго населенія, какъ новымъ, недавно открывшимъ свою дѣятельность нѣмецкимъ желѣзно-дорожнымъ линіямъ. Умно задуманный и прекрасно исполненный планъ далъ уже блестящіе результаты. Дорога работаетъ хорошо: провозъ пшеницы, потребовавшій въ 1-й годъ эксплоатаціи 300 вагоновъ, въ слѣдующемъ году достигъ 700 вагоновъ; вывозъ овса изъ Адабазара съ 70 вагоновъ въ 1-мъ году увеличился до 200 ваг., кукурузы съ 400 вагоновъ — поднялся до 700 во 2-мъ году и т. д. И если послѣ этого быстраго подъема дѣятельность желѣзной дороги временно какъ будто немного сократилась, то не слѣдуетъ забывать, что анатолійская желѣзная дорога оказывается лишь первымъ,

хотя и гигантскимъ шагомъ, который сдѣланъ Европой для открытія глубины азіатской Турціи: дорога пройдетъ дальше и должна соединить Багдадъ и Персидскій заливъ съ Средиземнымъ моремъ. Нѣмцы гордятся своими культурными успѣхами въ Анатоліи; прежде господствовавшее вліяніе Англіи и Франціи отодвинуто на второй планъ; они называютъ Анатолію будущимъ Kolonisationsfeld германцевъ и дѣлаютъ все, чтобы достигнуть намѣченной цѣли. Но Малая Азія продолжаетъ, несмотря на временную побѣду Германіи, оставаться ареной борьбы культурно-торговыхъ интересовъ другихъ державъ; поучительный примѣръ Германіи вызоветъ не только подражаніе, но и конкуренцію. Естественныхъ богатствъ въ Малой Азіи еще много, много еще задачъ предстоитъ разрѣшить европейской цивилизаціи, много построить путей сообщенія и вызвать къ жизни еще много дремлющихъ силъ. Рѣзкій толчокъ, данный нѣмецкой желѣзной дорогой, разбудилъ Малую Азію отъ вѣкового сна, но, сдѣланный въ интересахъ Германіи, онъ одновременно показалъ Европѣ, что ея культура и просвѣщеніе, если они будутъ введены умѣлой рукой, встрѣтятъ не чуждающееся воспріятія прогресса трудолюбивое населеніе. Агенты и представители заинтересованныхъ въ экономическомъ развитіи Анатоліи державъ, живущіе въ береговой полосѣ и въ глубинѣ полуострова, не преминутъ, конечно, воспользоваться примѣромъ Германіи и, работая на пользу своихъ отечественныхъ интересовъ, постараются вызывать все болѣе къ развитію многочисленныя и разнообразныя естественныя богатства Анатоліи. Населеніе послѣдней несомнѣнно только выиграетъ отъ этого движенія европейцевъ, насаждающихъ культуру вокругъ лежащихъ въ развалинахъ центровъ цивилизаціи древности и среднихъ вѣковъ.

II.

Персія. Попытки къ ея оживленію.

Удачно брошенное Турціи названіе — «больной человѣкъ» сдѣлалось ходячимъ. Но такихъ «больныхъ людей» нетрудно найти и среди многихъ азіатскихъ государствъ. Къ нимъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и Персія. Слабы ея государственныя силы, болѣетъ она своимъ центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ, продажностью администраціи, лживостью и развращенностью населенія. Чахнутъ экономическія силы Персіи, падаютъ ея торговля и промышленность, городское населеніе уменьшилось численно, померкъ блескъ власти прежнихъ шахъ-инъ-шаховъ, повелителей нѣкогда счастливаго Ирана. Границы ея сократились, вліяніе на сосѣднія страны почти утратилось. Съ гордостью можетъ вспоминать сынъ Ирана только прошлое: прежнее богатство своей родины, ея былое могущество, ея многочисленные, густонаселенные города. Давно ли это было, когда грозныя полчища персидскихъ войскъ громили Грузію, шли кровавымъ походомъ на Индію, смѣло выступали въ бой съ Турціей, передъ которой тогда еще нерѣдко дрожала западная Европа. Лѣтъ 250 тому назадъ, собиравшееся

съ силами послѣ польскаго разгрома Русское государство спѣшило посылать подарки воинственному шаху Абассу, искать его дружбы, просить о помощи деньгами, обѣщая отдать въ закладъ Персіи устье Волги и Астрахань. Россія затѣмъ крѣпла, развивалась, готовилась выступить на арену европейской исторіи. Въ Персіи происходилъ какъ разъ обратный процессъ: она медленно приходила въ упадокъ, и лишь внѣшній блескъ двора шаховъ, да военные походы противъ ослабѣвшихъ сосѣдей скрывали нѣкоторое время внутреннюю язву, которую носила въ себѣ Персія. Послѣ побѣдоноснаго похода Петра I, завоеванія Россіей Дербента и Баку начинается быстрое внутреннее разложеніе Персіи. Правда, русское правительство, занятое въ XVIII в. иными интересами, возвращаетъ свои завоеванія Персіи. Она возстановляется въ прежнихъ границахъ. Правда, кровавая эпоха правленія Надиръ-шаха, его удачные походы на время какъ будто поднимаютъ упавшій престижъ Персіи. Европа еще вѣритъ въ ея силы—Россія послѣ своихъ войнъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія убѣдилась въ слабости своего сосѣда. Но еще Наполеонъ I охотно соглашается на союзъ съ Персіей, чтобы дѣйствовать противъ Англіи. Событія показали, насколько слаба была въ то время Персія; она и тогда жила только прошлою славой, да блескомъ, падавшимъ на нее отъ именъ давно уже сошедшихъ въ могилу крупныхъ правителей. Можетъ вспоминать современный персъ и прежній расцвѣтъ духовной культуры своей родины: онъ гордится именами Фирдоуси и Гавиза, повторяетъ ихъ стихи. Онъ видитъ древніе дворцы и мечети и вспоминаетъ эпоху блеска и расцвѣта родной архитектуры; его предки приглашались строить пышныя зданія для удовлетворенія прихотей или религіознаго чувства властителей Малой Азіи и владыкъ Бухары и Самарканда; художественные мотивы, данные архитекторами Ирана, служили предметомъ разработки и подражанія для туземныхъ строителей, и зданія, выстроенныя прежними воспитанниками иранской культуры, поражаютъ и теперь еще, даже въ своихъ развалинахъ, красотой, блескомъ и вкусомъ.

Но чѣмъ блестящѣе и отраднѣе картины прошлаго, тѣмъ грустнѣе и печальнѣе то, что персъ видитъ въ настоящемъ, тѣмъ рѣзче бросается въ глаза современный упадокъ и запустѣніе; тяжелая картина современности слишкомъ большимъ контрастомъ выдѣляется на залитомъ блескомъ фонѣ прошлаго расцвѣта и величія.

Въ упадкѣ города, въ упадкѣ и селенія. Двѣнадцать воротъ, ведущихъ въ столицу Персіи—Тегеранъ, раскрываютъ путнику картину внутреннихъ частей города, противоположную какъ разъ тому, что сулитъ названіе столицы: Тегеранъ—«чистый городъ» только по названію: неправильныя улицы, загроможденныя развалинами, отбросами, мусоромъ, перерѣзанныя грязными каналами; многочисленныя собаки и шакалы исполняютъ обязанности по очисткѣ города. Даже дворцовая часть не представляетъ красивой картины: зданія восточнаго стиля и новыя постройки въ европейско-азіатскомъ вкусѣ стоятъ на-ряду съ ветхими лачугами. Почти полное отсутствіе тро

туаровъ, освѣщенія, ужасныя санитарныя условія, недостатокъ въ большей части города хорошей воды,—дѣлаютъ Тегеранъ непривлекательнымъ: сдѣлавшись столицей Персіи при воцареніи царствующей каджарской династіи (въ концѣ XVIII в.), Тегеранъ теперь одинъ изъ наиболѣе богатыхъ и многочисленныхъ городовъ Ирана; но въ немъ всего 12,000 домовъ и немного болѣе 200,000 жителей. Другіе города производятъ еще болѣе впечатлѣніе запустѣнія. Извѣстный своими святынями, дорогими сердцу перса-шіита, г. Кумъ имѣлъ славное прошлое; лѣтъ полтораста тому назадъ онъ насчитывалъ 100,000 жителей, теперь число ихъ едва достигаетъ 40,000. Старая столица Исфаганъ имѣетъ въ настоящее время населеніе менѣе 100,000; это второй по своему торговому значенію городъ Персіи; объ упадкѣ его легко судить, если вспомнить, что лѣтъ 200 тому назадъ онъ вмѣщалъ въ своей оградѣ до 32,000 домовъ и почти полмилліонное населеніе. Прославленный могилой Гавиза, Ширазъ, въ прежнее время имѣвшій 23 версты въ окружности, густонаселенный, съ 24,000 домовъ, представляетъ теперь обширное селеніе, съ нѣсколькими десятками тысячъ жителей: отъ прежней славы Шираза остались только двѣ мечети, пережившія упадокъ центра Фарсистана. «Царственный городъ»—Нишапуръ, нѣкогда краса Хорасана, центральный пунктъ дорогъ на Тегеранъ, Мехшедъ, Туршизъ и Кушанъ, лежитъ въ развалинахъ среди безплодной, выжженной и суровой страны. Древняя Экбатана — современный Хамаданъ, сыгравшая столь видную роль въ исторіи древней Персіи, еле насчитываетъ 25—30 тысячъ жителей, изъ нихъ цѣлыхъ 10% приходится на евреевъ, которыхъ привлекаетъ сюда гробница Есфири. Плодородная почва не оживляетъ умершаго города. Даже Бендеръ-Буширъ, одинъ изъ важнѣйшихъ портовъ Персіи, видный торговый пунктъ, куда въ 1895 г. было ввезено товаровъ почти на 1 милл. фунт. стерлинговъ, имѣетъ лишь до 15 тыс. жителей; можно ли удивляться, что число жителей второго по важности южнаго порта Бендеръ-Аббаса едва достигаетъ 5 тысячъ, а между тѣмъ въ него ввозится, по даннымъ 1895 г., товаровъ на солидную цифру слишкомъ 476 тыс. фунт. стерл., а вывозъ его доходитъ до суммы слишкомъ 317 тыс. фунт. стерл. Разрушенныя укрѣпленія—слѣды нѣкогда грозныхъ крѣпостей, кое-гдѣ сохранившіяся древнія мечети — вотъ почти все, что осталось отъ прежняго величія городовъ. Теперь они въ упадкѣ, жизнь ихъ замерла, торговля двигается сравнительно съ прошлымъ мало, дома некрасивы, улицы кривы и грязны; неблагопріятное впечатлѣніе производятъ, однимъ словомъ, прежніе центры политической, духовной и торговой жизни Ирана. Не болѣе отрадное впечатлѣніе оставляетъ и внѣгородская Персія.

Пусть луга Персіи весной веселятъ взоръ путника удивительнымъ количествомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ: ихъ блескъ скоро блекнетъ, какъ только весеннее тепло смѣнится жгучимъ лѣтнимъ зноемъ. Веселыя плантаціи и поля, съ трудомъ воздѣланныя заботливою рукой земледѣльца, орошаемыя водой, проведенной по искусственнымъ каналамъ издалека, скоро смѣняются на пути почти безводными пустынными пространствами, годными только для

скотовода-кочевника. Путникъ съ удовольствіемъ будетъ любоваться красивыми горными ландшафтами, лѣсистыми склонами Эльбурса и могучею вершиной Демавенда, но жалкія полуразвалившіяся зданія во встрѣчаемыхъ имъ селеніяхъ, гдѣ ютится подчасъ чуть не нищенское населеніе, не замедлитъ обнаружить ему печальное состояніе края. Будетъ ли путешественникъ подвигаться къ столицѣ Ирана изъ Энзели или другого порта Каспійскаго моря, изберетъ ли онъ противоположный путь, съ юга на сѣверъ отъ Персидскаго залива, двинется ли онъ изъ Тегерана на востокъ или западъ, онъ почти всюду встрѣтитъ дороги, ужасныя по своему устройству, лишенныя всякихъ удобствъ. Не всюду колесная дорога соединяетъ главные торговые центры со столицей шаховъ; часто приходится довольствоваться верховою тропой, лѣпящейся, въ горныхъ частяхъ, по крутизнамъ скалъ, пересѣкающей быстрыя горныя рѣчки, которыя необходимо переходить въ бродъ: мостовъ чаще всего нѣтъ—и путникъ или торговый караванъ рискуетъ потерять часть своей клади, если случайно оступившееся вьючное животное потеряетъ опору и скатится съ горнаго склона или будетъ унесено волнами бурной рѣчки, бѣгущей по усѣянному безчисленными камнями дну. Плохи дороги въ Персіи; не даромъ въ ней почти не употребительны колесные экипажи и даже классическая восточная арба почти не встрѣчается,—персъ предпочитаетъ довѣрить себя привыкшему къ роднымъ дорогамъ коню: онъ ѣдетъ верхомъ, а женщинъ, и дѣтей перевозитъ въ крытыхъ, неустойчивыхъ будкахъ, прикрѣпленныхъ къ сѣдлу лошади. Отсутствіе дорогъ — большое зло для Персіи. Но персъ мирится съ нимъ, какъ онъ мирится со многимъ. Такимъ образомъ общее впечатлѣніе, которое выноситъ путешественникъ по Персіи—это картина упадка и разоренія. Чудесъ Востока, столь манившихъ къ себѣ европейцевъ—не найдешь, если не считать развалинъ. Выжженная солнцемъ, съ безлюдными пространствами, протянувшимися на большое разстояніе, съ ничтожнымъ населеніемъ (не свыше 8—10 милл.), съ разрушающимися городами,—она являетъ типичныя черты умирающей страны, утратившаго прежнія силы государства, изжившаго самого себя организма.

Что же привело Персію къ этому быстрому упадку, отчего изсякли ея творческія, производительныя силы, почему ея исторія, литература, наука, искусство—всѣ въ прошломъ, что за причины истощили ея экономическую жизнь и привели къ паденію торговли и промышленности? Почему современная Персія—страна безсилія и мрака невѣжества, стоитъ въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что сулитъ ея пышный государственный гербъ—соединеніе эмблемъ силы и свѣта, льва и солнца? Этому было много причинъ. Персія ослабла отчасти оттого, что сосѣди ея усилились: она была грозной для жителей Закавказья, когда они сами были раздроблены и слабы. Персія оказалась слабой, когда Россія ступила твердою ногой въ Закавказьѣ, на берегахъ Каспійскаго моря и въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Она могла играть роль въ судьбахъ Афганистана, пока онъ былъ слабъ, могла бурною волной обрушиться на сѣверную Индію лишь до тѣхъ поръ,

пока сила англичанъ не поставила ей преграды и не положила конца ея завоевательнымъ стремленіямъ. Усиленіе сосѣдей приводило Персію къ политической агоніи. Но причина, почему Персія утратила свои экономическіе соки, утеряла свою духовную культуру, довела населеніе до разоренія и превратилась такимъ образомъ въ «больного человѣка», часы котораго какъ будто сочтены, лежитъ въ самой Персіи, въ ея государственномъ строѣ, въ способѣ управленія своими разноплеменными подданными, чуждыми другъ другу и по происхожденію, и по культурному уровню.

Персія—конгломератъ народностей. Правда, выдающуюся долю населенія составляютъ персы, около 40% всѣхъ жителей. Они являются основой осѣдлаго населенія. Значительную часть, по самому скромному исчисленію болѣе 2 милліоновъ, составляютъ кочевыя племена: тюркскія кочевыя орды, курды и родственные персамъ—луры. Эти кочевыя племена многочисленны и представляютъ, вслѣдствіе сознанія своей солидарности и родственной связи, соединяющей членовъ отдѣльныхъ племенъ, большую силу въ государствѣ: одно изъ тюркскихъ племенъ насчитывало слишкомъ 88,000 семействъ, другое—60,000 семействъ и т. д., а одно изъ лурійскихъ племенъ (бахтіаръ) насчитываетъ даже 170,000 семействъ. Кочевники признаютъ власть шаха, который и самъ происходитъ отъ одного изъ тюркскихъ кочевыхъ племенъ—каджаровъ. Но они мало связаны съ Персіею; они управляются своими старѣйшинами и считаютъ себя самостоятельными. Отъ нихъ, строго говоря, мало пользы для государства; многіе изъ представителей этихъ племенъ—элементъ безпокойный, разбойничій, и тюрки, равно какъ и населяющіе Персію арабы, белуджи и пр., предпочитаютъ нерѣдко промышлять разбоемъ на сушѣ или на морѣ, чѣмъ предаваться мирнымъ занятіямъ. Этотъ пестрый составъ населенія, не считая армянъ, евреевъ, живущихъ въ странѣ, является грозною силой въ слабой Персіи,—на ихъ долю приходится $^1/_4$—$^1/_3$ всего населенія. Коренные обитатели персы могутъ представить лишь незначительный противовѣсъ неустойчивымъ кочевникамъ; они ютятся въ значительной степени въ городахъ, ведутъ торговлю, занимаются земледѣліемъ, ремеслами и промыслами въ городахъ и селеніяхъ. Культурное превосходство оставляетъ за ними первенствующее мѣсто, но численно они слишкомъ слабы, чтобы заставить неустойчивый элементъ кочевниковъ слиться съ государствомъ въ одно неразрывное цѣлое. Нравственныя силы персовъ подавлены плохой администраціей: имъ необходимо заботиться главнымъ образомъ о себѣ, о собственной безопасности.

Надъ этимъ конгломератомъ народностей поднимается шахъ, неограниченный правитель развѣ только въ отношеніи исполненія личныхъ капризовъ. Въ остальномъ онъ ограниченъ прежде всего духовенствомъ и сеидами—«потомками пророка»; эти послѣдніе представляетъ единственное и привилегированное сословіе Персіи, выводятъ свои родословныя отъ пророка, хотя нерѣдко за деньги персъ можетъ заказать себѣ подобную родословную и добиться, за деньги же, признанія за собой званія сеида. Духо-

венство и сеиды — блюстители традицій, какъ бы послѣднія ни устарѣли; они оказываютъ большое вліяніе на населеніе и иногда заставляли правительство взять обратно начатую реформу. Попытки европейцевъ эксплоатировать богатства Персіи неоднократно разбивались о противодѣйствіе духовенства: памятно возмущеніе, вызванное данной шахомъ въ 1890 г. концессіей на табачную монополію англійскому обществу. Подъ вліяніемъ наущеній духовенства народъ возмутился, уничтожилъ табачныя лавки и вынудилъ шаха взять свое обязательство передъ компаніей обратно. Но вреднѣе, чѣмъ вліяніе духовенства, отражается на бытѣ населенія плохое устройство центральнаго и мѣстнаго управленій. Лихоимство распространено до невѣроятныхъ предѣловъ; лихоимство и подкупность судей, администраторовъ, министровъ вошли чуть не въ пословицу. Взятки выжимаются съ кого можно и при всякомъ случаѣ. Правители округовъ, ихъ служащіе, министры и ихъ канцеляріи—всѣ требуютъ подарковъ отъ обывателей. Суда и управы на нихъ нѣтъ, даже шахъ не можетъ защитить угнетаемыхъ: и ему нужны деньги, а у недавно умершаго шаха Насръ-Эддина любовь къ деньгамъ и подаркамъ граничила со страстью; подарокъ шаху успокоивалъ гнѣвъ властителя, и правдѣ не было мѣста въ границахъ Персіи. Недаромъ богатые персы избѣгаютъ выставлять на видъ свое состояніе: они предпочитаютъ ютиться въ жалкихъ домахъ, казаться бѣдными, чтобы не сдѣлаться жертвой алчности чиновниковъ. Сельское населеніе обременено налогами, установленными изстари, не измѣняемыми несмотря на происходящія перемѣны въ составѣ и численности жителей. Опустѣвшія селенія, пришедшіе въ упадокъ города платятъ нерѣдко столько же, сколько въ дни былого цвѣтущаго состоянія. Размѣръ налоговъ самъ по себѣ чрезмѣрно великъ: онъ достигаетъ нерѣдко 30 % и больше съ дохода. Если къ этому присоединить, что налоги взимаются крайне неправильно, что все зависитъ подчасъ отъ усмотрѣнія чиновниковъ, что, наконецъ, сборщики, а часто и высшіе сановники, требуютъ себѣ еще подарковъ, станетъ яснымъ, что и земледѣліе, и торговля, и промышленность должны клониться къ упадку. Повелитель Ирана, даже еслибъ онъ и хотѣлъ ввести правительственныя реформы, оказался бы безсильнымъ: его старанія разбились бы, какъ они разбивались при его предшественникѣ Насръ-Эддинѣ, о продажность администраціи, высшаго и низшаго чиновничества и судей, о невѣжественность мусульманскаго духовенства и о недовѣріе подданныхъ къ своему правительству. Персу нѣтъ основанія развивать производительныя силы своей страны: онъ доволенъ, если можетъ обезпечить свое существованіе, изнывая подъ тяжестью налоговъ и произвольныхъ поборовъ. Отсюда — быстрый упадокъ страны, забитость и инертность населенія.

Но неужели разложеніе страны не бросалось въ глаза шахъ-инъ-шахамъ, самовластнымъ повелителямъ Персіи, и неужели они не предпринимали мѣръ для поднятія своей родины? Несомнѣнно, что они видѣли быстрый упадокъ Персіи и старались поднять ее на прежнюю высоту. Частью они наталкивались на противодѣйствіе невѣжества и темноты; у нихъ не

доставало, при всемъ ихъ внѣшнемъ величіи, власти для проведенія реформы. Главное же—что сами правители Персіи за послѣднія полтора столѣтія не дали ни одного типа, который сознательно и обдуманно шелъ бы по пути реформъ. Сознавая необходимость общенія съ Европой, они оставались сами лицами невѣжественными и, одной рукой стараясь ввести просвѣщеніе, тормозили собственныя попытки другой: они не умѣли выбирать исполнителей и сами были слишкомъ посредственными личностями, чтобы сумѣть воодушевить окружающихъ. Шахъ Насръ-Эддинъ увлекался примѣромъ великаго преобразователя Россіи: онъ любилъ читать біографію и очеркъ дѣятельности Петра I. Онъ мечталъ быть Петромъ для своей родины. Насръ-Эддинъ совершилъ крупное новшество: онъ отправился въ Европу учиться у невѣрныхъ гяуровъ. Но чтобы сдѣлаться обновителемъ родной страны, ему не доставало ни силы, ни широты, ни ума своего излюбленнаго героя. Поэтому-то его поѣздки не привели къ существеннымъ реформамъ: попытки пересоздать Персію остались на бумагѣ, а опыты «упроститься» и лично наблюдать за дѣятельностью чиновниковъ окончились рядомъ смѣшныхъ анекдотовъ.

Между тѣмъ богатая Персія давно манила къ себѣ иностранцевъ: въ теченіе столѣтій они старались проникнуть въ нее, и все же Персія быстро шла къ упадку; старанія европейцевъ оканчивались неудачей и итогъ ихъ просвѣтительныхъ попытокъ крайне ничтоженъ. Европейцамъ пока оказалось еще не подъ силу бороться съ тѣмъ зломъ, которое разорило Персію—съ плохой, продажной, невѣжественной и инертной администраціей. Частью неудачи зависѣли отъ самихъ просвѣтителей. Еще съ того времени, когда португальскій флагъ царилъ въ восточныхъ водахъ почти исключительно, начинаются попытки европейцевъ проникнуть въ Персію: на островахъ Персидскаго залива и до сихъ поръ еще можно видѣть остатки торговыхъ факторій и крѣпостей португальцевъ. Португальцы ввели въ Персію культуру табака, который теперь составляетъ видный предметъ вывоза, достигшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до наступленія періода колебаній вывоза, почти 175,000 пудовъ. Португальцевъ смѣнили англичане, затѣмъ появились русскіе, французы, нѣмцы, австрійцы; всѣ старались цѣною большихъ усилій и жертвъ сдѣлать Персію рынкомъ для своихъ товаровъ. Въ настоящее время въ Персіи кипитъ борьба интересовъ различныхъ европейскихъ странъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ Малой Азіи; но результаты этой борьбы гораздо менѣе выдающіеся, чѣмъ въ послѣдней. Кое-что тѣмъ не менѣе сдѣлано, хотя бы результаты и не соотвѣтствовали стараніямъ. Европейское воздѣйствіе сказывалось и въ Персіи, какъ и въ Турціи, прежде всего на реорганизаціи арміи. Этого хотѣли шахи, сознававшіе, что улучшеніе военныхъ силъ можетъ служить къ усиленію государства. Но въ Турціи военная реформа привела къ хорошимъ результатамъ, въ Персіи—наоборотъ. Начиная съ Наполеона I, въ ней чередуются французскіе, англійскіе, русскіе, австрійскіе, итальянскіе инструкторы. Одно время, казалось, реформа имѣла успѣхъ. Талантливый Аббасъ-

Мирза, сынъ и предполагаемый наслѣдникъ шаха Фетхъ-Али, поднялъ, при содѣйствіи англійскихъ инструкторовъ и денегъ, персидскую армію настолько, что она мало чѣмъ уступала тогдашнимъ европейскимъ. Но въ 30-хъ годахъ нашего вѣка преждевременная смерть похитила Аббасъ-Мирзу; съ его смертью начинается новый упадокъ персидскаго военнаго дѣла, которое не въ состояніи были поднять ни старанія иностранныхъ инструкторовъ, ни двѣ военныя школы, устроенныя шахомъ Насръ-Эддиномъ. Частью неудачный выборъ лицъ, но главное — самовластныя назначенія шахомъ въ главные завѣдующіе арміей своихъ фаворитовъ, независимо отъ ихъ качествъ, приводили лучшихъ инструкторовъ къ ничтожнымъ результатамъ. Введены недурные оркестры военной музыки, новая обмундировка, устроены на нѣмецкій образецъ одинъ полкъ регулярной кавалеріи и два полка казачьей бригады по образцу русскихъ, заказаны были въ значительномъ количествѣ орудія, сдѣланы попытки вообще поднять артиллерію до высоты европейской—и это, пожалуй, все. Неудачный способъ набора солдатъ, плохое содержаніе ихъ и офицеровъ, отсутствіе дисциплины, взяточничество всѣхъ военныхъ чиновъ отъ сарджука (ефрейтора) до сартипа (генерала), отсутствіе престижа офицеровъ въ отношеніи къ низшимъ чинамъ, неаккуратно выплачиваемое жалованье, вынуждающее солдатъ прибѣгать къ постороннимъ занятіямъ для снисканія себѣ пропитанія и пр., дѣлаетъ изъ персидской арміи, за исключеніемъ трехъ названныхъ полковъ, жалкую пародію на европейскія. Полная невѣжественность начальниковъ, даже побывавшихъ въ военныхъ школахъ, произвольное назначеніе высшихъ чиновъ, невозможная организація дополняютъ эту печальную картину. Артиллерія, напримѣръ, находится подъ управленіемъ трехъ начальниковъ, обыкновенно живущихъ въ несогласіи другъ съ другомъ: одинъ завѣдуетъ солдатами, другой — пушками, третій — лошадьми. Неудивительно, что солдаты содержатся плохо, что подъ орудія отпускаются слабыя, больныя лошади, а сами орудія часто непригодны къ стрѣльбѣ.

Съ военными реформами получилось то же, что и съ реформой центральныхъ правительственныхъ учрежденій. Шахъ, послѣ своихъ поѣздокъ за границу, учредилъ министерства, носящія громкія названія министерствъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, военнаго, юстиціи, прессы, телеграфовъ и просвѣщенія. Но европейскаго въ нихъ только названія—и странно звучитъ названіе министерства для небольшого учрежденія, состоящаго подъ управленіемъ посаженнаго прихотью повелителя фаворита, мысли котораго направлены главнымъ образомъ на обезпеченіе собственнаго состоянія. Сидящіе на полу нѣсколько писцовъ составляютъ канцелярію, сложенныя въ углу бумаги—текущія дѣла государственнаго управленія—извлекаются изъ-подъ пыли по прихоти министра и которыя онъ разрѣшаетъ подъ вліяніемъ даваемыхъ ему подарковъ со стороны просителей. За подарки министръ иностранныхъ дѣлъ даетъ концессіи иностранцамъ, добивающимся выгодъ для своей родины, за подарки рѣшаются дѣла у министровъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; ми-

нистръ финансовъ заботится больше о поднятіи собственнаго благосостоянія; министрамъ прессы, телеграфовъ и просвѣщенія почти нѣтъ никакого дѣла. Нельзя назвать прессой ничтожное количество изданій, во многихъ случаяхъ посвященныхъ восхваленію шахъ-инъ-шаха, извращающихъ факты, наивно думая ввести въ обманъ персовъ о состояніи ихъ страны. Просвѣщеніе стоитъ еще на средневѣковой ступени, и хотя грамотность чрезвычайно распространена въ Персіи, благодаря обилію школъ въ селахъ и городахъ, но просвѣщенія нѣтъ: нельзя называть этимъ именемъ вызубриванья Корана и стиховъ персидскихъ поэтовъ, составлявшихъ въ давно прошедшія времена славу Ирана. Математика, медицина и другія науки стоятъ низко. Недаромъ министръ просвѣщенія соединяетъ въ своемъ лицѣ и управленіе телеграфами, мѣстами введенными въ Персію по настоянію европейцевъ. Полувѣковое правленіе поклонника Петра I, шаха Насръ-Эддина мало подвинуло Персію по пути цивилизаціи. Потуги шаха разбивались о вѣковую развращенность администраціи, о собственную невѣжественность шаха. Объ эти же два препятствія разбивались и стремленія европейцевъ. Въ борьбѣ за персидскій рынокъ побѣду пока одерживаютъ англичане и русскіе. Персія въ этомъ отношеніи можетъ быть раздѣлена на двѣ полосы: сѣверная составляетъ сферу преимущественнаго господства Россіи и область ея культурной работы, южная—является преимущественно рынкомъ для Англіи. Борьбу ведутъ и австрійцы, нѣмцы, французы и бельгійцы, но преобладающая роль выпадаетъ пока Россіи и Англіи.

Главное вниманіе европейцевъ, принимавшихся за пробужденіе Персіи, помимо содѣйствія шаху въ улучшеніи военныхъ силъ страны, открытія типографій, которыя нѣкогда были заимствованы Персіей изъ Китая и затѣмъ забыты,—было, конечно, обращено на приливъ капиталовъ въ Персію и на развитіе ея торговли. Три банка функціонируютъ въ Персіи: одинъ англійскій и два русскихъ. Они имѣютъ цѣлью финансовое оживленіе страны, содѣйствіе торговлѣ и развитію мѣстной промышленности; они достигаютъ цѣлей, но далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ это было бы желательно: особыя условія Персіи, приведшіе ее къ упадку, равно и цѣль, поставленная себѣ англійскимъ банкомъ—содѣйствовать правительству въ его финансовыхъ операціяхъ, нерѣдко отражались невыгодно на дѣятельности англійскаго предпріятія. Этотъ первый банкъ, открывшій свои дѣйствія съ 1889 г. и носящій названіе имперскаго персидскаго банка, не разъ производилъ, благодаря неаккуратности плательщиковъ, панику среди своихъ акціонеровъ.

Плохое устройство дорогъ Персіи обратило на себя особыя заботы иностранцевъ: старались помочь этому злу, заинтересовать шаха въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, но результаты оказались ничтожными. Небольшія желѣзно-дорожныя линіи, вродѣ соединяющихъ Тегеранъ съ мѣстомъ паломничества Абдулъ-Азимъ и мѣстечко Амулъ съ Каспійскимъ портомъ Гассанъ-Абадъ не играютъ роли въ экономической жизни страны. Торговые пути ими почти не затрогиваются. Обширный проектъ устройства желѣзно-

дорожной сѣти, предложенный бар. Рейтеромъ, далѣе планъ соединенія Тегерана съ Рештомъ пока не получили осуществленія. Телеграфная сѣть, соединяющая столицу Персіи съ Багдадомъ и черезъ Тифлисъ съ Лондономъ, проходящая черезъ нѣсколько городовъ Ирана, могла бы значительно оживить сношенія Персіи, но благодаря опять-таки особымъ условіямъ, вызываемымъ персидскою невѣжественностью, обывателямъ не разрѣшается посылка внутреннихъ телеграммъ. Лишь правительства да иностранныя миссіи и фирмы пользуются этимъ правомъ. Какія бы цѣли ни преслѣдовали англійскія компаніи при проведеніи телеграфныхъ линій, несомнѣнно, что, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ Персіи, придется признать, что она сама причиной тому, что могучее орудіе оживленія страны не эксплуатируется ею и въ своихъ интересахъ. Болѣе удачны были попытки устройства новыхъ колесныхъ дорогъ, для облегченія движенія товаровъ, но и онѣ еще не всѣ приведены въ исполненіе. Торговля съ Россіей направляется частью въ порты Каспійскаго моря, частью въ Среднюю Азію на Асхабадъ, частью, наконецъ, черезъ Тавризъ и Джульджи въ Закавказье. Изъ Асхабада на Мешхедъ удалось провести уже хорошую дорогу. Мешхедъ наиболѣе торговый пунктъ Хорасана и одинъ изъ наиболѣе видныхъ торговыхъ городовъ Персіи; гробница имама Реза привлекаетъ въ городъ ежегодно нѣсколько тысячъ паломниковъ; сюда стекаются представители самыхъ разнообразныхъ народностей, и хотя торговое значеніе Мешхеда, какъ и прочихъ городовъ, пало сравнительно съ прошлымъ, тѣмъ не менѣе этимъ путемъ ввозится въ Персію товаровъ на значительную сумму (слишкомъ 2 м. р.). Этому способствуетъ какъ Закаспійская желѣзная дорога, такъ и фактъ существованія колесной дороги между Мешхедомъ и Тегераномъ. Но насколько медленно передвиженіе товаровъ въ Персію даже по хорошимъ дорогамъ, можно судить по тому, что около 900 верстъ, отдѣляющихъ Мешхедъ отъ Тегерана—разстояніе, которое при существованіи желѣзныхъ дорогъ съ медленнымъ движеніемъ потребовало бы какихъ-нибудь 24—36 часовъ, проходится караванами въ теченіе 24—36 сутокъ. Каспійскій портъ Энзели соединяется шоссейною дорогой съ Казвиномъ, отъ котораго на Тегеранъ дорога, по условіямъ мѣстности, сносная. Шоссе Энзели-Казвинъ замѣняетъ тяжелую и мѣстами даже опасную караванную тропу. Другой пограничный портъ Астары соединенъ дорогой на Тавризъ, также однимъ изъ видныхъ торговыхъ городовъ Персіи; дорога трудная: перевозка вьюковъ мѣстами можетъ производиться только на привычныхъ лошадяхъ, мѣстами на верблюдахъ. Иной разъ требуется мѣсяцъ, чтобы караванъ прошелъ незначительное разстояніе отъ Астары до Ардебиля (верстъ 80); остальной путь идетъ по болѣе ровной мѣстности, но все же на прохожденіе 200 вер. отъ Ардебиля до Тавриза требуется 7—10 дней. Первоначальный проектъ улучшенія этого пути (1888 г.) не имѣлъ успѣха. Черезъ пять лѣтъ (1893 г.) еще не было приступлено къ постройкѣ дороги: ее долженъ былъ проводить представитель персидскаго правительства, и привлекаемое къ участію населеніе тщательно из-

бѣгало связать свою судьбу съ этимъ предпріятіемъ. Концессія на этотъ путь продолжена, но участниками предпріятія могутъ быть только персидскіе подданные. Устраиваются дороги въ сферѣ англійскаго вліянія: онѣ должны соединить порты Персидскаго залива съ внутренними частями страны, наприм., Буширъ съ Ширизомъ; существуетъ проектъ соединенія обоихъ городовъ даже желѣзною дорогой и т. д. Хорошіе пути сообщенія необходимы Персіи, и европейцы не щадятъ силъ и затратъ на полученіе концессій и на приведеніе ихъ въ исполненіе: они борются за персидскій рынокъ; улучшеніе путей подниметъ торговлю ихъ, но одновременно будетъ содѣйствовать и экономическому развитію самой Персіи. Но персидское правительство нерѣдко тормозитъ начинанія европейцевъ; поэтому-то результаты, достигнутые какъ русскими, такъ и англичанами, въ этомъ отношеніи крайне малы: въ Персіи только тамъ хорошія дороги, гдѣ сама почва этому благопріятствуетъ; а важныхъ въ этомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ предстоитъ еще ждать.

Персія не богата судоходными рѣками: европейцы пытались, однако, эксплуатировать и ихъ для своихъ торговыхъ цѣлей. Россія договоромъ съ Персіей лѣтъ 10 тому назадъ закрѣпила за собой право пользоваться рѣками, впадающими въ Каспійское море; но рѣки эти не благопріятствуютъ судоходству: даже на наиболѣе удобной въ этомъ отношеніи р. Сефидъ-Рудъ судоходство возможно только на плоскодонныхъ судахъ. Болѣе важнымъ казалось полученное Англіей разрѣшеніе установить пароходное сообщеніе по р. Каруну (1888 г.). Давно англичане добивались открыть р. Карунъ для своихъ судовъ; она самая крупная рѣка Персіи, а ея доступность со стороны Персидскаго залива обѣщала большія выгоды англійской торговлѣ; небольшому порту Мохаммеру, лежащему на косѣ между Каруномъ и Шатъ-Эль-Арабомъ, могла бы предстоять блестящая будущность, тѣмъ болѣе, что Мохаммеръ соединяется каналомъ съ Шатъ-Эль-Арабомъ, а этотъ послѣдній, равно какъ и соединяющіеся въ немъ Ефратъ и Тигръ, открыты уже сравнительно давно для англійскихъ судовъ. Попытка Англіи захватить Карунъ въ 1857 г. кончилась неудачей; такая же участь постигла и попытку ея въ 1875 г., лишь лѣтъ 10 тому назадъ персидское правительство согласилось на открытіе Каруна для англійскихъ судовъ. Пароходы поднимаются отъ Мохаммера на 280 в. вверхъ по Каруну до Ахваза; для объѣзда существующихъ здѣсь пороговъ устроена конно-желѣзная дорога, затѣмъ отъ Ахваза до Шустера снова ходятъ пароходы. Юго-западная Персія такимъ образомъ была открыта для англійскихъ товаровъ. Предполагалось далѣе соединить Шустеръ съ Тегераномъ шоссейною дорогой, которая проходила бы черезъ нѣсколько торговыхъ городовъ. Но имперскій банкъ, которому была дана концессія на постройку этой дороги, провелъ ее отъ Тегерана лишь на 250 в.; большія затраты помѣшали ему довести планъ до конца. Въ свою очередь пароходная компанія по Каруну за невозможностью ускорить движеніе товаровъ, благодаря отсутствію хорошихъ дорогъ, не получила ожидаемыхъ выгодъ и не могла

давать персидскимъ чиновникамъ подарковъ въ надлежащемъ количествѣ; результатомъ этого оказался рядъ притѣсненій со стороны администраціи страны, гибельно отражающихся на дѣятельности пароходства. Много обѣщавшее пароходство по Каруну пока еще не оправдало ожиданій и надеждъ.

Не особенно удачными были и попытки европейцевъ насадить или развить мѣстную промышленность въ Персіи. Такъ, наприм., англійская компанія, получившая отъ имперскаго банка концессію на разработку минеральныхъ богатствъ Персіи, потерпѣла неудачу. Имперскому банку при его учрежденіи въ 1889 г. была дана персидскимъ правительствомъ монополія на разработку горныхъ богатствъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Ирана въ изобиліи. Самимъ правительствомъ горное дѣло велось плохо; ожидали блестящихъ результатовъ отъ новой англійской компаніи, начавшей дѣло съ капиталомъ около 1 милліона фун. стерлинговъ. Но представители новаго предпріятія повели дѣло слишкомъ широко, безъ достаточнаго знакомства съ условіями страны и черезъ нѣсколько лѣтъ дошли чуть не до банкротства. Положительнымъ результатомъ этого въ общемъ неудачнаго предпріятія было ознакомленіе европейцевъ съ горными богатствами страны, превосшедшими всѣ ожиданія: это ознакомленіе указало европейскимъ предпринимателямъ, на что они могутъ разсчитывать въ Персіи въ случаѣ направленія своихъ капиталовъ на разработку минераловъ: рано или поздно нѣдра персидской почвы будутъ вскрыты европейскими инженерами и капиталами. Пытались насадить въ Персіи и мѣстное производство спичекъ; несмотря на кажущуюся незначительность его, ввозъ спичекъ составляетъ видный предметъ торговли съ европейцами и въ частности съ Германіей. Въ 1891 г. около Тегерана была устроена при помощи русскихъ капиталовъ первая спичечная фабрика Société de Commerce et d'Industrie de la Perse. Но недостатокъ дерева въ этой части Персіи, неприспособленность персидскихъ рабочихъ, неспособныхъ еще къ быстрому труду, большіе оклады европейскимъ техникамъ и проч. привели прежде всего къ тому, что мѣстныя спички обходились дороже, чѣмъ привозимыя изъ Германіи и др. европейскихъ странъ. Часть недостатковъ, вліявшихъ дурно на успѣхъ дѣла, была однако устранена. Администрація спичечной фабрики нуждалась въ особенности въ деревѣ: были устроены обширныя плантаціи тополей, доставляющихъ необходимый матеріалъ для спичекъ. Новой фабрикѣ, повидимому, предстоитъ будущность, несмотря на не вполнѣ благопріятныя условія, въ которыхъ она находится сейчасъ: она въ состояніи производить количество спичекъ въ 8 разъ превосходящее размѣры ввоза изъ-за границы. Импортированныя нѣмецкія спички однако все еще удачно конкуррируютъ съ мѣстными, отчасти вслѣдствіе все еще большой дороговизны послѣднихъ, отчасти же благодаря тому, что нѣмецкіе фабриканты, изучившіе основательно вкусы персовъ, примѣняютъ свои знанія къ украшенію спичечныхъ коробокъ. Нѣмцы давно поняли значеніе этнографическихъ свѣдѣній для торговыхъ цѣлей; они устроили торговые музеи, въ которыхъ видное мѣсто отведено этнографіи. Нѣмцы изучаютъ въ де-

таляхъ вкусы населенія, съ которымъ они ведутъ торговлю, знаютъ его привычки, суевѣрія, любимыя цвѣта и пр.; они широко примѣняютъ эти знанія и въ значительной степени благодаря этому они удачно конкуррируютъ на восточныхъ рынкахъ съ другими европейскими странами, мѣстами даже вытѣсняютъ торговлю послѣднихъ. Примѣнившись ко вкусамъ персовъ, нѣмецкіе спичечные фабриканты достигли того, что ихъ коробочки больше нравятся персамъ и охотнѣе раскупаются.

Большій успѣхъ имѣли заботы о развитіи шелководства; шелкомъ своимъ Персія славилась издавна; вывозъ шелка и коконовъ составляетъ и въ настоящее время видную экспортную статью персидской торговли, несмотря на развитіе шелководства въ Россіи и на открытіе европейцами новыхъ рынковъ для экспорта шелка. Но увеличеніе мѣстъ, изъ которыхъ экспортируется шелкъ въ Европу, не умалило значенія Персіи. Она и теперь продолжаетъ въ значительной степени снабжать Европу коконами и сырцомъ. Въ 60-хъ годахъ Персія начала переживать тяжелый кризисъ въ шелководствѣ: эпидемія уничтожила почти 60% червей. Она отозвалась крайне тяжело на экономическомъ состояніи населенія шелководныхъ округовъ. Съ 1889 г. начинаются попытки къ поднятію въ Персіи этой отрасли промышленности. Греческая фирма Пасхалиди посылаетъ своего уполномоченнаго Безаносъ въ Рештъ съ пастёровской греной. Грена была роздана мѣстнымъ шелководамъ подъ условіемъ отдать Безаносу $^1/_3$ полученныхъ коконовъ. Населеніе вскорѣ свыклось съ новой греной, тѣмъ болѣе, что болѣзни болѣе не замѣчалось. Шелководство снова стало развиваться, и успѣхи стали замѣтны уже очень ощутительно черезъ нѣсколько лѣтъ дѣятельности Безаноса. Экспортъ усилился: вывозъ шелка сырца въ Россію, упавшій въ 1892 году до 136 пудовъ, поднялся въ слѣдующій годъ до 281 пуд.; вывозъ въ Европу черезъ Трапезондъ, упавшій въ 1892 г. до 75 пудовъ, поднялся въ 1893 г. до 700 пудовъ.

Далѣе дѣлаются удачные опыты по увеличенію плантацій хлопка, введенія американскихъ сѣмянъ и, наконецъ, примѣненія болѣе совершенныхъ пріемовъ очистки и прессовки; именно первобытность способовъ обработки хлопка обезцѣнивала его. Очевидно, что стремленіямъ поднять хлопководство предстоитъ будущность: вывозъ хлопка въ Россію, не достигавшій въ 1891 г.—497 тысячъ пудовъ, поднялся въ 1892 г.—до 680 тысячъ слишкомъ пудовъ.

Такимъ образомъ культурная работа въ Персіи уже началась; нельзя не отмѣтить, что большинство шаговъ, если не считать правительственныхъ реформъ арміи и органовъ центральнаго управленія, падаетъ на послѣднее десятилѣтіе. Многія изъ попытокъ европейцевъ оживить дремлющія силы Персіи кончились неудачей; вина этихъ неудачъ безусловно лежитъ главнымъ образомъ на Персіи, но, конечно, не на ней одной. Многое зависѣло и отъ малаго знакомства европейцевъ съ Персіей, побуждавшаго ихъ начинать предпріятія, къ которымъ они не были достаточно подготовлены ни знаніемъ естественныхъ богатствъ страны, ни характера населе-

нія. Часто европейцы, преслѣдуя свои торговыя выгоды, стремятся эксплоатировать Персію, не давая ей взамѣнъ ничего: они забываютъ, что развитіе экономическаго благосостоянія государства, избраннаго въ качествѣ рынка, идетъ рука объ руку съ ихъ собственными интересами. Вслѣдствіе этого могъ имѣть мѣсто хотя бы слѣдующій фактъ. Когда въ началѣ 70-хъ годовъ поднялся спросъ на дерево Buxus sempervirens, особенно обильно растущее въ сѣверныхъ провинціяхъ Персіи—Мазандеранѣ и Гилякѣ, образовалось съ цѣлью эксплоатаціи древеснаго богатства предпріятіе подъ руководствомъ Кусиса и Теофилактоса, открывшихъ свою дѣятельность на арендованныхъ участкахъ въ 1886 г. Эксплоатація цѣннаго дерева производилась столь хищнически, что, несмотря на изобиліе Buxus'a sempervirens, запасъ его былъ почти истребленъ черезъ 7 лѣтъ. Эксплоатируя торговлю Персіи, иностранцы часто не думаютъ объ улучшеніи экспортируемыхъ товаровъ и не заботятся о подъемѣ промышленности. Такъ, напримѣръ, ковровое производство процвѣтаетъ во многихъ мѣстахъ Персіи: въ 1891 г. было вывезено ковровъ на огромную сумму 140 тыс. ф. стерлинговъ, причемъ черезъ Тавризъ было препровождено за границу ковровъ на сумму 60 тыс. ф. стер.; главный сбытъ ковры находятъ себѣ въ Турціи, но значительное количество ихъ направляется черезъ южные порты въ Англію и Францію; поэтому англійскія фирмы Ziegler & C-e въ Тегеранѣ и Holz et Son въ Испагани заключили контрактъ, согласно которому всѣ ковры, выдѣлываемые въ окрестностяхъ Султанабада, должны продаваться имъ. Но, взявъ монополію на значительную часть торговли коврами, фирмы нисколько не позаботились объ улучшеніи производства, которое могло бы еще выше поднять ковровое дѣло Персіи и содѣйствовать экономическому благосостоянію населенія. Въ заботѣ, подчасъ крайне близорукой, открыть для себя персидскій рынокъ, европейцы стараются только наводнить Персію своими товарами. Всѣ важнѣйшія европейскія страны трудятся надъ этимъ и достигаютъ большаго или меньшаго успѣха: начиная отъ крупныхъ производствъ Европы и кончая мелкими—все находитъ себѣ сбытъ въ Персіи, включая сюда даже поддѣлки стариннаго оружія и кольчугъ, приготовляемыхъ въ Бельгіи и съ успѣхомъ продаваемыхъ пріѣзжимъ въ Персію неопытнымъ иностранцамъ.

Но главнѣйшимъ тормозомъ для развитія цивилизаторской дѣятельности европейцевъ служитъ фактъ, что Персія является центромъ политическихъ интригъ, игрушкой въ рукахъ борющихся изъ-за политическаго вліянія государствъ: начинанія одного государства, могущія принести ему пользу и одновременно пробудить экономическую жизнь Персіи, встрѣчаютъ естественное противодѣйствіе со стороны его политическихъ противниковъ: теряетъ отъ этого, конечно, только Персія. Борьба кипитъ въ настоящее время главнымъ образомъ между Англіей и Россіей, и послѣдней удалось упрочить за собой сѣверный рынокъ Персіи и вытѣснить оттуда въ большей или меньшей степени Англію. Сравнительно съ краткостью времени, въ которое происходило торговое завоеваніе сѣверной Персіи Рос-

сіей, достигнутые результаты, конечно, велики. Но во многихъ случаяхъ русской торговлѣ даже на сѣверѣ приходится уступать иностранной. Такъ лѣтъ 15—17 тому назадъ, по показаніямъ англійскаго консула въ Рештѣ, Персія снабжалась преимущественно французскимъ сахаромъ. По запрещеніи Россіей транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Закавказье французскій сахаръ направился черезъ Трапезундъ и черезъ Буширъ: первый путь требовалъ 2-хъ мѣсяцевъ, второй—даже бо́льшаго времени. Несмотря на это неблагопріятное обстоятельство, французскій сахаръ могъ успѣшно конкурировать вслѣдствіе лучшаго своего качества съ русскимъ, что вызвало даже среди нѣкоторыхъ отечественныхъ сахарозаводчиковъ попытки, впрочемъ, не вполнѣ удачныя, къ подражанію французскому сахару. Благодаря введенію преміи на экспортъ, русскому сахару одно время почти удалось вытѣснить своего французскаго конкурента. Но это продолжалось не долго: возвышеніе цѣны снова позволило французскому сахару частью вернуть утраченный рынокъ. Въ южной Персіи господствуетъ Англія. Въ портахъ Персидскаго залива 95% ввоза и 50% вывоза принадлежитъ Англіи.

Россія же продолжаетъ все еще вывозить изъ Персіи больше, чѣмъ ввозить въ нее: въ 1893 г. персидскій ввозъ въ Россію превышалъ вывозъ изъ Россіи на сумму свыше 3.385,000 руб., въ то время, какъ англійскій ввозъ, идущій преимущественно черезъ южные порты, въ томъ же году превысилъ вывозъ почти на 8 милл. руб. Изъ 404 паровыхъ судовъ, вбѣжавшихъ въ южные порты въ 1895 г., 385 прошли подъ англійскимъ флагомъ.

За послѣднее время новымъ опаснымъ борцомъ въ борьбѣ за персидскій рынокъ выступаетъ Германія. Учредившая свою главную контору въ Буширѣ, нѣмецкая бременская компанія Deutsch-Persische Handelsgesellschaft открыла отдѣленіе въ Бендеръ-Абассѣ, Ширазѣ и въ другихъ городахъ; дѣла ея идутъ успѣшно. Располагая большимъ оборотнымъ капиталомъ, бременская фирма съ твердостью пережила трудные годы, вынесла значительные убытки отъ пониженія цѣнъ своихъ товаровъ съ цѣлью сбить съ позиціи англійскаго противника. Одновременно идутъ заботы объ увеличеніи германскаго торговаго флота въ персидскихъ водахъ.

Борьба европейцевъ изъ-за обладанія персидскимъ рынкомъ, осложненная нерѣдко политическими соображеніями, переживаетъ въ настоящее время острый моментъ. Начинанія, имѣвшія цѣлью пробудить къ жизни естественныя богатства страны путемъ улучшенія путей сообщенія, насажденія новыхъ и усовершенствованія прежнихъ производствъ, не приводили къ желаннымъ результатамъ частью благодаря взаимной борьбѣ или недостаточной опытности европейцевъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе невѣжественности правящихъ сферъ Персіи. Несомнѣнно, однако, что борьба европейскихъ интересовъ выработаетъ modus vivendi для борющихся государствъ. Останется тогда побороть ту преграду, о которую разбивались до сихъ поръ культурныя начинанія европейцевъ и желавшихъ просвѣтительныхъ ре-

формъ шаховъ. Но найдетъ ли культурная дѣятельность европейцевъ подходящую почву для оживленія сонной страны, встрѣтитъ ли она поддержку среди прославленнаго извращенностью, лживостью, забитостью населенія Персіи? Слѣдуетъ думать, что—да.

Характеристика перса отличается удивительнымъ однообразіемъ, съ чьей бы стороны она ни шла. Признавая многочисленные недостатки коренного иранца, выработанные плохой административной системой и тяжелыми экономическими условіями, всѣ согласны въ томъ, что у перса находятся необходимые задатки для воспринятія европейской культуры. Въ Персіи нѣтъ хорошаго войска, но всѣ признаютъ, что оно можетъ быть устроено; примѣръ реформы войска при Аббасъ-Мирзѣ подтверждаетъ это. Персъ трудолюбивъ, талантливъ, отличается прекрасными умственными способностями, легко усваиваетъ себѣ уроки иностранцевъ, если онъ не находится подъ давленіемъ ига собственной администраціи; у него много вкуса, онъ хорошій ремесленникъ, тродолюбивый земледѣлецъ, онъ развилъ въ себѣ качества опытнаго купца. Почва для культурной работы европейцевъ существуетъ, и насколько административный строй Персіи изжилъ себя, разложился, настолько еще крѣпки и жизненны внутреннія силы Ирана. Персія еще дремлетъ, но по временамъ она открываетъ глаза и обращаетъ свой взоръ на Европу; многіе персы сознаютъ печальное состояніе своей родины.

Нѣкоторые персидскіе органы печати поднимаютъ вопросы о причинахъ упадка родного Ирана и рѣшаютъ этотъ вопросъ правильно, указывая на язвы персидской невѣжественности и плохого управленія. Персія, повидимому, близка къ пробужденію; культурная работа европейцевъ, начатая столь недавно, но принесшая, несмотря на рядъ тормозовъ, уже извѣстную пользу Персіи, внѣ сомнѣнія, встрѣтитъ къ себѣ сочувственное отношеніе, конечно, подъ условіемъ, если европейцы будутъ смотрѣть въ даль и поймутъ, что подъемъ силъ Персіи не менѣе полезенъ и необходимъ послѣдней, какъ и ведущимъ борьбу изъ-за обладанія рынкомъ европейскимъ государствамъ.

Н. Харузинъ.

Изъ прошлаго.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

II *).

Новый судъ въ Москвѣ.

На другой день моего пріѣзда въ Москву я представился гг. прокурорамъ—Ланге и Ровинскому. Л. И. Ланге, суровый съ виду при поверхностномъ на него взглядѣ, принялъ меня просто, даже привѣтливо и очень удивился моему скорому пріѣзду. Въ тотъ же день вечеромъ я встрѣтился съ нимъ у моего пріятеля, и онъ, небрежно бесѣдуя о томъ о сёмъ, сдѣлалъ мнѣ легкій экзаменъ изъ Судебныхъ Уставовъ. Д. А. Ровинскій, когда ему доложили обо мнѣ, быстро вышелъ, почти выбѣжалъ изъ своего кабинета въ пріемную и, здороваясь со мною, сказалъ: «слышалъ, слышалъ о васъ много хорошаго, очень радъ, что вы пріѣхали»,—и такъ же быстро побѣжалъ обратно въ кабинетъ. Отъ Ланге я узналъ, что въ мой участокъ входитъ Богородскій и половина Московскаго уѣзда, что на мнѣ лежитъ обязанность ходить еженедѣльно въ московскій уѣздный мировой съѣздъ и что, наконецъ, жить я долженъ въ Москвѣ. Послѣднее было особенно пріятно. Въ первое время уѣздные товарищи прокурора жили по уѣздамъ, каждый въ своемъ участкѣ. Въ каждый участокъ входило два уѣзда, исключая Богородскій и Дмитровскій съ прибавкою къ каждому изъ нихъ по половинѣ Московскаго уѣзда.

Первые дни были посвящены мною осмотру зданія судебныхъ установленій. Не безъ трепета и съ какимъ-то едва сдерживаемымъ восторгомъ вступилъ я въ этотъ величественный новый храмъ правосудія. Все въ немъ меня очаровывало: Сенатская площадь съ громаднымъ трехъэтажнымъ зданіемъ, масса оконъ котораго смотрѣли на эту площадь; затѣмъ арка, ведущая на небольшой чистый внутренній дворъ, на который тоже обращено множество оконъ и въ томъ числѣ громадныя окна Екатерининской круглой залы; крыльцо, по широкой площадкѣ котораго въ нѣсколько ступеней всту-

---

*) *Русская Мысль*, кн. II, 1899 г.

пали въ нижній этажъ съ высокой свѣтлой шинельной. Бравый швейцаръ и нѣсколько человѣкъ судейскихъ сторожей—молодецъ къ молодцу, въ новыхъ мундирахъ, нѣкоторые съ золотымъ позументомъ, и всѣ съ кавалеріей; по лѣстницѣ въ два перехвата вошелъ я, наконецъ, въ коридоры зданія, противъ Екатерининской залы (которая была еще не отдѣлана); здѣсь направо открыты были двѣ залы для гражданскихъ засѣданій судебной палаты и окружнаго суда, а налѣво одна покуда маленькая зала для уголовныхъ засѣданій. Все блестѣло новизной, все было необыкновенно чисто, по коридорамъ двигалась оживленная масса народа, изрѣдка попадались новые судейскіе мундиры или черные фраки со значками присяжныхъ повѣренныхъ. На все я смотрѣлъ съ удовольствіемъ и изумленіемъ, глазами простака-провинціала, привыкшаго въ старыхъ присутственныхъ мѣстахъ видѣть ветхость, грязь и унылыя, скучающія лица. Когда я проходилъ маленькую залу уголовныхъ засѣданій, пріятель мой указалъ мнѣ на прокурорскую трибуну (вотъ-де и ты будешь тутъ ораторствовать!), и я почувствовалъ, что у меня какъ-то жутко защемило на сердцѣ. Побывалъ я, разумѣется, вскорѣ въ кабинетѣ прокурора окружнаго суда, гдѣ сразу познакомился съ нѣсколькими изъ своихъ сотоварищей. Фамиліи и лица иныхъ были мнѣ знакомы по университету. У товарищей прокурора въ продолженіе многихъ лѣтъ своей комнаты не было, въ большомъ кабинетѣ прокурора стоялъ для нихъ особый столъ. Рядомъ съ кабинетомъ была прокурорская канцелярія, даже и здѣсь замѣтно было праздничное настроеніе; двое изъ служащихъ въ этой канцеляріи до послѣдняго времени оставались на своихъ мѣстахъ; недавно только одинъ изъ нихъ перешелъ въ канцелярію окружнаго суда. Въ первые же дни я познакомился въ квартирѣ моего пріятеля съ М. И. Доброхотовымъ, предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и съ однимъ изъ выдающихся по своимъ дарованіямъ судебнымъ дѣятелемъ Т. N., а въ самомъ зданіи суда встрѣтился со старыми знакомыми—Э. Н. Сумбуломъ (членъ окружнаго суда), Н. С. Писаревымъ, И. П. Муравьевымъ (товарищъ прокурора окружнаго суда) и А. А. Шахматовымъ (товарищъ прокурора судебной палаты). Съ Сумбуломъ и Писаревымъ я одного выпуска изъ университета; Муравьевъ хотя и выпущенъ годомъ раньше, но я съ нимъ встрѣчался у одного нашего общаго пріятеля, съ Шахматовымъ же я познакомился въ 1860 г. въ моемъ родномъ городѣ, гдѣ онъ былъ губернскимъ прокуроромъ. Въ этомъ году послѣдовало учрежденіе новыхъ должностей судебныхъ слѣдователей; назначеніе на эти должности возложено было на губернаторовъ вмѣстѣ съ губернскими прокурорами; послѣ сенатской ревизіи, бывшей у насъ въ 1859 году, и губернаторъ, и губернскій прокуроръ назначены были люди новые. По поводу поступленія моего на должность судебнаго слѣдователя я и познакомился съ Шахматовымъ. Въ маѣ 1861 года, изъ глухого уѣзда меня перевели въ губернскій городъ; здѣсь, почти въ продолженіе цѣлаго года, до перехода Шахматова въ Воронежъ, я сблизился съ нимъ настолько, что смѣло могу утверждать, что зналъ его не такимъ, какимъ онъ былъ

потомъ въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, и гдѣ онъ пріобрѣлъ довольно печальную извѣстность. 1860 и 1861 годы—лучшая пора его жизни; въ это время онъ женился и въ это же время онъ много и хорошо работалъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, что особенно цѣнно, если взять въ разсчетъ ту черноземную, по преимуществу дворянскую губернію, о которой идетъ рѣчь. Вѣдь это о ней Щедринъ гдѣ-то сказалъ, что тутъ «на каждой верстѣ попадаются то Араповъ, то Сабуровъ!» Симпатиченъ онъ намъ былъ и по своимъ отношеніямъ ко вновь назначеннымъ слѣдователямъ и за постоянную энергичную защиту ихъ отъ нападокъ уголовной палаты. И не одной уголовной палаты: время было тревожное, освобождали крестьянъ, администрація облечена была чрезвычайными полномочіями, въ каждой губерніи находился флигель-адъютантъ. Ухо держать надо было востро!—и сколько доносовъ сыпалось на первыхъ порахъ на судебныхъ слѣдователей изъ уѣздныхъ болотъ, сколько недоразумѣній возникало изъ простыхъ бесѣдъ слѣдователей съ крестьянами! Если все это теперь разсказать подробно,—покажется сказкой. Безъ энергичнаго заступничества Шахматова эти, по-теперешнему, сказки легко могли кончиться печально. Въ нашей губерніи, въ одномъ изъ уѣздовъ, были крупныя крестьянскія волненія, потребовавшія вмѣшательства военной силы. Съ нимъ съ первымъ еще въ 1861 году мнѣ пришлось не разъ бесѣдовать о предстоящей въ далекомъ будущемъ судебной реформѣ,—само собою, что о судѣ присяжныхъ засѣдателей намъ тогда и не мечталось. Въ 1862 году Шахматовъ отъ насъ былъ переведенъ въ Воронежъ, потому что къ намъ назначенъ былъ губернаторомъ не безызвѣстный тогдашній дѣятель Я. А. Купріяновъ; онъ, какъ и Шахматовъ, были воспитанники училища правовѣдѣнія и состояли между собою въ хорошихъ отношеніяхъ, что по тогдашней системѣ министерства юстиціи считалось несовмѣстимымъ для губернскаго прокурора. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ мнѣ свой переводъ въ Воронежъ самъ Шахматовъ. Въ 1863 году онъ пріѣзжалъ къ намъ на короткое время, я съ нимъ видѣлся, и, какъ сейчасъ помню, онъ мнѣ говорилъ, что легко могъ бы получить видное мѣсто въ акцизномъ управленіи, но рѣшился ждать судебной реформы, которая теперь уже не за горами. Въ 1864 году я его не засталъ уже въ Воронежѣ, откуда онъ перешелъ въ Харьковъ. Къ удивленію и прискорбію моему, въ Воронежѣ о немъ говорили не особенно лестно: работалъ мало и весь, будто бы, отдался свѣтскимъ удовольствіямъ, а такъ какъ матеріальныя средства его были не велики, то приходилось прибѣгать къ займамъ. Подобные же слухи изрѣдка доходили о немъ и изъ Харькова. Въ Москвѣ, кромѣ мѣста товарища прокурора судебной палаты, на него возложены были обязанности инспектора судебныхъ зданій, на послѣднихъ онъ главнымъ образомъ и сосредоточилъ свою дѣятельность.

Мы встрѣтились какъ добрые старые знакомые. Видались мы не часто, но всякій разъ, когда встрѣчались, онъ выражалъ досаду на наши рѣдкія свиданія. Какъ судебный дѣятель, онъ въ Москвѣ остался неизвѣстенъ, хотя

пробылъ тутъ около полутора года, да ему и не легко было заявить себя, стоя бокъ-о-бокъ съ Д. А. Ровинскимъ. Осенью 1867 года онъ былъ назначенъ прокуроромъ судебной палаты въ Харьковѣ; прощаясь со мною, онъ предлагалъ мнѣ мѣсто прокурора окружнаго суда въ Воронежѣ, отъ чего я отказался не потому, что имѣлъ въ виду мѣсто прокурора въ Москвѣ,—это вышло для меня совершенно нечаянно,—а потому, что не желалъ покидать Москвы. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Шахматова въ 1868 г.; подавленный тяжестью полученныхъ заразъ наградъ и повышеній (сенаторъ, старшій предсѣдатель одесской судебной палаты, тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Станислава 1-й степени), Шахматовъ осенью 1868 г. по дорогѣ изъ Петербурга въ Одессу остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ; ему любезно уступлена была прежняя его квартира въ казенномъ домѣ (нынѣшній Континенталь); здѣсь онъ принималъ ежедневно массу просителей, стремившихся на югъ. Одинъ мой знакомый, желавшій также получить мѣсто товарища прокурора окружнаго суда на югѣ и зная мои прежнія отношенія къ Шахматову, просилъ меня замолвить за него слово. Откровенно сознаюсь, я обрадовался случаю увидѣть его въ величіи и славѣ. На другой день часовъ въ 12 я вошелъ въ обширную залу въ нижнемъ этажѣ, гдѣ засталъ солидную толпу просителей, стоявшую среди комнаты: пріемъ еще не начался. Я просилъ доложить о себѣ и тотчасъ же былъ введенъ въ маленькій сосѣдній кабинетъ. Шахматовъ сидѣлъ за столомъ, въ форменномъ фракѣ, со звѣздою. «Какъ я радъ васъ видѣть!—обратился онъ ко мнѣ съ веселою улыбкой, переходя на другое кресло возлѣ маленькаго столика и предлагая мнѣ курить,—неужели я могу что-нибудь сдѣлать и для васъ?» Я объяснилъ ему причину моего визита. «Жаль, что вы просите не о себѣ, съ какою бы охотою я сдѣлалъ все для васъ, что въ моихъ силахъ; можете сказать вашему знакомому, что онъ получитъ мѣсто». (Онъ его и получилъ.) Считая свой визитъ оконченнымъ, я хотѣлъ удалиться, но Шахматовъ самымъ задушевнымъ образомъ просилъ меня посидѣть немножко; на указаніе мое о массѣ ожидавшихъ его просителей онъ отвѣчалъ: «Пусть подождутъ,—они это любятъ!» Затѣмъ пошли воспоминанія о нашей жизни за 8 лѣтъ назадъ... Узнавши отъ меня, что съ переводомъ Д. А. Ровинскаго въ предсѣдатели судебной палаты и моя служба стала далеко не безоблачна, онъ мнѣ тотчасъ же предложилъ ѣхать въ Одессу на мѣсто товарища прокурора судебной палаты, ручаясь головою, что въ слѣдующемъ судебномъ округѣ (Казанскомъ—1870 года) я получу мѣсто прокурора судебной палаты. Я поблагодарилъ, но отказался. Затѣмъ мы дружески простились и разстались навсегда. Лѣтомъ 1870 г. въ приказѣ министерства юстиціи, въ которомъ я съ грустью прочелъ о своемъ назначеніи членомъ московской судебной палаты, напечатано было о смерти А. А. Шахматова.

Я удѣлилъ Шахматову много мѣста потому, что ни о комъ изъ первыхъ судебныхъ дѣятелей не говорили въ такомъ изобиліи дурного, какъ о немъ, межъ тѣмъ какъ я зналъ его нѣкогда совсѣмъ инымъ человѣ-

комъ, а потомъ и потому, что я его считаю лишь болѣе яркимъ представителемъ того типа судебнаго дѣятеля, который сначала робко и скромно (въ 1867 г.), а затѣмъ все развязнѣе и развязнѣе сталъ появляться и въ столицахъ, и въ провинціи, и который своей развязностью и обиліемъ въ настоящее время заставляетъ думать о необходимости поднять нравственный уровень лицъ судебнаго вѣдомства, какъ о самой коренной части предстоящей реформы въ этомъ вѣдомствѣ. Хулителей Шахматова—цѣлый полкъ, но, думается мнѣ, въ числѣ ихъ—значительный % людей, завидовавшихъ его непомѣрному успѣху по службѣ и въ то же время не умѣвшихъ выбиться изъ своего скромнаго положенія.

М. И. Доброхотовъ—отличный юристъ-практикъ и добрѣйшей души человѣкъ. Эта доброта, необычайная мягкость характера вмѣстѣ съ плохимъ здоровьемъ преждевременно и свели его въ могилу,— онъ умеръ осенью 1869 года, имѣя не болѣе 45 лѣтъ отъ роду. Не было, кажется, человѣка, который бы его не любилъ,—отсюда многочисленные его кліенты и нѣкоторые изъ его сотоварищей наперерывъ тащили его то къ Гурьину, то къ Тѣстову; любя простую товарищескую бесѣду, онъ не въ силахъ былъ сопротивляться этимъ постояннымъ приглашеніямъ, и излишекъ въ ѣдѣ и выпивкѣ разрушительно дѣйствовали на его слабый организмъ. Всеобщую любовь и даже извѣстность въ Москвѣ онъ пріобрѣлъ еще на скромномъ поприщѣ секретаря московской уголовной палаты. Въ 1868 году, послѣ семидневнаго засѣданія по одному громкому дѣлу, мы возвращались съ нимъ домой пѣшкомъ часа въ два-три ночи подъ 25 марта; на улицахъ ни души, извозчики не попадались, да мы и не собирались взять извозчика,—мы чувствовали неодолимую потребность пройтись пѣшкомъ. Вотъ тутъ-то я услышалъ отъ него такой разсказъ: будучи еще секретаремъ, онъ шелъ однажды одинъ поздно ночью; на него напали два оборванца, онъ собирался уже отдать имъ кошелекъ, и при этомъ сказалъ какую-то фразу, какъ вдругъ услышалъ: «оставь, это вѣдь Михаилъ Ивановичъ!»— и затѣмъ ночные оборванцы скрылись, не взявши ничего.

Г. N., съ которымъ я познакомился у моего пріятеля, дѣйствительно одинъ изъ способнѣйшихъ людей, какихъ мнѣ довелось видать въ свою жизнь, и при этомъ энергиченъ и даже кипуче дѣятеленъ. Но и солнце не безъ пятенъ: страшно обидчивъ, самовластенъ и нетерпимъ къ чужимъ мнѣніямъ! Я—заклятый врагъ всякихъ споровъ изъ-за пустяковъ и крайне уступчивъ въ мелочахъ, а потому года два мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ; по одному интересному и надѣлавшему въ свое время не мало шума дѣлу мы съ нимъ высказали діаметрально противоположные взгляды. Этого было довольно, чтобы мы цѣлый годъ не встрѣчались другъ съ другомъ, а если встрѣчались, то дѣлали видъ, что не видимъ одинъ другого; мало того, онъ пытался возстановить противъ меня многихъ членовъ суда съ предсѣдателемъ во главѣ. Само собою, что это ему не удалось. Чрезъ годъ судьба свела насъ вмѣстѣ участниками въ одномъ дѣлѣ— и что же? Г. N. подходитъ ко мнѣ, дружелюбно протягиваетъ руку, о го-

доваломъ разладѣ ни слова, и мы зажили по-старому. Такой поступокъ съ его стороны,—какъ бы молчаливое признаніе своей неправоты,—зная его нравъ, можно считать подвигомъ. Какъ бы то ни было, а не часто встрѣтишь такихъ способныхъ людей.

Ознакомившись съ внѣшностью судебнаго зданія, я побывалъ нѣсколько разъ въ гражданскихъ засѣданіяхъ окружнаго суда, которыя велись подъ управленіемъ двухъ товарищей предсѣдателя. Здѣсь впервые я увидалъ полное осуществленіе принциповъ гласнаго и состязательнаго процесса. Масса публики, торжественное шествіе суда на свои судейскія кресла, о чемъ возвѣщаетъ громогласно судебный приставъ, обстоятельный докладъ членамъ суда каждаго дѣла, свободныя и очень искусныя препирательства адвокатовъ — все это необыкновенно привлекательно дѣйствовало на зрителя. Окончательное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ гражданскаго засѣданія, было таково, что они велись настолько правильно и хорошо, точно новый судъ существовалъ у насъ не нѣсколько дней, а нѣсколько лѣтъ. Взявши во вниманіе, что заправляющіе этими засѣданіями были наиспособнѣйшіе люди въ московскомъ судебномъ персоналѣ, а большинство членовъ стали потомъ украшеніемъ московскихъ и провинціальныхъ судебныхъ установленій (въ числѣ ихъ были покойный уже, на всю Россію извѣстный, Э. Н. Сумбулъ и А. И. В—нъ), не будешь поражаться этою правильностью.

Между тѣмъ ко мнѣ стали поступать дѣла отъ судебныхъ слѣдователей (два по Богородскому и одинъ по Московскому уѣздамъ). Дѣла были сначала не важныя, тѣмъ не менѣе изучались они тщательно; первыя дѣла были направлены съ заключеніями о прекращеніи или объ измѣненіи подсудности. Первое дѣло, по которому составленъ былъ мною обвинительный актъ, заслуживаетъ того, чтобы я въ короткихъ словахъ ознакомилъ съ его сущностью.

Въ большомъ торговомъ селѣ, въ заутреню на Пасху, все семейство мѣстнаго священника было въ церкви; дома оставалась одна кухарка. Едва кончилась служба, жена священника поспѣшила домой (а домъ стоялъ противъ церкви); войдя въ кухню, она съ ужасомъ увидѣла, что зарѣзанная кухарка плаваетъ въ лужѣ крови на полу. Не помня себя отъ страха, она выскочила изъ кухни и побѣжала обратно въ церковь. Народъ еще не разошелся, и на крикъ ея о зарѣзанной женщинѣ всѣ бросились разыскивать убійцу.

Нужно замѣтить, что въ этомъ селѣ была квартира станового пристава, а въ эту ночь случайно заночевалъ тутъ судебный слѣдователь. Судебный слѣдователь пользовался репутаціей очень умнаго человѣка и хорошаго слѣдователя. Становой приставъ извѣстенъ былъ за искуснаго сыщика. Поэтому къ слѣдствію приступлено было немедленно. По всѣмъ направленіямъ отъ села отряжены были конные и пѣшіе люди съ цѣлью захватить убійцу. Въ кухнѣ, гдѣ убитая кухарка готовила стряпню, кромѣ распро-

стертаго по полу ея трупа, ничего достойнаго не найдено. Орудіемъ убійства былъ, по всей вѣроятности, топоръ. Въ жилыхъ комнатахъ священника всѣ ящики комода и всѣ сундуки были открыты, но изъ нихъ ничего не украдено. Священникъ слылъ за человѣка денежнаго, и убійца, повидимому, торопливо искалъ денегъ, но денегъ не нашелъ. По увѣренію судебнаго слѣдователя, деньги, до 15 тыс. руб. сер., хранились въ старомъ порванномъ чемоданѣ, который валялся въ прихожей. Если это вѣрно, то понятно, что на такое хранилище никто, и въ томъ числѣ убійца, не обратилъ вниманія.

И вотъ, несмотря на такое дерзкое, чуть ли не на народѣ совершенное преступленіе, несмотря на немедленное и энергичное принятіе мѣръ къ раскрытію его, убійца остался не разысканъ; никто даже не былъ заподозрѣнъ. Значительное время спустя нѣкто Банинъ, содержавшійся въ острогѣ, сдѣлалъ доносъ по этому дѣлу; началось снова слѣдствіе, которое закончилось тѣмъ, что доносъ оказался ложнымъ. По обвиненію Банина въ ложномъ доносѣ мнѣ и предстояло составлять обвинительный актъ.

Для меня лично это дѣло интересно потому, что мое первое публичное обвиненіе состоялось по этому именно дѣлу. А дерзкій убійца кухарки священника такъ и остался гулять по бѣлу-свѣту. Впослѣдствіи, вспоминая объ этомъ дѣлѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, я услышалъ отъ послѣдняго слѣдующее: «Это дѣло причинило мнѣ много тревогъ,—я ночи не спалъ, ломая голову надъ тѣмъ, кто могъ совершить такое убійство! Я чуть было не слегъ въ постель отъ него... и все напрасно. Обидно, вѣдь, такъ срѣзаться наканунѣ введенія новаго суда!... Я не открылъ убійцу, но,—признался онъ шепотомъ,—я знаю, кто убилъ: это становой приставъ». Онъ говорилъ серьезно, но насколько вѣроятно было его предположеніе, я сказать, конечно, не могу. Съ обвинительнымъ актомъ по этому дѣлу я отправился въ ближайшую среду къ Л. И. Ланге, у котораго по средамъ собирались всѣ товарищи. Левъ Ивановичъ, какъ только устроился съ квартирой, тотчасъ открылъ эти среды. Собирались не только его товарищи, но и судебные слѣдователи и даже кандидаты на судебныя должности. Бесѣда носила характеръ самый простой, товарищескій. Всякій шелъ туда съ какимъ-нибудь вопросомъ, встрѣченнымъ на практикѣ, всякій не сомнѣвался, что получитъ тамъ посильное его разрѣшеніе. На первыхъ порахъ особенно цѣнны были эти бесѣды. Левъ Ивановичъ не присвоивалъ себѣ исключительной роли, но само собой какъ-то устраивалось такъ, что всякій вопросъ, всякое недоумѣніе получало то или другое разрѣшеніе съ его согласія. За него была его громадная практика, — онъ состоялъ уже болѣе 20-ти лѣтъ на службѣ и при этомъ считался однимъ изъ дѣятельныхъ губернскихъ прокуроровъ. Привлекательной чертой Льва Ивановича было для насъ чувство собственнаго достоинства, которое онъ проявлялъ постоянно въ своей дѣятельности. Москва—не провинція, и прокурору окружнаго суда приходилось сталкиваться съ разнообразными учрежденіями и лицами, твердо стоящими на своей вѣковой почвѣ. Вездѣ и всегда оста-

вался онъ непреклоннымъ представителемъ правды и закона; это былъ рыцарь закона; дипломатическими способностями природа его не надѣлила. Оригинальны были его отношенія къ Д. А. Ровинскому, его непосредственному начальнику; мнѣ довелось случайно быть свидѣтелемъ ихъ объясненій: Левъ Ивановичъ горячо, азартно настаивалъ, что нужно поступить въ данномъ случаѣ именно такъ, какъ онъ намѣревался поступить, а Дмитрій Александровичъ, покойно, съ улыбкою, не прерывая, выслушавъ все до конца, отвѣчалъ: «Вы совершенно правы, но поступать такъ намъ нельзя потому, что мы ничего не достигнемъ и только всѣхъ озлимъ окончательно».

Всѣхъ товарищей у Льва Ивановича было 17 человѣкъ (10 городскихъ и 7 уѣздныхъ); за исключеніемъ троихъ въ возрастѣ отъ 40 до 45 лѣтъ, остальные были приблизительно 30-лѣтняго возраста. Болѣе извѣстные по своей предшествующей службѣ были Н. С. Писаревъ (бывшій оберъ-секретарь московскаго сената) и И. П. Муравьевъ (бывшій судебный слѣдователь Московскаго уѣзда); остальныхъ ждала извѣстность въ будущемъ. Позднѣе всѣхъ появился между ними Н. А. Манасеинъ, менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ достигшій поста министра юстиціи. Одно несомнѣнно, что всѣ товарищи одинаково ревностно относились къ своей новой дѣятельности, а потому собранія по средамъ процвѣтали, такъ какъ тутъ можно было найти отвѣтъ на всякій возникавшій у каждаго изъ насъ вопросъ. Нерѣдко появлялись и уѣздные товарищи, которые нарочно пріѣзжали изъ своихъ участковъ къ средѣ. Не могу не вспомнить о печальной судьбѣ одного изъ товарищей: то былъ Лещинскій, бывшій судебный слѣдователь города Харькова, молодой, красивый брюнетъ; провелъ съ нами одну изъ средъ и затѣмъ отправился въ свой верейско-можайскій участокъ. Въ серединѣ іюля мы услыхали, что онъ внезапно умеръ; при этомъ ходилъ такой разсказъ:

«Изъ глубины Харьковской губерніи поѣхала его навѣстить нѣжно его любившая бабушка; желѣзной дороги отъ Харькова до Москвы еще не было; старушка ѣхала чуть ли не «на долгихъ»; наконецъ, достигла Вереи. На вопросъ, гдѣ тутъ живетъ товарищъ прокурора Лещинскій, первый же встрѣчный отвѣтилъ ей, что онъ уже съ недѣлю умеръ и похороненъ!» Я живо помню, что при извѣстіи о такой внезапной смерти кто-то въ видѣ предположенія сказалъ, что не отравленъ ли онъ? Года три тому назадъ, вспоминая съ однимъ харьковцемъ о Лещинскомъ, я услыхалъ, что въ Харьковѣ никто и не сомнѣвается въ томъ, что онъ отравленъ, и отравленъ изъ мести, такъ какъ очень ретиво производилъ слѣдствіе по извѣстному дѣлу о поддѣлкѣ серій. Поразительна эта всегдашняя склонность человѣческаго ума—всякое изъ ряда выходящее явленіе или событіе объяснять чрезвычайными, подчасъ легендарными причинами. Возьмите хоть убійство кухарки въ домѣ священника,—убійца не найденъ, несмотря на благопріятную, повидимому, для раскрытія обстановку,—но въ томъ-то и дѣло, что благопріятность эта лишь видимая: убійца ничего не похитилъ и ничего по себѣ ему принадлежаго не оставилъ на мѣстѣ,—стало быть, при-

надлежа къ тѣмъ тысячамъ, которыя находились въ церкви и двигались около церкви, уходя изъ нея и опять возвращаясь сюда, легко и незамѣтно могъ исчезнуть изъ толпы на нѣсколько минутъ и снова также незамѣтно втереться въ толпу. Какъ же его отыскать тутъ? Два обстоятельства могли его выдать и объ устраненіи которыхъ онъ, вѣроятно, заранѣе обдумывалъ: онъ долженъ былъ незамѣтно пронести и тщательно скрыть послѣ совершенія преступленія орудіе убійства (топоръ), если таковое было принесено имъ съ собою (я не помню, принесенъ или взятъ на мѣстѣ топоръ), что не трудно, разъ совершается заранѣе обдуманное убійство, и во-вторыхъ,—и это уже нѣсколько труднѣе,—онъ долженъ былъ опасаться уличающихъ кровяныхъ пятенъ на своей одеждѣ. Но и это устранимо: кухарка готовила кушанья, топила печь и вообще кухня была освѣщена; стало быть убійца легко могъ себя осмотрѣть послѣ убійства; затѣмъ, идя на такое убійство онъ навѣрное подъ праздничное платье (кафтанъ, поддевка), надѣлъ или, по крайней мѣрѣ, могъ надѣть какую-нибудь рвань, ничтожную одежу: первую онъ снялъ входя въ домъ священника, а вторую, послѣ совершенія убійства, тутъ же въ горящей печи сжегъ. Онъ, вѣдь, зналъ, что печь у кухарки топится, такъ какъ во всемъ селѣ въ это время топились печи и готовилось праздничное кушанье. Такимъ образомъ тысячная толпа, двигавшаяся среди ночи близъ церкви, неизбѣжный при этомъ шумъ, звонъ колоколовъ, вообще пѣнье при этомъ «Христосъ Воскресе», праздничное, возбужденное настроеніе каждаго въ отдѣльности, все это необыкновенно способствовало сокрытію убійцы, разъ онъ мѣстный житель. Не даромъ онъ выбралъ именно эти минуты. Разказъ о рваномъ чемоданѣ съ 15 т. рублей, если бы онъ былъ справедливъ, указывалъ бы на необычную ловкость и смѣлость собственника этого капитала; только сомнительно, чтобы такія большія деньги для сельскаго священника хранились дома; сотни же рублей легко было не найти убійцѣ, такъ какъ такая небольшая сумма всегда могла помѣщаться въ карманахъ священника и его жены.

Теперь два слова о безвременно умершемъ товарищѣ прокурора Лещинскомъ. Молодой, здоровый человѣкъ, мѣсяца черезъ полтора-два по пріѣздѣ изъ Харькова, внезапно, но не скоропостижно, умираетъ. Отсюда вообще, будто бы, мнѣніе въ Харьковѣ, что онъ былъ отравленъ, подысканы и причины отравленія. И при этомъ ровно никакихъ фактическихъ данныхъ въ пользу отравленія. Между тѣмъ товарищъ прокурора въ маленькомъ уѣздномъ городѣ лицо замѣтное и теперь; еще замѣтнѣе, конечно, онъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ; въ Вереѣ же было мѣстопребываніе судебнаго слѣдователя, съ которымъ, надо думать, Лещинскій былъ знакомъ; на должности судебн. слѣдователей въ московскомъ округѣ первоначально назначались люди болѣе или менѣе солидные, это были настоящіе судебные слѣдовали; только съ 67 года, да и то сперва въ харьковскомъ судѣ, появились исправляющіе должность судебныхъ слѣдователей, сильно подорвавшіе значеніе предварительныхъ слѣдствій. Далѣе, нужно взять въ разсчетъ ту

энергію, съ которою на первыхъ порахъ относились къ своему дѣлу всѣ чины судебнаго вѣдомства безъ исключенія, а также необыкновенную энергію вообще и въ отстаиваніи интересовъ лицъ судебнаго вѣдомства въ частности, которыми отличался нашъ первый прокуроръ Л. И. Ланге. И при такой-то обстановкѣ умираетъ товарищъ прокурора въ Верещ, хотя бы съ малѣйшими признаками отравленія, и никакого по этому поводу ни слѣдствія, ни дознанія! Нѣтъ, это невозможно, немыслимо. Я не сомнѣваюсь, что у Льва Ивановича были непреложныя доказательства естественной смерти Лещинскаго; подтвержденіемъ этого отчасти можетъ служить то, что онъ не счелъ даже умѣстнымъ возбуждать разговоръ о внезапной его смерти во время нашихъ бесѣдъ; все дѣло ограничилось двумя-тремя сожалѣніями. Послѣднее же объясняется тѣмъ, что Лещинскаго никто у насъ не зналъ, видѣли его всего одинъ только разъ, да и то тѣ только, которые были въ ту среду у прокурора. Главное же, нужно сказать правду, всѣ были такъ поглощены новымъ дѣломъ, что на смерть одного изъ дѣятелей посмотрѣли такъ, какъ, вѣроятно, смотрятъ на выбывшаго изъ строя во время сраженія. Жаль, но заниматься этимъ некогда,—сраженіе въ самомъ разгарѣ.

На первыхъ же порахъ мнѣ предстояло окунуться въ свѣжихъ волнахъ мировой юстиціи. Въ недѣлю разъ я долженъ былъ давать заключенія въ московскомъ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ. Не безъ сильнаго біенія сердца я отправился въ первый разъ на съѣздъ (Больш. Дмитровка, домъ Лапина); предсѣдатель съѣзда оказался мой хорошій университетскій товарищъ, Н. С. Любимовъ, который мнѣ объявилъ, что ни одного дѣла еще не поступало въ съѣздъ. Тутъ я познакомился съ другими мировыми судьями, участковыми и почетными. Кромѣ Любимова, участковыми судьями были Пукаловъ и Бекендорфъ. Послѣдній очень еще молодой человѣкъ, отставной военный, не успѣвшій еще снять своей военной формы,—замѣчательно добросовѣстный работникъ, всею душою преданный дѣлу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ отлично усвоить незнакомое ему дотолѣ дѣло правосудія и заслужить репутацію лучшаго судьи.

Изъ почетныхъ мировыхъ судей обращалъ на себя вниманіе хорошо извѣстный въ то время въ Москвѣ Н. С. Мартыновъ (убившій нѣкогда на дуэли Лермонтова), высокій, красивый старикъ, съ необыкновенно хмурымъ выраженіемъ лица.

Пришелъ въ съѣздъ на слѣдующей недѣлѣ еще разъ, а дѣлъ нѣтъ какъ нѣтъ! Становилось какъ будто досадно, хотѣлось скорѣе извѣдать сладость и горечь новой дѣятельности. Это было тѣмъ болѣе досадно потому, что одинъ изъ сотоварищей, которому порученъ въ исключительное вѣдѣніе столичный мировой съѣздъ, чуть ли не каждый день разсказывалъ о томъ, какъ онъ тамъ подвизается. Прихожу въ третій разъ и издали слышу голоса: «Скорѣе, скорѣе, четыре дѣла получены!» Всѣ въ волненіи, на лицахъ радость, ожиданіе. Читаю дѣла,—каждое въ три-четыре

листа. Зала полна народа; открывается засѣданіе; предсѣдательствуетъ Пукаловъ, такъ какъ первое дѣло по-очереди какъ разъ по жалобѣ на рѣшеніе, постановленное Любимовымъ. Послѣдній помѣстился за дверью, сзади моего столика, пріотворивъ ее настолько, чтобы все слышать. Послѣ короткаго доклада дѣла, даю въ первый разъ въ жизни публично заключеніе за отмѣну рѣшенія мирового судьи. Судъ удаляется для совѣщанія, а я ухожу въ ту дверь, за которой стоитъ Любимовъ. «Отлично, превосходно!» — говоритъ онъ, потрясая мнѣ руки. Благополучно прошли и остальныя дѣла. Я не чувствовалъ ни робости, ни смущенія,—съ этихъ поръ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сперва еженедѣльно, а потомъ два раза въ мѣсяцъ, чередуясь съ товарищемъ прокурора Московско-Дмитровскаго участка, ходилъ въ съѣздъ, конечно ужъ и тоски по дѣламъ больше не испытывалъ, такъ какъ количество дѣлъ съ каждою недѣлей все росло. Въ публикѣ изрѣдка я видѣлъ то сотоварища своего, завѣдывавшаго столичнымъ мировымъ съѣздомъ, то самого Л. И. Ланге. Дремать, относиться къ дѣлу спустя рукава, стало быть, было не мѣсто. Дѣлъ было достаточно, но характеръ ихъ самый заурядный, будничный; обиліе публики объясняется лишь новизной публичнаго суда. За нѣсколько мѣсяцевъ я помню одно только дѣло, которое привлекло и всеобщее вниманіе, и такую густую массу народа, что мы рисковали задохнуться отъ духоты. Обстоятельства этого несложнаго дѣла таковы: въ воскресный день, въ Останкинскомъ саду, среди тысячной гуляющей публики произошелъ какой-то шумъ; управляющему имѣніями гр. Шереметева показалось почему-то, что виновники шума—группа молодыхъ людей изъ разныхъ учебныхъ заведеній, и онъ, долго не думая, распорядился самымъ грубымъ образомъ удалить ихъ всѣхъ изъ сада. Заявленія этихъ молодыхъ людей и многихъ постороннихъ, что они тутъ не причемъ, не повели ни къ чему,—распоряженіе управляющаго было выполнено буквально. По жалобѣ ихъ мировой судья приговорилъ г. управляющаго къ аресту на двѣ недѣли. По его жалобѣ дѣло перешло въ мировой съѣздъ. Излишне говорить, что мое заключеніе было не въ пользу г. управляющаго. Мировой съѣздъ утвердилъ рѣшеніе мирового судьи.—Набивъ, такъ сказать, руку въ Московскомъ уѣздномъ съѣздѣ, я уже вполнѣ свободно отправился въ половинѣ іюля мѣсяца въ Богородскій мировой съѣздъ. Сообщеніе Москвы съ Богородскомъ (въ 50 верстахъ) было тогда по шоссе на линейкѣ, которая отправлялась съ Телѣжной улицы, Рогожской части. Перемѣнивъ на полдорогѣ лошадей, къ вечеру мы пріѣхали въ Богородскъ. Остановиться тамъ буквально было негдѣ, кромѣ постоялаго двора; насколько это удобно—я испыталъ въ началѣ слѣдующаго года; теперь же я имѣлъ приглашеніе отъ уѣзднаго исправника остановиться у него. Да и всѣ пріѣхавшіе на короткое время въ Богородскъ такъ дѣлали—останавливались у знакомыхъ. На другой день я сдѣлалъ визиты предсѣдателю съѣзда, которымъ оказался почетный мировой судья, В. Н. Лешковъ—профессоръ Московскаго университета, мой, стало быть, учитель. У него засталъ одного изъ участковыхъ ми-

ровыхъ—Яниша, двухъ другихъ—гг. Колосовскаго и Самарина—увидалъ въ съѣздѣ. Остатокъ дня посвятилъ изученію дѣлъ, которыхъ накопилось изрядное количество.

На другой день съ утра зданіе мироваго съѣзда (тутъ же и уѣздная земская управа и всесословной клубъ) ломилось отъ наплыва публики; мировыхъ судей, считая почетныхъ, собралось человѣкъ двѣнадцать, преимущественно изъ мѣстныхъ купцовъ фабрикантовъ, украсившихъ себя золотыми цѣпями. Предсѣдатель открылъ засѣданіе рѣчью о значеніи мировой юстиціи. Затѣмъ началось разбирательство уголовныхъ дѣлъ. Окончилось нѣсколько дѣлъ, давно наступило обѣденное время, а вниманіе публики не ослабѣваетъ,—число посѣтителей не только не убываетъ, а какъ будто стало еще больше. И такъ до конца. И нужно правду сказать, что такого оживленнаго засѣданія въ мировыхъ съѣздахъ мнѣ никогда болѣе не приходилось видать. И вовсе это не потому только, что то было первое засѣданіе: и дѣла такія подобрались, и настроеніе у всѣхъ,—у судей и публики, сочувственно относившейся къ суду,—было такое хорошее, подбадривающее, что просто жаль стало покидать залу засѣданія! Мнѣ помнится, что въ *Московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ* было своевременно описано это первое засѣданіе Богородскаго мироваго съѣзда. Авторъ статьи, если не ошибаюсь, П. И. Лебедевъ, недавно умершій мировой судья г. Москвы, также весьма сочувственно отнесся ко всему происходившему въ засѣданіи. Мнѣ пришлось быть въ Богородскомъ мировомъ съѣздѣ еще два или три раза: тѣ же судьи, та же публика и тѣ же, повидимому, и дѣла, но такого оживленія, такого сродства между судьями и публикою уже не было. Всѣ рѣшенія перваго Богородск. миров. съѣзда состоялись согласно моимъ заключеніямъ, за исключеніемъ одного дѣла, по которому я внесъ протестъ, и правител. сенатъ отмѣнилъ опредѣленіе съѣзда, признавъ дѣло, согласно протесту, подлежащимъ общимъ судебнымъ мѣстамъ (№ 2-й «Сборника рѣшеній сената» за 1866 годъ).

Открытіе новаго суда совпало, вслѣдствіе извѣстнаго печальнаго событія, съ окончательнымъ исчезновеніемъ нашихъ популярныхъ журналовъ *Современника* и *Русскаго Слова*; и остальные журналы, разумѣется, почувствовали себя нехорошо,—а потому приходилось волей-неволей сосредоточиваться на газетахъ и главнымъ образомъ на *Судебномъ Вѣстникѣ*. Все, что касалось новаго суда, всякая даже мелочь крайне интересовала насъ. Въ Москвѣ мы наблюдали судебные порядки лично, зато Петербургъ изучали по *Судебному Вѣстнику*. Тамошняя адвокатура въ особенности была предметомъ нашего восхищенія. Рѣчи г. Спасовича и удивляли, и поучали насъ. Но прежде даже петербургскихъ рѣчей съ восторгомъ прочли мы въ это время рѣчь графа Л. Н. Толстого, произнесенную въ военномъ судѣ въ Тулѣ, въ защиту рядового, оскорбившаго дѣйствіемъ своего начальника. Вообще сравненіе Петербурга съ Москвою въ первое время дѣятельности новаго суда служило далеко не въ пользу послѣдней. Тамъ раз-

бирались извѣстныя дѣла о печати (гг. Суворина, Ю. Жуковскаго), предъ судомъ гг. присяжныхъ засѣдателей слушались дѣла Протопопова, Ф. Зона, объ убійствѣ секретаря посольства. Тамъ, наконецъ, заявились такіе ораторы, какъ гг. Спасовичъ и Арсеньевъ,—въ Москвѣ, во весь 1866 годъ въ залѣ уголовныхъ засѣданій было весьма тихо и блѣдно: ни громкихъ дѣлъ, ни выдающихся ораторовъ. Первое уголовное засѣданіе по дѣлу о бродягѣ открылъ предсѣдатель окружнаго суда Е. Е. Люминарскій, кажется, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Обвинителемъ былъ товарищъ прокурора, защитникомъ—присяжный повѣренный Доброхотовъ. Публики, въ томъ числѣ дамъ, полна зала.

Предсѣдателя я видѣлъ въ первый разъ. Его ростъ, наружность, величавыя манеры и необыкновенно зычный голосъ (густой басъ), производили глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи только я узналъ, сколько прекраснаго, человѣчнаго сокрыто было подъ этою величавою, вполнѣ генеральскою,—какъ многіе утверждали,—внѣшностью. Обвинитель безъ всякихъ предисловій ограничился пересказомъ статьи Уложенія, карающей за бродяжество, и ходатайствомъ о примѣненіи этого наказанія къ данному случаю. Защитникъ сказалъ нѣсколько дѣльныхъ словъ въ пользу своего кліента. Публика расходилась хотя и довольная, но чувствовалось, что чего-то недоставало для полноты засѣданія. Второе засѣданіе также о бродягѣ совершилось подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Н. С. Арсеньева, обвинителемъ былъ, если память мнѣ не измѣняетъ, товарищъ прокурора С. Я. Орловскій, защитникомъ—присяжный повѣренный Рихтеръ. Защита заявила себя несравненно выше обвиненія, такъ какъ представитель обвиненія безъ всякой надобности перечислилъ всѣ виды исправительныхъ наказаній, прежде чѣмъ, наконецъ, добрался до искомаго. Само собою, что это произошло отъ сильнѣйшаго смущенія, чѣмъ въ началѣ страдали многіе. «Ужасно страшно слышать свой голосъ!»—говорилъ мнѣ одинъ членъ суда. Затѣмъ слушались не безынтересныя для того времени, но въ сущности мелкія дѣла,—одно въ порядкѣ частнаго обвиненія противъ газеты *Русскія Вѣдомости*, другое—по обвиненію генерала Загорянскаго въ оскорбленіи словами судебнаго слѣдователя. Въ послѣднемъ дѣлѣ обвинителемъ выступилъ Л. И. Ланге. Подробностей ни того, ни другаго дѣла сообщить не могу, потому что, отвлеченный своими непосредственными служебными обязанностями, къ сожалѣнію не могъ быть въ залѣ засѣданія. По той же причинѣ не былъ я свидѣтелемъ первыхъ засѣданій окружнаго суда съ присяжными засѣдателями. Мнѣ извѣстно только изъ разсказовъ сотоварищей, что и тутъ слушались дѣла по большей части ничтожныя (преимущественно кражи со взломомъ), что самая трудная часть засѣданій—это безпрерывныя заключенія по частнымъ вопросамъ, которыя требуются отъ обвинителя предсѣдателемъ, что крупныхъ ораторовъ пока нѣтъ, хотя защита, очевидно, будетъ имѣть большой перевѣсъ передъ обвиненіемъ. За то мнѣ удалось быть въ засѣданіи судебныя палаты, гдѣ разсматривалось дѣло одного отставного рядового по обвиненію его въ преступленіи, пре-

дусмотрѣнномъ 246 ст. Ул. о нак. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель департамента А. Н. Шаховъ, обвинялъ Д. А. Ровинскій, защитникомъ былъ присяжный повѣренный Ф. Г. Соловьевъ. Кромѣ большого стеченія публики, за креслами судей сидѣло и стояло не малое число лицъ судебнаго вѣдомства. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ необыкновенно моложаваго по наружности М. В. Полѣнова, старшаго предсѣдателя судебной палаты *).

Судебное слѣдствіе велось стройно, даже торжественно: предсѣдатель—священнодѣйствовалъ, прокуроръ — вполнѣ умѣло предлагалъ вопросы свидѣтелямъ, а затѣмъ все остальное время что-то записывалъ, защитникъ съ своей стороны дѣльно и горячо допрашивалъ ихъ. При несомнѣнности факта преступленія защита стремилась доказать, что оно свершилось въ состояніи опьяненія обвиняемаго. Перешли къ преніямъ. Прокуроръ произнесъ короткую, прочувствованную рѣчь; военное званіе обвиняемаго, по его мнѣнію, особенно говорило не въ пользу его. Защитникъ тоже говорилъ недурно, но, судя по тому, какъ онъ велъ судебное слѣдствіе, я ожидалъ гораздо большаго. Судебная палата отвергла состояніе опьяненія и приговорила обвиняемаго къ каторжнымъ работамъ на четыре года. Это было лѣтомъ 1866 года; ровно черезъ годъ Д. А. Ровинскій сообщалъ намъ, что ему удалось, наконецъ, черезъ новаго министра юстиціи (гр. Палена) исходатайствовать смягченіе этого наказанія съ замѣною каторжной работы тюремнымъ заключеніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Надо думать, что этотъ суровый приговоръ палаты не давалъ ему покоя цѣлый годъ; если же онъ самъ, какъ обвинитель, предрѣшалъ его, то единственно изъ видовъ, такъ сказать, политическихъ: событіе преступленія послѣдовало тотчасъ послѣ 4 апрѣля 1866 года и вытекало изъ него. Замѣтно было, что Д. А., добившись смягченія, свалилъ съ себя пудовую гирю.

Наступилъ сентябрь мѣсяцъ,—время первыхъ выѣздныхъ сессій московскаго окружнаго суда; мнѣ предстояло ѣхать въ Богородскъ. На Тележной улицѣ, садясь въ линейку, я познакомился съ ѣхавшими туда членами окружнаго суда, П. М. Щепкинымъ и Е. А. Томашевскимъ. Первый по старшинству долженъ былъ предсѣдательствовать. Узнавши, что

---

*) Сожалѣю, что ничего не могу сообщить о нашемъ первомъ старшемъ предсѣдателѣ судебной палаты, М. В. Полѣновѣ,—не могу потому, что не былъ съ нимъ знакомъ лично. Между тѣмъ по разсказамъ это былъ замѣчательно хорошій человѣкъ. Да, было время, когда товарищъ прокурора или прокуроръ окружнаго суда при двухлѣтней совмѣстной службѣ могли не знать лично старшаго предсѣдателя судебной палаты! Оффиціальныхъ визитовъ тогда не дѣлали, а случайно не пришлось съ нимъ познакомиться. Въ началѣ 1868 онъ переведенъ въ сенатъ. Его провожали большимъ обѣдомъ съ рѣчами. Я бы не прочь былъ участвовать въ обѣдѣ, но показалось какъ-то неловко присутствовать на обѣдѣ человѣка, съ которымъ незнакомъ. И что же? Вскорѣ послѣ этого обѣда прихожу какъ-то домой и нахожу у себя визитную и фотографическую карточки Полѣнова съ просьбою доставить ему мою таковую же. Смущенный поѣхалъ я къ нему на другой день. Съ первыхъ же словъ смущеніе мое исчезло, и я такъ пожалѣлъ, что лишилъ себя удовольствія, благодаря своей дикости, узнать ранѣе такого хорошаго человѣка!

мнѣ еще не приходилось дѣйствовать въ окружномъ судѣ, Щепкинъ весело сказалъ: «Ну, и отлично,—стало-быть, мы будемъ вмѣстѣ дебютировать!» На замѣчаніе, что онъ, кажется, недавно предсѣдательствовалъ въ Москвѣ, онъ еще веселѣе отвѣчалъ: «Представьте, предсѣдательствовалъ, но былъ въ такомъ чаду, что ничего не помню! Вотъ какой я конфузливый!» И черезъ нѣсколько лѣтъ, пожалуй, вплоть до своей смерти (1877 г.), Петръ Михайловичъ не безъ смущенія занималъ кресло предсѣдателя, а когда наступалъ моментъ для произношенія резюме, волненіе его замѣтно было для каждаго. П. М. Щепкинъ и М. И. Доброхотовъ, при всемъ ихъ различіи,—это типичные москвичи; такихъ людей можно встрѣтить только въ Москвѣ; переселите ихъ—не говорю въ Петербургъ (тамъ они немыслимы), въ провинцію, и они быстро потеряли бы свой характерный образъ. Общее у нихъ было—поразительная доброта, мягкость нрава, человѣчность; оба равно любили простыя товарищескія бесѣды съ уморительными разсказами и анекдотами; въ лицѣ и улыбкѣ Доброхотова сквозила грусть и болѣзненность, на добродушномъ лицѣ Щепкина сіяла веселая, хитрая улыбка. Послѣдній извѣстенъ былъ какъ отличный запѣвало хоровыхъ пѣсенъ, что̀ онъ проявилъ на обѣдахъ, устраиваемыхъ имъ 12 января по 2 руб. съ человѣка (водка съ закуской—водки сколько хочешь—щи и растегай; хочешь шампанскаго или чего-нибудь пикантнаго—бери сколько хочешь на свой счетъ!). Въ концѣ такихъ обѣдовъ, Петръ Михайловичъ всегда смущенно просилъ дозволить ему провозгласить тостъ въ память своего покойнаго отца, знаменитаго комика М. С. Щепкина. Томашевскій одинъ изъ солидныхъ членовъ окружнаго суда, впослѣдствіи членъ московской судебной палаты (умеръ, кажется, предсѣдателемъ департамента одесской судебной палаты въ 80 годахъ).

Въ Богородскѣ я поселился у помощника исправника Щедрина, любезно предложившаго мнѣ крохотную квартиру; расходы на питаніе шли у насъ пополамъ. Уроженецъ Воронежской губерніи и воспитанникъ воронежскаго кадетскаго корпуса, Щедринъ отличался смиреніемъ, аккуратностью и затворническою жизнью. Мое временное пребываніе у него нисколько не могло быть ему въ тягость,—все же есть съ кѣмъ перекинуться словомъ. А любимыми его словами были: «Въ видѣ опыта», употребляемыя имъ каждоминутно и при всякомъ случаѣ («не пора ли намъ въ видѣ опыта погулять, закуримъ въ видѣ опыта» и т. дал.); черезъ нѣсколько лѣтъ я его встрѣтилъ въ г. Серпуховѣ уже уѣзднымъ исправникомъ, а въ началѣ 1877 г. въ Москвѣ, на Петровкѣ около Петровскаго монастыря, на разсвѣтѣ онъ найденъ на улицѣ зарѣзаннымъ. Вотъ и угадай судьбу людскую: человѣкъ мухи не обидитъ, а его рѣжутъ среди улицы въ столичномъ городѣ.

На другой день утромъ ко мнѣ пришелъ изящный молодой человѣкъ—оказалось, что кандидатъ на судеб. должности, пріѣхавшій въ Богородскъ въ качествѣ защитника, кн. А. И. У. На вопросъ мой, гдѣ онъ остановился, онъ отвѣчалъ, что у смотрителя тюремнаго замка. Бесѣда наша

была самая коротенькая, а потому предвидѣть въ немъ будущую звѣзду въ адвокатурѣ я, конечно, не могъ. Я узналъ только, что онъ, какъ и я, будемъ на завтра дебютантами. Всѣхъ дѣлъ въ Богородскѣ назначено было три, между тѣмъ мы должны были пробыть тамъ цѣлыхъ три дня, такъ какъ на каждый вечеръ (вѣроятно, днемъ единственная въ городѣ зала мирового съѣзда была занята—не помню) назначалось по одному дѣлу. Въ этомъ, какъ и во многомъ тогда творившемся, видна прежде всего новизна дѣла, непривычка къ нему всѣхъ участвующихъ лицъ. Всѣ три дѣла были просты и крайне несложны: одно—кража даже съ сознаніемъ обвиняемаго; самое серьезное, хотя тоже несложное, было первое, о Бакинѣ, о которомъ я упоминалъ выше.

Въ первый вечеръ, въ залѣ мирового съѣзда было такъ много народа, что для суда пришлось отвести самое крохотное мѣсто. Я сидѣлъ рядомъ съ секретаремъ (С. В. Щелканъ) и свободно, не вставая со стула могъ достать рукою крайняго члена суда, а съ другой стороны старшину присяжныхъ засѣдателей.

Въ составъ суда вошелъ почетный мировой судья (Рахмановъ или Рахманиновъ), старшиною присяжныхъ засѣдателей по всѣмъ дѣламъ В. Н. Лешковъ. Въ остальныхъ присяжныхъ засѣдателяхъ замѣтно преобладаніе торговаго элемента, что для такого фабрично-торговаго пункта, какъ Богородскъ, вполнѣ естественно. Молодой кандидатъ сразу проявилъ искусство защитника, стараясь доказать, что Бакинъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе другими арестантами и что дѣлая доносъ, онъ думалъ способствовать раскрытію истины. Рѣчь защитника была блестящая хоть бы и не въ Богородскѣ. Я совершенно доволенъ былъ тѣмъ, что чувствовалъ себя, какъ и въ мировыхъ съѣздахъ, вполнѣ покойно. Бакинъ признанъ виновнымъ. На другой день произошелъ такой невѣроятный казусъ: въ виду сознанія обвиняемаго, Щепкинъ, не произведя судебнаго слѣдствія, не выслушавши пренія сторонъ и не произнеся своего резюме, быстро вручилъ вопросный листъ старшинамъ присяжныхъ засѣдателей, прося ихъ удалиться въ совѣщательную комнату, что тѣ и исполнили. Мы съ секретаремъ (не помню кто изъ насъ первый) сразу замѣтили промахъ предсѣдателя и шепотомъ сообщили ему наше мнѣніе. Тотъ, разумѣется, также понялъ и видимо не зналъ, что ему предпринять въ поправку этого промаха. Прошло двѣ, три минуты, какъ удалились присяжные засѣдатели, вдругъ двери изъ совѣщательной комнаты отворились, и на порогѣ показывается В. Н. Лешковъ, который точно на выручку предсѣдателю заявляетъ, что гг. присяжные засѣдатели встрѣтили затрудненіе. «Покорнѣйше прошу, гг. присяжныхъ засѣдателей, садиться,—г. прокуроръ объяснитъ имъ все касающееся дѣла», радостно и быстро объявляетъ Щепкинъ: «Г. прокуроръ, ваше слово!» Такъ удачно разрѣшилось это необычайное отступленіе отъ судебныхъ уставовъ. Повторяю, дѣло было столь новое, что всякіе промахи въ первое время были мыслимы и возможны. Что это такъ всегда лучше доказывается тѣмъ, что описанный выше про-

махъ произошелъ при такомъ солидномъ членѣ окружнаго суда, какимъ былъ Томашевскій. Какъ могло быть, что онъ не остановилъ Щепкина?

Третье дѣло прошло безъ всякихъ инцидентовъ и съ обвинительнымъ приговоромъ. Прощаясь со мною, защитникъ сказалъ, что онъ постарается мнѣ отомстить въ Москвѣ, что онъ блестяще и выполнилъ въ 67 г. по дѣлу Волоховой. Промахъ предсѣдательствующаго, о которомъ я сообщилъ, не имѣлъ никакихъ послѣдствій и остался между нами, зато подобный же и даже еще большій промахъ настоящаго уже предсѣдателя окружнаго суда получилъ всеобщую извѣстность и дошелъ до правительствующаго сената. Я разумѣю то дѣло, по которому товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія, а окружный судъ, считая этотъ отказъ равносильнымъ отсутствію обвиненія, своею властью, минуя вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, призналъ обвиняемаго свободнымъ отъ суда. Дѣло это и оригинальное его разрѣшеніе подняло у насъ въ Москвѣ большой шумъ. Спорящіе раздѣлились на двѣ группы: одни находили рѣшеніе суда неправильнымъ, другіе—наоборотъ, утверждали, что иначе нельзя было и поступить. Одинъ Д. А. Ровинскій не спорилъ, а категорически заявлялъ, что окружный судъ поступилъ безобразно, и объяснялъ это тѣмъ, что Е. Е. Люминарскій, при всѣхъ его достоинствахъ, не криминалистъ.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Весело было возвращаться въ Москву, когда напередъ знаешь, что тебя ждетъ и работа по душѣ и безбѣдная обстановка жизни. Человѣкъ довольно быстро привыкаетъ ко всему—и къ хорошему и даже къ дурному, но кто испыталъ на себѣ переходъ отъ существованія только что не впроголодь, къ полному довольству, тотъ пойметъ чувства многихъ изъ насъ въ первые годы жизни въ Москвѣ. Это въ особенности относится до тѣхъ, кто имѣлъ семью. Что можетъ быть несноснѣе положенія, когда ежечасно нужно разсчитывать каждый грошъ, чтобы дожить кое-какъ до слѣдующаго полученія жалованья или въ день полученія жалованья отдать его полностью на расходъ, а себѣ оставить 2—3 р. на табакъ и всѣ проч. депансы? Прежде чѣмъ сможешь засѣсть за работу, сколько горькихъ часовъ переживешь въ такомъ положеніи!... Привычка и молодость—свое дѣло сдѣлаютъ, и въ такомъ положеніи нерѣдко живется недурно; но переходъ къ лучшему, и притомъ несравненно лучшему, навѣчно запечатлѣвается въ памяти свѣтлою точкой, къ которой такъ отрадно иногда возвращаться мысленно!

Я получалъ жалованья 2,500 р. и былъ, конечно, вполнѣ доволенъ, а съ ноября мѣсяца сталъ получать 3,500 р.—какъ же не счесть себя за богатаго человѣка? Вѣдь только полгода назадъ жилъ же я на 750 руб. Съ конца октября начались разговоры объ открытіи окружныхъ судовъ на пространствѣ всего московскаго округа (и петербургскаго) и пошли назначенія и перемѣщенія, благодаря чему и я попалъ въ городскіе (московскіе) товарищи прокурора. Изъ прокурорскаго надзора отъ насъ ушло четыре человѣка. Но самая важная убыль у насъ состояла въ назначеніи

Л. И. Ланге членомъ московской судебной палаты. Это произошло и неожиданно, и нежелательно, какъ для него, такъ и для насъ, его товарищей. Слухъ ходилъ, что онъ претерпѣлъ за то, что слишкомъ высоко держалъ голову предъ особенно сильной тогда московскою администраціей. Мы смотрѣли на это событіе, какъ на частный случай. Даже переходъ товарища министра юстиціи, Стояновскаго, въ сенатъ, относящійся приблизительно къ тому же времени, не наводилъ насъ ни на какія серьезныя размышленія. Мы наивно разсуждали такъ: «Очень жаль Л. И. Ланге, но вѣдь хорошихъ людей по судебному вѣдомству такъ много, что убыль одного будетъ незамѣтна». Что же касается до бывшаго товарища министра юстиціи Стояновскаго, то онъ стоялъ передъ нами на такой недосягаемой высотѣ, что тутъ не могло быть мѣста простому человѣческому сожалѣнію, а возвыситься до общихъ причинъ подобныхъ перемѣнъ мѣшала намъ наша легкомысленная наивность. Что намъ за дѣло до лицъ, высоко стоящихъ,—въ лучшемъ случаѣ ихъ назначеніе—дать толчокъ, направленіе, а работу свершаютъ тысячи маленькихъ людей. Мы были еще убѣждены, что съ судебными уставами въ рукахъ всякіе люди, хорошіе, средніе и даже плохіе,—въ сущности для насъ безразличны; само собою, что съ хорошими пріятнѣе и плодотворнѣе работать вмѣстѣ, но если придется, будемъ также работать съ другого сорта людьми. О, sancta simplicitas!

Временно завѣдывать прокурорскимъ надзоромъ назначенъ былъ Писаревъ — не по старшинству, а по распоряженію министерства. Изъ этого многіе заключили,—и совершенно ошибочно, какъ вскорѣ оказалось,—что онъ будетъ назначенъ прокуромъ окружнаго суда въ Москву. На самомъ же дѣлѣ его черезъ мѣсяцъ назначили тульскимъ прокуроромъ, а въ Москву перевели тульскаго прокурора, Э. Я. Ф. Лично такимъ образомъ я ничего не проигрывалъ: съ послѣднимъ я былъ даже въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, да и по возрасту мы ближе другъ къ другу. А какъ заявитъ себя новый прокуроръ—какъ прокуроръ—дѣло будущаго.

Льву Ивановичу былъ устроенъ прощальный обѣдъ по подпискѣ его товарищей и судебныхъ слѣдователей. Я первый разъ въ жизни участвовалъ въ такомъ торжественномъ и, какъ мнѣ казалось тогда, роскошномъ обѣдѣ. Со Львомъ Ивановичемъ разставались самымъ сердечнымъ образомъ; его прямой, честный характеръ закупалъ всѣхъ въ его пользу. Онъ былъ видимо тронутъ и нисколько не скрывалъ, что онъ крайне оскорбленъ такимъ незаслуженнымъ имъ переводомъ.

Едва успѣлъ состояться мой переводъ въ городъ, какъ Писаревъ обратился ко мнѣ съ просьбою взять на себя составленіе обвинительнаго акта по одному многотомному дѣлу. При этомъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣло находилось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на рукахъ одного изъ ушедшихъ отъ насъ товарищей прокурора. Зная послѣдняго за человѣка очень дѣльнаго и быстро работавшаго, я не мало удивился такой медлительности, но мое удивленіе удесятерилось, когда я получилъ самое дѣло и всю подготовительную работу: десятки листовъ написаны были его бисернымъ

почеркомъ,—это все выписки изъ свидѣтельскихъ показаній. Къ такой кропотливой работѣ я считалъ его не склоннымъ, да и вся послѣдующая его дѣятельность вполнѣ подтверждала мое мнѣніе. Онъ сдѣлалъ, вѣроятно, исключеніе только для начала. Работа тяжкая и для меня безполезная, потому что все было написано для себя, со всевозможными сокращеніями и главное — невозможнымъ для прочтенія почеркомъ. Прочитавши дѣло, я попробовалъ было воспользоваться этими записками, но въ отчаяніи кончилъ тѣмъ, что въ одно прекрасное утро сжегъ ихъ въ печкѣ. Воспользовался я только тщательно переписаннымъ спискомъ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ къ слѣдствію. Спасибо и за то, такъ какъ таковыхъ числилось, кажется, около 50 человѣкъ! Черезъ двѣ недѣли, къ великой радости Писарева, я ему возвратилъ дѣло съ обвинительнымъ актомъ и заключеніемъ.

Въ ноябрѣ же мнѣ пришлось поддерживать обвиненіе предъ присяжными засѣдателями въ Москвѣ. Дѣло имѣло ту особенность, что товарищъ прокурора направилъ его съ заключеніемъ о прекращеніи, а судебная палата составила опредѣленіе о преданіи суду за грабежъ 6 человѣкъ при 2-хъ или 3-хъ свидѣтеляхъ, считая и потерпѣвшее лицо. Защитникомъ былъ одинъ изъ дѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, Александръ Дольниковъ. Судебная палата, заинтересованная исходомъ дѣла, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ уголовнаго департамента присутствовала при разбирательствѣ. Грабежъ совершенъ въ праздничный день въ Сокольникахъ; обвиняемые—типичные представители тѣхъ оборванцевъ, которые слоняются по всѣмъ люднымъ мѣстамъ, гдѣ можно что-либо скрасть или незамѣтно отнять. Потерпѣвшее лицо—заурядный праздничный фланёръ, впервые попавшій въ передѣлку такихъ молодцовъ. Свидѣтели дали очень мало матеріала для обвиненія. Но этотъ типъ оборванца такъ знакомъ москвичамъ, что стоило только нѣсколько остановиться на немъ, какъ картина сокольничьяго грабежа, подобно сотнямъ и даже тысячамъ другихъ подобныхъ же, каждому извѣстныхъ, вставала передъ глазами во всей полнотѣ. Этимъ только и можно объяснить безусловно обвинительный вердиктъ для всѣхъ обвиняемыхъ. Судебная палата торжествовала и благосклонно посматривала на меня.

Въ концѣ ноября или въ первыхъ числахъ декабря мнѣ пришлось еще разъ дѣйствовать предъ присяжными засѣдателями въ Москвѣ по дѣлу значительно болѣе сложному: обвинялся средней руки купецъ въ мошенничествѣ, и защитникомъ его явился М. И. Доброхотовъ. Засѣданіе длилось цѣлый день, судебное слѣдствіе было довольно оживленное, защитникъ отличался мастерствомъ въ веденіи судебнаго слѣдствія. Пренія также были горячія и въ результатѣ—обвинительный вердиктъ. Съ этого именно дѣла я и познакомился ближе съ Доброхотовымъ. Когда судъ удалился для написанія опредѣленія, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, проходя около меня, произнесъ какъ бы про себя: «иже въ 9-й день довелось услыхать настоящаго прокурора!» Что это—шутка, или въ самомъ дѣлѣ оцѣнка моей

рѣчи?—спрашивалъ я себя. Вглядѣвшись пристальнѣе въ лицо говорившаго, я рѣшилъ, что шутка.

Н. С. Писарева, назначеннаго прокуроромъ въ Тулу, также проводили обѣдомъ. На обѣдѣ былъ и Л. И. Ланге.

Наступилъ декабрь, а съ нимъ снова выѣздныя сессіи окружнаго суда. На этотъ разъ я поѣхалъ въ Дмитровъ, гдѣ предназначены были, кромѣ дмитровскихъ, и богородскія дѣла съ моими обвинительными актами. Отъ прокурорскаго надзора вмѣстѣ со мною ѣхалъ мой сотоварищъ М. П. Фроловъ (завѣдывавшій московско-дмитровскимъ участкомъ), а отъ окружнаго суда члены — М. М. Сухотинъ и Ѳ. Р. Синицкій. Защищать взялся по всѣмъ дѣламъ нѣкто Селиверстовъ — молодой и бойкій человѣкъ, котораго я никогда послѣ не встрѣчалъ. М. М. Сухотинъ—феноменально разсѣянный человѣкъ, застѣнчивый, деликатный, съ виду, пожалуй, смѣшной, а когда его узнаешь ближе, очень милый, неглупый и довольно образованный. При своей застѣнчивости, онъ очень любилъ предсѣдательствовать. Сознавая нѣкоторые свои недостатки, онъ запасся опытнымъ помощникомъ. На первый разъ онъ упросилъ Ѳ. Р. Синицкаго быть его руководителемъ. Послѣдній представлялъ совершенную противоположность съ Сухотинымъ: это—типъ состарѣвшагося и облѣнившагося оберъ-секретаря сената старыхъ временъ. Черствый, даже грубый, онъ недурно зналъ дѣло, воображая, конечно, что лучше его никто не знаетъ. Приглашеніе Сухотина льстило его самолюбію, но и досталось же отъ него его ученику! Мы имѣли въ Дмитровѣ общую квартиру: въ одной комнатѣ помѣстились члены суда, въ другой—мы съ товарищемъ; дверь между комнатами даже на ночь не затворялась,— жили общею товарищеской жизнью. Синицкій просыпался по утрамъ рано и, нѣжась въ кровати, любилъ поболтать. Съ перваго же дня, недолго думая, онъ будилъ Сухотина какимъ-нибудь вопросомъ, относящимся до дѣлъ, разсматривавшихся въ Дмитровѣ. Робкій Сухотинъ тревожно просыпался и вступалъ въ бесѣду. Но это былъ лишь предлогъ, затѣмъ шла уже простая бесѣда, въ теченіе которой Синицкій предлагалъ самые мелочные вопросы о частной, даже семейной жизни Сухотина. Конфузясь и запинаясь, послѣдній отвѣчалъ на всѣ вопросы. Въ 6—7 дней нашей жизни въ Дмитровѣ мы получили довольно обстоятельную автобіографію Сухотина. Мой сотоварищъ любилъ поспать, а потому эти ранніе разговоры сначала его бѣсили, но потомъ онъ такъ заинтересовался этими пытливыми допросами, что сталъ помогать въ нихъ Синицкому.

Самое значительное изъ всѣхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ Дмитровѣ, было дѣло о разбоѣ, но я о немъ подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ (*Журн. Мин. Юст.* за 1896 г., № 2). Немаловажны были и другія дѣла,— передавать ихъ, однако, не рѣшаюсь, такъ какъ память сохранила о нихъ весьма смутныя черты. Помню одно дѣло, по которому обвинителемъ былъ мой сотоварищъ, — кажется, о грабежѣ; послѣдовалъ оправдательный вердиктъ; помню другое мое дѣло, по которому обвинялось двое—мужъ и жена, за какое-то насиліе противъ матери жены; обвинили мужа, а жену оправ-

дали. За оба эти дѣла Синицкій страшно на насъ сердился, приписывая нашей слабости оправдательные приговоры. Примиреніе послѣдовало только послѣ дѣла о разбоѣ. Слушая его, можно было предполагать, что онъ былъ бы самый безпощадный обвинитель. Не даромъ говорили, что онъ стремился осенью, во время бывшихъ передвиженій, попасть куда-то прокуроромъ. Но, вѣдь, одной безпощадности для прокурора, пожалуй, недостаточно; бываетъ и такъ, «что сердитъ, да не страшенъ!».

Возвратившись за недѣлю до Рождества въ Москву, я узналъ, что въ мое отсутствіе пріѣхалъ нашъ новый прокуроръ окружнаго суда.

Окончился первый неполный годъ жизни новаго суда. Бодрые, радостные и полные всевозможныхъ надеждъ вступали мы во второй годъ (1867-й), не замѣчая легкихъ тучекъ, которыя собирались уже надъ нами... Славное время! И смерть не страшна тому, кто хоть разъ въ жизни пережилъ такое славное время...

М. Ѳ. Громницкій.

Первый всероссійскій съѣздъ дѣятелей по климатологіи, гидрологіи и бальнеологіи.

Первый всероссійскій съѣздъ дѣятелей по бальнеологіи, климатологіи и гидрологіи возникъ по мысли бальнеологической секціи Русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія въ Петербургѣ. Мотивомъ для созыва спеціалистовъ послужило убѣжденіе общества, что въ Россіи, несмотря на богатство минеральныхъ источниковъ и рѣдкое разнообразіе ихъ по химическому составу, число эксплоатируемыхъ минеральныхъ водъ весьма ограничено. Еще болѣе ощутителенъ недостатокъ въ климатолѣчебныхъ станціяхъ, которыя, за исключеніемъ южнаго берега Крыма и нѣкоторыхъ мѣстъ Кавказа, почти совершенно неизвѣстны. За границею уже болѣе четверти вѣка этого рода съѣзды практикуются и дали весьма благотворные результаты для развитія отдѣльныхъ курортовъ. Тамъ уже давно существуютъ спеціальныя ассоціаціи отдѣльныхъ группъ лѣчебныхъ мѣстъ, цѣль которыхъ направлена къ усовершенствованію данныхъ мѣстъ лѣченія.

Какъ и слѣдовало ожидать, бальнеологическая секція Общества Охраненія Народнаго Здравія съ цѣлью успѣшнаго осуществленія своего предпріятія выработала опредѣленную программу, состоящую въ слѣдующемъ: 1) съѣздъ долженъ содѣйствовать всестороннему изученію условій благоустройства и болѣе успѣшному развитію отечественныхъ минеральныхъ водъ, климато-лѣчебныхъ станцій, морскихъ купаній и другихъ лѣчебныхъ мѣстъ; 2) способствовать изученію и ознакомленію съ малоизвѣстными лѣчебными мѣстами, въ особенности климато-лѣчебными станціями; 3) помочь возможно болѣе широкому распространенію свѣдѣній среди врачей и публики объ отечественныхъ лѣчебныхъ мѣстахъ и 4) содѣйствовать объединенію научныхъ и практическихъ дѣятелей по климатологіи, бальнеологіи и гидрологіи въ Россіи.

По существующему обычаю другихъ съѣздовъ, бальнеологическая секція выбрала изъ своей среды, а также изъ числа лицъ, заявившихъ себя по этой спеціальности, организаціонный комитетъ, состоящій изъ 47 членовъ, которые въ свою очередь, избрали изъ своей среды для непосред-

ственнаго завѣдыванія дѣлами съѣзда, правленіе, состоящее изъ: предсѣдателя проф. А. П. Лебедева, товарища предсѣдателя, почетнаго лейбъ-медика Л. Б. Бертенсона; членовъ правленія, завѣдующихъ отдѣлами съѣзда: по гидрологіи—проф. А. А. Иностранцева и горнаго инженера М. В. Сергѣева, по климатологіи — проф. А. П. Воейкова и проф. В. А. Штанге и по бальнеологіи—приватъ-доцента В. Ф. Сигриста и проф. С. Д. Костюрина, членовъ правленія: предсѣдателя V отдѣленія общества по климатологіи и бальнеолологіи проф. Ѳ. И. Пастернацкаго, секретаря общества д-ра В. О. Губерта и д-ра М. М. Гальберштама. В. О. Губертъ принялъ на себя обязанности казначея правленія съѣзда и секретаря по внѣшнимъ оффиціальнымъ сношеніямъ съѣзда, а М. М. Гальберштамъ—секретаря правленія.

Въ послѣдующемъ изложеніи я постараюсь быть по возможности объективнымъ и познакомить читателя съ наиболѣе выдающимися сторонами дѣятельности съѣзда. Періодическая печать, не исключая и медицинской, сомнѣвалась въ успѣхѣ съѣзда, не предполагая, чтобы въ сравнительно короткое время собралось достаточное количество дѣятелей и научныхъ трудовъ по этой сравнительно узкой спеціальности. Сверхъ ожиданія оказалось иначе: число заявленныхъ предложеній еще до открытія съѣзда было 156, а всѣхъ членовъ съѣзда прибыло до 600 чел. Съѣздъ, какъ извѣстно, пріуроченъ къ столѣтію Кавказскихъ минеральныхъ водъ *).

*) Вопросъ объ окончаніи столѣтія Кавказскихъ минеральныхъ водъ еще не вполнѣ выясненъ. При обсужденіи вопроса о томъ, какой годъ нужно признать за годъ празднованія столѣтія, необходимо сначала условиться въ томъ, какой годъ нужно считать за первый годъ существованія этихъ водъ. Вся исторія сношеній Россіи съ Б. Кабардою говоритъ о томъ, что русскіе давно могли знать о существованіи водъ, но письменное указаніе на это не восходитъ далѣе 1717 г. Но какъ бы ни были достовѣрны первыя историческія указанія о существованіи въ Б. Кабардѣ минеральныхъ источниковъ, едва ли врачи должны вести лѣтопись этихъ медицинскихъ учрежденій съ подобныхъ указаній. Еще менѣе основаній вести эту лѣтопись съ какого-либо момента любительскаго пользованія этими водами. Находки Гаазомъ и Нелюбинымъ старыхъ ваннъ на Горячей горѣ говорятъ о томъ, что водами этими пользовались еще въ глубокой древности.

Больше основаній вести лѣтопись съ перваго научнаго описанія источниковъ, каковое было сдѣлано Гюльденштетомъ въ 1771 г. Но и эта точка зрѣнія въ данномъ случаѣ условна. По розыскамъ д-ра Вяземскаго оказывается, что уже въ 1754 году медицинская коллегія имѣла не только описаніе источниковъ горячаго и кислаго, но и химическій анализъ ихъ. Правда, документъ не найденъ между архивными бумагами медицинской коллегіи, но это не значитъ, что онъ можетъ не найтись. Лѣтопись водъ, по нашему мнѣнію, должна начинаться съ того момента, когда воды вводятся въ кругъ медицинскихъ учрежденій. Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока не изучены физико-химическія свойства водъ и не установлены ихъ показанія и противопоказанія, не можетъ быть и рѣчи объ ихъ примѣненіи къ медицинѣ. Разсматривая Кавказскія минеральныя воды съ этой точки зрѣнія, медицинская коллегія, прежде чѣмъ ввести эти воды въ кругъ медицинскихъ учрежденій, командируетъ, начиная съ 1798 года, цѣлый рядъ лицъ для изученія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Исторія этихъ предварительныхъ изслѣдованій чрезвычайно интересна, но входитъ въ ея изложеніе здѣсь не мѣсто. Только съ 1803 г., по указу императора Александра I, признано за Кавказскими водами государственное значеніе: лѣчащіеся больные берутся подъ охрану

Первое торжественное засѣданіе открыто было подъ предсѣдательствомъ его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Павла Александровича, почетнаго президента русскаго общества охраненія народнаго здравія, 12 декабря 1898 г. въ залѣ городской думы. Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда единогласно былъ избранъ министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ. Предсѣдателемъ съѣзда—проф. А. А. Вериго изъ Одессы, товарищами предсѣдателя: проф. О. О. Магутковскій изъ Петербурга, В. В. Подвысоцкій изъ Кіева, А. И. Шербаковъ изъ Варшавы, проф. В. С. Богословскій изъ Москвы, д-ръ В. Н. Дмитріевъ изъ Ялты, В. А. Кабылинъ изъ Пятигорска и секретарями съѣзда: проф. К. Э. Вагнеръ изъ Кіева и д-ръ А. В. Чаушанскій изъ Одессы.

Первое привѣтствіе, послѣ открытія съѣзда Великимъ Княземъ, было сдѣлано въ торжественномъ собраніи министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловымъ. Въ рѣчи своей министръ, между прочимъ, указалъ на весьма важное значеніе занятій съѣзда съ точки зрѣнія какъ государственной, такъ и съ точки зрѣнія административной для самого министерства, подъ вѣдѣніемъ котораго находятся выдающіяся лѣчебныя мѣста, между коими Кавказскія минеральныя воды, снискавшія себѣ особое вниманіе правительства; имъ указано также на многочисленные лѣчебные пункты, разбросанные по различнымъ мѣстамъ Имперіи, изъ которыхъ нѣкоторые обладаютъ выдающимися по составу минеральными источниками, превосходными климатическими условіями, будучи естественными богатствами страны, ждутъ своей будущности. Задача климатологіи, по его выраженію разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, заключается въ изученіи естественныхъ условій этихъ мѣстностей, въ регистраціи климатическихъ ихъ показаній, въ выясненіи тѣхъ пунктовъ, которые представляются наиболѣе подходящими для устройства такихъ санитарныхъ станцій, гдѣ вода и воздухъ, тепло и холодъ одинаково представляютъ свои цѣлебныя свойства на пользу страждущаго человѣчества. Не менѣе мѣтко сдѣлана министромъ оцѣнка значенія бальнеологіи, гидрологіи и геологіи въ разрѣшеніи вопросовъ, намѣченныхъ правленіемъ съѣзда. Несмотря на многочисленныя цѣлебныя богатства Россіи, замѣтилъ онъ, между коими лѣченіе кумысомъ, грязями, составляютъ почти исключительную особенность нашей страны, все-таки значительное количество больныхъ, въ виду жизненныхъ удобствъ, стремятся за границу, увозя съ собою огромныя матеріальныя средства. Министръ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Мы должны стремиться поставить дѣло такъ, чтобы не зачѣмъ было нашему страждущему люду искать здоровья на чужбинѣ, когда природа столь щедро надѣлила насъ

мѣстныхъ войскъ, предписывается приступить къ постройкѣ необходимыхъ медицинскихъ приспособленій, назначается постоянный врачъ при водахъ. Съ 1804 года мы уже имѣемъ оффиціальный отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ о состояніи Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Такимъ образомъ на основаніи этого изслѣдованія нужно признать, что столѣтіе водъ должно праздноваться не въ текущемъ, а въ 1903 году, и, притомъ, на мѣстѣ ихъ нахожденія, т.-е. въ Пятигорскѣ.

всѣми необходимыми для удовлетворенія этой потребности средствами. Слѣдуетъ только облегчить русскимъ людямъ возможность прибѣгать къ нимъ и лѣчиться у себя дома. Это вопросъ не только удобства для большинства нашихъ больныхъ, особенно не обладающихъ средствами для поѣздки за границу, это дѣло не только патріотическое, но вопросъ чисто-экономическій, такъ какъ громадныя денежныя суммы, которыя наши больные ежегодно увозятъ за границу, могли бы способствовать оживленію и процвѣтанію нашихъ курортовъ. Вотъ тѣ широкія задачи, которыя предстоятъ настоящему съѣзду, открытіе котораго я съ своей стороны горячо привѣтствую и занятіямъ котораго почту себя обязаннымъ всячески способствовать не только въ теченіе его сессій, но и для дальнѣйшаго осуществленія и проведенія въ жизнь его постановленій. Искренно желаю полнаго успѣха трудамъ съѣзда, въ лицѣ членовъ котораго наука идетъ навстрѣчу одной изъ самыхъ настоятельныхъ нашихъ потребностей и нуждъ, такъ какъ обезпеченіе народнаго здравія составляетъ коренное условіе поддержанія физической и нравственной мощи русскаго народа, основу его производительной дѣятельности—залога его силы и богатства въ будущемъ».

Послѣ рѣчи министра, проф. *А. И. Лебедевъ,* одинъ изъ членовъ экспедиціи по Черноморскому побережью, въ рѣчи своей, очертивъ значеніе съѣзда, какъ перваго изъ спеціальныхъ съѣздовъ въ Россіи, указалъ на то, что климатотерапія и бальнеотерапія имѣютъ преимущественное право на обособленное положеніе среди другихъ медицинскихъ доктринъ, въ виду сомнѣнія, все болѣе и болѣе устанавливающагося въ цѣлесообразности лѣкарственнаго способа лѣченія. Съ этой точки зрѣнія физическимъ методамъ лѣченія предстоитъ несомнѣнно въ будущемъ широкое развитіе. Далѣе профессоръ обратилъ вниманіе на богатство Россіи климатическими станціями и на такія лѣчебныя средства, которыми мы можемъ по справедливости гордиться передъ иностранцами, какъ-то: кумысъ, грязи и лиманы. Въ заключеніе онъ высказалъ убѣжденіе, чтобы дружной и согласной работой и объективнымъ отношеніемъ къ дѣлу удалось доказать русскому обществу, какія цѣлебныя богатства дала намъ природа, и пробудить къ нимъ тотъ интересъ, который они заслуживаютъ.

Послѣ привѣтствія членовъ съѣзда городскимъ головою, послѣдовала рѣчь предсѣдателя правленія *Л. Б. Бертенсона* на тему *Оздоровляющія и терапевтическія силы природы.* Очертивъ вкратцѣ развитіе современной медицины, онъ подробно изложилъ гигіеническое значеніе физическихъ факторовъ лѣченія, какъ свѣта, воздуха, почвы и воды, сдѣлавъ притомъ сравнительную оцѣнку того и другого изъ физическихъ методовъ лѣченія. Въ то же время онъ указалъ на важность значенія пользованія этими могучими средствами на научномъ основаніи, сравнительно съ примѣненіемъ ихъ неспеціалистами и знахарями. Торжественное засѣданіе закончилось чтеніемъ адресовъ и привѣтствій отъ различныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ.

Научныя занятія съѣзда по различнымъ спеціальностямъ начались 13 де-

кабря. На первомъ планѣ постановлено было обсужденіе вопросовъ о пригодности Черноморскаго края для лѣтнихъ и зимнихъ климатическихъ станцій. Докладъ сдѣланъ былъ 3-мя членами экспедиціи, спеціально командированными для изученія этого края за нѣсколько мѣсяцевъ до съѣзда, съ цѣлью изученія мѣстностей для климатическихъ станцій. Въ особенности обиленъ новыми наблюденіями докладъ проф. *Воейкова — О климатѣ Черноморскаго побережья.* Докладъ его, имѣющій быть отдѣльно напечатаннымъ, открываетъ новыя, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныя мѣстности побережья, между которыми «Красная Поляна», по своимъ орографическимъ и климатическимъ условіямъ, рекомендуется какъ лучшее мѣсто для лѣтнихъ станцій. Центральное положеніе «Красной Поляны», обиліе лѣса и минеральныхъ источниковъ, при сооружаемыхъ въ настоящее время удобныхъ путяхъ сообщенія съ побережьемъ, по мнѣнію докладчика, можетъ служить превосходнымъ мѣстомъ для устройства санаторій. Этому обстоятельству, несомнѣнно, способствуетъ защищенность мѣстности отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и невысокое положеніе надъ моремъ—2,000 фут., дѣлающее пребываніе въ «Красной Полянѣ» возможнымъ даже и въ зимнее время. Помимо этой мѣстности по побережью имъ указаны не менѣе удобные пункты для климатическихъ станцій. Сообщеніе Воейкова, сдѣланное имъ въ извлеченіи, составляетъ довольно объемистый трудъ и, несомнѣнно, вноситъ цѣнный вкладъ въ науку.

Второй изъ членовъ экспедиціи, проф. *Пастернацкій,* спеціально указалъ на нѣкоторые пункты побережья, которые онъ считаетъ наиболѣе удобными для намѣченной экспедиціею цѣли. Особенно удобными для зимнихъ климатическихъ станцій, вслѣдствіе защищенности ихъ отъ вѣтровъ, оказываются Туапсе, Сочи и Сухумъ, которые уже пользуются всеобщей извѣстностью. Изъ мѣстностей мало населенныхъ, но вполнѣ подходящихъ къ условіямъ климатическихъ станцій, онъ указалъ на урочище Учдере, Перемыкинскую дачу на р. Хостѣ, тѣснину Гагры, а также мѣстности, расположенныя по рѣкѣ Шахе, какъ наиболѣе пригодныя для зимнихъ климатическихъ станцій. Далѣе, какъ бальнеотераневтическая станція, имъ отмѣчено урочище Цуцуюкъ, котловина Звондраши и Красная Поляна, съ ея обильными и разнообразными источниками. Удобнымъ мѣстомъ въ качествѣ морскихъ купаній имъ признаны селеніе Кабардинка близъ Новороссійска и Геленджикская бухта. Проф. Пастернацкій возстаетъ противъ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія опасности отъ лихорадокъ. Не отрицая самаго факта существованія ихъ по побережью, онъ считаетъ возможнымъ ослабить это зло культурой края и соединенной съ нею дренировкою почвы, указавъ на существующіе примѣры оздоровленія мѣстности этимъ путемъ. Мнѣніе его вызвало оживленныя пренія, но съѣздъ, тѣмъ не менѣе, не пришелъ къ окончательнымъ выводамъ въ этомъ отношеніи.

Третій членъ экспедиціи, горный инженеръ *М. В. Сергѣевъ,* ознакомилъ собраніе съ топо- и орографіею мѣстности, физико-химическими особенностями горныхъ породъ, прѣсными и минеральными источниками. Изъ

его сообщенія особенно цѣнны указанія на почвенныя условія, которыя заслуживаютъ предпочтеніе при выборѣ мѣста для климатическихъ станцій. Это именно почва мергельная, известковая и песчаная.

Однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ, поднятыхъ на съѣздѣ, слѣдуетъ считать предложеніе объ учрежденіи *отдѣльной каѳедры бальнеологіи, гидрологіи и климатологіи*. Доклады по этому вопросу сдѣланы проф. *В. В. Подвысоцкимъ* и *В. С. Богословскимъ*. Вѣскимъ мотивомъ, положеннымъ въ основаніи доклада Подвысоцкаго, является сознаніе необходимости этой новой доктрины среди всѣхъ представителей современной медицины. Силы природы,—говоритъ онъ,—велики, и эффектъ, производимый ими на организмъ, поразителенъ, и что правильное пользованіе этими силами можетъ быть основано лишь на глубокомъ знаніи ихъ и притомъ—только въ рукахъ или подъ руководствомъ врача. Притомъ докладчикъ считаетъ цѣлесообразнымъ совмѣстить преподаваніе бальнеологіи съ другими отдѣлами физіотерапіи. Въ томъ же смыслѣ высказался проф. В. С. Богословскій, но, въ виду обширности входящихъ въ составъ каѳедры предметовъ, счелъ излишнимъ присоединять сюда и физическіе методы лѣченія, уже выдѣленные въ отдѣльныя спеціальности, какъ-то: аэротерапія, массажъ и проч. Отсутствіе преподаванія въ университетахъ гидротерапіи въ связи съ учрежденіемъ водолѣчебныхъ отдѣленій при спеціальныхъ клиникахъ, благодаря незнакомству молодыхъ врачей съ научными принципами этой дисциплины, по его мнѣнію, придаетъ послѣдней характеръ учрежденія любительскаго. Успѣшное развитіе этого терапевтическаго метода, имѣющаго, несомнѣнно, прикладное значеніе, возможно только при совмѣщеніи экспериментальнаго способа изученія въ связи съ наблюденіями у постели больныхъ. Проф. В. Богословскій настаиваетъ поэтому одновременно объ учрежденіи спеціальной клиники при новой каѳедрѣ. Введеніе въ число предметовъ академическаго преподаванія каѳедры бальнеологіи, гидрологіи и климатологіи,—говоритъ проф. Подвысоцкій,—несомнѣнно подниметъ общее медицинское образованіе врачей, дастъ имъ въ руки новое, мало эксплуатируемое до настоящаго времени могущественное орудіе для борьбы съ болѣзнями и въ то же самое время удовлетворитъ новому современному направленію терапіи. Учрежденіе новой каѳедры при университетахъ имѣетъ въ то же время и государственное значеніе: минеральныя воды и другія бальнеологическія приспособленія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ статей народнаго благосостоянія. Потому-то въ этомъ вопросѣ заинтересованы, помимо министерства народнаго просвѣщенія, также и министерство государственныхъ имуществъ и финансовъ. Собраніе, признавъ доводы двухъ докладчиковъ весьма основательными, постановило ходатайствовать въ административныхъ сферахъ объ учрежденіи вышеупомянутой каѳедры.

Большой научный интересъ имѣетъ также докладъ *д-ра Пеля «Объ отношеніи осмотическихъ свойствъ и электро-проводимости минеральныхъ водъ* къ цѣлебному дѣйствію ихъ». На основаніи физическихъ изслѣ-

дованій докладчикъ убѣдился въ томъ, что между натуральными и искусственными минеральными водами существуетъ значительное различіе, обнаруживающееся тѣмъ, что составныя части натуральныхъ водъ безусловно скорѣе всасывается черезъ стѣнки кишекъ, въ сравненіи съ искусственными растворами солей. Наблюденіе это основывается на томъ, что въ натуральныхъ водахъ соли находятся въ диссоціированномъ видѣ, т.-е. въ видѣ такъ называемыхъ іоновъ. Изслѣдованія д-ра Пеля въ этомъ направленіи произведены съ источниками Боржомскими и Ессентуками, причемъ оказалось, что воды эти обладаютъ громаднымъ количествомъ двигательной энергіи. Обстоятельство это имѣетъ серьезное значеніе въ процессахъ усвоенія и вещественнаго обмѣна. Съ этой точки зрѣнія терапевтическое примѣненіе минеральныхъ водъ получаетъ новое и весьма существенное научное значеніе.

Изъ 38 докладовъ, назначенныхъ на вечернее засѣданіе того же дня, заслушено только 8. Между ними доклады *д-ровъ В. Е. Предтеченскаго и Л. А. Зильберберга* привлекли особое вниманіе собранія. По опытамъ перваго, произведеннымъ надъ сакскою грязью, оказывается, что черная вязкая грязь изъ озера превращается на воздухѣ постепенно въ сѣрый, хрупкій порошокъ, который въ свою очередь подъ слоемъ прѣсной воды снова переходитъ обратно въ черную массу. Напротивъ, подъ слоемъ концентрированной рапы этого превращенія не бываетъ. Объясненіе этому факту докладчикъ даетъ слѣдующее: свѣжая грязь по его изслѣдованіямъ содержитъ по крайней мѣрѣ 5 микроорганизмовъ, изъ которыхъ одинъ выдѣляетъ аминныя соединенія, другой—сѣроводородъ, а третій—превращаетъ сѣрнокислыя соли желѣза въ коллоидальный гидратъ сѣрнистаго желѣза, который по изслѣдованіямъ проф. Вериго, пропитываясь солями и другими частями грязи, сообщаетъ ей характерную вязкую консистенцію. Изслѣдованія д-ра Предтеченскаго, помимо научнаго значенія, имѣютъ важный практическій интересъ. Сакское озеро дѣлится на двѣ части; въ первой—концентрація рапы не бываетъ выше 13° по Beaumé, а во второй части, предназначенной для грязелѣченія, концентрація никогда не спускается ниже 16,5°, а иногда доходитъ до 26. Въ этой второй части озера новообразованіе грязи, очевидно, не происходитъ, — здѣсь имѣется уже созрѣвшая грязь. Въ первой же части озера, со слабою концентраціей рапы, грязь въ лѣтнее время еще не пригодна для употребленія, но въ ней-то, очевидно, происходитъ самый процессъ образованія ея.

Другой докладчикъ *Зильберберъ*, при своихъ изслѣдованіяхъ надъ одесскими лиманами, пришелъ приблизительно къ тѣмъ же выводамъ, но допускаетъ, что процессъ образованія грязи въ лиманахъ есть процессъ періодическій и прекращается въ зимнее время и въ жаркое лѣто, вслѣдствіе усиленія концентраціи рапы. Сообщенія обоихъ докладчиковъ вызвали, по важности затронутыхъ вопросовъ, оживленныя пренія.

Въ тотъ же вечеръ заслушаны были доклады *д-ра Покровскаго о лѣченіи глинянными ваннами*, отличающимися дешевизной, общедоступностью,

примѣнимостью во всякое время года, при одинаковомъ съ грязями терапевтическомъ дѣйствіи, и докладъ *Г. А. Либава* на тему: «*Можетъ ли быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, отождествляемо дѣйствіе ваннъ при естественной лѣчебной грязи съ ваннами приготовляемыми изъ веществъ подходящихъ къ нимъ по консистенціи*». Пренія по этимъ докладамъ не выяснили значенія горячихъ глиняныхъ ваннъ и возможности замѣнить ими грязевыя, въ виду недостаточнаго числа наблюденій, послужившихъ основаніемъ для выводовъ докладчиковъ, и вопросъ остался открытымъ.

Докладъ *д-ра Филипповича* «*О необходимости регулированія уровня одесскихъ лимановъ путемъ притока морской воды*» заслушанъ съ неменьшимъ интересомъ. Д-ръ Филипповичъ указалъ на несомнѣнный фактъ омеленія нашихъ лимановъ при одновременномъ усиленіи концентраціи рапы,—обстоятельство имѣющее громадное значеніе для будущаго. Поэтому въ виду возможности высыханія лимановъ, бывшихъ когда-то морскихъ заливовъ, онъ предлагаетъ раціональную мѣру, а именно спеціально устраиваемые шлюзы, дающіе возможность по временамъ пополнять лиманы морскою водой.

Послѣднимъ докладомъ въ этотъ вечеръ было сообщеніе *д-ра А. Г. Куркутова* «*Озеро Широ*», Минусинскаго округа, Енисейской губ. Сдѣлавъ подробное топографическое описаніе озера, докладчикъ представилъ анализъ воды, изъ котораго видно, что по составу вода принадлежитъ къ горько-солено-щелочнымъ водамъ и высказалъ сожалѣніе, что въ настоящее время пользованіе ими, при существующихъ тамъ безпорядкахъ и отсутствіи жизненныхъ средствъ, весьма ограничено.

Утреннее засѣданіе 14 декабря посвящено было главнымъ образомъ докладамъ *д-ра Кабылина*, отъ имени русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ «*О солено-щелочномъ источникѣ № 17 въ Ессентукахъ*» и докладу *проф. Н. А. Веніаминова* «*О приморскихъ санаторіяхъ для дѣтей, страдающихъ рахитомъ и хирургическимъ* (?) *туберкулезомъ*». Докладъ д-ра Кабылина состоялъ изъ 3-хъ частей: 1) изъ гидрологической части составленной горнымъ инженеромъ Ругевичемъ; 2) заключенія мѣстной коммиссіи о положеніи № 17 и 3) дополненія общества къ этимъ заключеніямъ. Съѣздъ выслушавъ подробное изложеніе вопроса съ гидрологической и бальнеологической точки зрѣнія въ связи съ временнымъ измѣненіемъ состава источника и появленіемъ въ немъ нежелательныхъ примѣсей (органическихъ веществъ—сѣроводорода), не счелъ себя компетентымъ высказаться по этому вопросу въ опредѣленномъ смыслѣ и принялъ докладъ къ свѣдѣнію, мотивируя это тѣмъ, что для рѣшенія вопроса требуется близкое знакомство со многими чисто-мѣстными условіями.

Проф. Веніаминовъ въ докладѣ своемъ указалъ на распространенность рахита и туберкулезнаго пораженія костей у дѣтей, требующаго помимо хирургическаго воздѣйствія еще въ большей степени климатическаго лѣченія. За границей уже давно для такого рода больныхъ устроены многочисленныя приморскія санаторіи. Выгода этого рода учрежденій понятна, такъ какъ а) этимъ

самымъ представляется возможность дешеваго и раціональнаго лѣченія туберкулезныхъ и рахитиковъ; b) съ устраненіемъ изъ города первыхъ и съ ихъ выздоровленіемъ уменьшаются шансы на распространеніе туберкулеза среди населенія и c) освобождаетъ массу занятыхъ хрониками кроватей въ больницахъ, предоставляя свободныя мѣста для острыхъ заболѣваній. Признавая положеніе докладчика вполнѣ цѣлесообразнымъ и современнымъ, съѣздъ не согласился, однако, съ необходимостью устройства санаторій для сѣверянъ исключительно на берегу Балтійскаго моря и призналъ желательнымъ устройство подобныхъ санаторій по побережьямъ также и южныхъ морей.

Пятигорское Бальнеологическое общество, черезъ своего представителя д-ра В. А. Кабылина, внесло въ съѣздъ предложеніе—признать *за Кисловодскомъ качество зимней климатической станціи*. Мотивомъ для этого соображенія послужили климатическія особенности Кисловодска: весна въ немъ холодная, поздняя и дождливая, даже въ іюнѣ идутъ частые дожди; іюль и августъ отличаются днемъ пріятной теплотой, а ночи прохладныя. Ранняя осень до конца года считается наиболѣе удобнымъ временемъ для пребыванія въ Кисловодскѣ. Зимніе мѣсяцы (декабрь, январь и февраль) отличаются обиліемъ солнца, малымъ количествомъ осадковъ и отсутствіемъ вѣтра. Облачность меньше, чѣмъ на другихъ группахъ въ теченіе этихъ же мѣсяцевъ. Количество осадковъ меньше, чѣмъ въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ въ теченіе того же времени. По заключенію бальнеологическаго общества Кисловодскъ можетъ служить поэтому для непрерывнаго пребыванія больныхъ въ теченіе 9 — 10 мѣсяцевъ съ 1 іюля по 1 апрѣля или мая. Для чахоточныхъ больныхъ общество предлагаетъ устроить санаторій близъ Кисловодска, въ мѣстности такъ называемой «Красные Камни», которое желательно пріурочить въ пользу управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ. Съѣздъ согласился съ мнѣніемъ пятигорскаго общества и постановилъ ходатайствовать о пріобрѣтеніи въ пользу управленія означенной мѣстности для устройства на ней санаторіи.

Послѣдній докладъ утренняго засѣданія сдѣлалъ проф. гигіены Скворцовъ изъ Харькова: *О теоріи динамизма и приложеніе ея къ гигіенѣ и медицинѣ* *). Докладчикъ во всѣхъ законахъ физики, химіи и біологіи видитъ только проявленіе присущихъ всему органическому и неорганическому міру явленій динамизма. На смѣну господствующей до сихъ поръ термогенной теоріи, по его мнѣнію, должна явиться электрогенная, по которой всѣмъ тѣламъ присущи электриче-

*) Съ этой теоріей публика уже ознакомилась изъ докладовъ, читанныхъ профессоромъ на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ въ 1898 году на секціяхъ астрономіи и гигіэны. Кромѣ того, онъ напечатанъ въ популярной формѣ въ журналѣ *Научное Сбозрѣніе* за 1897 г., № 9, подъ заглавіемъ: *Солнце, земля и электричество*. За недостаткомъ времени на съѣздѣ бальнеологовъ авторъ принужденъ былъ изложить въ самыхъ общихъ чертахъ свою интересную теорію мірозданія, подробности которой въ настоящемъ отчетѣ мы считаемъ невозможнымъ привести, но ограничимся отношеніемъ его теоріи только къ бальнеологіи.

скія явленія, обусловливающія состояніе динамизма. Принимая съ этой точки зрѣнія землю за громадный электромагнитъ, докладчикъ видитъ повсемѣстно въ землѣ развитіе электрическихъ токовъ, а равнымъ образомъ и въ атмосферѣ, и не можетъ понять, почему игнорируютъ этимъ запасомъ электрической энергіи, сводя всѣ физическія явленія на выраженіе одной теплоты и свѣта. Помимо другихъ фактовъ, основанныхъ на проявленіи динамическихъ свойствъ земли, теорія эта открываетъ своеобразное объясненіе дѣйствія натуральныхъ ваннъ и источниковъ. Вода подземная проходитъ черезъ динамизированную землю и потому выходитъ наружу въ динамическомъ состояніи. При захватываніи источниковъ все, что проходитъ черезъ воду, обладаетъ діэлектрическими свойствами; почему примѣненіе металлическихъ ваннъ для бальнеологическихъ цѣлей не раціонально. Въ сущности теорія динамизма подтверждаетъ ранѣе еще высказанную теорію Тана объ іонахъ, который доказываетъ, что въ минеральной водѣ, при надлежащей степени разведенія ея, каждая соль испытываетъ полное распаденіе въ элекролитическомъ смыслѣ, т.-е. содержится въ водномъ растворѣ разложенной на свои іоны. Сами іоны отнюдь не то же, что такъ называемые элементы, или простыя тѣла. Смотря по тому, представляетъ ли іонъ металлъ, или кислотный остатокъ, онъ является вооруженнымъ громадными положительными и отрицательными электрическими зарядами, тогда какъ обыкновенные элементы совершенно безразличны въ электрическомъ отношеніи. Поэтому свойства разъединившихся іоновъ должны кореннымъ образомъ разниться отъ свойствъ обыкновенныхъ элементовъ. Въ чемъ состоитъ эта разница, остается во многихъ отношеніяхъ еще тайной. Но одно, повидимому, можно считать фактомъ: что способность іоновъ къ реакціямъ значительно превосходитъ ту же способность обыкновенныхъ элементовъ; существуетъ даже вѣроятіе, что химическія реакціи вообще возможны только при посредствѣ зараженныхъ электричествомъ іоновъ. Въ заключеніе проф. Скворцовъ высказалъ пожеланіе, чтобы на метеорологическихъ станціяхъ, на-ряду съ нынѣ практикующимися наблюденіями, производились бы также наблюденія надъ атмосфернымъ электричествомъ и земнымъ магнетизмомъ. Докладъ проф. Скворцова, сдѣланный съ рѣдкою убѣжденностью, въ красивой формѣ изложенія, объясняющій явленія природы съ новой точки зрѣнія, произвелъ сильное впечатлѣніе на собраніе и вызвалъ общій апплодисментъ.

Въ вечернемъ засѣданіи 14 декабря заслушенъ былъ докладъ д-ра *В. В. Путилова — Объ озерѣ Иссыкъ-куль, о горячихъ ключахъ и городѣ Пржевальскѣ, находящемся при озерѣ.* Въ общемъ мѣстность, расположенная на высотѣ 4,000 фут., отличается здоровымъ климатомъ, тамъ нѣтъ рахитиковъ и чахоточныхъ. Какъ озеро, такъ и горячіе ключи требуютъ серьезнаго изученія.

Д-ръ *П. П. Еланцевъ* сообщилъ о цѣломъ рядѣ минеральныхъ источниковъ, а также и озерахъ, расположенныхъ въ многочисленныхъ мѣстахъ Томской губерніи. Всѣ они не устроены, мало посѣщаемы, но въ виду пред-

стоящаго оживленія Сибири вообще, съ проведеніемъ магистральной желѣзной дороги, заслуживаютъ полнаго изученія по ихъ цѣлебнымъ свойствамъ.

Д-ръ *Розоновъ* указалъ на серьезныя санитарныя мѣропріятія, уже выполненныя въ теченіе 10 лѣтъ въ Ялтѣ, которыя обошлись городу въ 500,000 руб., обратился къ съѣзду съ просьбою присоединиться къ ходатайству городской думы передъ правительствомъ о матеріальной субсидіи, въ которой городъ нуждается для проведенія прѣсной воды. Существующій водопроводъ, устроенный 10 лѣтъ тому назадъ, не удовлетворяетъ потребности города, а городскихъ доходовъ не хватаетъ для сооруженія очень дорого стоющаго новаго водопровода, безъ котораго существованіе въ Ялтѣ (14,000 ч.) немыслимо.

Какъ примѣръ умѣлаго отношенія къ дѣлу, построеннаго на коммерческихъ началахъ, можетъ служить докладъ д-ра *Ф. Ф. Мольденгауера—О вывозѣ Боржомскихъ водъ*. Экспортъ Екатерининскаго источника увеличился за 9 лѣтъ въ 153 раза, такъ что вывозъ этой воды достигъ слишкомъ 900,000 бутылокъ въ годъ.

Въ виду существующаго взгляда на зимнія санаторіи для чахоточныхъ, на глубокомъ сѣверѣ, д-ръ *К. К. Маркатунъ* привелъ цѣлый рядъ такихъ санаторій по берегамъ Норвегіи и полагаетъ, что то же самое можно бы устроить и у насъ на сѣверѣ.

Вызвалъ общее вниманіе сдѣланный докладъ въ томъ же засѣданіи, д-ра *А. А. Тицнера—О 200-лѣтнемъ юбилеѣ русскихъ минер. водъ*. Докладчикъ предлагаетъ пріурочить его къ одному изъ слѣдующихъ бальнеологическихъ съѣздовъ и почтить память Петра Великаго постановкой ему памятника въ Липецкѣ. Съѣздъ согласился съ предложеніемъ д-ра Тицнера и постановилъ ходатайствовать о наименованіи всѣхъ послѣдующихъ съѣздовъ именемъ Петра Великаго, а празднованіе 200-лѣтія русск. минер. водъ пріурочить къ слѣдующему съѣзду.

Ходатайство д-ра *Артемьева*—о признаніи за горячими тифлисскими ключами значенія лѣчебныхъ источниковъ—было съѣздомъ уважено, но вмѣстѣ съ тѣмъ докладчикъ старался доказать, что Тифлисъ въ то же самое время могъ бы служить климатическою станціей для пребыванія грудныхъ больныхъ съ октября по февраль. Въ климатическомъ отношеніи Тифлисъ за эти мѣсяцы подходитъ къ Мерану и Монтрё. Предложеніе докладчика выдѣлить для этой цѣли изъ города часть мѣстности, засадить ее деревьями, выстроить санаторію, нашло поддержку въ съѣздѣ.

Докладъ д-ра *Сотина—О Кеммернскихъ водахъ*, главнымъ образомъ былъ направленъ на необходимость каптажа двухъ сѣрныхъ эксплоатируемыхъ источниковъ, безъ чего можетъ случиться ихъ полное исчезновеніе; далѣе на осушеніе мѣстности, въ которой расположенъ городъ, для чего крайне необходимо уничтоженіе плотинъ, мѣшающихъ стоку подпочвенныхъ водъ въ море и рѣку Аа. Осуществленіе этихъ мѣропріятій подниметъ высоко значеніе Кеммерна, какъ курорта въ западномъ краѣ, въ которомъ и при настоящихъ неблагопріятныхъ условіяхъ съѣзжаются болѣе 2,000 челов.

Горный инженеръ *К. Ф. Рулевичъ* сдѣлалъ докладъ съѣзду—*О сѣрно-щелочныхъ источникахъ на р. Мацестѣ, близъ Сочи.* По составу источники эти принадлежатъ къ сѣрно-щелочнымъ съ преобладаніемъ поваренной соли и t° 16° R. Кромѣ того вода эта содержитъ въ большомъ количествѣ хлористый кальцій и магній. Климатическія условія мѣстности (средняя t° 13,6 Ц., max. 23,8 Ц. и minimum—4,8), близость къ морю и городу—такого рода условія, которыя благопріятствуютъ устройству въ этомъ мѣстѣ курорта. Господствующая въ этой мѣстности лихорадка можетъ быть устранена съ развитіемъ культуры, вырубки части лѣса, дренажа и проч. Здѣсь же могутъ быть устроены купанья въ рѣкѣ *).

Въ засѣданіи съѣзда 15 декабря сдѣланы были доклады по санитарнымъ вопросамъ, касающимся курортовъ. Первымъ докладчикомъ выступилъ д-ръ *Добржицкій*, который въ общихъ чертахъ представилъ антисанитарное состояніе большинства нашихъ курортовъ. Указалъ, какъ на причину послѣдняго, отсутствіе общихъ санитарныхъ постановленій, въ виду чего докладчикъ требовалъ преобразованія существующихъ порядковъ. По его мнѣнію, нужно издать новый законъ, благодаря которому можно было бы надзирать за дѣятельностію лицъ, могущихъ принести вредъ общественному здравію. Съ докладомъ д-ра Добржицкаго тѣсно связаны слѣдующіе два доклада докторовъ *Н. Г. Фрейберга* и *В. А. Кабылина*. Д-ръ Фрейбергъ указалъ на покровительство закона, гарантирующаго неприкосновенность и охрану источниковъ, но въ то же самое время на отсутствіе спеціальныхъ установленій, обезпечивающихъ санитарное состояніе мѣстности, въ которой находятся источники. Городское положеніе въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе. Городамъ предоставляется широкое право установить форму

---

*) Считаю не лишнимъ здѣсь привести анализъ той же воды, сдѣланный, по моему предложенію, Симономъ Енукадзе подъ руководствомъ магистранта В. Ижевскаго, лаборанта фармакологическаго института въ 1894 г. въ мартѣ мѣсяцѣ.

Вода Мацесскихъ источниковъ была доставлена мною въ институтъ въ 5 бут. емкость 500,0 к. с., взята у источника и тщательно закупорена и засмолена. Вода сохранялась въ институтѣ при 14° R. Удѣльный вѣсъ при 15° R. 1,00677. Количество твердаго остатка при 110° Ц. 7,7675 гр. въ литрѣ. Привожу слѣдующую таблицу анализа:

Al_2O_3	0,205
CaO	0,594
MgO	0,1086
Na	2,404
Cl	4,144
SO_3	0,156
SiO_2	0,001
CO_2	1 8868
H_2S	0,08769

Вода, по моимъ измѣреніямъ, давала въ сутки до 200,000 ведеръ. Во всѣхъ бутылкахъ оказался весьма небольшой хлопьевидный осадокъ буроватаго цвѣта. Количество его составляетъ на литръ 0,0128 грам. Послѣ прокаливанія оказалось нелетучаго остатка 0,005, состоящаго изъ желѣза. Профильтрованная вода сохраняетъ слабо-желтоватый оттѣнокъ. Запахъ сѣроводородный.

учрежденія, вѣдующаго санитарное состояніе города. По мнѣнію докладчика, это право слѣдовало бы распространить и на всѣ лѣчебныя мѣста. Онъ предлагаетъ принять за образецъ санитарно-исполнительный комитетъ со всѣми его прерогативами, учреждаемыми во время эпидеміи холеры, въ составъ коего должны входить врачи, представители полиціи и лица, стоящія во главѣ лѣчебныхъ мѣстъ. Докладъ д-ра Кабылина, на ту же тему, касается исключительно санитарныхъ преобразованій на кавказскихъ минеральныхъ водахъ и въ общемъ сводится тоже къ учрежденіямъ спеціальныхъ санитарныхъ органовъ съ широкими уполномочіями и снабженію соотвѣтствующими матеріальными средствами. Для группъ Желѣзноводской и Кисловодской докладчикъ предлагаетъ введеніе малаго городоваго управленія. Ессентукская казацкая станица должна получить особую санитарную организацію. Всѣ три доклада вызвали самыя оживленныя пренія членовъ собранія. Въ виду разнообразія мнѣній, высказанныхъ по возбужденному вопросу, съѣздъ постановилъ, присоединившись къ мнѣнію д-ра Фрейберга, передать докладъ его въ общество охран. народн. здравія для совмѣстнаго обсужденія со всѣми бальнеологическими обществами въ Россіи и представителями администраціи водъ. Выработанный общими силами проектъ передать въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Послѣ того было заслушено предложеніе *Пятигор. больнеолог. общества*, формулированное д-р. Кабылинымъ—*О научныхъ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ по слѣдующей программѣ, выработанной обществомъ*: а) подробное изслѣдованіе состава крови; б) изслѣдованіе азота, вводимаго и выводимаго (въ мочѣ и калѣ), соотношенія мочевины и недокисленныхъ производныхъ и в) обмѣна сѣры и фосфора; г) изученіе соотношенія между измѣненіями крови и данными обмѣна азота, сѣры и фосфора въ связи съ примѣненіемъ ваннъ и климатическими условіями Пятигорска и т. п. Съѣздъ послѣ многочисленныхъ обсужденій призналъ, что такого рода научныя изслѣдованія на мѣстѣ желательны, но въ то же время предложилъ распространить это постановленіе и на прочіе курорты, если найдутся матеріальныя средства для ихъ выполненія.

Въ противорѣчіи съ докладомъ д-ра Кабылина, отрицающаго всякое значеніе сѣрныхъ ваннъ при распознаваніи скрытаго сифилиса, въ съѣздѣ прочитанъ былъ докладъ д-ра *С. А. Смирнова—О значеніи сѣрныхъ ваннъ въ лѣченіи сифилиса*. Положенія докладчика вкратцѣ слѣдующія: отрицать вліяніе сѣрныхъ ваннъ—значитъ отрицать вліяніе газовъ, солей, электрическихъ токовъ, присущихъ сѣрной водѣ. Изслѣдователи, которые признаютъ, что сѣрныя ванны дѣйствуютъ только своей температурой, не имѣютъ въ пользу своего взгляда ни одного факта, такъ какъ нѣтъ сифилитика, излѣченнаго тепломъ. Сѣрныя ванны содѣйствуютъ выведенію ртути изъ тѣла, и потому мы у сифилитиковъ не боимся отравленія ртутью. Существуютъ и такіе случаи, въ которыхъ сѣрныя ванны могутъ имѣть распознавательное значеніе, особенно при скрытомъ сифилисѣ.

Въ вечернемъ засѣданіи съѣзда выслушанъ между прочимъ докладъ д-ра

Давыдова— Объ отсутствіи въ Забайкальской области чахотки, въ связи съ устройствомъ климатической станціи и о мѣстахъ минеральныхъ источниковъ. Докладчикъ прежде всего очертилъ настоящее состояніе минеральныхъ водъ въ этой области. По офиціальнымъ даннымъ, всѣхъ источниковъ въ этой области насчитывается до 48, между коими пользуются извѣстностью только Туркинскіе, Доросунскіе и Макавѣевскіе. Туркинскіе сѣрн. источники (+35° Ц.) на берегу озера Байкала благоустроеннѣе другихъ, а два остальные, составляя частную собственность, находятся въ первобытномъ состояніи. Доросунскіе источники въ климатическомъ отношеніи пользуются особою извѣстностью: мѣстность защищена отъ вѣтровъ, сухая и свободная отъ лихорадокъ. Щелочныя Макавѣевскія воды, не отличаясь обиліемъ, тѣмъ не менѣе привлекаютъ къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей, но совершенно не устроены. Увѣреніе докладчика объ отсутствіи чахотки въ Забайкальской области, на основаніи преній, не подтвердилось. Напротивъ, мѣстность эта признана совершенно непригодной для пребыванія чахоточныхъ. По свидѣтельству д-ра *Э. Ф. Горбацевича,* тамъ насчитывается до 235 морозныхъ дней, лѣто дождливо и продолжается два мѣсяца, при частыхъ дождяхъ съ паденіемъ t° до 0, а потому начальная форма чахотки здѣсь протекаетъ скоротечно. Въ заключеніе, съѣздъ постановилъ признать за Туркинскими, Доросунскими и Макавѣевскими водами общественное значеніе.

Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ д-ра *А. В. Погожева— Санаторіи и профессіональная гигіена,* въ которомъ послѣ общихъ разсужденій о значеніи санаторій вообще для Россіи докладчикъ особенно подчеркиваетъ устройство санаторій на акціонерныхъ началахъ, при поддержкѣ со стороны правительства, общества и различныхъ человѣколюбивыхъ учрежденій. На-ряду съ благотворительностью для повсемѣстнаго устройства санаторій въ Россіи необходимо изыскать и другіе пути, наприм. привлеченіе къ этому дѣлу монастырей, обществъ взаимопомощи, страхованія жизни, земскихъ и городскихъ учрежденій.

Докладъ д-ра *В. П. Щепотьева* въ общихъ чертахъ сводится къ тѣмъ же выводамъ, но не имѣетъ въ виду исключительно фабричный элементъ. Въ своемъ докладѣ, очертивъ весьма подробно значеніе санаторій для неимущихъ за границею, докладчикъ надѣется, что интересъ, возбужденный въ современной медицинской наукѣ къ этого рода учрежденіямъ, не останется безъ послѣдствій. Надо полагать, что публика и врачи откликнутся на этотъ гуманный призывъ. Чтобы содѣйствовать устройству санаторій въ Россіи, по мнѣнію докладчика, было бы цѣлесообразно учредить въ обѣихъ столицахъ и въ крупныхъ губернскихъ пунктахъ особыя попечительства, задача коихъ заключалась бы въ томъ, чтобъ облегчать органамъ общественнаго управленія, врачебнымъ и благотворительнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ постройку санаторій для неимущихъ чахоточныхъ и оказывать уже основаннымъ санаторіямъ поддержку и помощь.

Къ обоимъ докладамъ съѣздъ отнесся съ живѣйшимъ интересомъ и послѣ преній призналъ необходимымъ, въ связи съ прежнимъ докладомъ

проф. Веніаминова—*О санаторіяхъ для дѣтей*, устройство санаторій по всей Россіи.

Предметомъ остальныхъ сообщеній этого послѣдняго засѣданія д-ровъ *К. Н. Пурица—Къ бальнеологіи сердечныхъ заболѣваній, В. В. Филиппова—О лиманолѣченіи при болѣзняхъ сердца, В. А. Вагнера — О показаніяхъ къ назначенію воды Ессентуковъ № 17 при различныхъ страданіяхъ желудка,* былъ казуистическій матеріалъ, обсужденіе коего вызвало самыя разнообразныя точки зрѣнія. Засѣданіе закончилось въ 2 ч. ночи.

16 декабря, въ 2 ч. дня, послѣдовало торжественное закрытіе съѣзда въ залѣ городской думы. Чрезвычайно обстоятельная, но краткая рѣчь проф. *Верцо* обрисовала современное положеніе вопроса *О состояніи лѣчебно-бальнеологическихъ средствъ Черноморскаго побережья.* Ораторъ изложилъ исторію образованія цѣлебныхъ грязей и указалъ на необходимость изученія богатаго бальнеологическаго матеріала.

Послѣ того прочитаны секретаремъ Чаушанскимъ и утверждены слѣдующія ходатайства съѣзда:

1. По вопросу объ устройствѣ санаторій для чахоточныхъ, съѣздъ, принимая во вниманіе нецѣлесообразность лѣченія чахоточныхъ въ больницахъ, призналъ безусловно необходимымъ устройство спеціальныхъ санаторій повсемѣстно въ имперіи въ размѣрахъ, отвѣчающихъ потребностямъ населенія.

2. Необходимо устраивать на побережьяхъ всѣхъ русскихъ морей приморскія санаторіи и больницы для дѣтей, страдающихъ мѣстнымъ туберкулезомъ и рахитомъ.

3. Желательно устроить климатолѣчебныя станціи на восточномъ берегу Чернаго моря, увеличить въ этой мѣстности число метеорологическихъ станцій и расширить существующія, заняться болѣе детальными медико-топографическими изслѣдованіями мѣстности, въ связи съ эндемическими болѣзнями.

4. Необходимо организовать правильный контроль при устройствѣ фабрикъ и заводовъ въ районѣ курортовъ, обращая при этомъ самое серьезное вниманіе на интересы послѣднихъ.

5. Необходимо учредить самостоятельныя каѳедры по бальнеологіи, гидрологіи и климатологіи, съ клиникой, въ связи съ физическими методами лѣченія.

6. Съѣздъ присоединился къ ходатайству г. Ялты относительно улучшенія водоснабженія, устройства мостовой на набережной и отведенія участковъ свободной земли; ходатайство рѣшено поддерживать передъ министерствами земледѣлія, путей сообщенія и Императорскаго Двора.

7 Признать вполнѣ цѣлесообразнымъ и желательнымъ удовлетвореніе ходатайства херсонскаго губернскаго земства о томъ, чтобы земская грязелѣчебница на Хаджибейскомъ лиманѣ функціонировала въ теченіе всего года.

8. Желательно дальнѣйшее подробное изученіе главнѣйшихъ водъ Забайкальской области, въ видахъ признанія за ними общественнаго значенія.

9. Ходатайствовать передъ министерствомъ земледѣлія объ отчужденіи

мѣстности около такъ называемыхъ «Красныхъ Камней» близъ Кисловодска въ распоряженіе управленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

10. Желательно научное изслѣдованіе на мѣстѣ дѣйствія естественныхъ сѣрныхъ ваннъ при терапіи сифилиса, по программѣ, предложенной русскимъ бальнеологическимъ обществомъ въ Пятигорскѣ.

11. Признать тифлисскіе горячіе сѣрные ключи цѣлебными.

12. Поручить бюро будущаго съѣзда опредѣлить точно время 200-лѣтняго юбилея русскихъ минеральныхъ водъ и впредь именовать бальнеологическіе съѣзды «съѣздами въ память Императора Петра Великаго», какъ основателя первыхъ русскихъ курортовъ.

Секретарь правленія М. М. Гальберштамъ прочиталъ докладъ о дѣятельности съѣзда. Передъ закрытіемъ засѣданія почетный предсѣдатель съѣзда, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. Е. Ермоловъ, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой онъ въ сжатомъ видѣ охарактеризовалъ научную дѣятельность съѣзда, отмѣтивъ выдающееся значеніе нѣкоторыхъ поднятыхъ на немъ вопросовъ; указалъ на важное значеніе Черноморскаго побережья для будущихъ климатическихъ станцій, а также на доклады представителей сибирскихъ областей, познакомившіе съѣздъ съ рѣдкими минеральными богатствами отдаленныхъ уголковъ нашей родины. Министръ придалъ особое значеніе ходатайству съѣзда объ учрежденіи обособленной каѳедры по бальнеологіи, климатологіи и гидрологіи при нашихъ университетахъ и академіи, разъяснилъ важное практическое значеніе устроенной при съѣздѣ бальнеологической выставки, въ которой собраны бальнеологическіе экспонаты со всѣхъ концовъ Россіи, притомъ замѣтилъ, что если Россія не можетъ сравниться въ дѣлѣ бальнеологіи съ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи за границею, то изъ бѣглаго осмотра выставки выносишь убѣжденіе, что мы стоимъ на пути правильнаго и постепеннаго развитія дѣятельности нашихъ бальнеологическихъ и климатическихъ учрежденій и что во многихъ мѣстахъ достигнуты уже весьма хорошіе результаты. Сочувственно высказался за повтореніе съѣздовъ въ ближайшемъ будущемъ и лично отъ себя благодарилъ какъ представителей, организовавшихъ съѣздъ, такъ и всѣхъ членовъ-сотрудниковъ, собравшихся для данной цѣли изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи и принесшихъ свои опыты и свои познанія на пользу дѣла, имѣющаго столь важное общегосударственное и общенародное значеніе, и затѣмъ объявилъ съѣздъ закрытымъ. Второй съѣздъ постановлено собрать въ Одессѣ въ 1901 году.

Итакъ, 1-й съѣздъ по бальнеологіи, климатологіи можетъ считаться удавшимся, но какъ и во всякомъ сложномъ дѣлѣ, такъ и въ данномъ случаѣ всегда найдутся и отрицательныя стороны. Можно указать на многое, что слѣдовало бы предупредить и во всякомъ случаѣ избѣжать въ будущемъ. Мы уже упомянули, что изъ 156 предъявленныхъ докладовъ, не было физической возможности заслушать болѣе 46, хотя утреннія и вечернія засѣданія длились болѣе 5 часовъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что и среди не-

заслушанныхъ, но имѣющихъ быть напечатанными докладовъ, найдутся труды высокаго научнаго значенія. Правда, на второй день засѣданій, въ виду разнообразія и многочисленности докладовъ, сдѣлано было предложеніе о раздѣленіи сообщеній по секціямъ. Собраніе, однако, отклонило это предложеніе, утверждая, что сообщенія по всѣмъ спеціальностямъ съѣзда одинаково интересуютъ всѣхъ членовъ съѣзда. Очевидно, правленіе не предполагало такого обилія матеріала и назначило слишкомъ краткій срокъ для засѣданій. Крайне стѣснительно было правило, обязующее докладчика, во что бы то ни стало, кончать докладъ въ теченіе 15 минутъ, а для оппонентовъ предоставлялось право возражать только въ теченіе 3 минутъ, и только одинъ разъ на каждый докладъ. Понятно, очень многіе доклады не могли быть выслушаны вполнѣ и являлись поэтому далеко не обоснованными. Съ своей стороны, и возражающіе были поставлены въ крайне нелегкое положеніе, будучи прерываемы предсѣдателемъ по истеченіи 3-хъ роковыхъ минутъ. Оппонентъ только что начнетъ развивать свою мысль и долженъ сразу прекратить рѣчь на половинѣ своего обдуманнаго возраженія. Нерѣдко случалось и такъ: получивъ несоотвѣтствующій отвѣтъ отъ докладчика, въ силу тѣхъ же правилъ онъ лишался права самозащиты и казался побѣжденнымъ. Только по временамъ раздававшійся одобрительный возгласъ собранія: «просимъ, просимъ», противъ котораго безсильна была оппозиція предсѣдателя, давалъ возможность разъяснить дѣло до конца. Обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ продолжалось внѣ собранія—въ коридорахъ, гдѣ громко высказывалось общее неудовольствіе противъ установившихся порядковъ вещей и нежеланіе, чтобы то же повторилось и на будущихъ съѣздахъ.

Надо согласиться, что интересъ къ общимъ медицинскимъ съѣздамъ съ каждымъ разомъ падаетъ, и аудиторіи отдѣльныхъ секцій все болѣе и болѣе пустѣютъ и это, намъ кажется, потому, что потеряно довѣріе къ компетенціи вообще съѣздовъ, такъ какъ бо́льшая часть ходатайствъ ихъ остается только на бумагѣ. Спеціальный съѣздъ бальнеологовъ, кажется, обѣщаетъ въ этомъ отношеніи быть исключительнымъ. По характеру самого съѣзда его можно считать научно практическимъ, тѣсно связаннымъ съ вопросами экономическихъ свойствъ и въ то же время имѣющими государственное значеніе. Надо разсчитывать, что поддержка въ правительственныхъ сферахъ, выразившаяся на съѣздѣ, тому служитъ гарантіей.

Въ заключеніе позволю себѣ сдѣлать краткую оцѣнку бальнеологической выставки, пріуроченной къ съѣзду. Попытка собрать экспонаты нашихъ лѣчебныхъ мѣстъ уже была сдѣлана проф. В. Богословскимъ при сотрудничествѣ д-ра А. А. Бѣляева въ Москвѣ во время XII международнаго съѣзда, въ зданіи Фармакологическаго института Московскаго университета. Насколько эта выставка имѣла успѣхъ, тому свидѣтельствуетъ уже напечатанный о ней отзывъ въ университетскомъ отчетѣ за 1898 г. Намъ съ удовольствіемъ пришлось убѣдиться, что многіе изъ экспонатовъ, бывшіе на этой выставкѣ, снова появились и умножились, на выставкѣ

при съѣздѣ, но особенно богатствомъ матеріала, строго-научною систематикой въ размѣщеніи экспонатовъ щеголяла выставка одесскаго городского управленія и одесское бальнеологическое общество: богатѣйшая библіотека общества, флора, фауна, минералы, геологія и химія, топографія картъ, метеорологія и множество другого собрано и сгруппировано съ величайшею тщательностью. Послѣ этого заслуживаетъ вниманія выставка пятигорскаго бальнеологическаго общества и управленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ, состоящая изъ многочисленныхъ картъ, модели штольни Баталинскаго горькаго источника, разрѣзы и планы Пятигорья и проч. Особый интересъ вызвало библіографическое собраніе по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, сдѣланное, по порученію общества, Т. П. Вяземскимъ. Выставленныя книги, числомъ до 200, исчерпываютъ почти всю литературу Кавказскихъ минеральныхъ водъ, начиная съ 1771 года. Нѣкоторыя изданія не только древнія, но и позднѣйшія, теперь составляютъ несомнѣнно библіографическую рѣдкость, какъ-то: Палласъ, Гюльденштетъ, Гаазъ, Эйхвальдъ, Дюбуа-де-Монпёре, Нелюбинъ, Конради, Баталинъ, рукопись отчета Жюль Франсуа. Среди многочисленныхъ картъ, мы нашли карту мѣстности района минеральныхъ водъ, помѣченную 1793 г. и проч. Старая Русса выставила модели зданій и кабинъ; Липецкія—планы, фотографіи; Сакская грязелѣчебница—модели знаменитыхъ лепешечныхъ ваннъ и фотографій; Тинаки, Друскеники, Бускъ, Славянскъ, Цехоцинскъ, Гапсаль выставили въ свою очередь иллюстрированные снимки, планы, модели бальнеологическихъ учрежденій, разсолы минеральныхъ водъ, флору, фауну и проч., и, притомъ, въ обиліи и образцовомъ порядкѣ. Но входить въ подробную оцѣнку ихъ въ виду предѣла статьи, назначенной для отчета, мы не можемъ. Выставка еще разъ доказала несомнѣнный прогрессъ въ развитіи нашихъ отечественныхъ курортовъ, и мысль объ устройствѣ постоянной выставки съ научно-педагогическою цѣлью намъ является очень желательной.

В. Богословскій.

Индуска-романистка *).

Европейцы вообще мало интересуются событіями Индіи, кромѣ англичанъ, цивилизація которыхъ укрѣпилась въ ней съ помощью двухъ двигателей: образованія и обращенія въ христіанство.

Молодая женщина, съ которой мы хотимъ познакомить читателей, есть продуктъ англійской цивилизаціи. Она христіанка и принадлежитъ къ той высшей кастѣ, которая хотя до сихъ поръ находится въ тѣни, но призвана играть значительную роль въ развитіи современнаго индусскаго общества. Въ ней нѣтъ геніальныхъ чертъ, но мы должны быть признательны вдохновенію, внушившему ей описать ея жизнь, такъ какъ именно ея жизнь лучше всего освѣщаетъ намъ вліяніе, внесенное Западомъ въ расы, религію и культуру Индіи.

Но, прежде всего, мы должны опредѣлить положеніе ею занимаемое въ ея собственной странѣ. Мистрисъ Сатіанадганъ хотя первая индуска романистка, но не первая воспользовавшаяся англійскимъ языкомъ. Болѣе 25 лѣтъ тому назадъ уже обратила на себя вниманіе бенгалійка Тарю Дюттъ, обладавшая поэтическимъ и артистическимъ талантами. Дочь богатаго ученаго, Тарю Дюттъ была очень хорошо образована для того времени и прекрасно владѣла англійскимъ и французскимъ языками. Въ 1869 году она пріѣхала съ своей сестрой Арю въ Европу. Послѣ 4-лѣтняго пребыванія во Франціи, въ Германіи и Англіи обѣ молодыя дѣвушки вернулись въ Бенгалъ, и хотя христіанки, но заперлись въ суровыя стѣны Zenanas.

Литературныя произведенія Тарю Дюттъ, стихи и переводы, ею подписанные, появились въ Bengali-Magazine, но читатели думали, что подпись была псевдонимомъ писателя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Уже послѣ ея смерти (въ 1877 году) справедливость была возстановлена англійскимъ критикомъ Госсомъ въ Examiner, а во Франціи г. Тёррье указывалъ на нее въ статьѣ, посвященной переводчикамъ французскихъ поэтовъ въ журналѣ *Revue des Deux Mondes,* 1 fevrier 1877. Она умерла 21 года.

Прошли года, прежде чѣмъ произведеніе, принадлежавшее перу индус-

*) *M-elle Menant*: „Revue chrétienne".

ской женщины вновь возбудило интересъ. Въ 1890 г. въ *Christian college magazine* появилась повѣсть *Saguna* *) написанная м-съ Сатіанадганъ. Эта повѣсть была не чѣмъ инымъ какъ описаніемъ собственной жизни автора, гдѣ она въ скромной автобіографіи дала вѣрную картину чувствъ и мыслей индусской дѣвушки, подчиненной христіанскому вліянію. Позднѣе появилась *Kamala* **). На этотъ разъ авторъ знакомитъ насъ съ жизнью индуски, не обращенной въ христіанство и не подчинившейся иностранному вліянію.

Намъ кажется, что краткая жизнь м-съ Сатіанадганъ достойна быть описанной, особенно когда во Франціи и Россіи готовится переводъ ея сочиненій. Крюпабаи Сатіанадганъ умерла 32 лѣтъ въ 1894 г. Ея произведенія, сдѣлавшись извѣстными въ Англіи и Америкѣ, распространились въ Даніи и Германіи и переведены на туземные языки, въ томъ числѣ на талмудскій, и, такимъ образомъ, могли проложить себѣ путь въ глубь непроницаемыхъ Zenanas и, быть можетъ, возбудили у затворницъ если не литературныя произведенія, то, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ свободѣ.

I.

Крюпабаи Сатіанадганъ была 13-й въ семьѣ, гдѣ было 14 человѣкъ дѣтей. Она родилась въ 1862 году, въ Амеднагарѣ, въ одномъ изъ кирпичныхъ домиковъ, покрытыхъ плоскими крышами, похожихъ на тѣ, которые встрѣчаются въ Деканѣ. Ея родители были первыми брамапами президентства Бомбея, принявшими христіанство, послѣ чего отецъ ея посвятилъ себя миссіонерству. Это была большая жертва съ его стороны, такъ какъ когда индусъ высшей касты мѣняетъ вѣру своихъ отцовъ, то лишается семьи, друзей, состоянія и уваженія. Въ своей «Автобіографіи» м-съ Сатіанадганъ знакомитъ насъ съ исторіей этого обращенія, и это одно изъ лучшихъ мѣстъ книги ***): «Молодая браминка Рада жила съ своимъ старикомъ отцомъ въ родномъ городѣ Шивагунга, настоящей столицѣ древней Индіи, со множествомъ церквей, расположенныхъ по горамъ, съ живописными домами и буддистскими гротами, ютившимися въ сосѣднихъ лѣсахъ и служившими въ прежнія времена убѣжищемъ для Rishis и Bairagis ****). По индусскому обычаю, Рада въ дѣтствѣ была обручена съ молодымъ брамапомъ Гарипунтомъ изъ сосѣдняго селенія. Когда будущая свекровь, богатая и суровая на

*) *Saguna*: „A story of native christian life, by an indian Lady, with an introduction by M-rs R. S. Benson". Мадрасъ, 1891 г. Эта книга посвящена м-ру Григу. M-rs Benson, написавшая къ ней предисловіе, жена S. Benson, члена палаты въ Мадрасѣ. Второе изданіе появилось въ 1895 г.

**) *Kamala*: „A story of hindy life by M-rs Satianandhan, author of Saguna, with an introductory memoir by M-rs H. B. Grigg". Мадрасъ, 1894 г. (посвящено Lady Weniock).

***) Главы II, III, IV.

****) Шивагунга есть собственно Назикъ, въ прежнія времена столица Пейшваговъ, считавшаяся священнымъ городомъ. Богомольцы туда и теперь стекаются массами, и это есть центръ христіанскаго миссіонерства.

видъ женщина, нашла, что пришло время пріучить Раду къ семейной дисциплинѣ, то она пріѣхала за ней. Дѣвочка покорно послѣдовала за незнакомкой, но разставалась съ тяжелымъ чувствомъ съ больнымъ отцомъ и съ еще очень маленькимъ братомъ, и со страхомъ при мысли о пріемѣ, который ей будетъ оказанъ будущимъ супругомъ, о существованіи котораго она до сихъ поръ почти не знала. Когда паланкины остановились передъ роскошнымъ bungalow, Рада узнала въ приблизившемся привѣтствовать прибывшихъ красивомъ юношѣ высокаго роста, со строгимъ и правильнымъ профилемъ, своего будущаго супруга, встрѣчи съ которымъ она такъ боялась. Гарипунтъ удовольствовался только однимъ быстрымъ высокомѣрнымъ взглядомъ, брошеннымъ на дѣвочку, какъ будто она не была достойна его вниманія, и Рада послѣдовала за своею свекровью во внутреннія комнаты дома.

Весьма понятно, что индусъ равнодушенъ къ супругѣ, предназначенной ему законами касты и повелѣніями Joshi (астрологъ). Что ему до супруги, съ которой ему даже почти нельзя будетъ говорить, и которая подъ контролемъ свекрови станетъ для него, когда придетъ время, женою только въ физическомъ смыслѣ? Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, была еще другая причина, почему Гарипунтъ не былъ настроенъ для празднества прибытія невѣсты: онъ былъ наканунѣ очень важнаго рѣшенія, и слѣды заботъ и безпокойства отразились на немъ. Войдя въ сношенія съ миссіонерами, серьезно изучивъ различныя религіи, онъ призналъ преимущества христіанскаго ученія и рѣшилъ слѣдовать Божественному Учителю.

Эти страницы въ автобіографіи прекрасно написаны. Въ нихъ видна борьба образованнаго индуса высшей касты, почитателя Shastras, который волнуется, страдаетъ, молится, и новая вѣра торжествуетъ только послѣ сильной борьбы, изъ которой онъ хотя и выходитъ побѣдителемъ, но, отвергнутый собственной семьей, становится причиной волненій, вызванныхъ партіей правовѣрныхъ. Гарипунтъ устоялъ передъ мольбами своей матери, гордой браминки, своей маленькой супруги, до того времени застѣнчивой и покорной, но ставшей вдругъ смѣлой и запальчивой передъ ужасомъ ея неразрывнаго брака съ ренегатомъ. По требованію магистрата или слѣдовать за мужемъ къ миссіонерамъ, или возвратиться къ свекрови, первымъ побужденіемъ Рады было исполнить послѣднее; но, представивъ себѣ тотъ стыдъ и ужасъ, которые ощущаетъ индуска при мысли покинуть мужа, она, растерянная, безсознательная, рѣшается слѣдовать за вѣроотступникомъ въ христіанское селеніе. При появленіи передъ миссіонерами ея рѣшеніе вновь колеблется, но передъ глазами молодой дѣвушки понемногу встаетъ супругъ, не просто индусъ, равнодушный и чувственный, но христіанинъ, влюбленный въ душу своей супруги, желающій ее сдѣлать своею навѣки; маленькая супруга-язычница, подкупленная такой чистой любовью, поняла, что она выше тѣхъ чувственныхъ наслажденій, которымъ ее до сихъ поръ учили, и въ ней проснулась духовная жизнь.

«Неужели вы можете сомнѣваться въ томъ, что Богъ любитъ васъ?—

говорилъ ей Гарипунтъ. — Нельзя судить о Его любви по земной! Богъ одинаково неизмѣнно любитъ васъ, какъ эти горы!» Потомъ онъ говорилъ ей, какъ Богъ можетъ сдѣлать слабаго — сильнымъ и изъ послѣдняго изъ людей — первымъ въ государствѣ. «Для этого достаточно только вѣровать въ Него», говорилъ онъ, и сердце Рады исполнилось надежды и любви.

Съ этого времени жизнь обоихъ супруговъ протекала счастливо и покойно; большая семья, воспитанная съ необыкновенной простотой, какъ подобало дѣтямъ миссіонера, выросла вокругъ нихъ. Крюпабаи говоритъ: «Мы одѣвались въ самыя странныя одежды, тутъ были смѣшаны моды европейскія и туземныя, но если роскоши недоставало, то воспитаніе было прекрасное, образованіе тщательное, и годы такимъ образомъ проходили плодотворно, до тѣхъ поръ, пока миссіонеръ не былъ призванъ къ Богу». Тогда дѣти покорно перешли подъ опеку старшей сестры, унаслѣдовавшей отъ отца твердость духа и ума, который, умирая, указалъ горюющей матери на эту дочь, какъ на ея поддержку и покровительство, вопреки индійскимъ обычаямъ. Вліяніе этой замѣчательной дѣвушки на семью и на окружающихъ было велико. Крюпабаи находила самое большое удовольствіе, держась рукой за складки sari старшей сестры, слушать ея патетическіе разсказы изъ Новаго Завѣта. Вліяніе ея брата Баскера было еще сильнѣе на ея нравственную сторону.

Еще съ раннихъ лѣтъ у нея была наклонность къ образованію и часто по вечерамъ, когда ея братья учили латынь, математику и алгебру, она бродила вокругъ стола, гдѣ они занимались, чтобы хотя на лету уловить кое-какіе отрывки.

Мать ея, несмотря на принятіе христіанства, осталась приверженной мѣстнымъ обычаямъ и не раздѣляла ея стремленій, находя, какъ настоящая индуска, что обязанности дѣвушки должны ограничиваться только кухней,—общая участь каждой женщины современной Индіи. Братъ помогъ Крюпабаи восторжествовать надъ этими отсталыми идеями; онъ былъ для нея не только терпѣливымъ учителемъ и строгимъ руководителемъ, но во время вакацій и товарищемъ, присоединяясь къ ея веселымъ играмъ, сопровождая ее въ дальнія прогулки по красивымъ горамъ Назика.

Bungalow, гдѣ вся семья проводила лѣто, находился въ узкой и уединенной улицѣ, въ концѣ которой былъ прудъ, и въ его тихой водѣ отражался храмъ, построенный на его берегу. Нѣсколько уродливыхъ деревьевъ раскинули свои искривленныя вѣтви надъ небольшой развалившейся стѣной и тѣнь отъ нихъ падала до ступеней лѣстницы, ведущей къ пруду. Домъ этотъ, не похожій на всѣ его окружающіе, былъ защищенъ банановымъ деревомъ, которое во время расцвѣта скрывало почти весь фасадъ, а вьющіяся растенія обвивали балконъ зеленой и легкой занавѣсью настолько, что во время грозы ни дождь, ни вѣтеръ не мѣшали жителямъ, скрытымъ, такъ сказать, въ рощѣ зелени, и внѣшній міръ имъ былъ виденъ только сквозь листья и цвѣты, по которымъ струилась вода *).

*) *Sagina*, стр. 86.

Крюпабаи провела самые счастливые годы своей жизни въ этомъ уголкѣ; страницы, посвященныя ему, наполнены лучшими воспоминаніями о времени, проведенномъ въ немъ съ братомъ. Баскеръ былъ одаренъ нѣжной и чувствительной душой, — результатъ христіанства и европейской цивилизаціи въ Индіи, — даже слишкомъ нѣжной и чувствительной для жизненной борьбы. Онъ умеръ еще очень молодымъ, полный вѣры въ будущую жизнь. Одинаковые характеры и вкусы еще болѣе соединяли брата и сестру. Ихъ послѣдняя прогулка описана Крюпабаи и навсегда запечатлѣлась въ ея памяти *): «Я вспоминаю, — говоритъ она, — о вечерѣ, когда мы съ Баскеромъ убѣжали изъ дома при восходѣ звѣздъ, для того, чтобы взобраться на вершину сосѣдней горы и взглянуть еще разъ на тѣ мѣста, которыя намъ были такъ дороги. Сначала мы ничего не различали, кромѣ остроконечныхъ вершинъ, но вскорѣ картина измѣнилась. Взбираясь во время густого тумана по холму передъ нашимъ домомъ, мы воображали, что покидаемъ дѣйствительный міръ и проникаемъ въ незнакомую область. Когда мы достигли вершины, мы были поражены величіемъ, которое открывалось передъ нашими глазами. Намъ представилось, что мы вступаемъ въ высшій міръ, откуда видны были смертные на далекомъ разстояніи. Цѣпь облаковъ съ ея тѣнями, грустная и темная, похожая на огромную птицу съ распущенными крыльями, парила надъ нашими головами, а земля, какъ бы заснувшая въ бѣлизнѣ тумана, разстилалась у нашихъ ногъ, какъ громадное море. Ласкающій свѣтъ звѣздъ, казавшійся намъ страною грёзъ, окружалъ пейзажъ, а надъ густымъ туманомъ вырѣзывались остроконечности сосѣднихъ величественныхъ и суровыхъ горъ, походившія на грозные пальцы, указывающіе намъ на небо. Видъ такъ странно преобразившагося міра, божественная красота и тишина этой сцены приковывали насъ помимо нашей воли. Братъ мой былъ такъ же, какъ и я, потрясенъ этой картиной и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Вотъ мѣсто, гдѣ уже много лѣтъ тому назадъ, при точно такомъ же зрѣлищѣ, я рѣшилъ вести чистую и святую жизнь. О, какъ мы ее прожигаемъ! Обѣщай мнѣ, что ты посвятишь свою жизнь на славу Бога, всю на славу Бога!» Мы были одни, — одни только съ Богомъ, — на вершинѣ горы; мы упали на колѣни и молились».

Крюпабаи была сильно потрясена смертью брата; для того, чтобы ее отвлечь отъ горя и для продолженія образованія ее отвезли въ Бомбей къ миссіонеркамъ. О своей жизни въ школѣ она разсказываетъ съ большимъ интересомъ, умомъ и добродушіемъ. Ей очень нравилась среда, которая познакомила ее съ жизнью европейцевъ и между тѣмъ не измѣнила ея привычекъ дѣтства.

Въ это самое время она познакомилась съ американкой, женщиной-врачомъ, оригинальность и силу характера которой она прекрасно описываетъ въ автобіографіи (стр. 195). Намъ неизвѣстно имя этой молодой

*) Тамъ же, стр. 82 и 83.

женщины, одной изъ тѣхъ агентовъ, которыхъ американскій комитетъ уже столько лѣтъ посылаетъ въ Индію и которыя принесли столько пользы въ дѣлѣ образованія *). Съ этими смѣлыми женщинами мы мало знакомы, и дать понятіе европейскому читателю о такомъ типѣ было бы однимъ изъ любопытнѣйшихъ современныхъ психологическихъ этюдовъ. Подруга Крюпабаи была лишена граціи, упряма, строго исполняла свои обязанности, проповѣдуя религіозныя, независимыя вѣрованія и ни съ кѣмъ не сходилась. Эта женщина имѣла несомнѣнное вліяніе на молодую ученицу Mission School, но вліяніе молчаливое, выказывающееся только пожатіемъ сильной руки, одолженіемъ книги или изрѣдка совѣтомъ (стр. 198). Она дала понятіе Крюпабаи о тяжеломъ положеніи ея сестеръ индусокъ со стороны медицинской помощи и о томъ, какое благодѣяніе можно было бы оказать тѣмъ несчастнымъ, которыя, столько лѣтъ запертыя въ Zenanas, не могутъ имѣть помощи ни отъ кого, кромѣ какъ отъ туземной повивальной бабки; часто даже въ деревняхъ, когда нельзя прибѣгнуть и къ повивальной бабкѣ, обращаются къ черной жительницѣ горъ, почти всегда больной, снѣдаемой лихорадкой, раздѣтой, съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ изорванный шарфъ и носящей на головѣ всѣ свои цѣлительныя травы. Несчастная женщина всегда голодна и продаетъ свои лѣкарства за кусокъ Dalhat или горсть рису **). Она даже не взглянетъ на больную, продаетъ свои травы и, если Богъ допуститъ, больная исцѣлится.

И вотъ женщина-врачъ доказала своей подругѣ, насколько благодарна и—скажемъ больше—священна медицинская карьера женщины въ Индіи и насколько допущеніе туземокъ служащими въ больницахъ необходимо.

Читатели уже знакомы со смѣлою мараткой, браминкой Анандибаи Жозее, которая почти въ то же время занималась тою же задачей и рисковала жизнью для разрѣшенія ея ***). Крюпабаи, какъ христіанкѣ, не пришлось столько бороться съ предразсудками касты, но ей предстояло не менѣе препятствій, такъ какъ ни одна женщина высшей касты не имѣла права показываться публично ****). Она уже собиралась ѣхать въ Англію, какъ въ 1867 г. правительство допустило женщинъ на публичныя лекціи въ медицинскую школу. Христіанки-туземки, англичанки и американки тотчасъ же подали туда прошенія. Крюпабаи между ними была одной изъ первыхъ туземокъ. Призваніе ея было побѣдой надъ ея слабымъ организмомъ. Она рѣшилась покинуть Бомбей и пуститься въ далекій путь; послѣ 3-хъ дневнаго путешествія, переѣхавъ черезъ Деканъ, она достигла Мад-

*) См. въ *Calcutta Review* сочиненіе m-s M. A. Баллей окт. 1877, „The National indian Association for supplying female medicale aid to the women of India. A history of medical work done prior to the organisation of the Association".

**) *Malabari*: „Gujarat and the Gujaratis", стр. 237—38.

***) См. ея „Жизнь" написанную m-s Caroline Healey Dall. Бостонъ, 1888.

****) On medical women for India, docteur Frances Hoggan. Contemporary Review aôut, 1888.

раса. Газлуку со своими родными и маратскою страной она перенесла безропотно; мы обращаемъ вниманіе на это потому, что индіецъ сильно страдаетъ отъ перемѣны мѣста, даже въ своей собственной странѣ.

Разсказъ въ автобіографіи о ея путешествіи полонъ чувства и правды; сцена разставанія съ родными очень трогательна.

Въ Мадрасѣ ее встрѣтилъ старикъ Рев. В. О. Сатіанадганъ, другъ ея семьи, которому она была поручена на время ея пребыванія въ Мадрасѣ. Въ этомъ пасторѣ и его достойной супругѣ она нашла все то, что ожидало ея сердце, полное симпатіи и преданности. В. О. Сатіанадганъ былъ браманъ, принявшій христіанство.

Когда Крюпабаи предстала передъ профессорами въ медицинской школѣ, то они также какъ и старикъ Сатіанадганъ съ удивленіемъ смотрѣли на эту хрупкую и нѣжную дѣвушку, которая рѣшилась пріѣхать одна изъ Магараштра и которая пренебрегла всѣми предстоящими трудностями для достиженія своей цѣли. Ея поступленіе въ школу вызвало сенсацію между студентами.

«Школа, въ которую меня привели,—пишетъ она въ автобіографіи,—была большимъ зданіемъ, въ стѣнахъ котораго звучало эхо отъ раздававшихся шаговъ студентовъ по каменному полу. Колоколъ звонилъ въ то время, какъ я поднималась по ступенькамъ, ведущимъ въ большую залу. Я почувствовала ужасъ при видѣ полокъ, шкафовъ, переполненныхъ книгами и инструментами. Я накрыла голову своимъ sari и крѣпко закуталась въ шаль, когда увидѣла, что общее вниманіе было обращено на меня. Когда мы проходили мимо аудиторій, я слышала возгласы: «Это живая Zenana, правовѣрная браминка, gosha woman». Сѣдой профессоръ очень дружелюбно освѣдомился о моемъ возрастѣ, онъ сомнѣвался въ моихъ способностяхъ пройти курсъ наукъ и предложилъ мнѣ приготовиться къ экзамену. Мнѣ дали толстыя книги и ввели въ аудиторію; но я не ожидала, что двѣ сотни глазъ будутъ устремлены на меня. Студенты при моемъ появленіи закричали «hourrah» и несмотря на то, что профессоръ ихъ сдерживалъ при видѣ моего смущенія, тишину нельзя было возстановить въ продолженіе цѣлой четверти часа.

Крюпабаи посѣщала лекціи 2 года и блистательно сдала экзамены *). Какъ въ товарищахъ, такъ и въ профессорахъ она оставила по себѣ воспоминаніе, полное уваженія. Но ея здоровье принудило ее отказаться отъ намѣренія ѣхать въ Англію для усовершенствованія знаній и ея талантъ долженъ былъ проложить себѣ новый путь.

Встрѣча съ Самуил. Сатіанадганъ, сыномъ ея уважаемаго покровителя, вернувшагося изъ Англіи, гдѣ онъ провелъ 4 года въ Кембриджскомъ университетѣ, измѣнила ея взглядъ на замужство. Она ранѣе не хотѣла вступать въ бракъ. Она жаждала независимости, свободы, для того чтобы посвятить

*) Въ 1895 г. 30 января комитетъ подъ предсѣдательствомъ Lady Wenlock собрался въ Gouvernement-House въ Мадрасѣ для того, чтобы почтить память Крюпабаи Сатіанадганъ; мусульмане и христіане присутствовали на немъ, и семь тысячъ рупій было подписано для устройства капитала въ Medical College имени молодой женщины.

себя всецѣло умственному труду. Ей казалось, что замужство лишало женщину ея иниціативы, отнимало права и обрекало на жизнь, наполненную исключительно одними мелкими интересами. Можетъ быть, она и права, такъ какъ въ Индіи счастливые браки рѣдки съ моральной точки зрѣнія. Образованному индусу бракъ даетъ жену равнодушную, чуждую его занятіямъ. А образованная туземка избѣгаетъ брака изъ-за вкоренившихся обычаевъ касты и расы. Въ данномъ случаѣ Крюпабаи и Сам. Сатіанадганъ стояли на одной степени развитія. Чувство обоюднаго уваженія и довѣрія вскорѣ смѣнилось самою сильною привязанностью.

Въ автобіографіи очень поэтично описана встрѣча ея съ Сам. Сатіанадганъ, ихъ помолвка, и здѣсь оканчивается ея исповѣдь и мы будемъ пользоваться свѣдѣніями, данными намъ Сам. Сатіан.—Крюпабаи послѣ своего замужства жила около 2-хъ лѣтъ въ Утакамундѣ, посреди чудной природы, вдыхая чистый воздухъ горъ, напоминавшихъ ей Деканскія, и чувствовала себя перерожденной. Она искала случая приносить пользу, и начала учить въ Zenanas, также какъ и въ Hobart-School, и ей удалось сгруппировать вокругъ себя нѣсколько маленькихъ мусульманокъ. Первое сочиненіе, ею написанное, она послала въ South Indian Observer: A visit to the Todas, которое появилось за подписью An indian Lady *). Написать этотъ очеркъ вызвала ее одна прогулка, предпринятая ею въ одну изъ ближайшихъ деревень въ воскресенье вечеромъ, когда звонъ церковныхъ колоколовъ призывалъ правовѣрныхъ къ службѣ и звукъ ихъ далеко распространялся въ воздухѣ. Всегда склонная къ меланхоліи, она была поражена искренностью и достоинствомъ маленькихъ дикарокъ, ее сопровождавшихъ, и посвятила нѣсколько страницъ этимъ дѣтямъ.

Въ этомъ очеркѣ Крюпабаи выражала желаніе, чтобы они не довѣрялись своимъ европейскимъ друзьямъ! За этимъ сочиненіемъ слѣдовало нѣсколько другихъ.

Въ 1884 г. Крюпабаи поѣхала съ мужемъ въ Раджамундри, но климатъ его ей былъ вреденъ. Гибель корабля, на которомъ она ѣхала, причинила ей опасную болѣзнь, отъ которой она долго не могла оправиться. Она послала еще нѣсколько статей въ National Indian Journal и въ Magazines.

Слѣдующій годъ она провела въ Кумбаконамѣ, въ центрѣ образованія богатой области Танжоръ, гдѣ здоровье ея улучшилось.

Здѣсь только она сама сознала свой талантъ; она любила разсказывать и заинтересовывала своихъ слушателей. Она пробовала писать стихи, но только много позднѣе она побѣдила трудности англійскаго словоударенія и размѣра **).

---

*) Тоды самое интересное племя изъ пяти поселившихся въ Нильжирисѣ: тоды, бадагасы, котасы, курумбасы и струтасы. Ошерлони описываетъ ихъ высокими ростомъ, хорошо сложенными и съ атлетической силой; они занимаются скотоводствомъ, говорятъ на смѣшенномъ нарѣчіи. Держатся многожства, ихъ религіозныя воззрѣнія самыя элементарныя, но они вѣрятъ въ загробную жизнь.

**) См. „Miscellaneous writings“. Мадрасъ, 1896 г. Самое лучшее ея стихотворе-

Въ 1886 г. Сам. Сатіанадганъ былъ вызванъ въ Мадрасъ въ качествѣ помощника директора департамента народнаго образованія, но затѣмъ ему предложили каѳедру логики и философіи въ Presidenci College, которую онъ съ успѣхомъ занимаетъ и теперь. Онъ непосредственно былъ подчиненъ м-ру Григу *), а Крюпабаи еще во время своего пребыванія въ Medical College познакомилась съ женой м-ра Грига, и въ это время ихъ отношенія стали совершенно дружескія. Мы отчасти обязаны м-съ Григъ публикаціей «Автобіографіи», потому что она посовѣтовала Крюпабаи попробовать написать большое сочиненіе, давъ ей понять, что ея писательскій талантъ не хуже Пандиты Рамабаи, издавшей High Caste Woman. Вскорѣ первая глава Saguna была написана Крюпабаи, а затѣмъ напечатана въ «Crist College Magazine». Она искренно и непринужденно описала въ ней себя, ничего не скрывая. Это исключительный случай, такъ какъ индуска очень молчалива, молчаніе ей вмѣнено въ обязанность; иногда оно составляетъ ея прелесть, иногда же наоборотъ. Въ индійскомъ театрѣ первый любовникъ нетерпѣливо восклицаетъ: «Во имя всего, что ты любишь, не заговоришь ли ты?» «Какъ я сумѣю, господинъ мой»?—отвѣчаетъ дѣвушка, и она права, она не умѣетъ говорить, ее учили молчать. Пандита Рамабаи почти ничего не разсказала о себѣ, она едва коснулась своей интимной жизни, тогда какъ было бы интересно прослѣдить за ней, начиная съ дѣтства, проведеннаго въ Гатскихъ лѣсахъ, и ея кочевой жизни до Оксфорда у Макса Мюллера, наконецъ, посреди ея маленькихъ вдовъ въ Пуна.

Анандибаи-Жозее, женщина-врачъ, была еще непроницаемѣе; она дѣлится съ читателемъ только очень краткими мыслями; но она осталась индуской и браминкой, и ея не коснулась европейская цивилизація.

М-съ Сатіанадганъ, напротивъ, не побоялась говорить и въ этомъ отношеніи она западница. Страстная, жгучая, сотканная вся изъ воображенія и чувства, она обладала темпераментомъ романистки. Жаждавшая любви, она не имѣла въ ней недостатка. Она нашла ее въ отношеніяхъ къ ней ея брата, въ самой чистой дружбѣ своего вотчима, уважаемаго пастора, наконецъ, она была любима своимъ мужемъ самой преданной любовью. Она не знала ни отчаянія, ни разочарованія; и всѣ эти нѣжныя отношенія оставили въ ней глубокій слѣдъ и отразились на ея существованіи: вліяніе брата на ея умственную жизнь, Рев. Сатіанадганъ—на ея обученіе медицинѣ, мужа—на ея талантъ. Все, что она любила и чувствовала, она могла описать, ничего не скрывая.

Она относилась очень строго къ злоупотребленіямъ; даже миссіонерамъ пришлось познакомиться съ правдивостью ея натуры. Описаніе ею христіанской деревни полно сатирическихъ чертъ, и она имѣла на это право, какъ дочь обращеннаго, пострадавшаго за новую вѣру. Но м-съ Григъ увѣряла,

---

ніе есть „The Gradle Song“ въ Kamala. Крюпабаи была очень больна и разстроена послѣ потери единственной дочери, когда она диктовала эти стихи мужу.

*) Умеръ въ Кошинѣ отъ тифа въ 1895 г. 53-хъ лѣтъ. Въ то время онъ былъ политическимъ резидентомъ въ Траванкорнѣ.

что удары, ею наносимые, были сильнѣе, чѣмъ она этого хотѣла, отъ того, что ей не вполнѣ были знакомы оттѣнки англійскаго языка. М-ръ Сам. Сатіанадганъ же утверждалъ, что его жена имѣла цѣлью въ своихъ описаніяхъ передать приключенія неразвитыхъ обращенныхъ и нѣкоторые случаи злоупотребленій, происходившіе среди общества людей недостаточно цивилизованныхъ, находящихся подъ опекой посредственнаго начальства.

Всѣ описанія природы относятся къ гористымъ мѣстностямъ Назика и Агмеднагара, отличаются меланхоліей и переданы въ смягченныхъ контурахъ и скромныхъ краскахъ. Несмотря на то, что солнце при восходѣ ударяетъ въ городскіе священные куполы, при своемъ зенитѣ наводняетъ свѣтомъ равнины, при заходѣ окрашиваетъ горизонтъ въ пурпуровый цвѣтъ, мы не поражены и не ослѣплены этимъ, какъ это часто случается при описаніяхъ европейцевъ. Эту меланхолическую черту приписывали болѣзненному состоянію молодой женщины, но можно признать также, что индуски вообще не склонны къ радостямъ, и что улыбка у нихъ граничитъ со слезами.

Критики сравнивали языкъ разсказчицы съ языкомъ Жана Остейнъ, а это—большая похвала.

Вскорѣ послѣ публикаціи «Автобіографіи» у Крюпабаи родилась дочь, которая умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія, и съ этого времени молодая женщина хотя наружно была спокойна и покорно переносила потерю, но видимо ослабѣвала. Напрасно ея мужъ, предполагая, что перемѣна воздуха могла быть ей полезна, увезъ ее въ Бомбей къ роднымъ; по возвращеніи въ Мадрасъ она должна была поступить въ Madras-Hopital, чтобы прибѣгнуть къ только что открытому средству, на помощь котораго она надѣялась, но болѣзнь ея оказалась неизлѣчимой, и она приняла это извѣстіе съ обычной кротостью и безропотностью.

Въ короткое время она потеряла вотчима и свекровь, примѣрную жизнь которыхъ она поторопилась описать, послѣ чего она начала романъ *Kamala*, который она писала отрывками, часто даже диктуя своему мужу во время сильныхъ приступовъ лихорадки.

Kamala есть романъ чисто индусскій, многіе находятъ, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошелъ романъ *Saguna*: въ немъ больше таланта изложенія, больше замысла въ планѣ. Мы видимъ опять Шивагунга съ его храмами и прудами. На вершинѣ горы виднѣется тонкій профиль горюющей дѣвочки, стерегущей возвращеніе отца, въ то время, какъ изъ глубины сосѣдняго святилища идолъ смотритъ въ пространство неподвижнымъ и глубокимъ взоромъ. Первая часть очень эффектно изложена. *Kamala* не долго остается со старымъ аскетомъ, вскорѣ она выходитъ замужъ и затѣмъ уѣзжаетъ въ жилище мужа. И здѣсь начинается описаніе домашней жизни состоятельныхъ брамановъ; борьба, ссоры между дочерьми и женами сыновей, соединенныхъ подъ властью матери, къ которымъ мужья относятся равнодушно, такъ какъ они не смѣютъ возвысить голосъ въ защиту своихъ маленькихъ женъ; сплетни, даже преступленія, скрываемыя

непроницаемостью въ Zenanas, жертвоприношенія въ храмахъ, дальнія поломничества—все это описано живо и читается съ интересомъ.

Можно ли повѣрить, что этотъ романъ написанъ въ университетскомъ городѣ и что дѣйствіе происходитъ въ 100 мил. отъ англійскаго вліянія? Въ Англіи есть много фантастическихъ разсказовъ объ индусской жизни, но едва ли можно придавать имъ вѣры, потому что трудно узнать, что происходитъ въ Zenanas тому, кто не переступалъ его порога; надо быть не только индусомъ, но и принадлежать къ той кастѣ, которую описываешь, такъ какъ касты между собой не сообщаются, да и въ кастѣ нѣтъ связи внѣ семьи. М-съ Сатіанадганъ могла вѣрно и правдиво описать семейныя драмы, потому что ея мать была индуской и принадлежала къ кастѣ ею описанной *).

Въ романѣ *Kamala* она выставила молодую вдову необыкновенной кротости, которая при жизни ея мужа много потерпѣла отъ женщины, вторгнувшейся въ ея семейную жизнь и отнявшей у нея сердце ея мужа, но Kamala осталась вѣрной тому, кто пренебрегъ ею, даже послѣ его смерти, удалила отъ себя родственника, къ которому она чувствовала симпатію, предалась благотворительности и умирая оставила по себѣ имя, уважаемое въ округѣ.

Хотя вторичные браки разрѣшены закономъ, но правовѣрные возстаютъ противъ нихъ, и общественное мнѣніе неохотно подчиняется этому нововведенію. Супругъ для индуски есть единственное пристанище, руководитель, божество, царь, которому она должна остаться вѣрной и въ будущей жизни.

Въ *Ramayana*, Sita проситъ разрѣшенія слѣдовать за нимъ въ лѣса,—она находитъ, что ей будетъ тамъ лучше, чѣмъ въ дворцахъ; скитаясь съ нимъ по пустынямъ, ей будетъ казаться тысяча лѣтъ за одинъ годъ; наконецъ, жить съ нимъ въ аду кажется ей раемъ счастья! И хотя м-съ Сатіанадганъ была христіанкой, но она вспомнила о Sita и своихъ подругахъ. При чтеніи ея романа, чувствуешь, что она дочь касты, женщины которой съ твердостью взошли бы на костры, чтобы слѣдовать за своими мужьями! И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ женщинѣ, которою даже руководитъ христіанская религія, можетъ проявиться прежній идеалъ, такъ сильно укоренившійся.

Романъ *Kamala* былъ частью написанъ въ Нильжирисѣ въ Канорѣ **), красивой мѣстности, не уступающей Утакамунду; кусты розановъ, геліотропа, бересклета обрамляютъ дороги и наполняютъ сады благоуханіемъ. М-съ Сатіанадганъ пріѣхала туда въ надеждѣ, что горный воздухъ вернетъ ей силы, но надежды ея не оправдались, и въ 1894 г. она умерла.

В. П—ая.

---

*) Въ видѣ исключенія можно указать на M-rs Anna Steel, которая издала нѣсколько очень искреннихъ и правдивыхъ очерковъ, между ними: *Anna Stuart's Legacy.*

**) Въ 12 миляхъ отъ Утакамунда, въ прекрасной мѣстности, главной санаторіи президентства. Много путешественниковъ туда стекаются. Главный контингентъ жителей составляютъ плантаторы чая.

Исторія одной судебной ошибки.

Въ исторіи человѣческихъ страданій нѣтъ несомнѣнно ничего ужаснѣе судебной ошибки. Сознаніе того, что можетъ быть осужденъ и наказанъ невинный человѣкъ, заставляло законодателя уже въ самыя отдаленныя времена относиться особенно щепетильно къ суду, устанавливать, сообразно понятіямъ времени, извѣстныя гарантіи для подсудимаго и требовать отъ судей возможно осторожнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Карлъ Великій въ своихъ «Missi» писалъ: «Пусть никогда судья не осуждаетъ кого бы то ни было, если онъ не увѣренъ безусловно въ справедливости своего приговора; пусть никогда не судитъ онъ о человѣкѣ на основаніи презумпцій... нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе ужаснаго и несправедливаго, какъ осужденіе невиннаго на основаніи однихъ случайныхъ предположеній». Вольтеръ въ «Dictionnaire philosophique», комментируя эти слова Карла Великаго, писалъ: «Какъ! для того, чтобы повѣрили въ справедливость какой-нибудь геометрической теоремы, отъ насъ требуютъ безусловныхъ доказательствъ; а для того, чтобы лишить человѣка жизни, путемъ самыхъ ужасныхъ мученій, довольствуются одними предположеніями и косвенными уликами!» «Пока остается хотя тѣнь сомнѣнія,—писалъ Миттермайеръ,—нѣтъ и не можетъ быть обвинительнаго приговора!»

Осуществились ли теперь эти теоретическія пожеланія? На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, приходится отвѣчать отрицательно. Приговоры современнаго суда еще очень далеки отъ той математической точности и достовѣрности, которой требовали Вольтеръ и Миттермайеръ, и судебныя ошибки случаются въ дѣйствительности даже гораздо чаще, чѣмъ предполагаютъ. Имена Калласа, Лезюрка, Филиппи, Во, Дрейфуса и др. сдѣлались нарицательными, а сколько тысячъ несчастныхъ, погибшихъ совершенно безвинно, остались неизвѣстными и позабытыми!

Въ обществѣ сложилось убѣжденіе, что судебныя ошибки случаются чаще всего во Франціи; убѣжденіе это совершенно неправильно; судебныя ошибки чаще всего, дѣйствительно, выплываютъ наружу во Франціи: благодаря широкой свободѣ слова, полному равенству всѣхъ гражданъ передъ закономъ, усовершенствованному законодательству, дающему много способовъ возста-

новлять истину, во Франціи чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было обнаруживается ошибка правосудія и—сколько это въ предѣлахъ человѣческой власти—правда и справедливость возстановляются. По количество судебныхъ ошибокъ въ другихъ странахъ нисколько не меньше, если не болѣе, чѣмъ во Франціи; только тамъ онѣ возстановляются и исправляются гораздо рѣже, а потому до насъ и не доходятъ. А между тѣмъ каждая обнаруженная судебная ошибка является несомнѣнно прекраснымъ урокомъ для человѣчества и заставляетъ его осторожнѣе обращаться съ такимъ сложнымъ и тонкимъ аппаратомъ, какъ человѣческое правосудіе.

Въ настоящемъ небольшомъ очеркѣ мы желаемъ разсказать исторію одной такой судебной ошибки, случившейся очень недавно, но почему-то совершенно позабытой, тогда какъ, по трагизму обстановки, по богатству послѣдствій, она заслуживаетъ особеннаго вниманія, и напоминаніе о ней въ настоящее время представляетъ особенный интересъ.

I.

На югѣ Франціи, на самой границѣ съ Испаніей, лежитъ небольшой департаментъ Aude; населеніе его смѣшанное—французы и испанцы; послѣдніе приходятъ сюда на временные заработки, послѣ которыхъ возвращаются обратно въ Испанію. Конечно, испанцы, приходящіе въ Aude искать работы, составляютъ бродячій элементъ, не особенно брезгающій добываніемъ и незаконныхъ средствъ для жизни. Въ 1887 г. въ Испаніи былъ голодъ, поэтому толпы испанцевъ, пришедшихъ искать въ Aude заработковъ, были особенно велики; пропорціонально этому увеличилось и число грабежей, дерзость грабителей достигла громадной степени, и они держали въ паникѣ все населеніе департамента. 26 мая 1887 г. разнеслась по всей мѣстности вѣсть о страшномъ убійствѣ, совершенномъ на большой дорогѣ съ необыкновенною дерзостью. Въ трехъ километрахъ отъ Нарбонны находилась ферма Petit-Condom. Ферма эта стояла на большой дорогѣ, ее арендовали и въ ней жили Доминикъ Прадіесъ, 63-лѣтній старикъ, со своей женою Анной 59 лѣтъ. Въ этотъ день *) старики легли спать у себя въ комнатѣ въ первомъ этажѣ около семи съ половиною часовъ вечера. Едва они улеглись, какъ услышали стукъ въ наружныя двери фермы. Прадіесъ тотчасъ сошелъ внизъ, отворилъ двери и увидѣлъ передъ собою двухъ испанцевъ, Винцента Гилліомета и Іосифа Борраса, которыхъ онъ тотчасъ же узналъ, такъ какъ они оба работали у него на фермѣ всего двѣ недѣли назадъ. Сначала они потребовали у старика, чтобы тотъ имъ далъ работу, когда же онъ отвѣтилъ, что таковой у него нѣтъ, то они бросились на него, схватили за руки и, угрожая ножами, требовали денегъ; когда Прадіесъ категорически отказался дать денегъ, Боррасъ, оставивъ его въ рукахъ товарища, самъ началъ рыться и искать въ мебели, и въ одномъ изъ ящиковъ нашелъ

*) Мы воспроизводимъ картину убійства по обвинительному акту.

563 фр. Прадіесъ не кричалъ о помощи, такъ какъ убійцы грозили ему, при малѣйшемъ движеніи, смертью. Но шумъ, происходившій внизу, разбудилъ старуху Прадіесъ; она сбѣжала внизъ, въ одной рубахѣ съ палкой въ рукѣ; при видѣ происходящаго, она съ крикомъ: «убійца!»—бросилась на Борраса, но послѣдній ударилъ старуху ножомъ съ страшной силой, и продолжалъ наносить удары до тѣхъ поръ, пока она совершенно бездыханная не лежала у его ногъ; въ то же время страшная, смертельная борьба происходила между старикомъ Прадіесъ и Гилліометомъ, который наносилъ ему одинъ за однимъ удары ножомъ, но Прадіесъ былъ очень силенъ, и потому въ концѣ концовъ ему удалось обезоружить разбойника; въ это время Боррасъ сзади нанесъ ему ножомъ ударъ въ спину, и старикъ упалъ замертво. Когда на другой день полиція явилась въ домъ, старикъ еще дышалъ; онъ немедленно былъ перенесенъ въ госпиталь, гдѣ и назвалъ своихъ убійцъ; поэтому полиція немедленно арестовала Борраса и Гилліомета и устроила очную ставку между ними и умирающимъ Прадіесомъ. Когда старикъ ихъ увидѣлъ, онъ сейчасъ же вскрикнулъ: «вотъ, вотъ они убійцы!»—и черезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Это преступленіе произвело въ странѣ страшное волненіе: депутаты южныхъ департаментовъ обратились къ правительству съ запросомъ, почему впускаютъ въ предѣлы Франціи столько безпаспортныхъ бродягъ; и только обѣщаніемъ принятія энергичныхъ мѣръ и примѣрнаго наказанія виновныхъ министерство Рувье могло отвѣтить на интерпелляцію. Общественное мнѣніе требовало быстраго и грознаго наказанія виновныхъ; на судъ въ данномъ дѣлѣ смотрѣли какъ на излишнюю формальность, такъ какъ убійцы были признаны самимъ умирающимъ Прадіесомъ. Слѣдствіе поэтому велось быстро, энергично, и въ очень короткое время былъ составленъ обвинительный актъ, и дѣло было назначено къ слушанію 12 августа 1887 г. въ выѣздной сессіи суда въ Aude. Предсѣдателемъ былъ назначенъ извѣстный своей суровостью совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Монпелье Raisin. Подсудимыхъ было трое, такъ какъ слѣдствіе напало на слѣды еще третьяго участника этой драмы, испанца Вилларубіа (Villarubia); всѣмъ подсудимымъ были назначены защитники. Небольшая зала суда не могла вмѣстить десятой доли желающихъ; почти всѣ парижскія газеты прислали своихъ корреспондентовъ. Слѣдствіемъ былъ добытъ обширный матеріалъ: такъ, относительно Винцента Гилліомета было указано, что многіе свидѣтели видѣли его въ день преступленія около семи часовъ вечера около вокзала Нарбонны направляющимся вмѣстѣ съ двумя испанцами по направленію къ Petit-Condom; около восьми часовъ вечера тѣ же свидѣтели видѣли двухъ изъ нихъ направляющимися поспѣшно по той же дорогѣ обратно. Вилларубіа, арестованный вмѣстѣ съ Гилліометомъ въ тотъ моментъ, когда они намѣревались перейти французскую границу, никакъ не могъ объяснить слѣдователю, какъ онъ провелъ время между 7 и 8 часами вечера 25 мая, и всѣ его разсказы, по провѣркѣ, оказывались лживыми; ножъ, найденный въ квартирѣ Прадіесъ, всѣми свидѣтелями былъ

признанъ за ножъ Гилліомета; Боррасъ никакъ не могъ доказать своего alibi. Но, помимо всѣхъ этихъ свидѣтельствъ и указаній, какъ говоритъ въ заключеніе обвинительный актъ, «одного свидѣтельства Прадіеса на ложѣ смерти, въ этотъ торжественный часъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы признать, что Винцентъ Гилліометъ и Іосифъ Боррасъ совершили страшное убійство въ Petit-Condom». Такъ какъ у членовъ суда и жюри было полное убѣжденіе въ виновности всѣхъ трехъ подсудимыхъ, то предсѣдатель направлялъ слѣдствіе такимъ образомъ, чтобы сократить дебаты, которые велись черезъ переводчика, такъ какъ подсудимые совершенно не знали французскаго языка.

Всѣ трое подсудимыхъ не признали себя виновными; въ особенности горячо отстаивалъ свою неприкосновенность Боррасъ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ перваго діалога между нимъ и президентомъ суда.

Президентъ. Подсудимый, вы обвиняетесь въ томъ, что совершили убійство въ Petit-Condom; что вы можете объяснить по этому поводу?

Боррасъ. Меня приняли, вѣроятно, за кого-нибудь другого.

Вопросъ. Что вы можете возразить противъ свидѣтельства Прадіесъ?

Отвѣтъ (съ энергіей). Кляпусь Богомъ! Онъ ошибся.

В. Это вы убили жену Прадіеса и украли 563 фр.?

О. Нѣтъ.

В. Во время очной ставки, Прадіесъ васъ узналъ... Съ точки зрѣнія отвѣтственности вы наиболѣе виновный, такъ какъ вы не только убили, но еще и совершили грабежъ.

О. Я очень мало зналъ Прадіеса, а жены его никогда и не видалъ.

В. Вы, однако же, работали въ Petit-Condom?

О. Да, нѣсколько дней.

В. Какъ вы провели день преступленія?

О. Я долженъ былъ идти работать въ Гарригу, но шелъ дождь, и я туда не пошелъ. Въ 6 часовъ я вернулся домой съ моимъ братомъ и моимъ кузеномъ. Моя жена тоже вернулась тогда съ работы. Всѣ вмѣстѣ мы сѣли ужинать; въ 8 часовъ мы вышли прогуляться, а въ 9 я уже спалъ.

В. Но однако у судебнаго слѣдователя вы показывали совершенно не то: вы говорили, что вернулись домой послѣ семи часовъ. Значитъ, слѣдователь говоритъ неправду?

Боррасъ ничего не отвѣтилъ, но Гилліометъ сказалъ: *совершенно вѣрно: онъ не всегда говоритъ правду!*

В. Что вы дѣлали на другой день?

О. Я всталъ въ пять часовъ утра, для того, чтобы пойти работать въ Гарригу къ одному домовладѣльцу изъ d'Armissan.

В. Вы желаете доказать alibi (отсутствіе). Однако на первомъ допросѣ вашъ двоюродный братъ показалъ, что 26 мая вы не вернулись къ обѣду. Потомъ онъ измѣнилъ свое показаніе; *но присяжные оцѣнятъ этотъ фактъ!*

О. Если мой двоюродный братъ сказалъ, что я не вернулся домой, то онъ ошибся; въ настоящее время онъ говоритъ правду; еслибъ я совер-

шилъ преступленіе, я бы бѣжалъ; между тѣмъ, какъ вы видите, я остался въ Нарбоннѣ.

В. Вы остались въ Нарбоннѣ—да! Но зачѣмъ же ваша жена и вашъ братъ уѣхали въ Испанію?

О. Жена моя отправилась навѣстить свою больную мать, а братъ поѣхалъ за деньгами.

В. Разскажите про ваши отношенія къ Гилліомету; по свѣдѣніямъ полиціи, вы постоянно были неразлучны.

Боррасъ. Я его почти не знаю!

Гилліометъ. Клянусь Богомъ, ложь, что я часто посѣщалъ Борраса.

В. Если вы не совершили преступленія, то кто же его совершилъ?

О. Одинъ человѣкъ, по имени Исидоръ, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ одного испанца, извѣстнаго ему подъ именемъ «рябого», который около городской ограды сбрасывалъ свои окровавленные сапоги, чтобы замѣнить ихъ другими.

В. Кто же, вы предполагаете, могъ бы быть этотъ «рябой»?

О. Я не могу никого указать.

В. Во время предварительнаго слѣдствія вы говорили: «я не знаю, кто былъ этотъ рябой, но весьма возможно, что это былъ Винцентъ Гилліометъ». Это странно.

О. Я никогда ничего подобнаго не говорилъ.

В. Вы не признаете себя виновнымъ въ убійствѣ супруговъ Прадіесъ?

О. Нѣтъ, такъ какъ я невиненъ.

Изъ этого діалога, къ которому мы еще вернемся, читатели уже видятъ, что предсѣдатель былъ твердо убѣжденъ въ виновности Борраса и, выражаясь судейскимъ жаргономъ, «гнулъ» въ сторону обвиненія. Онъ еще откровеннѣе высказался по поводу показаній одного свидѣтеля, который выгораживалъ Борраса и говорилъ, что преступленіе совершено Гилліометомъ и Вилларубіа, совмѣстно съ нѣкіимъ Кастиллонъ, который бѣжалъ въ Испанію.

«Гг. присяжные, — сказалъ предсѣдатель, — оцѣнятъ показаніе этого свидѣтеля, *подкупленнаго, безъ сомнѣнія, семьей Борраса*».

Мучительно медленно тянулась судебная драма: одинъ за другимъ потянулись свидѣтели, показывающіе, что видѣли Борраса и Гилліомета около 8-ми часовъ въ Petit-Condom, что ножъ, найденный при убитыхъ, принадлежитъ Гилліомету; затѣмъ пошли самые грозные для подсудимыхъ свидѣтели, которые присутствовали при послѣднихъ минутахъ Прадіеса и слышали, какъ онъ назвалъ убійцъ.

Защита настаивала на дополненіи слѣдствія, въ виду невыясненія личности и отношенія къ дѣлу Кастиллона и необходимости допроса Исидора. Но судъ, имѣя въ виду положительное и ясное указаніе жертвы преступленія на убійцъ, въ ходатайствѣ отказалъ. Пренія длились недолго. Прокуроръ указалъ, что каковы бы ни были противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей, одного признанія Прадіесомъ въ послѣдній часъ своихъ убійцъ

вполнѣ достаточно. Защита могла возразить противъ этого только, что testis unus—testis nullus (одинъ свидѣтель—не свидѣтель).

Приговоръ, конечно, былъ безусловно обвинительный съ смягчающими вину обстоятельствами для Вилларубіа. Въ силу этого приговора Боррасъ и Гилліометъ были приговорены къ смертной казни, а Вилларубіа къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ. Когда приговоръ былъ произнесенъ, страшный крикъ отчаянія и ужаса раздался въ залѣ—это рыдали отецъ и жена Борраса. Публика привѣтствовала приговоръ аплодисментами.

Кассаціонная жалоба защитниковъ была оставлена безъ послѣдствій, и такъ какъ надежды на помилованіе со стороны президента не было почти никакой, то преступники вскорѣ должны были сложить свои головы на эшафотѣ. Казнь была назначена въ Нарбоннѣ.

Къ счастью для торжества справедливости—это было очень тревожное политическое время, и тогдашній президентъ республики, Жюль Греви, озабоченный собственною участью, отложилъ дѣло Борраса и не торопился дать свою резолюцію. Мѣстная печать, а за нею и столичная напали на Греви, говоря, что онъ долженъ дать поскорѣе отвѣтъ, что онъ не имѣетъ права увеличивать мученій осужденныхъ, такъ какъ ожиданіе казни хуже самой казни. Въ тогдашней періодической печати возникъ по этому вопросу очень оживленный и интересный споръ. Жители Нарбонны тоже упрекали Греви за его медлительность; они готовились къ зрѣлищу смертной казни и ждали его съ нетерпѣніемъ. Отвратительно читать въ тогдашнихъ корреспонденціяхъ изъ Нарбонны въ *Le Courier de l'Aude* объ этихъ приготовленіяхъ; какъ дамы массами приходили къ начальнику тюрьмы, прося дать имъ мѣста поближе.

Между тѣмъ, среди этой вакханаліи неожиданно во всей прессѣ пронеслась вѣсть, что одинъ изъ осужденныхъ, Іосифъ Боррасъ, осужденъ невинно. Узнали про это слѣдующимъ образомъ. Еще во время суда, когда судьи совѣщались о наказаніи, Вилларубіа, обращаясь къ своему защитнику, адвокату Кастель, спросилъ:

— О чемъ совѣщаются теперь судьи?

— Они подыскиваютъ соотвѣтствующее наказаніе,—отвѣчалъ адвокатъ.

— Къ чему я буду присужденъ?

— Вы будете осуждены на десять или двадцать лѣтъ каторжной работы.

— Ну, а другіе?

— Къ смертной казни.

— Даже Боррасъ?

— Да.

— *А его вѣдь тамъ не было.*

Хотя разговоръ происходилъ вполголоса, но тѣмъ не менѣе его разслышалъ присутствовавшій въ судѣ товарищъ прокурора апелляціоннаго суда въ Нарбоннѣ Крозалсъ, который очень внимательно слѣдилъ за дебатами, и далеко не былъ такъ убѣжденъ въ виновности подсудимыхъ, какъ его непосредственное начальство.

Защитникъ Вилларубіа не придалъ этимъ словамъ никакого значенія, такъ какъ былъ убѣжденъ въ виновности Борраса и его товарищей по злосчастной скамьѣ. Но Крозалсъ рѣшилъ лично поговорить еще разъ съ подсудимыми; и вотъ, когда они были переведены въ Нарбоннскую тюрьму, онъ приступилъ къ допросу. Съ перваго же раза Вилларубіа и Гилліометъ сознались и разсказали слѣдующее:

Убійство Прадіесъ совершили Гилліометъ и испанецъ Россель, извѣстный подъ именемъ Кастиллонъ. Роль Вилларубіа была скрыть слѣды преступленія. Боррасъ ровно не причемъ, старикъ Прадіесъ потому назвалъ имя Борраса, что Россель, нѣсколько похожій лицомъ на Борраса, подъ именемъ *Іосифа*, работалъ 4 дня у Прадіеса. Зная безусловно, что Боррасъ невиновенъ, они строили на этомъ свою защиту, такъ какъ думали, что ему удастся доказать свою непричастность къ дѣлу, и тогда присяжные могутъ и ихъ оправдать; но разъ это не помогло, разъ приговоръ произнесенъ, они желаютъ сказать всю правду.

Одного разговора съ Боррасомъ было достаточно, чтобы устранить послѣднія сомнѣнія и колебанія, и убѣдиться, что здѣсь совершена была судебная ошибка. Крозалсъ немедленно увѣдомилъ защитника Борраса адвоката Вивьена и написалъ въ очень энергичныхъ выраженіяхъ два рапорта: одинъ на имя прокурора въ Монпелье, другой—на имя министра юстиціи. Въ то же время въ прессѣ поднялась большая кампанія въ пользу освобожденія Борраса. Въ разгарѣ этой кампаніи въ Барцелонѣ былъ арестованъ Россель, который вполнѣ призналъ свое участіе въ убійствѣ Прадіесъ. Казалось бы теперь осталось одно—возстановить правду, выпустить немедленно невинно осужденнаго и изыскать способы вознаградить его какъ-нибудь за перенесенныя имъ ужасныя страданія. Но тогда (это было въ 1888 году) не существовало еще дѣйствующаго теперь закона о ревизіи уголовныхъ процессовъ, и вотъ тутъ началась мучительная борьба между закономъ и жизнью, та страшная коллизія, которую римскіе юристы охарактеризовали удивительнымъ по силѣ афоризмомъ summum jus-summa injuria.

II.

Постановленія французскаго кодекса были ясны и категоричны. Ст. 443 уст. уг. суд. требовала для освобожденія невинно пострадавшаго, чтобы состоялось за одно и то-же преступленіе осужденіе французскимъ судомъ другого лица, причемъ, чтобы виновность этого второго осужденнаго исключала eo ipso виновность первоначально обвиненнаго. Въ дѣлѣ Борраса этого невозможно было достигнуть, такъ какъ ни одна страна не выдаетъ своихъ подданныхъ, и Испанія наотрѣзъ отказалась выдать Росселя. Такимъ образомъ для Борраса не было законныхъ путей для своей реабилитаціи, и его голова должна была пасть въ угоду черствому и бездушному формализму закона, доживающаго свои послѣдніе дни. Единствен-

ная милость, какую могъ ему оказать уже смѣнившій въ это время Греви президентъ Карно—это была замѣна смертной казни вѣчною каторжною работой.

Боррасъ былъ человѣкъ маленькій; жившая его скуднымъ заработкомъ семья, состоявшая изъ отца—75-лѣтняго старика и жены—молодой 22-лѣтней женщины, оказалась окончательно разоренной; энергія его защитника остановилась тоже предъ желѣзною волей закона; общественное мнѣніе, отвлеченное въ это время разыгравшимся во Франціи буланжизмомъ, перестало интересоваться Боррасомъ и находило, что милость президента возстановляетъ справедливость; но тутъ судьба послала Боррасу спасителя въ лицѣ сенатора Марку—одного изъ мужественныхъ и энергичныхъ людей, которыми гордится Франція.

Сенаторъ Марку началъ съ того, что потребовалъ въ министерствѣ юстиціи все дѣло Борраса и тщательно изучилъ его. Убѣдившись въ многочисленныхъ промахахъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія въ томъ, что самъ судъ, въ своей поспѣшности, много способствовалъ осужденію невиннаго, сенаторъ Марку принялся энергично за работу: онъ составилъ по дѣлу Борраса обширную записку, которую лично подалъ президенту республики Карно, а копію препроводилъ директору уголовнаго департамента министерства юстиціи — Дюма. Послѣдній чрезъ нѣсколько дней пришелъ къ Марку и откровенно заявилъ ему, что записка совершенно не убѣдила его въ невинности Борраса. Тогда сенаторъ сказалъ Дюма, что онъ немедленно пойдетъ къ министру юстиціи. «Торопитесь,—сказалъ ему Дюма,—такъ какъ я немедленно распоряжусь объ отправкѣ Борраса, вмѣстѣ съ другими осужденными въ Гвіану». «Погодите, по крайней мѣрѣ, пока президентъ дастъ мнѣ отвѣтъ на мою записку». «Это совершенно безполезно: президентъ сдѣлалъ все, что могъ, смягчивши приговоръ».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, сенаторъ Марку получилъ отъ жены Борраса телеграмму, что отданъ приказъ приготовить Борраса къ отправкѣ въ Гвіану. Внѣ себя, сенаторъ поѣхалъ къ министру юстиціи, которымъ тогда былъ Феррулліатъ и послѣ долгихъ просьбъ, ему удалось склонить министра къ тому, чтобы удержать Борраса еще нѣкоторое время во Франціи. Съ борта парохода, готоваго уже къ отплытію, Боррасъ былъ взятъ и помѣщенъ въ центральную каторжную тюрьму въ Авиньонѣ. Феррулліата смѣнилъ въ министерствѣ Тевне, смѣлое и благородное показаніе котораго въ процессѣ Золя можетъ служить для него лучшею характеристикой. Какъ только онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, Дюма представилъ записку Марку въ страшно сокращенномъ и искаженномъ видѣ; на этой запискѣ Тевне положилъ резолюцію объ отказѣ. Этотъ отрицательный отвѣтъ засталъ Марку въ Карлассонѣ, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Черезъ часъ по полученіи отвѣта, онъ сидѣлъ уже въ поѣздѣ, уносившемъ его въ Парижъ; какъ только онъ пріѣхалъ, немедленно, какъ былъ въ дорожномъ платьѣ, онъ отправился къ Тевне и

просидѣлъ у него четыре часа; ему удалось убѣдить и привлечь на свою сторону министра, но какъ осуществить на практикѣ реабилитацію Борраса; какимъ *законнымъ* путемъ добиться его освобожденія? Послѣ долгихъ размышленій и совѣщаній было рѣшено, что Тевне внесетъ въ сенатъ новый законъ о ревизіи уголовныхъ преступленій. А между тѣмъ, несчастный Боррасъ томился въ каторжной тюрьмѣ Авиньона. Такъ прошло три года. Тевне уже не было въ министерствѣ; его смѣнилъ Фалльеръ. Желая окончательно убѣдиться въ невиновности Борраса, онъ попросилъ министра внутреннихъ дѣлъ отдать въ его распоряженіе одного изъ тюремныхъ инспекторовъ, который былъ посланъ въ Авиньонъ, для того, чтобы собрать справки о Боррасѣ. Вотъ докладъ, который онъ сдѣлалъ Фалльеру 26 мая 1890 г. и который былъ прочитанъ министромъ съ парламентской трибуны.

«Когда я явился 22 мая въ депо каторжныхъ въ Авиньонѣ, я заявилъ директору депо, что посланъ г. министромъ юстиціи для того, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ каторжникѣ, виновность котораго возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Едва я это произнесъ, какъ директоръ вскрикнулъ: «Это Боррасъ!»—«Какъ,—спросилъ я,—неужели вы предупреждены о моей миссіи?... «О, нѣтъ,—отвѣчалъ директоръ;—но съ тѣхъ поръ, какъ Боррасъ здѣсь, а этому уже болѣе двухъ лѣтъ, онъ возбуждаетъ мое величайшее сожалѣніе: его крики о невинности не прекращаются; часто онъ плачетъ по цѣлымъ днямъ какъ ребенокъ, и, несмотря на это, подаетъ всѣмъ своимъ товарищамъ по несчастью примѣръ повиновенія. Вотъ уже 25 лѣтъ, какъ я живу здѣсь среди каторжниковъ, и ни одинъ изъ нихъ не вызывалъ столько симпатій, сколько Боррасъ. Его жена пишетъ ему каждые 8 дней. Эти письма исполнены мужества и надеждъ, они поддерживаютъ въ немъ духъ, убѣждая его, что онъ не долженъ отчаиваться, что его невиновность скоро будетъ всѣми признана. Письма эти Боррасъ читаетъ и перечитываетъ; никогда я не слышалъ отъ него ни одного слова неудовольствія или жалобы; онъ читаетъ письма своей жены и плачетъ».—«Я спросилъ,—продолжаетъ въ своемъ докладѣ тюремный инспекторъ,—всѣхъ каторжныхъ, и они вполнѣ подтвердили разсказъ директора». Этотъ докладъ уничтожилъ всякія сомнѣнія. Тогда Фалльеръ предложилъ своимъ товарищамъ по кабинету убѣдить президента освободить совершенно Борраса изъ тюрьмы, причемъ отвѣтственность передъ палатой кабинетъ бралъ на себя. Карно согласился. Какъ разъ въ это время Карно совершалъ свою первую поѣздку на югъ, и къ этой именно поѣздкѣ пріурочили освобожденіе Борраса. Карно выѣхалъ 30 мая, а 2 іюня 1890 г. агентство Гаваса разослало во всѣ газеты слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«Авиньонъ, 2 іюня. Боррасъ, который былъ обвиненъ въ убійствѣ въ Petit-Condom и осужденъ на смерть, послѣ трехъ лѣтъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ въ Авиньонѣ, признанъ совершенно невиннымъ и выпущенъ сегодня на свободу. Прокуроръ республики и директоръ тюрьмы со-

провождали его въ префектуру, для того, чтобы ему была оказана тамъ какая-либо помощь. Въ теченіе всего пребыванія въ тюрьмѣ, его поведеніе было безупречно. Вся тюремная стража пришла пожать ему руку, это было по-истинѣ трогательное зрѣлище; его жена, занимающая небольшую хижину около Каркассона, извѣщена, что завтра Боррасъ явится къ ней».

Дѣлу Борраса, какъ мы это увидимъ ниже, суждено было сыграть громадную роль въ исторіи французскаго законодательства. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой роли, мы сдѣлаемъ краткій анализъ процесса; этотъ анализъ, въ связи съ нѣкоторыми другими примѣрами, поможетъ намъ доказать то положеніе, что судебныя ошибки всегда являются слѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій органовъ суда.

III.

Каждому изъ читателей часто, вѣроятно, приходилось слышать, когда говорятъ о судебной ошибкѣ: «Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Какое ужасное совпаденіе обстоятельствъ!» Въ этомъ убѣжденіи въ фатальности судебныхъ ошибокъ, въ томъ, что онѣ происходятъ вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, лежитъ коренное заблужденіе: если разсмотрѣть предметъ глубже, никакихъ фатальныхъ обстоятельствъ нѣтъ, и какъ бы ни случайна казалась намъ на первый разъ судебная ошибка, если мы ее проанализируемъ внимательно, то всегда убѣдимся, что *во всякомъ дѣлѣ, закончившемся осужденіемъ невиннаго, кто-либо изъ судебной магистратуры, въ какой-либо моментъ процесса не достаточно точно и безукоризненно выполнилъ возложенныя на него закономъ обязанности*; *и прямо или косвенно, но ошибка произошла именно изъ-за этого промаха.*

Да не подумаютъ читатели, что, выставляя такое положеніе, мы хотимъ обвинять или упрекнуть судебную магистратуру,—мы слишкомъ далеки отъ этого. Сталкиваясь много съ судебной магистратурой, убѣждаешься безусловно, что это сословіе во всѣхъ странахъ стоитъ выше всѣхъ другихъ сословій; въ особенности это слѣдуетъ сказать про судебное сословіе у насъ въ Россіи; только благодаря тому, что нашлись такіе исполнители, судъ у насъ поставленъ на такую высоту; и если ошибки случаются, то, во всякомъ случаѣ, онѣ рѣже, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ вѣдомствѣ; если же мы требуемъ отъ суда безошибочности, математической точности его приговоровъ, то это потому, что послѣдствія ошибокъ правосудія ужаснѣе, чѣмъ послѣдствія какихъ бы то ни было другихъ ошибокъ; въ идеальномъ судѣ, о которомъ мечтаетъ все человѣчество, не должно быть ошибокъ.

Ѳемиду, какъ извѣстно, изображаютъ съ закрытыми глазами, для полноты ее слѣдовало бы представлять еще и съ закрытыми ушами. Мнѣніе толпы, общественное настроеніе, политическія соображенія—все это должно быть совершенно чуждо суду, онъ долженъ быть *абсолютно безпристра-*

стенъ. Сколько разъ возбужденное общественное настроеніе вело къ самымъ пагубнымъ ошибкамъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія составляется заранѣе мнѣніе о преступникѣ, и слѣдствія предварительное и судебное направляются не къ раскрытію истины, а къ подыскиванію доказательствъ, къ заранѣе признанному правильнымъ положенію. Возьмемъ дѣло Борраса. Судъ находился всецѣло подъ вліяніемъ сильнаго общественнаго возбужденія. Запросы въ палатѣ, проникшее въ печать извѣстіе о томъ, что Прадіесъ призналъ своихъ убійцъ передъ смертью,—все это сильно возбудило умы, и слѣдователь, направлявшій предварительное слѣдствіе, находился также подъ вліяніемъ этого возбужденія. Все, что могло возбудить хотя бы малѣйшее сомнѣніе въ виновности Борраса, слѣдователь тщательно устранялъ изъ слѣдствія и подбиралъ однѣ улики только противъ Борраса. Какъ показало дальнѣйшее слѣдствіе, произведенное Крозалсомъ и Маркý, слѣдователь устранилъ, напримѣръ, изъ дѣла то обстоятельство, что когда Прадіесъ былъ привезенъ въ госпиталь, то, на первомъ же допросѣ, онъ объявилъ, что *не можетъ назвать имени испанца, который убилъ его жену, такъ какъ онъ его не знаетъ*. На этомъ же допросѣ Прадіесъ далъ слѣдующіе признаки убійцъ: 33—35 лѣтъ, блондинъ со знаками оспы на лицѣ. Боррасу было 25 лѣтъ, онъ брюнетъ и не имѣлъ рѣшительно никакихъ знаковъ на лицѣ. Это слѣдователь оставилъ безъ вниманія, *и этотъ протоколъ не былъ даже присоединенъ къ дѣлу;* равно какъ и тотъ фактъ, что жена Прадіеса ударила своего убійцу палкой-кинжаломъ; она нанесла ему такую глубокую рану, что убійца, когда бѣжалъ, оставилъ длинный кровяной слѣдъ на пространствѣ 200 метровъ. Боррасъ, арестованный очень скоро послѣ преступленія, былъ подвергнутъ медицинскому осмотру, причемъ не обнаружилось у него на тѣлѣ ни одной раны. Объ этомъ слѣдователь упоминаетъ, между прочимъ, и не придаетъ этому факту никакого значенія, а между тѣмъ для всякаго не предубѣжденнаго человѣка очевидна первостепенная важность этого факта. Обстоятельства ареста Борраса и привлеченія его къ суду тоже чрезвычайно интересны и показываютъ, какъ поспѣшно и неправильно велось слѣдствіе. Какъ показалъ умирающій Прадіесъ, убійцы, требуя у него денегъ, заявили ему: «мы испанцы, которые уже много работали для васъ». Испанцевъ, которые работали у Прадіеса, было довольно много, слѣдователь арестовалъ четырехъ ближайшихъ: Портà, Гилліомета, Вилларубіа и Борраса. Портà доказалъ ясно свое alibi и былъ немедленно отпущенъ на свободу; Гилліомета Прадіесъ призналъ тотчасъ же; Вилларубіа былъ арестованъ вмѣстѣ съ Гилліометомъ, оставался Боррасъ, который сбился въ точности опредѣленія времени своего возвращенія въ день убійства домой, этого слѣдователю было достаточно. «Это онъ, онъ убійца!»—объявилъ онъ, а за нимъ повторила и толпа; слухъ все разростался и дошелъ до Прадіеса, котораго убѣдили въ этомъ, что Боррасъ—убійца его жены. Добившись очной ставкой признанія личности преступниковъ, слѣдователь уже не сомнѣвался, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути, ему оставалось подыскать только какія-нибудь доказательства, подобрать еще два-

три факта, и слѣдственный матеріалъ готовъ; онъ даже не заботился о доброкачественности доказательствъ: Боррасъ работалъ у Прадіеса — онъ виноватъ, Боррасъ не можетъ доказать своего alibi—онъ убійца; его жена и братъ уѣхали въ Испанію — очевидно, онъ убійца; свидѣтель говоритъ, что Боррасъ былъ знакомъ съ Гильометомъ—слѣдователь заноситъ, что они были неразлучны и т. д. Мысль его работаетъ только въ одномъ направленіи; все, что противорѣчитъ этой, заранѣе предвзятой идеѣ, слѣдователь устраняетъ отъ себя; его совершенно не интересуетъ произвести слѣдствіе, зачѣмъ жена и братъ Борраса уѣхали въ Испанію; для него нисколько не интересенъ тотъ фактъ, что всю жизнь Боррасъ былъ честнымъ и трудолюбивымъ работникомъ, что это нѣжно-любящій мужъ, очень преданный сынъ, и это еще наканунѣ убійства, онъ, рискуя собственной жизнью, вытащилъ изъ воды утопающую женщину. Весь этотъ матеріалъ слѣдователь устранилъ изъ слѣдствія; получивши *одно* вѣрное доказательство виновности Борраса, онъ все остальное считаетъ второстепеннымъ. А вѣдь роль слѣдователя самая важная въ уголовномъ дѣлѣ, онъ душа процесса, онъ главный, хотя и скрытый отъ глазъ публики, двигатель этого сложнаго и страшнаго механизма. Дѣятельность прокурора, судей, защиты, присяжныхъ засѣдателей происходитъ гласно, открыто, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, между тѣмъ какъ дѣятельность слѣдователя происходитъ скрыто, въ таинственной, наглухо закрытой лабораторіи, называемой слѣдственной камерой; онъ обязанъ отчетомъ только передъ собственной совѣстью. Вотъ почему всякій слѣдователь долженъ быть трижды остороженъ, долженъ освѣщать предметъ всесторонне, съ математической точностью; ни одинъ фактъ, клонящійся въ пользу подсудимаго, хотя бы виновность послѣдняго для слѣдователя была бы внѣ сомнѣнія, не долженъ быть имъ опущенъ. Добытый имъ матеріалъ ляжетъ, вѣдь, въ основу обвинительнаго акта. Поэтому, ошибки слѣдователя особенно страшны и опасны и влекутъ за собою всѣ послѣдующія ошибки. Знаменитый Лизгорнъ, Пьеръ Во, Боррасъ, Дрейфусъ—все это жертвы или недостаточно полнаго, или пристрастнаго предварительнаго слѣдствія. Въ особенности слѣдователь долженъ быть остороженъ тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, защита на предварительномъ слѣдствіи не допускается. Въ Англіи, въ послѣднее время во Франціи, во время предварительнаго слѣдствія, допускается защита, въ этомъ контролѣ защиты—есть для подсудимаго гарантія; но у насъ слѣдователь остается одинъ на одинъ съ подсудимымъ, внѣ всякаго контроля, кромѣ собственной совѣсти. Онъ долженъ помнить, что судъ всегда склоненъ скорѣе повѣрить ему, чѣмъ подсудимому, и что въ его рукахъ, поэтому, находится участь подсудимаго. Мы такъ подробно останавливаемся на предварительномъ слѣдствіи потому, что это особенно больное мѣсто въ нашемъ процессѣ. О недостаткѣ нашего предварительнаго слѣдствія имѣется цѣлая обширная литература, и на страницахъ *Русской Мысли* можно найти не одну статью, посвященную этому жгучему вопросу. Мы поэтому здѣсь на нихъ останавливаться не будемъ, а укажемъ только на одинъ фактъ, на

который, кажется, у насъ мало обращали вниманія. У насъ въ іерархическомъ порядкѣ судебный слѣдователь стоитъ на одной ступени съ товарищемъ прокурора, и эту ступень надо перешагнуть всякому *молодому* человѣку, мечтающему о судейской карьерѣ; правильна ли такая постановка дѣла, правильно ли отдавать честь и участь людей въ руки молодого, неопытнаго юноши, который, вслѣдствіе излишней ретивости, ложнаго пониманія своей задачи, можетъ сдѣлать массу промаховъ. Законодательства Западной Европы, англійское и французское, совершенно въ этомъ отношеніи противоположны нашему,—слѣдственный судья (juge d'instruction) въ іерархическомъ порядкѣ стоитъ очень высоко и составляетъ одну изъ высшихъ судейскихъ должностей, которая отдается въ руки умудренныхъ опытомъ и испытанныхъ судей. Намъ думается, что введеніе этого начала у насъ могло бы имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію той роли, которую могутъ играть участвующія въ процессѣ лица относительно судебныхъ ошибокъ.

IV.

Въ засѣданіи главная роль принадлежитъ, несомнѣнно, предсѣдатель ствующему, который руководитъ и направляетъ все судебное слѣдствіе; отъ его искусства руководить допросомъ свидѣтелей и преніями зависитъ во многомъ исходъ процесса. Вотъ какимъ требованіямъ, по мнѣнію знаменитаго французскаго юриста Gaillard, долженъ удовлетворять предсѣдатель: «Предсѣдатель долженъ глубоко знать человѣческое сердце; онъ долженъ обладать величайшимъ знаніемъ души, чтобъ отличать зло отъ кажущагося зла; онъ долженъ обладать терпѣніемъ, кротостью, которыхъ ничто не можетъ измѣнить; онъ долженъ говорить тѣмъ отеческимъ языкомъ, который ободряетъ свидѣтелей, смущенныхъ торжественной обстановкой; никогда не долженъ онъ заранѣе подготовляться; онъ долженъ направлять всѣ стороны къ одной цѣли — искапію истины; онъ долженъ устранять изъ засѣданія всякіе личные споры между сторонами, между прокуроромъ, защитникомъ и подсудимымъ. *Никогда онъ не долженъ трактовать обвиняемаго, какъ виновнаго, склонять въ какую-нибудь одну сторону доказательства;* какъ этого желаетъ законъ, обвиняемый въ предсѣдателѣ долженъ имѣть своего покровителя». Этимъ идеальнымъ требованіямъ предсѣдательствующіе рѣдко удовлетворяютъ; въ этомъ случаѣ практика пошла совершенно не по тому пути, какого желалъ законодатель: вмѣсто безпристрастнаго, спокойнаго руководителя преній мы видимъ въ современномъ предсѣдателѣ весьма дѣятельнаго союзника обвинительной власти. Способъ веденія преній, конечно, у каждаго различный, но почти у всѣхъ проходитъ та основная черта, что подсудимый трактуется какъ виновный, и судебное слѣдствіе направляется не къ открытію истины, а къ обоснованію факта, принятаго уже a priori за истину. И это направленіе, весьма вредное и пагубное для интересовъ правосудія, имѣетъ уже

свои традиціи, освящено годами. Практика выработала рутинные, шаблонные методы веденія судебнаго слѣдствія, и смотря по тому, какого метода придерживается предсѣдатель, его можно отнести къ одной изъ слѣдующихъ трехъ категорій:

1. Бываютъ *энергичные* предсѣдатели, причемъ энергія ихъ направлена къ тому, чтобы поддерживать обвиненіе и обосновывать его возможно тверже. Примѣромъ такого энергичнаго предсѣдателя является Delegnorgue, предсѣдательствовавшій въ процессѣ Зола. Его пристрастное отношеніе къ дѣлу было очевидно; въ то время какъ обвинителямъ онъ предоставлялъ полную свободу рѣчи, право говорить о чемъ имъ угодно, при малѣйшей попыткѣ защиты пролить свѣтъ на дѣло, доказать добросовѣстность и добрыя намѣренія Зола, Delegnorgue произносилъ свое знаменитое: «la question ne sera pas posée». Не менѣе энергиченъ былъ и предсѣдательствующій въ процессѣ Борраса—m-r Raisin, который дошелъ даже до того, что говорилъ, какъ мы видѣли, о свидѣтеляхъ, что они, по всей вѣроятности, подкуплены семьей Борраса.

До чего доходитъ у нѣкоторыхъ предсѣдателей увлеченіе ролью обвинителя, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

8 ноября 1893 г. въ парижскомъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло объ искусственномъ производствѣ выкидыша; между прочимъ, одно показаніе, очень благопріятное для подсудимой, было сдѣлано въ канцеляріи полицейскаго коммиссара. По поводу этого показанія предсѣдатель счелъ нужнымъ замѣтить присяжнымъ: «О, мы очень хорошо знаемъ, какое значеніе могутъ имѣть эти показанія. Полицейскій коммиссаръ обыкновенно отсутствуетъ; секретарь наскоро записываетъ показанія; потомъ онъ ихъ редактируетъ, чрезъ нѣсколько времени даетъ свидѣтелямъ для подписи». Защитникъ подсудимаго, знаменитый адвокатъ Деманжъ, просилъ занести слова предсѣдателя въ протоколъ. Во время допроса другого свидѣтеля, Деманжъ указалъ на благопріятное его показаніе, данное у судебнаго слѣдователя. «Но вы забываете,—перебилъ предсѣдатель,—что у полицейскаго коммиссара свидѣтель показывалъ совершенно иначе». Сопоставляя въ своей рѣчи эти два замѣчанія, Деманжъ сказалъ присяжнымъ: «Вотъ вамъ, господа, безпристрастная юстиція, которая, повидимому, лишена не только глазъ, но иногда и памяти».

2. Нѣкоторые предсѣдатели *сами себя считаютъ безпристрастными*. Но все ихъ безпристрастіе сводится къ тому, что они позволяютъ вполнѣ высказываться и защитнику, и подсудимому, но лично всегда «гнутъ» въ сторону обвиненія, стараясь, впрочемъ, въ отличіе отъ первой категоріи, хоть чѣмъ-нибудь обосновать свои слова; для образчика приведемъ отрывокъ изъ допроса, веденнаго однимъ изъ такихъ предсѣдателей. Мы цитируемъ по стенографическому отчету журнала *Le Droit*. «8 сентября,—началъ предсѣдатель, обращаясь къ подсудимому,—одинъ *очень порядочный* человѣкъ *былъ убитъ* въ вашей гостиной *этимъ пистолетомъ;* вы *заявляете,* что онъ самъ убилъ себя».

Подсудимый Годофруа на это заявилъ, что онъ тоже очень порядочный человѣкъ, и что онъ удивляется смѣлому утвержденію предсѣдателя о фактѣ, не провѣренномъ судебнымъ слѣдствіемъ.

— Я — честный человѣкъ, — закончилъ обвиняемый.

Предс. Нѣтъ.

О. А я вамъ повторяю, что я—честный человѣкъ.

П. А я вамъ повторяю, что нѣтъ.

И въ доказательство своихъ словъ предсѣдатель прочелъ нѣкоторыя письма изъ арестованной, во время обыска у обвиняемаго, его корреспонденціи,—письма, совершенно къ дѣлу не относящіяся,—изъ которыхъ было видно, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ былъ любовникомъ своей мачихи; въ аудиторіи присутствовали отецъ обвиняемаго и его мачиха.

3. Наконецъ, третья категорія предсѣдателей, свойственная, впрочемъ, главнымъ образомъ, русскимъ судамъ, это—*совершенно пассивные,* не обращающіе никакого вниманія на судебное слѣдствіе, думающіе только объ одномъ, какъ бы оно поскорѣе закончилось; при такомъ отношеніи къ дѣлу судебное слѣдствіе превращается въ нѣчто совершенно противорѣчащее интересамъ правосудія; не въ мѣру увлекшіеся прокуроръ и защитникъ, вмѣсто того, чтобы дружно идти къ одной цѣли—исканію истины,—сводятъ нерѣдко личные счеты. Я лично помню изъ своей судебной практики: мнѣ пришлось выступать защитникомъ въ очень серьезномъ дѣлѣ о поджогѣ. Предсѣдательствовалъ судья, принадлежащій именно къ той категоріи, о которой мы говоримъ. Благодаря его отношенію къ дѣлу, юный, только что переведенный изъ Сибири товарищъ прокурора К. позволялъ себѣ называть подсудимыхъ фамильярно по именамъ, интонаціей своего голоса подражать ихъ еврейскому выговору и, наконецъ, необычайно грубо третировать свидѣтелей защиты. Конечно, всѣ эти выходки были запротоколированы защитой, и сенатъ не вполнѣ одобрительно взглянулъ на такую юркость; но несомнѣнно, что эти словечки и выходки и молчаливое къ нимъ отношеніе предсѣдательствующаго оказали большое вліяніе на приговоръ присяжныхъ.

Наконецъ, нашъ процессъ даетъ предсѣдателю суда еще страшное орудіе, которымъ онъ въ 99 случаяхъ изъ ста пользуется для поддержки обвиненія,—напутственное слово присяжнымъ засѣдателямъ. Этотъ опасный и вредный для интересовъ правосудія институтъ заимствованъ нами изъ французскаго законодательства. Но послѣднее давно уже признало его негодность и уничтожило его; не пора ли и намъ сдѣлать то же самое. Во Франціи предсѣдательское резюме носило почти всегда политическій характеръ; и вслѣдствіе этого выходило весьма часто, что вмѣсто вопроса права судъ рѣшалъ вопросы политики.

У насъ, по закону, *послѣднее* слово принадлежитъ подсудимому; но предсѣдательское резюме превращаетъ этотъ законъ въ фикцію.

Законъ требуетъ отъ предсѣдательскаго резюме всесторонняго освѣщенія дѣла, полнаго безпристрастія; но этимъ требованіямъ закона удовле-

творяютъ,—слѣдуетъ сказать откровенно,—только идеальныя, блестящія по формѣ и по богатству мыслей резюме А. Ѳ. Кони. Обычныя же предсѣдательскія резюме носятъ часто обвинительный характеръ и парализуютъ совершенно тотъ основной принципъ уголовнаго процесса, что послѣднее слово должно принадлежать во всякомъ случаѣ подсудимому или его защитнику. Реформа здѣсь необходима и давно уже назрѣла; русскій присяжный засѣдатель давно уже выросъ и созрѣлъ и безъ напутствій предсѣдателя сумѣетъ отличить праваго отъ виноватаго. Уничтоживши этотъ институтъ, мы нисколько не отступимъ отъ началъ Судебныхъ Уставовъ, такъ какъ основная мысль творца ихъ была—возможно шире оградить права защиты.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію той роли, которую дѣло Борраса сыграло въ исторіи закона о ревизіи уголовныхъ процессовъ.

V.

Когда цитированная нами во второй главѣ настоящей статьи телеграмма агентства Гаваса объ освобожденіи Борраса появилась въ печати, она произвела въ обществѣ сильное впечатлѣніе. Всѣ газеты повели единодушно очень бурную атаку противъ правительства и требовали немедленнаго измѣненія закона о ревизіи уголовныхъ процессовъ. Больше всѣхъ волновался Рошфоръ. Въ № отъ 4 іюня 1890 года, по поводу дѣла Борраса, Рошфоръ писалъ: «Неужели среди депутатовъ не найдется ни одного, который бы немедленно поднялъ жгучій и не терпящій дальнѣйшаго отлагательства вопросъ о необходимости измѣненія нашего законодательства о пересмотрѣ уголовныхъ процессовъ и о введеніи института вознагражденія жертвъ судебныхъ ошибокъ; никогда еще, кажется, не представлялось къ тому болѣе благопріятнаго момента» *).

Среди депутатовъ случай съ Боррасомъ произвелъ тоже очень сильное впечатлѣніе, и 2 же іюня въ бюро палаты было представлено *три* проекта закона «о вознагражденіи жертвъ судебныхъ ошибокъ и объ измѣненіи §§ 443 и слѣд. устава угол. судопр., относящихся къ ревизіи уголовныхъ процессовъ». Подъ этими проектами подписалось 58 депутатовъ, среди которыхъ мы находимъ имена: Richard, Méry, Barthou, Charles Dupuy, Joseph Reinach, Delcassé, Camille Pelletan, Frcuillot, Delpeuch, Poincaré и другихъ самыхъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей. Въ мотивахъ къ одному изъ этихъ проектовъ, авторы его, разсказавши подробно случай съ Боррасомъ, писали: «Никогда еще болѣе ужасной судебной ошибки не было совершено. Послѣ этого немыслимо оставить безъ измѣненія 444 ст. устава уголовнаго судопроизводства, которая въ девяти случаяхъ изъ десяти дѣ-

*) Здѣсь любопытно отмѣтить, что 31 октября 1898 года тотъ же Рошфоръ писалъ, что новый законъ *возбужденъ* и созданъ ради освобожденія Дрейфуса, арестованнаго, какъ извѣстно, въ декабрѣ 1894 года, т.-е. 5 лѣтъ спустя послѣ освобожденія Борраса

лаетъ невозможнымъ пересмотръ процесса. Наши законы какъ бы покровительствуютъ даже этимъ ошибкамъ и объявляютъ судей безотвѣтственными. Они совершенно не признаютъ принципа вознагражденія жертвъ судебныхъ ошибокъ».

Во французскомъ уголовномъ процессѣ взглядъ на возможность ревизіи и пересмотра уголовныхъ процессовъ подвергался частымъ колебаніямъ и измѣненіямъ: до 1789 года не было установлено никакихъ ограниченій, и уголовный процессъ могъ быть пересмотрѣнъ, если только высшая уголовная камера разрѣшала утвердительно вопросъ о томъ, что есть основанія сомнѣнія въ справедливости приговора. Революціонное правительство ввело въ 1791 году институтъ присяжныхъ засѣдателей и считало этотъ институтъ такой абсолютной гарантіей для подсудимаго, что не допускало даже возможности судебныхъ ошибокъ и уничтожило совершенно пересмотръ уголовныхъ процессовъ. Но уже черезъ два года правительство замѣтило свою ошибку и ввело во французское законодательство пересмотръ уголовныхъ процессовъ, который оно допустило въ томъ только одномъ случаѣ, когда послѣдующій обвинительный приговоръ, произнесенный какимъ-либо французскимъ судомъ, уничтожаетъ eo ipso виновность перваго обвиненнаго. Въ такомъ видѣ законъ этотъ просуществовалъ до дѣла Борраса, которое дало дальнѣйшій толчокъ законодательному движенію этого вопроса, причемъ проекты, поданные въ парламентъ, одновременно касались и расширенія случаевъ пересмотра уголовныхъ процессовъ и вознагражденія жертвъ судебныхъ ошибокъ. «Когда юстиція, — говорится въ мотивахъ къ этимъ проектамъ, — которая представляетъ собою національную совѣсть, ошибается, то національная совѣсть не должна колебаться ни одной минуты, для того, чтобы исправить зло. Принципъ вознагражденія невинно осужденныхъ долженъ быть въ народномъ сознаніи; и это вознагражденіе должно даваться не въ видѣ добровольной подачки, а въ видѣ обязательной справедливости».

Въ своемъ первоначальномъ проектѣ законъ о пересмотрѣ уголовныхъ процессовъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

«§ 1. Кассаціонный судъ, установивши пересмотръ процесса, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сумму вознагражденія, которое должно быть выдано жертвѣ судебной ошибки или ея правопреемникамъ.

«§ 2: a) Пересмотръ процесса можетъ имѣть мѣсто, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ § 444 уст. уг. суд., всякій разъ, когда явится серьезное предположеніе о возможности невиннаго осужденія того, кто проситъ о пересмотрѣ.

«b) Пересмотръ имѣетъ мѣсто и тогда, когда одинъ изъ осужденныхъ уже отбылъ наказаніе или помилованъ.

«c) Право требовать пересмотра не ограничено никакимъ срокомъ».

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей исторіей французскаго закона о ревизіи уголовныхъ процессовъ; этотъ законодательный актъ явился на

свѣтъ, какъ и всякій другой, послѣ тяжелой и трудной борьбы, и вступилъ въ силу лишь 8 іюня 1895 года. Законъ этотъ широко раскрылъ двери для исправленія ошибокъ человѣческаго правосудія и установилъ высоко-справедливый и гуманный институтъ государственнаго вознагражденія невинно осужденныхъ.

Если гласный и независимый судъ является самой прочной и надежной гарантіей правъ человѣка, палладіумомъ его гражданской свободы, то возможность исправлять ошибки этого суда является лучшимъ средствомъ вселить къ этому учрежденію уваженіе и довѣріе народа и поставить судъ на ту недосягаемую высоту, гдѣ царятъ только правда и милость.

В. Л. Бинштокъ.

Крестьянское травосѣяніе въ Московской губерніи *).

I.

Недостатокъ въ кормахъ, собираемыхъ съ естественныхъ луговъ, заставляетъ крестьянъ Московской губерніи обращаться къ посѣву травъ. Изъ травъ всего чаще культивируется клеверъ съ тимоѳеевкой. Кромѣ нихъ встрѣчаются посѣвы чечевицы **) въ яровомъ клину и виковой смѣси въ пару. Въ нашемъ очеркѣ мы разсматриваемъ только посѣвы клевера. Посѣвъ клевера производится или отдѣльными домохозяевами, или цѣлою общиной. Въ первомъ случаѣ посѣвъ травы долженъ быть произведенъ на какомъ-нибудь запольномъ участкѣ, не входящемъ въ сѣвооборотъ, такъ какъ иначе полоса съ клеверомъ можетъ попасть въ поле, которое по общему сѣвообороту будетъ находиться въ пару, который чаще всего служитъ пастбищемъ; вслѣдствіе этого клеверъ будетъ страдать отъ потравъ. Такимъ земельнымъ участкомъ чаще всего являются приусадебныя земли, отчего и самый видъ травосѣянія получилъ названіе приусадебнаго.

Посѣвъ клевера всею общиной можетъ быть произведенъ внѣ сѣвооборота, на земляхъ купчихъ или арендуемыхъ, на какихъ-либо запольныхъ участкахъ или же на поляхъ съ сѣвооборотомъ. Тогда въ сѣвооборотѣ производятся нѣкоторыя измѣненія. Эти измѣненія могутъ быть частичнаго характера и не нарушать основъ трехполья, или же эти измѣненія обращаютъ старое трехполье въ новый сѣвооборотъ, уже травопольный съ числомъ полей кратнымъ четырехъ. Первый видъ травосѣянія называется угловымъ, а второй—правильнымъ полевымъ травосѣяніемъ. Остановимся сначала на первомъ случаѣ, тѣмъ болѣе интересномъ, что до него додумался крестьянинъ самостоятельно подъ давленіемъ нужды.

Въ общинномъ землевладѣніи ***), которое является почти единственною

---

*) Сообщеніе, прочитанное на статистическомъ семинаріи Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

**) *В. Г. Бажаевъ*: „Очерки крестьянскаго сельскаго хозяйства въ Московской губ.“. Москва, 1892 г., стр. 33 и 34.

***) *В. И. Орловъ*: „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній“, т. IV. „Формы крестьянскаго землевладѣнія“.

формой надѣльнаго землевладѣнія въ Московской губерніи, пользованіе землей, какъ извѣстно, подворное. Вся земля передѣляется черезъ извѣстное число лѣтъ (12 лѣтъ въ среднемъ для всѣхъ общинъ губерніи) по работникамъ, по наличнымъ душамъ или по другимъ признакамъ. Но такъ какъ почва во владѣніи общины не однородна, такъ какъ отдѣльныя части полей находятся въ разныхъ разстояніяхъ отъ селенія, то для уравненія всѣхъ домохозяевъ приходится раздѣлять каждое поле на части болѣе или менѣе однородныя по качеству почвы, по рельефу, по удаленности отъ селеній и тому подобнымъ свойствамъ. Эти части полей носятъ у крестьянъ разнообразныя названія. Больше всего однако распространено названіе ярусъ. Въ Московской губерніи, по изслѣдованіямъ статистическаго отдѣленія московской земской управы въ 70-хъ гг., въ среднемъ выводѣ приходится въ каждомъ полѣ 11 ярусовъ, а во всѣхъ трехъ поляхъ тридцать три яруса. Въ каждомъ ярусѣ всякій домохозяинъ получаетъ непремѣнно свою полосу.

При угловомъ травосѣяніи клеверъ подсѣвается къ озими въ какомънибудь одномъ или двухъ ярусахъ. Ярусы эти выбираются такіе, которые расположены въ сторонѣ—«въ углахъ полей» или «задахъ» для того, чтобы, когда будетъ снята рожь, клеверъ не затруднялъ бы пастьбы скота по ржанищѣ. Для уясненія чередованія растеній прилагаемъ слѣдующую схему, заимствованную изъ отчета дмитровскаго агронома М. Е. Шатерникова.

Годы.	ПЕРВОЕ ПОЛЕ			ВТОРОЕ ПОЛЕ.			ТРЕТЬЕ ПОЛЕ.		
1891	восьмая часть съ подсѣвомъ клевера	рожь	рожь	паръ	паръ	паръ	яровое	яровое	яровое
1892	клеверъ 1	яровое	яровое	рожь съ подсѣв. клевера	рожь	рожь	паръ	паръ	паръ
1893	клеверъ 2	паръ	паръ	клев. 1	яровое	яровое	рожь съ подсѣв. клевера	рожь	рожь
1894	клеверъ 3	рожь	другая часть съ подсѣв. клевера	клев. 2	паръ	паръ	клев. 1	яровое	яровое
1895	яровое	яровое	клев. 1	клев. 3	рожь	рожь съ подсѣв. клевера	клев. 2	паръ	паръ
1896	паръ	паръ	клев. 2	яровое	яровое	клев. 1	клев. 3	рожь	рожь съ подсѣв. клевера
1897	подсѣвъ клевера на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ въ 91 году	рожь	клев. 3	паръ	паръ	клев. 2	яровое	яровое	клев. 1

Какъ видно, клеверъ высѣвается по ржи. Въ первый годъ пользованія клеверъ будетъ находиться въ яровомъ полѣ, отъ этого никакихъ не-

удобствъ произойти не можетъ. Во второй годъ онъ уже будетъ находиться въ пару, и можно было бы думать, что будутъ происходить потравы; но такъ какъ клеверомъ занимаются цѣликомъ два яруса, въ которыхъ имѣются полосы всѣхъ домохозяевъ, т.-е. отъ потравъ страдаютъ интересы всѣхъ домохозяевъ, то это и ставитъ клеверъ въ такое же отношеніе къ потравамъ, какъ и озимь или яровое, граничащія съ паровымъ клиномъ. Если желаютъ взять и третій укосъ, то озимое поле нѣсколько сократится, и третій годъ пользованія клеверъ будетъ находиться въ озимомъ полѣ; послѣ чего клеверные ярусы распахиваются подъ яровое, а клеверъ сѣется въ другомъ ярусѣ. Когда клеверъ обойдетъ эти третьи два яруса, то можно уже возвратиться съ посѣвомъ на старое мѣсто, такъ какъ послѣ уборки послѣдняго укоса прошло восемь лѣтъ. Однако довольно трудно выбрать три группы ярусовъ, которыя находились бы въ сторонѣ. И поэтому приходится возвращаться на старое мѣсто раньше, т.-е. на третій годъ при двухъ укосахъ, вслѣдствіе чего урожаи травы съ теченіемъ времени понизятся. Для того, чтобы выйти изъ этого затрудненія, необходимо покончить съ трехпольемъ и отвести самостоятельную часть полей подъ траву, принявъ какой-нибудь травопольный сѣвооборотъ. Такую реформу крестьяне не могли произвести самостоятельно. Имъ была необходима помощь агрономовъ; но развѣ частные владѣльцы крупныхъ имѣній обошлись безъ этой помощи?

Въ Московской губерніи встрѣчаются различные сѣвообороты: четырехпольные, шестипольные, семипольные, восьмипольные, десятипольные и др. Чаще всего однако встрѣчаются ярославское четырехполье и волоколамское восьмиполье. Чередованіе растеній таково:

Волоколамское восьмиполье.

1. Паръ.
2. Рожь съ подсѣвомъ клевера.
3. Клеверъ первый годъ.
4. Клеверъ второй годъ.
5. Яровое.
6. Паръ.
7. Рожь.
8. Яровое.

Ярославское четырехполье съ восьмилѣтнимъ сѣвооборотомъ.

	Первое поле.	Второе поле.	Третье поле.	Четвертое поле.
1891 г.	Паръ	рожь	клеверъ 1-й г.	яровое
1892 „	Рожь съ клеверомъ	яровое	клеверъ 2-й г.	паръ
1893 „	Клеверъ 1-й годъ	паръ	яровое	рожь
1894 „	Клеверъ 2-й годъ	рожь съ клевер.	паръ	яровое
1895 „	Яровое	клеверъ 1-й годъ	рожь	паръ
1896 „	Паръ	клеверъ 2-й годъ	яровое	рожь съ клевер.
1897 „	Рожь	яровое	паръ	клеверъ 1-й годъ
1898 „	Яровое	паръ	рожь съ клевер.	клеверъ 2-й годъ

Это восьмилѣтнее чередованіе есть комбинація трехполья съ пятиполь-

емъ, клеверъ возвращается на старое мѣсто на шестой годъ, что вполнѣ гарантируетъ отъ клевероутомленія. И въ первомъ, и во второмъ сѣвооборотѣ ежегодно четверть пашни занята рожью, четверть—яровымъ, четверть—клеверомъ и четверть лежитъ въ пару. Разница только въ томъ, что въ четырехпольѣ каждая часть всегда находится въ одномъ мѣстѣ, такъ что паръ никогда не разбивается на два куска, между тѣмъ въ восьмипольѣ паръ два-три раза въ восемь лѣтъ бываетъ въ двухъ несмежныхъ мѣстахъ поля. Въ этомъ случаѣ въ общинахъ, владѣющихъ небольшимъ надѣломъ *), пастьба скота по пару затрудняется почти до невозможности. Вслѣдствіе этого подобнымъ селеніямъ удобнѣе ярославское четырехполье, при которомъ поля не дробятся такъ сильно, какъ при введеніи восьмиполья. При ярославскомъ четырехпольѣ сѣвооборотъ остается, какъ и при волоколамскомъ восьмипольѣ, восьмилѣтній. Клеверъ сѣется черезъ годъ на цѣлую четверть, поэтому одинъ годъ будетъ перволѣтній клеверъ, другой годъ второлѣтній, третій опять перволѣтній, четвертый второлѣтній и т. д. Это влечетъ за собою нѣкоторую неравномѣрность въ сборѣ сѣна. Неудобство это устранено въ восьмипольѣ: въ этомъ случаѣ посѣвы клевера производятся ежегодно на восьмой части пашни, и ежегодно имѣется и перволѣтній, и второлѣтній клеверъ. Указанные недостатки того и другого сѣвооборота не дѣлаютъ ихъ однако вовсе непригодными. Достоинства ихъ вполнѣ окупаютъ эти недостатки.

Роль земскаго агронома при переходѣ какой-нибудь общины отъ трехполья къ травопольному сѣвообороту заключается въ слѣдующемъ: агрономъ пріѣзжаетъ въ селеніе, собираетъ сходъ и на сходѣ старается убѣдить крестьянъ въ пользѣ введенія травосѣянія. Споръ сводится къ разбору возраженій не общаго характера, а къ тому, что травосѣяніе, возможное вообще, напримѣръ, у сосѣдней общины, невозможно въ данной общинѣ по мѣстнымъ условіямъ. Агрономъ, разобравъ мѣстныя условія и разъяснивъ сѣвооборотъ, порядокъ посѣвовъ клевера, выгоды отъ посѣва, и т. п., убѣждаетъ мало-по-малу сходъ въ неосновательности возраженій противъ введенія травосѣянія. Если сходъ придетъ къ соглашенію ввести травосѣяніе, объ этомъ составляется приговоръ, который передается въ волостное правленіе для утвержденія, а оттуда пересылается въ уѣздную управу. Осенью и весною агрономъ отправляется въ селенія, которыя прислали приговоры, съ геодезическими инструментами, чтобы дополнить планъ владѣнія **) подробностями. Необходимо отдѣлить пашню отъ луговъ, выгона и лѣса, и снять на планъ границы отдѣльныхъ ярусовъ. Составивъ подробный планъ, агрономъ подбираетъ наиболѣе подходящую новую группировку ярусовъ по четыремъ

---

*) Небольшимъ, по абсолютной величинѣ надѣла, а не по числу десятинъ на долю хозяина.

**) Планъ владѣній каждой общины можно достать изъ губернской чертежной, но этотъ планъ, за исключеніемъ границъ, является въ большинствѣ случаевъ устарѣвшимъ.

(или сколько потребуется) полямъ. Чтобы достигнуть большей равномѣрности въ поляхъ, ярусы измѣряются на планѣ планиметромъ.

Мы видимъ, что при введеніи травосѣянія совершенно не нуженъ коренной передѣлъ. Если говорятъ о передѣлѣ земли, то не о передѣлѣ земли по дворамъ, а о передѣлѣ земли на четыре поля, что вполнѣ достигается перегруппировкой ярусовъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о техникѣ посѣва клевера. Чаще клеверъ сѣется по озими весною, иногда же сѣется и по яровому. Сѣмянъ берется 30 фунтовъ клевера и 10 фунтовъ тимоѳеевки. Самый посѣвъ производится или каждымъ домохозяиномъ отдѣльно на своихъ полосахъ, и тогда сѣмена дѣлятся по душамъ, или же посѣвъ производится сообща всѣми домохозяевами поперекъ полосъ нѣсколькими выбранными или нанятыми сѣвцами. Плата за сѣмена въ этомъ случаѣ раскладывается между домохозяевами по земельнымъ душамъ. Въ 1897году въ Московскомъ уѣздѣ изъ 11 селеній, производившихъ посѣвъ клевера, четыре селенія раздѣлили сѣмена по дворамъ, четыре произвели посѣвъ выбранными сѣвцами поперекъ полосъ, а въ трехъ селеніяхъ посѣяли клеверъ клеверною сѣялкою Кроуна сплошь безъ дѣлежа сѣмянъ.

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка видовъ травосѣянія остановимся на значеніи, которое имѣетъ тотъ или другой видъ. И пріусадебное, и угловое, и правильное травосѣяніе имѣютъ значеніе общественное. Въ то время какъ угловое и правильное травосѣяніе имѣютъ значеніе общинное, приусадебное общиннаго значенія не имѣетъ. Общественное значеніе пріусадебнаго травосѣянія заключается въ томъ, что оно подготовляетъ общинниковъ къ общинному посѣву, опять-таки угловому или правильному все равно, такъ какъ и при томъ, и при другомъ видѣ травосѣянія посѣвы травъ производятся всѣми домохозяевами.

II.

Матеріалами для нашего очерка намъ послужили изданія губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ. Для характеристики развитія травосѣянія статистическія данныя заимствованы изъ *Историческаго очерка экономическихъ мѣропріятій московскаго губернскаго земства*, составленнаго экономическимъ бюро московской губернской управы въ 1895 году. Данныя, характеризующія развитіе углового и пріусадебнаго травосѣянія, собранныя въ 1895 году губернскою управою черезъ сельскихъ старостъ, не полны, такъ какъ въ нихъ отсутствуютъ размѣры площади посѣва клевера, безъ которыхъ характеристика этихъ формъ травосѣянія будетъ неполною. Кромѣ того, при собираніи вышеуказанныхъ свѣдѣній не были зарегистрированы посѣвы клевера на арендованной землѣ, такъ какъ «управою въ данномъ случаѣ собирались свѣдѣнія о травосѣяніи только на надѣльной землѣ» *).

*) *Историческій очеркъ*, стр. 73.

Вслѣдствіе этого цифры должны быть значительно преуменьшены, потому что первоначально травосѣяніе велось главнымъ образомъ на арендованной землѣ. Въ будущемъ этотъ пробѣлъ пополнится данными подворной переписи, которая въ настоящее время производится статистическимъ отдѣленіемъ московской губернской земской управы. Для характеристики развитія правильнаго травосѣянія по всей губерніи мы воспользовались сводною таблицею, приведенною въ докладѣ земской управы о содѣйствіи сельскому хозяйству за 1897 годъ *). Цифры для 1898 г. взяты не изъ графы этой таблицы: «предположено ввести въ 1898 г.»,—а изъ журнала соединеннаго совѣщанія при губернской земской управѣ губернскаго экономическаго совѣта и съѣзда земскихъ агрономовъ 30 іюля 1898 года, изданнаго отдѣльною брошюрой **). Для поселенныхъ сопоставленій мы могли найти данныя только въ докладахъ уѣздныхъ земскихъ управъ, гдѣ приведены списки селеній, приступившихъ къ правильному травосѣянію. Однако такихъ докладовъ въ нашемъ распоряженіи оказалось немного, всего три: по Волоколамскому уѣзду съ данными за 1895, 1896 и 1897 годы, по Клинскому за 1895 и 1896 гг. и по Рузскому—за 1898 годъ.

Свѣдѣнія о размѣрѣ надѣльной площади для поселенныхъ сопоставленій мы черпали изъ земскихъ сборниковъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.; эти свѣдѣнія относятся къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ и являются нѣсколько устарѣлыми. Болѣе новыя данныя однако допускаютъ сопоставленія лишь по волостямъ, исключая, слѣдовательно, болѣе детальный поселенный анализъ. Эти послѣднія данныя суть числа домохозяевъ въ селеніи, собираемыя страховымъ отдѣломъ земской управы и публикуемыя въ сводкѣ по волостямъ въ *Статистическихъ Ежегодникахъ*, издаваемыхъ земскою управою. Для учета скотоводства имѣются поволостныя свѣдѣнія за послѣдніе годы: 1894, 1895 и 1896 ***). Эти свѣдѣнія собираются черезъ посредство сельскихъ старостъ, которые должны представить списки всѣхъ домохозяевъ по своему селенію съ указаніями размѣровъ скотоводства («лошади и крупный рогатый скотъ старше одного года»). Свѣдѣнія эти, собираемыя для практическихъ цѣлей ветеринарнаго бюро губернской земской управы, были провѣрены ****) въ 1894 г. ветеринарными врачами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи. Оказалось, что цифры количества лошадей и рогатаго скота «могутъ считаться вполнѣ точными». Количества же дворовъ оказались нѣсколько уменьшенными, такъ какъ старосты пропускали домохозяевъ, не имѣющихъ скота. Для устраненія погрѣшности данныя объ общемъ количествѣ дворовъ по показаніямъ старостъ были замѣнены весьма точными данными о числѣ домохозяевъ въ селеніи по страховымъ спискамъ, составляемымъ для обязательнаго страхованія страховымъ отдѣленіемъ земской управы. Другимъ

*) Стр. 19.

**) Стр. 26.

***) *Статист. Ежегодн.* за 1895 и за 1897 гг.

****) *Статист. Ежегодн.* 1895 г., стр. 44.

источникомъ для сопоставленій по распредѣленію скота между домохозяевами послужила намъ перепись 10 селеній Калѣевской волости Клинскаго уѣзда, напечатанная безъ подсчетовъ подворно въ докладѣ клинской уѣздной управы за 1896 годъ.

Въ нашихъ сопоставленіяхъ мы вездѣ для характеристики размѣровъ травосѣянія брали общую надѣльную площадь селеній, приступившихъ къ правильному травосѣянію, и всю надѣльную площадь волости, группы волостей или уѣзда и выражали первую цифру въ процентахъ второй. Мы остановились на цифрѣ общей площади надѣла, а не на площади, занятой клеверомъ, по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому что мы и не имѣли возможности во всѣхъ подсчетахъ брать площадь подъ клеверомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ докладахъ эта площадь вовсе не приводится (къ сожалѣнію). Во-вторыхъ, площадь подъ клеверомъ правильнѣе выражать въ процентахъ не отъ общей надѣльной площади, а только отъ площади пашни. Свѣдѣнія же о площади пашни менѣе постоянны въ сравненіи съ площадью надѣла и за болѣе позднее время не имѣются въ печати. Въ-третьихъ, площадь подъ клеверомъ при характеристикѣ правильнаго травосѣянія не особенно важна, такъ какъ величина этой площади въ данномъ случаѣ опредѣляется числомъ полей и сѣвооборотомъ. При восьмиполье въ первый годъ посѣва подъ клеверомъ должна быть восьмая часть или 12,5% пашни, на слѣдующій годъ—уже четверть. При четырехполье съ перваго же года клеверъ занимаетъ четвертую часть пашни. Вычисленія по Рузскому уѣзду показали, что дѣйствительная величина части пашни, занятой клеверомъ, лишь очень на немного отличается отъ цифръ по требованію сѣвооборота, именно: вмѣсто 12,5% мы получили 15,4%, вмѣсто 25% получили 23,9%. Этотъ пріемъ, однако, совершенно нельзя рекомендовать для характеристики развитія травосѣянія углового или подворнаго, такъ какъ въ этихъ случаяхъ величина площади подъ клеверомъ не опредѣляется сѣвооборотомъ и можетъ быть не одинакова въ различные годы въ одномъ и томъ же селеніи.

Неполнота общаго числа случаевъ неправильнаго травосѣянія (вслѣдствіе исключенія изъ подсчета случаевъ посѣва клевера на арендованной землѣ) и отсутствіе свѣдѣній о площади подъ клеверомъ заставили насъ ограничиться изслѣдованіемъ только правильнаго травосѣянія и лишили возможности изучить зависимость правильнаго травосѣянія отъ распространенія углового и приусадебнаго.

Изслѣдовать, кому служитъ земскій агрономъ, помогая приступить къ правильному травосѣянію,—зажиточнымъ слоямъ населенія или болѣе бѣднымъ,—можно двумя путями. Съ одной стороны, можно изучить тѣ измѣненія, которыя произошли вслѣдствіе введенія травосѣянія; съ другой стороны, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, можно изучить различія селеній, приступившихъ къ травосѣянію и неприступившихъ. Первый пріемъ для насъ былъ совершенно невозможенъ за отсутствіемъ матеріаловъ. Мы

не говоримъ, что такихъ матеріаловъ вовсе не существуетъ. Въ экономическомъ и статистическомъ отдѣленіяхъ губернской земской управы кое-какія свѣдѣнія, освѣщающія этотъ вопросъ, уже накопились, но въ печать еще ничего не проникло. Въ силу этого намъ оставался лишь второй путь, давшій намъ интересные выводы. Мы разсмотрѣли условія, вытекающія изъ техники земледѣлія,—распаханность надѣловъ и соотношеніе кормовой и зерновой площадей, т.-е. отношеніе количества сѣнокоса къ пашнѣ, условія землевладѣнія и, наконецъ, условія, вытекающія изъ владѣнія скотомъ и его распредѣленія между домохозяевами.

Если мы вычислимъ проценты пашни для группы селеній Волоколамскаго уѣзда, приступившихъ къ травосѣянію до 1897 года, для группы селеній, приступившихъ къ травосѣянію въ 1897 году и, наконецъ, для группы селеній, не приступившихъ къ травосѣянію до 1898 года, мы увидимъ, что раньше другихъ приступили къ травосѣянію селенія съ большей распаханностью надѣльной площади.

Селенія, приступившія къ травосѣянію до 1897 г., имѣютъ 66,3% подъ пашн.
» » » » въ 1897 » » 55,1% » »
» безъ травосѣянія . . . . . » 54,2% » »

Слѣдующая таблица показываетъ такимъ же образомъ соотношеніе кормовой и зерновой площадей. Опять-таки раньше другихъ приступили къ посѣву съ переходомъ къ новому четырехкратному сѣвообороту селенія съ меньшимъ количествомъ сѣнокоса на 100 десятинъ пашни, т.-е. съ наименѣе благопріятнымъ соотношеніемъ. Съ теченіемъ времени травосѣяніе вводится и въ селеніяхъ съ соотношеніемъ болѣе благопріятнымъ.

На 100 дес. пашни.

Селенія, приступившія къ травосѣянію до 1896 г., имѣютъ 46,05 дес. сѣнокоса.
» » » » въ 1896 » » 53,50 » »
» » » » » 1897 » » 59,88 » »
» безъ травосѣянія . . . . . » 68,65 » »
Необходимо при трехпольѣ *) . . . . . » 200,00 » »

И въ настоящее время **) селенія раздѣлились на двѣ группы: въ селеніяхъ съ травосѣяніемъ на 100 десятинъ пашни приходится 54,6 дес. сѣнокосной площади, т.-е. менѣе средняго по всему Волоколамскому уѣзду (63,8 дес.), тогда какъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя не ввели травосѣянія, 68,6 дес., т.-е. выше средняго, хотя все-таки лишь немного превышаетъ треть (34,3%) количества, необходимаго при трехпольѣ для удобренія всего парового клина.

Итакъ, зависимость введенія травосѣянія отъ условій техники хозяйства очевидна. Условія создаютъ необходимость введенія травосѣянія. Чѣмъ условія тяжелѣе, тѣмъ раньше селенія приступаютъ къ нововведенію; се-

*) Доклады клинскаго уѣзднаго агронома Н. В. Соболева.
**) По 1897 годъ включительно.

ленія, гдѣ условія болѣе благопріятны, приступаютъ позднѣе; и, наконецъ, селенія, гдѣ травосѣяніе не введено еще, поставлены въ наиболѣе благопріятныя условія по сравненію съ селеніями, уже приступившими къ травосѣянію, но не абсолютно, такъ какъ и этимъ селеніямъ не хватаетъ двухъ третей сѣнокосной площади, необходимой при трехпольѣ по-теоретическимъ разсчетамъ ученія объ организаціи сельско-хозяйственнаго производства *).

Для изученія вліянія размѣровъ земельнаго обезпеченія мы сдѣлали сопоставленія двухъ родовъ. Въ первой таблицѣ сгруппированы волости Волоколамскаго уѣзда по размѣру развитія правильнаго травосѣянія, т.-е. по проценту надѣльной земли въ селеніяхъ, въ которыхъ введено травосѣяніе, къ общей надѣльной площади въ волости, и для каждой группы волостей вычисленъ средній надѣлъ дѣленіемъ надѣльной площади на число домохозяевъ по страховымъ спискамъ 1894 года.

	Процентъ надѣльн. площ. въ сел. съ травосѣян. ко всей над. площ. волости.	Число волостей.	Средній надѣлъ на домохозяина въ 1894 году.
I	отъ 56 до 41%	4	9,18 дес.
II	» 39 — 27%	3	8,39 »
III	» 18 — 10%	4	8,19 »

Въ волостяхъ, гдѣ больше развито травосѣяніе, выше и земельный надѣлъ двора (купчія и арендуемыя земли мы не могли принять во вниманіе за отсутствіемъ данныхъ въ волостной группировкѣ). Этотъ выводъ подтверждается и обратной группировкой волостей по величинѣ надѣла на домохозяина. Въ первую группу отнесены пять волостей съ надѣломъ выше средняго по Волоколамскому уѣзду (8,6 дес.), во вторую—шесть волостей съ надѣломъ ниже средняго. Въ первой группѣ волостей съ бо́льшимъ надѣломъ къ 1898 году на 37,45% надѣльной площади имѣлся травопольный сѣвооборотъ; во второй же группѣ волостей съ низшимъ надѣломъ въ селеніяхъ, приступившихъ къ травосѣянію, заключалось 27,7% надѣльной площади.

Большій земельный надѣлъ есть условіе, облегчающее введеніе травосѣянія. Это вполнѣ понятно. Переходъ къ травосѣянію, къ новому сѣвообороту—дѣло необычное, въ пользѣ котораго еще не убѣждены, и поэтому на него рѣшаются селенія нѣсколько болѣе зажиточныя. Но будемъ анализировать явленіе глубже. Постараемся отвѣтить на слѣдующіе вопросы: каково соотношеніе хозяйствъ, различно надѣленныхъ землею, въ группѣ селеній, приступившихъ къ правильному травосѣянію, и какъ измѣнилось это соотношеніе съ теченіемъ времени? Для того, чтобъ отвѣтить на эти вопросы, всѣ селенія Волоколамскаго уѣзда, приступившія къ правильному посѣву травъ, были разбиты мною по величинѣ надѣла на ревизскую

*) *Людоговскій:* „Сельско-хозяйственная экономія". Цифры, приведенныя выше, получены мною подсчитываніемъ поселенныхъ выборокъ изъ *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики.* Т. III. Изданіе московск. губернскаго земства 1879 г.

душу *) на три группы: средняя—съ надѣломъ, близкимъ къ среднему по Волоколамскому уѣзду, первая—съ надѣломъ ниже средняго и третья—съ надѣломъ выше средняго. Для каждой группы былъ вычисленъ процентъ селеній къ общему числу селеній. Оказалось, что четверть всѣхъ селеній, введшихъ травосѣяніе до 1898 г., имѣютъ надѣлъ на ревизскую душу ниже средняго, болѣе половины (55%) имѣютъ средній надѣлъ, и только одна пятая часть селеній имѣетъ надѣлъ выше средняго.

	Надѣлъ на ревизскую душу.	Относительное число селеній, приступившихъ къ травосѣян. до 1898 г.	до 1897 г.	въ 1897 г.	
I . . .	менѣе 3,3 дес.	25,0	19,7	34,2	увеличеніе.
II . . .	отъ 3,4 до 3,9 дес.	54,8	59,1	47,3	уменьшеніе.
III . . .	болѣе 4,0 дес.	20,2	21,2	18,5	уменьшеніе.
		100,0	100,0	100,0	

Третій и четвертый столбцы разсматриваемой таблицы даютъ отвѣтъ на второй вопросъ. Съ теченіемъ времени относительное число малоземельныхъ селеній, приступающихъ къ травосѣянію, возросло, тогда какъ числа селеній съ среднимъ надѣломъ и съ надѣломъ выше средняго упали.

Итакъ, травосѣяніе распространяется сначала въ селеніяхъ съ наименѣе выгоднымъ соотношеніемъ зерновой и кормовой площадей и болѣе распахавшихъ свой надѣлъ, но и нѣсколько болѣе надѣленныхъ землею. Съ теченіемъ времени травосѣяніемъ захватываются селенія съ болѣе благопріятнымъ соотношеніемъ площадей, менѣе распахавшія надѣлъ и въ то же время менѣе обезпеченныя землею.

Чтобы покончить съ изученіемъ земельныхъ условій, намъ остается еще отвѣтить на вопросъ, не является ли малоземелье препятствіемъ къ введенію травосѣянія. Отвѣта будемъ искать опять-таки въ фактѣ введенія травосѣянія общинами съ незначительнымъ надѣломъ. Такія селенія имѣются въ Волоколамскомъ уѣздѣ: одно селеніе, введшее травосѣяніе, имѣетъ 1,8 дес. на ревизскую душу, два селенія имѣютъ 2,1 дес., одно—2,2 дес., а всего селеній, имѣющихъ менѣе 2,5 дес. на ревизскую душу, около восьми процентовъ (8%) всѣхъ селеній, приступившихъ къ травосѣянію. Эти факты говорятъ, что, можетъ быть, только крайнее малоземелье является препятствіемъ къ введенію травосѣянія **).

Большее число домохозяевъ въ селеніи—условіе, вытекающее изъ общинной формы землевладѣнія, казалось бы à priori условіемъ, затрудняющимъ введеніе травосѣянія. Этотъ взглядъ былъ высказанъ въ газетѣ *Зем-*

*) На основаніи поселенныхъ выборокъ изъ вышецитированнаго *Сборника*. Т. III, стр. 1—43. Отдѣлъ II, графа 17.

**) Къ подобному же выводу пришелъ П. А. Вихляевъ, изслѣдуя неправильное травосѣяніе Тверской губ. *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ.* Т. XIII, вып. II. *Крестьянское хозяйство.* Тверь, 1897 г., стр. 187.

ство *) проф. А. И. Скворцовымъ по поводу брошюры агронома Бычкова *Дементьевская община и травосѣяніе* **). Для рѣшенія этого вопроса мы подсчитали среднее число ***) домохозяевъ на одно селеніе въ 1878 г. для группъ селеній, приступившихъ къ травосѣянію въ разные годы. Селенія, приступившія къ травосѣянію въ первые годы, имѣли число домохозяевъ на одно селеніе ниже средняго по уѣзду. Съ теченіемъ времени

Селенія приступили къ травосѣянію.	Число домохозяевъ на одно селеніе.	
До 1896 года имѣли	34,4 челов.	39,1
Въ 1896 году »	37,1 »	
» 1897 » »	44,2 »	
» селеніяхъ безъ травосѣянія	37,1 »	
По Волоколамскому уѣзду . .	37,9 »	

число это растетъ и въ 1897 году оно уже превышаетъ среднее по уѣзду. Это ясно доказываетъ, что большое число домохозяевъ не является условіемъ, затрудняющимъ введеніе травосѣянія. Подтвержденіе этого же вывода мы находимъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, конструированной на основаніи тѣхъ же источниковъ и подобно таблицѣ на предыдущей страницѣ.

Число домохозяевъ въ селеніи.	Относительное число селеній, приступившихъ къ травосѣянію: до 1897 г.	въ 1897 г.	
Ниже 30 человѣкъ . . .	38,8	28,9	уменьшеніе.
Отъ 30 до 40 человѣкъ .	32,8	31,6	»
» 50 » 60 » .	14,9	18,5	увеличеніе.
Выше 60 человѣкъ . . .	13,5	21,0	»
	100,0	100,0	

Проценты селеній крупныхъ по числу домохозяевъ увеличиваются съ теченіемъ времени, а мелкихъ же уменьшаются.

Переходимъ къ характеристикѣ скотоводства и начнемъ съ разсмотрѣнія распредѣленія лошадей по домохозяевамъ 10 селеній Калѣевской волости, Клинскаго уѣзда, въ сравненіи со всѣми 67 селеніями Калѣевской волости. Перепись 10 селеній произведена клинскимъ агрономомъ зимой (февраль) 1895 г., передъ введеніемъ въ этихъ селеніяхъ травопольнаго сѣвооборота; результаты переписи напечатаны подворно въ докладѣ клинской управы за 1895 г. безъ сводки. Сводка этихъ данныхъ была произведена нами самостоятельно. Свѣдѣнія по всей волости взяты изъ *Статистическаго Ежегодника* за 1897 г. и относятся къ марту 1895 г. ****). Слѣдовательно, данныя одновременны.

*) *Земство* 1881 г., т. I, № 16, стр. 9.

**) Новгородъ, 1880 г.

***) *Сб. ст. св. по Моск. губ.*, т. III, стр. 1—43, отд. II, графа II.

****) *Стат. Ежегодникъ* за 1895 г., стр. 44.

	Проценты хозяйствъ. Всей Калѣевской волости.		10 селеній Кал. вол. съ травосѣяніемъ.	
Безлошадныхъ	28,7		11,8	
Съ 1 лошадью	51,3	67,2	67,0	85,7
Съ 2 лошадьми . . .	15,9		18,7	
Съ 3 и болѣе	4,1		2,5	
	100,0		100,0	

Въ первой графѣ, характеризующей распредѣленіе хозяйствъ по владѣнію лошадьми во всей волости, цифры крайнихъ группъ выше, а цифры среднихъ группъ ниже, чѣмъ во второй графѣ, которая характеризуетъ селенія, приступившія къ травосѣянію. Эти цифры опровергаютъ положеніе, что травосѣяніе вводится въ селеніяхъ дифференцированныхъ въ большей степени, чѣмъ окружающія селенія, не приступавшія къ травосѣянію.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію распредѣленія крупнаго рогатаго скота, мы должны сдѣлать оговорку, касающуюся опредѣленія понятія «безкоровный дворъ»,—считать ли коровнымъ такой дворъ, который имѣетъ только нетелившійся молоднякъ? Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе того, что данныя, какъ указано выше, получены изъ разныхъ источниковъ. Свѣдѣнія о всей Калѣевской волости получены отъ старостъ, и, очевидно, въ этихъ данныхъ не дѣлается такого подробнаго раздѣленія по возрасту, какое дѣлаютъ агрономы въ своихъ переписяхъ. Отсутствіе этого раздѣленія позволяетъ думать, что нетели были зачтены за корову, такъ что хозяйства, имѣющія только нетелей, не попали въ группу безкоровныхъ. Мы въ своихъ подсчетахъ поступили такъ же, но все-таки мы подсчитали процентъ хозяйствъ, не имѣющихъ коровъ, хотя бы и имѣющихъ молоднякъ старше года. Разница въ сравненіи съ первымъ способомъ получилась небольшая, всего 2,1%. Этотъ прибавокъ, конечно, не можетъ измѣнить характера изучаемаго явленія. Слѣдующая таблица показываетъ, что хозяйства Калѣевской волости распредѣлились такимъ образомъ: группа хозяйствъ, не имѣющихъ скота, многочисленнѣе группы хозяйствъ многокоровныхъ. Десять селеній имѣютъ обратное распредѣленіе хозяйствъ: хозяйствъ безъ скота меньше, чѣмъ хозяйствъ послѣдней группы, имѣющихъ болѣе трехъ коровъ.

	Проценты хозяйствъ Всей Калѣевской вол.	10 сел. приступ. къ травосѣян.
Безкоровныхъ	20,7	5,1
Съ 1 коровою	21,7	22,7
» 2 коровами	29,0	38,0
» 3 »	19,3	19,9
» болѣе 3 коровъ . . .	9,3	14,3
	100,0	100,0

Меньшій процентъ безкоровныхъ и большій многокоровныхъ указываетъ, что селенія, приступившія къ травосѣянію, обезпечены крупнымъ рогатымъ скотомъ лучше, чѣмъ остальныя селенія волости. Но въ какой группѣ селеній распредѣленіе крупнаго скота менѣе равномѣрно? Для отвѣта мы соединимъ крайнія группы въ общую сумму. Сумма трехъ среднихъ группъ больше въ 10 селеніяхъ (80,6), чѣмъ во всей Калѣевской волости (70,3). Далѣе, группа хозяйствъ съ двумя коровами значительно больше въ 10 же селеніяхъ (38,5), чѣмъ во всей Калѣевской волости (28%). Сумма же крайнихъ группъ въ 10 селеніяхъ значительно меньше (19,4), чѣмъ во всей Калѣевской волости (30,0). Эти указанія приводятъ насъ къ выводу, что селенія, приступившія къ травосѣянію, лучше снабжены скотомъ и въ то же время менѣе дифференцированы.

Разсмотрѣнныя поселенныя сопоставленія подкрѣпляются сопоставленіями по волостямъ Рузскаго и Волоколамскаго уѣздовъ. Всѣ волости Рузскаго уѣзда разбиты на двѣ группы: въ первую вошли 5 волостей, въ которыхъ травосѣяніе введено менѣе, чѣмъ на 8% надѣльной площади въ каждой, а въ среднемъ для всей группы на 4,4% площади. Во вторую группу вошли пять волостей, гдѣ травосѣяніе развито болѣе значительно, въ каждой волости площадь съ травопольнымъ сѣвооборотомъ не менѣе 13% всей надѣльной площади, а въ среднемъ для пяти волостей—20,5%.

Рузскій уѣздъ.	I		II	
	Травосѣяніе развилось слабѣе		значительнѣе.	
	Проценты хозяйствъ.			
Безлошадныхъ	24,5		23,7	
Съ 1 лошадью	49,1	69,0	49,5	70,8
» 2 лошадьми. . . .	19,9		21,3	
» 3 и болѣе лош. . .	6,5		5,5	
	100,0		100,0	

Такимъ же образомъ сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ волости Волоколамскаго уѣзда. Въ первую черту вошли пять волостей съ площадью съ травосѣяніемъ въ каждой волости менѣе 33%, а въ среднемъ для всѣхъ пяти волостей 16,2% надѣльной площади. Во вторую группу вошли остальныя волости, имѣющія 43,8% надѣльной площади съ травопольнымъ сѣвооборотомъ:

Волоколамскій уѣздъ.	I		II	
	Травосѣяніе развилось слабѣе		значительн.	
	Проценты хозяйствъ.			
Безлошадныхъ	20,6		19,9	
Съ 1 лошадью	40,8	68,6	47,8	72,3
» 2 лошадьми. . . .	27,8		24,5	
» 3 и болѣе лош. . .	10,8		7,8	
	100,0		100,0	

Чтобы выдѣлить три группы, мы сгруппировали волости Волоколамскаго и Рузскаго уѣздовъ вмѣстѣ. Въ первую группу съ болѣе слабымъ (сравнительно) развитіемъ травосѣянія вошли четыре волости Волоколамскаго уѣзда и три Рузскаго; во вторую группу—съ среднимъ развитіемъ травосѣянія вошло 3 Волоколамскихъ и 5 Рузскихъ волостей и, наконецъ, въ третью съ наибольшимъ развитіемъ травосѣянія вошли 4 Волоколамскихъ волости и 2 Рузскихъ. Травосѣяніе въ Волоколамскомъ уѣздѣ развилось значительнѣе, поэтому для раздѣленія на группы волостей Волоколамскаго уѣзда былъ принятъ масштабъ одинъ, а для Рузскаго уѣзда—другой. Въ противномъ случаѣ

	I	II	III
	Развитіе травосѣянія		
	наимен.	среднее	наибол.
	Проценты хозяйствъ.		
Безлошадныхъ.	23,3	20,6	21,9
Съ 1 и 2 лошадьми. . .	68,1	71,3	71,6
» 3 и болѣе лош. . .	8,6	8,1	6,5
	100,0	100	100
Сумма крайнихъ группъ.	31,9	28,7	28,4
Средняя группа	68,1	71,3	71,6

пришлось бы въ первую группу соединить волости только Рузскаго уѣзда, въ третью волости только Волоколамскаго уѣзда, и лишь вторая группа состояла изъ волостей того и другого уѣздовъ.

Для изученія распредѣленія крупнаго рогатаго скота мы остановились лишь на волостяхъ Рузскаго уѣзда, которыя раздѣлили на двѣ группы точно такъ же, какъ дѣлили при сопоставленіяхъ съ лошадьми.

		I		II	
		Травосѣяніе развилось			
		слабѣе		значительнѣе.	
		Процентъ хозяйствъ.			
Безкоровныхъ		19,3		19,2	
Съ 1 головой	крупнаго рогатаго скота. .	18,4	46,6	19,8	49,3
» 2 головами		28,2		29,5	
» 3 головами		20,6	34,1	18,4	31,5
Болѣе 3 гол.		13,5		13,1	
		100,0		100,0	

Разсматривая предыдущія пять таблицъ, мы видимъ, что цифры группъ волостей, различающихся по развитію травосѣянія, близки и отличаются лишь очень незначительно. Однако эти отличія имѣютъ одну общую характерную тенденцію, которой слѣдуютъ безъ исключенія.

Именно въ волостяхъ, въ которыхъ травосѣяніе развилось въ большей степени, процентъ хозяйствъ средней группы (съ 1 лошадью и съ 2 ло-

шадьми) всегда выше, хотя и незначительно, процента хозяйствъ той же группы въ волостяхъ съ болѣе слабымъ развитіемъ травосѣянія.

Проценты же хозяйствъ крайнихъ группъ (безлошадныя хозяйства и хозяйства, имѣющія 3 и болѣе лошадей) всегда ниже въ волостяхъ съ болѣе развитымъ травосѣяніемъ. Другими словами, распредѣленіе скота по хозяйствамъ болѣе равномѣрно въ волостяхъ, гдѣ травосѣяніе развилось значительнѣе.

Итакъ, подводя итогъ всему вышесказанному о распредѣленіи скота между домохозяевами, мы приходимъ къ заключенію, что травосѣяніе нигдѣ не сопутствуетъ бо́льшей неравномѣрности въ распредѣленіи ни лошадей, ни крупнаго рогатаго скота, что къ травосѣянію приступаютъ селенія не болѣе дифференцированныя, а наоборотъ, селенія болѣе однородныя.

До сихъ поръ мы ограничивались поселенными и поволостными сопоставленіями, всегда не выходящими за предѣлы одного или двухъ уѣздовъ. Теперь мы переходимъ къ по-уѣзднымъ сопоставленіямъ и, по причинѣ неполноты *) свѣдѣній о пріусадебномъ и угловомъ травосѣяніяхъ обратимъ наше вниманіе исключительно на правильное полевое травосѣяніе. Первый случай посѣва травъ съ переходомъ отъ зернового трехполья къ улучшенному зерновому травопольному сѣвообороту относится къ 1892 г. и Волоколамскому уѣзду. Въ остальныхъ уѣздахъ правильное полевое травосѣяніе начинается позднѣе. Появленіе случаевъ правильнаго травосѣянія совпадаетъ съ годомъ учрежденія правильной агрономической организаціи уѣзднымъ земствомъ, которая состоитъ въ приглашеніи уѣзднаго агронома и открытіи кредита для крестьянскихъ обществъ на покупку травяныхъ сѣмянъ. Слѣдующая таблица наглядно подтверждаетъ высказанное положеніе.

	Годъ учреж. агрон. орган.	Числа селеній, приступившихъ къ травосѣянію въ							За всѣ годы до 1897 г. включ.
		1892 г.	93 г.	94 г.	95 г.	96 г.	97 г.	98 г.	
Клинскій	1891 .	—	—	4	1	9	6	16	20
Волоколам.**)	1892 .	2	8	13	4	18	26	65	71
Рузскій	1894 .	—	—	4	2	4	14	37	24
Можайскій	1894 .	—	—	3	6	7	3	?	19
Дмитровскій	1895 .	—	—	2	1	9	11	29	23
Верейскій	1896 .	—	—	—	—	—	5	1	5
Московскій	1897 .	—	—	—	—	—	11	13	11
Звенигородск.	1897 .	—	—	—	—	5	5	>30	10
Подольскій	1898 .	—	—	—	2	—	—	6	2

Уѣзды расположены въ порядкѣ учрежденія агрономической организа-

---

*) См. выше.

**) Цифры взяты изъ доклада волоколамской земской управы по экономической части за 1898 г., стр. 22.

ціи. Цифры, показывающія число селеній, приступившихъ къ травосѣянію въ тотъ или другой годъ, начинаются съ года приглашенія агронома.

Если провести линію сверху внизъ отъ года, въ который былъ приглашенъ агрономъ въ томъ или другомъ уѣздѣ, и слѣва направо по строкѣ этого уѣзда, то мѣсто пересѣченія этихъ двухъ линій раздѣлитъ строку на 2 части: налѣво отъ мѣста пересѣченія цифры отсутствуютъ, направо же находятся начиная отъ мѣста пересѣченія; это совпаденіе появленія селеній съ правильнымъ травосѣяніемъ съ приглашеніемъ агронома заставляетъ насъ отрицать поуѣздныя сопоставленія *) при изученіи травосѣянія, такъ какъ присутствіе въ уѣздѣ агронома есть причина настолько сильно дѣйствующая, что не можетъ быть стерта съ помощью закона большихъ чиселъ, въ особенности при изученіи явленія, которое не представляетъ значительнаго развитія во всѣхъ уѣздахъ. Несмотря на такое мнѣніе о поуѣздныхъ сопоставленіяхъ, мнѣніе, можетъ быть, не для всѣхъ одинаково убѣдительное, мы сдѣлали поуѣздныя сопоставленія. Мы разбили Московскую губернію на 3 группы по проценту надѣльной площади въ селеніяхъ, приступившихъ къ правильному травосѣянію до 1898 года, ко всей надѣльной площади уѣзда. Первая группа охватываетъ четыре западныхъ уѣзда: Волоколамскій, Клинскій, Рузскій, Можайскій; правильное травосѣяніе въ этой группѣ развито сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ. Во второй группѣ, охватывающей уѣзды: Верейскій, Звенигородскій, Московскій и Дмитровскій, травосѣяніе только что начинается и достигло всего 3% надѣльной площади. Юговосточная часть губерніи совершенно не затронута правильнымъ травосѣяніемъ. Для каждой группы мы вычислили среднія цифры.

Районы.	Средній процентъ над. площ. съ травосѣян.	Процентъ пашни.	На 100 дес. пашни десят. сѣнокоса.	Надѣлъ на домохозяина въ 1894 г.	Процентъ хоз. безъ скота.
западный . .	12,9	51,45	51,76	8,66 дес.	15,9
II средній. . .	3,0	45,84	48,42	7,75 »	23,3
III юговост. . .	—	51,94	30,96	6,85 »	17,7.

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что правильно располагаются цифры соотношенія зерновой и кормовой площадей и размѣровъ надѣла, причемъ послѣднія величины располагаются въ томъ же порядкѣ, а первыя въ обратномъ тому, который мы констатировали на поселенныхъ и волостныхъ сопоставленіяхъ. Двѣ остальныя графы не показываютъ никакой зависимости. Чѣмъ же объяснить противорѣчіе и отсутствіе правиль-

*) Такое же мнѣніе высказываетъ земскій статистикъ С. Ф. Рудневъ. Въ своей статьѣ „Распредѣленіе культуръ на пахотныхъ земляхъ Московской губерніи въ 1892 году“ (*Ст. Ежегодникъ за 1893 г.*) онъ пишетъ: „Подраздѣленіе Московской губерніи на районы, на основаніи поуѣздныхъ цифръ, или вообще какая-либо характеристика губерніи на основаніи поуѣздныхъ цифръ уясняетъ положеніе дѣла весьма мало“.

ности въ этой таблицѣ? Правильнѣе всего искать этого объясненія въ отличительномъ свойствѣ группировки, которая принята при конструированіи таблицы. Въ основаніе группировки положены крупныя территоріальныя единицы—уѣзды. Этотъ пріемъ, примѣняемый нерѣдко, въ нашемъ случаѣ оказался не пригоднымъ по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, въ каждую группу вошло незначительное количество уѣздовъ, всего четыре, и во-вторыхъ, проценты площади съ травосѣяніемъ очень не велики. Вслѣдствіе этого средпія не могли стереть вліянія другихъ причинъ введенія травосѣянія, кромѣ сопоставляемыхъ. Для изучаемаго явленія необходимо было примѣнить болѣе тонкіе пріемы статистическаго изслѣдованія, что мы и попытались сдѣлать, и результаты этого опыта мы изложили въ предыдущемъ.

Теперь намъ остается указать тѣ причины, которыя отразились на поуѣздныхъ сопоставленіяхъ. Для этого обратимся къ географіи Московской губерніи. Мы увидимъ, что западная часть губерніи, уѣзды съ наибольшимъ развитіемъ травосѣянія, лежитъ по сосѣдству съ Зубцовскимъ и Старицкимъ уѣздами Тверской губерніи, гдѣ травосѣяніе начинаетъ развиваться со второй половины восьмидесятыхъ годовъ въ видѣ приусадебнаго и углового и достигаетъ значительныхъ размѣровъ къ началу девяностыхъ годовъ, правда, не принявъ и до сихъ поръ той правильной формы, которую мы наблюдаемъ въ Московской губерніи. Это сосѣдство не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ на развитіи травосѣянія въ Волоколамскомъ уѣздѣ, а отъ этого уѣзда травосѣяніе передвигается постепенно на востокъ, захватывая уѣзды: Клинскій, Можайскій, Дмитровскій, Московскій и другіе. На другую причину указываетъ слѣдующая таблица:

Западные уѣзды:	Годъ приглашенія агронома.	Процентъ надѣльн. площ. съ травос.	Средніе уѣзды:	Годъ приглашенія агронома.	Процентъ надѣльн. площ. съ травос.
Волоколамскій . .	1892	21,2	Дмитровскій . . .	1895	3,2
Можайскій . . .	1894	8,2	Московскій . . .	1897	3,2
Клинскій	1891	5,6	Звенигородскій . .	1897	2,2
Рузскій.	1894	4,5	Верейскій	1896	2,5
	до 1894 г.	12,9		1895—1897	3,0

Юговосточные уѣзды, не имѣвшіе до 1898 года агрономовъ, не имѣли до 1898 г. и случаевъ травосѣянія за исключеніемъ двухъ въ Подольскомъ уѣздѣ, гдѣ травосѣяніе возникло благодаря содѣйствію губернскаго агронома. Въ средней части губерніи агрономы приглашены въ періодъ съ 1895 года до 1897 г., въ западной же части до 1894 г. Травосѣяніе въ западной части достигло значительно большаго развитія по сравненію съ средними уѣздами. Итакъ, присутствіе агронома достаточно сильно вліяетъ на развитіе правильнаго травосѣянія *).

*) Мы должны замѣтить, что разсматриваемъ вопросъ о вліяніи агронома на

Остановимся еще на цифрахъ, характеризующихъ объемъ (если можно такъ выразиться) изучаемаго явленія. Къ 1898 году къ травосѣянію приступило 213 селеній въ 8 уѣздахъ Московской губерніи, которые имѣли до этого года агрономовъ; эти 213 селеній составляютъ 6,2% всѣхъ селеній (3,411) указанныхъ уѣздовъ и владѣютъ восемью процентами (7,9%) надѣльной площади. Въ западной части губерніи группа селеній достигаетъ десяти процентовъ (10,5%), съ тринадцатью процентами (12,9) надѣльной площади. Въ одномъ Волоколамскомъ уѣздѣ къ 1898 году уже треть (30,1%) всѣхъ селеній перешла къ травопольному сѣвообороту. Къ 1899 году травосѣяніе возросло еще значительнѣе: такъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ оно охватило уже половину всей надѣльной площади уѣзда (51,4%). Въ Серединской волости этого уѣзда, этотъ процентъ достигъ 85,7, т.-е. «въ будущемъ году вся волость ликвидируетъ трехпольную систему» *) и не черезъ годъ, такъ черезъ два-три вся волость будетъ хозяйничать по-новому. Та же участь ожидаетъ трехполье въ ближайшемъ будущемъ въ Аннинской (73,8%), Муриковской (66,6%), Яропольской (61,8), Буйгородской (52) и Бухоловской (49%) **) волостяхъ; нѣсколько позднѣе это наступитъ въ шести остальныхъ волостяхъ уѣзда. Какъ бы то ни было, а введеніе правильнаго многополья на всѣхъ надѣльныхъ земляхъ Волоколамскаго уѣзда является вопросомъ сравнительно недалекаго времени». Сравнивая ***) цифру селеній, приступившихъ къ травосѣянію до 1898 г., съ числомъ селеній, которыя ввели травосѣяніе въ 1898 году, мы замѣчаемъ, что по нѣкоторымъ уѣздамъ въ одинъ 1898 годъ къ травосѣянію приступили столько же или больше селеній, чѣмъ за всѣ предшествующіе годы, вмѣстѣ взятые.

Въ заключеніе нашего очерка мы должны указать, что нами разсмотрѣны далеко не всѣ условія развитія травосѣянія: расширить наше изслѣдованіе мы не могли вслѣдствіе отсутствія печатныхъ матеріаловъ. Представленныхъ нами цифръ, намъ думается, достаточно, чтобы констатировать сильное прогрессивное движеніе въ техникѣ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства Московской губерніи. Фактъ этотъ указываетъ на возможность перехода отъ трехполья къ болѣе совершенному сѣвообороту при сохраненіи общинной формы землевладѣнія.

Мих. Вонзблейнъ.

распространеніе травосѣянія, оставляя въ сторонѣ другой вопросъ о причинахъ приглашенія агрономовъ одними уѣздными земствами раньше другихъ; вопросъ достаточно интересный, но который въ настоящее время не входитъ въ наши задачи.

*) Докладъ волок. уѣзднаго зем. упр. за 1898 г., стр. 15.

**) Проценты надѣльной площади въ селеніяхъ съ травосѣяніемъ къ общей надѣльной площади волости.

***) См. предыд. таблицу.

Точно ли человѣчеству грозитъ близкая гибель? *)

Das Drüben kann mich wenig kümmern;
Schlägst du erst diese Welt zu Trümmern,
Die andre mag darnach entstehn.
Aus dieser Erde quillen meine Freuden
Und diese Sonne scheinet meinen Leiden;
Kann ich mich erst von ihnen scheiden,
Dann mag was will und kann geschehn.

Кто не помнитъ этой горячей отповѣди Фауста, въ отвѣтъ на то условіе, подъ которымъ Мефистофель предлагаетъ ему свои услуги? Этотъ искренній порывъ страстной привязанности къ жизни, къ этой землѣ — источнику нашихъ радостей, этому солнцу — цѣлителю нашихъ скорбей, невольно пришелъ мнѣ на память, когда, нѣсколько недѣль тому назадъ, мнѣ пришлось выслушивать съ разныхъ сторонъ вопросъ, поставленный въ заголовкѣ этой лекціи. Особенно знаменателенъ онъ былъ въ устахъ нѣкоторыхъ моихъ друзей, философовъ. Еще за нѣсколько минутъ они были готовы, во всеоружіи своей діалектики, убѣждать меня въ томъ, что этотъ внѣшній міръ не имѣетъ объективнаго бытія, что это только форма моего сознанія, въ реальномъ источникѣ которой я не могу быть увѣренъ, что это тотъ же сонъ, миражъ, грёзы наяву... И, тѣмъ не менѣе, они, какъ и простые смертные, были также заинтересованы слухомъ, будто отъ этого сна можно скоро пробудиться, будто эти грёзы могутъ разсѣяться въ очень недалекомъ будущемъ.

Прежде всего, я полагаю, нужно признать, что въ этой тревогѣ нѣтъ ничего постыднаго, узко-эгоистическаго; это прямая противоположность après moi le déluge, бездушнаго честолюбца. Вѣдь сбудется это, все равно, когда насъ уже не будетъ. Намъ, слѣдовательно, жаль не за себя; намъ можетъ быть грустно только при мысли, что тѣмъ идеаламъ, въ болѣе или менѣе отдаленное пришествіе которыхъ мы вѣримъ, — что этимъ идеаламъ не суждено осуществиться за недостаткомъ времени, разъ что человѣчеству грозитъ катастрофа, наступленіе которой, какъ мы могли

*) Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 8 декабря 1898 г.

прочесть въ газетахъ, возвѣщено черезъ какихъ-нибудь нѣсколько столѣтій. Четыре, пять вѣковъ—вѣдь это, въ сущности, ничтожный промежутокъ времени. Я, напримѣръ, живу не Маоусаиловъ вѣкъ и все же я видѣлъ человѣка, который видѣлъ человѣка, видѣвшаго Людовика XIV. Три такихъ жизни, какъ того смоленскаго крестьянина, о которомъ мы недавно слышали изъ газетъ, его отца и дѣда, отдѣляетъ насъ отъ очевидцевъ не сценическаго, а дѣйствительнаго царя Ѳеодора. Слѣдовательно внуки нашихъ внуковъ или ихъ дѣти могутъ быть свидѣтелями начала возвѣщеннаго конца.

Поводомъ къ этой тревогѣ, какъ извѣстно, послужили газетные отчеты о двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ послѣдовательно, два года сряду, двумя знаменитыми учеными Англіи на тѣхъ блестящихъ годичныхъ собраніяхъ британской ассоціаціи, къ которымъ ученый міръ не напрасно привыкъ внимательно прислушиваться, такъ какъ на нихъ раздаются самые авторитетные голоса, оповѣщаются самыя крупныя открытія. Въ настоящемъ году извѣстный химикъ Круксъ указалъ на близкую опасность всесвѣтнаго голода, а годъ тому назадъ еще болѣе извѣстный физикъ лордъ Кельвинъ (бывшій сэръ Уильямъ Томсонъ) грозилъ человѣчеству опасностью отъ поголовнаго удушенія—асфиксіи.

Такъ какъ оба эти вопроса касаются предмета моей спеціальности—физіологіи растеній, то я и нашелъ умѣстнымъ избрать ихъ предметомъ нашей сегодняшней бесѣды.

I.

Не стану утомлять цифрами, отъ которыхъ отправляется Круксъ, оставляю и общій выводъ изъ нихъ также вполнѣ на его отвѣтственности, такъ какъ интересъ тѣхъ его заключеній, на которыхъ мы остановимся, не измѣнится, даже если бы и ближайшія посылки оказались менѣе убѣдительными, чѣмъ это кажется ему самому. Замѣчу только, что Круксъ весьма скептически относится къ результатамъ оффиціальной статистики и пытался получить свои цифры, по возможности, изъ первыхъ рукъ, отъ авторитетныхъ корреспондентовъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Соображенія и вычисленія Крукса касаются одного только пшеничнаго хлѣба, который онъ справедливо считаетъ типической, незамѣнимой пищей дѣятельной, прогрессирующей кавказской расы,—пищей, которую не замѣнитъ рисъ, этотъ главный источникъ питанія численно преобладающихъ населеній неподвижнаго Востока *). Дѣйствительно, ни одинъ хлѣбный злакъ не представляетъ намъ такого выгоднаго сочетанія двухъ основныхъ началъ пищи: азотистаго—бѣлковъ и безазотистаго—углеводовъ. Первое начало, какъ извѣстно, представлено въ хлѣбномъ зернѣ такъ называемою

*) Въ соображеніяхъ Крукса сквозитъ и другая, болѣе ограниченная и опредѣленная забота—забота о прокормленіи его родного острова, въ случаѣ враждебной континентальной коалиціи. Онъ между прочимъ указываетъ, что въ Англіи уже предположено организовать громадныя зернохранилища съ запасами на черный день.

клейковиной, второе—крахмаломъ. Буссенго любилъ называть клейковину viande végétale, на основаніи ея близкаго сходства съ бѣлкомъ животнаго происхожденія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда А. Н. Бекетовъ и графъ Л. Н Толстой начали свою пропаганду вегетаріанства, я пробовалъ дѣлать изъ этой viande végétale битки или котлеты. Результатъ оказался не совсѣмъ ожиданный; по запаху и вкусу поджаренная клейковина напоминала не жареное мясо, а поджаренную на сковородѣ яичницу — omelette. Получилось нѣчто тяжелое и трудно варимое, но, вѣроятно, это вегетаріанское мясное блюдо можно было бы усовершенствовать, подвергнувъ клейковину предварительному дѣйствію дрожжей или соды, чтобы сдѣлать массу болѣе легкой и пористой. Давно замѣчено, что мы не обращаемъ вниманія на самые замѣчательные факты только потому, что они слишкомъ обыкновенны. Въ самомъ дѣлѣ, многимъ ли приходила въ голову мысль, что ломоть хорошо испеченаго пшеничнаго хлѣба (да еще съ добавленіемъ масла, что почти приближаетъ его къ нормальному питанію) составляетъ одно изъ величайшихъ изобрѣтеній человѣческаго ума, одно изъ тѣхъ эмпирическихъ открытій, которыя позднѣйшимъ научнымъ изысканіямъ приходится только подтверждать и объяснять. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сотенъ тысячъ растеній, населяющихъ землю, нужно было найти то, которое представляетъ наилучшее сочетаніе неизвѣстныхъ веществъ (бѣлковъ и углеводовъ), соединенныхъ въ органахъ растенія, легко собираемыхъ и сохраняемыхъ, подвергнуть эти органы измельченію и обработкѣ водой, превращая ихъ въ неудобоваримое тѣсто. Рядомъ съ этимъ, уже окончательно не сознавая того, произвести культуру другого, невидимаго организма — дрожжевого грибка, котораго нѣмецкій ботаникъ Рэесъ справедливо назвалъ простѣйшимъ изъ нашихъ культурныхъ растеній. Вызвать далѣе культуру этого грибка въ тѣстѣ и тѣмъ заставить тяжелую, вязкую массу превратиться въ легкую, пузырчатую, наконецъ, охватить ее жаромъ и заставить застыть въ томъ пористомъ состояніи, которое, благодаря его громадной поверхности соприкосновенія съ соками пищепріемнаго канала, сдѣлало ее легко переваримой.

Нельзя не согласиться съ Круксомъ, что «накопленный опытъ цивилизованнаго человѣчества отвелъ пшеницѣ совсѣмъ особое мѣсто, какъ пищѣ, наиболѣе пригодной для развитія мышцъ и мозга», почему она и составляетъ главный хлѣбъ для жителей Европы, Соединенныхъ Штатовъ, Австраліи и бѣлаго населенія Южной Африки. Съ другой стороны понятно, что соображенія, развиваемыя Круксомъ относительно пшеницы, mutatis mutandis примѣнимы и къ другимъ хлѣбнымъ растеніямъ, имѣющимъ своихъ потребителей.

Точкой отправленія Круксу служатъ цифры, доказывающія быстрое возрастаніе количества хлѣба, потребляемаго среднимъ человѣкомъ, и такое же быстрое возрастаніе числа ѣдоковъ. Такъ, за послѣднія двадцать пять лѣтъ количество потребляемаго пшеничнаго хлѣба на человѣка возросло во Франціи на 20%, въ Бельгіи — на 50%, въ Австро-Венгріи — на 80%, въ Скандинавіи—на 100%.

Число потребителей пшеничнаго хлѣба было:

въ 1871 г.	371.000,000 чел.
» 1881 »	416.000,000 »
» 1891 »	472.000,000 »

Въ настоящее время оно, вѣроятно, достигаетъ 516.000,000 чел.; такимъ образомъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ за каждый годъ прибывало 4.300,000 ртовъ, а теперь по 6.000,000.

Количество зерна, необходимое для прокормленія этихъ 516.000,000 ртовъ, при обычномъ среднемъ раціонѣ, будетъ 2.324.000,000 бушелей (для пищи и посѣва) *).

По свидѣтельству лучшихъ авторитетовъ, общій урожай 1897—98 года доставилъ 1.921.000,000 бушелей. Потребность 516.000,000 ѣдоковъ въ хлѣбѣ и сѣменахъ равняется, какъ мы только что видѣли, 2.324.000,000 бушелей; такимъ образомъ оказывается дефицитъ въ 403.000,000 бушелей, который не ощущается только благодаря остатку въ 300.000,000 бушелей отъ предшествовавшихъ годовъ; но съ будущаго года положеніе дѣла будетъ таково: 103.000,000 бушелей дефицита и новыхъ 6.000,000 ртовъ для прокормленія.

Какой же исходъ изъ этого положенія? Очевидно, необходимо увеличить площадь пшеничныхъ культуръ, и вотъ Круксъ перебираетъ одну за другой всѣ страны міра, оцѣнивая, гдѣ и въ какихъ размѣрахъ можно ожидать увеличенія этой площади. Мы не станемъ разбирать его соображеній, повторяю, основанныхъ, по его словамъ, на данныхъ, полученныхъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ **), причемъ, въ случаяхъ разногласія, онъ всегда останавливался на цифрахъ, наименѣе располагающихъ «къ выводамъ сенсаціоннымъ или возбуждающимъ панику». Окончательное заключеніе, къ которому онъ приходитъ, сводится къ тому, что при наибольшемъ расширеніи пшеничной площади всего міра получится еще какихъ-нибудь 100.000,000 акровъ ***), что при существующей теперь средней урожайности покроетъ потребности возрастающаго населенія только до 1931 года.

Что же будетъ далѣе? Круксъ отвѣчаетъ, что единственный исходъ заключается въ поднятіи урожайности современныхъ культуръ при помощи удобреній. И какихъ именно удобреній? Какія удобренія наиболѣе суще-

---

*) Бушель равняется 1,38 четверика.

**) Такъ, напримѣръ, относительно Соединенныхъ Штатовъ онъ приходитъ къ заключенію, что не далѣе какъ черезъ одно поколѣніе они явятся исключительно потребителями и будутъ уже не экспортировать, а импортировать пшеницу. Относительно Сибири онъ приводитъ, высказанное въ 1896 году, мнѣніе министра путей сообщенія князя Хилкова: „Сибирь никогда не производила и не будетъ производить въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія своихъ потребителей". Такой же отзывъ далъ и нашъ извѣстный ученый князь Крапоткинъ.

***) Въ настоящее время по Круксу подъ пшеницей 163.000,000 акровъ, слѣдовательно въ суммѣ окажется 263.000,000.

ственны для хлѣбныхъ злаковъ? Опытъ отвѣчаетъ — азотистыя. Круксъ перебираетъ послѣдовательно различныя азотистыя удобренія и останавливается, какъ на самомъ совершенномъ, на удобреніи азотной кислотой, т.-е. селитрой. И это его мнѣніе согласно съ воззрѣніями лучшихъ авторитетовъ по этому вопросу. Начиная съ Буссенго и кончая самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ значенія селитры П. Вагнеромъ, цѣлый рядъ изслѣдователей признаетъ ее наилучшимъ источникомъ азота для питанія растеній, а Вагнеръ доказываетъ и его полную практичность. Едва ли какое удобрительное вещество изслѣдовано съ такою полнотой, какъ селитра. Лабораторными опытами Буссенго и въ особенности Гельригеля установлено, что въ извѣстныхъ предѣлахъ урожай возрастаетъ пропорціонально количеству доставленной селитры, такъ что при данныхъ условіяхъ можно безошибочно предсказать прибавку урожая въ зависимости отъ доставленнаго количества селитры. Для того, чтобы доказать примѣнимость этихъ выводовъ на практикѣ, Вагнеръ производилъ параллельные опыты въ горшкахъ и въ полѣ и результаты ихъ были согласны *).

Въ природѣ, въ естественныхъ почвахъ, растеніе также постоянно встрѣчаетъ селитру, являющуюся результатомъ дѣйствія двухъ микроорганизмовъ, изученныхъ нашимъ извѣстнымъ ученымъ С. Виноградскимъ. Нѣкоторые пріемы культуръ пытаются даже объяснить тѣмъ, что они способствуютъ образованію селитры въ почвѣ или ограждаютъ отъ ея непроизводительной траты. Другимъ естественнымъ источникомъ азота для растеній является дѣятельность микроорганизмовъ, поселяющихся на корняхъ бобовыхъ растеній, сообщая имъ способность усвоять азотъ атмосферы. Такимъ образомъ главные изъ естественныхъ источниковъ азота связаны съ наличностью такого капризнаго и трудно-регулируемаго фактора какъ присутствіе въ почвѣ извѣстнаго населенія микроорганизмовъ. Прибавимъ къ тому, что рядомъ съ микроорганизмами, приводящими азотъ въ удобоусвояемую для культурнаго растенія форму, существуютъ другіе микроорганизмы, которые разлагаютъ азотистыя соединенія и возвращаютъ ихъ азотъ въ атмосферу. Съ этой послѣдней точки зрѣнія въ агрономической литературѣ даже возникла извѣстная оппозиція противъ примѣненія навоза, какъ такой формы удобренія, изъ которой не весь азотъ можетъ быть практически утилизируемъ. Вторую половину нашего вѣка можно назвать вѣкомъ бактеріолатрія, т.-е. почти суевѣрнаго преклоненія передъ этой новой отраслью изслѣдованія; особенно начинаетъ оно проявляться у насъ въ примѣненіи къ агрономіи, причемъ глашатаями этого направленія

*) Всѣ эти основныя положенія были демонстрированы на лекціи фотографическими изображеніями результатовъ опытовъ въ горшкахъ и въ полѣ. Должно замѣтить, что жизнь и здѣсь опередила науку. Буссенго любилъ разсказывать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи, гдѣ наблюдалось выцвѣчиваніе селитры изъ почвы, крестьяне подмѣтили, что съ того же участка можно получать или мало селитры и хорошіе урожаи пшеницы, или наоборотъ—извлекать изъ почвы селитру въ ущербъ урожаямъ.

являются нерѣдко люди, имѣющіе о немъ крайне смутное представленіе. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что какъ во всякомъ дѣлѣ должно стремиться освободить себя отъ излишнихъ посредниковъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ человѣку лучше выступить непосредственнымъ сознательнымъ дѣятелемъ, чѣмъ возлагать свои надежды на такихъ невѣрныхъ посредниковъ, каковы бактеріи, рискуя порою вмѣсто союзниковъ наживать враговъ *). Я полагаю, что конечные результаты при изученіи этихъ организмовъ должны свестись къ тому, чтобы, вывѣдавъ у нихъ ихъ тайну, затѣмъ обойтись безъ ихъ услугъ, замѣнивъ ихъ капризный витализмъ—химизмомъ сознательной техники человѣка. Имѣетъ ли человѣкъ другіе болѣе вѣрные источники селитры, чѣмъ кропотливый трудъ монадъ, заготовляющихъ селитру въ почвѣ. Извѣстно, что въ одной мѣстности Чили, благодаря совершенно исключительнымъ климатическимъ условіямъ, т.-е. постоянному бездождію, образовались громадныя залежи селитры, обязанные своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, дѣятельности тѣхъ же организмовъ въ теченіе несмѣтнаго ряда вѣковъ. Вотъ изъ этого-то источника западный земледѣлецъ можетъ пока черпать вѣрное подспорье плодородія своихъ полей. Вагнеръ приводитъ убѣдительнѣйшія цифры въ доказательство «практичности» этого источника удобренія, несмотря на его полученіе изъ такой дали. Въ опытахъ Вагнера сто килограммовъ чилійской селитры увеличивали урожайность ячменя на четыреста килограммовъ зерна и соотвѣтствующее количество соломы. Сопоставляя цѣнность удобренія и полученной *прибавки* урожая, онъ приходитъ къ выводу, который при переводѣ на наши единицы выражается увеличеніемъ чистой прибыли въ семьдесятъ пять рублей на десятину. Конечно, эти цифры годны для Дармштадта и мнѣ не извѣстно, во что онѣ могли бы превратиться при нашихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и цѣнѣ селитры.

Итакъ, въ чилійской селитрѣ мы имѣемъ драгоцѣнное средство для поднятія уражайности нашихъ хлѣбовъ, и неудивительно, что земледѣлецъ Запада все болѣе и болѣе черпаетъ изъ этого источника плодородія. Каждый годъ чилійской селитры вывозится около 1.400,000 тоннъ. Спрашивается, на долго ли достанетъ ея запаса. Круксъ вновь обращается къ на-

---

*) Мы уже видѣли, что рядомъ съ бактеріями, образующими селитру, могутъ встрѣчаться и другія, ее разлагающія. Другой случай представляютъ бактеріи бобовыхъ растеній. Извѣстно, что главнымъ препятствіемъ для разведенія клевера является такъ называемое клеверное утомленіе почвы, причина котораго еще недостаточно извѣстна. Исходя изъ того факта, что зараженіе корней бобовыхъ этими благодѣтельными бактеріями представляетъ всегда двѣ стадіи: одну, когда бактерія одолѣваетъ растеніе и оно видимо хирѣетъ, и другую, когда растеніе одолѣваетъ бактерій и пожираетъ ихъ, я высказывалъ мысль, не будетъ ли клеверное утомленіе зависѣть отъ излишняго загрязненія почвы бактеріями, причемъ первая стадія будетъ брать перевѣсъ или даже устранять вторую. При такихъ условіяхъ польза отъ бактерій можетъ превратиться въ прямой вредъ. Мнѣ очень пріятно было прочесть на дняхъ на страницахъ самаго серьезнаго изъ нашихъ агрономическихъ журналовъ *Хозяинъ*, что нѣкоторые наши практики, повидимому, склоняются къ такому объясненію.

иболѣе свѣдущимъ мѣстнымъ авторитетамъ и получаетъ отвѣтъ, что, при современныхъ условіяхъ вывоза, лучшій сырой матеріалъ истощится черезъ какія-нибудь 20—30 лѣтъ, а болѣе бѣднаго содержаніемъ селитры, относительно выгодности эксплоатаціи котораго еще мнѣнія расходятся, достанетъ едва на пятьдесятъ лѣтъ. Это при современномъ размѣрѣ вывоза; при постоянномъ же возрастающемъ требованіи весь запасъ чилійской селитры, понятно, долженъ истощиться задолго до того рокового 1931 года, къ которому, какъ мы видѣли, Круксъ пріурочиваетъ заполненіе годной подъ пшеницу культурной площади.

Развернувъ передъ слушателями эту мрачную картину, Круксъ освѣщаетъ ее лучомъ надежды, которая позволяетъ намъ вздохнуть свободно въ увѣренности, что эта опасность будетъ отодвинута на неопредѣленно долгій срокъ. На выручку полю явится лабораторія. Задолго до возвѣщаемой катастрофы, химикъ освободитъ земледѣльца отъ его подчиненія бактеріи, снабдивъ его еще болѣе дешевымъ и неограниченнымъ источникомъ азотной кислоты, чѣмъ тотъ, который заключается въ залежахъ чилійской селитры. Онъ будетъ получать азотную кислоту прямо изъ атмосфернаго азота, запасъ котораго можно считать практически-неистощимымъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи знаменитый англійскій ученый лордъ Кавендишъ сдѣлалъ открытіе, что, пропуская черезъ атмосферный воздухъ электрическія искры, можно сжечь азотъ въ азотную кислоту. Это не значитъ, чтобы азотъ могъ самъ горѣть соединяясь съ кислородомъ,—иначе первая зажженная спичка подожгла бы воздухъ, и изъ него полились бы потоки азотной кислоты. Температура, до которой нужно довести этотъ газъ, чтобы онъ загорѣлся, выше температуры его горѣнія, такъ что горящая частица газа не можетъ поджечь смежную съ ней частицу. Другими словами, горѣніе азота должно поддерживаться притокомъ тепла извнѣ, что въ опытѣ Кавендиша и осуществляется постояннымъ пропусканіемъ искръ. Этотъ опытъ, упоминаемый во всѣхъ учебникахъ химіи *) въ послѣднее время вновь обратилъ на себя вниманіе. Еще всѣмъ памятно впечатлѣніе, вызванное извѣстіемъ объ открытіи новой составной части воздуха—аргона. Оказалось, что Кавендишъ не только имѣлъ этотъ аргонъ въ рукахъ, но и приблизительно вѣрно опредѣлилъ содержаніе этого газа въ воздухѣ. Его способъ добыванія аргона заключался въ выжиганіи атмосфернаго азота съ новыми и новыми количествами кислорода, въ остаткѣ оставался несга-

*) Опытъ Кавендиша былъ показанъ на лекціи въ слѣдующей особенно доступной и красивой формѣ. На экранѣ при помощи волшебнаго фонаря пролагается изображеніе капли реактива на азотную кислоту (раствора дифениламина въ сѣрной кислотѣ). Если бросить въ эту каплю ничтожный кристалликъ селитры, то она окрашивается въ ярко-синій цвѣтъ. Тогда ее удаляютъ и замѣняютъ свѣжей каплей того же реактива и къ ней придвигаютъ два электрода, между которыми перескакиваютъ искры отъ румкорфовой спирали (самая маленькая, игрушечная для этого годна). Не проходитъ минуты, какъ въ каплѣ обнаруживается синяя окраска отъ поглощенія образующейся въ воздухѣ, въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ, азотной кислоты.

рающій аргонъ. Лордъ Рэйлей повторялъ опыты Кавендиша на большую ногу и такимъ образомъ получалъ въ значительныхъ количествахъ азотную кислоту черезъ непосредственное окисленіе атмосфернаго азота. На основаніи этихъ-то опытовъ, Круксъ выводитъ цифры, доказывающія возможность практическаго способа добыванія азотной кислоты изъ воздуха. Обычный способъ полученія электрической искры черезъ посредство паровой и динамо-машины не окупалъ бы расхода. Но гдѣ можно имѣть электричество по такой дешевой цѣнѣ, какъ, напримѣръ, на Ніагарѣ, т.-е. вездѣ, гдѣ вмѣсто паровой силы можно воспользоваться естественнымъ двигателемъ, этотъ процессъ уже и теперь представлялся бы выгоднымъ, такъ какъ можетъ дать тонну (1,000 килогр.) селитры за пять фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ какъ продажная цѣна чилійской селитры семь съ половиною фунтовъ. И притомъ одна Ніагара безъ большого ущерба своему могучему теченію могла бы снабдить селитрой весь міръ. Слѣдовательно, уже и теперь вопросъ можно считать практически-разрѣшеннымъ; отъ дальнѣйшей же его технической обработки,—замѣчаетъ Круксъ,—зависитъ будущее благоденствіе и счастіе человѣчества. Оказывается, что во Франціи уже нѣсколько лѣтъ взята привилегія на эксплоатацію подобнаго способа. Мнѣ приходилось слышать, что въ Женевѣ уже организуется такой заводъ, который будетъ приводиться въ дѣйствіе теченіемъ Роны. Мы, быть можетъ, находимся наканунѣ капитальнаго переворота въ земледѣліи—полученія самаго важнаго изъ удобрительныхъ средствъ прямо изъ воздуха вездѣ, гдѣ только найдется дешевый источникъ силы. Это будетъ одинъ изъ поразительныхъ результатовъ научнаго творчества, созидающаго цѣнности изъ ничего. Если спросить, что стоитъ воздухъ этой залы, то, конечно, всякій отвѣтилъ бы: ничего. А между тѣмъ оказывается, что его азотъ, превращенный въ селитру, представилъ бы цѣнность въ 2,500 руб.

Итакъ, въ концѣ мрачной перспективы, которую развернулъ передъ нами Круксъ, мы видимъ просвѣтъ, представляющій намъ будущее въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Онъ напугалъ насъ только затѣмъ, чтобъ обнадежить увѣренностью, что пока на свѣтѣ не переведутся ученые, вродѣ Кавендиша и Рэйлей, человѣкъ сумѣетъ выпутаться изъ всякой бѣды. Его совѣтъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобъ обезпечить будущій урожай селитрой, полученной черезъ сожженіе атмосфернаго азота на счетъ атмосфернаго кислорода.

Но радость наша оказывается преждевременной; наши надежды обречены увянуть при самомъ ихъ зарожденіи. На сцену выступаетъ другой пророкъ. Сжигать азотъ насчетъ кислорода атмосферы!—и не думайте объ этомъ, этого кислорода вамъ скоро и такъ не хватитъ. Продолжая жить такимъ ходомъ, какъ вы теперь живете, вы черезъ какихъ-нибудь четыреста, пятьсотъ лѣтъ задохнетесь отъ его недостатка.

II.

Круксъ заставилъ насъ вспомнить объ открытіи Кавендишѣ. Идеи, развиваемыя Кельвиномъ, побуждаютъ насъ вернуться къ одному изъ блестящихъ

открытій другого знаменитаго англичанина конца прошлаго вѣка—Пристлея. Объ этомъ великомъ ученомъ, давшемъ первый толчокъ тому направленію, изъ котораго зародилась современная химія, сложилось совершенно превратное представленіе какъ о кропотливомъ эмпирикѣ, обязанномъ своими открытіями слѣпому случаю. Взглядъ этотъ пущенъ въ ходъ нѣкоторыми нѣмецкими историками химіи, но имъ заразились даже и нѣкоторые англійскіе ученые. Поводомъ къ тому, вѣроятно, послужила его удивительная скромность, его добродушная искренность, не лишенная, впрочемъ, извѣстной скептической ироніи. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ, разбросанныхъ въ его произведеніяхъ: «Хорошо, когда можешь подсмѣиваться надъ своими собственными ошибками, какъ и надъ ошибками другихъ людей. Я охотно давалъ имъ случай позабавиться на мой счетъ, хотя въ моей власти было совершенно скрыть слѣды моихъ ошибокъ. Но я желалъ показать, какъ мало *таинственнаго* въ дѣятельности человѣка, занимающагося экспериментальной философіей и какъ мало въ сущности надо *сообразительности* и даже умысла для того, чтобы дѣлать открытія, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, представляются чѣмъ-то великимъ и достойнымъ изумленія». Такъ, конечно, могъ говорить только человѣкъ, сознававшій, какъ много онъ сдѣлалъ для науки. Въ другомъ мѣстѣ, словно предчувствуя, какое обвиненіе ему будутъ предъявлять его отдаленные критики, онъ говоритъ: «Такъ какъ меня уже прославили какимъ-то *убогимъ производителемъ опытовъ*, то я почти начинаю опасаться, какъ бы другая часть моихъ читателей, наоборотъ, не увидѣла во мнѣ *фантазера теоретика*». «Для того, чтобы отклонить этотъ упрекъ, стоитъ указать, что *теорія* и *опытъ* неизмѣнно должны идти рука объ руку. Каждый опытъ клонится къ подтвержденію какой-нибудь гипотезы, а она, въ свою очередь, не что иное какъ догадка относительно условій или причинъ какого-нибудь естественнаго явленія. Самые изобрѣтательные и тонкіе экспериментаторы, въ широкомъ смыслѣ этого слова, тѣ, кто даютъ полный просторъ своему необузданному воображенію и отыскиваютъ связь между самыми отдаленными понятіями. Даже и тогда, когда эти сопоставленія отдаленныхъ понятій грубы и химеричны, они могутъ доставить другимъ счастливый случай для великихъ и важныхъ открытій, до которыхъ никогда не додумались бы разсудительные, медлительные и трусливые умы».

Такимъ-то именно мастеромъ дѣлать смѣлыя дедукціи—*сопоставлять отдаленныя понятія* и выступаетъ Пристлей въ томъ открытіи, которое навѣки будетъ связано съ его именемъ, и въ то же время можно смѣло сказать, что едва ли въ исторіи изученія природы можно найти второй примѣръ, гдѣ бы законъ такого широкаго значенія, такъ смѣло угаданный, былъ бы такъ просто и окончательно доказанъ. Пристлея болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ занимала та же мысль, на которой останавливаются и современныя соображенія лорда Кельвина: горѣніе, дыханіе, гніеніе, всѣ эти процессы уничтожаютъ въ воздухѣ ту открытую имъ составную часть атмосферы, которая необходима для поддержанія всѣхъ этихъ процессовъ

и которую мы теперь называемъ кислородомъ. Воздухъ, въ которомъ потухла свѣча, уже не можетъ поддерживать горѣніе другой свѣчи, точно такъ же воздухъ, въ которомъ задохлась мышь, не можетъ поддерживать жизни другой мыши. Какимъ же образомъ могло случиться, что атмосферный воздухъ, который постоянно портится, въ теченіе несмѣтныхъ вѣковъ не утратилъ своей способности поддерживать жизнь и горѣніе? Пристлей приходитъ къ заключенію, что на поверхности нашей планеты долженъ существовать какой-то регуляторъ, процессъ, обратный дыханію и горѣнію, процессъ, улучшающій воздухъ, по мѣрѣ того, какъ тѣ два другіе—его портятъ. Что же играетъ роль этого регулятора въ природѣ? Тотъ полетъ смѣлой фантазіи, о которой онъ только что упоминаетъ, побудилъ его, прежде всего приписать это дѣйствіе океану: воздушныя массы, проносясь надъ его необъятнымъ просторомъ, приходя въ прикосновеніе съ его изборожденною волнами поверхностью, будутъ вступать съ нимъ въ обмѣнъ, улучшаться, возстановлять свои прежнія свойства. Опытъ сначала будто бы подтверждалъ эту догадку: испорченный воздухъ, взболтанный съ водой, до нѣкоторой степени улучшается *).

Но вскорѣ онъ убѣдился, что это частичное объясненіе недостаточно: испорченный воздухъ такимъ путемъ не пріобрѣталъ вновь своихъ прежнихъ свойствъ, т.-е. не могъ служить для дыханія и горѣнія. Тогда его дѣятельное воображеніе сближаетъ два другія «отдаленныя понятія», два міра—животный и растительный; его мысль останавливается на другой стихіи, на томъ морѣ зелени, которое разстилается у нашихъ ногъ въ видѣ луговъ и полей, смыкается надъ нашими головами въ зеленомъ пологѣ лѣсовъ. 18 августа 1872 года,—эта дата стоитъ того, чтобъ ее запомнить,—онъ производитъ свой знаменитый опытъ, который раскрываетъ взаимное отношеніе, химическую антитезу двухъ міровъ—растительнаго и животнаго. Подъ опрокинутый надъ водою стеклянный цилиндръ Пристлей помѣстилъ зажженый огарокъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ погасъ, тогда Пристлей просунулъ подъ цилиндръ пучокъ свѣже-сорванной травы (мяты) и оставилъ тамъ его на нѣсколько дней. По прошествіи этого времени огарокъ, внесенный въ этотъ сосудъ, уже могъ вновь горѣть, а мышь дышать. Что можетъ быть проще и элементарнѣе этого опыта—его повторитъ любой ребенокъ, и тѣмъ не менѣе, какъ незыблимо установленъ имъ одинъ изъ самыхъ общихъ законовъ природы, раскрывающій противоположность и гармоническую связь двухъ отдѣловъ живой природы. Въ процессѣ дыханія, углеродъ органическихъ веществъ животнаго организма соединяется съ кислородомъ воздуха и выдѣляется въ атмосферу въ формѣ углекислаго газа. Растенія, и именно

*) Т.-е. углекислота воздуха будетъ при этомъ поглощаться водою, слѣдовательно, положительно вредныя свойства воздуха, зависящія отъ присутствія углекислоты, будутъ устранены, но прежнее содержаніе кислорода, конечно, не возстановится. Даже этотъ неудачный опытъ въ рукахъ Пристлея принесъ плоды: онъ подалъ ему мысль насыщать воду углекислотой и послужилъ началомъ для столь распространеннаго теперь производства искусственныхъ минеральныхъ водъ.

его зеленыя части, подъ вліяніемъ свѣта разлагаютъ углекислоту, возвращая ея кислородъ обратно въ атмосферу, и тѣмъ возстановляютъ ея прежній составъ, исправляя то, что испорчено животнымъ. Открытіе Пристлея было оцѣнено его современниками именно съ этой, такъ сказать, гигіенической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія поддержанія необходимаго для человѣка состава атмосферы. Другой ученый, женевецъ Сенебье, взглянулъ на тотъ же процессъ съ другой точки зрѣнія: когда растеніе выдѣляетъ кислородъ изъ углекислоты, другая составная часть этого газа, углеродъ остается въ растеніи; изъ этого углерода образуется органическое вещество растенія,—процессъ этотъ должно разсматривать, какъ процессъ питанія растенія. На счетъ этого процесса питанія существуетъ непосредственно весь растительный міръ, а косвенно и міръ животный. Растеніе одновременно образуетъ пищу животнаго и возвращаетъ въ атмосферу кислородъ, на счетъ котораго эта пища будетъ въ концѣ концовъ сожжена въ живомъ организмѣ въ процессѣ дыханія. Мы даже знаемъ какія вещества образуются въ зеленомъ листѣ, когда въ немъ разлагается углекислота: это будетъ, главнымъ образомъ, крахмалъ. А если мы доставимъ растенію азотную кислоту (въ видѣ селитры), то на счетъ ея азота и крахмала образуются бѣлки. Этотъ крахмалъ, этотъ бѣлокъ позднѣе перемѣщаются изъ листа въ зерно, гдѣ мы ими и пользуемся для приготовленія хлѣба.

Такъ, дѣятельность растительнаго міра ограждаетъ нашу атмосферу отъ той порчи, вслѣдствіе уменьшенія въ ней содержанія кислорода, которой грозили бы ей дыханіе животныхъ и процессы горѣнія и тлѣнія.

Отъ этой же мысли отправляется и лордъ Кельвинъ, но, вмѣсто того оптимистическаго вывода, котораго придерживались ученые со времени Пристлея, онъ приходитъ къ пессимистическому выводу, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ человѣкъ истребитъ весь кислородъ атмосферы. Какъ могло случиться, что, исходя изъ одного и того же положенія, одинъ ученый, если можно такъ выразиться, заключилъ за здравіе, а другой за упокой человѣчества? Дѣло въ томъ, что лордъ Кельвинъ приписываетъ растенію еще болѣе выдающуюся роль въ экономіи нашей планеты. По Пристлею, растеніе поддерживаетъ нашу атмосферу въ ея современномъ состояніи; по Кельвину, оно не только поддерживаетъ, но и создало нашу атмосферу, насколько это касается кислорода. Онъ исходитъ изъ того положенія, что весь кислородъ нашей атмосферы, вѣроятно, обязанъ своимъ происхожденіемъ растенію *). Онъ считаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы при переходѣ нашей планеты изъ расплавленнаго состоянія въ твердое на ней могъ остаться свободный кислородъ; весь онъ долженъ былъ находиться въ со-

*) Свои мысли лордъ Кельвинъ высказалъ въ одномъ изъ засѣданій британской ассоціаціи въ Торонто. Въ Европѣ этого года сообщеніе передано крайне лаконично; нѣсколько подробнѣе онъ былъ ранѣе переданъ въ англійской газетѣ *Nature*, особенно же вниманіе публики было обращено на этотъ вопросъ популярной статьей Мунро въ *Cassel's Magazine*, откуда оно и распространилось въ другія газеты и популярные журналы.

единеніи; въ атмосферѣ, напримѣръ, въ формѣ углекислаго газа. Этотъ газъ подъ вліяніемъ могучей растительной жизни предшествовавшихъ геологическихъ эпохъ разложился и далъ начало кислороду нашей атмосферы, причемъ углеродъ отчасти отложился въ нѣдрахъ земли въ формѣ залежей угля, лигнита, торфа и проч., отчасти же представленъ современнымъ органическимъ міромъ. Если это положеніе вѣрно, заключаетъ далѣе Кельвинъ, то когда мы сожжемъ весь запасъ угля, то тѣмъ самымъ уничтожимъ и весь кислородъ атмосферы. А если потребленіе угля будетъ расти въ такой же прогрессіи, какъ теперь, то всего этого запаса достанетъ на какія-нибудь пятьсотъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ не останется ни угля въ землѣ, ни кислорода въ воздухѣ, и, такимъ образомъ, гибель человѣчества наступитъ отъ недостатка необходимаго для дыханія кислорода.

Но основное положеніе Кельвина никакъ нельзя признать доказаннымъ или даже вѣроятнымъ. Во-первыхъ, необходимое отсутствіе избытка кислорода въ воздушной оболочкѣ нашей планеты, въ ту эпоху, когда она покрылась твердой корой, едва ли можно считать очевиднымъ: допускаютъ же нѣкоторые изслѣдователи (наприм., Генри Дрэперъ) возможность присутствія кислорода на солнцѣ. Съ другой стороны, растеніе, дѣятельности котораго лордъ Кельвинъ приписываетъ все содержаніе кислорода въ атмосферѣ, само нуждается въ кислородѣ. Способность разлагать углекислоту съ выдѣленіемъ кислорода принадлежитъ исключительно зеленымъ частямъ растенія; оно представляетъ отправленіе его зеленаго вещества—хлорофилла, а этотъ хлорофиллъ, какъ доказываютъ несомнѣнные опыты, не можетъ образоваться безъ кислорода. Въ отсутствіи кислорода, растеніе не зеленѣетъ, а пока оно не позеленѣло, оно не разлагаетъ углекислоты, не выдѣляетъ кислорода. Слѣдовательно, физіологія заставляетъ насъ принять такую послѣдовательность: существованіе кислорода, появленіе зеленаго растенія, разложеніе имъ атмосферной углекислоты и выдѣленіе ея кислорода въ атмосферу. Другая невѣрная мысль лорда Кельвина заключается въ томъ, что онъ опасается недостатка кислорода, между тѣмъ, справедливѣе было бы сказать, что грозитъ опасность отъ избытка углекислоты. Если бы человѣчеству когда-нибудь грозила катастрофа со стороны измѣненія состава атмосферы, то она пришла бы отъ увеличенія содержанія углекислоты; до недостатка въ кислородѣ дѣло не дошло бы, конецъ наступилъ бы ранѣе. Физіологическіе опыты показываютъ, что пониженіе содержанія кислорода на нѣсколько процентовъ еще совмѣстимо съ жизнью, хотя, можетъ быть, понижаетъ дѣятельность животнаго организма, но появленіе нѣсколькихъ процентовъ углекислоты явилось бы, вѣроятно, роковымъ. Слѣдовательно, прежде всего, отъ измѣненія содержанія углекислоты зависитъ пригодность атмосферы для жизни человѣка и животныхъ.

Если основныя посылки лорда Кельвина и не внушаютъ особеннаго довѣрія, то возбужденный имъ вопросъ объ измѣненіи атмосферы, вслѣдствіе дѣятельности человѣка, представляетъ несомнѣнный интересъ. Посмотримъ, прежде всего, сколько находится углекислоты въ атмосферѣ, имѣемъ ли мы

поводы предполагать, что это количество измѣнилось, измѣняется и въ какихъ предѣлахъ возможно его измѣненіе въ будущемъ безъ вреда для человѣка. Среднее содержаніе ея въ атмосферѣ приблизительно *три десятитысячныя* по объему или *четыре десятитысячныя* по вѣсу. Нужно видѣть собственными глазами, чтобы повѣрить, какъ ничтожно малъ кубикъ угля, содержащагося въ этой углекислотѣ, по отношенію къ тому кубу воздуха, въ которомъ она заключается *). И тѣмъ не менѣе отъ этого ничтожнаго кубика зависитъ вся жизнь на землѣ; исчезни онъ изъ воздуха и черезъ годъ, черезъ два поверхность нашей планеты лишится всего своего органическаго населенія. Но это количество угля, столь ничтожное по отношенію къ другимъ составнымъ частямъ воздуха, представляется совсѣмъ инымъ, если мы его выразимъ въ абсолютныхъ величинахъ. Сколько угля находится въ столбѣ воздуха надъ поверхностью нашего поля? Если поверхность его возьмемъ въ одинъ гектаръ **), то въ столбѣ воздуха, до предѣловъ атмосферы, окажется *10 тонъ угля*. Во всей атмосферѣ окажется *500,000 милліоновъ тонъ*. Если бы мы пожелали взвѣсить это количество на вѣсахъ, то на другую чашку вѣсовъ пришлось бы положить 60 мѣдныхъ гирекъ величиною каждая примѣрно въ кубическую версту. Это количество угля составляетъ, такъ сказать, бюджетъ жизни на землѣ, на его счетъ питается растительный міръ, который въ свою очередь питаетъ животныхъ и человѣка.

Насколько могло бы увеличиться это содержаніе углекислоты въ атмосферѣ безъ существеннаго вреда для человѣка? Предѣломъ въ здоровомъ воздухѣ Петенкоферъ считаетъ *7-десятитысячныхъ*, т.-е. въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ атмосферѣ. Воздухъ, содержащій *одну тысячную*, Петенкоферъ считаетъ уже положительно дурнымъ. При одной сотой присутствіе углекислоты уже обнаруживается непріятнымъ ощущеніемъ, при десяти процентахъ жизнь находится въ опасности. Уменьшеніе кислорода на одинъ процентъ едва ли вызоветъ какое-нибудь ощущеніе: животныя вмѣсто нормальнаго содержанія въ 21% могутъ покойно дышать еще при 14% и только при 7% обнаруживаютъ явное стѣсненіе въ дыханіи. Слѣдовательно, гораздо ранѣе наступленія недостатка въ кислородѣ должно обнаружиться вредное вліяніе накопленія углекислоты. Когда содержаніе ея въ атмосферѣ воздуха удвоится или утроится, его уже нужно будетъ признать негоднымъ, такъ какъ соотвѣтственно съ этимъ повысится и содержаніе его въ жилыхъ помѣщеніяхъ и превыситъ допускаемую гигіенистомъ норму. Слѣдить за этимъ, обнаружить это измѣненіе состава воздуха

---

*) На лекціи была показана модель кубическаго метра воздуха и содержаніе въ немъ углекислоты и углерода. Она же служила для наглядnаго представленія о тоннѣ (=1,000 метровъ воды или 1,000 килограммовъ) положенной въ основу всѣхъ послѣдующихъ вычисленій.

**) Приводимъ всѣ вычисленія къ единицѣ метрической системы, всегда болѣе удобной; если желаемъ привести къ десятинѣ, то прикинемъ еще одну десятую,—всѣ разсчеты сдѣланы въ круглыхъ цифрахъ. За единицу вѣса принята вездѣ 1 тонна въ 1,000 килограммовъ.

очень не трудно: кромѣ точныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ пріемовъ, мы имѣемъ слѣдующій пріемъ, приблизительно точный и весьма изящный по своей простотѣ и быстротѣ. Мы имѣемъ реактивъ: очень разведенный растворъ соды, подкрашенный такъ называемымъ фенолфталеиномъ въ красивый розовый цвѣтъ. Стоитъ налить немного этой жидкости въ пробирку, дохнуть въ нее и, заткнувъ отверстіе пальцемъ, взболтнуть и мы увидимъ, что жидкость обезцвѣтится отъ углекислоты, находящейся въ дыханіи. Въ этомъ реактивѣ мы, слѣдовательно, имѣемъ драгоцѣнное средство судить о присутствіи углекислоты въ воздухѣ. Представимъ себѣ теперь небольшой цилиндрическій стеклянный сосудъ, въ которомъ налитъ опредѣленный объемъ этой жидкости, обезцвѣчивающейся отъ извѣстнаго количества углекислоты; при помощи поршня легко можно вбирать въ сосудъ различныя количества воздуха. Сначала беремъ малое количество воздуха и взбалтываемъ—жидкость не обезцвѣчивается; выдвигаемъ поршень далѣе, вновь взбалтываемъ,—повторяемъ эти операціи, пока не дойдемъ до того объема воздуха, который обезцвѣтитъ наконецъ нашъ реактивъ. Понятно, чѣмъ болѣе объемъ воздуха, который необходимо взять, тѣмъ воздухъ лучше, тѣмъ менѣе онъ, значитъ, содержитъ углекислоты. Для большей простоты, на стеклѣ сосуда сдѣланы прямо отмѣтки или баллы воздуху: Aeusserst Schlecht, Sehr Schlecht—Schlecht—Noch zulässig и пр. *). Слѣдовательно, мы имѣемъ и весьма точныя и весьма доступныя средства, чтобы слѣдить за составомъ нашей атмосферы, въ смыслѣ грозящей ей порчи, и забить тревогу задолго до наступленія опасности. Но не имѣемъ ли мы какихъ-нибудь историческихъ указаній на такое ухудшеніе атмосферы. Первыя попытки опредѣлить содержаніе углекислоты въ воздухѣ относятся къ первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка, своими доменными печами, фабричными трубами, пароходами и локомотивами, такъ много постаравшагося надъ порчею атмосферы. Существуютъ ли какія-нибудь указанія на проявленіе этой порчи? Теодоръ Сосюръ произвелъ болѣе двухсотъ анализовъ, въ промежуткѣ между 1816 и 1838 годами, и въ среднемъ оказалось не меньше, а скорѣе больше углекислоты чѣмъ въ настоящее время, а именно—*четыре десятитысячныя*. Химики, правда, полагаютъ, что современные методы анализа болѣе точны, болѣе заслуживаютъ довѣрія; во всякомъ случаѣ, если мы и не положимся на цифры Сосюра, какъ на доказательство, что содержаніе углекислоты въ воздухѣ убыло, то должны признать, что не имѣемъ повода предполагать, чтобы оно прибыло за это столѣтіе.

Посмотримъ, имѣемъ ли мы болѣе поводовъ опасаться за будущее. Прежде всего посмотримъ, насколько человѣкъ отравляетъ атмосферу своимъ дыханіемъ и въ какой мѣрѣ можетъ онъ исправлять ее при помощи

*) На лекціи были сдѣланы пробы воздуха при помощи этого такъ называемаго карбацидометра Вольперта. Въ первый разъ отмѣтка была Sehr Schlecht, во второй разъ, когда администраціей аудиторіи были приняты мѣры для вентиляціи, баллъ оказался уже только Schlecht. Въ любомъ театрѣ результаты несомнѣнно были бы менѣе благопріятны.

растенія. Можно сказать, въ круглыхъ цифрахъ, что каждый человѣкъ въ своемъ дыханіи выбрасываетъ въ атмосферу $^1/_{10}$ тонны угля въ годъ. Посмотримъ теперь, какое количество угля извлекаютъ растенія изъ воздуха. Можно было бы подумать, что наибольшую дѣятельность въ этомъ направленіи должно приписать лѣсу,—дереву, съ его громаднымъ шатромъ. На дѣлѣ оказывается, что наши поля и луга образуютъ болѣе значительную органическую массу. Такъ, по вычисленіямъ Грандо, на каждый гектаръ слѣдующихъ культуръ приходится въ годъ углерода:

на гектаръ	*лѣса*	3	тонны *)
» »	*луга*	4,5	»
» »	*земляной груши* . . .	6	»
» »	*кукурузы* **)	15	»

Со временъ Гумбольдта существуетъ предположеніе, о колоссальной въ сравненіи съ умѣренными странами производительности тропической растительности. Но нѣкоторыя цифры въ этомъ отношеніи показываютъ, что это предположеніе нѣсколько преувеличено. Наиболѣе интенсивная изъ тропическихъ культуръ—культура *сахарнаго тростника*—даетъ на гектаръ *34 тонны углерода*. Если принять во вниманіе, что культура маиса длится четыре мѣсяца, а сахарнаго тростника — одиннадцать, то перевѣсъ окажется на сторонѣ кукурузы, что, вѣроятно, слѣдуетъ приписать тщательному воздѣлыванію земли и удобренію.

Такимъ образомъ, мы въ правѣ заключить, что:

гектаръ лѣса	можетъ	поддержать	дыханіе	30 чел.
» кукурузы	»	»		150 »
» сах. тростн.	»	»		340 »

Переводя на десятины получается, что десятина лѣса можетъ поддержадь дыханіе 33 человѣкъ, а такъ какъ въ настоящее время въ Европейской Россіи считается по 1,3 десятины лѣса на человѣка, то выходитъ, что однимъ лѣсомъ, не особенно уже богатая имъ Европейская Россія, могла бы поддержать дыханіе населенія въ 44 раза болѣе настоящаго. А площадь культуръ, которая и больше, и производительнѣе въ разсматриваемомъ смыслѣ, очевидно, могла бы снабдить необходимымъ кислородомъ и еще большее населеніе, такъ что мы смѣло можемъ сказать, что зеленая поверхность растительности Европейской Россіи могла бы поддержать дыханіе населенія, въ 100 разъ превышающее настоящее ***).

Въ сущности мы и не нуждаемся въ подобныхъ вычисленіяхъ, такъ какъ a priori очевидна слѣдующая аксіома: *сколько на извѣстной площади*

---

*) Эбермейеръ считаетъ 4 тонны.

**) Урожай кукурузы вычисленъ на основаніи результатовъ, полученныхъ съ небольшой удобренной дѣлянки и перечисленныхъ на гектаръ.

***) Площадь пахотной земли, луговъ и выгоновъ относится къ площади лѣсовъ, приблизительно, какъ 42% къ 40%. Остальные 18% неудобной земли также содержатъ зеленую поверхность, болота и пр.

прокормится живыхъ существъ, столько и продышитъ. Самый фактъ, что живое существо сыто, служитъ доказательствомъ, что въ атмосферѣ находится необходимый для его дыханія кислородъ, такъ какъ вся пища образуется въ растеніи въ силу процесса отщепленія отъ углекислоты кислорода, необходимаго для превращенія этого органическаго вещества обратно въ углекислоту. Слѣдовательно, кислородъ, необходимый для окисленія органическаго вещества пищи, уже *заранѣе* обезпеченъ самымъ фактомъ существованія этой пищи. Это соображеніе примѣнимо ко всему животному міру. Мало того, оно такъ же примѣнимо къ процессу горѣнія, пока мы имѣемъ въ виду топливо растительное. Тотъ же растительный процессъ, въ которомъ намъ запасаются дрова, обезпечиваетъ и кислородомъ для ихъ сжиганія. Слѣдовательно, пока человѣкъ ограничиваетъ свои потребности тѣмъ, что ему даетъ органическій міръ, пока онъ живетъ естественною жизнью, онъ можетъ быть спокоенъ, его будущее такъ же обезпечено, какъ и настоящее.

Картина измѣняется, какъ только на сцену выступаютъ искусственныя усложненія, вызываемыя возрастающими потребностями цивилизаціи. Когда явились потребности помимо пищи, одежды и теплаго крова, доставляемаго деревомъ, какъ строительнымъ матеріаломъ и топливомъ; когда съ возрастающей культурой появилась потребность въ металлическихъ и другихъ издѣліяхъ, потребность въ «стальныхъ рабахъ», умножающихъ трудъ рабовъ двурукихъ, а главное—потребность въ ускоренныхъ сношеніяхъ между отдаленными точками земного шара,—тогда явилась и потребность въ новомъ могучемъ источникѣ энергіи и человѣкъ нашелъ его въ залежахъ минеральнаго топлива — угля, нефти и пр. Но этимъ самымъ онъ нарушилъ естественное, какъ мы видѣли, равенство между сжигаемою массой и заранѣе запасеннымъ для нея въ атмосферѣ кислородомъ. Процессъ дыханія, процессъ сжиганія растительнаго топлива—процессъ круговой. Того же нельзя сказать о процессѣ сжиганія минеральнаго топлива; сжигая его, человѣкъ выбрасываетъ въ атмосферу массу углекислоты, о дальнѣйшей судьбѣ которой ему самому, можетъ быть, предстоитъ позаботиться. Въ этомъ и заключается интересный вопросъ, возбужденный лордомъ Кельвиномъ.

Прежде всего полюбопытствуемъ узнать, какъ велико общее количество этого угля, насколько оно можетъ повліять на составъ атмосферы, и если это измѣненіе зайдетъ за предѣлы, совмѣстимые съ нормальною человѣческою жизнью, то на какіе естественные или искусственные факторы можемъ мы положиться для отвращенія грозящаго намъ зла.

Какъ великъ запасъ угля схороненнаго въ землѣ? Согласно своему предположенію, что весь кислородъ въ атмосферѣ произошелъ изъ углекислоты, разложенной растеніемъ, Кельвинъ приходитъ къ тому выводу, что всего горючаго вещества въ формѣ угля, нефти, торфа или древесной массы должно быть въ круглыхъ цифрахъ $^1/_3$ вѣса всего кислорода; а такъ какъ вѣсъ кислорода равняется *1020 милліонамъ милліоновъ тоннъ*, то топливо въ землѣ и на землѣ окажется равно *340 милліонамъ милліоновъ тоннъ*.

Кельвинъ дѣлаетъ изъ этого два вывода, что это количество очень не велико, его достанетъ едва-едва на 500 лѣтъ, и, что еще хуже, къ тому времени будетъ истребленъ весь кислородъ атмосферы. Такъ какъ мы не можемъ согласиться съ нимъ относительно главнаго положенія, то эти цифры для насъ не обязательны, но зато мы пришли къ другому не менѣе неутѣшительному выводу, что ухудшеніе атмосферы въ двадцать разъ меньше этого, т.-е. появленіе въ ней 1% углекислоты сдѣлало бы ее непригодной для нормальной жизни.

Не можемъ ли мы составить себѣ, хотя бы лишь очень приблизительное, но, во всякомъ случаѣ, болѣе реальное представленіе о дѣйствительной порчѣ атмосферы человѣкомъ. Среднее годичное потребленіе угля на землѣ оцѣнивается въ круглыхъ цифрахъ *въ 406 милліоновъ тонъ*. А всего количества угля въ атмосферѣ, какъ мы видѣли *500,000 милліоновъ тонъ*. Слѣдовательно, при современномъ потребленіи угля количество углекислоты въ воздухѣ удвоится черезъ какихъ-нибудь 1,200 лѣтъ, а удвоеніе этого содержанія, т.-е. до 0,0006 вмѣсто теперешнихъ 0,0003 еще допускается гигіеной.

Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что покрытіе искусственныхъ потребностей, вызываемыхъ цивилизаціей, уже и теперь значительно превышаетъ главную естественную потребность человѣка въ дыханіи. Если, какъ мы видѣли, въ круглыхъ цифрахъ, средній человѣкъ на землѣ выдыхаетъ $^1/_{10}$ часть тонны угля, то сжигаетъ онъ угля болѣе $^1/_4$ тонны. Что же будетъ, когда повсемѣстное потребленіе угля достигнетъ размѣра его потребленія въ Великобританіи, приблизительно 4 тонны на человѣка, т.-е. въ 40 разъ превыситъ количество кислорода потребляемаго на дыханіе?

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію другой стороны вопроса: какъ велико количество угля находящагося въ нѣдрахъ земли, т.-е. то предѣльное количество, которымъ человѣкъ можетъ загрязнить атмосферу. Мы признали, что разсчетъ Кельвина, отправляющагося отъ совершенно произвольнаго положенія о первоначальномъ отсутствіи кислорода въ атмосферѣ, не убѣдителенъ. Постараемся сдѣлать болѣе реальную, но притомъ самую широкую оцѣнку. Геологи на основаніи протяженія и средней толщи каменноугольныхъ пластовъ въ Европѣ оцѣниваютъ общій запасъ угля въ этой части свѣта. Конечно, содержаніе этого угля едва ли можно считать предопредѣленнымъ даромъ природы для этой наиболѣе культурной части земного шара, тѣмъ болѣе что и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Китаѣ уже извѣстны громадныя залежи. Если мы сдѣлаемъ, какъ сказали, самое широкое предположеніе, т.-е. допустимъ, что въ нѣдрахъ всей суши находятся такіе же богатства, какъ въ Европѣ, то при такомъ разсчетѣ все количество угля въ землѣ выразится цифрой *15 милліоновъ-милліоновъ тонъ*, т.-е. цифрой въ 22 раза менѣе той, которую даетъ лордъ Кельвинъ. Если по его разсчету на сожженіе всего каменнаго угля и проч. потребовался бы весь кислородъ атмосферы, то по нашему разсчету потребовался бы приблизительно *одинъ процентъ*.

Убыль одного процента кислорода едва ли существенно отозвалась бы на живыхъ существахъ, но прибыль одного процента углекислоты, какъ мы видѣли, несовмѣстима съ нормальною жизнью. Это количество разъ въ 14 превышаетъ содержаніе ея, допускаемое гигіеной *).

Какимъ образомъ удастся человѣку справиться съ этимъ бѣдствіемъ, если оно дѣйствительно наступитъ? Прежде всего не будетъ ли оно отвращено даже безъ его вѣдома растеніемъ. Можетъ вѣдь случиться и такъ, что это предполагаемое бѣдствіе превратится въ неожиданное благополучіе, т.-е. поступленіе большихъ количествъ углекислоты въ атмосферу выразится только увеличеніемъ урожайности растительнаго міра, который будетъ перерабатывать эту углекислоту по мѣрѣ ея поступленія въ воздухъ. Растеніе разлагаетъ углекислоту наилучшимъ образомъ при содержаніи ея примѣрно въ 10%, превышающемъ въ триста слишкомъ разъ ея содержаніе въ атмосферномъ воздухѣ. Но скорость разложенія возрастаетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ содержаніе углекислоты, такъ что изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы растеніе успѣвало поддерживать составъ атмосферы при прежнемъ низкомъ уровнѣ содержанія углекислоты. Мы не знаемъ, какъ скоро возобновляется атмосфера, приходящая въ соприкосновеніе съ листомъ (Грандо считаетъ, что среднимъ числомъ разъ сорокъ въ часъ), будетъ ли этого достаточно при увеличенномъ содержаніи углекислоты, чтобы растеніе успѣвало разлагать попрежнему. Въ настоящее время самыя интенсивныя культуры (какъ мы видѣли сахарнаго тростника) извлекаютъ изъ атмосферы углерода въ три раза болѣе, чѣмъ заключается въ столбѣ воздуха надъ ними, до предѣловъ атмосферы. Если принять, что покрытая растительностью суша составляетъ примѣрно треть всей поверхности нашей планеты, то окажется, что такая растительность, покрывая сплошь всю поверхность земли, перерабатывала бы ежегодно всю содержащуюся углекислоту въ современной атмосферѣ.

Но можемъ ли мы предположить, чтобы такая, самая роскошная намъ извѣстная культура, покрывая *всю поверхность суши*, могла бы перерабатывать за годъ всю массу углекислоты, которая была бы выброшена въ атмосферу вслѣдствіе сожженія всего запаса угля? Едва ли. Такая предѣльная изъ намъ извѣстныхъ культуръ, распространенная на всю поверхность земли дала бы намъ 450,000 милліоновъ тоннъ, а все количество угля мы оцѣнили въ 15.800,000 милліоновъ тоннъ, т.-е. примѣрно въ 35 разъ болѣе. Слѣдовательно, едва ли можно предположить, чтобы современная растительность при настоящихъ условіяхъ успѣла бы вовлечь въ оборотъ всю массу углекислоты, которую человѣкъ выброситъ въ атмосферу, когда сожжетъ весь запасъ угля на землѣ.

Можетъ быть, человѣкъ самъ подоспѣетъ на помощь растенію, увели-

---

*) Петенкоферъ считаетъ 0,0007 предѣломъ допускаемаго ея содержанія, но не забудемъ, что при увеличеніи содержанія въ атмосферѣ увеличится ея содержаніе и въ жилыхъ помѣщеніяхъ

чивъ его производительность при помощи удобренія *) и здѣсь вѣроятно на первомъ планѣ придется поставить то открытіе, которому Круксъ по праву придаетъ такое значеніе, т.-е. возможность экономическаго полученія азота изъ воздуха, превращеніемъ его въ азотную кислоту. Мы видимъ такимъ образомъ, что питаніе растенія (оставляя въ сторонѣ его золу) сводится главнымъ образомъ къ доставленію ему двухъ кислотъ—*азотной* и *угольной*. Чѣмъ обильнѣе обезпечитъ его человѣкъ такъ скудно распространенною азотною кислотой, тѣмъ успѣшнѣе будетъ растеніе эксплуатировать углекислоту воздуха, сохраняя тѣмъ самымъ атмосферу въ состояніи, необходимомъ для дыханія человѣка. Но, можетъ быть, даже при условіяхъ наилучшаго удобренія, производительность растительнаго міра не возрастетъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы вовлечь въ годичный круговоротъ всю массу выдѣленной въ атмосферу углекислоты. Что же въ такомъ случаѣ останется дѣлать человѣку? Очевидно повторить тотъ же процессъ, который уже совершился, т.-е. иммобилизировать часть углерода, находящагося на поверхности земли и въ ея нѣдрахъ. Мы должны себѣ представить три процесса: одинъ круговой, при которомъ углеродъ обращается между организмомъ и атмосферой.

Углекислота атмосферы.

Органическое вещество. Пища и топливо. | Минеральное топливо. | Минеральное топливо. | Иммобилизированный углеродъ.

Другой процессъ, такъ сказать, односторонній: углеродистое вещество, именно минеральное топливо, сжигается, его уголь остается въ атмосферѣ въ формѣ углекислоты. Его накопленіе и грозитъ человѣку бѣдствіемъ. Конечно, самое выгодное, что можетъ сдѣлать человѣкъ, это вовлечь его въ круговоротъ налѣво, увеличить на его счетъ жизненный оборотъ на землѣ, но мы видѣли и увидимъ еще далѣе, что это можетъ оказаться неосуществимымъ. Тогда человѣку останется два исхода: или оставить его въ землѣ, лучше чѣмъ отравлять имъ воздухъ, или исподволь пускать его въ оборотъ, но съ тѣмъ, чтобы использовавъ его одинъ разъ привесть его въ такую же неподвижную, инертную форму, какую онъ представлялъ ранѣе, т.-е. иммобилизировать его, устранить изъ круговорота, какъ это показано на чертежѣ направо. Какую форму примутъ эти запасы углерода? Будутъ ли то вновь вѣковыя лѣса и возвратъ къ деревянной архитектурѣ, или еще лучше клѣтчатка—эта сталь будущаго **), а можетъ быть, это будутъ ко-

*) Мы видѣли, что *относительная* производительность кукурузы въ нашихъ широтахъ оказалась болѣе, чѣмъ сахарнаго тростника подъ экваторомъ и это, вѣрно, слѣдуетъ приписать удобренію.

**) Я говорю сталь будущаго, потому что съ одной стороны изслѣдованія ботаниковъ показали, что она дѣйствительно въ извѣстныхъ механическихъ свойствахъ

лоссальные запасы пищевыхъ веществъ (изъятые изъ употребленія, на черный день, ставшіе негодными, благодаря окончательному истребленію микробовъ) *) или быть можетъ, наконецъ, набобы тѣхъ отдаленныхъ будущихъ вѣковъ станутъ ходить увѣшанные искусственными алмазами, сознавая, что этимъ самоотверженно спасаютъ человѣчество?

Итакъ, три исхода: или растеніе само насъ выручитъ, или мы ему придемъ на подмогу и общими усиліями увеличимъ круговоротъ жизни на землѣ, или этотъ круговоротъ дойдетъ до предѣла и часть углерода придется иммобилизировать въ наиболѣе для человѣка полезной формѣ.— но, ни въ какомъ случаѣ, не смерть отъ удушенія.

А что же станется съ другими потребностями все возрастающей цивилизаціи, — съ потребностями въ тѣхъ милліонахъ «стальныхъ рабовъ», которые уже отчасти приняли на себя и, конечно, все болѣе и болѣе будутъ сокращать трудъ человѣка? Придется ли ограничить число машинъ, за невозможностью снабжать ихъ углемъ? Конечно, нѣтъ. Гораздо ранѣе, человѣкъ вспомнитъ, гдѣ первоисточникъ той энергіи, которой онъ пользуется въ углѣ. Извѣстенъ анекдотъ про Стивенсона, изобрѣтателя паровоза, и геолога Бёкланда. Однажды на прогулкѣ они увидѣли пробѣжавшій невдалекѣ поѣздъ первой въ Англіи желѣзной дороги. «Скажи мнѣ, Бёкландъ,—спросилъ Стивенсонъ,—что приводитъ въ движеніе этотъ поѣздъ?»—«Рука машиниста, который управляетъ однимъ изъ твоихъ чудныхъ локомотивовъ».— «Нѣтъ».—«Паръ, который движетъ паровозъ».—«Нѣтъ».—«Огонь, который разводятъ подъ котломъ».—«Еще разъ—нѣтъ; имъ движетъ солнце, свѣтившее въ ту отдаленную эпоху, когда жили растенія, превратившіяся въ уголь, который машинистъ подбрасываетъ въ топку». Одинъ изъ популяризаторовъ **) идей лорда Кельвина пояснилъ это въ своей статьѣ забавными картинками далекаго будущаго, когда крыши домовъ будутъ снабжены, на подобіе куполовъ, колоссальными собирательными стеклами, концентрирующими солнечный свѣтъ, какъ источникъ даровой энергіи, а летательныя машины будутъ накачиваться, какъ современные паровозы, но не водой, а солнечными лучами, или получать какіе-нибудь аккумуляторы, заряженные солнцемъ. Давно замѣчено, какъ безсильна человѣческая фантазія, создать что-либо такое, чего не подсказала бы ей ранѣе дѣйствительность. Это особенно бросается въ глаза при всякихъ попыткахъ возсоздать воображеніемъ будущее—всегда они оказываются или пародіей, если не пря-

---

не уступаетъ стали, благодаря чему соломина злаковъ представляетъ собою сооруженіе, въ сравненіи съ которыми ничто всѣ Эйфелевы башни и Фортскіе мосты. Съ другой стороны извѣстно, что изъ клѣтчатки начинаютъ уже выдѣлывать предметы вродѣ желѣзнодорожныхъ колесныхъ шинъ и т. д.

*) Въ нашей лабораторіи сохраняется уже лѣтъ двадцать свареное въ крутую яйцо; оно помѣщается въ водѣ, въ сосудѣ заткнутомъ ватой. Нѣтъ повода предполагать, чтобы оно не сохранялось такъ неопредѣленное время.

**) J. Munro въ *Cassell's Magazine*. Эта статья и главнымъ образомъ ея сенсаціонныя иллюстраціи, вѣроятно, болѣе всего способствовали распространенію идей лорда Кельвина.

мой антитезой настоящаго. Такъ и эта мысль о непосредственной утилизаціи солнечнаго свѣта давно уже перешла въ область практическаго приложенія. Посѣтители Парижской выставки 1878 года помнятъ паровую машину Мушо, отопляемую солнцемъ и печатавшую маленькую газету *Le Soleil*. Уже совершенно практическую форму эта утилизація солнечной энергіи получаетъ въ насосахъ Телье, стоющихъ 3—4 тысячи франковъ и орошающихъ большіе участки огородной или садовой земли даровой силой солнца. И этотъ-то могучій запасъ энергіи вѣками тратится безвозвратно, отражаясь обратно въ міровое пространство, между тѣмъ какъ человѣкъ зарывается подъ землю въ поискахъ за углемъ, рискуя въ концѣ-концовъ отравить всю атмосферу, сдѣлать ее непригодною для дальнѣйшаго существованія человѣческаго рода. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, поступательному ходу нашей цивилизаціи не грозитъ даже отдаленная опасность, изсякнетъ ли запасъ угля, или еще ранѣе человѣкъ вынужденъ будетъ, изъ чувства самосохраненія, воздержаться отъ его дальнѣйшей эксплуатаціи, человѣчество не останется безъ могучаго, неограниченнаго, еще болѣе доступнаго и повсемѣстно распространеннаго источника энергіи—солнечнаго луча.

Мысль невольно забѣгаетъ впередъ,—спрашиваешь себя, не въ состояніи ли будетъ человѣчество современемъ воспользоваться солнечнымъ свѣтомъ и безъ содѣйствія растенія? То, что мы теперь уже знаемъ о процессѣ превращенія углекислоты въ органическое вещество, даетъ намъ право отвѣчать на этотъ вопросъ скорѣе утвердительно, чѣмъ отрицательно. Мы знаемъ, что зеленая поверхность растенія представляетъ намъ аппаратъ, поглощающій извѣстные лучи свѣта и затрачивающій ихъ на опредѣленное фотохимическое явленіе разложенія или вѣрнѣе—диссоціаціи углекислоты. Это явленіе диссоціаціи углекислоты, долго казавшееся таинственнымъ, мы уже осуществили въ лабораторіи,—правда, при совершенно иныхъ условіяхъ,—но это не исключаетъ возможности, что, можетъ быть, завтра же мы научимся ее разлагать при тѣхъ же условіяхъ, т.-е. при дѣйствіи лучистой теплоты вмѣсто теплоты нашихъ химическихъ печей. Другая сторона явленія—полученіе тѣхъ же продуктовъ синтеза, что и въ растеніи,—задача синтетической химіи, а она за послѣдніе полвѣка почти съ каждымъ днемъ дѣлаетъ такіе успѣхи, что конечно, никакой здравый умъ не подумаетъ указать ей предѣлы. Бертло, иниціаторъ этого направленія въ химіи, не сомнѣвается, что наука не далѣе будущаго столѣтія *), осуществитъ эту задачу, т.-е. синтезъ питательныхъ веществъ.

Мы можемъ пойти еще далѣе, мы можемъ смѣло сказать, что искусственный аппаратъ, которымъ человѣкъ современемъ замѣнитъ растеніе, будетъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣе и вотъ на основаніи какихъ соображеній. Жизнь растенія протекаетъ, такъ сказать, между Сциллой и Харибдой голода и жажды. Чтобы питаться, т.-е. разлагать углекислоту воздуха энергіей солнечнаго луча, оно должно представлять большую поверхность

*) См. *Бертло:* „Наука и нравственность“. Москва, 1898 г.

для поглощенія углекислоты и свѣта. Но это будетъ, въ то же время, большая поверхность нагрѣванія, и, слѣдовательно, испаренія воды,—а между тѣмъ, если растеніе въ такихъ условіяхъ не можетъ получить черезъ свой корень достаточное количество воды,—ему грозитъ опасность погибнуть отъ потери воды, отъ завяданія. И вотъ для устраненія этой опасности оно покрываетъ поверхность своихъ органовъ чѣмъ-то вродѣ клеенки или каучуковой матеріи, непроницаемой ни для воды, ни для газовъ, и оставляетъ для сообщенія съ воздухомъ открытой (и то не постоянно) ничтожную часть этой поверхности въ видѣ поръ, такъ называемыхъ устьицъ.

Человѣкъ въ своихъ искусственныхъ приборахъ не будетъ стѣсненъ этимъ условіемъ и будетъ поглощать углекислоту изъ воздуха возможно большой поверхностью и такимъ образомъ будетъ легко извлекать углекислоту изъ атмосферы даже при болѣе значительномъ содержаніи этого газа.

Другое соображеніе еще важнѣе. Разложеніе углекислоты зависитъ отъ поглощенія, отъ утилизаціи солнечной энергіи. Наши наиболѣе интенсивныя культуры не утилизируютъ болѣе 2% всей солнечной энергіи. Теоретическія соображенія, основывающіяся на физическихъ данныхъ, которыя здѣсь не мѣсто развивать, приводятъ насъ къ убѣжденію, что эту величину едва ли удастся увеличить болѣе, чѣмъ въ *пять* разъ; слѣдовательно 10%—вотъ, вѣроятно, физическій предѣлъ эксплуатаціи солнечной энергіи при помощи такого аппарата, какъ растеніе. При помощи искусственныхъ поглотителей свѣта, конечно, можно ждать гораздо болѣе выгоднаго превращенія солнечной энергіи въ полезную химическую работу. Конечно, всѣ 100% человѣку никогда не удастся утилизировать, да въ этомъ и не окажется надобности—земля ранѣе того станетъ для него слишкомъ тѣсна. Когда лордъ Кельвинъ излагалъ свои воззрѣнія въ Торонто, при возникшихъ по этому поводу преніяхъ, Фитцджеральдъ указалъ, что количества солнечной энергіи, падающей на *одинъ* квадратный метръ, достаточно для покрытія потребностей *пяти* человѣкъ. Слѣдовательно, если бы люди размножились до того, что почти стояли бы плечомъ къ плечу, такъ что негдѣ было бы ни сѣсть, ни лечь, и тогда даже солнечной энергіи, улавливаемой надъ ихъ головами, было бы достаточно для покрытія ихъ потребностей, т.-е. и тогда они могли бы жить, какъ говорится въ поговоркѣ, «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ».

Итакъ опасность, которой грозитъ Кельвинъ, человѣку несомнѣнно удастся своевременно отвратить. Быть можетъ, это сдѣлается даже безъ его вѣдома растеніемъ, а можетъ быть, потребуется его непосредственное вмѣшательство, при помощи усовершенствованныхъ культуръ. Наконецъ, едва ли есть поводъ сомнѣваться въ томъ, что еще задолго до наступленія опасности, люди научатся непосредственно утилизировать солнечный лучъ, не отравляя воздуха, и тѣмъ покроютъ возрастающія въ такой быстрой прогрессіи потребности цивилизаціи. Конецъ міра придетъ не въ той формѣ, въ какой возвѣщаетъ его англійскій физикъ, а въ той болѣе отдаленной, но и болѣе грозной формѣ, въ какой изобразилъ его великій англійскій

поэтъ въ своемъ стихотвореніи *Darkness*. А пока свѣтитъ солнце и сіяетъ мысль въ умахъ Кавендишей и Бертло, человѣку не приходится дрожать за свою будущность.

Но есть еще одна сторона въ бѣдствіи, возвѣщенномъ лордомъ Кельвиномъ, которая способна насъ обнадежить и успокоить на счетъ того, что средства для отвращенія бѣды будутъ своевременно найдены и примѣнены. Это, такъ сказать, его соціальная сторона. Въ первый разъ человѣчество столкнется съ бѣдствіемъ всеобщимъ. Передъ нимъ всѣ будутъ равны, и мысль о всеобщей солидарности людей не будетъ уже пустымъ звукомъ. Ни одно изъ существующихъ бѣдствій не является универсальнымъ—насъ утѣшаютъ, что даже чума, и та предпочитаетъ лачугу бѣдняка хоромамъ богача. Задыхаться же въ отравленной атмосферѣ будутъ всѣ одинаково, и тогда, конечно, найдутся мѣры борьбы со зломъ и средства для его предупрежденія.

Не то бываетъ при большей части современныхъ общественныхъ бѣдствій, когда страдаетъ одинъ, а измышляетъ мѣры спасенія другой, самъ отъ бѣды обезпеченный. Вотъ и теперь, мы разсуждаемъ о возможной черезъ нѣсколько столѣтій порчѣ атмосферы, а еслибъ мы перемѣстились съ этимъ приборомъ (карбацидометромъ) за нѣсколько шаговъ, въ одну изъ нашихъ московскихъ трущобъ, то можетъ быть, убѣдились бы, что рядомъ съ нами люди живутъ почти въ такой атмосферѣ, о появленіи которой на всей землѣ въ далекомъ будущемъ мы говоримъ съ такимъ ужасомъ. Мы озабочены возможнымъ голодомъ, или вѣрнѣе только недостаткомъ бѣлаго хлѣба, черезъ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, а развѣ настоящій голодъ не стоитъ у нашихъ дверей? Въ рѣчи Крукса есть одно мѣсто, котораго нельзя читать безъ горечи и боли. Перечисляя страны, производящія пшеницу, онъ останавливается и на Россіи, которую многіе и до сихъ поръ готовы называть «закромомъ Европы»—и проходитъ мимо. По увѣренію Крукса, только у насъ и въ Италіи, да еще въ Турціи, потребленіе хлѣба на человѣка не возрастаетъ, какъ во всѣхъ странахъ Европы, а даже падаетъ. «Крестьянинъ,—говоритъ Круксъ,—голодаетъ, падаетъ жертвой голоднаго тифа, а производители пшеницы экспортируютъ то, что должно бы оставаться дома». Оставляю и это его заключеніе, какъ и всѣ его статистическія соображенія, на его отвѣтственность—но передъ нами факты, которые говорятъ сами за себя. Не обязанъ ли каждый изъ насъ, пощаженный бѣдствіемъ, спѣшить на выручку тому, надъ кѣмъ оно стряслось. И тѣмъ не менѣе раздаются сытые голоса, которые называютъ эту помощь неразумной, даже деморализующею. А еслибъ она была организована, узаконена, какъ обязательное взаимное страхованіе противъ непредотвратимаго стихійнаго бѣдствія, тогда она не деморализовала бы? Почему же то же взаимное страхованіе, только не писанное, а лишь подсказанное не совсѣмъ еще заглохшей въ насъ совѣстью, можетъ кого-нибудь деморализовать? И кто въ правѣ бросить укоръ нашему земледѣльцу, за послѣдніе годы такъ часто вынужденному прибѣгать къ сторонней помощи?

Ужъ не панегиристы ли нашей цвѣтущей промышленности, не въ исключительныхъ только случаяхъ непосильной борьбы со стихіями, а изъ году въ годъ, изо дня въ день, пользующейся всеобщимъ подаяніемъ, подъ громкимъ именемъ «поощренія народному труду?» Недавно газеты насъ оповѣстили о предстоящемъ столѣтнемъ юбилеѣ нашей сахарной промышленности. Подсчитаетъ ли кто-нибудь, по этому случаю, цѣною какихъ общественныхъ жертвъ существовало и существуетъ это столѣтнее дитя, несмотря на свой преклонный возрастъ, все еще ходящее на «покровительственныхъ» помочахъ? Кто знаетъ, нуждался ли бы нашъ земледѣльческій «народный трудъ» въ сегодняшней помощи, еслибъ въ теченіе вѣка онъ встрѣчалъ такое же поощреніе? Этотъ вопросъ своею наивностью способенъ, конечно, только вызвать смѣхъ. Но за этимъ смѣхомъ не кроется ли горькая истина: кто сталъ бы «поощрять» того, кто силой злого рока, призванъ самъ всѣхъ поощрять?

Не станемъ же разсуждать о разумности или неразумности, о морализующемъ или деморализующемъ значеніи этой помощи; позаботимся лучше о томъ, чтобы мысль о ея неотложности не покидала насъ ни на минуту. Позаботимся о томъ, чтобы изъ этой свѣтлой, теплой залы намъ видѣлась далекая холодная и темная деревня, чтобъ когда погаснутъ эти огни и стихнетъ шумъ городской суеты, ночью, когда мы останемся съ глазу на глазъ со своею совѣстью, чтобы и тогда изъ мрака этой ночи къ намъ протягивались когда-то могучія, а теперь не по своей винѣ, безпомощныя руки, чтобы въ каждомъ неясномъ звукѣ, каждомъ ночномъ шорохѣ намъ слышался далекій стонъ дѣтей, повторяющихъ одно слово—хлѣба!

К. Тимирязевъ.

P. S. Послѣ прочтенія этой лекціи, полученъ въ Москвѣ январскій нумеръ *Philosophical Magazine* со статьей лорда Кельвина, въ которой онъ самъ отказывается отъ своихъ воззрѣній. Онъ приходитъ къ заключенію, что въ нѣдрахъ земли не можетъ скрываться того громаднаго количества угля, котораго требуетъ его теорія, и въ конечномъ выводѣ говоритъ «отсюда представляется вѣроятнымъ, что первичная атмосфера земли должна была содержать свободный кислородъ». Оба положенія согласны съ тѣмъ, что было высказано мною, и я могу только радоваться, что вѣрность моихъ сомнѣній относительно его перваго воззрѣнія подтверждается теперь самимъ великимъ физикомъ. Хронологическій вопросъ разрѣшается слѣдующими числами: я прочелъ лекцію 8 декабря, подробный отчетъ о ней появился въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 12 декабря; статья Кельвина появилась въ Лондонѣ $\frac{\text{1 января 1899 г.}}{\text{19 декабря 1898 г.}}$

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ, бенефисъ Е. К. Лешковской: *Усмиреніе строптивой*, ком. въ пяти дѣйств. и 10 карт., Вильяма Шекспира, перев. П. П. Гнѣдича;—бенефисъ Н. А. Никулиной: *Ложь*, ком. въ 4-хъ дѣйств., Е. Зеландъ (Дубельтъ).—Художественно-Общедоступный театръ: *Эдда Габлеръ*, драма въ 4-хъ дѣйств., Генриха Ибсена, перев. С. Л. Степановой-Марковой.—Новый театръ: *Эми Робзаръ*, драма въ 5-ти дѣйств., Виктора Гюго, перев. М. Н. Ремезова).

Въ теченіе февраля на сценѣ Малаго театра состоялось два бенефиса, г-жи Лешковской и г-жи Никулиной. Въ оба раза театръ былъ переполненъ публикой. Высокоталантливымъ артисткамъ-бенефиціанткамъ были сдѣланы шумныя овацiи, поднесено много цвѣтовъ и нѣсколько цѣнныхъ подарковъ. Г-жа Лешковская выбрала для своего бенефиса давнымъ-давно извѣстную москвичамъ комедію Шекспира *Укрощеніе строптивой*, въ переводѣ г. Гнѣдича, который нашелъ почему-то нужнымъ измѣнить это заглавіе, ставшее традиціоннымъ, и назвалъ пьесу *Усмиреніе строптивой*. Положимъ, отъ этого сущность дѣла не измѣнилась. Но мы находимъ прежнее названіе болѣе правильнымъ и соотвѣтствующимъ содержанію комедіи. «Усмирить» можно бунтъ, возстаніе или же какихъ-нибудь буяновъ. Передѣлать же «строптивый» характеръ въ покорный и «кроткій» можно только путемъ «укрощенія». И въ данномъ случаѣ веронецъ Петручіо (г. Южинъ) является настоящимъ «укротителемъ» Катарины (г-жа Лешковская). Въ сущности вся эта комедія есть фарсъ, но фарсъ геніальный, изъ-за котораго ясно видна глубокая и вѣчно вѣрная мысль, что любовь все побѣждаетъ и самую строптивую женщину можетъ превратить въ кроткую и нѣжную супругу. «Укрощаемая» г-жа Лешковская и «укротитель» г. Южинъ были великолѣпны во всѣхъ сценахъ непокорности и укрощенія, но мы находимъ, что ни Катариной, ни Петручіо не оттѣнено въ достаточной степени то обстоятельство, что веронецъ сразу влюбляется въ красавицу падуанку, энергичную и строптивую, очаровывающую его какъ разъ этими качествами, и что сильный, ни передъ чѣмъ не останавливающійся Петручіо очень быстро влюбляетъ въ себя Катарину своею необыкновенною смѣлостью, съ какою эта своенравная дѣвушка никогда

еще не встрѣчалась. Г. Садовскій, въ роли Баптиста Минола, отца Катарины, былъ неподражаемо хорошъ своею простотой и безукоризненною естественностью. Г. Макшеевъ изобразилъ типичнѣйшаго Груміо, слугу Петручіо, какъ и г. Рыбаковъ далъ совершенно живой образъ Греміо. Впрочемъ, и всѣ остальные исполнители отлично поддержали славу нашей драматической труппы, и провели комедію съ увлекательнымъ воодушевленіемъ и съ восхитительнымъ ансамблемъ. Пьеса поставлена блестяще.

Въ бенефисъ г-жи Никулиной была поставлена *Ложь*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Е. Зеландъ (Дубельтъ). Считаемъ нужнымъ добавить, что авторъ пьесы—дама. Посмотрѣвши или прочитавши пьесу, въ этомъ никто не усомнится, такъ въ ней все наивно и по-женски сдѣлано, очень искренно и горячо,—прямо съ пылу, непродуманно, не считаясь съ жизнью, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Въ этой комедіи раздирательная мелодрама начинается,— по поговоркѣ: «Съ мѣста въ карьеръ». Тутъ, въ этомъ сочиненіи, все есть: самоубійство до начала комедіи, убійство—въ самомъ концѣ комедіи, грабежъ—съ начала до конца, злодѣйскія интриги, покушенія на уголовщину ради захвата милліоннаго наслѣдства, психопатическіе припадки, повальныя истерики, насильственный бракъ, сумасшествіе... все есть, кромѣ жизненной правды... и еще, кромѣ *лжи*. Вся нагороженная писательницей коллекція мерзостей раздѣлывается совершенно открыто, такъ нахально-откровенно, какъ не бываетъ того въ дѣйствительной жизни и въ сколько-нибудь приличномъ обществѣ. Суть дѣла вотъ въ чемъ: Раиса Валентиновна Самородкина (г-жа Порошина), вдова большого милліонера, живетъ давно въ связи съ Петромъ Васильевичемъ Кузнецовымъ (г. Айдаровъ), бывшимъ учителемъ ея дочери Калеріи (г-жа Яблочкина), ставшимъ потомъ ея главноуправляющимъ. Кузнецовъ—человѣкъ семейный: у него жена, Надежда Алексѣевна (г-жа Никулина), сынъ Сергѣй (г. Ильинскій) и дочь Нина (г-жа Музиль). Всѣ они живутъ въ домѣ Самородкиной, почти въ одной квартирѣ съ нею и, разумѣется, на ея счетъ, причемъ Кузнецовъ, въ качествѣ друга сердца и главноуправляющаго, широко пользуется расположеніемъ милліонной вдовы и преисправно уже нажился самъ до богатства. Тутъ же съ ними проживаетъ en famille старый генералъ-холостякъ Аркадій Валентиновичъ Палицынъ (г. Рыбаковъ), съ сожительницею-экономкой Анисьей (г-жа Садовская), отъ которой у него есть незаконный сынъ Николай (г. Рыжовъ), молодой начинающій адвокатъ, влюбленный въ Нину Кузнецову. Всѣ взаимныя отношенія этихъ лицъ ни для кого не тайна, ни для знакомыхъ, ни для прислуги, за исключеніемъ одной только восемнадцати-лѣтней Нины, обожающей своего «папочку» и восхищающейся Самородкиной за тѣ дорогіе подарки, которые та ей дѣлаетъ. Въ интимную сторону такого семейнаго сожительства никто не рѣшается посвятить Нину, а она, по необычайной невинности своей, ничего не видитъ и не понимаетъ. Какимъ чудомъ уберегли ея ребячьи уши отъ разговоровъ прислуги и оградили ихъ отъ слишкомъ яркихъ намековъ изозлившейся Калеріи и неистовствующаго шалопая Сергѣя,—это уже сек-

кретъ автора. Какъ бы ни было, покуда никто не лжетъ, скрываютъ только отъ дѣвчонки то, что ей знать совсѣмъ не нужно. А Калерія, Сергѣй и Николай не только не лгутъ, а преподносятъ родителямъ такія горькія истины, что съ тѣми дѣлаются корчи.

Милліонеръ Самородкинъ, умирая, завѣщалъ все свое огромное состояніе дочери Калеріи, а женѣ, Раисѣ Валентиновнѣ, предоставилъ пожизненно пользоваться доходами. При этомъ онъ Калеріи выдѣлилъ въ приданое 500 т. р. Кузнецовъ-папа, какъ уже сказано, натаскалъ себѣ отъ этой благостыни большое состояніе, но не желаетъ выпускать изъ рукъ наличныя 500 т. и будущіе милліоны, а потому заставляетъ сына Сергѣя сдѣлать предложеніе Калеріи. Сергѣй, любимецъ матери, ведетъ жизнь самую безпутную, кутитъ, играетъ въ карты, путается со всякими женщинами и въ данное время находится въ связи съ нѣкоей «свѣтскою красавицей подъ 30 лѣтъ», замужнею женщиной, по фамиліи Пахомовой (г-жа Пуаре), при которой состоитъ ухаживатель Львовъ (г. Садовскій 2), аттестованный авторомъ такъ: «Молодой, рослый, глуповатый чэмпіонъ». Связь Пахомовой съ Кузнецовымъ и ухаживаніе за нею Львова, происходятъ настолько открыто, что Калерія говоритъ объ этомъ въ глаза на балѣ и объявляетъ прямо, что отобьетъ у нея Сергѣя, предлагаетъ Пахомовой спрятаться и подслушать ихъ бесѣду. Происходитъ все, какъ по писанному: Сергѣй Кузнецовъ ломается, какъ всегда, но дѣлаетъ Калеріи предложеніе. Въ эту минуту въ комнату прокрадывается Нина и тоже подслушиваетъ, спрятавшись за ширмочку. А Калерія, какъ на бѣду,—точно бѣлены объѣлась,—принимается отчитывать Сергѣя, всю его семью и свою мать, истерично выпаливаетъ объ нихъ всю подноготную, подыскиваетъ нарочно самыя рѣзкія и позорящія ихъ выраженія. Молоденькая Нина жестоко наказана за свое подслушиваніе: она узнала, что идеализированный ею «папочка»—грязный мошенникъ, живетъ на содержаніи у богатой барыни, что ея мать и братъ завѣдомо пользуются средствами, добываемыми позорнымъ образомъ. Взбѣшенная Пахомова обмѣнивается дерзостями съ Сергѣемъ Кузнецовымъ и обращается къ защитѣ Львова. Тотъ вызываетъ Сергѣя на дуэль. Все это происходитъ во время бала у Кузнецовыхъ, за кулисами слышна музыка, мелькаютъ танцующія пары.

Калерія не ограничилась надѣланнымъ скандаломъ, прямо съ бала уѣхала въ гостиницу и прислала матери письмо, что не вернется домой потому, что мать хочетъ отдать ее насильно замужъ за сына своего любовника. Самородкина видитъ только одно средство избавиться отъ несносной Калеріи, отравляющей ей всю жизнь, это—объявить Калерію сумасшедшей и засадить ее въ домъ умалишенныхъ. Исполнить это она поручаетъ Кузнецову. Онъ категорически отказывается, и между старыми любовниками происходитъ жестокая перепалка, кончающаяся полнымъ разрывомъ. Тутъ въ пьесу вторгается совершенно постороннее дѣло и путается въ ней до конца комедіи,—разборка отношеній генерала Палицина къ его экономкѣ Анисьѣ и къ ея сыну Николаю. Эта странная исторія водевильнаго ха-

рактера завершается двумя законными браками, генерала съ Анисьей и усыновляемаго имъ Николая съ Ниной Кузнецовой. Тѣмъ временемъ всѣ нервничаютъ, дѣлаютъ отчаянныя истерики, Сергѣй Кузнецовъ даже сходитъ съ ума, послѣ дуэли, на которой онъ убилъ «чэмпіона» Львова. Не въ своемъ умѣ, повидимому, и Калерія. Она прибѣгаетъ къ Кузнецовымъ въ то время, когда Сергѣй неистовствуетъ, бросается передъ нимъ на колѣни, заключаетъ въ свои объятія, объявляетъ о своей страстной любви къ нему и о готовности сдѣлаться не только его женою, но и любовницей, если онъ пожелаетъ. Но онъ уже ничего желать не въ состояніи, онъ можетъ только вопить и на людей кидаться, на него надо какъ можно скорѣе надѣть горячечную рубашку и отправить его въ психіатрическую лѣчебницу. Такъ кончается необыкновенная путаница, сочиненная г-жей Зеландъ-Дубельтъ. На второмъ представленіи публика отнеслась очень холодно къ этой пьесѣ, несмотря на прекрасное ея исполненіе артистами. Даже исполнителей вызывали мало и вяло. Въ антрактахъ и по окончаніи пьесы слышались въ коридорахъ и въ буфетѣ рѣзкія неодобренія. «Гдѣ же тутъ *ложь*?»—говорила одна дама, большая любительница театра, посѣщающая всѣ первыя представленія. «Какъ же не *ложь*?»—отозвался знакомый мнѣ голосъ ея мужа.—Да это сплошная *ложь* на современное общество!»—«Надергала барыня разныхъ курьезовъ изъ сплетенъ и состряпала пьесу»...—негодовалъ какой-то пожилой полковникъ. «А играли все-таки хорошо»—говорилъ кто-то.—«Хорошо!—возражали ему.—Только нервы надергали, да еще изъ-за пустого дѣла!» Болѣе рѣзкихъ отзывовъ мы не приводимъ, переданное нами достаточно опредѣляетъ впечатлѣніе, произведенное пьесой на большинство зрителей. А играли артисты дѣйствительно превосходно. Первые лавры, по справедливости, должны бы достаться г-жѣ Яблочкиной, очень умно и сильно проведшей роль озлобленной, некрасивой Калеріи. Совершенно въ тонѣ пьесы была необыкновенно нервная игра г. Ильинскаго, ясно и въ мѣру передававшаго душевное настроеніе Сергѣя Кузнецова, державшееся постоянно на границѣ психоза. Г. Рыбаковъ восхитительно изобразилъ генерала, точно прямо изъ жизни его выхватилъ. Его сцены съ г-жею Садовской,—вводныя и для пьесы ненужныя,—ими обоими разыграны были какъ блестящіе артистическіе дуэты. Г-жа Музиль—очень милая и несомнѣнно талантливая ingénue dramatique. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, какъ старательно и дѣятельно работаетъ вся наша добрая молодежь и какіе большіе успѣхи она дѣлаетъ. Съ ними, съ ихъ любовью къ искусству, не померкнетъ почти вѣковая слава московской драматической труппы.

Послѣднею новинкой Художественно-Общедоступнаго театра была драма Генриха Ибсена *Эдда Габлеръ*, которую мы не причисляемъ къ лучшимъ произведеніямъ знаменитаго скандинавскаго драматурга, какъ и за самимъ авторомъ не можемъ признать наименованія «норвежскаго Шекспира», даваемаго ему слишкомъ пылкими его поклонниками. Героиня названной драмы, — играла ее г-жа Андреева, — представляется намъ фигурою недоста-

точно опредѣленною, а потому—уже никакъ не типичною. Эдда—эгоистка, своенравная, преисполненная самомнѣнія, завистливая и далеко не мягкосердечная. Дѣвушкой она была влюблена въ Эйлерта Левборга (г. Станиславскій), краснваго и очень талантливаго молодого ученаго, подающаго большія надежды, пишущаго блестящія книги, но ведущаго совершенно безпутную жизнь. Эдда не рѣшилась выйти за него замужъ. Избалованная, пріученная къ роскоши и къ исполненію всѣхъ своихъ прихотей отцомъ, старымъ генераломъ, она предпочла сдѣлаться женою Тесмана (г. Кровскій), тоже ученаго, только скромнаго, усерднаго работника, неспособнаго «хватать звѣзды съ неба». Она соблаговолила снизойти до него, но ей покоя не даетъ сознаніе превосходства Левборга надъ ея мужемъ,—превосходство, тѣмъ болѣе выяснившееся, что Левборгъ, подъ вліяніемъ другой женщины, замужней Теи Эльфштедъ (г-жа Лилина), страстно въ него влюбленной, оставилъ свои кутежи и безпутства, написалъ какое-то совершенно выдающееся сочиненіе о «промышленности будущаго», долженствующее дать автору европейскую, если не міровую, извѣстность и ту профессорскую каѳедру, которой добивается Тесманъ своимъ упорнымъ трудомъ мало талантливаго архивнаго копателя, работающаго надъ «средневѣковою промышленностью въ Брабантѣ». Левборгъ написалъ свою знаменитую книгу, живя въ горахъ, въ домѣ мужа Теи, при ея постоянномъ содѣйствіи и нравственной поддержкѣ. За это время его сношенія съ Эддой были прерваны. Но вотъ книга кончена, надо издавать ее и пожинать лавры. Левборгъ пріѣзжаетъ ради этого въ университетскій городъ, гдѣ поселился его старый товарищъ и пріятель Тесманъ съ молодою женой Эддой, послѣ довольно продолжительнаго свадебнаго путешествія, въ теченіе котораго Эдда изнывала отъ скуки, такъ какъ, по-своему, влюбленный въ нее супругъ все свое время проводилъ въ библіотекахъ, музеяхъ и архивахъ за документами о промышленности Браманта. Эйлертъ Левборгъ пріѣхалъ въ городъ. Теа Эльфштедъ бросила мужа и примчалась за нимъ, въ надеждѣ своею любовью и своимъ вліяніемъ предохранить своего возлюбленнаго отъ соблазновъ и пагубныхъ увлеченій. Теа была когда-то подругой Эдды Габлеръ, и теперь Эдда Тесманъ выпытываетъ у нея полное признаніе въ ея отношеніяхъ къ Левборгу. Къ слову сказать, это одна изъ лучшихъ сценъ въ пьесѣ, и разыграна она совершенно художественно г-жами Андреевой и Лилиной... Съ пріѣздомъ въ городъ, въ Эйлертѣ Левборгѣ опять просыпаются его порочные и трудно укротимые инстинкты. Онъ живо вспоминаетъ былую любовь къ Эддѣ, очаровывавшій его *флиртъ* этой смѣлой женщины, и пытается возобновить прошлое, не сознавая, что и въ то время со стороны черствой сердцемъ Эдды то былъ лишь *флиртъ*, съ малою дозой увлеченія и съ большимъ разсчетомъ. А въ разсчеты Эдды, ни тогда, ни теперь, не входило себя компрометировать, а тѣмъ паче становиться въ какую-либо зависимость отъ другого лица. Наоборотъ, ея властная натура только того и жаждетъ, чтобы себѣ подчинять всѣхъ, и чѣмъ крупнѣе и сильнѣе человѣкъ, котораго она можетъ себѣ подчинить, тѣмъ выше

представляется ей ея торжество, тѣмъ полнѣе она наслаждается одержанною побѣдой. Мы полагаемъ, что въ этомъ, въ сущности, и заключается драматизмъ положенія героини, задуманной Ибсеномъ: она хочетъ проявить свою силу, но съ одной стороны проявить ее не надъ чѣмъ, съ другой— она этого не умѣетъ и, въ концѣ концовъ, сама запутывается и гибнетъ жертвою несоразмѣрности своихъ силъ съ тѣми запросами, которые сама себѣ создала своимъ перебалованнымъ самомнѣніемъ глубоко испорченной эгоистки. Мужъ такъ слабъ и духовно ничтоженъ, что торжество надъ нимъ ничего не стоитъ; его тетка, Юлія Тесманъ (г-жа Самарова), безъ того преклоняется передъ Эддой, какъ передъ божествомъ; Теа настолько мягка и наивна, что Эдда безъ труда обращаетъ ее въ свою покорную рабу. Около Эдды есть еще одинъ человѣкъ, окружный судья Бракка (г. Вишневскій), ухаживающій за нею, такой же эгоистъ, какъ она, холодный игрокъ съ женщинами, который могъ бы быть привлекательнымъ для обыкновенной кокетки, гоняющейся за количествомъ побѣдъ, а не за ихъ качествомъ или значеніемъ. Для Эдды судья Бракка мелокъ, ей ничего не стоитъ подчинить его себѣ, для этого надо только пойти на нѣкоторыя уступки, на которыя она ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться. Да и не такая власть нужна ей надъ мужчиной, и не надъ такимъ мужчиной жаждетъ она, безумно жаждетъ, проявить свою власть. Слабенькая, по ея мнѣнію, ничтожная Теа сумѣла овладѣть нравственно Эйлертомъ Левборгомъ, нашла возможность вернуть его на добрый путь, удержать на немъ и вдохновить настолько, что Эйлертъ, по ея милости и при ея помощи, создалъ геніальное произведеніе. Эйлертъ получитъ славу, онъ будетъ великимъ человѣкомъ, а обязанъ этимъ онъ будетъ какой-то г-жѣ Эльфштедъ, тогда какъ она, чудная, блистательная Эдда, на вѣки вѣчные прикована къ убійственной посредственности, архиво-копателю, Тесману! Вотъ съ чѣмъ Эдда помириться не можетъ и вотъ чѣмъ обусловливаются самыя жгучія страданія, переживаемыя героинею драмы Ибсена. На этомъ и вся драма построена. Дальнѣйшее ея содержаніе таково: судья Бракка приглашаетъ къ себѣ на пирушку Левборга и Тесмана. Левборгъ напился пьянъ, по старинѣ, и дорогой потерялъ рукопись своей удивительной «промышленности будущаго». Эту рукопись поднялъ Тесманъ и, придя домой, отдалъ спрятать Эддѣ съ тѣмъ, чтобы на утро возвратить автору, который тѣмъ временемъ отправился еще пьянствовать въ общество совершенно непристойныхъ женщинъ. Тамъ у него не оказалось въ карманѣ бумажника и драгоцѣнной рукописи. Онъ сдѣлалъ скандалъ, подрался съ женщинами, поколотилъ полицейскихъ и раннимъ утромъ прибѣжалъ пьяный въ домъ Тесмана, гдѣ опять-таки съ пьяныхъ глазъ и съ отчаянія наболталъ чепуху, будто онъ самъ изорвалъ рукопись, своими руками «уничтожилъ свое дитя и дитя Теи Эльфштедъ». Затѣмъ и тутъ, въ чужомъ домѣ, Эйлертъ Левборгъ безобразничаетъ и неистовствуетъ, рветъ альбомы и фотографіи, опрокидываетъ мебель, впадаетъ въ буйное отчаяніе. Чтобы, наконецъ-то, проявить свою власть надъ нимъ, Эдда подаетъ ему свой пистолетъ и настаи-

ваетъ на томъ, чтобъ онъ застрѣлился, но чтобы сдѣлалъ это непремѣнно «красиво». На этомъ «красиво» настаиваетъ авторъ, какъ мы увидимъ далѣе, и этому придаютъ особенное значеніе нѣкоторые изъ поклонниковъ Ибсена, о чемъ намъ придется тоже поговорить. Оставшись одна, Эдда сожгла рукопись, — ненавистное ей «дитя» Эйлерта и Теи. По прошествіи нѣкотораго времени приходитъ судья Бракка и объявляетъ, что Эйлертъ Левборгъ застрѣлился. Теа въ ужасѣ, хочетъ бѣжать къ нему. Ее съ трудомъ удерживаютъ. Судья говоритъ, что онъ уже умеръ, и въ больницу, куда перенесли его тѣло, никого не допускаетъ полиція, тамъ уже начато слѣдствіе. Теа все-таки отправляется домой и вскорѣ приноситъ свертокъ бумагъ — сохранившіеся черновики уничтоженной рукописи. Тесманъ и Теа тотчасъ же, въ гостиной Эдды, садятся за столъ и принимаются за приведеніе въ порядокъ черновиковъ въ надеждѣ возстановить превосходное произведеніе Левборга. Эдда преслѣдуетъ свою idée fixe и допытывается отъ судьи Бракка, «красиво» ли застрѣлился Левборгъ. «Въ високъ?» — спрашиваетъ она. — «Нѣтъ». — «Въ грудь?» — «Нѣтъ, въ животъ,— продолжаетъ Бракка,— и наповалъ». Эдда въ отчаяніи: она находитъ это «некрасивымъ».—«Но еще болѣе некрасиво то,—говоритъ Бракка,—что Эйлертъ застрѣлился у тѣхъ неприличныхъ женщинъ, съ которыми кутилъ остатокъ ночи, застрѣлился изъ пистолета Эдды, который, вѣроятно, *укралъ* у нея... Полиція и слѣдователь не знаютъ, чей это пистолетъ. Но стоитъ только ему, судьѣ, сказать, чей онъ, и Эдду привлекутъ къ слѣдствію, вызовутъ въ судъ и поставятъ рядомъ съ тѣми женщинами. Такимъ образомъ вы, гордая и неприступная Эдда Габлеръ, теперь у меня въ рукахъ и вынуждены мнѣ подчиняться, если хотите избѣжать срама», заканчиваетъ Бракка. Эдда уходитъ за драпировку, перегораживающую комнату. Раздается выстрѣлъ, всѣ бросаются туда. Эдда застрѣлилась, надо полагать, «красиво».

Все построеніе пьесы, несомнѣнно, оригинально и интересно. Только построена-то она на очень шаткихъ и отчасти фальшивыхъ основаніяхъ,— на особенностяхъ характера перебалованной женщины, нравственно исковерканной съ дѣтства дурнымъ воспитаніемъ и дошедшей въ своемъ своенравіи до положенія психопатки. Она необыкновенно озабочена всякими эффектами и погонею за «красотой» во всемъ, что окружаетъ ее, въ убранствѣ дома, въ туалетахъ, въ своихъ позахъ. И вотъ, на горе себѣ, она сдѣлалась женою тихаго человѣка, нисколько не эффектнаго, не обладающаго никакою красотой, не стремящагося ни къ какому блеску. И молодая женщина страдаетъ отъ того, отъ неудовлетворенности мелочныхъ запросовъ своей капризной и завистливой натуры. Мы настаиваемъ на «зависти», ибо Эдда завидуетъ Теѣ Эльфштедъ въ ея отношеніяхъ къ блестящему Эйлерту, завидуетъ Эйлерту, написавшему выдающуюся книгу, тогда какъ ея мужъ,—мужъ Эдды Габлеръ!—написалъ какую-то скучищу про Брабантъ. Она завидуетъ богатству судьи Бракка и завидуетъ всякой женщинѣ, у которой есть нарядный домъ, своя карета, ливрейный лакей,

аристократическій кругъ знакомыхъ... Скромнаго и очень буржуазнаго Тесмана она глубоко презираетъ, несмотря на то, что онъ прекраснѣйшій человѣкъ, и, бредя «красотою», восхищается Эйлертомъ Левборгомъ, въ которомъ мы никакой ровно красоты не видимъ, ни физической, ни тѣмъ паче—нравственной. Онъ, правда, человѣкъ талантливый, но совершенно безпутный, даже не по Донъ-Жуански, а по пьяному дѣлу. Вырвавшись изъ деревни и изъ-подъ вліянія сдерживавшей его Теи, Левборгъ предается совсѣмъ не красивому, а очень грязному кутежу въ мерзкомъ обществѣ буйствуетъ, дерется и въ совершенно безобразномъ видѣ ходитъ по городу, является къ порядочнымъ женщинамъ и у нихъ дебоширитъ, какъ пьяный мастеровой. Намъ разсказываютъ, что онъ застрѣлился, и мы должны этому вѣрить, такъ какъ автору это угодно. А въ головѣ у зрителя невольно является сомнѣніе, не съ пьяныхъ ли глазъ онъ запалилъ себѣ въ животъ? Вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ никто такъ не самоубивается, и не ради какой-то красоты, а просто потому, что выстрѣломъ въ животъ почти нельзя убить себя наповалъ, и смерть всегда оказывается крайне мучительною. А затѣмъ мы не знаемъ, почему выстрѣлъ въ голову или въ сердце красивѣе, чѣмъ въ какое-либо другое мѣсто...

На сценѣ Художественнаго театра драма Ибсена поставлена съ обычными этой сценѣ роскошью, артистическою красивостью и тщательностью, иногда нѣсколько утрированною въ чрезмѣрномъ стремленіи къ реализму. Такъ въ драмѣ *Эдда Габлеръ* изображена ночь такъ доподлинно, что на сценѣ ровно ничего не видно. Слабо пущенная лампа не нарушила бы иллюзіи, но все же дала бы возможность разобрать и узнать фигуру женщины, нервно ходящей по комнатѣ. Драма прошла очень стройно, съ отличнѣйшимъ ансамблемъ. Лучшимъ, по нашему мнѣнію, исполнителемъ былъ г. Кровскій, давшій совершенно вѣрный и типичный образъ добродушнаго, небойкаго ученаго Тесмана. Очень обдуманно, выдержанно и столь же типично изобразилъ г. Вишневскій судью Браккa, человѣка холоднаго, спокойно-самоувѣреннаго, привыкшаго къ лучшему обществу. Г-жа Лилина прекрасно и достаточно сильно, а гдѣ нужно, очень мягко и нѣжно, провела трудную роль Теи Эльфштедъ. Превосходна и замѣчательно естественна была г-жа Самарова въ роли Юліи Тесманъ, тетки мужа Эдды. Г-жа Андреева—очень талантливая артистка и довольно сильная артистка, она могла бы быть восхитительною Эддою Габлеръ, если бы не злоупотребляла нѣсколько однообразными жестами и съ меньшею энергіей душила бы Тею. Про игру г. Станиславскаго мы стѣсняемся даже высказать сполна наше мнѣніе,—ужъ слишкомъ выше мѣры превознесли его въ одной московской газетѣ. Г. Станиславскій очень талантливый человѣкъ, прекраснѣйшій артистъ, мастеръ-режиссеръ, но производить его въ «геніи» все-таки преждевременно. Онъ взялъ на себя наиболѣе трудную и сложную въ пьесѣ роль Эйлерта Левборга и первый промахъ сдѣлалъ въ томъ, что загримировался не въ «красоту», что ему такъ легко и необходимо было сдѣлать. Сцену наединѣ съ Эддой онъ ведетъ очень мрачно, грубымъ и отрывистымъ то-

номъ; пьянымъ является въ такомъ противномъ видѣ, что требованіе Эдды, чтобъ Эйлертъ умеръ въ «красотѣ», вызываетъ улыбку... Вообще, этотъ герой скандинавскій, Эйлертъ Левборгъ, еще менѣе понятенъ намъ, чѣмъ героиня, Эдда Габлеръ, и представляется настолько неизящнымъ и нетипичнымъ, что мы не беремся рѣшать, зачѣмъ такой человѣкъ выведенъ на сцену и какъ надлежитъ правильно изображать его несимпатичную личность.

Ан.

---

11 февраля на сценѣ «Новаго» театра шла въ первый разъ драма Виктора Гюго *Эми Робзаръ*. Намъ не совсѣмъ удобно много распространяться объ этомъ произведеніи великаго поэта и драматурга,—неудобно потому, что пьеса эта была напечатана въ *Русск. Мысли* (кн. VIII, 1889 г.), а еще потому, что играна она въ переводѣ нашего постояннаго и ближайшаго сотрудника М. Н. Ремезова. Драма эта интересна во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она есть первое для сцены произведеніе главы романтической школы во Франціи; во-вторыхъ, сюжетъ ея заимствованъ авторомъ изъ знаменитаго романа Вальтеръ Скотта *Кенильвортскій замокъ*, причемъ послѣдній ея актъ принадлежитъ сполна творчеству Виктора Гюго; въ-третьихъ, эта драма шла въ Москвѣ 11 февраля 1899 года, всего во второй разъ со времени ея перваго представленія на сценѣ театра Одеонъ въ Парижѣ 13 февраля 1828 года. Сторонники отживавшей ложно-классической трагедіи и ожесточенные враги только-что выступавшаго на французскую сцену романтизма собрались во множествѣ на это представленіе и своими протестами и свистками, начавшимися еще до поднятія занавѣса, постарались провалить пьесу молодого романтика. Во избѣжаніе скандаловъ, Викторъ Гюго попросилъ директора театра г. Соважа снять тотчасъ же пьесу съ репертуара. Но не могъ же геніальный поэтъ изъ-за этого отказаться отъ писанія для театра, и скандалъ повторился въ еще большей мѣрѣ на первомъ представленіи *Эрнани*, въ Théatre-Français, 26 февраля 1830 г. Тутъ дѣло дошло до настоящей драки кулаками и палками между защитниками псевсо-классицизма и сторонниками «новой» школы. Перевѣсъ оказался на сторонѣ послѣднихъ, и, несмотря на невообразимый шумъ и сумятицу, романтическая драма одержала полную побѣду, стала съ этого дня твердою ногой на французской сценѣ, а за нею—и на всѣхъ европейскихъ сценахъ. Съ тѣхъ поръ прошло семьдесятъ лѣтъ, но и до сихъ поръ драмы Виктора Гюго занимаютъ первое мѣсто послѣ Шекспировскихъ. Изъ нихъ, насколько намъ извѣстно, на сценѣ не были совсѣмъ поставлены *Кромвель*, написанная послѣ *Эми Робзаръ*, и нѣсколько позднѣйшая *Les Burgraves*; онѣ, впрочемъ, и не предназначались для сцены. На русской сценѣ не шли еще драмы *Маріонъ де-Лормъ* и *Марія Тюдоръ*, а драма *Le roi s'amuse* извѣстна у насъ лишь по передѣланной изъ нея оперѣ *Риголетто*.

Драма *Эми Робзаръ* очень тщательно и роскошно поставлена на сценѣ «Новаго» театра и прекрасно разыграна, такъ называемыми, «молодыми» силами подъ режиссерствомъ г. Кондратьева.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кабинету Дюпюи удалось провести черезъ палату депутатовъ и сенатъ законопроектъ, по которому дѣло Дрейфуса будетъ разбираться не уголовною палатой, а соединеннымъ присутствіемъ кассаціоннаго суда. Въ палатѣ пренія не были достаточно обстоятельными. Нѣсколько краснорѣчивыхъ возраженій правительству пришлось выслушать, но большинство признанныхъ вождей республиканской партіи безмолвствовали.

Въ сенатѣ правительственный законопроектъ подвергнутъ былъ достойной критикѣ. Превосходную рѣчь противъ него произнесъ одинъ изъ умѣреннѣйшихъ республиканцевъ, католикъ, извѣстный юристъ Беранже, связавшій свое имя съ гуманнымъ закономъ объ условномъ осужденіи.

Передъ Беранже противъ законопроекта произнесъ вѣскую рѣчь Максимъ Леконтъ. Его обвиняютъ въ томъ,—замѣтилъ Беранже,—что онъ принадлежитъ къ франкъ-масонамъ; но я,—замѣчаетъ почтенный сенаторъ,—оставаясь твердымъ республиканцемъ, въ то же время католикъ, и я вполнѣ присоединяюсь къ взгляду Леконта.

Куда бы мы пришли,—спрашиваетъ Беранже,—еслибъ ради преходящихъ событій нарушали великіе принципы правосудія, признанные и уважаемые всѣми цивилизованными народами? И для чего намъ предлагаютъ это сдѣлать? Чтобы дозволить попавшему въ затрудненіе министерству разрѣшить это затрудненіе? Оратора охватываетъ при этомъ глубокая печаль: посягаютъ на тѣ принципы, которые Беранже почиталъ всю жизнь, которые онъ считалъ недоступными для нападеній. Не сказалъ ли великій Монтескьё, что для народа нѣтъ свободы, если судебная власть не отдѣлена отъ законодательной? Нельзя допускать, чтобы у кого-либо былъ судья, назначенный именно на этотъ случай.

Сенатъ очень внимательно слушаетъ оратора, и въ этомъ мѣстѣ рѣчь его покрывается особенно оживленными и продолжительными рукоплесканіями.

Декларація правъ человѣка, — продолжаетъ Беранже, — этотъ вѣчный памятникъ человѣческой мудрости, усвоенный всѣмъ цивилизованнымъ міромъ,—и тамъ нѣтъ цивилизаціи, гдѣ онъ не усвоенъ,—установила, что никто не можетъ быть судимъ иначе, чѣмъ по законамъ и правиламъ,

раньше и твердо установленнымъ. Существо правосудія состоитъ въ томъ, чтобы не отымать у подсудимаго судьи, который данъ ему закономъ. Поступать иначе—значитъ дѣйствовать произвольно и стремиться перемѣною судьи перемѣнить приговоръ.

Какъ старый судья, Беранже протестуетъ противъ неправильностей и административнаго давленія, которыми переполнено все дѣло Дрейфуса вмѣстѣ съ другими дѣлами, съ нимъ связанными. Кене де Борепера ораторъ заклеймилъ именемъ добровольнаго шпіона.

Беранже говоритъ, что министерство имѣетъ въ виду своимъ законопроектомъ дать удовлетвореніе арміи. Какъ истинный французъ, престарѣлый сенаторъ и судья немножко шовинистъ. Онъ заявляетъ, что любитъ, обожаетъ армію («J'aime, j'adore l'armée»). Онъ питаетъ глубокій культъ («J'ai pour elle un culte profond»).

Какъ все это характерно для современной Франціи! Беранже прибавляетъ, при громкихъ протестахъ правой, что нѣкоторые изъ вождей арміи совершили важные проступки (fautes très graves). Читатели знаютъ, что въ числѣ этихъ *проступковъ* находятся возмутительныя преступленія.

Кончилъ Беранже такими словами: «Не хотите ли вы, чтобы завтра міръ съ удивленіемъ спрашивалъ: «Какъ! при полномъ спокойствіи, не имѣя даже извиненіемъ революцію, Франція отрицаетъ принципы, которые заставляли насъ вѣрить въ нее!»

«Я исполнилъ свой долгъ и умоляю сенатъ исполнить его собственный» (т.-е. отвергнуть правительственный законопроектъ).

Не менѣе замѣчательную рѣчь противъ законопроекта произнесъ другой представитель умѣренныхъ республиканцевъ, бывшій министръ Вальдекъ Руссо. Послѣ безцвѣтной рѣчи министра юстиціи, Лебре, и нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ Шарлемъ Дюпюи, въ которыхъ онъ обѣщалъ полную публичность суда и обнародованіе всего слѣдствія, Вальдеку Руссо не трудно было указать на юридическіе недостатки въ аргументаціи правительства. Министръ-президентъ поставилъ вопросъ о довѣріи къ кабинету. Средство, свидѣтельствующее именно объ отсутствіи серьезныхъ доказательствъ (нужно замѣтить, что это вопросъ спорный, должно ли министерство выходить въ отставку, если на его сторонѣ будетъ большинство въ палатѣ депутатовъ, а сенатъ выразилъ ему недовѣріе. Дюпюи самъ своимъ обращеніемъ предрѣшилъ вопросъ въ пользу сената).

Вальдекъ Руссо опасается, не испортился ли французскій національный характеръ, не утратила ли Франція чувство справедливости, устремлены ли попрежнему ея глаза къ идеалу. Бояться, что совершена судебная ошибка, считается теперь отрицаніемъ отечества.

Сенатъ, какъ извѣстно, большинствомъ 155 голосовъ противъ 125, рѣшилъ перейти къ обсужденію единственной статьи законопроекта, который потомъ и былъ принятъ. Большинство составилось изъ нѣкоторыхъ группъ республиканцевъ и всѣхъ бонапартистовъ, орлеанистовъ и клерикаловъ сената.

Такими мѣрами не возстанавливается нравственное спокойствіе страны,

и онѣ сами являются печальными признаками времени. Когда писались эти строки, пришло и доброе извѣстіе изъ Франціи: Урбанъ Гойе, написавшій книгу *Армія противъ націи*, и ея издатель, обвинявшіеся въ оскорбленіи арміи, оправданы судомъ присяжныхъ.

Быть можетъ, дѣлу дѣйствительнаго успокоенія Франціи поможетъ новый президентъ республики. За избраніе на этотъ высшій въ государствѣ постъ Эмиля Лубе высказался, какъ извѣстно, такой представитель радикальныхъ республиканцевъ, какъ Клемансо (въ *L'Aurore*). Радость безъ всякихъ ограниченій возбудилъ этотъ выборъ конгресса въ столь умѣренномъ республиканскомъ органѣ, какъ *Le Temps*.

Президентъ республики долженъ быть вѣрнѣйшимъ, безпристрастнымъ и бдительнымъ стражемъ конституціи. Покойный Феликсъ Форъ, при всѣхъ выдающихся достоинствахъ, нѣсколько увлекался пышностью своего «двора» и склонялся иногда въ сторону католическихъ и шовинистскихъ нашептываній. Эмиль Лубе, повидимому, исполнитъ свое обѣщаніе быть искренне демократическимъ президентомъ республики. Первая его мѣра не можетъ не вызвать глубокаго уваженія и сочувствія: онъ воспротивился судебному преслѣдованію лицъ, виновныхъ въ томъ, что они оскорбительными криками встрѣтили его избраніе главою государства.

Въ транслейтанской половинѣ Габсбургской монархіи правильная парламентская жизнь возстановлена. Прославившійся своимъ анти-конституціоннымъ образомъ дѣйствій кабинетъ барона Банфи вынужденъ былъ подать въ отставку, и новый министръ-президентъ, Шелль, уже достигнулъ соглашенія съ оппозиціей. Непримиримыми остались двѣ небольшія группы Кошута и Угрона, стремящіяся къ окончательному разрыву съ Австріей.

Въ Цислейтаніи парламентъ распущенъ, и графъ Тунъ управляетъ на основаніи § 14 конституціи, гораздо менѣе совершенной, чѣмъ въ Венгріи. Чешская *Politik* назвала прошлый годъ годомъ разочарованій. Главную причину зла газета видитъ въ бейстовскомъ дуализмѣ, который создалъ для нѣмцевъ господствующее положеніе въ Цислейтаніи. Придетъ ли избавитель,—спрашиваетъ *Politik*,—или Австріи придется вступить въ двадцатый вѣкъ съ такимъ тяжелымъ наслѣдствомъ?

Престарѣлый монархъ, справившій въ прошломъ году полустолѣтіе своего царствованія, уже не въ состояніи быть избавителемъ своего государства наканунѣ приближающагося вѣка. При громѣ февральской революціи вступилъ онъ на престолъ. При немъ Австрія, въ нашу войну съ Турціей, Франціей, Англіей и Пьемонтомъ, удивила міръ своею неблагодарностью, выступивъ враждебно противъ своего недавняго заступника, императора Николая I. Затѣмъ Габсбургская монархія теряетъ Ломбардію, Венецію, изгоняется изъ Германскаго союза, безъ войны пріобрѣтаетъ Боснію и Герцеговину и доходитъ до крайняго предѣла государственной опасности вслѣдствіе непримиримой вражды между австрійскими нѣмцами и славянами (въ особенности чехами).

Естественно, что вопросъ о ближайшемъ будущемъ Габсбургской монархіи сильно волнуетъ общественное мнѣніе и въ Австріи, и въ Германіи. Мы упоминали своевременно о статьѣ одного изъ чешскихъ вождей, Крамаржа. Теперь онъ напечаталъ другую статью, на этотъ разъ не во французскомъ журналѣ, а въ берлинскомъ еженедѣльномъ изданіи *Die Zukunft*. Основною мыслью въ этой статьѣ является слѣдующая: не территоріальная, а національная автономія.

Neue Freie Presse относится отрицательно къ предложеніямъ Крамаржа. Онъ предлагаетъ богемскому нѣмецкому меньшинству и національныя избирательныя куріи, и національныя школы. Казалось бы, что этого достаточно: нельзя же требовать, чтобы чешское большинство добровольно подчинялось нѣмецкому меньшинству. Но *Neue Freie Presse*, прежде всего, требуетъ отмѣны закона Бадени, уравнявшаго въ предѣлахъ Богеміи чешскій языкъ съ нѣмецкимъ. Затѣмъ вѣнская газета, насмѣшливо называя Крамаржа чешскимъ литературнымъ *commis - voyageur*, сопоставляетъ его статью въ *Zukunft* съ его же статьею въ *Revue de Paris*. Мы не видимъ противорѣчій въ названныхъ статьяхъ чешскаго публициста, но въ замѣчаніяхъ и возраженіяхъ органа австрійскихъ нѣмцевъ-централистовъ,—либераловъ въ предѣлахъ своего племени,—находимъ подтвержденіе нашему возраженію Крамаржу: онъ черезчуръ оптимистически относится къ будущему Австріи. Мы не видимъ покуда никакихъ серьезныхъ признаковъ, которые давали бы основаніе предполагать близкое наступленіе примиренія, на началахъ равноправности богемскихъ нѣмцевъ съ чехами. Въ Европѣ въ послѣднее время сильно звучатъ ноты централизаціи и крайней государственности. Такое настроеніе правящихъ классовъ и господствующихъ народностей не можетъ быть, къ счастію, продолжительнымъ; но теперь оно несомнѣнно является препятствіемъ къ справедливымъ отношеніямъ между племенами, живущими на одной государственной территоріи.

Въ одномъ права *Neue Freie Presse*: если бы статьи и рѣчи «генерала» Комарова изъ петербургскаго *Свѣта* были, какъ неправильно утверждаетъ вѣнская газета, выраженіемъ русскаго общественнаго мнѣнія, то чехамъ было бы лучше, дѣйствительно, пойти на значительныя уступки нѣмцамъ. Еслибъ «генералу» Комарову была возможность,—онъ показалъ бы чехамъ прелести славяно-русскихъ централистовъ. Къ счастью, для справедливости и для славянскаго міра, въ особенности для Россіи, намъ показывать этого по отношенію къ чехамъ ни въ какомъ случаѣ не придется.

Побѣдители испанцевъ, сѣверо-американцы, вынуждены одерживать новыя побѣды. Жители Филиппинскихъ острововъ, благодарные за освобожденіе отъ военнаго и церковнаго ига Испаніи, имѣютъ серьезное намѣреніе стать свободнымъ народомъ. Войскамъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ приходится путемъ пушечныхъ выстрѣловъ приглашать туземное населеніе къ признанію господства ихъ надъ архипелагомъ. И,

кажется, подчиненіе «освобожденныхъ» будетъ труднѣе борьбы съ поработителями.

Въ отвѣтъ на прокламацію американскаго главнокомандующаго, генерала Отиса, президентъ революціоннаго республиканскаго правительства на Филиппинахъ, Агвинальдо, обнародовалъ обращеніе къ соотечественникамъ, къ европейскимъ консуламъ и къ иностранцамъ въ Манильи.

Генералъ Отисъ провозгласилъ себя военнымъ губернаторомъ Филиппинскихъ острововъ, и Агвинальдо горячо протестуетъ противъ этого. Онъ никогда и нигдѣ, ни словесно, ни письменно, не признавалъ владычества сѣверо-американцевъ. Предшественникъ Отиса, генералъ Мерритъ, торжественно заявлялъ населенію Филиппинскихъ острововъ, что войска и флотъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ явились на Филиппинахъ, какъ и на Кубѣ, чтобы уничтожить испанское иго. Агвинальдо протестуетъ еще разъ противъ намѣренія сѣверо-американцевъ захватить въ свои руки управленіе островами и настаиваетъ на независимости Филиппинъ.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ въ рѣчи, которую онъ, въ февралѣ, произносилъ въ Бостонѣ, заявилъ, что, какова бы ни была окончательная политика его правительства, на Филиппинахъ необходимо установить и упрочить «*порядокъ*». Что сказалъ бы на это Монроэ, какимъ гнѣвомъ загорѣлся бы Вашингтонъ!

И повсюду европейцы, а теперь и сѣверо-американцы, стремятся захватить области, гдѣ много естественныхъ богатствъ, гдѣ населеніе погружено еще въ глубокій мракъ. Нельзя отрицать, что торговая корысть можетъ прокладывать дорогу и цивилизаціи, что, путемъ тяжелыхъ-таки пожертвованій, далекіе азіатскіе и африканскіе народы вводятся въ міръ цивилизаціи. Италія, какъ знаютъ наши читатели, несмотря на печальный результатъ африканскихъ затѣй, хочетъ занять торговую позицію въ Китаѣ. Франція обезпокоена положеніемъ вещей въ Марокко. Это полудикое государство находится подъ вліяніемъ то Великобританіи, то Испаніи, то Франціи. Вліяніе послѣдней должно было бы быть всего сильнѣе, такъ какъ Алжиръ—непосредственный сосѣдъ Марокко. Въ *Journal des Débats* корреспондентъ этой газеты Робертъ де Кэ (Robert de Caix) сообщалъ недавно о сильномъ возстаніи на югѣ имперіи. Нѣкоторыя области ускользаютъ отъ власти султана. Корреспондентъ намекаетъ на иностранныя вліянія, которыя дѣлаютъ отношенія мароккскаго правительства къ Алжиру недружелюбными, и сѣтуетъ на то, что Франція недостаточно внимательно охраняетъ свои интересы въ Марокко, весьма важные.

А колоніальные вопросы играютъ очень значительную роль въ современной политикѣ Французской республики. Въ *Revue Politique et Parlamentaire* помѣщена интересная статья г. д'Анфревилля о колоніальномъ возрожденіи Франціи *).

---

*) *L. d'Anfreville:* „La Renaissance Coloniale de France“ (*Revue Pol. et Parl.*' 10 février 1899).

Расцвѣту колоніальнаго могущества Франціи, по мнѣнію автора, дала сильный толчокъ несчастная война 1870—71 гг. Благодаря адмиралу Дюпрэ и лейтенанту Гарнье, французы проникаютъ въ Тонкинъ. Гамбетта и въ особенности Жюль Ферри выступаютъ съ широкими колоніальными замыслами. Франція подчиняетъ себѣ Тунисъ. Громадныя области были заняты по берегамъ Конго. Оппозиція сильно нападала на Ферри, утверждая, что онъ безплодно расточаетъ въ Азіи и въ Африкѣ французскую кровь и деньги и обезсиливаетъ Францію въ Европѣ передъ лицомъ грознаго врага по ту сторону Вогезовъ. Но погоня за рынками дѣлала свое дѣло. Французы завоевываютъ Мадагаскаръ.

Французское правительство приняло рядъ мѣръ къ тому, чтобы создать въ колоніяхъ благопріятныя условія для ихъ развитія. Уменьшается бюрократія, въ Алжирѣ вводится самоуправленіе, колоніальныя области тщательно изучаются. Въ колоніи стремятся теперь не чиновники преимущественно, но спеціалисты промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Устройство путей сообщеній ведется въ широкихъ размѣрахъ. Образовалась огромная литература, которая знакомитъ народъ съ особенностями и богатствами колоній. Повременная печать поддерживаетъ постоянно интересъ къ отдаленнымъ владѣніямъ Франціи. Въ общемъ д'Анфревилль высказываетъ самый радужный взглядъ на колоніальное будущее республики.

— ———

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Коммиссія по упорядоченію хлѣбной торговли и рѣчь г. министра финансовъ. — Ходатайство московскаго купечества. — Новое торжество Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.—Высочайшее повелѣніе по поводу студенческихъ волненій и наша печать.—О бѣдствіяхъ неурожая.—Наши увеселенія.—Позорныя слова газеты *Кавказъ*.

Въ послѣдніе годы наше правительство довольно часто прибѣгаетъ къ созыву спеціалистовъ и представителей заинтересованныхъ сторонъ для обсужденія находящихся въ ходу законодательныхъ и административныхъ вопросовъ. О совѣщаніяхъ этихъ появляются свѣдѣнія въ печати, гдѣ они въ свою очередь подвергаются разнообразной оцѣнкѣ. Безспорно, что это шагъ впередъ для нашего законодательства и управленія.

Недавно въ Петербургѣ закончились засѣданія одной изъ такихъ коммиссій—по упорядоченію хлѣбной торговли. Закрывая занятія коммиссіи, г. министръ финансовъ произнесъ рѣчь, которая возбудила живѣйшій интересъ въ печати и въ обществѣ.

Статсъ-секретарь Витте привѣтствовалъ дружную работу представителей сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. По мнѣнію оратора, въ общемъ стремленіи государственной экономической политики «могутъ получить наилучшее удовлетвореніе и всѣ частные интересы отдѣльныхъ отраслей и національнаго труда, находя другъ въ другѣ необходимую поддержку, часто даже не сознаваемую и отрицаемую. Основную отрасль народной производительности, несомнѣнно, составляетъ у насъ сельское хозяйство и, по моему глубокому убѣжденію, нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономическаго вопроса, болѣе охватывающаго всѣ стороны нашей хозяйственной жизни, какъ именно вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія въ широкомъ значеніи этого слова. Это—вопросъ всего нашего житья-бытья, въ немъ растворяются всѣ другіе. Отъ него, какъ отъ центральнаго фокуса, и должно исходить освѣщеніе всѣхъ мѣропріятій на пользу хозяйственнаго развитія Россіи, на пользу всей народной производительности. Признавая всю важность улучшенія самой техники сельскохозяйственнаго производства и общихъ условій сельско-хозяйственной дѣятельности, я убѣжденъ, однако, что рѣшительное уврачеваніе нашихъ сельско-

хозяйственныхъ недуговъ можетъ явиться результатомъ лишь упорядоченія общеправовой обстановки нашей деревенской жизни и болѣе правильнаго распредѣленія народнаго труда по различнымъ отраслямъ производительной дѣятельности.

«Жизненный узелъ нашего сельскаго хозяйства заключается, по моему мнѣнію, не въ условіяхъ международнаго хлѣбнаго рынка, богатаго соперничествомъ и случайностями, и не здѣсь надо искать его развязки. Этотъ узелъ намъ надо развязать у себя дома, т.-е. создать и обезпечить у себя же широкій и постоянный внутренній спросъ какъ на произведенія земли, такъ и на предложеніе труда. Достигнуть же этого невозможно безъ широкаго развитія перерабатывающей промышленности.

«Исторія показываетъ, что исключительно земледѣльческія страны, при полной политической независимости и даже при международномъ могуществѣ, въ хозяйственномъ отношеніи обречены играть роль колоній-данницъ по отношенію къ богатымъ промышленнымъ странамъ, являющимся какъ бы метрополіями. Въ такой земледѣльческой странѣ ни развитіе интенсивнаго хозяйства, ни накопленіе капиталовъ невозможно. Широкому размаху предпріимчивости здѣсь нѣтъ мѣста. Техническія знанія находятъ слабое примѣненіе и, какъ показываетъ нашъ собственный опытъ, даже самое обезпеченіе народа насущнымъ хлѣбомъ ставится въ зависимость отъ многоразличныхъ случайностей, повторяющихся періодически то тамъ, то здѣсь, и съ которыми не можетъ справиться наше сельское населеніе».

Г. министръ финансовъ высказывается за протекціонизмъ. «Съ общенаціональной, государственной точки зрѣнія покровительственная система имѣетъ своей конечною цѣлью—освобожденіе народнаго хозяйства изъ-подъ зависимости отъ чужого труда и чужого рынка и поднятіе страны на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы. Какъ и всякое средство, протекціонизмъ долженъ имѣть лишь временное значеніе—впредь до достиженія той конечной цѣли, ради которой и былъ онъ выдвинутъ. Прямая логика его заключается въ самоупраздненіи. Съ созданіемъ крѣпкой національной промышленности, съ нарожденіемъ дѣятельной внутренней конкурренціи должна наступить его естественная кончина.

«Нужно ли удивляться,— продолжаетъ статсъ-секретарь Витте,— что для многихъ заинтересованныхъ лицъ было бы желательнѣе обратить это временное средство въ постоянную цѣль и возможно дольше пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Тѣмъ, кто удобнѣе усѣлся за «богатымъ столомъ», конечно, желательно отдалить наступленіе худшихъ для нихъ временъ, но лучшихъ для всей страны. Вотъ почему можетъ возбуждать неудовольствіе притокъ изъ-за границы конкуррирующаго промышленнаго капитала, съ неизбѣжными спутниками его—удешевленіемъ цѣнъ и пониженіемъ промышленныхъ прибылей. Иногда эти своекорыстные интересы выступаютъ подъ обманчивымъ патріотическимъ покровомъ, говоря о «расхищеніи естественныхъ богатствъ нашей земли», о «порабощеніи населенія иноземцами» и т. п. Но впервые ли подъ патріотическою маской намъ при-

ходится распознавать вполнѣ эгоистическіе интересы, прямо противоположные общенароднымъ пользамъ страны? Еще Великому Преобразователю Россіи, въ его могучемъ стремленіи «прорубить окно въ Европу», пришлось преодолѣвать «патріотическую» охрану старинной косности, невѣжества, а въ особенности обособленности,—словомъ, всѣхъ тѣхъ путъ, которыя связывали по рукамъ и ногамъ русскаго богатыря и препятствовали развернуться его дремлющимъ силамъ».

Г. министръ финансовъ произнесъ слишкомъ оптимистическое, по нашему мнѣнію, утвержденіе, что всѣ своекорыстные интересы всегда получали у насъ достойную оцѣнку съ обще-государственной точки зрѣнія и никогда не отражались поэтому вредно на развитіи благосостоянія русскаго народа. Исторія свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя отрасли промышленности добивались у насъ чрезмѣрнаго покровительства, а другія оставлялись безъ всякой поддержки, и т. д.

«Покровительственная система, — говорилъ статсъ-секретарь Витте,— имѣетъ значеніе школы для нашей юной промышленности. Уже и теперь, благодаря охранительной системѣ, достигнуты крупные результаты: многія отрасли промышленности сдѣлали огромные успѣхи, и они у всѣхъ на виду. Но это далось намъ не даромъ. Мы проходимъ черезъ дорогую школу. Покровительственная система ложится тяжестью почти на всѣ классы населенія. Русскому человѣку обходится дороже все, огражденное пошлиной. Это—главный укоръ противъ протекціонизма, и укоръ вполнѣ справедливый. Но именно потому и надо стремиться возможно скорѣе пройти періодъ этой школьной выучки и быстрѣе придвинуться къ цѣли. А для этого необходимо самое широкое привлеченіе капиталовъ въ промышленность».

Нужно замѣтить, что эта юная старушка, всероссійская промышленность, несмотря на покровительство съ Петра Великаго, очень далека еще отъ окончанія курса въ покровительственной школѣ.

У насъ такъ мало капиталовъ, что безъ иностранныхъ мы не можемъ обойтись. «Простая ариѳметика,—замѣчаетъ г. министръ,—показываетъ всю предпочтительность привоза иностранныхъ капиталовъ по сравненію съ привозомъ иностранныхъ издѣлій. Не можетъ быть вопроса, что выгоднѣе для страны: ввозить ли ежегодно чужого товара на сотни милліоновъ рублей, цѣликомъ уходящихъ за границу, или ввести единожды капиталъ—это смертоносное для ввоза орудіе, и при помощи его организовать производство у себя дома, получая, въ худшемъ случаѣ, 90 проц. стоимости товара въ свою пользу?

«Повторяю: протекціонизмъ требуетъ для осуществленія своихъ цѣлей широкаго притока капитала въ промышленность, и этому надлежитъ всемѣрно содѣйствовать. Конечно, этимъ не исчерпываются всѣ мѣры, необходимыя для скорѣйшаго достиженія цѣлей покровительственной системы. Необходимо прійти на помощь технической школой, устраненіемъ стѣсненій промышленной иниціативы, улучшеніемъ положенія труда... Заботиться обо всемъ этомъ входитъ въ обязанность министерства финансовъ, и мы ста-

раемся посильно выполнять ихъ. По этому пути мы идемъ съ полнымъ убѣжденіемъ и твердо вѣруемъ, что онъ ведетъ къ прочному развитію всѣхъ производительныхъ силъ нашей страны и, на первомъ мѣстѣ, къ обезпеченію благосостоянія деревенской Россіи».

Рѣчь г. министра финансовъ заключаетъ въ себѣ косвенный отвѣтъ на ходатайство московскаго купечества о недопущеніи въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Недавно газета *Кіевлянинъ* не безъ остроумія и вполнѣ основательно указала, что интересенъ вопросъ, кто собственно взываетъ теперь къ правительству для огражденія отъ иностранныхъ капиталовъ. «Здѣсь,— говоритъ *Кіевлянинъ*,—мы соприкасаемся уже съ комическимъ элементомъ этой серьезной исторіи. Въ Москвѣ столпами русскаго биржевого общества оказываются: Кнопъ, Вогау, Циндель, Листъ, Гужонъ, Эмиль Липгартъ, Брокаръ, Келлеръ и др., «чисто русскіе люди», имя же имъ легіонъ. Спрашивается: когда всѣ эти, нынѣ «коренные москвичи», явились въ Россію изъ-за границы и заводили промышленныя предпріятія, существовала ли для нашего отечества опасность отъ нашествія иноплеменныхъ, или не существовала? Почему, когда переселялись въ Россію Вогау и Циндель, это было вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, а когда нынѣ переселяются съ такими же капиталами и для однородныхъ цѣлей какіе-нибудь Карлъ и Мейеръ, то Вогау и Циндель считаютъ своимъ «патріотическимъ» долгомъ протестовать противъ этого «завоеванія» Россіи иностранцами. Не потому ли, что Карлъ примѣшивается къ жирному пирогу Вогау, а Мейеръ грозитъ нарушить промышленный покой Цинделя?...»

Совершенно справедливо указываетъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* г. Янжулъ, что наша печать доказала слѣдующее: «Приливъ иностранныхъ капиталовъ совершается къ намъ всего болѣе потому, что своихъ капиталовъ у насъ мало, а примѣненія для нихъ много. Во-вторыхъ, иностранные капиталы приливаютъ потому, что свои русскіе и обрусѣвшіе промышленники, сидя за высокой стѣной нашего таможеннаго тарифа, имѣютъ мало иниціативы, бездѣятельны и не цѣнятъ достаточно всѣхъ великихъ выгодъ у насъ промышленной дѣятельности, получая и безъ того хорошіе барыши на свое дѣло. Наконецъ, они вопятъ и «протестуютъ» противъ иностранцевъ, во-первыхъ, потому, что конкурренція можетъ имъ повредить, а во-вторыхъ, привыкли смѣшивать и отождествлять свои собственные интересы съ интересами Россіи: не даромъ же ихъ обо всемъ спрашиваютъ!?»

Г. Янжулъ говоритъ, что существуютъ и другія условія, благопріятствующія переселенію къ намъ иностранныхъ капиталовъ: 1) «Тотъ же *высокій таможенный тарифъ*, который, такъ сказать, гарантируетъ каждому предпріимчивому человѣку хорошее вознагражденіе на его предпріятіе при мало-мальски изрядномъ веденіи дѣла. 2) *Слабое обложеніе* въ то время, какъ въ сосѣдней Германіи, наприм., промышленнику приходится нести цѣлую серію высокихъ прямыхъ налоговъ и въ томъ числѣ такихъ, какъ рядомъ съ промысловымъ — прогрессивный подоходный, у насъ — лишь незначительный, особенно для крупныхъ, милліонныхъ капиталовъ,

промысловой налогъ, даже въ его новомъ усовершенствованномъ костюмѣ отъ 8 іюня 1898 г., да такой же небольшой относительно земскій сборъ. 3) *Малая,* т.-е. *низкая заработная плата* русскихъ рабочихъ и совершенное *отсутствіе расходовъ* (обязательныхъ по крайней мѣрѣ) *на ихъ страхованіе.*

«Само собою, разумѣется, что если желать уменьшить постепенно или *ослабить* приливъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ въ наши промышленныя предпріятія, то необходимо послѣднія сдѣлать для иностранцевъ указаннымъ способомъ менѣе привлекательными, а для того надо постараться, по возможности, *устранить всѣ три причины* ихъ привлеченія и тѣмъ приблизиться къ достиженію желанной цѣли».

Въ виду патріотическихъ чувствъ, которыя вызвали, по всей вѣроятности, ходатайство московскаго купечества, особенно должны быть пріятными для этого купечества слѣдующія предложенія г. Янжула: «Во-первыхъ, потребуется возвысить размѣръ новаго промыслового налога и спеціально увеличить прогрессію на крупные капиталы для промышленныхъ цѣлей; затѣмъ въ виду, надо надѣяться, скораго рѣшенія въ высшихъ сферахъ вопроса объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими (законопроектъ уже вносится, по слухамъ, въ государственный совѣтъ), слѣдуетъ продолжить дальнѣйшую заботу государства объ обезпеченіи участи нашихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ путемъ страхованія, по возможности на счетъ хозяевъ».

По нашему мнѣнію, способъ удовлетворенія ходатайства московскаго купечества, предложенный академикомъ Янжуломъ, нельзя не признать наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Въ *Журналѣ Министерства Юстиціи* *) напечатана весьма важная записка *О судебной реформѣ въ Туркестанскомъ краѣ и въ Степныхъ областяхъ.* Высшія мѣстныя власти высказывались противъ несмѣняемости судей, противъ отдѣленія судебной власти отъ административной. Какъ сообщаетъ *Журналъ Министерства Юстиціи,* г. министръ юстиціи возражалъ, что «предоставленіе генералъ-губернатору по непосредственному его усмотрѣнію удалять чиновъ судебнаго вѣдомства явилось бы безпримѣрнымъ отступленіемъ отъ одного изъ основныхъ началъ нашихъ дѣйствующихъ законовъ о службѣ гражданской, по которому увольненіе, а равно и перемѣщеніе съ одной должности на другую принадлежитъ всецѣло и исключительно той власти, отъ коей зависитъ назначеніе должностного лица. «Отъ этого начала,—заявилъ Н. В. Муравьевъ,—не было допущено доселѣ никакого отступленія при распространеніи судебной реформы даже на такія окраины, какъ Закавказье и Привислянскій край, находившіяся въ моментъ введенія въ нихъ судебнаго преобразованія въ несравненно менѣе благопріятныхъ въ политическомъ отношеніи условіяхъ, чѣмъ Туркестанскій край въ настоящее время».

---

*) *Журналъ Министерства Юстиціи,* февраль 1899 г.

Вполнѣ сознавая необходимость единства дѣйствій правительственныхъ властей въ недавно покоренномъ краѣ, министерство юстиціи вмѣстѣ съ тѣмъ сочло необходимымъ заявить, что проектированное военнымъ министерствомъ расширеніе предѣловъ власти главнаго начальника края не только не будетъ содѣйствовать достиженію указанной цѣли, а скорѣе послужитъ даже поводомъ къ многочисленнымъ и трудно разрѣшимымъ пререканіямъ обоихъ вѣдомствъ—военнаго и юстиціи.

Соединенные департаменты государственнаго совѣта (законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ), въ засѣданіи 14 марта прошлаго года, одобрили заключенія министерства юстиціи. Разногласіе съ нимъ было устранено г. военнымъ министромъ. На докладѣ г. министра юстиціи Государь Императоръ написалъ: «Буду счастливъ, когда наша матушка Россія станетъ благоустроенною, по крайней мѣрѣ въ правосудіи, скоромъ, безпристрастномъ и близкомъ народу, почти по всей необъятной площади. Согласенъ съ вашимъ заключеніемъ и желаю отъ души успѣха».

Итакъ, великіе принципы *Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II* одержали новую побѣду. Жизнь народовъ, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка для своего разумнаго и правильнаго теченія требуетъ отъ времени до времени свѣтлаго, яркаго, радостнаго. Дѣловые сѣренькіе дни утомляютъ, нужны и государственные солнечные дни, когда не только памятуются прошлыя великія событія и торжественно подтверждаются уже введенныя въ жизнь творческія идеи, но и возвѣщаются новыя начала, расширяющія и углубляющія общественное теченіе къ миру и справедливости.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* было напечатано слѣдующее важное извѣстіе: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8 февраля въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и затѣмъ распространившихся на нѣкоторыя другія учебныя заведенія, и о результататахъ сего разслѣдованія представить на Высочайшее благоволеніе. Вмѣстѣ съ симъ Его Императорскому Величеству благоугодно было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ помянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ обыденнаго порядка остается на обязанности главныхъ начальниковъ сихъ заведеній».

Первымъ на это извѣстіе отозвался—и прескверно отозвался,—г. Суворинъ въ своемъ *Новомъ Времени*. Онъ заявилъ, что «*добыть* молодежь для учебныхъ заведеній гораздо легче, чѣмъ рабочихъ для фабрики, уже потому, что районъ фабрики очень ограниченъ, а въ учебное заведеніе съѣзжаются за тысячи верстъ» и т. д.

Если мы не ошибаемся, г. Суворинъ неповиненъ въ прохожденіи курса какого-либо высшаго учебнаго заведенія и его точка зрѣнія,—наемника-

директора фабрики на рабочую массу,—находитъ въ данномъ случаѣ свое объясненіе.

Съ горячимъ и возвышеннымъ протестомъ противъ нововременскихъ заправилъ выступилъ въ *Правѣ* нашъ знаменитый публицистъ К. К. Арсеньевъ. «Что высшія учебныя заведенія,—говоритъ г. Арсеньевъ,—потерявъ теперешній контингентъ учащихся не долго оставались совершенно пустыми, что непосредственный, осязательный результатъ доведенной до конца «стачки не учиться» выразился бы только во множествѣ разбитыхъ жизней—это весьма вѣроятно; но этимъ далеко не исчерпывается вопросъ, гораздо болѣе серьезный и сложный, чѣмъ кажется поверхностному взгляду. Россія не такъ богата образованіемъ, чтобы для нея могла быть нечувствительной потеря нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ людей, выброшенныхъ изъ колеи передъ самымъ достиженіемъ желанной цѣли. Четырехъ или пятилѣтній перерывъ въ подготовкѣ новыхъ, свѣжихъ силъ, идущихъ на смѣну старымъ, утомленнымъ,—перерывъ, едва ли не безпримѣрный въ новѣйшей исторіи,—оставилъ бы глубокій слѣдъ въ народной жизни. Это не такое явленіе, къ которому можно было бы отнестись «съ легкимъ сердцемъ», какъ къ чему-то едва замѣтному для левіаѳана государства. Куда дѣвалась бы притомъ вся масса недоучившейся молодежи? Какъ перенесла бы небывалый кризисъ сама высшая школа, въ какой степени она могла бы сохранить вѣру въ собственныя силы и довѣріе своихъ питомцевъ?... Плохую услугу возстановленію нормальнаго порядка вещей оказываютъ тѣ, которые утверждаютъ, что онъ можетъ быть возстановленъ самъ собою, простою замѣной одного состава учащихся другимъ, садящимся на вакантное мѣсто... «Прилежнымъ ученіемъ, упорнымъ трудомъ,—читаемъ мы въ томъ же «Маленькомъ письмѣ»,— молодежь достигаетъ гораздо большаго, чѣмъ всякими безпорядками». Этотъ совѣтъ можно было бы и не извлекать изъ архивовъ прописной морали: къ данному вопросу онъ не подходитъ уже потому, что въ основаніи его лежитъ сравненіе величинъ несравнимыхъ и несоизмѣримыхъ. Цѣль студенческихъ безпорядковъ—если только они имѣютъ, съ самаго начала, опредѣленную цѣль—никогда не совпадаетъ съ тѣмъ, что можно добыть трудомъ и ученьемъ. Трудъ и ученье ведутъ къ знанію, даютъ возможность примѣнять это знаніе въ той или другой сферѣ государственной или общественной жизни,—но они не ведутъ, напримѣръ, къ усиленію личнаго достоинства, которое такъ высоко цѣнитъ учащаяся молодежь. Конечно, не достигается эта охрана и безпорядками,—но нельзя противопоставлять безпорядкамъ трудъ, ученье, какъ средство, вѣрнѣе приводящее къ той же самой цѣли... Не слѣдуетъ преувеличивать серьезность положенія, но не слѣдуетъ и отрицать ее; признать ее во всемъ ея объемѣ, значитъ создать благопріятную почву для «всесторонности» разслѣдованія, устранить все то, что могло бы помѣшать ея успѣху».

Отвѣчая г. Арсеньеву, г. Суворинъ не безъ гордости заявляетъ, что его мнѣніе было въ печати «нѣсколько дней единственнымъ». Да, *такія* мнѣнія

частенько могутъ оставаться и вообще единственными... Издатель *Новаго Времени* полагаетъ, что послѣ его двухъ *маленькихъ писемъ*, сдѣлавшихся предметомъ общаго говора и споровъ (?), *центръ тяжести* былъ перенесенъ на г. Суворина. Это уже—*mania grandiosa*.

К. К. Арсеньевъ замѣчаетъ, что «всестороннему разслѣдованію студенческіе безпорядки, столь часто, за послѣднія сорокъ лѣтъ, повторявшіеся у насъ, въ Россіи, никогда еще не подвергались или, по крайней мѣрѣ, никогда еще результаты такого разслѣдованія не были оглашаемы во всеобщее свѣдѣніе. Едва ли, однако, мы ошибемся, если скажемъ, что рядомъ съ частными причинами, дѣйствовавшими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, существовали и существуютъ общія, болѣе или менѣе постоянныя. На это указываетъ уже самая періодичность безпорядковъ, происходящихъ при различной обстановкѣ, въ различныхъ городахъ, въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не малую роль играетъ въ нихъ одно свойство молодежи, часто утрачиваемое у насъ въ зрѣломъ возрастѣ: высокая оцѣнка правъ личности, ея достоинства, ея самостоятельности, — оцѣнка столь высокая, что нарушеніе правъ другого лица чувствуется какъ нарушеніе собственнаго права».

Высочайшее повелѣніе произвело отрадное впечатлѣніе въ обществѣ и успокоило взволновавшуюся молодежь. Знаменательный урокъ, кому слѣдуетъ, дается слѣдующими словами этого повелѣнія: «Его Императорскому Величеству благоугодно было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ помянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ обычнаго порядка остается на обязанности главныхъ начальниковъ сихъ заведеній».

Безспорно, что нравственный авторитетъ не разрозненныхъ и безсильныхъ теперь профессоровъ, а возстановленной профессорской корпораціи оказалъ бы благотворное вліяніе на упроченіе правильнаго теченія жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Г. министръ финансовъ нашелъ возможнымъ согласиться, и государственный совѣтъ принялъ введеніе въ уставъ Кіевскаго и Варшавскаго политехническихъ институтовъ избранія профессоровъ *). Слѣдовало бы вернуться къ такому порядку и нашимъ университетамъ.

Пожертвованіе Государемъ Императоромъ милліона рублей въ пользу страдающихъ отъ неурожая и неустанная проповѣдь печати пробудили въ обществѣ болѣе живое отношеніе къ бѣдствію, охватившему многія мѣстности Россіи. Въ провинціальной печати нерѣдко встрѣчаются трогательныя воззванія. Въ *Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ* мы прочли, напримѣръ, такія строки: «Съ сегодняшняго дня у насъ начинается масляница. Пироги, блины, жареные поросята, гуси и т. д.,—все это будетъ фигурировать на нашихъ столахъ, по мѣрѣ достатка и чревоугодія. Не будетъ недостатка и въ возліяніяхъ, начиная съ очищенной и кончая болѣе тон-

*) См. статью профессора Ренненкампфа въ январьской книжкѣ нашего журнала.

кими и деликатными винами. А недалеко отъ насъ, даже въ сосѣдяхъ, народъ чуть не мретъ съ голода. Картины голоданія, сообщаемыя въ газетахъ людьми, заслуживающими довѣрія, часто ужасны. Ужаснѣе же всего то, что голодаютъ и пухнутъ отъ голода дѣти,—тѣ чистыя невинныя души, о которыхъ Великій Учитель сказалъ, что они именно наслѣдуютъ Царство Небесное. Въ девяти губерніяхъ, въ томъ числѣ и сосѣднихъ съ нами — Самарской и Саратовской, многія села поражены страшнымъ бѣдствіемъ—голодомъ. Всякая тварь, созданная Богомъ, даже собаки, кошки и т. д. имѣютъ право на пищу, и мы бросаемъ имъ остатки отъ стола. А человѣкъ — это Божіе твореніе, одаренное разумомъ, умираетъ голодною смертью» *)...

Авторъ воззванія, г. Бородинъ, обращается за пожертвованіями и къ дѣтямъ, и ко взрослымъ.

Трогательны бываютъ и пожертвованія. Такъ въ *Курьерѣ* мы читаемъ: отъ разныхъ лицъ въ память 19 февраля 7 р. 50 к., отъ кухарки Саши—50 к., отъ рабочихъ Сабуровскаго кирпичнаго завода 15 р. 5 к., и т. п.

Быть можетъ, строгій и благозвучный звонъ великопостныхъ колоколовъ поможетъ раскрыться сердцу русскихъ достаточныхъ людей и поспѣшить щедрою помощью...

Г. Б. М. С. припоминаетъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* **), что при императорѣ Павлѣ I былъ изданъ манифестъ о привлеченіи дворянъ къ несенію прямыхъ налоговъ, когда «сей знатнѣйшій чинъ государственный, паче прочихъ ощутившій Монаршую милость, отъ собственныхъ своихъ стяжаній долженъ былъ способствовать общимъ надобностямъ. Но этихъ стяжаній не хватило, какъ оказалось, чуть не черезъ годъ, на пополненіе требуемой полуторамилліонной суммы, и она была раздѣлена между крестьянами—на каждую душу набавлено было по 18 коп.

«Если не ошибаюсь,—говоритъ авторъ статьи,—манифестъ этотъ относится къ 1797 году. Такимъ образомъ цѣлое столѣтіе эта сумма, входившая въ государственный бюджетъ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ, была платима крестьянами за дворянъ.

«Если взять лишь только первые $1^1/_2$ милл. и вычислить % на этотъ капиталъ, то получится довольно внушительная сумма дворянскаго долга крестьянамъ. Не пора ли подумать о выплатѣ?

«Не пора ли принять и по частной иниціативѣ дворянъ и служилаго класса мѣры для постоянной помощи крестьянамъ?

«Долго ли всѣ затруднительные вопросы будутъ предоставляемы исключительно на усмотрѣніе правительственной власти?—«На, дескать, и распутывай».

Нисколько не умаляя необходимости общественной и частной иниціативы какъ въ этомъ добромъ дѣлѣ, такъ и во множествѣ другихъ, мы продол-

---

*) *Уральскія Войсковыя Вѣдомости*, № 8.

**) *Биржевыя Вѣдомости*, 5 (17) марта.

жаемъ думать, что такая помощь будетъ имѣть во всякомъ случаѣ второстепенное значеніе. Государственные непорядки разрѣшаются и государственными средствами. Привычка во всемъ и всегда сваливать отвѣтственность на правительство, конечно, плохая привычка. Но не безъ историческихъ же причинъ она образовалась. А теперь дѣло идетъ не только и не столько о пробужденіи общественной самодѣятельности, сколько о прокормленіи до будущаго урожая голодающаго населенія, объ охраненіи его отъ истощенія и повальныхъ болѣзней.

Поучительно сопоставить съ извѣстіями о тяжкомъ положеніи сельскаго населенія въ длинномъ рядѣ губерній нѣкоторыя данныя оффиціальной статистики россійскихъ увеселеній.

По отчету о сборѣ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ пользу вѣдомства Императрицы Маріи за 1897 годъ въ Петербургѣ (онъ занимаетъ, конечно, первое мѣсто—26,7% всего сбора по имперіи), продано (не считая императорскихъ театровъ) почти четыре милліона билетовъ на разныя развлеченія. Отъ продажи благотворительныхъ марокъ (въ пользу учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи) выручено въ отчетномъ году болѣе 925,000 р. (въ Петербургѣ — почти 247,000 р., въ Москвѣ—165,676 р., въ Ригѣ—38,288 р., въ Одессѣ — 32,174 р., въ Кіевѣ — 31,473 р., въ Харьковѣ—21,959 руб., въ Тифлисѣ—14,293 руб., въ остальныхъ городахъ меньшія суммы *).

За пятилѣтіе (1892—1897 гг.) сборъ за марки увеличился на 165,000 р. (больше 21%). Намъ живется, стало быть, все веселѣе и веселѣе.

Послѣ веселой темы — печальная. Насъ иногда хвалили иностранцы и очень часто мы сами себя хвалили за умѣнье обращаться съ покореннымъ населеніемъ окраинъ, щадить ихъ вѣрованія и особенности. За границей объясняли это,—люди недоброжелательные къ нашему отечеству,—нашею малою культурностью. Съ спокойною совѣстью мы имѣли право объяснять это иными причинами. Русскій народъ по природѣ благодушенъ и вѣротерпимъ. До сихъ поръ въ губерніяхъ, гдѣ въ перемежку, въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ, живутъ, напримѣръ, православные и татары-магометане (Пензенская, Тамбовская губерніи), православные устраиваются такъ, что не только не мѣшаютъ магометанскимъ праздникамъ, а предоставляютъ имъ честь и мѣсто. Звѣрскія расправы англичанъ въ Индіи—не показатель высшей культуры, а позоръ для нея. Единственнымъ оправданіемъ можетъ для нихъ въ извѣстной мѣрѣ, служить та страшная опасность, которой они, какъ малочисленные завоеватели, тамъ подвергаются. Въ нашихъ глазахъ это, разумѣется, не оправданіе. Послѣ недавняго андижанскаго возстанія широкая милость нашего правительства могла же покрыть его послѣдствія.

---

*) О Варшавѣ въ отчетѣ нѣтъ свѣдѣній.

Но вотъ въ краю, гдѣ мы утвердились давно, гдѣ христіанство исповѣдывается долгими вѣками, съ словами ненависти выступаетъ, въ неофиціальной части газеты *Кавказъ*, русскій публицистъ, передъ тѣмъ не безъизвѣстный поэтъ. Въ *Откровенныхъ рѣчахъ* г. Величко, въ видѣ великодушныхъ новогоднихъ размышленій, мы прочли строки, которыя не можемъ назвать иначе, какъ позорными для русскаго имени. Г. Величко говоритъ, что *мирные* турки были выведены изъ терпѣнія армянами-*ростовщиками* и избили *нѣсколько сотъ невинныхъ армянъ*... Кровь десятковъ тысячъ замученныхъ армянъ, поруганныхъ женщинъ, избитыхъ дѣтей, старцевъ вопіетъ къ небу и Европѣ, а газета *Кавказъ* съ «легкимъ сердцемъ» говоритъ о сотняхъ погибшихъ, о виноватыхъ армянахъ, о *мирныхъ* курдахъ, злодѣйства которыхъ ужаснули даже дипломатическую Европу, о *мирныхъ* туркахъ, которые рѣзали армянъ въ домахъ и улицахъ Константинополя... Да, чтобы написать это, нужно быть... г. Величко.

Письмо въ редакцію.

(Печатается на основаніи ст. 139 *Устава* о цензурѣ и печати).

Въ августовской книжкѣ за 1897 г. редактируемаго вами журнала *Русская Мысль*, въ «Очеркахъ провинціальной жизни», на страницахъ 185, 186 и 187 помѣщена статья объ организаціи медицинской помощи населенію въ Перемышльскомъ уѣздѣ.

Въ этой статьѣ нѣтъ ни слова правды. Разберу ее самымъ подробнымъ образомъ отъ начала до конца:

«Въ Перемышльскомъ уѣздѣ имѣются три врача: городской—г. Калабинъ, разбитый параличомъ и уже нѣсколько лѣтъ съ трудомъ двигающійся». Врачъ Калабинъ (это я, названный въ статьѣ почему-то Колобинъ) параличомъ не разбитъ, двигается безъ малѣйшаго труда и вообще никакимъ неизлѣчимымъ недугомъ не страдаетъ. «При городской больницѣ состоитъ какъ бы ассистентомъ фельдшера сторожъ Яковъ, который, къ благополучію больныхъ, не слишкомъ старъ и не страдаетъ неизлѣчимымъ недугомъ». Это неправда, сторожъ Яковъ ассистентомъ при фельдшерѣ не состоялъ, да и почему вообще фельдшеру Яковъ-сторожъ могъ быть назначенъ въ ассистенты? Или и фельдшеръ тоже разбитъ параличомъ, а можетъ быть онъ слишкомъ старъ? Отчего неизвѣстный корреспондентъ не разъясняетъ этого?

«На вопросъ, обращенный землевладѣльцемъ Пронинымъ (гласнымъ перемышльскаго земства) къ одному изъ сельскихъ старостъ, почему о свирѣпствующей эпидеміи не увѣдомляютъ земскихъ врачей?»

Прочитавъ этотъ отрывокъ, невольно поражаешься наивностью перемышльскаго гласнаго Пронина: какъ гласный земства, Пронинъ, казалось бы, долженъ знать, что каждый врачебный участокъ обыкновенно находится подъ вѣдѣніемъ земскаго врача, а не земскихъ врачей, какъ выразился гласный Пронинъ въ своемъ вопросѣ, обращенномъ къ сельскому старостѣ. Въ данномъ случаѣ села Корытино, Никольское и Варваренки принадлежали къ врачебному участку, завѣдуемому земскимъ врачомъ Саловымъ. «Дѣйствительно на другой день къ докладчику является больничный сторожъ Яковъ, обходитъ по его указанію пораженныя мѣстности, щупаетъ у больныхъ пульсъ».

Хотя это дѣло касается участковаго врача Салова, но я все-таки ради возстановленія истины считаю нужнымъ представить фактъ появленія на эпидемію сторожа Якова въ настоящемъ его свѣтѣ. Вотъ какъ было дѣло: узнавъ, въ какомъ волненіи находится его пріятель Пронинъ (крестьянинъ) по случаю появленія эпидеміи дезинтеріи въ его родномъ селѣ Корытинѣ, сторожъ Яковъ (ротный фельдшеръ) по собственному почину отправился навѣстить и успокоить своего мнительнаго друга Пронина (а не лѣчить больныхъ) и вотъ обходитъ мѣстность, пораженную эпидеміей, осматриваетъ больныхъ, но все это было лишь желаніе услужить Пронину, съ которымъ Яковъ находился въ самыхъ лучшихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Другой случай, приведенный докладчикомъ, слѣдующаго содержанія: въ ноябрѣ 1894 г. его старостѣ при сельцѣ Григоровѣ, Ивану Матюшину, оторвало молотильною машиною ногу. Послѣ домашней перевязки больного въ сопровожденіи двухъ рабочихъ, Мартысева и Томикова, отправили въ городскую перемышльскую больницу. Пока одинъ остался съ больнымъ у воротъ, другой поспѣшилъ за городскимъ врачомъ Калабинымъ на его квартиру, на противоположный конецъ города. Но, какъ уже сказано, врачъ, будучи боленъ самъ, въ больницу отправиться не могъ и потребовалъ себѣ сторожа Якова, лишивъ такимъ образомъ больныхъ послѣдняго надзора. Во время этихъ переговоровъ и хожденій у Ивана Матюшина, котораго некому было даже внести и положить на койку, открылось въ саняхъ тутъ же подъ окнами больницы, сильное кровотеченіе. Не зная чѣмъ его унять, испуганный работникъ снова бросился къ врачу Калабину, котораго и засталъ читающимъ лекцію о перевязкѣ сторожу Якову. Прочитавъ лекцію, докторъ Калабинъ тотчасъ же отрядилъ сторожа къ земскому врачу Салову».

Спрашивается, для чего понадобилось доктору Калабину (т.-е. мнѣ) читать лекцію о перевязкѣ сторожу Якову, «отряжая» этого сторожа къ врачу Салову. Вѣдь, «если бы не было другого земскаго врача, г. Салова, наравнѣ съ врачомъ Калабинымъ работающаго при перемышльской больницѣ, то и тогда было бы нелѣпо предположить, что врачъ Калабинъ, не будучи въ состояніи по болѣзни явиться къ больному, истекающему кровью, началъ учить сторожа Якова, какъ оказать помощь раненому. Врачу Калабину, разъ онъ по болѣзни или другой какой-либо уважительной причинѣ не могъ явиться къ больному, не могло представиться необходимости послать за себя къ больному сторожа Якова, скорѣй бы онъ поручилъ оказаніе помощи больному фельдшеру, а ужъ никакъ не сторожу; но въ данномъ случаѣ, повторяю, былъ другой земскій врачъ, г. Саловъ, живущій постоянно въ Перемышлѣ, который и явился въ больницу къ раненому, по первому требованію. При чемъ же тутъ Яковъ?

«Но годъ кое-какъ прошелъ и наступило нетерпѣливо ожидаемое всѣми сословіями «очередное земское собраніе». Гласному Пронину было предложено повторить свой докладъ въ присутствіи врачей, о которыхъ шла рѣчь. Какъ ни тяжело это было для человѣка, не желающаго кого-либо обидѣть, г. Пронинъ согласился».

Это—неправда, могу съ увѣренностію это утверждать, такъ какъ я самъ присутствовалъ на земскомъ собраніи. Повторить свой докладъ г. Пронину не предлагали, онъ самъ, по собственному настоянію, началъ повторять свой докладъ и повторилъ его отъ слова до слова, не обращая вниманія на раздающееся кругомъ шиканье. Наперекоръ гласному Пронину, земское собраніе постановило: «выразить врачамъ благодарность за ихъ заботы о народномъ здравіи вмѣстѣ съ просьбой остаться на занимаемыхъ должностяхъ». Если бы врачи дѣйствительно, вслѣдствіе болѣзни или старости, были непригодны къ земской службѣ, то какая надобность была бы земскому собранію просить этихъ врачей остаться на занимаемыхъ ими должностяхъ и замѣчательно энергично ратовать за нихъ?

Въ силу предоставленнаго мнѣ закономъ права, я прошу всѣ изданія, перепечатавшія разсматриваемую статью въ августовской книжкѣ *Русской Мысли* за 1897 г., перепечатать и настоящее мое опроверженіе.

В. М. Калабинъ,
бывшій перемышльскій, нынѣ судогодскаго земства врачъ.

Читатели *Русской Мысли*, вѣроятно, забыли о существованіи г. Калабина. Съ опроверженіемъ, составленнымъ въ грубыхъ выраженіяхъ, г. Калабинъ обращался къ намъ еще въ 1897 г.. Мы отвѣтили, что въ такой формѣ опроверженія печатать не станемъ, и поставили на видъ сочинителю опроверженія, что извѣстіе о «дѣятельности» г. Калабина, какъ это указано въ «Очеркахъ провинціальной жизни», взято нами изъ *Недѣли*. Туда г. Калабину и слѣдовало обратиться, но онъ пожелалъ насильственно украсить своимъ именемъ страницы нашего журнала. Замѣтимъ г. Калабину, что корреспонденціи *Недѣли* онъ не опровергнулъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ 1899 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика. — Философія, психологія, педагогика.— Публицистика. — Исторія, исторія литературы, біографіи.— Географія, этнографія, антропологія.—Искусство.—Политическая экономія, статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники, дѣтскія книги-пособія.—Книги для народа. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *февраль*. —«Русское Богатство», *январь*.—«Міръ Божій», *февраль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1899 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Разсказы М. Садовскаго“. Т. I и II.—„Историческія повѣсти“. *М. М. Филиппова.*— „Путевые очерки и разсказы“. *Н. И. Касиненка.*

Разсказы М. Садовскаго. Томы I и II. Изданіе журнала „Русскій Вѣстникъ“. Москва, 1899 г. Цѣна 2 р. 50 к. Во множествѣ сборниковъ *Разсказовъ*, вышедшихъ за послѣдній десятокъ лѣтъ, эти произведенія нашего высокоталантливаго артиста, М. П. Садовскаго, стоятъ совсѣмъ особнякомъ. Они даютъ намъ живыя картины быта и нравовъ московскихъ „захолустій“ и цѣлую галлерею портретовъ любопытныхъ и типичныхъ представителей мелкаго ремесленнаго и торговаго классовъ. Въ этихъ разсказахъ лишь изрѣдка проходятъ фигуры учителей гимназіи и купцовъ съ толстыми карманами. Изъ сихъ послѣднихъ наиболѣе выдающимися лицами мы считаемъ городского голову нѣкоего уѣзднаго города Хрустальникова и предшественника его въ той же должности „патріархальнѣйшаго изъ гражданъ“ Малинкина. Этотъ разсказъ озаглавленъ *Страница изъ исторіи одного города*. Въ разсказѣ *Высшее призваніе* фигурируютъ учителя гимназіи и, наконецъ, послѣдній разсказъ во второмъ томѣ посвященъ воспоминаніямъ автора объ актерѣ Ѳедорѣ Семеновичѣ Потанчиковѣ, пріятелѣ незабвеннаго Прова Михайловича Садовскаго. Михаилъ Провычъ Садовскій слушалъ въ дѣтствѣ отъ Потанчикова не мало интереснаго о житьѣ-бытьѣ учениковъ театральнаго училища и актеровъ первой половины нынѣшняго столѣтія и живо передаетъ слышанное. Остальные пять разсказовъ изображаютъ „захолустныхъ“ обывателей окраинъ нашей Бѣлокаменной. Въ литературѣ этотъ „захолустный“ людъ Москвы былъ затронутъ мало и, кажется, совсѣмъ не былъ затронутъ съ той стороны, съ которой подходитъ къ нему и описываетъ его М. П. Садовскій. А между тѣмъ этотъ людъ въ высокой степени интересенъ: онъ существенно отличается отъ петербуржца и отъ обывателей другихъ большихъ городовъ; у него совершенно своя особливая физіономія, свои привычки, нравы и міровоззрѣніе, свой собственный языкъ и

московскій говоръ. И всѣ эти особенности авторъ очень тщательно изучилъ и мастерски передастъ въ добродушнѣйшихъ разсказахъ, полныхъ юмора, которымъ прикрываются серьезныя и гуманныя мысли. Особенно типичны въ этихъ разсказахъ: Емельянычъ-табашникъ *(Счастливецъ)* и Гречушкинъ, Донъ-Кихотъ московскаго захолустья *(Вредный членъ)*. Необыкновенно милъ и симпатиченъ „табашникъ“, человѣкъ настоящаго старо-московскаго закала и типа. Онъ крѣпко вѣритъ въ то, что „*счастье*—отъ Бога“, и непоколебимо убѣжденъ въ своемъ необыкновенномъ счастьѣ. Изъ его повѣствованій о себѣ мы узнаемъ, что судьба трепала его немилосердно, а онъ послѣ каждой трепки приговариваетъ: „А, каково мое счастье!...“ — Да какое же это счастье, тебя обобрали, тебя изобидѣли? — „Какъ же не счастье? Во сколько разъ могло быть хуже, ежели бы...“ случилось вотъ то-то... И въ этомъ нѣтъ ничего похожаго на мнѣніе, будто „все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ“. Табашникъ Емельянычъ очень хорошо видитъ всѣ мерзости захолустья, все гнѣздящееся тамъ зло, необходимымъ находитъ сторониться отъ зла и „себя соблюдать“, по мѣрѣ силъ помогать ближнему и выручать „добрыхъ людей“. Онъ говоритъ: „Счастье отъ Бога“. А мы добавляемъ: и отъ его, Емельяныча, благодушія, отъ его чистой незлобивости. Донъ-Кихотъ Гречушкинъ такъ же точно видитъ зло и мерзости, но у него натура боевая и героическая, онъ убѣжденный врагъ всякаго „непротивленія злу“. Онъ твердо настаиваетъ на томъ, что противъ всякаго зла необходимо бороться всѣми средствами, не разсуждая, что изъ этого произойдетъ для него лично. Гречушкинъ убѣжденъ въ своей правотѣ и неустрашимъ, какъ рыцарь „печальнаго образа“, только онъ не печалится, а послѣ каждой постигающей его катастрофы кидается съ возрастающею энергіей въ битву съ усмотрѣннымъ имъ зломъ, хотя бы оно ничѣмъ его не затрогивало. Своимъ безкорыстнымъ и постояннымъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, своимъ геройствомъ, порою комическимъ, онъ часто накликаетъ на себя серьезныя непріятности: его сгоняютъ съ квартиръ, выживаютъ изъ цѣлой округи, какъ человѣка безпокойнаго и несноснаго; сосѣди подаютъ прошеніе полиціи о совершенномъ удаленіи Гречушкина изъ Москвы на томъ основаніи, что онъ „вредный членъ обчества“; злые люди, имъ изобличенные и посрамленные, подкарауливаютъ его и жестоко избиваютъ; благопріятели уговариваютъ: „Оставь, не знаешь развѣ, что сказано, удались отъ зла и сотвори благо?“ А онъ не унимается и возражаетъ: „Знаю, что сказано. А какъ это понимать? Это означаетъ: самъ ты не дѣлай зла, а дѣлай добро. Я и дѣлаю добро, воюю противъ зла. А если всѣ-то станутъ терпѣть зло и противъ него ничего не дѣлать, такъ оно, зло-то, всѣхъ насъ заѣстъ...“ И, несмотря ни на какія угрозы и увѣчья, Гречушкинъ воинствуетъ, изобличаетъ всякую неправду, бьется со всякимъ зломъ. Въ разсказѣ *Преступленіе* есть еще нѣсколько интересныхъ типовъ московскаго „захолустья“: лавочникъ Яковъ Ѳедотовичъ, молодой человѣкъ, кроткій и смиренный Ягодниковъ и компанія „захолустниковъ“, учиняющая травлю этому безобидному юношѣ. Всѣ дѣйствующія лица этихъ московскихъ исторій чувствуютъ и дѣйствуютъ совершенно по „захолустному“ и говорятъ чистѣйшимъ московско-захолустнымъ языкомъ, въ совершенствѣ знакомомъ автору. Для тѣхъ, кто мало знакомъ съ этимъ особливымъ міромъ, *Разсказы* г. Садовскаго представляютъ большой интересъ, а для самихъ обывателей „захолустій“ они явятся поучительною проповѣдью добра и гуманности. Хорошія это книжки!

Историческія повѣсти. М. М. Филиппова. Изд. Л. И. Филипповой. Спб., 1898 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Въ этой книжкѣ два произведенія: *Дворянская честь* (повѣсть изъ временъ Екатерины II) и *Прометей* (разсказъ изъ древне-греческой жизни), разсказъ коротенькій, но живой и очень характерный—о томъ, какъ художникъ Парразій написалъ картину *Прометей*. Что же касается „повѣсти изъ временъ Екатерины II", то въ ней историческаго весьма мало, хотя, быть можетъ, въ ея основу взято дѣйствительное событіе изъ жизни прошлаго событія. По существу, дѣло въ томъ, что нѣкій путивльскій помѣщикъ Воропоновъ спьяну и въ азартѣ убилъ на охотѣ своего сосѣда мелкопомѣстнаго дворянина, довольно долгое время укрывался отъ суда, потомъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ, грабилъ и убивалъ на большихъ дорогахъ, наконецъ, былъ схваченъ, отданъ подъ судъ, битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Съ нимъ вмѣстѣ былъ взятъ его малолѣтній сынъ Андрей Воропоновъ и, по сиротству, отданъ на воспитаніе родному дядѣ, старому холостяку, отъ котораго впослѣдствіи получилъ въ наслѣдство довольно хорошее состояніе. Дядя отвезъ мальчика въ Петербургъ, записалъ въ гвардію и отдалъ въ лучшій пансіонъ. Окончивши ученье въ Петербургѣ, Андрей уѣхалъ въ Германію для довершенія своего образованія. Все это было при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Когда вступилъ на престолъ императоръ Петръ III, онъ всѣхъ молодыхъ дворянъ вызвалъ изъ чужихъ краевъ на дѣйствительную службу, въ ихъ числѣ вернулся въ Петербургъ и Андрей Воропоновъ, но наслужилъ не долго и въ чины не вышелъ. Въ необычайные дни воцаренія императрицы Екатерины II онъ случайно пролежалъ больной въ своей квартирѣ и въ пресловутомъ „дѣйствѣ" участія не принималъ. Молодой человѣкъ сообразилъ, что ни на какую большую карьеру ему разсчитывать не приходится, вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика гвардіи и уѣхалъ въ деревню, въ Курскую губернію. Тутъ онъ влюбился въ барышню хорошаго дворянскаго рода, присватался, получилъ отказъ отъ мамаши и „увозомъ" женился на своей хорошенькой Софьюшкѣ. Суровая и своенравная теща не захотѣла простить молодыхъ людей и къ себѣ ихъ не принимала. Но супруги жили довольно счастливо, дѣтокъ нажили. Андрей Воропоновъ служилъ по управленію казенными крестьянами, пользовался покровительствомъ большихъ вельможъ, князя Юсупова и графа Румянцева-Задунайскаго, задумалъ баллотироваться въ предводители дворянства. Его конкуррентъ и соперникъ, дворянинъ Щекинъ, добылъ черезъ одного подьячаго выкраденный документъ о судѣ надъ отцомъ Воропонова, а въ этомъ документѣ значилось, что Андрей Воропоновъ, по малолѣтству, избавленъ отъ битья кнутомъ и ссылки въ Сибирь, но приговоренъ къ наказанію розгами по достиженіи совершеннолѣтія. И вотъ, дабы устранить и „ошельмовать" Воропонова, его враги снова подняли давно забытое дѣло. Опасаясь приведенія въ исполненіе неотмѣненнаго, позорящаго приговора, Андрей впалъ въ отчаяніе и застрѣлился... Таково содержаніе повѣсти, повторяемъ, быть можетъ, заимствованной изъ старыхъ документовъ. И повѣсть могла бы быть интересной, но она написана вяло и тягуче, и въ ней не хватаетъ красокъ, характеризующихъ вторую половину прошлаго столѣтія, что въ особенности придаетъ занимательность историческимъ романамъ. Всѣ лица повѣсти г. Филиппова дѣйствуютъ, чувствуютъ и говорятъ по-новому,—приблизительно такъ, какъ то дѣлали наши отцы лѣтъ пятьдесятъ назадъ. „Разсказъ изъ древне-греческой жизни" много колоритнѣе. А вслѣд-

ствіе отмѣченнаго нами промаха автора, его „повѣсть“ оказывается произведеніемъ мало интереснымъ и, просто говоря, скучнымъ.

Сочиненія Н. И. Касиненка. Путевые очерки и разсказы. Т. I. Изд. Н. П. З. Лубны, 1898 г. Ц. 80 к. Въ пяти повѣствованіяхъ, вошедшихъ въ эту книжку, авторъ разсказываетъ про странствованія и злоключенія провинціальныхъ актеровъ. Въ первой повѣсти, озаглавленной *Малороссы во Франціи*, г. Касиненко передаетъ очень живо истинное происшествіе, надѣлавшее не мало шума въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ начала 1894 г. Позднею осенью 1893 г. въ Одессѣ составилась „малороссійская“ труппа съ антрепренеромъ Г. О. Деркачемъ во главѣ и въ сотовариществѣ съ г-жею Петровскою. Разсчитывая на пылкія „франко-русскія“ симпатіи, компанія эта предприняла поѣздку въ Парижъ, а если можно будетъ, то и далѣе, „плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ“, наживать большія деньги и громкую славу. Вернулись наши „малороссійскіе Аргонавты“ очень скоро, совершенно общипанные, голодные, пробираясь во-свояси чуть не Христовымъ именемъ. Обоюдныя симпатіи двухъ великихъ народовъ и единеніе ихъ на почвѣ артистической выражались очень демонстративно и шумно, но въ смыслѣ практическомъ вся эта затѣя кончилась самымъ прискорбнымъ крахомъ и немалымъ посрамленіемъ для малороссовъ. Вожаки труппы не имѣли никакого понятія о заграничныхъ экскурсіяхъ и о театральныхъ порядкахъ въ Парижѣ и во Франціи, хотя были люди „себѣ на умѣ“, судя по разсказамъ г. Касиненка, и охотно драли съ своихъ уже наголо общипанныхъ артистовъ. Авторъ описываетъ это необыкновенное „турнэ“ очень подробно и картинно, съ отличнымъ малорусскимъ юморомъ и съ неунывающимъ комизмомъ „Несчастливцева“, видавшаго виды въ своихъ странствованіяхъ на пароходахъ, въ вагонахъ и „по шпаламъ“. Вся эта повѣсть представляетъ собою „смѣхъ сквозь слезы“, сквозь настоящія слезы, но зато—и смѣхъ настоящій. Вторая повѣсть, *Ванда Запольская*, есть маленькій романъ изъ провинціально-театральной жизни, красиво сочиненный, а можетъ быть, удачно выхваченный изъ дѣйствительной жизни. Три остальные разсказа: *Три граціи*, *Хохлатая курица* и *На пароходѣ*, передаютъ разнородные эпизоды изъ житья-бытья странствующихъ актеровъ-неудачниковъ или инвалидовъ. Всѣ разсказы г. Касиненка интересны, къ сожалѣнію, они написаны неправильнымъ языкомъ, полнымъ провинціализмовъ, въ такомъ родѣ: „Ванда за нимъ соскучилась“, или „ты за сценой скучаешь“ и т. п. Мы другихъ примѣровъ не выписываемъ, но могли бы привести ихъ не мало, не считая опечатокъ, которыми изобилуетъ это изданіе, вышедшее изъ типографіи И. Л. Ицковича въ г. Лубнахъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. Кн. 46.—„Что такое Шулханъ-Арухъ?“ Этюдъ *Н. Переферковича.*—„Наша русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели“. *П. Каптерева.*

Вопросы философіи и психологіи. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества при содѣйствіи С.-Петербургскаго Филосовскаго Общества. Книга 46 (I). М., 1899 г. Въ предисловіи къ этому выпуску предсѣдатель Психологическаго Общества и редакторъ *Вопросовъ Философіи* извѣщаютъ, что съ января 1899 г. въ журналѣ будутъ принимать дружное участіе и Московское Психологическое, и

С.-Петербургское Философское Общества. „Въ единеніи—сила, и мы съ особеннымъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ здѣсь фактъ нравственнаго союза обоихъ Обществъ въ плодотворной и важной для нашего отечества работѣ. Чѣмъ дружнѣе мы будемъ служить высокой цѣли развитія философскаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе принесемъ пользы общему дѣлу подъема въ Россіи идеаловъ духа". На этотъ разъ Философское Общество представлено въ книгѣ протоколами своихъ засѣданій и научныхъ преній и рефератомъ своего члена Ѳ. Д. Батюшкова *Утопія всенароднаго искусства*. Статья г. Батюшкова вызвана главнымъ образомъ извѣстной книгой гр. Л. Н. Толстого; она высказывается противъ возможности и желательности остановить индивидуализацію искусства и свести его къ одной „всенародной" формѣ. Б. Н. Чичеринъ даетъ первый отдѣлъ своей „Философіи права"; онъ разсматриваетъ природу и взаимоотношенія личности и общества; произведеніе маститаго автора выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ, и тогда оно послужитъ предметомъ особаго разсмотрѣнія на страницахъ нашего журнала. Изящно написанная статья А. Н. Гилярова *Что такое философія и что она можетъ и чего не можетъ дать?*—указываетъ на безсиліе философіи разрѣшить конечные вопросы бытія; ея значеніе только въ томъ, что она сливаетъ въ синтезѣ единаго міропониманія разныя способности души—умъ, волю и чувство и, въ противоположность религіи, окрашиваетъ это міропониманіе не эмоціональнымъ, а интеллектуальнымъ цвѣтомъ. Въ статьѣ г. Гилярова много спорнаго, но она читается съ большимъ интересомъ, и нельзя не сочувствовать ея основной идеѣ—призыву къ упорному и сосредоченному труду въ области науки; „какъ работникъ для истины,—говоритъ авторъ,—не въ примѣръ выше долженъ быть поставленъ всякій скромный труженикъ науки, терпѣливо изучающій тотъ или другой фактъ, чѣмъ велерѣчивый философъ, обольщающій себя и другихъ несбыточными надеждами и обѣщаніями въ туманѣ пышныхъ и непонятныхъ словъ". Ѳ. Е. Коршъ въ неоконченномъ еще „этюдѣ по психологіи творчества"—*Римская элегія и романтизмъ* остроумно анализируетъ поэзію Катулла и раскрываетъ исторію его любви къ Лезбіи на цѣломъ рядѣ его элегій, мастерски переведенныхъ на русскій языкъ легкими стихами. Во второмъ отдѣлѣ книги мы находимъ окончаніе интереснаго очерка В. А. Вагнера *Психологія насѣкомыхъ*, обычный критико-библіографическій Отдѣлъ и отчетъ о дѣятельности Психологическаго и Философскаго Обществъ въ 1898 г. Въ началѣ книги помѣщенъ составленный В. О. Ключевскимъ некрологъ безвременно скончавшагося М. С. Корелина. Проф. Ключевскій характеризуетъ своего почившаго ученика и товарища, какъ „идеолога и идеофила въ хорошемъ смыслѣ этихъ словъ". Глубокій оптимизмъ и вѣра въ силу идей помогли М. С. Корелину, сыну крестьянина, „твердымъ шагомъ пройти очень плохо выровненный путь отъ сельской мельницы на р. Рузѣ до каѳедры въ Московскомъ университетѣ".

Что такое Шулханъ-Арухъ? Къ освѣщенію еврейскаго вопроса. Этюдъ Н. Переферковича. Спб., 1899 г. Ц. 1 руб. 30 коп. Шулханъ-Арухъ означаетъ по-древне-еврейски „приготовленный, накрытый столъ". Это характерное заглавіе носитъ книга, составленная въ XVI вѣкѣ раввиномъ Іосифомъ Каро. Она является сводомъ всѣхъ талмудическихъ постановленій, регулирующихъ жизнь еврея до мельчайшихъ подробностей. Въ нее, между прочимъ, вошли и фанатически-нетерпимые законы противъ язычниковъ, возникшіе въ до-христіанскую

эпоху, вошли потому, что традиція и преданность буквѣ не позволили Каро исключить изъ Талмуда даже то, что въ XVI вѣкѣ потеряло всякій смыслъ. Этотъ несчастный педантизмъ былъ чреватъ для евреевъ великимъ злополучіемъ. Какъ говоритъ въ своемъ предисловіи извѣстный оріенталистъ г. Переферковичъ, „язычниковъ Шулханъ-Аруха антисемиты чрезвычайно легко обратили въ христіанство и на этой почвѣ возвели на еврейскую религію обвиненіе въ нетерпимости именно къ христіанамъ“. Въ строго-объективной книгѣ г. Переферковича, написанной очень популярно и живо, читатели найдутъ исторію Шулханъ-Аруха и по многочисленнымъ выдержкамъ изъ него получатъ ясное представленіе объ этомъ кодексѣ религіозной жизни и обычнаго права. Несомнѣнно, что впечатлѣніе они вынесутъ тяжелое и непріятное. Едва ли въ самыхъ запутанныхъ дебряхъ средневѣковой христіанской схоластики найдется произведеніе, въ которомъ человѣческій умъ былъ бы такъ изсушенъ, направленъ на внѣшнее, формальное, какъ въ этомъ сборникѣ, гдѣ нелѣпое, отжившее, смѣшное, хотя и нравственно-безобидное, подавляетъ собою правила живой гуманности и заповѣди дѣятельной любви. Шулханъ-Арухъ регламентируетъ жизнь еврея до такихъ деталей, до такихъ подробностей физіологическихъ отправленій, что буквально ни одинъ жестъ, ни одно движеніе не предоставлены вкусу и произволу самой личности. Инициатива человѣка скована, онъ обращенъ въ автомата, который слѣпо повинуется освященной вѣками власти раввиновъ. Для того чтобы не приводить такихъ примѣровъ этой неслыханной регламентаціи, которые завели бы насъ въ область непристойнаго, ограничимся только слѣдующими курьезами: особая глава въ Шулханѣ посвящена вопросу объ евреѣ, который чихнулъ во время молитвы; другой трактатъ указываетъ, какъ надо стричь ногти въ промежуткѣ между праздничными днями; третій объясняетъ, въ какомъ порядкѣ надо одѣваться по утрамъ. Обрядъ заглушилъ собою религіозные догматы, вѣра измельчала, „религія оматеріализировалась“ и уступила первенство гигіенѣ. Особенно многочисленны и тягостны законы о пищѣ. Нельзя употреблять мяса скотины, зарѣзанной не по-еврейскому способу убоя, строго и точно опредѣленному. Изъ симпатичнаго запрещенія „не вари козленка въ молокѣ его матери“ казуисты-раввины вывели цѣлый рядъ хитросплетенныхъ правилъ, предостерегающихъ отъ смѣшенія молочной пищи съ мясной и поучающихъ, какъ и что и въ какой посудѣ надо ѣсть и пить. Едва ли не самымъ главнымъ тормозомъ сближенія евреевъ съ не-еврейскимъ населеніемъ является эта кулинарная мудрость. „Слишкомъ много вниманія удѣлено желудку“,—говоритъ г. Переферковичъ. Можно скрупулезно и въ точности исполнять всѣ законы о пищѣ, „издававшіеся въ теченіе тридцати вѣковъ отъ Моисея-Законодателя до Моисея Исерлеса (авторитетнаго раввина) включительно, не имѣя въ душѣ никакого понятія о религіи Моисея, Давида или Исаіи. Возвышенный идеализмъ древняго Израиля замѣнился сухимъ и узкимъ матеріализмомъ, заботой о кухнѣ и желудкѣ, чрезвычайно тонко охарактеризованной ѣдкимъ сарказмомъ Гейне въ его извѣстномъ изреченіи „das Judenthum ist eine schöne Religion: die Leute verstehen zu kochen“ (стр. 206).

Но зато вѣрно и противоположное: можно не имѣть никакого понятія о Шулханъ-Арухѣ и въ то же время духовно принадлежать къ религіи Моисея, Давида и Исаіи. Именно потому, что главная часть Шулхана посвящена внѣшнему, отъ нея легко эмансипироваться. Еслибъ общему образованію евреевъ не ставились насильственныя преграды,

еврейская масса постепенно научилась бы отдѣлять главное отъ второстепеннаго и отвергла бы все мелочное и нелѣпое. Что же тогда осталось бы отъ Шулханъ-Аруха? Остались бы его человѣколюбивые завѣты, его энергичный призывъ къ самой широкой благотворительности, къ посѣщенію и призрѣнію больныхъ и сирыхъ, остался бы духъ любви и взаимопомощи. Когда антисемиты осуждаютъ въ Шулханѣ несущественное, они правы. Но они клевещутъ, когда утверждаютъ, будто его основные принципы безнравственны. Шулханъ полонъ злобы противъ язычниковъ, но только потому, что язычники, какъ учатъ раввины, не уважаютъ правосудія, хулятъ Бога, поклоняются идоламъ, прелюбодѣйствуютъ, убиваютъ, грабятъ, мучатъ животныхъ при убоѣ. На христіанъ, религія которыхъ также осуждаетъ эти пороки, нетерпимость Шулхана не распространяется. „Несомнѣнно,—говоритъ г. Переферковичъ,—находились раввины, не дѣлавшіе строгой разницы между акумомъ (иновѣрецъ, собственно звѣздопоклонникъ) язычникомъ и акумомъ-христіаниномъ, особенно въ отношеніи христіанскаго культа, тѣмъ болѣе, что обращеніе средневѣковыхъ христіанъ съ евреями врядъ ли способствовало точному разграниченію этихъ понятій. Но какъ бы то ни было, въ Шулханъ-Арухѣ, хотя и не знающемъ великихъ завѣтовъ Спасителя, мы напрасно будемъ искать ненависти и вражды къ иновѣрцамъ не-язычникамъ... Мы далеки отъ мысли идеализировать Шулханъ-Арухъ и въ особенности его вѣротерпимость. Исторія никогда не знала этого качества, составляющаго симпатичнѣйшій принципъ новѣйшаго времени. Но насъ возмущаетъ эта постыдная травля безправныхъ евреевъ, эти вѣчные попреки общечеловѣческими грѣхами со стороны лицъ, которыя сами имѣютъ чрезвычайно смутныя понятія о вѣротерпимости, да и вообще христіанствѣ, борцами котораго они самозванно выступаютъ, кощунственно проповѣдуя ненависть и вражду“ (стр. 215—217). „Евреямъ необходимо выйти изъ круга мелочно-религіозныхъ и узко-національныхъ интересовъ, необходимо слиться съ окружающимъ населеніемъ въ общей культурной работѣ. Конечно, имъ нужно дать возможность это сдѣлать, должно уничтожить главнѣйшія препятствія къ сліянію... Мы говоримъ объ уничтоженіи позорныхъ оковъ безправности, дѣлающихъ еврея какимъ-то прирожденнымъ преступникомъ въ глазахъ общества; говоримъ о прекращеніи средневѣковой нетерпимости, ставящей еврея въ положеніе травимаго волка, поневолѣ всѣхъ чуждающагося, поневолѣ ищущаго утѣшенія въ Талмудѣ и Шулханъ-Арухѣ“ (стр. 222—223).

Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. П. Каптерева. Изданіе редакціи журнала „Русская Школа“. Спб., 1898 г. Цѣна 80 к. Современный подъемъ общественнаго вниманія къ вопросамъ образованія находитъ себѣ яркое отраженіе на страницахъ общихъ и педагогическихъ журналовъ и вызвастъ появленіе многихъ отдѣльныхъ книгъ, посвященныхъ разработкѣ этихъ вопросовъ. Среди подобныхъ книгъ, вышедшихъ за послѣднее время, большое право на вниманіе читателей имѣетъ книга извѣстнаго педагога г. П. Каптерева, заглавіе которой приведено нами выше. Вполнѣ своевременна, удачна и полезна попытка этого писателя бросить взглядъ назадъ на весь (правда недолгій) путь, пройденный уже русской педагогикой, прослѣдить въ исторической перспективѣ постепенное преемственное развитіе педагогическихъ идей на нашей родинѣ и, выяснивши ихъ сущность и конечные результаты, намѣтить то, что еще остается сдѣлать въ этомъ направленіи въ ближайшемъ будущемъ.

Можетъ быть, слѣдовало бы пожелать болѣе детальной и обстоятельной разработки темы, избранной уважаемымъ авторомъ этого сочиненія, но не надо упускать изъ вида, что подобное историко-критическое изслѣдованіе педагогическихъ направленій и идей со времени ихъ возникновенія и до нашихъ дней (т.-е. за 50 лѣтъ) является у насъ, сколько извѣстно, впервые, и притомъ самъ авторъ изслѣдованія ограничилъ свой трудъ, какъ видно изъ заглавія книги, только „главнѣйшими“ изъ этихъ идей и направленій. Во всякомъ случаѣ, въ настоящей книгѣ затронуты всѣ существенныя и важныя стороны вопроса, игравшія прежде или продолжающія играть большую роль и въ текущей жизни нашей школы и, благодаря ретроспективному освѣщенію, являющіяся передъ читателемъ въ особо-рельефной ясности.

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ семи главъ: I. Значеніе эпохи освобожденія крестьянъ въ исторіи русской педагогіи. II. Старые идеалы. III. Новые идеалы: А. Общечеловѣческіе идеалы. Б. Національный идеалъ. К. Д. Ушинскій. В. Я. Стоюнинъ. В. Свободное образованіе. IV. Государство и общество въ ихъ отношеніи къ народному образованію. V. Умственные и нравственные элементы въ образованіи. VI. Общее, спеціальное и техническое образованіе и VII. Гигіеническіе вопросы воспитанія и образованія.

Если не считать немногихъ казенныхъ училищъ, имѣвшихъ цѣлью подготовку служилыхъ людей разныхъ наименованій, въ Россіи до освобожденія крестьянъ не было школъ, не было педагоговъ, достойныхъ этого имени, не было и педагогики. Существовавшія школы были „скудны, казенны, мертвенны“. Только великій потокъ жизни и обновленія, разлившійся по русской землѣ при Александрѣ II-мъ, влился и въ школы, захватилъ и образованіе и вызвалъ въ этой области, какъ и въ другихъ, усиленную работу, перестройку стараго и сооруженіе новаго. Можно сказать, говоритъ г. Каптеревъ, что Россія впервые въ это время за все свое существованіе ощутила сильный образовательный голодъ. Въ частности, возникалъ и настоятельный вопросъ о народномъ образованіи, который, „къ глубокому вреду всей жизни русскаго народа, не разрѣшенъ серьезно и доселѣ“. Между тѣмъ, наступившая новая эпоха застала русскую педагогику въ крайне слабомъ состояніи. „Наша педагогика,—писалъ Я. К. Гротъ,—еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература—новорожденный младенецъ“... Приходилось все создавать заново: школу, учителей, педагогическую журналистику, литературу, теорію и практику. Причиной того, что все это за послѣднія 40—50 лѣтъ было успѣшно создано, г. Каптеревъ справедливо усматриваетъ въ томъ, что „воспитаніе перестало быть дѣломъ лишь одного государства, но стало и живымъ общественнымъ дѣломъ“ и въ участіи общества почерпнуло великую живительную силу.

Возникла борьба старыхъ идеаловъ, крѣпко державшихся въ умахъ многихъ, съ новыми, но послѣдніе просачивались всюду и уйти отъ нихъ было невозможно. Идеи, навѣянныя Западомъ, встрѣчаются, напримѣръ, въ книгахъ такихъ авторовъ, какъ свящ. Михайловскій и протоіерей Владиславлевъ. Послѣдній изъ нихъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній, называя ихъ преступными, находитъ неудобными награды, замѣчаетъ о необходимости гигіеничности всей воспитательной обстановки и т. д. Съ западной педагогикой знакомилъ и первый нашъ *Педагогическій Журналъ*, издававшійся съ 1833 по 1834 годъ Ободовскимъ, Гугелемъ и Гурьевымъ и прекратившійся вслѣдствіе полнаго

равнодушія педагоговъ къ новымъ идеямъ. Проповѣдывалъ новыя истины и *Журналъ для Воспитанія* (50-хъ годовъ): о томъ, что способъ преподаванія долженъ быть приноровленъ къ индивидуальности учащагося, что главное дѣло въ преподаваніи—не сумма сообщенныхъ свѣдѣній, а умственное и нравственное развитіе ученика, укрѣпленіе и усовершенствованіе его способностей, что въ ученіи необходимо предоставить ученику какъ можно болѣе свободы и самостоятельности, что одно теоретическое ученіе безъ практики никуда не годится, какъ и практика безъ теоріи и пр. Всѣ подобныя мысли возбуждали искреннее недоумѣніе въ то время и однако же заставляли невольно задумываться. Въ результатѣ явилось педагогическое двоевѣріе—необходимый моментъ въ развитіи общественнаго педагогическаго сознанія.

Далѣе слѣдуетъ болѣе широкая и научная постановка педагогическихъ идеаловъ, источниками для которой служили съ одной стороны самостоятельныя наблюденія и размышленія, а съ другой — опытъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ. Созданные такимъ путемъ педагогическіе идеалы носили общечеловѣческій характеръ и стремились положить твердый фундаментъ, на которомъ могло бы строиться все дальнѣйшее образованіе русскаго народа. Движеніе это было начато журналомъ *Морской Сборникъ* въ 1856 году (въ статьяхъ Бема, Давыдова, Даля, Пирогова) и продолжалось въ основанныхъ въ слѣдующемъ году журналахъ: Чумикова *Журналъ для Воспитанія* и Вышнеградскаго—*Русскій Педагогическій Вѣстникъ* (въ статьяхъ П. Г. Рѣдкина, Вышнеградскаго и другихъ авторовъ). Тотъ же вопросъ обсуждался въ педагогическихъ журналахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ общей журналистикѣ и отдѣльныхъ изданіяхъ. Г. Каптеревъ подробно останавливается на содержаніи всѣхъ этихъ статей, подвергаетъ ихъ критическому анализу и приходитъ къ выводу, что выставлявшіеся авторами общечеловѣческіе идеалы отличались или книжнымъ формальнымъ характеромъ (у Рѣдкина), или туманностью (у Пирогова), и имѣли въ виду только „общечеловѣка“; кромѣ того они были заимствованы преимущественно у нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе, движеніе это сослужило хорошую службу русскому просвѣщенію и является трудно устранимымъ моментомъ въ исторіи русской педагогики.

Въ видѣ реакціи противъ общечеловѣческихъ идеаловъ и позаимствованій у нѣмцевъ, возникло у насъ затѣмъ національное направленіе въ новой педагогикѣ, главными представителями котораго явились Ушинскій и Стоюнинъ, а потомъ Л. Толстой, Корфъ, Рачинскій и др. Ушинскому не удалось начертить сколько-нибудь ясно обликъ чисторусской школы, но зато онъ развилъ широко и основательно одну частную черту національной школы, именно значеніе роднаго языка для національнаго образованія. Соображенія его по этому вопросу могутъ быть рекомендованы, говоритъ г. Каптеревъ, и теперь особенному вниманію нашего общества. Критическое разсмотрѣніе взглядовъ Ушинскаго на характеръ національнаго педагогическаго идеала приводитъ автора книги къ заключенію, что основы воспитанія и образованія общечеловѣчны, національность же даетъ дополнительныя черты образовательному идеалу, болѣе частныя, не менѣе важныя. Какія именно черты?—На этотъ вопросъ пытался отвѣчать В. Я. Стоюнинъ. Ближайшими задачами національной русской школы, на-ряду съ общечеловѣческимъ развитіемъ, онъ считалъ слѣдующія: развитіе въ русскихъ людяхъ чувства законности и уваженія личности, пробужденіе любви къ научнымъ знаніямъ, пріученіе къ логическому мышленію, къ

выясненію причинъ явленій, дабы сообразовать съ ними свои дѣйствія, привитіе понятія объ общественной нравственности и пріученіе къ труду. Всѣ эти задачи Стоюнинъ выводилъ изъ соотвѣтствующихъ недостатковъ, присущихъ русскимъ людямъ. Вообще, по его мнѣнію, школу нужно устроить на почвѣ данныхъ народной психологіи и исторіи, согласовать ее съ общественными потребностями, принимая во вниманіе характеръ и строй семьи, экономическія, климатическія и др. условія русской жизни; нужно еще, чтобы русская школа руководилась русскими, а не иностранцами. Г. Каптеревъ цитируетъ затѣмъ еще нѣкоторыхъ авторовъ, высказавшихся по тому же вопросу, и приходитъ къ выводу, что съ широкой точки зрѣнія вопросъ о національномъ образовательномъ идеалѣ разработанъ очень мало, ибо неясны еще существенныя характерныя свойства русскаго народа, отличающія его отъ другихъ народовъ; спорны многіе важные вопросы его исторіи; его призваніе въ будущемъ, его историческая роль и назначеніе понимаются далеко не одинаково. Короче сказать, полное опредѣленіе и разъясненіе этого идеала—дѣло будущаго.

Касаясь затѣмъ интереснаго ученія о „свободномъ образованіи", представителями котораго были: графъ Л. Н. Толстой и Д. И. Писаревъ, г. Каптеревъ, послѣ подробнаго разсмотрѣнія этого ученія, говоритъ: „По времени, это была высоко-полезная и поучительная теорія. Она защищала и оберегала дѣтей противъ посягательствъ взрослыхъ на цѣльность ихъ физической и духовной личности. И въ настоящее время не мѣшаетъ ее припоминать, такъ какъ и теперь родители и педагоги не перестали грѣшить тѣмъ же, чѣмъ грѣшили прежде".

Особая глава книги посвящена, далѣе, существенному вопросу объ отношеніяхъ между государствомъ и обществомъ въ устроеніи народнаго образованія. За изложеніемъ весьма интересныхъ мнѣній по этому вопросу г. Юзефовича, помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа во времена Пирогова (перваго по времени автора, затронувшаго эту тему), г. Скворцова (писавшаго въ *Ясной Полянѣ* 1862 г.), г. Окольскаго и Стоюнина, авторъ цитируемой книги замѣчаетъ, что „только сочетаніе государственной и общественной педагогики можетъ дать прекрасно поставленное народное образованіе", и прибавляетъ: „Жалобы на исключительно государственный характеръ постановки нашего образованія и на ничтожное участіе общества въ учебномъ дѣлѣ отличаются большимъ единодушіемъ, составляя, очевидно, сильно наболѣвшее мѣсто въ нашемъ учебномъ организмѣ, и тянутся на протяженіи цѣлаго полустолѣтія".

Насколько справедлива мысль о необходимой связи между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, мысль о воспитывающемъ обученіи, пришедшая къ намъ, подобно многому другому, изъ Германіи, изъ школы Гербарта,—на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ существуетъ со стороны гр. Толстого и положительный со стороны Пирогова; Ушинскій полагалъ, что нравственность не есть необходимое послѣдствіе учености и умственнаго развитія. Очевидно, говоритъ г. Каптеревъ, вопросъ этотъ „требовалъ серьезнаго психолого-философскаго изслѣдованія, путемъ котораго онъ и могъ быть только разрѣшенъ. Такого изслѣдованія въ нашей литературѣ нѣтъ". Самъ онъ высказывался далѣе въ томъ смыслѣ, что между умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ несомнѣнно существуетъ самая тѣсная связь. Защитѣ этого положенія посвященъ въ книгѣ рядъ страницъ, написанныхъ (какъ, впрочемъ, и вся книга) горячо и убѣжденно. Г. Каптеревъ, между

прочимъ, указываетъ, что если въ настоящее время между умственнымъ и особенно школьнымъ образованіемъ и нравственнымъ развитіемъ существуетъ мало связей, то потому только, что умственное образованіе крайне плохо, что оно не даетъ не только нравственнаго, но и умственнаго развитія, сводясь на выучку разныхъ учебныхъ предметовъ, на обогащеніе, а иногда и на обремененіе памяти, причемъ нравственно-образовательная сторона обученія обыкновенно совсѣмъ упускается изъ вида. „Чрезвычайно гонятся за широкими программами, за выполненіемъ ихъ къ сроку, за блестящими экзаменами"...

Не будемъ касаться остальныхъ двухъ, не менѣе интересныхъ главъ книги г. Каптерева, надѣясь, что читатели познакомятся съ нею непосредственно. Изъ нашего бѣглаго отчета уже видно, насколько жизненны и интересны вопросы, которые онъ въ ней затрогиваетъ.

Въ заключеніе, не можемъ не выразить нѣкотораго удивленія, что углубляясь въ историческое прошлое русской педагогики, авторъ нигдѣ на всемъ протяженіи книги ни словомъ не упоминаетъ о замѣчательныхъ для своего времени педагогическихъ взглядахъ знаменитаго ревнителя родного просвѣщенія Н. И. Новикова, а также о педагогическихъ планахъ Бецкаго и Екатерины II-й. Взгляды Новикова на воспитаніе, какъ извѣстно, настолько правильны, что имѣютъ значеніе даже въ наше время.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Городскія управленія въ Западной Европѣ". *Альберта Шоу.*—„Нѣсколько словъ о матеріальномъ положеніи преподавателей нашихъ гимназій". *Мора.*

Городскія управленія въ Западной Европѣ. Альберта Шоу. Переводъ А. Бяловескаго. Изд. К. Солдатенкова. Москва, 1899 г. (Цѣна 2 р. 50 коп.). „Zug nach der Stadt", т.-е. движеніе въ городъ, за послѣднее время сдѣлалось лозунгомъ дня. Въ прежнее время деревенская жизнь была правиломъ, а городская исключеніемъ, теперь же при новыхъ условіяхъ городская жизнь стала роковою необходимостью, говоритъ Шоу (10 стр.). Большіе города всюду вырастаютъ съ волшебною быстротою: они возникли въ видѣ великихъ фабричныхъ ульевъ, кое-какъ сложившихся ради временныхъ нуждъ фабричной производительности, но все-таки устроенныхъ плохо и даже прямо безпорядочно въ отношеніи комфорта, сохраненія народнаго здравія и другихъ потребностей образованнаго общества (11 стр.). Теперь около $^3/_4$ всего англійскаго народа живетъ въ городахъ, въ Германіи почти 40% живетъ въ поселеніяхъ съ количествомъ жителей свыше 5.000 человѣкъ.

Городское населеніе быстро растетъ за счетъ сельскаго, а это выдвинуло на первый планъ въ городскомъ хозяйствѣ много новыхъ дотолѣ неизвѣстныхъ задачъ, какъ-то: при скученности населенія санитарный, квартирный вопросы пріобрѣли широкое значеніе. Городскимъ управленіямъ приходится брать въ свои руки снабженіе населенія хорошими, здоровыми помѣщеніями; въ заботахъ о чистотѣ населенія городское управленіе строитъ за свой счетъ бани, прачечныя, заботится о лучшемъ освѣщеніи городовъ, водоснабженіи, объ устройствѣ легкаго и дешеваго передвиженія и т. д.

Но помимо цѣлаго ряда вопросовъ, ставящихъ своей задачей удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ населенія, городскія управленія пе-

кутся все болѣе и болѣе объ удовлетвореніи запросовъ культурнаго характера, а именно, въ современныхъ городахъ заводятся музеи, галлереи, городскія поселенія покрываются цѣлою сѣтью безплатныхъ публичныхъ библіотекъ и т. д.

Особенно авторъ удѣляетъ свое вниманіе переходу отдѣльныхъ предпріятій по водоснабженію, канализаціи, освѣщенію, передвиженію, предпріятій, находящихся въ рукахъ частныхъ компаній,—въ руки муниципальныхъ управленій.

Много интересныхъ свѣдѣній разбросано въ обширномъ трудѣ Шоу. Такъ, авторъ разсказываетъ, какъ благодаря принятію санитарныхъ мѣръ въ Неаполѣ смертность съ 33 на 1000 понизилась до 27,3 (497 стр.). Очень поучительны для нашихъ городскихъ управленій цифровыя данныя, приводимыя Шоу по вопросу о публичныхъ безплатныхъ библіотекахъ въ англійскихъ городахъ.

Альбертъ Шоу ставитъ своею задачей познакомить своихъ соотечественниковъ-американцевъ съ тѣмъ, какъ городскія управленія Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи, Италіи, Вѣны, Будапешта справляются со своими новыми задачами. Изложеніе матеріала у автора ведется по отдѣльнымъ городскимъ единицамъ; такъ авторъ описываетъ городское хозяйство Глазгова, Бирмингама, Манчестера, Парижа, Берлина, Вѣны, Рима и нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ городовъ Англіи, Италіи, Германіи и т. д. При такомъ изложеніи картина нѣсколько теряетъ въ суммарности итоговъ по каждой отдѣльной отрасли городской жизни, но зато она выигрываетъ въ реальности: каждая отдѣльная самоуправляющаяся единица встаетъ передъ глазами читателя здѣсь со всѣми своими задачами и той работой, которая совершается въ ней для разрѣшенія этихъ послѣднихъ. Благодаря полнотѣ картинъ, рисуемыхъ авторомъ, и богатству матеріала, книга Альберта Шоу обратила должное вниманіе въ Америкѣ и въ короткое время выдержала нѣсколько изданій. Вопросы городского хозяйства за послѣднее время очень ощутительны для обывателей нашихъ городовъ. Контрастъ между городскими хозяйствами Англіи и Россіи, который встанетъ въ головѣ читателя послѣ ознакомленія съ книгой Шоу (а также недавно изданной книгой Гуго *Англійское городское самоуправленіе*), просто поразителенъ. Книги Шоу и Гуго слѣдовало бы сдѣлать настольными книгами въ нашихъ русскихъ городскихъ управленіяхъ: памятуйте, какъ ваши собратья—муниципальныя управленія континента Европы и Англіи—заботятся о доставленіи жизненныхъ удобствъ своимъ согражданамъ!

Нѣсколько словъ о матеріальномъ положеніи преподавателей нашихъ гимназій. Мора. Спб., 1898 г. Г. Моръ противопоставляетъ современнымъ нападкамъ на учителей, за вызываемое ими „переутомленіе учащихся“, за нахватываніе массы уроковъ, благодаря чему страдаютъ интересы учащихся,—очень выразительныя цифры учительскаго бюджета.

При *второмъ* окладѣ и при *30* урокахъ учитель можетъ получать 1,980 руб. По вычисленію г. Мора (директора 6-й петербургской гимназіи) на самые элементарные расходы семейнаго учителя самое меньшее должно пойти 2,950 руб.

Особенно выразительны сопоставленія учительскихъ жалованій въ русскихъ, французскихъ, шведскихъ и берлинскихъ гимназіяхъ: у насъ 1,350—1,500 р. за то же число уроковъ, которое французскому учителю даетъ 3,700—4,700 фр., шведскому—2,500—4,500 кр., берлинскому—4,800—6,300 мар.

Теперь много толкуютъ о матеріальномъ положеніи учителей. Тѣмъ, кто серьезно и искренно интересуется этимъ вопросомъ, брошюра г. Мора дастъ рядъ очень цѣнныхъ свѣдѣній.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БІОГРАФІИ.

„Исторія религіи". Очеркъ *А. Мензиса.*—„Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ". *М. Дьяконова.*—„Памятная книжка Воронежской губ.". Сост. подъ ред. *М. Н. Былова.*—„Этюды о Пушкинѣ". *Сумцова.*—„Исторія русской литературы". *А. Н. Пыпина.*—„Ученическіе годы Гоголя". Біограф. очеркъ *В. И. Шенрока.*—„Замѣчательные чудаки и оригиналы". *М. К. Пыляева.*

Исторія религіи. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. А. Мензиса, профессора университета С-тъ Андрью въ Шотландіи. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. 2-е изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц 1 р. Промежутокъ въ два года отдѣляетъ второе изданіе этой книги отъ перваго. Своимъ успѣхомъ трудъ Мензиса обязанъ несомнѣнной потребности въ объективной и строго-научной исторіи религіозныхъ вѣрованій. Въ сжатомъ, но не сухомъ изложеніи шотландскій профессоръ даетъ чрезвычайно содержательный очеркъ всѣхъ міровыхъ религій, начиная съ грубо-элементарныхъ и кончая высшими, одухотворенными формами благоговѣйнаго чувства. Вся книга проникнута одною основной идеей, именно той, что религія есть нѣчто подверженное развитію, и при этомъ такому развитію, которое и понынѣ еще не закончило своего цикла. Всѣ религіозныя воззрѣнія, всѣ культы и вѣрованія—проявленія одной міровой религіи, фазисы ея эволюціи. Поэтому нѣтъ основаній незаслуженно превозносить или унижать какую-нибудь изъ этихъ стадій на счетъ другой. „Мы не станемъ дѣлить религіи на одну истинную, христіанство, и на ложныя, подъ которыми будемъ разумѣть всѣ прочія; ни одну религію не будемъ мы считать однимъ только суевѣріемъ, не будемъ говорить, что хоть одна изъ нихъ неугодна Богу" (стр.). Это безпристрастіе въ англійскомъ подлинникѣ книги выдержано вполнѣ, между прочимъ, и въ главѣ о христіанствѣ; въ русскомъ переводѣ оно нѣсколько ослабляется тѣмъ, что въ главѣ объ еврейской религіи сдѣланы сокращенія. Для Мензиса развитіе религіи идетъ рука объ руку съ движеніемъ цивилизаціи. На низшихъ ступеняхъ послѣдней религія въ соотвѣтствіе съ общимъ складомъ жизни носитъ матеріальный характеръ и составляетъ какъ бы личную сдѣлку дикаря съ его божествомъ. На болѣе высокой ступени религія расширяется въ національное дѣло, культъ становится общественнымъ, религіозные запросы касаются не индивидуальной жизни, а соціальной. Наконецъ, когда сознаніе личнаго человѣческаго достоинства возвышается и личное существованіе пріобрѣтаетъ высокую нравственную цѣнность, когда для сердца возникаетъ „потребность въ самомъ Богѣ, а не только въ дарахъ Его", тогда національная религія съ пышностью ея обрядовъ и холодной предуказанностью ея проявленій смѣняется горячей вѣрой души, внутреннимъ и свободнымъ единеніемъ личности съ Богомъ. Эту высшую стадію религіи представляетъ чистое, евангельское христіанство, и „въ поддержаніи христіанства въ томъ видѣ, какъ оно было впервые проповѣдано, и въ приложеніи его къ жизни заключается надежда на будущность человѣчества" (стр. 324). Эта личная, интимная стадія религіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и стадія

универсальная: она ниспровергаетъ всякія рамки національности, и ее „можетъ принять каждый мыслящій духъ, каждое благочестивое сердце". Подъ такимъ освѣщеніемъ Мензисъ и разсматриваетъ вѣрованія первобытнаго міра, отдѣльныя національныя религіи (Вавилонъ и Ассирія, Китай, Египетъ), религіи семитической группы народовъ (Израиль, Исламъ), религіи арійцевъ (Греція, Римъ, Индія, Персія), и наконецъ, христіанство. Переводъ книги хорошъ.

Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII вв.). М. Дьяконова. Изданіе археографической коммиссіи. Спб., 1898 г. Книга профессора Дьяконова состоитъ изъ 6 очерковъ: „Крестьяне старожилы или старинные", „Крестьяне новопорядчики и условія поряда", „Половники поморскихъ уѣздовъ", „Бобыли", „Задворные и дѣловые люди", „Монастырскіе дѣтеныши". Каждый очеркъ представляетъ самостоятельное цѣлое, и хотя между ними существуетъ внутренняя связь, тѣмъ не менѣе книга не производитъ цѣлостнаго впечатлѣнія. Виноватъ тутъ однако не авторъ, а современное положеніе въ наукѣ затронутыхъ имъ вопросовъ. По исторіи сельскаго населенія въ Россіи писалось не мало, но тѣмъ не менѣе разработка этой исторіи очень мало подвинулась впередъ, и самые крупные ея вопросы продолжаютъ до сихъ поръ возбуждать серьезныя разногласія между учеными. При такомъ положеніи вещей приходится заранѣе отказываться отъ широкихъ построеній и браться за рѣшеніе частныхъ вопросовъ и за пополненіе необходимаго фактическаго матеріала. Этой задачей и ограничивается г. Дьяконовъ и выполняетъ ее вполнѣ удачно. Прекрасное знакомство съ архивнымъ матеріаломъ дало ему возможность собрать много новыхъ и интересныхъ данныхъ и освѣтить нѣкоторыя до сихъ поръ темныя стороны исторіи крестьянства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ только повторяетъ уже высказанныя другими лицами мнѣнія, въ другихъ приходитъ къ самостоятельнымъ выводамъ, но всегда его утвержденія основываются на солидномъ фактическомъ матеріалѣ. Благодаря этому, трудъ г. Дьяконова пріобрѣтаетъ большое значеніе и безъ сомнѣнія встрѣтитъ сочувственный пріемъ со стороны спеціалистовъ, для которыхъ, впрочемъ, разбираемая нами книга является новинкой лишь отчасти, такъ какъ нѣкоторые изъ вошедшихъ въ нее очерковъ были уже напечатаны въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* за послѣдніе годы. Благодаря обилію фактическихъ подробностей, читается книга не особенно легко, но врядъ ли авторъ разсчитывалъ на широкій кругъ читателей. Въ концѣ книги перепечатано нѣсколько неопубликованныхъ ранѣе архивныхъ документовъ.

Памятная книжка Воронежской губерніи. 1899 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря статистическаго комитета М. Н. Былова. Изданіе Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1898 г. Помимо обычныхъ справочнаго и статистическаго отдѣловъ и адресъ-календаря, памятная книжка содержитъ и научно-литературный отдѣлъ, состоящій изъ 7 статей. Сравнительно болѣе интересной можетъ быть названа статья Н. Полякарпова *Изъ исторіи заселенія Коротоякскаго края въ XVII столѣтіи*, она же является и самой крупной по размѣрамъ. Статьѣ Г. И. Недѣтовскаго вредитъ слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ матеріалу, которымъ пришлось пользоваться автору, и не совсѣмъ умѣстный панегирическій тонъ, въ которомъ написана статья („Церковно-приходскія попечитель-

ства въ г. Воронежѣ"). Остальныя статьи очень кратки и врядъ ли представляютъ какой-либо интересъ даже для мѣстныхъ жителей.

Этюды о Пушкинѣ. Сумцова. Вып. V. Варшава, 1898 г. Настоящій выпускъ „этюдовъ" г. Сумцова посвященъ сказкамъ Пушкина. Комментаторъ указываетъ другія переработки избранныхъ поэтомъ сказочныхъ сюжетовъ, ихъ различія и литературную исторію, даетъ нѣкоторыя методическія указанія для класснаго разбора сказокъ и т. д. Мѣстами изложеніе сводится на сухой библіографическій перечень.

Въ концѣ даны дополненія къ разбору „подражаній Корану" Пушкина и указатель ко всѣмъ пяти выпускамъ „этюдовъ"—полезному вообще, но очень пестрому и безсистемному справочному пособію. Въ заключеніе замѣтимъ, что напрасно г. Сумцовъ пользуется фальсифицированными записками Смирновой.

Исторія русской литературы. А. Н. Пыпина. Т. II и III. Спб., 1898—9 г. 2-ой и 3-ій томы „Исторіи русской литературы" А. Н. Пыпина охватываютъ XVI—XVIII вѣка. И свойства матеріала, и состояніе его ученой разработки дали возможность почтенному историку шире и глубже провести эволюціонную точку зрѣнія въ этихъ двухъ томахъ, чѣмъ въ первомъ. Цѣльность плана нарушается нѣсколько вставками—о древней повѣсти и народной поэзіи, но ихъ трудно было избѣжать. Впрочемъ, кое-что хронологически установленное можно было бы и разнести по періодамъ и намѣченнымъ моментамъ...

Изображеніе Московской Руси обильно данными, иногда свѣжими и характерными, но въ немъ звучитъ всетаки полемическій, обличительный тонъ. Теперь уже нѣтъ *серьезныхъ* попытокъ реабилитаціи и идеализаціи московской старины, и для нея, кажется, наступила уже безстрастная и безпристрастная исторія...

Въ литературѣ затронутыхъ вопросовъ замѣтны мѣстами пробѣлы, которые не могли не отразиться и на самомъ изложеніи. Глава о Татищевѣ, наприм., написана по старымъ матеріаламъ, не отличается ни точностью, ни нужною полнотою данныхъ.

Совсѣмъ не выдѣлена и даже почти не затронута настоятельно важная для правильнаго пониманія Петровской эпохи литература проектовъ.

Хотѣлось бы намъ услышать и объ отголоскахъ старой письменности въ XVIII в., вопросъ о которыхъ былъ поставленъ на очередь уже Н. С. Тихонравовымъ.

Но и съ этими пробѣлами грандіозный трудъ А. Н. Пыпина является самою крупною новостью нашей исторической литературы послѣдняго времени.

Ученическіе годы Гоголя. Біографическій очеркъ В. И. Шенрока. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М., 1898 г. Книга г. Шенрока гораздо шире своего заглавія: въ ней онъ говоритъ, не безъ ущерба для цѣльности темы и стройности плана, не только объ ученическихъ годахъ Гоголя, но и объ его предкахъ, личности и вліяніи родителей, дѣтствѣ Н. В. и окружавшей его домашней средѣ, переѣздѣ въ Петербургъ послѣ окончанія курса, первыхъ столичныхъ впечатлѣніяхъ, „Ганцѣ Кюкельгартенѣ", раннихъ произведеніяхъ Гоголя и его національныхъ симпатіяхъ. Закрывая книгу г. Шенрока, читатель не выноситъ опредѣленнаго взгляда на предметъ повѣствованія, если не добылъ его самостоятельнымъ путемъ: впечатлѣніе двоится и троится, частное подавляетъ общее. Часто у автора не хватаетъ рѣшимости прямо перейти на сторону какого-нибудь кристаллизировавшагося мнѣнія, и онъ колеблется между противоположными крайностя-

ми. Таковы вопросы объ искренности Гоголя, цѣльности его духовнаго развитія и проч. За вычетомъ всего этого книга представляетъ большой интересъ. Несомнѣнно, г. Шенрокъ—лучшій у насъ знатокъ Гоголя. Его разсказъ воспроизводитъ интересную страницу изъ исторіи русскаго образованія и изображаетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ моментовъ развитія великаго юмориста.

Замѣчательные чудаки и оригиналы. М. К. Пыляева. Спб., 1898 г. Пыляевъ прямо, повидимому, сдалъ въ печать накопившіяся у него отъ многолѣтняго чтенія выписки изъ старыхъ газетъ, журналовъ, сборниковъ, записокъ и воспоминаній о чудакахъ и оригиналахъ. Иногда онъ беретъ худшія версіи бродячаго анекдота, сообщаетъ объ общеизвѣстномъ чудакѣ (въ данномъ случаѣ Булгаковѣ) наименѣе интересныя данныя. Въ зависимости отъ своего источника онъ иногда хранитъ давно уже раскрытый псевдонимъ (Н—нъ стр. 1=Нарышкинъ). Его примѣчанія иногда довольно-таки курьезны (наприм., малорусскія думы—„родъ балладъ“, стр. 242).

Кому охота окунуться въ этотъ огромный (445 стр.) хаотическій наборъ неизвѣстно откуда выхваченныхъ фактовъ и разрозненныхъ подробностей, тотъ среди массы мусора, несмѣшного и неинтереснаго балласта найдетъ кое-что и смѣшное, и интересное, но, въ виду отсутствія указаній на источники, въ работѣ г. Пыляева можно видѣть только легкую прочетную, мѣстами скучноватую-таки книгу.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, АНТРОПОЛОГІЯ.

„Въ Средней Азіи. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 г.“. Перев. *А. и П. Ганзенъ*.—„Записки западно-сибирск. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.“. Кн. XXIII.—„Среди патріарховъ земледѣлія, народовъ ближняго и дальняго Востока“. *И. Н. Клюшена*. Ч. I.—„Къ антропологіи великороссовъ“. *Талько-Грынцевича*.—„Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края“. *И. И. Майнова*.—„Алтайскій сборникъ“. Т. III.—„Земля и люди“. *Э. Реклю*. Соединенные Штаты. Ч. I.

Въ Средней Азіи. Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 годахъ. Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ. Часть I, со многими рисунками и 2 картами. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г. Подписная цѣна за все изданіе въ 6 выпускахъ 5 р. 50 к. Въ первомъ, полученномъ нами, выпускѣ г. Свенъ Гединъ разсказываетъ о своемъ путешествіи изъ Стокгольма черезъ Москву, Оренбургъ, Киргизскую степь и Ташкентъ въ область великихъ горъ Памира, называемыхъ „крышею міра“, и далѣе до границы Китая. Почти совершенно пустынная и едва проходимая область Памира почти совсѣмъ незнакома европейцамъ и даже намъ, русскимъ, считающимъ эту область своимъ владѣніемъ и утвердившимъ ее за собою постройкою укрѣпленія, названнаго Памирскій постъ. Близъ этихъ мѣстъ проходитъ еще не вполнѣ опредѣленная разграничительная линія „сферъ вліянія“ Россіи и Англіи, стремящейся захватить Афганистанъ и открыть себѣ торговые пути изъ Индіи въ Тибетъ и Западный Китай. Такіе же пути желательно открыть для себя и намъ, только съ другой стороны, черезъ подвластныя уже намъ среднеазіатскія ханства. Необычайно смѣлое путешествіе г. Свена Гедина представляетъ собою для насъ очень важный шагъ по этому во всѣхъ отношеніяхъ интересному пути. Шведскій путешественникъ съ отличнѣйшею обстоятельностью, очень точно и подробно описываетъ этапъ за этапомъ всѣ пройденныя имъ дороги и тропинки, раскрываетъ

почти неодолимыя трудности этого пути и даетъ много драгоцѣнныхъ указаній, могущихъ облегчить усилія будущихъ изслѣдователей этихъ мало извѣстныхъ странъ. Книга, переведенная г-жею и г. Ганзенъ составитъ, несомнѣнно, очень цѣнный вкладъ въ литературу о Средней и Центральной Азіи и представляетъ собою необходимое пособіе для всякаго, кто рѣшится во имя науки предпринять тяжелое и опасное путешествіе въ недоступный до сихъ поръ для европейцевъ Тибетъ. Судя по введенію въ эту книгу и по пути, отмѣченному на приложенныхъ къ ней картахъ, г. Свенъ Гединъ коснулся запретнаго владѣнія Далай-Ламы, прошелъ съ запада на востокъ черезъ весь Китай до Пекина и вернулся обратно черезъ Монголію, Кяхту и Сибирь. Мы полагаемъ, что слѣдующіе выпуски представятъ болѣе общій интересъ, чѣмъ первый выпускъ, очень важный въ научномъ отношеніи, но повѣствующій преимущественно о снѣговыхъ пустыняхъ Памира. Хорошо исполненные рисунки иллюстрируютъ описываемое. Книга переведена прекрасно.

„Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русс. Географ. Общ.“, кн. XXIII. Омскъ, 1898 г. Изъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ настоящей книжкѣ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ статья Е. Шмурло: „Описаніе пути между Алтайскою станицею и Кошъ-Агачемъ въ южномъ Алтаѣ“. Въ своемъ описаніи авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, топографію мѣстности и шагъ за шагомъ подробно слѣдитъ и всюду отмѣчаетъ названія урочищъ, горныхъ проходовъ, состояніе дорожнаго пути и т. п. Такъ какъ по пути, описанному авторомъ, ведутся довольно значительныя торговыя сношенія русскаго Алтая съ Монголіей, то сообщаемыя имъ свѣдѣнія пріобрѣтаютъ особенную цѣнность. Вторая статья: *Алтайскіе калмыки*—принадлежитъ М. Швецовой. Насъ удивляетъ появленіе этой статьи въ *Запискахъ* ученаго общества. Написанная безъ достаточнаго знакомства съ бытомъ алтайскихъ калмыковъ, она не прибавляетъ ни одного, хотя бы малѣйшаго, штриха къ этнографической характеристикѣ этой народности, которая дана намъ въ цѣнныхъ трудахъ Вербицкаго, Потанина, Ядринцева, Радлова, Вамбери и др. Мы увѣрены, что у автора, еслибъ онъ познакомился съ названными трудами, не хватило бы смѣлости публиковать свои никому ненужныя наблюденія. Третья статья содержитъ въ себѣ „гипсометрическія опредѣленія въ Кульджинскомъ районѣ и Тянь-Шанѣ“, произведенныя кап. Ларіоновымъ еще въ 1874—77 гг.

Среди патріарховъ земледѣлія, народовъ ближняго и дальняго Востока. И. Н. Клингена. Часть I. Введеніе. Египетъ. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. И. Н. Клингенъ стоялъ во главѣ первой русской сельско-хозяйственной экспедиціи, отправленной на дальній Востокъ; экспедиція была снаряжена главнымъ управленіемъ удѣловъ, по распоряженію котораго появляется въ свѣтъ и настоящее изданіе.

Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, мѣстами изложеніе можно назвать прямо увлекательнымъ. Помимо интереснѣйшихъ личныхъ впечатлѣній авторъ даетъ живо написанную общую картину египетской природы, подробную исторію сельскаго хозяйства въ Египтѣ и очень интересное описаніе современной техники египетскаго земледѣлія. Книга снабжена 132 изящными рисунками и картиною Египта и по цѣнѣ должна быть названа очень дешевою.

Особое значеніе труду И. Н. Клингена придаетъ глубокое проникновеніе автора идеею мѣстнаго сельско-хозяйственнаго знанія; этой идеѣ авторъ съ честью послужилъ еще въ своей выдающейся канди-

датской диссертаціи („Описаніе Волчанскаго уѣзда"), болѣе 20 лѣтъ тому назадъ представленной въ Петровскую академію и напечатанной въ Харьковѣ отдѣльною книгой въ 1882 году. Въ работахъ автора, оставившаго крупный слѣдъ и въ практическомъ хозяйствѣ нѣсколькихъ черноземныхъ губерній, мы встрѣчаемъ блестящее осуществленіе завѣтовъ, полученныхъ на школьной скамьѣ отъ профессора И. А. Стебута, одна изъ прощальныхъ бесѣдъ котораго (вѣроятно, по студенческимъ запискамъ) воспроизведена и въ настоящей книгѣ (стр. 6—7). Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія широкаго и настойчиво-развиваемаго мѣстнаго сельско-хозяйственнаго знанія книга И. Н. Клингена объ Египтѣ составитъ весьма полезное чтеніе для быстро увеличивающагося круга лицъ, призванныхъ служить мѣстному сельско-хозяйственному знанію въ Россіи.

Къ антропологіи великороссовъ. Семейскіе (старообрядцы) забайкальскіе. Ю. Талько - Грынцевича. Томскъ, 1898 г. Русская литература не имѣетъ ни одного крупнаго изслѣдованія, посвященнаго антропологіи великороссовъ, и особенности физическаго ихъ типа до сихъ поръ остаются изученными въ очень слабой степени. Новый трудъ г. Талько-Грынцевича, неутомимаго работника въ области антропологіи, значительно восполняетъ этотъ важный пробѣлъ. Изслѣдовавъ 232 особи старообрядцевъ, съ давнихъ поръ выселившихся въ Забайкалье, авторъ даетъ обстоятельную и подробную характеристику ихъ физическаго типа. Слѣдуетъ только пожалѣть, что авторъ не приложилъ къ своей статьѣ самого цифроваго матеріала. Отсутствіе послѣдняго дѣлаетъ, во-первыхъ, невозможной провѣрку выводовъ автора и, во-вторыхъ, не позволяетъ группировать и сопоставлять его данныя иначе, чѣмъ какъ это сдѣлано самимъ авторомъ.

Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. И. И. Майнова. „Труды Вост.-Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.", № 2. Иркутскъ, 1898 г. Антропологическое изученіе Сибири дѣлаетъ въ послѣднее время быстрые успѣхи. Не проходитъ года, который не далъ бы обстоятельной антропологической монографіи о той или иной изъ сибирскихъ народностей. Послѣ недавнихъ трудовъ о бурятахъ и якутахъ (Шендриковскаго, Торопова и Геккера) антропологическая литература вновь обогащается цѣннымъ изслѣдованіемъ физическихъ признаковъ одной изъ наименѣе изученныхъ восточно-сибирскихъ народностей, именно тунгусовъ. Авторъ настоящей книги принималъ участіе въ такъ называемой якутской экспедиціи, снаряженной Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Русскаго Географ. Общ. на средства И. М. Сибирякова, и взятая имъ на себя задача изучить физическій типъ тунгусовъ выполнена блистательно. Въ разсматриваемой книгѣ авторомъ разработанъ и утилизированъ не весь собранный имъ матеріалъ, и, несмотря на это, его трудъ является главнымъ по антропологіи тунгусовъ. Нельзя не пожелать возможно скорѣйшаго опубликованія всего матеріала, съ той детальной разработкой его, которая придастъ русскимъ антропологическимъ работамъ послѣдняго времени особую цѣнность.

Алтайскій сборникъ. Изданіе общества любителей изслѣдованія Алтая. Т. III. Барнаулъ, 1898 г. Весь настоящій томъ занятъ изслѣдованіемъ: „Начальная школа въ Алтайскомъ округѣ въ 1894 г." Изслѣдованіе производилось по особой, составленной обществомъ, программѣ и захватывало собою, главнымъ образомъ, слѣдующія четыре стороны школьнаго дѣла: 1) школьныя помѣщенія; 2) учительскій пер-

соналъ: составъ преподавателей, степень ихъ подготовки къ педагогической дѣятельности, матеріальное положеніе и проч.; 3) учащіеся, ихъ численность, распредѣленіе по школамъ и пр.; 4) средства, на которыя содержатся школы: сельско-волостныя, церковно-приходскія, школы грамоты, горнозаводскія, миссіонерскія и казачьи. Собранныя по этой программѣ свѣдѣнія дали возможность впервые нарисовать цѣльную и яркую картину школьнаго дѣла въ Алтайскомъ округѣ. Всякій, интересующійся исторіей нашихъ школъ найдетъ въ этомъ изслѣдованіи драгоцѣнный матеріалъ.

Земля и люди. Э. Реклю. Соединенные Штаты. Ч. I. Перев. подъ ред. Н. Березина. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Переводъ указаннаго тома Реклю далеко нельзя назвать удовлетворительнымъ. Очень нерѣдко въ немъ можно встрѣтить выраженія вродѣ: „захватъ... представлялъ нѣчто болѣе значительное по значенію присоединенной области“ (стр. 4); „вліяніе воздушныхъ и океаническихъ теченій возвышаетъ температуры“ (стр. 19); „задаютъ тонъ въ области умственной и нравственной жизни“ (стр. 75); „горный узелъ возвышаетъ свои вершины“ (стр. 94); „у подошвы деревьевъ возвышаются въ видѣ кинжаловъ въ омывающихъ ихъ выпуклое основаніе лужахъ мутной воды маленькія шишки“ (стр. 126); „сборища заводовъ“ (стр. 133) и т. п. „Geological Survey“ переводится то „Геологическое изслѣдованіе“, то „Геологическій комитетъ“. Обладаніе Аляской „до сего дня не доставило Штатамъ никакой матеріальной выгоды“ (стр. 4); въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ 1898 г., было бы умѣстно указать, хотя бы въ примѣчаніи, на тѣ богатыя золотыя розсыпи, которыя найдены въ Аляскѣ въ послѣдніе годы. Нововведенія въ правописаніи собственныхъ географическихъ именъ также не относятся къ достоинствамъ перевода: Уошингтонъ, Охайо, Пуэрто-Рико, Санъ-Франсиско, Алегани, Худзонъ, Сусхеханны и пр. Небрежно издана книга и въ корректурномъ отношеніи, она изобилуетъ опечатками вродѣ: вовсѣ, англичанѣ, колонисти и т. п. Жаль, что капитальный трудъ знаменитаго географа появляется передъ русскимъ читателемъ въ такомъ несовсѣмъ опрятномъ видѣ.

ИСКУССТВО.

„Исторія русскаго искусства“. Соч. *А. П. Новицкаго.*

Исторія русскаго искусства. Соч. А. П. Новицкаго. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“. Вып. I. М., 1899 г. Цѣна за 12 вып. 10 р., съ перес. и доставкой 12 р. Въ лежащемъ передъ нами первомъ выпускѣ говорится о началахъ зарожденія искусствъ вообще и въ частности о памятникахъ первобытныхъ искусствъ, дошедшихъ до насъ отъ каменнаго вѣка доисторическихъ обитателей нынѣшней Россіи. Ихъ попытки прикрасить свои каменныя орудія изображеніями звѣриныхъ головъ и гончарныя издѣлія нацарапанными на нихъ каемками, интересныя сами по себѣ, не имѣютъ никакого отношенія къ тому, что легло въ основы собственно „русскаго“ искусства такъ же точно, какъ истуканы ихъ, называемые „каменными бабами“. Первыя постройки деревянныхъ жилищъ указываютъ уже на нѣкоторое развитіе тѣхъ древнихъ народовъ, но, во-первыхъ, отъ нихъ ничего до насъ не дошло, кромѣ нѣкоторыхъ догадокъ, приводимыхъ авторомъ; во-вторыхъ, по мнѣнію самого г. Новицкаго, удовлетвореніе насущныхъ жизненныхъ потребностей не есть еще искусство. Оно возникаетъ лишь тогда,

когда у людей являются желанія украсить свои жилища или орудія и досугъ, чтобы этимъ заняться. Самыя грубыя попытки изображать звѣрей или украшать посуду и орудія являются уже зародышемъ искусства. Но въ археологическихъ находкахъ на территоріи Россіи мы не видимъ дальнѣйшаго развитія такого искусства. И на историческую сцену оно является съ того только времени, когда основались города Новгородъ, Кіевъ и др., когда, съ одной стороны, люди знатные и богатые стали строить себѣ высокіе дома (хоромы) и обширные дворы (наприм., каменный „Ольгинъ теремъ“ въ Кіевѣ, другой такой же въ Вышгородѣ, каменныя стѣны съ бойницами въ Новгородѣ, Псковѣ и въ старой Ладогѣ), а съ другой стороны—потребовалось сооруженіе для цѣлей религіозныхъ „требищъ“, „капищъ“ и самихъ идоловъ. Г. Новицкій считаетъ не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, были или нѣтъ въ Россіи языческіе храмы, хотя лично склоняется къ тому мнѣнію, что таковые должны были существовать, но исчезли безъ слѣда съ введеніемъ христіанства. О внѣшности идоловъ сохранились лишь малыя воспоминанія въ короткихъ и отрывочныхъ сказаніяхъ лѣтописцевъ. Подлинную *Исторію русскаго искусства* авторъ начинаетъ съ описанія древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ Кіева, Новгорода и Пскова и украшавшихъ ихъ мозаикъ, фресковъ и утвари, исполненныхъ русскими мастерами, сначала по византійскимъ образцамъ, потомъ самостоятельно, но все же подъ вліяніемъ Византіи и отчасти христіанскаго Закавказья. Затѣмъ авторъ даетъ въ прекрасныхъ снимкахъ образцы русскихъ издѣлій изъ финифти, описываетъ ихъ и разбираетъ, какъ остатки „сканныхъ“ или филигранныхъ работъ. Изъ всего изложеннаго г. Новицкимъ слѣдуетъ, что „русское искусство“ въ первые вѣка своего существованія ограничивалось заимствованными отъ византійцевъ зодчествомъ, преимущественно церковнымъ, живописью (фресковою и мусіей) того же религіознаго характера и обработкою металловъ (чеканкою, филигранью, финифтью-клуазоне) для потребностей церковныхъ и для роскошныхъ украшеній знатныхъ людей. Подъ вліяніемъ многообразныхъ условій климата, своихъ мѣстныхъ потребностей и начавшагося слагаться національнаго вкуса, а равно вліянія германскаго искусства черезъ ганзейскіе города на Новгородъ и его области, довольно рано сталъ вырабатываться, главнымъ образомъ въ зодчествѣ, свой стиль, мало-помалу отходившій отъ византійскихъ образцовъ. Подъ вліяніемъ византійско-религіозныхъ воззрѣній ваяніе совершенно не привилось въ тогдашней Россіи. Первый выпускъ своей книги г. Новицкій заканчиваетъ XIII вѣкомъ. Книга издана роскошно. Главная же суть ея содержанія—еще впереди.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Краткій курсъ экономической науки“. *А. Богданова.*—„Очерки промысловъ Россіи“. *П. А. Гасселькуса.*—„Систематическій сводъ узаконеній, распоряженій министерства и разъясненій правительствующаго сената по казенной продажѣ питей“. Сост. *А. Евреиновъ.*—„Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ.“. Отчетъ *И. Новомберскаго.*

Краткій курсъ экономической науки. А. Богданова. Москва, 1898 г. Одинъ англійскій писатель сказалъ, что каждый воображаетъ, будто онъ можетъ хорошо выполнить три вещи: управлять экипажемъ, завѣдывать фермой и писать обозрѣнія въ журналѣ. Приведенный въ

заголовкѣ авторъ, судя по тону его книги, вѣроятно, убѣжденъ, что каждый, имѣя перо и бумагу, можетъ съ успѣхомъ писать „краткіе курсы экономической науки“. Что это за книга, читатель можетъ судить, бросивъ бѣглый взглядъ хотя бы на главу, гдѣ авторъ говоритъ о методѣ политической экономіи (стр. 244—6). „Въ политической экономіи въ различные періоды ея развитія преобладаетъ то одинъ, то другой изъ этихъ методовъ“, т.-е. подразум. индукція или дедукція. И это все, что авторъ считаетъ необходимымъ дать читателю въ своей „работѣ, которая, согласно его ожиданіямъ, будетъ не лишней въ нашей, далеко небогатой литературѣ руководствъ по политической экономіи“. Удѣляя двѣ строчки этому коренному вопросу методологіи въ политической экономіи, авторъ между тѣмъ посвящаетъ цѣлыя страницы въ своихъ, вовсе не связанныхъ съ цѣлымъ, приложеніяхъ характеристикѣ „основныхъ чертъ міровоззрѣній первобытныхъ людей“, гдѣ авторъ съ упреками обращается къ послѣднимъ, обвиняя ихъ въ тупости, узкости, грубости и т. д. и т. д. Авторъ задавался было цѣлью показать, что „черты первобытной психологіи представляютъ неизбѣжный результатъ двухъ основныхъ фактовъ—власти природы надъ человѣкомъ и господства родовыхъ отношеній“, но безъ успѣха. Авторъ—сторонникъ экономическаго матеріализма и къ дѣлу и не къ дѣлу афишируетъ свое credo, ничего никогда не доказывая, а просто наклеивая ярлыкъ надъ каждымъ общественнымъ или литературнымъ явленіемъ, что оно, молъ, продуктъ „развитія и борьбы общественныхъ силъ“ (стр. 278), или что реалистическая школа (катедеръ-соціалисты) возникла въ классѣ лицъ, „по самому своему положенію и всей своей психологіи наиболѣе способныхъ выступить въ качествѣ представителей компромисса“ (стр. 287, прим.).

Какъ согласиться, когда на стр. 81 авторъ выводитъ „медленный ходъ экономическаго прогресса въ средніе вѣка“ изъ схоластическаго и теологическаго направленія усиленной дѣятельности тогдашней эпохи? Чтобы быть послѣдовательнымъ, вѣрнѣе, нужно было бы перевернуть причинную зависимость. А что значитъ утвержденіе автора, когда онъ, характеризуя „вульгарныхъ экономистовъ“, говоритъ: „потребность въ поддѣлкѣ науки явилась только въ нынѣшнемъ вѣкѣ“. Какую поддѣлку имѣетъ въ виду авторъ? Созданіе ли теоріи ad hoc для защиты классовыхъ интересовъ? Такъ вѣдь такія цѣлевыя теоріи въ наукѣ извѣстны съ самаго начала научнаго мышленія...

Мы не считаемъ возможнымъ останавливаться далѣе на этой книжкѣ, но обратно съ авторомъ думаемъ, что его книжка является лишней въ нашей литературѣ и принадлежитъ къ категоріи тѣхъ продуктовъ книжнаго рынка, которымъ „было бы лучше не родиться“.

Очерки промысловъ Россіи. П. А. Гасселькуса. Спб., 1899 г. Авторъ ставитъ своей задачей дать читателю „общую картину трудовой жизни населенія Россіи“, какъ объ этомъ онъ заявляетъ въ своемъ предисловіи. Но авторъ даетъ лишь итоги земледѣльческой горнозаводской и обрабатывающей промышленности,—итоги, составленные по изданіямъ департамента торговли и мануфактуръ („Производительныя силы Россіи“, „Перечень фабрикъ и заводовъ“), и потому книжка носитъ исключительно компилятивный характеръ, и никакой „картины трудовой жизни населенія Россіи“ мы въ ней не находимъ. Вмѣсто того авторъ нерѣдко заполняетъ страницы своей книги экскурсіями въ область исторіи той или другой промышленности, въ которыхъ очевидно авторъ представляетъ себѣ читателя въ видѣ школьника

перваго или много второго класса гимназіи. Такъ, напримѣръ, статья о мѣди (всего менѣе 2 печатныхъ страничекъ) открывается такъ: „Мѣдь извѣстна людямъ уже съ глубокой древности. Вслѣдствіе того, что мѣдь встрѣчается часто въ свободномъ состояніи на поверхности земли, люди стали употреблять мѣдь для различныхъ издѣлій даже раньше, чѣмъ желѣзо... Уже за 4000 лѣтъ до Рождества Христова египтяне приготовляли разныя издѣлія изъ мѣди. Греки и римляне вывозили много мѣди съ острова Кипра“... и т. д. (75 стр.).

Статью о золотѣ авторъ начинаетъ такъ: „Золото есть металлъ желтаго цвѣта. Онъ отличается большою ковкостью и крѣпостью. Удѣльный вѣсъ равенъ 19,25 и т. д.“ Мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ нужны автору эти историко-минералогическія экскурсіи, какую пользу онѣ могутъ имѣть для читателя. Иногда авторъ беретъ на себя роль и гастронома, и медика,—такъ, въ отдѣлѣ о садоводствѣ и огородничествѣ, авторъ говоритъ: „Едва ли существуетъ какое-нибудь другое пищевое вещество, которое бы такъ прекрасно вліяло на организмъ человѣка, какъ фрукты. Они не только легко перевариваются желудкомъ и усвоиваются организмомъ, но и укрѣпляютъ, а иногда и вылѣчиваютъ человѣка“ и т. д. (32 стр.). Далѣе авторъ говоритъ объ яблокахъ, что они укрѣпляютъ кости и нервную систему, про виноградъ, что имъ можно лѣчиться при всевозможныхъ болѣзняхъ желудка и кишекъ... и авторъ кончаетъ свои замѣчанія медицинскаго характера сентенціей: „Другіе фрукты тоже очень полезны для организма“. Мало того, нерѣдко авторъ останавливается и на техникѣ производства (см. наприм. стр. 38, 97 и т. д.), но и эти экскурсіи по своему достоинству не выше экскурсій въ области медицины и исторіи... Правда, общіе итоги производства добросовѣстно перепечатаны авторомъ, но мы посовѣтовали бы читателю не увлекаться нѣсколько громкимъ заглавіемъ книжки г. Гасселькуса, и лучше, если нужны справки о томъ или другомъ производствѣ, обратиться къ первоисточникамъ г. Гасселькуса, т.-е. къ тѣмъ же изданіямъ департамента торговли и мануфактуръ; въ послѣднихъ читатель найдетъ и обстоятельные, хотя и сжатые, историческіе очерки, а не дѣтскій лепетъ „обо всемъ“ г. Гасселькуса.

Систематическій сводъ узаконеній, распоряженій министерства финансовъ и разъясненій правительствующаго сената по казенной продажѣ питей. Составилъ чиновникъ по судебной части при Московскомъ акцизномъ управленіи А. Евреиновъ. Москва, 1898 г. (Изд. неоффиціальное). Цѣна 2 руб. Евреиновъ въ своемъ изданіи сгруппировалъ всѣ узаконенія и министерскіе циркуляры относительно казенной продажи питей, организаціи попечительствъ о народной трезвости, правилъ о взысканіи за нарушеніе положенія о казенной продажѣ питей и т. д. Въ виду скораго завершенія операціи повсемѣстнаго введенія казенной продажи питей (а именно въ губерніяхъ послѣдней очереди къ 1 іюня 1902 г.) это изданіе является своевременнымъ. Авторъ отмѣчаетъ ходатайства губернскихъ земскихъ собраній внѣ монопольныхъ губерній (Владимірская, Симбирская) о скорѣйшемъ введеніи у нихъ казенной продажи питей. Горнопромышленники юга Россіи еще въ 1896 г. (октябрь) на съѣздѣ въ Харьковѣ высказались за введеніе винной монополіи и т. д. И дѣйствительно, помимо благопріятныхъ отзывовъ, которые идутъ изъ губерній, гдѣ введена казенная продажа питей, существованіе въ Россіи двухъ совершенно различныхъ системъ торговли—продажи питей

создаетъ нерѣдко ненормальныя положенія и громко говоритъ въ пользу скорѣйшаго распространенія положенія о казенной продажѣ питей на всю Россію. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, „на основаніи положенія о казенной продажѣ питей, отъ винокуренныхъ заводчиковъ района этой продажи спиртъ пріобрѣтается по назначенной цѣнѣ лишь въ количествѣ не болѣе $^2/_3$ годовой потребности казны. Въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и Смоленской, составляющихъ одинъ изъ районовъ казенной винной операціи, потребленіе равняется приблизительно 60% мѣстной выкурки спирта, и при пріобрѣтеніи въ казну спирта по опредѣленной министерствомъ финансовъ цѣнѣ въ размѣрѣ $^2/_3$ годовой потребности, каждому заводу будетъ предоставлено право поставить въ казну по назначенной цѣнѣ лишь около 25% выкурки завода. Напротивъ, въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ, которыя будутъ составлять по поставкѣ въ казну разверсточнаго спирта отдѣльный районъ и въ которыхъ выкурка спирта весьма мала по сравненію съ потребленіемъ, при разверсткѣ между мѣстными винокуренными заводами лишь 14% годового потребленія, придется взять въ казну всю ихъ выкурку“ (стр. 4). Такимъ образомъ теперь, относительно поставки спирта въ казну по разверсткѣ, винокуренные заводчики нѣкоторыхъ районовъ находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ заводчики другихъ районовъ, и это возможно устранить лишь при повсемѣстномъ распространеніи казенной продажи питей съ установленіемъ другихъ границъ районовъ. Нѣкоторые циркуляры министерства финансовъ, приводимые авторомъ, имѣютъ общій интересъ, какъ, напримѣръ, разъясненіе министерства финансовъ о сельско-хозяйственномъ винокуреніи (стр. 15), о трактирномъ промыслѣ (113 стр. и далѣе).

Для практика книга интересна и потому, что въ правилахъ о взысканіяхъ приведены резолюціи 1 отдѣленія уголов. касс. деп. правит. сената.

Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи. Выпускъ I. Отчетъ о двухмѣсячной командировкѣ старшаго чиновника особыхъ порученій Н. Новомбергскаго, составленный по распоряженію тобольскаго губернатора Л. М. Князева. Изданіе Тобольскаго губернскаго статистическаго комитета. Тобольскъ, 1898 г. Объемистая книга г. Новомбергскаго состоитъ главнымъ образомъ изъ сырого матеріала, которому предшествуетъ обширное введеніе съ изложеніемъ нѣкоторыхъ выводовъ и соображеній автора. Такъ какъ болѣе обстоятельная обработка собраннаго матеріала откладывается г. Новомбергскимъ до слѣдующаго выпуска, то, минуя введеніе, мы перейдемъ прямо къ сырому матеріалу, представляющему подробное описаніе 82 поселковъ Ишимскаго и Тюкалинскаго округовъ. Каждый поселокъ описанъ отдѣльно, но всѣ по одной и той же программѣ, и различныя рубрики, по которымъ распредѣленъ матеріалъ, слѣдуютъ одна за другою всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. На первомъ мѣстѣ авторъ ставитъ „Исторію образованія поселка“, затѣмъ идетъ „Хозяйственное положеніе на родинѣ“ и наконецъ положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ съ слѣдующимъ подраздѣленіемъ матеріала: общій характеръ мѣстности, землепользованіе, земледѣліе, скотоводство, рабочія руки и промыслы, торговля, кредитъ, образованіе, повинности, семейные раздѣлы, современное хозяйственное положеніе. Въ виду того, что цѣлью автора было „выясненіе вліянія правительственныхъ ссудъ на благоустройство переселенцевъ“, для описанія выбирались поселки изъ

тѣхъ, которые основаны за послѣдніе годы, т.-е. не ранѣе 1895 г. Сомнительно, чтобы такое ограниченіе въ выборѣ матеріала облегчало автору достиженіе намѣченной цѣли, т. к. лишаетъ его всякаго рода данныхъ для сравненій съ переселенцами, не имѣвшими никакой поддержки отъ правительства, а кромѣ того такой выборъ поселковъ заставляетъ относиться съ извѣстной осторожностью ко всѣмъ выводамъ, которые мы захотѣли бы сдѣлать изъ даннаго матеріала. Несмотря на это и даже въ своемъ теперешнемъ необработанномъ видѣ, собранныя г. Новомбергскимъ данныя представляютъ много любопытнаго. Интересны между прочимъ свѣдѣнія о тѣхъ мытарствахъ, которыя приходится претерпѣть переселенцамъ, чтобы получить разрѣшеніе оставить родину. Чуть ли не самой интересной является въ данномъ отношеніи исторія Шаблыкинскаго поселка (№ 9), образовавшагося изъ выходцевъ изъ Карачевскаго уѣзда, Орловской губерніи, которые принялись хлопотать о переселеніи еще въ 1884 г., а получили разрѣшеніе лишь въ 1895 г., т.-е. черезъ 11 лѣтъ. Живущіе теперь въ Ростовцевскомъ поселкѣ (№ 62) крестьяне Пензенской губерніи получили разрѣшеніе на переселеніе „только по прошествіи 4-хъ лѣтъ неотступныхъ ходатайствъ“. Во многихъ случаяхъ хлопоты продолжались по 2—3 года, а иногда мы узнаемъ и причины такой волокиты въ видѣ всякаго рода сопротивленія мѣстной администраціи (стр. 44, 76, 130, 145, 187, 234, 237 и др.). Бывало и такъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ хлопотъ переселенцы отправлялись въ путь такъ и не дождавшись разрѣшенія: наприм., крестьяне Витебской губерніи (поселокъ Немировскій № 67) не могли получить разрѣшенія въ теченіе 6 лѣтъ и отправились по билетамъ; полтавскимъ крестьянамъ пришлось сдѣлать то же самое послѣ 3 лѣтъ безрезультатныхъ ходатайствъ (поселокъ Михайловскій, № 30) и т. д. Не мудрено поэтому, что нерѣдко переселенцы и не пытаются получить разрѣшеніе, а заранѣе покидаютъ надежды на него и отправляются съ паспортами вмѣсто проходныхъ свидѣтельствъ, хотя такой способъ переселенія, не говоря про прочія неудобства, обходится дороже (стр. 175, 222, 226). Всѣ подобныя указанія имѣютъ тѣмъ больше значеніе, что книга—нѣсколько оффиціальнаго происхожденія и не можетъ быть заподозрѣна въ тенденціозности. Не мало приходится страдать переселенцамъ и отъ неурядицъ на новыхъ мѣстахъ. Бываютъ напримѣръ такіе случаи, что участокъ записывается за извѣстными ходатаями, но переселенцы, приходя на этотъ участокъ, находятъ его уже занятымъ и должны отправляться въ новыя странствованія (поселокъ Покровскій № 20). Или одинъ чиновникъ приписываетъ переселенцевъ къ какому-нибудь участку, а другой отмѣняетъ это распоряженіе и запрещаетъ селиться въ этомъ участкѣ (поселокъ Александровскій № 19). Въ одномъ же случаѣ былъ отведенъ чиновникомъ такой участокъ, который оказался запаснымъ и закрытымъ для заселенія и пришлось обращаться съ ходатайствами въ министерство, на что ушло нѣсколько мѣсяцевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Живое вещество“. *Ф. Ле-Дантека.*

Живое вещество. Ф. Ле-Дантека. Съ двумя дополнительными статьями того же автора: „Жизнь и смерть“. Перев. съ франц. В. К. Агаѳонова. М., 1898 г. Ц. 75 к.. Задача, которой задался

авторъ книжки *La matière vivante*, очень грандіозна и сложна,—выяснить главныя проявленія дѣятельности клѣтокъ и соотношенія между этой дѣятельностью и физико-химическими реакціями, но авторъ отнесся къ этой задачѣ довольно просто: онъ не сталъ разбирать всѣхъ затрогиваемыхъ взятой темой вопросовъ, не сталъ обрабатывать всей обширной литературы предмета, а выбралъ кое-что болѣе простое, сильно схематизировалъ сущность дѣла своимъ изложеніемъ и пришелъ къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, которые могутъ показаться важными только тому, кто не знакомъ съ вопросомъ изъ болѣе научныхъ сочиненій. Чтобы показать отношеніе Ле-Дантека къ разбираемымъ имъ вопросамъ, лучше всего указать, что онъ совершенно обходитъ вопросъ о строеніи протоплазмы,—вопросъ, имѣющій обширную и интересную литературу и который неудобно игнорировать, говоря о томъ, что такое протоплазма... Для автора протоплазма просто „комокъ студенистаго вещества“, а вѣдь этимъ такъ мало сказано. Авторъ занимается главнымъ образомъ вопросами физики и химіи протоплазмы, но для него эти сложнѣйшіе вопросы кажутся гораздо болѣе простыми, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Надо отдать справедливость автору, что онъ не ограничился одной компиляціей при изложеніи затронутыхъ вопросовъ, а произвелъ и лично рядъ интересныхъ опытовъ. Не имѣя возможности входить въ детальный разборъ высказываемыхъ авторомъ мнѣній, такъ какъ это вывело бы насъ изъ объемовъ рецензіи, скажемъ въ заключеніе, что, представляя несомнѣнный интересъ, книжка Ле-Дантека даетъ все-таки поверхностное понятіе о разбираемыхъ вопросахъ.

Приложенныя къ переводу *La Matière vivante* двѣ статьи того же автора на тему *Жизнь и смерть* были помѣщены имъ въ *Revue Philosophique* и представляютъ рядъ разсужденій на тему о сущности жизни, подходя весьма близко по содержанію и къ предыдущей статьѣ. Тутъ мѣстами особенно ярко выступаетъ стремленіе автора къ схематизаціи самыхъ сложныхъ явленій, относительно сущности которыхъ наука обладаетъ пока весьма недостаточнымъ запасомъ фактическихъ данныхъ. Авторъ (стр. 137) надѣется, *„не прибѣгая къ гипотезѣ*, дать точное и полное понятіе объ элементарной жизни“. Задача болѣе чѣмъ смѣлая... И какъ же авторъ рѣшаетъ ее? Разбирая вопросъ о томъ, что происходитъ въ протоплазмѣ, авторъ все время дѣлаетъ разныя *предположенія*, называетъ неизвѣстныя количества веществъ буквами m и n (точно это что-либо объясняетъ!), говоритъ (стр. 138), что „у насъ почти нѣтъ средствъ констатировать тѣ измѣненія, которыя не обнаруживаются въ явленіяхъ, замѣтныхъ для глаза,—говоритъ, что,—вѣроятно, отъ нашего вниманія ускользаетъ много химическихъ реакцій, происходящихъ между средой и $n + m$ веществъ пластиды...“ и такъ далѣе,—и это называется дать *точное* и *полное* понятіе о вопросѣ! Хотя авторъ и даетъ математическое уравненіе, которое должно выразить совокупность всѣхъ химическихъ реакцій, результатъ коихъ есть элементарная жизнь, но все-таки въ результатѣ остаются одни мало обоснованныя разсужденія и больше ничего.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Русскій лѣсъ“. Сост. *Ѳ. К. Арнольдъ.*

Русскій лѣсъ. Сост. Ѳ. К. Арнольдъ. Томъ II. Ч. I. Второе изданіе. Изд. Маркса. Спб., 1898 г. Цѣна 5 руб. Лѣсо-хозяйственныя

знанія стоятъ у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ особнякомъ отъ прочихъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Между тѣмъ, какъ въ Канадѣ, въ Швеціи и даже въ русской Финляндіи порядокъ хозяйственнаго пользованія лѣсомъ тѣсно согласованъ съ пользованіемъ другими угодьями, въ большей части Россіи, по примѣру Германіи и Австріи, лѣсное хозяйство считается какою-то совершенно особою спеціальностью, не входящею въ составъ сельскаго хозяйства. Но лѣсная площадь фактически входитъ въ составъ значительнаго большинства хозяйственныхъ единицъ, и наряду съ тѣмъ, чего требуетъ казенное лѣсное хозяйство, которое дѣйствительно можетъ технически спеціализироваться, существуютъ другія требованія, предъявляемыя интересами многочисленныхъ технически-разнообразныхъ хозяйствъ.

Русская лѣсо-хозяйственная литература до послѣдняго времени служила по преимуществу интересамъ казеннаго хозяйства. Маститый составитель *Русскаго лѣса*, повидимому, желалъ считаться съ требованіями полныхъ хозяйствъ, но это желаніе книга осуществляетъ лишь въ небольшой степени. Тѣмъ не менѣе, первая часть второго тома, представляющая собою самостоятельный трактатъ по лѣсоводству и выпущенная теперь во второмъ дополненномъ и пересмотрѣнномъ изданіи, несомнѣнно принесетъ пользу какъ для самообразованія русскихъ читателей, такъ и для практическихъ потребностей хозяевъ, выращивающихъ лѣсъ. Послѣ вступительныхъ главъ объ экономическихъ элементахъ лѣсного хозяйства, о лѣсной почвѣ, о строеніи и жизни дерева авторъ подробно разсматриваетъ отдѣльныя лѣсныя породы: дубъ, осину, липу, ольху, букъ, грабъ, ясени, клены, ильмы, сосну, ель, пихту, лиственницу, ивы и разные кустарники. За краткою главой объ естественномъ лѣсоразведеніи слѣдуетъ подробное описаніе питомника, древесной школы, пріемовъ посѣва и посадки. Изложеніе живое и вполнѣ популярное. Россмеслеровскіе эстампы превосходны. Кромѣ 17 эстамповъ, книга снабжена 125 гравюрами на деревѣ.

УЧЕБНИКИ, ДѢТСКІЯ КНИГИ, ПОСОБІЯ.

„Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ“. Сост. *А. Гусевъ*.—„Басни И. А. Крылова“. Сост. подъ ред. *К. Ѳ. Грязнова*.—„Иллюстрированная сказочная библіотека“. *Ф. Павленкова*.—„Разсказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста“. *А. В. Круглова*.—„Друзья дѣтей“. Сборникъ разсказовъ, сост. *А. Ивинымъ*.—„Пчелиный домикъ“. *Анны Доганович*.—„Библіотека нашихъ дѣтей“,—Библіотека „Всходовъ“.—Дополненія къ учебнику русской словесности“.

Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ А. Гусевъ. Изданіе четвертое. Москва, 1897 г. Цѣна 25 коп. Съ каждымъ изданіемъ *Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка*, составленный г. Гусевымъ, становится все лучше, и въ 4-мъ изданіи мы находимъ новыя дополненія и измѣненія, которыя нельзя не признать цѣлесообразными. Особенно цѣнными слѣдуетъ считать, какъ кажется, тѣ нововведенія въ разбираемомъ учебникѣ, что теперь въ немъ „церковно-славянскія слова, предшествующія примѣрамъ, въ той или другой формѣ входятъ въ составъ этихъ примѣровъ, а для наиболѣе трудныхъ формъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ III-мъ отдѣлѣ книги, даны объясненія“. Хорошо переработанъ и II-й отдѣлъ элементарнаго учебника церковно-славянскаго языка. Такимъ образомъ, учебникъ

г. Гусева является однимъ изъ хорошихъ пособій для начальныхъ народныхъ училищъ, такъ какъ въ немъ сдѣлано многое для болѣе легкаго усвоенія весьма труднаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ славянскаго языка.

Басни И. А. Крылова. Съ прилож. кратк. очерка жизни и литерат. дѣят. И. А. Крылова. Басни иллюстрированы 40 политип. рисунками. Собрано и составлено подъ редакціей К. Ѳ. Грязнова. Изданіе второе. Москва, 1898 г. Цѣна 12 коп., въ папкѣ съ коленк. корешкомъ 22 коп. Главное достоинство изданія басенъ Крылова, предпринятаго г. Грязновымъ, заключается въ томъ, что, несмотря на всю дешевизну, оно имѣетъ довольно опрятный видъ. Рисунки, конечно, далеко не вездѣ хороши, и волкъ на нихъ нерѣдко смахиваетъ на лису, а лиса на волка; но и среди рисунковъ попадаются все-таки недурные; что же касается до печати, то она отличается четкостью, и крупныхъ ошибокъ нѣтъ. Напрасно однако г. Грязновъ придаетъ такое большое значеніе дѣленію въ его изданіи басенъ Крылова „по внутреннему содержанію ихъ, по смыслу и предметамъ, на которые направлена сатира Крылова“ (стр. VII); такое дѣленіе давно уже существуетъ въ различныхъ учебныхъ пособіяхъ, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ собраніяхъ басенъ. Сверхъ того, означенное дѣленіе г. Грязнова можетъ вызвать множество возраженій, какъ такое, въ которомъ принципъ дѣленія выдержанъ далеко не строго. Въ заключеніе прибавимъ, что біографія Крылова могла бы быть составлена и полнѣе и складнѣе.

Иллюстрированная сказочная библіотека. Ф. Павленкова. №№ 81—96. Спб., 1898 г. Настоящіе выпуски *Сказочной библіотеки* въ общемъ изданы довольно удачно и по цѣнѣ не дороги. №№ 81 и 82 (цѣна каждаго 15 коп.) заключаютъ въ себѣ 8 наиболѣе извѣстныхъ сказокъ Перро, съ приложеніемъ краткой біографіи автора. Переводъ г-жи Прозоровской хорошъ и сохраняетъ простоту сказочнаго колорита, благодаря чему передъ нами лучшее изъ дешевыхъ изданій сказокъ Перро. Въ № 83 помѣщено 6 сказокъ норвежскаго писателя Асбьёрнсона, въ переводѣ той же г-жи Прозоровской (цѣна 10 коп.). Эти сказки, какъ мало распространенныя въ печати, прочтутся дѣтьми съ большимъ интересомъ, а здоровый сѣверный юморъ, которымъ онѣ проникнуты, усилитъ впечатлѣніе въ желательную сторону. Къ сказкамъ приложены портретъ Асбьёрнсона и біографическія свѣдѣнія о немъ. №№ 84, 85 и 86—цѣна каждому 15 коп.—содержитъ въ себѣ *Англійскія сказки*, въ переводѣ г-жи Шишмаревой. Тутъ мы прежде всего находимъ прелестную сказку Уйда *Маленькій графъ* и затѣмъ еще 2 сказки того же автора, изъ которыхъ вторая, *Нюрнбергская печь*, составляетъ цѣлую книжку (№ 85). Эта послѣдняя страдаетъ длиннотами, довольно сантиментальна и во многомъ уступаетъ двумъ первымъ, но переводъ и иллюстраціи во всѣхъ болѣе или менѣе удачны. Въ 3-й книжкѣ *Англійскихъ сказокъ* (№ 86), между прочимъ, помѣщена оригинальная и не безъ юмора написанная *Принцесса Киска*; къ ея особенностямъ слѣдуетъ отнести искусное сплетеніе элемента сказочнаго съ бытовымъ, а кромѣ того она проникнута хорошей идеей, которая однако отнюдь не сообщаетъ сказкѣ скучной тенденціозности. 10 остальныхъ выпусковъ (№№ 87—96, цѣна каждому 10 к.) представляютъ изъ себя собраніе сказокъ братьевъ Гриммовъ, въ переводѣ той же г-жи Прозоровской. Тутъ, конечно, маленькій читатель найдетъ много своихъ хорошихъ знакомыхъ: и „сестрицу съ братцемъ“,

и „волка съ козлятами", и „мальчика съ пальчикъ", и „золотого гуся", исторіи которыхъ никогда ему не надоѣдаютъ. Встрѣтитъ онъ также и неизвѣстныя сказки, герои которыхъ, по прочтеніи, немедленно уже попадутъ въ такихъ же хорошихъ знакомыхъ. Въ 1-мъ изъ этихъ выпусковъ есть портретъ братьевъ Гриммовъ и біографическая замѣтка.

Маленькое замѣчаніе по адресу издателя. Не понимаемъ, зачѣмъ ему понадобилось печатать такимъ мелкимъ шрифтомъ, который очень неудобенъ для дѣтскаго чтенія.

Разсказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста. А. В. Круглова. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе В. С. Спиридонова. М., 1898 г. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 к. Г. Кругловъ умѣетъ писать для дѣтскаго возраста, и это подтверждается его книжкой, лежащей сейчасъ передъ нами. Каждый изъ 8 разсказовъ, помѣщенныхъ въ ней, прочтется съ интересомъ. При незатѣйливости ихъ сюжетовъ, вполнѣ доступныхъ пониманію ребенка самаго младшаго возраста, получается хорошій матеріалъ для чтенія. Иллюстраціи исполнены отчетливо, и цѣна не дорога. Выше означенными достоинствами отличаются въ разбираемой книжкѣ не только прозаическіе разсказы, но и разсказы въ стихахъ, для которыхъ отъ автора требуется много искусства: кромѣ содержательной фабулы, нуженъ и столько же доступный, сколько звучный стихъ.

Библіотека маленькаго читателя. № 7. Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ составилъ А. Ивинъ. Съ рисунками П. Литвиненка. Изданіе В. С. Спиридонова. М., 1898 г. Ц. 40 коп., въ папкѣ 50 коп. Настоящій *Сборникъ* заключаетъ въ себѣ 6 разсказовъ Елпатьевскаго, Кота-Мурлыки, Баранцевича, Кайгородова, Роговой и Дмитріевой. Всѣ эти разсказы имѣютъ то общее, что героями ихъ являются животныя: собака, обезьянка, зябликъ, иволга, — почему *Сборникъ* и носитъ названіе *Друзья дѣтей*. Дѣти даже старшаго возраста любятъ читать про животныхъ; что же касается до маленькихъ, то о нихъ и говорить нечего. Такимъ образомъ, разбираемая книжка подходитъ къ каждому дѣтскому возрасту. Несмотря на то, что разсказы принадлежатъ перу разныхъ авторовъ, всѣ они проникнуты однимъ общимъ чувствомъ—неподдѣльной любовью и интересомъ къ животнымъ, и это настроеніе передается читателю. Къ достоинствамъ *Сборника* нужно отнести, конечно, талантливость и опытность авторовъ, а удачный подборъ матеріала всецѣло зависитъ отъ умѣлой руки г. Ивина.

Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Анны Догановичъ. Съ рисунками П. Литвиненка. М., 1898 г. Ц. 40 коп., въ папкѣ 50 коп. Книжка г-жи Догановичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ удачныхъ популяризацій, распространеніе которыхъ весьма желательно. Правда, она страдаетъ нѣкоторыми длиннотами, которыя не идутъ къ дѣлу, но даже и въ этихъ мѣстахъ разсказъ ведется настолько живо, что интересъ не пропадаетъ. Популяризація научныхъ свѣдѣній для дѣтей, да еще въ беллетристической формѣ—вещь очень мудреная. Діалоги, помощью которыхъ разъясняется пчелиная жизнь и дѣятельность, не производятъ здѣсь впечатлѣнія ни скуки, ни однообразія и почти вездѣ сохраняютъ форму обыденнаго и интереснаго разговора. Кромѣ того, помимо разговоровъ, тутъ есть и дѣйствіе. Героиня повѣсти, дѣвочка-обладательница пчелинаго домика—Лиза, такъ реально волнуется за своихъ пчелъ, интересуется ихъ жизнью, радуется и огор-

чается, что эти же чувства передаются и читателю. Лизѣ вторитъ ея братъ Сережа, который также впослѣдствіи обзаводится своимъ пчелинымъ домикомъ. Печальная судьба этого послѣдняго домика дала возможность познакомить читателя со многими неожиданными случайностями въ жизни пчелъ. Авторъ искусно вводитъ въ разсказъ любителя пчеловода, владѣльца цѣлаго пчелинаго завода. Тутъ сообщаются свѣдѣнія о практическихъ результатахъ пчеловодства и различные способы обработки меда и воска.

Библіотека нашихъ дѣтей. 1) Дѣлу время, потѣхѣ часъ (Шуточныя исторіи съ картинками и картинки безъ словъ). 2) Разсказы старой бабушки, Е. Балобановой. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.+25 к. Первая книжка, какъ видно изъ заголовка, имѣетъ цѣлью развеселить и развлечь маленькаго читателя. Мы ровно ничего не имѣемъ противъ книжекъ юмористическаго содержанія, приспособленныхъ для дѣтскаго чтенія и—наоборотъ—находимъ, что подобныя книжки весьма желательны, но онѣ должны быть составлены съ большимъ тактомъ и остроуміемъ, чтобы заинтересовать и разсмѣшить ребенка, не портя въ то же время вкуса. Къ сожалѣнію, разбираемая книжка далеко не остроумна; что же касается до такого, напримѣръ, разсказа, какъ *Поединокъ двухъ слоновъ*, то онъ прямо можетъ дать дѣтямъ „превратное“ толкованіе; тутъ происходитъ нелѣпая катастрофа, въ которой нѣтъ ничего ни смѣшного, ни поучительнаго: оба слона вытянули себѣ хоботы, „и хоботы у обоихъ волочились по землѣ, какъ веревки“ (стр. 26). Рисунки въ книжкѣ вообще очень недурны и, при лучшемъ текстѣ, могли бы произвести болѣе благопріятное впечатлѣніе.

Вторая изъ разбираемыхъ книжекъ *Разсказы старой бабушки*, въ противоположность первой, очень хороша. Авторъ въ простой и безхитростной формѣ дѣтскихъ воспоминаній разсказываетъ о жизни нѣсколькихъ птичекъ и животныхъ, пріученныхъ человѣкомъ. Разсказъ ведется задушевно, и теплое чувство автора передается читателю.

Библіотека „Всходовъ“. 1) За правое дѣло. Коломба. Ц. 25 к. 2) Въ странѣ чудесъ. Маеля. Ц. 25 к. 3) Въ странѣ Пальмъ. Аугусти. Ц. 50 коп. 4) Клегъ Келли. С. Р. Крокета. Ц. 50 к. 5) Воспоминанія одного американскаго школьника. Т. Белей Олдрича. Ц. 25 к. 6) Смѣлые мореплаватели. Рудіарда Киплинга. Ц. 25 к. 7) Похожденіе Тима. Кэта Уиггина. Ц. 25 к. 8) Печать цезаря. Альфреда Рамбо. Ц. 50 к. 9) Исторія одного мальчика. Альфонса Додэ. Ц. 50 к. 10) Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго. Альфонса Додэ. Ц. 25 к. 11) Вымершія чудовища. Л. Давыдовой. Ц. 25 к. Спб., 1896 и 1897 гг. Разсказъ Коломба *За правое дѣло* взятъ изъ средневѣковой жизни. Онъ прочтется съ тѣмъ самымъ увлеченіемъ, съ какимъ читаются обыкновенно дѣтьми старшаго возраста произведенія, имѣющія романтическій сюжетъ. Тутъ есть элементы, способные плѣнить воображеніе: и благородные рыцари, и возвышенныя чувства, и великодушные подвиги, а въ концѣ концовъ, послѣ множества приключеній, и увѣнчанная любовь, и торжествующая добродѣтель, и наказанный порокъ. Книжка Коломба написана и талантливо и искусно, такъ что, кромѣ непосредственнаго интереса, читатель получитъ довольно живое освѣщеніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ сторонъ одной изъ интереснѣйшихъ историческихъ эпохъ. Книжка *Въ странѣ чудесъ* содержитъ въ себѣ описаніе путешествія по Индіи на

вершину горы Гауризанкаръ небольшой кучки любителей-путешественниковъ. Приключенія и преодолѣніе всевозможныхъ препятствій, связанныхъ съ этой опасной экскурсіей, составляютъ предметъ разсказа, а странствованіе по таинственной, дикой и преисполненной всякихъ чудесъ Индіи дало въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ, и хотя въ его разсказѣ не все правдоподобно, а кое-что прямо напоминаетъ манеру Жюля-Верна, но картина Индіи съ чудовищами, ее населяющими, и дикимъ фанатизмомъ ея обитателей, чуть не погубившимъ путниковъ, вышла очень яркой и жизненной. Въ разсказъ введенъ романическій эпизодъ, и книжка читается съ неослабѣвающимъ ни на минуту интересомъ. Менѣе удовлетворила насъ въ этомъ отношеніи повѣсть для дѣтей Аугусти *Въ странѣ пальмъ*, дѣйствіе которой происходитъ въ той же Индіи. Это—какая-то дамская повѣсть, въ которой всѣ особы прекраснаго пола отличаются великими добродѣтелями; что же касается до героини, то достоинства этой дѣвицы безпредѣльны. Впрочемъ, хотя главныя симпатіи автора и на сторонѣ дамъ, но и героемъ повѣсти является также весьма милый и добродѣтельный кавалеръ, который, послѣ многихъ доказательствъ этой добродѣтели, въ концѣ концовъ благополучно соединяется съ героиней. Вообще въ книжкѣ много слащаваго и сантиментальнаго; природа же, жизнь и нравы жителей изображены слабо. Романъ *Клегъ Келли* Крокета принадлежитъ къ числу тѣхъ книжекъ, которыя прочитываются дѣтьми по нѣскольку разъ. Тутъ все жизненно, все правдиво, и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть типичныя, а порой и трогательныя фигуры; въ романѣ много теплаго чувства, переходящаго мѣстами въ тонкій юморъ; переводъ и передѣлка г-жи Анненской настолько удачны, что читатель нигдѣ не замѣтитъ никакихъ натяжекъ. Не меньшей живостью и правдивостью отличаются *Воспоминанія одного американскаго школьника* Белея Олдрича. Правда, самый сюжетъ этой повѣсти менѣе благодаренъ, чѣмъ сюжетъ Клега Келли, но авторъ обладаетъ достаточнымъ количествомъ и таланта, и юмора, благодаря чему въ *Воспоминаніяхъ школьника* каждый и не американскій школьникъ получитъ при чтеніи большое наслажденіе. *Смѣлыя мореплаватели* Киплинга относятся къ спеціально дѣтской литературѣ, какъ по содержанію, такъ и по морали. Тѣмъ не менѣе однако эта повѣсть отнюдь не принадлежитъ къ скучнымъ и нравоучительнымъ повѣствованіямъ. Правда, въ фабулѣ ея есть нѣкоторыя неправдоподобности, но дѣйствующія лица настолько жизненны и типичны, что это ничему не мѣшаетъ, и повѣсть хороша. Съ этой стороны менѣе удачна повѣсть Кэта Уиггина *Похожденія Тима*, въ переводѣ Е. Бэръ. Въ *Печати Цезаря* Альфреда Рамбо (переводъ Л. Шелгуновой) данъ романъ изъ эпохи борьбы галловъ за независимость. Тутъ автору пришлось имѣть дѣло съ великою трудностью — бытомъ и нравами дикаго народа, и нужно было обладать большимъ тактомъ и чутьемъ, чтобы не впасть въ крайности, но въ этомъ отношеніи романъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіемъ. Онъ написанъ просто и интересно, а мѣстами прямо захватываетъ читателя, причемъ характеристика тѣхъ перипетій, которыя сопровождали священную войну, вышла довольно рельефной. Два романа Альфонса Додэ, *Исторія одного мальчика* и *Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго* достаточно извѣстны и популярны и, разумѣется, не нуждаются ни въ какихъ рекомендаціяхъ, относительно же настоящаго изданія этихъ произведеній можно сказать, что оно удачно, и переводъ хорошъ.

Въ разбираемыхъ выпускахъ *Библіотеки „Всходовъ“* есть только

одна книжка, не принадлежащая къ области беллетристики и имѣющая предметомъ научную популяризацію. Эта книжка—*Вымершія чудовища*, составленная Л. Давыдовой по Хетчинсону подъ редакціей д-ра зоологіи А. Никольскаго. Она представляетъ изъ себя популяризацію, написанную очень занимательно и дающую достаточный научный матеріалъ.

Мы мало касались переводовъ только что разобранныхъ книжекъ, и потому въ заключеніе прибавляемъ, что въ общемъ переводы эти болѣе или менѣе удовлетворительны, а иногда и совсѣмъ хороши.

Дополненія къ учебнику русской словесности. Руководство для домашнихъ и классныхъ разборовъ произведеній русскихъ писателей. Составлено согласно требованіямъ гимназической программы (курсъ VI—VIII классовъ). Кіевъ, 1898 г. Южно-русское книгоиздательство Іогансона выпускало и постоянно выпускаетъ десятки и сотни „пособій“ совсѣмъ особаго рода: они должны помогать учащимся въ ихъ работѣ, вѣрнѣе, дѣлать за нихъ то, что задано имъ для самостоятельной работы. Это—цѣлая литература карманныхъ словарей, обратныхъ переводовъ, подстрочниковъ и т. д. Вся она отличается нѣсколькими устойчивыми особенностями: скверная бумага, скверная печать, масса опечатокъ, низкая цѣна—и изумительное невѣжество составителей, которые обыкновенно не знаютъ ни иностранныхъ языковъ, ни русскаго,—ни новыхъ, ни древнихъ.

Настоящая книжонка должна избавить учащихся отъ самостоятельнаго разбора литературныхъ произведеній и дать имъ готовые отвѣты на всевозможные вопросы, исчерпывающіе содержаніе этихъ произведеній.

Они узнаютъ много новаго и интереснаго: наприм., что „сочиненія Яворскаго отличаются символизмами, которые однако очень натянуты“ (стр. 4), что „экзордіумъ“ (вступленіе) нужно называть „экскордіумъ“ (дважды на стр. 6), что „силлабическое стихотвореніе (sic) основывается на *одинаковомъ* количествѣ слоговъ въ каждомъ стихѣ, причемъ число слоговъ бываетъ *не точно*“ (15), что Кантемиръ „для выраженія своей мысли беретъ образцы изъ классической миѳологіи“ (ib.), что Ломоносовъ, „обращаясь къ тишинѣ, исчисляетъ всѣ пункты пользы, приносимой ею“ (17), что Ронсара, Жоделя и L'art poétique нужно называть Ренсардъ, Жадель и La poetique (269) и многое другое.

Вотъ чѣмъ питаютъ нашу молодежь!

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія Московскаго Общества грамотности и „Родного Слова“.

Издательская дѣятельность просвѣтительныхъ обществъ и частныхъ лицъ получила у насъ замѣтное развитіе съ средины восьмидесятыхъ годовъ, когда впервые появились разсказы Л. Толстого въ изданіяхъ „Посредника“. Годъ отъ году затѣмъ дѣло изданія книгъ для народа продолжало неуклонно прогрессировать: на книжномъ рынкѣ появились новыя изданія столичныхъ комитетовъ грамотности, Харьковскаго общества грамотности, Муриновой, Калмыковой, Жирнова, Ледерле и друг.; въ 1894—95 гг. вышла въ свѣтъ обширная, прекрасно задуманная серія народныхъ книжекъ С.-Петербургскаго комитета грамотности. Затѣмъ, съ преобразованіемъ комитетовъ, это поступательное движеніе сразу обрывается, и послѣдніе 2 — 3 года должны

быть отмѣчены, какъ періодъ упадка въ этой области народо-образовательнаго движенія въ нашемъ обществѣ; появленіе на книжномъ рынкѣ новыхъ книгъ для народа почти прекратилось, и только „Посредникъ“ время отъ времени заявлялъ о своемъ существованіи, выпуская по одной, по двѣ книжки преимущественно популярно-научнаго содержанія для читателя уже до нѣкоторой степени подготовленнаго. Въ настоящее время этотъ „кризисъ“, повидимому, миновалъ, и на книжномъ рынкѣ снова начинаютъ появляться въ значительномъ количествѣ дешевыя изданія для народнаго чтенія. Передъ нами двѣ серіи такихъ книжекъ, вышедшихъ за самое послѣднее время,—мы говоримъ объ изданіяхъ Московскаго Общества грамотности и новой издательской фирмы „Родного Слова“. Мы не упоминаемъ здѣсь еще о цѣлой серіи народныхъ книжекъ въ изданіи О. Н. Поповой, такъ какъ имѣемъ въ виду поговорить о нихъ въ слѣдующій разъ. Издательская дѣятельность столичныхъ Обществъ грамотности, какъ извѣстно, значительно затруднена требованіями ихъ устава, въ силу которыхъ „общества“ могутъ издавать книги только послѣ предварительнаго каждый разъ разрѣшенія со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Эти требованія, какъ показалъ опытъ, значительно усложняютъ все дѣло, вызывая массу безплодной переписки, и порождаютъ не мало странныхъ недоразумѣній: такъ въ газетахъ недавно было опубликовано, что Московскому Обществу грамотности не разрѣшено изданіе такихъ произведеній, какъ *Борисъ Годуновъ* Пушкина и *Пѣснь про купца Калашникова* Лермонтова. Намъ особенно пріятно отмѣтить, что, несмотря на всѣ затрудненія, Московское Общество грамотности все-таки не опускаетъ рукъ, свидѣтелемъ чего является лежащая передъ нами первая серія его изданій. Въ нее вошли слѣдующія семь книжекъ: 1) *М. Ю. Лермонтовъ.—Избранныя сочиненія съ біографіей и портретомъ, ц. 20 к.* 2) *А. Чеховъ.—Мечты.* Разсказъ, *ц. 3 к.* 3) *Его же.—Святою ночью.* Разсказъ, *ц. 3 к.* 4) *А. С. Пушкинъ.—Полтава, ц. 8 к.* 5) *Его же.—Капитанская дочка.* 6) *Вл. Короленка.—На затменіи, ц. 4 к.* 7) *Гр. Л. Н. Толстой—Кавказскій плѣнникъ, ц. 4 к.*

Сборникъ произведеній Лермонтова раньше былъ изданъ бывшимъ Московскимъ комитетомъ грамотности; въ настоящемъ второмъ изданіи онъ вышелъ съ очень недурными иллюстраціями, приложенными къ *Пѣсни про купца Калашникова.* Произведенія Пушкина и Толстого хотя и были уже не одинъ разъ изданы для народа, тѣмъ не менѣе ихъ нельзя не привѣтствовать и въ изданіяхъ „общества“: они пользуются большою популярностью среди простого читателя, и спросъ на нихъ не только не уменьшается, но, съ развитіемъ грамотности, постоянно увеличивается. Изъ остальныхъ книжекъ разсказы Чехова и Короленка въ изданіяхъ для народа появляются первый разъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что книжки эти найдутъ многочисленнаго читателя въ народной массѣ. Въ разсказахъ Чехова простой читатель пойметъ и оцѣнитъ и теплоту чувства, и искреннюю любовь, и человѣчность, которыми проникнуты они (бродяга въ разсказѣ *Мечты* и Іеронимъ въ разсказѣ *Святой ночью*). Съ неменьшимъ интересомъ прочтется также и прекрасный, полный жизненной правды очеркъ Вл. Короленка — *На затменіи.* Авторъ съ неподражаемымъ искусствомъ живописуетъ нашу родную дѣйствительность, гдѣ на почвѣ народнаго невѣжества и суевѣрій, подъ вліяніемъ ничтожныхъ причинъ (въ разсказѣ—приготовленія къ наблюденію солнечнаго затменія) каждую минуту могутъ разыграться кровавыя сцены и неистовства. Невольно, вмѣстѣ

съ авторомъ, хочется воскликнуть: „Охъ, скоро-ль будетъ день на святой Руси,—тотъ день, когда разсѣются призраки, недовѣріе, вражда и взаимныя недоразумѣнія между тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо, и тѣми, кто только припадаетъ къ землѣ, а въ изслѣдованіи видитъ оскорбленіе грознаго Бога?"—Въ общемъ выборъ книгъ для первой серіи сдѣланъ удачно; нужно пожелать, чтобы за первымъ выпускомъ не замедлилъ появиться и второй: всѣ изданія Общества грамотности получаютъ одобреніе министерства народнаго просвѣщенія для библіотекъ-читаленъ, школъ и публичныхъ чтеній, что, несомнѣнно, должно способствовать ихъ широкому распространенію въ народѣ

Издательская фирма „Родного Слова" начала свою дѣятельность нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и за этотъ незначительный промежутокъ времени успѣла уже выпустить на книжный рынокъ 17 очень недурныхъ книжекъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Приводимъ здѣсь перечень ихъ: 1) *А. С. Пушкинъ.—Сказка о царѣ Салтанѣ, ц. 4 к.* 2) *Его же.—Сакзка о мертвой царевнѣ, ц. 2 к.* 3) *Его же.—Метель (Изъ повѣстей Бѣлкина), ц. 2 к.* 4) *Его же.—Выстрѣлъ (Изъ повѣстей Бѣлкина), ц. 2 к.* 5) *Его же.—Барышня-крестьянка (Изъ повѣстей Бѣлкина), ц. 4 к.* 6) *Его же.—Гробовщикъ. Станціонный смотритель (Изъ повѣстей Бѣлкина), ц. 4 к.* 7) *М. Ю. Лермонтовъ.—Пѣснь про царя Ивана Васильевича, ц. 3 к.* 8) *Л. Н. Толстой.—Кавказскій плѣнникъ, ц. 4 к.* 9) *Э. В.—Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, поэтъ изъ народа, ц. 3 к.* 10) *М. Ю. Лермонтовъ.—Бояринъ Орша, ц. 4 к.* 11) *А. С. Пушкинъ.—Полтава, ц. 5 к.* 12) *Э. В.—Очерки изъ американской жизни, ц. 3 к.* 13) *Андерсенъ.—Двѣ сказки, ц. 3 к.* 14) *Его же.—Три сказки, ц. 3 к.* 15) *Его же.—Райскій садъ, ц. 3 к.* 16) *Наши предки славяне и ихъ вѣра, ц. 2 к.* 17) *Сказки—Дѣткамъ-малолѣткамъ. Кн. I, ц. 2 к.* Какъ видно изъ заявленія, сдѣланнаго на книжкахъ, редакція „Родного Слова" ставитъ своею цѣлью изданіе произведеній извѣстныхъ писателей—русскихъ и иностранныхъ, причемъ, помимо внутренняго содержанія, редакція обращаетъ особенное вниманіе и на внѣшнюю сторону книжекъ и стремится дать за дешевую цѣну книжки съ крупною, четкою печатью, чтобы облегчить, такимъ образомъ, чтеніе особенно дѣтямъ и начинающимъ читать взрослымъ. Нужно отдать справедливость, редакція выполняетъ намѣченную цѣль вполнѣ добросовѣстно: вышедшія книжки, какъ по содержанію, такъ и по внѣшности не оставляютъ желать ничего лучшаго, особенно если принять во вниманіе ихъ незначительную цѣну. Мы не будемъ еще разъ говорить о произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Толстого, остановимся на другихъ книжкахъ. *Очерки изъ американской жизни* г-жи Э. В. впервые были изданы Харьковскимъ Обществомъ грамотности; въ книжку вошли двѣ біографіи—Бичеръ Стоу и Петра Купера, написана она очень живо и читается съ интересомъ, чѣмъ и объясняется ея быстрое распространеніе въ первомъ изданіи. Въ настоящее время книжка одобрена для народныхъ чтеній и школъ. Г-жѣ Э. В. принадлежитъ и другая книжка *Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, поэтъ изъ народа*, отмѣченная тѣми же достоинствами, какъ и предыдущая. Сказки Андерсена изданы въ прекрасномъ переводѣ г-жи Мордвиновой; въ первую книжку вошли сказки—*Елка* и *Сосѣди*, во вторую—*Безобразный утенокъ*, *Эльфъ розоваго куста* и *Новое платье короля*; сказка *Райскій садъ* издана отдѣльною книжкой. Первыя пять сказокъ предназначаются для дѣтей младшаго возраста, послѣдняя будетъ понятна дѣтямъ средняго и

старшаго возраста. Сборникъ—*Дѣткамъ-малолѣткамъ* предназначается для дѣтей, только что научившихся читать, въ него вошли маленькія сказочки—*Рѣпка*, *Теремокъ мышки* и т. п., напечатанныя самымъ крупнымъ шрифтомъ. Въ такихъ книжкахъ у насъ чувствуется настоятельная необходимость: ихъ смѣло можно давать дѣтямъ для самостоятельнаго чтенія, сейчасъ же послѣ букваря, тогда какъ съ книжкой обыкновеннаго шрифта такіе читатели еще не справятся. Очень хорошо также составлена книжка *Наши предки славяне и ихъ вѣра*; эта маленькая, живо написанная книжечка рѣзко отличается отъ скучныхъ историческихъ брошюръ, издававшихъ въ значительномъ количествѣ „Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ и Петербургскою постоянною коммиссіей". По цѣнѣ книжки „Роднаго Слова" близко подходятъ къ изданіямъ „Посредника". отличающимся, какъ извѣстно, очень дешевою цѣной.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *февраль*. „Русское Богатство", *январь*. „Міръ Божій", *февраль*.

Большой интересъ и не малую поучительность представляютъ *Записки* покойнаго В. М. Жемчужникова, начало которыхъ напечатано въ февральской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Въ этой части *Записокъ* авторъ ихъ разсказываетъ о жизни и дѣятельности своего отца, участника и очевидца военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1810 году, пребыванія русскихъ войскъ за границей въ эпоху борьбы съ Наполеономъ I, бывшаго затѣмъ костромскимъ губернаторомъ, а съ 1835 по 1845 г. занимавшаго должность петербургскаго губернатора. Среди массы интересныхъ казусовъ, разсѣянныхъ въ *Запискахъ*, особенное вниманіе обращаетъ на себя слѣдующій эпизодъ. „Въ 1832 году,—разсказываетъ авторъ,—отецъ мой былъ назначенъ губернаторомъ въ Кострому. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ являлся къ государю Николаю Павловичу. Послѣ небольшого разговора онъ готовился уйти и уже откланялся, когда государь вернулъ его со слѣдующими словами: „Жемчужниковъ, постой! На прощанье я разскажу тебѣ арабскую сказку. Слушай ее со вниманіемъ! При жизни и царствованіи покойнаго моего брата, Александра I, костромской раскольникъ, купецъ Папулинъ, испросилъ позволеніе устроить близъ города Судиславля богадѣльню на двѣнадцать человѣкъ. Богадѣльня была устроена и, по смерти Папулина, перейдетъ, по собственному его желанію, въ приказъ общественнаго призрѣнія. По вступленіи моемъ на престолъ, я узналъ, что въ этой богадѣльнѣ содержится не двѣнадцать, а нѣсколько сотъ человѣкъ, что она устроена въ лѣсу, въ видѣ замка, съ подземными ходами, и въ ней скрывается много безпаспортныхъ и бѣглыхъ. Узналъ я это случайно: многіе изъ причастныхъ къ заговору 14-го декабря направились туда, чтобы скрыться, и были пойманы. Я призвалъ къ себѣ рано поутру Закревскаго (министра внутреннихъ дѣлъ) и шефа жандармовъ. Мы втроемъ разсуждали въ этой комнатѣ о томъ, какія принять мѣры, чтобы захватить всѣхъ бѣглыхъ, скрывающихся въ этой богадѣльнѣ, и рѣшили тѣмъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, сохраня все это дѣло въ тайнѣ, отправили немедленно, каждый, по одному чиновнику въ Судиславль. Въ 10 часовъ утра они вышли отъ меня, а въ 12 часовъ пополудни я уже получилъ отъ нихъ донесеніе, что выбранные ими чиновники выѣхали изъ Петербурга. Скорѣе

этого ужъ, кажется, и требовать невозможно. Не правда ли? Но участники раскола Папулина успѣли провѣдать о моемъ распоряженіи, и чиновники, по пріѣздѣ въ Судиславль, нашли замокъ пустымъ со свѣжими слѣдами недавнихъ жильцовъ и съ глухой и полунѣмой старухой, которая ничего не могла разсказать, хотя бы и хотѣла; остальные скрылись; слѣдовательно, они были извѣщены о скоромъ пріѣздѣ чиновниковъ. Съ тѣхъ поръ прошло около пяти лѣтъ, но это дѣло, *несмотря на мое личное въ немъ участіе*, нисколько не подвинулось. Вотъ *арабская* сказка, которую я хотѣлъ тебѣ разсказать на прощанье. Теперь ты ѣдешь въ Кострому губернаторомъ, и я поручаю тебѣ заняться этимъ дѣломъ и принимать мѣры, какія тебѣ заблагоразсудятся. Прощай! Дѣйствуй благоразумно и осторожно!“

По пріѣздѣ въ Кострому, Жемчужниковъ принималъ чиновниковъ и гражданъ, къ нему являвшихся. Въ числѣ ихъ былъ и купецъ Папулинъ—почтенный старикъ съ умными, проницательными глазами. Губернаторъ обошелся съ нимъ сухо и не говорилъ ни слова. Затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ бывшаго тогда полицеймейстера Небольсина и встрѣтилъ его слѣдующимъ вопросомъ:—Будете ли вы говорить со мной откровенно?—Полицеймейстеръ Небольсинъ молча поклонился.—Представьте себѣ, что вы говорите не съ губернаторомъ, а съ Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ: будете ли вы говорить со мною откровенно?—Съ удовольствіемъ.—Если такъ, то скажите мнѣ по правдѣ, сколько человѣкъ въ настоящее время живетъ въ богадѣльнѣ, находящейся подъ вашимъ надзоромъ?—Не могу вамъ опредѣлить число ихъ съ точностью, потому что я въ ней никогда не бывалъ; но будетъ человѣкъ до трехъ сотъ.—Почему же вы, приставленные именно для надзора за проживающими въ этой богадѣльнѣ людьми, никогда въ ней не бывали и, зная положеніе, по которому въ этой богадѣльнѣ дозволено жить только двѣнадцати человѣкамъ, дозволяете проживать въ ней тремъ стамъ человѣкамъ, совершенно вамъ неизвѣстнымъ?—Разсудите сами, ваше превосходительство, что мнѣ дѣлать? Я человѣкъ семейный и бѣдный, получаю отъ Папулина содержаніе и живу въ довольствѣ, пока оставляю его въ покоѣ! Если бы я сталъ исполнять свою обязанность какъ слѣдуетъ, то подвергся бы той же участи, какая предстоитъ теперь моему предмѣстнику: онъ добросовѣстно занялся своею должностью, и за то получилъ отставку, да еще отданъ подъ судъ; дѣло его будетъ у васъ. Вы сами увидите, что онъ невиненъ; но обвиненія подведены такъ искусно, что, при всемъ желаніи вашемъ спасти его, вы не въ состояніи будете его оправдать и непремѣнно рѣшите, чтобы впредь его къ подобнымъ должностямъ не опредѣлять *). Онъ пропалъ навѣрное, но онъ человѣкъ безсемейный; а у меня есть семейство. Если я пропаду, то со мной пропадетъ и семья моя. А теперь я счастливъ и спокоенъ... Къ тому же,—продолжалъ Небольсинъ,—къ этой раскольничьей сектѣ принадлежатъ не только тѣ, которые живутъ у Папулина въ богадѣльнѣ, но и многіе изъ вашей канцеляріи, многіе изъ канцеляріи министра внутр. дѣлъ, шефа жандармовъ и другіе. Агентовъ въ Петербургѣ у нихъ множество. Прежде чѣмъ сюда пришла вѣсть о вашемъ назначеніи въ Кострому, Папулинъ уже узналъ о томъ и отправился въ Петербургъ. Тамъ онъ

*) Впослѣдствіи дѣло о бывшемъ полицеймейстерѣ папулинской богадѣльни дѣйствительно поступило къ М. Н. Жемчужникову, и предсказаніе Небольсина исполнилось въ точности.

оставался до вашего отъѣзда и ѣхалъ вслѣдъ за вами. Онъ возвратился изъ Петербурга веселый и говорилъ мнѣ, что при васъ ему будетъ еще лучше; что за него ходатайствуетъ передъ вами одно важное лицо, отъ котораго вы найдете письмо при самомъ пріѣздѣ вашемъ въ Кострому... (Пріѣхавъ въ Кострому, Жемчужниковъ дѣйствительно нашелъ у себя письмо отъ одного весьма важнаго лица). Но послѣ того, какъ онъ представлялся вамъ, онъ сталъ невеселъ и жалуется на вашъ сухой пріемъ.—Изъ этого вы можете убѣдиться, что я не принадлежу къ его сектѣ,—сказалъ шутя губернаторъ,—и поэтому, надѣясь на меня, вы должны немедленно приступить къ отправленію своей должности. Разузнайте сначала, кто живетъ у Папулина... Но сколько нужно вамъ времени для этого?—Недѣли двѣ, отвѣтилъ Небольсинъ.—Такъ разузнайте, кто у него живетъ, и потомъ всѣхъ безпаспортныхъ присылайте ко мнѣ въ острогъ, а остальныхъ вышлите вонъ. Не опасайтесь ничего; я васъ буду защищать и вамъ содѣйствовать... Прощайте...

Черезъ недѣлю Небольсинъ началъ уже присылать безпаспортныхъ; острогъ наполнился *). Но въ это время Жемчужниковъ получилъ извѣстіе о постигшемъ его несчастіи—смерти жены. Онъ оставилъ службу и поспѣшилъ въ свою деревню къ осиротѣвшимъ дѣтямъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Жемчужниковъ былъ уже петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, къ нему является Небольсинъ. „Ну, какъ у васъ идетъ дѣло Папулина?“—„Съ назначеніемъ новаго губернатора на ваше мѣсто оно остановилось, и мнѣ попрежнему хорошо“,— отвѣтилъ Небольсинъ.

Каждый, знающій порядки наши въ дореформенную эпоху, согласится, что этотъ эпизодъ является не единичнымъ, а *типичнымъ* явленіемъ того времени. Неправда царила всюду, несмотря на самыя грозныя предписанія центральной власти. И только съ ослабленіемъ бюрократической машины, съ введеніемъ судебныхъ и земскихъ учрежденій, начались первые шаги практики законности. А потому какими бы софизмами ни окружала извѣстная часть нашего общества и печати вожделѣнія къ замѣнѣ земства чиновниками, затаенная мысль этихъ вожделѣній вполнѣ ясна. Въ самое послѣднее время опять стали говорить о готовящейся замѣнѣ земства бюрократіей. Чуткій къ запросамъ дня *Вѣстникъ Европы* напечаталъ статью *Земство и толки о земствѣ*. „Десять лѣтъ тому назадъ,—говоритъ авторъ статьи, г. К. Арсеньевъ,— наше земство переживало критическую минуту. Опасность грозила не только его дальнѣйшему развитію, но и самому его существованію. „Въ государствѣ самодержавномъ, — говорилъ тогда *Русскій Вѣстникъ*,— не можетъ быть государственныхъ установленій, самостоятельныхъ въ своей дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимыхъ отъ верховной власти по характеру и источнику своихъ полномочій“. Выводъ изъ этихъ положеній былъ ясенъ: земство должно было исчезнуть или пере-

*) Когда началась присылка безпаспортныхъ изъ богадѣльни, Жемчужниковъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Блудова, письмо, въ которомъ онъ просилъ его прекратить дѣло, ссылаясь на жалобу Папулина, что „Жемчужниковъ своими распоряженіями лишаетъ его возможности содержать богадѣльню съ должною опрятностью. Хотя и предписано ему содержать въ ней не болѣе двѣнадцати человѣкъ, но такъ какъ она назначается для немощныхъ и стариковъ, то для ухаживанія за ними и для присмотра за самою богадѣльней необходимо большое количество прислуги, что безъ этой прислуги заведеніе его, пожертвованное въ приказъ общественнаго призрѣнія, придетъ въ разстройство“.

стать быть земствомъ, потонувъ въ морѣ присутственныхъ мѣстъ и административныхъ агентовъ. Положеніе 1890 года пошло не такъ далеко: земскія учрежденія, хотя и существенно измѣненныя въ своемъ составѣ, существенно ограниченныя въ своемъ кругѣ дѣйствій, все-таки продолжаютъ быть *земскими*, т.-е. выборными и, до извѣстной степени, самостоятельными. Можно было думать, что новое земство, сословное и полузависимое, останется свободнымъ отъ подозрѣній, оказавшихся гибельными для прежняго земства, болѣе самостоятельнаго и безсословнаго. Случилось, однако, иначе: кампанія противъ земства, судя по тому, что говорится въ извѣстныхъ органахъ печати, ведется вновь, на тѣхъ же началахъ, что и въ восьмидесятыхъ годахъ, но съ удвоенною силой. Исходной ея точкой служитъ возникшій въ послѣднее время вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ имперіи, но конечная ея цѣль гораздо шире: намѣчается въ виду не только нераспространеніе круга земской дѣятельности, но и упраздненіе земства, если не de jure, то de facto".

Но уничтоженіе земства, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи, означаетъ устраненіе изъ оборота русской жизни богатаго запаса мѣстныхъ силъ и увеличеніе административнаго произвола, противъ котораго и понынѣ безспленъ контроль отдаленной центральной власти. Что земство, при современной его организаціи, имѣетъ много недостатковъ, это знаетъ каждый, знакомый съ условіями его дѣятельности. „Но стоять за земство, вѣрить въ его будущность,—продолжаетъ авторъ статьи,—не значитъ еще закрывать глаза на его недостатки. Ихъ не отрицаютъ и самые убѣжденные защитники земства, возражая только противъ тенденціознаго ихъ преувеличенія и стараясь раскрыть ихъ общія причины, далеко не всегда зависящія отъ самого земства. Улучшеніе состава земскихъ собраній (т.-е. измѣненіе земской избирательной системы и избирательныхъ порядковъ), расширеніе круга дѣйствій земскихъ учрежденій, уменьшеніе административнаго вмѣшательства въ дѣятельность земства, хотя бы и съ усиленіемъ административнаго надъ нею контроля—вотъ что нужно для успѣшнаго исполненія задачи, поставленной земскимъ положеніемъ 1864 года".

В. Г. Короленко напечаталъ въ январьской книжкѣ *Русскаго Богатства* новое свое произведеніе *Смиренные*. Произведеніе это названо авторомъ „картинкой съ натуры". Невдалекѣ отъ губернскаго города, въ дачномъ мѣстѣ, проводитъ лѣто Бухвостовъ, сотрудникъ мѣстной и корреспондентъ нѣсколькихъ столичныхъ газетъ. Случайно онъ узнаетъ, что въ сосѣдней деревнѣ уже десятый годъ сидитъ на цѣпи сумасшедшій крестьянинъ. Бухвостовъ, пораженный и смущенный, отправился въ избу, гдѣ помѣщался больной. Съ больнымъ жила его жена и родственница. На разспросы Бухвостова женщины отвѣчали покойно, какъ бы дѣло шло о самомъ обычномъ явленіи. Это еще болѣе ошеломило Бухвостова. Разговаривая вечеромъ съ крестьянами, Бухвостовъ спросилъ ихъ:

— А скажите мнѣ, господа „жители"... Зачѣмъ это у васъ человѣкъ на цѣпи сидитъ?...

— На чепи? Гдѣ на чепи? Кто у насъ на чепи?

— Какъ можно, чтобы на чепи!... Что вы это, Иванъ Семеновичъ...

— Да въ Колотиловкѣ...

— А! Это они, вѣрно, про Герасима...

— Про какого Герасима?

— Да какъ же... Малютинскій Герасимъ-отъ...

— Да-а... Такъ вѣдь онъ не въ себѣ.

— Значитъ, не въ полномъ разумѣ...

На вопросъ Бухвостова, отчего же не отправляютъ въ больницу, ему отвѣчаютъ, что былъ въ больницѣ... оборотили назадъ.

— Да вотъ никакъ это Григорій Семенычъ ѣдетъ. Онъ, ежели вамъ любопытно, можетъ все объяснить. Онъ, значитъ, самъ колотиловскій.

Бухвостовъ узналъ Григорія Семеныча. Это былъ мясникъ, каждое утро объѣзжавшій раскатовскія дачи,—мужикъ солидный, державшійся съ большимъ достоинствомъ по отношенію къ господамъ и, вслѣдствіе своей торговой практики, выработавшій себѣ особенный, не совсѣмъ мужицкій языкъ. На вопросъ Бухвостова, торговецъ отвѣчалъ, что дѣло это ему хорошо извѣстно.

— Посадили его, значитъ, неисходно, безъ отпуску, по приказанію начальства. Какъ, значитъ, находитъ на него по внезапности и невозможно упредить...

— Значитъ, сейчасъ и на цѣпь? На всю жизнь?—желчно спросилъ Бухвостовъ.

— Зачѣмъ сейчасъ? Терпѣли не малое время. Меня самого, какъ я старостой ходилъ, разовъ, какъ вамъ сказать?... да разовъ съ пять такъ колошматилъ, что не чаялъ я своей жизни сохранить. Страшнóй! Грезиться мнѣ по ночамъ сталъ, право.

Среди раскатовцевъ на бревнѣ раздался общій смѣхъ, еще болѣе раздражившій Бухвостова.

— Пригрезится, какъ разъ...

— Ежели, говоришь, колачивалъ, какъ не пригрезиться.

— Да какъ же! Потомъ на людей сталъ кидаться. На перевозѣ было дудинскаго мужика чурбакомъ ушибъ. Ну, все это мы, значитъ, терпѣли...

— Чего подѣлаешь?

— Ничего не подѣлаешь!...

— Ничего и не подѣлаешь. Конечно. Онъ вѣдь тоже не повиненъ тому дѣлу. Сколько разъ міромъ толковали. Молъ, онъ на малыехъ дѣтей не кидается, все больше на большихъ. Ну, значитъ, большой-то какъ ужъ нибудь настоитъ самъ за себя,—значитъ, не подастся... Такъ вотъ и терпѣли... А ужъ это послѣ, значитъ, онъ непорядокъ сдѣлалъ: къ церкви на чурбакѣ прикатилъ, да къ самому крестному ходу. Значитъ, народъ за иконами идетъ, а онъ давай попа ругать скверно. А на тотъ случай въ церкви становой. Меня же изругалъ. Вы бы,—говоритъ,—какъ-нибудь... Чтобъ этого больше не было... Ну, и посадили. Міромъ и ковать довелось.

На вопросъ Бухвостова, почему больного взяли изъ больницы, Григорій Семенычъ отвѣчалъ, что жена взяла его изъ жалости: „Пожалѣли, какъ свое, значитъ, все-таки, какъ бы то ни было, родное. Потому что навѣщали, видѣли своими глазами, какъ ихъ тамъ щелучатъ. Не надо этого,—говорятъ,—какъ ни биться намъ, а не дадимъ, потому что при нашихъ глазахъ, конечно, туда-сюда, а въ прочее время можетъ получить онъ себѣ такое же тиранство. Ну, когда они его привезли обратно, я сейчасъ къ нимъ, потому что не порядокъ. Ежели,—говорю,— вы стѣсняетесь насчетъ платежу, такъ еще, пожалуй, и не взыщутъ. А ежели станутъ взыскивать, я склоню общество, такъ чтобы міромъ платить. Потому что можетъ онъ надъ вами что-нибудь сдѣлать...

— Божья воля, а не дадимъ, — говорятъ.

— Божья воля, это, — говорю, — справедливо. А какъ онъ надъ

вами что-нибудь сдѣлаетъ, то въ отвѣтѣ никто, только староста. Онъ вотъ, какъ Чамра въ Гнилищахъ, срубитъ тебя топоромъ, а старостѣ это припишется къ несмотрѣнію... Ну, однако, не отдали. Въ то время онъ еще по волѣ ходилъ. Сковали послѣ...“

Настала ночь. Въ деревнѣ тишина. Все спитъ, не спитъ одинъ Бухвостовъ. „Кто же, кто тутъ виновенъ?—спрашивалъ себя Бухвостовъ, быстро шагая по дорогѣ, стараясь отдѣлаться отъ того, что сидѣло у него внутри и чувствуя, что виновныхъ нѣтъ.—Не виновата деревня, „міромъ“ приковавшая на цѣпь живого человѣка... Нельзя же допустить, чтобы сумасшедшій рубилъ людей топоромъ. Не виноваты бабы,—теперь онѣ представлялись Бухвостову мученицами, передъ подвигомъ которыхъ дрожь проходила у него по всему тѣлу, — вѣдь онѣ могли бы оставить Гараську въ старомъ корпусѣ. Не виноваты врачи,—они все время толкуютъ земству о необходимости новыхъ затратъ. Не виновато земство, — оно не можетъ взыскать своихъ недоимокъ, а нуждъ такъ много. Не виноваты ни эти поля, ни перелѣски, ни хлѣба, ни темный лѣсъ, съ одной стороны все ближе подступавшій къ его дорогѣ“.

И Бухвостовъ съ тоской оглядывался кругомъ, среди этой ласковой тишины, чувствуя, что чисто деревенское „смиреніе“ передъ этой общей невиновностью такъ и льется въ его цѣпенѣющую душу и что въ умѣ его уже готова сложиться фраза, которая, казалось, такъ и носится въ воздухѣ надъ этими „смиренными“ нивами и надъ спящими деревнями:

— Ничего не подѣлаешь!...

А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что вина налицо, огромная, хотя и безличная, и это попрежнему не давало ему покоя, а сознаніе прокрадывающагося въ душу смиренія только доводило его почти до бѣшенства.

Статья Бухвостова появилась скоро въ мѣстной газетѣ. Онъ описывалъ человѣка на цѣпи, но не дѣлалъ никакихъ практическихъ заключеній. Онъ говорилъ только, съ обычною желчностью, что не знаетъ, гдѣ Гараськѣ лучше, на цѣпи въ деревенской избѣ или въ земской больницѣ. Хотя никто въ частности не обвинялся, но обидѣлись очень многіе. Статью перепечатали въ нѣсколькихъ газетахъ, потомъ еще въ двухъ-трехъ провинціальныхъ, потомъ еще въ одной, и затѣмъ все замолкло...

Въ *Мірѣ Божьемъ* напечатанъ отчетъ о публичной лекціи въ Сорбоннѣ извѣстнаго французскаго историка Эрнеста Лависса, представляющій новое свидѣтельство подъема идеалистическихъ настроеній въ средѣ французской молодежи. Лависсъ избралъ темою своей лекціи книгу Мишле *L'Etudiant*. Въ этой книгѣ изложены нравственныя и интеллектуальныя обязанности студентовъ. Я вѣрю,—говоритъ въ заключеніе своей лекціи Лависсъ, — что изъ великаго кризиса, переживаемаго въ настоящую минуту Франціей, должны выдѣлиться чистыя, свѣтлыя, гуманитарныя идеи, которыя всегда составляли продуктъ французской мысли и которыми Франція по праву можетъ гордиться. Заключительныя слова Лависса, по словамъ автора сообщенія, были покрыты оглушительными и долго несмолкавшими апплодисментами. Этотъ пріемъ, сдѣланный Лависсу студенческою молодежью, не безъ основанія считается доказательствомъ поворота во взглядахъ молодежи на то темное дѣло, которое волнуетъ Францію въ данную минуту. Лависсъ — сторонникъ пересмотра и въ своей рѣчи онъ нѣсколько разъ останавливался на этомъ предметѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 марта 1899 г.

Аггеенко, В. О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе. Съ 10 рис. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Альдисъ, Стидменъ. Смотри на небо! (Популярный очеркъ астрономіи). Съ 29 рис. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Аріянъ, П. Н. Первый женскій календарь 1899 г. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Ахшарумовъ, Д. Д. Поэма о рожденіи, жизни и смерти человѣка. Полтава, 1898 г.

Барышниковъ, П. Какъ вести объяснительное чтеніе въ народной школѣ. М., 1899 г. Ц. 20 к.

Беркосъ, П., и Ингеницкій, И. Рѣчной ракъ. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.

Библ. экономистовъ. Ричардъ Кобденъ. Изд. Солдатенкова. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Бинэ, А., и Анри, В. Умственное утомленіе. Съ 93 рис. и діаграммами. Изд. „Вѣстника Воспитанія“. М., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Благовидовъ, Ѳ. В. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ 1-й половинѣ XIX столѣтія. Казань, 1899 г. Ц. 2 р.

Богдановъ, П. М. Бесѣды о жизни растеній. Съ 71 политипажемъ въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ по датскому способу. Пер. подъ ред. Гурина. Изд. Тихомирова, И. П. М., 1899 г. Ц. 30 к.

Брусиловскій, Е. М. Лѣченіе хроническаго сочленовнаго ревматизма. Одесса, 1899 г.

Вариньи-де, Генри. Воздухъ и жизнь. Изд. Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1898 г. Ц. 75 к.

Варлихъ, В. К. Русск. лѣкарств. растенія. Вып. I. Въ 5 вып. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г. Подп. ц. 9 р.

Вся Область Войска Донского на 1899 г. Адресъ-календарная, торгово-промышленная, справочная книга. М., 1899 г.

Галайде, Ін. Добромъ усе переможешъ. Оповидання. Харьковъ, 1899 г.

Глинскій, Ф. А. Бѣловѣжская пуща и зубры. Съ иллюстраціями. Бѣлостокъ, 1899 г. Ц. 50 к.

Губеръ, Ж. Іезуиты. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Гутманъ, Оскаръ. Гимнастика голоса. Изд. Веге. Спб., 1899 г.

Данилевскій, В. Я. Народный домъ и его общественно-воспит. значеніе. Изд. Харьк. о—ва грамотности. Харьковъ, 1899 г. Ц. 25 к.

Докладъ Правленія Харьк. Об—ва распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1899 г.

Дружининъ, Н. П. Русское государственное гражданск. и уголовное право въ популярн. изложеніи. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Ebstein, W., и Schwalbe, J. Рук. къ практ. медицинѣ. Вып. 5-й. Т. I. Изд. Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1899 г. Ц. за каждый выпускъ 1 р. 60 к. съ перес.

Записки Зап.-Сибирск. отдѣла Императ. Русск. Географ. Об—ва. Книжка XXV. Омскъ, 1898 г.

Ивановъ, Д. В. Хребетъ Сихота-Алинъ. Спб., 1898 г.

Инструкція красноярск. городск. управѣ. Красноярскъ, 1899 г.

К. Д. Болгарская пропаганда въ Македоніи и македонскій вопросъ. М., 1899 г. Ц. 25 к.

Кавелинъ, К. Д. Собраніе сочине-

ній. Т. III. Наука, философія и литература. Спб., 1899 г. Ц. 4 р.

Канторовичъ, Я. А. 1) Законы о безумныхъ и сумасшедшихъ. Ц. 75 к. 2) Законы о вѣрѣ и вѣротерпимости. Ц. 1 р. 25 к. 3) Законы о бракѣ и разводѣ. Ц. 1 р. 25 к. 4) Законы о женщинахъ. Ц. 1 р. 5) Литературная собственность. Ц. 80 к. Спб., 1899 г.

Каръ, А. Бригъ „Эммануилъ". М., 1899 г. Ц. 2 р.

Ключниковъ, В. М. Вопросъ о мѣрахъ къ наилучшему подбору преподавательск. персонала нач. земск. училищъ. Казань, 1899 г.

Коварскій, Г. О. Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ-лѣтняго возраста? Вильна, 1899 г.

Коломійцовъ, Н. П. Труды сельск. хоз. метеорolог. сѣти Имп. Моск. О-ва сельск. хоз. Сельско-хоз. метеорологическій очеркъ Рязанск. губ. 1897—1898 гг. М., 1898 г.

Корелли, М. Новая женщина. Повѣсть. Изд. Д. П. Ефимова. М., 1899 г. Ц. 30 к.

Корнаковъ, В. 1) Краткій практ. курсъ геометрическ. черченія и землемѣрія. 490 черт. Ц. 50 к. 2) Приборы и пособія необход. для уроковъ геометр. черченія и землемѣрія въ народныхъ школахъ. 182 черт. Спб., 1899 г. Ц. 45 к.

Крестовскій, Вс. Собраніе сочиненій. Т. III. Изд. Т-ва „Общ. Польза". Спб., 1899 г. Подп. ц. 10 р., съ дост. 12 р.

Курчинскій, М. А. Союзы предпринимателей. Эконом. этюдъ. Спб. 1899 г.

Леклеркъ, М. Воспитаніе и общество въ Англіи. Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Лопатинъ, Валер. 1) Хрестоматія. Изд. 2-е. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. 2) Патріотическая хрестоматія. Изд. 3-е. Ц. 60 к. 3) Гр. Л. Н. Толстой и М. И. Драгомировъ. (Разборъ ром. „Война и Миръ"). Варшава, 1899 г. Ц. 30 к.

Майръ, Георгъ. Закономѣрность въ общественной жизни. М., 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.

Маръ, Н. Крымскія стихотворенія. Спб., 1899 г.

Марренъ, П. Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.

Матвѣева, А. Исторія земной жизни Спасителя. М., 1898 г. Ц. 45 к.

Матеріалы по киргизскому землепользованію. Акмолинская область. 1. Кокчетавскій у. Т. 1-й. Воронежъ, 1898 г.

Меккъ-Фонъ, А. К. Мореходное образованіе. М., 1898 г.

Миловидовъ, Г. А. Опытъ объяснит. чтенія въ примѣненіи къ избраннымъ образцовымъ поэтическ. произведеніямъ „Родного Слова". Орелъ, 1898 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

Минцловъ, С. Р. Женское дѣло. Ком. въ 5 дѣйств. Одесса, 1899 г. Ц. 1 р.

Мокржецкій, С. А. Вредныя животныя и растенія въ Таврической губ. по наблюденіямъ 1898 г. Симферополь, 1898 г.

Мюръ, Петиссонъ. Химія огня. Съ 17 рис. М., 1899 г. Ц. 85 к.

Научные очерки Томскаго края. Подъ ред. проф. Н. Ѳ. Кащенко. Томскъ, 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Нитче, Фр. Происхожденіе трагедіи. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Новѣйшія пріобрѣтенія въ области животноводства. Пер. съ нѣм. Н. В. Петрова. Изд. К. М. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 2 р.

Обзоръ сельск. хоз. въ Полт. губ. за 1897 г. По сообщ. корреспондентовъ. Полтава, 1898 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ольшамовскій, Б. Г. Права по землевладѣнію въ Западномъ краѣ. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Отчетъ по народнымъ чтеніямъ въ г. Самарѣ за 1898 годъ. Самара, 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго о—ва грамотности за 1897 г. Кіевъ, 1898 г.

Отчетъ воронежск. библ. имени А. В. Кольцова. Воронежъ, 1899 г.

Отчетъ О—ва по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамб. губ. за 1897—8 годъ. Тамбовъ, 1898 г.

Отчеты новгородской губернской земской управы за 1897 г. Съ пр. доклада по отчету за 1897 г. Новгородъ, 1898 г.

Плоссъ, Г. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Т. I. Половина 2-я. Спб., 1898 г.

Полевой, П. Н. Непокупное. Повѣсть. Съ 55 ориг. рис. Изд. А. Ф. Маркса. Спб.

Полѣновъ, А. Д. Монетный вопросъ. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти и разсказы. Т. 12-й. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Придорогинъ. Общедост. учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ратовъ, М. Женщина передъ судомъ присяжныхъ. М., 1899 г. Ц. 30 к.

Рейснеръ, М. А. Христіанское государство. Томскъ, 1899 г.

Рейснеръ. 1) Самоучитель польско-французскій. Ц. 15 к. 2) Самоучитель русско-польскій и польско-русскій. Варшава, 1899 г. Ц. 10 к.

Розановъ, В. В. Сумерки просвѣщенія. Изд. П. Перцова. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Садовскій, М. Разсказы. Въ 2-хъ т. М., 1899 г. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к.

Сборникъ статей по Семипалатинск. области. Семипалатинскъ, 1899 г. Ц. 50 к.

Сборникъ Ариѳмет. задачъ и примѣровъ

съ распредѣленіемъ задачъ по типамъ для нач. нар. училищъ. Вып. II. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 20 к.

Сборникъ стихотвореній „Колосья". Изд. Д. Бохана. Минскъ, 1899 г. Ц. 75 к.

Смирновъ, П. С. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб., 1898 г. Ц. 3 р.

Спиридоновъ, А. Географія Россійской Имперіи для нар., гор., церк.-приходскихъ и другихъ низшихъ училищъ. Спб., 1899 г. Ц. 45 к.

Статистическій сборникъ по Ярославской губ. 1898 г. В. III. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Статистико-эконом. обзоръ Херс. губ. за 1897 г. Херсонъ, 1898 г.

Сысоевъ, В. М. Разсказы охотника. Изд. 2-е. М., 1899 г. Ц. 60 к.

Таубе, Б. М. Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. Т. II. Харьковъ, 1899 г.

Тарутинъ, Ал—дръ. Стихотворенія. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Тезяковъ, Н. Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Воронежъ, 1899 г. Ц. 40 к. безъ перес.

Тихобразовъ, П. Сельско-хозяйств. сборникъ Тамб. губ. В. 1-й и 2-й. Тамбовъ, 1897, 98 г.

Третій отчетъ о дѣят. комиссіи народн. чтеній въ г. Могилевѣ-губернскомъ. (Съ VII. 1897 по IX. 1898). Могилевъ на Днѣпрѣ, 1898 г.

Уида. Массарины. Романъ. Изд. Д. П. Ефимова. М., 1899 г. Ц. 2 р.

Урожай хлѣбовъ, промышл. растеній и травъ въ 1898 г. и состояніе озимей осенью того-же года въ Полт. губ. (По сообщ. корреспондентовъ). Полтава, 1899 г.

Фюрстъ, Л. Спутникъ женской гигіены. Одесса, 1898 г. Ц. 30 к.

Хорватъ. Рокъ. Романъ. (Съ венгерскаго). Изд. Д. П. Ефимова. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Чешихинъ, Вс. 1) Пять стихотвореній „На случай". Рига, 1899 г. Ц. 20 к. 2) Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Изд. „Знаніе". Одесса, 1899 г. Ц. 25 к.

Шавровъ, Н. Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ею. Съ 142 рис. въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г.

Шейнъ, П. В. Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и загадокъ. Изд. А. И. Мамонтова. М., 1899 г. Ц. 25 к.

Шелли. Освобожденный Прометей. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.

Штеблеръ, Ф. Г. и Шрётеръ, К. Кормовыя травы. Т. 1-й. Съ 15 хромолитогр. табл. и 83 рис. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1898 г. Ц. 4 р. 50 к.

Шумаковъ, С. Угличскіе акты. (1400—1749 гг.). М., 1899 г. Ц. 2 р.

Энгельсъ, Фр. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Этико-художеств. библ.: 1) Мельшинъ Л.—Кобылка въ пути. Ц. 15 к. 2) Тищенко, Ѳ.—Хлѣбъ насущный. Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка. Ц. 20 к. 3) Рескинъ, Дж.—Воспитаніе. Книга. Женщина. Ц. 20 к. 4) Ожешко, Э.—О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческ. достоинства. М., 1899 г. Ц. 15 к.

Юрьинъ, Н. Въ сонномъ царствѣ. Сказка. Изд. Мамонтова. М. 1899 г.

12-й годъ земскаго добровольнаго страхованія скота въ Моск. губ. М., 1899 г.

1895 годъ. Т. I. Ч. I и II. Цифровый матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь. М., 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Разсказы М. Садовскаго". Т. I и II.—„Историческія повѣсти". *М. М. Филиппова.*—„Путевые очерки и разсказы" *Н. И. Касименка.* 76

Философія, психологія, педагогика; „Вопросы Философіи и Психологіи". Кн. 46.—„Что такое Шулханъ-Арухъ?" Этюдъ *И. Переферковича.*—„Наша русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели". *П. Каптерева.* 78

Публицистика: „Городскія управленія въ Западной Европѣ". *Альберта Шоу.*—„Нѣсколько словъ о матеріальномъ положеніи преподавателей нашихъ гимназій". *Мора* 85

Исторія, исторія литературы, біографіи: „Исторія религіи". Очеркъ *А. Мензиса.*—„Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ". *М. Дьяконова.*—„Памятная книжка Воронежской губ.". Сост. подъ ред. *М. Н. Былова.*—„Этюды о Пушкинѣ". *Сумцова.*—„Исторія русской литературы". *А. Н. Пыпина.*—„Ученическіе годы Гоголя". Біограф. очеркъ *В. И. Шенрока.*—„Замѣчательные чудаки и оригиналы". *М. А. Пылаева.* 87

Географія, этнографія, антропологія: „Въ Средней Азіи. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 г.". Перев. *А. и П. Ганзенъ.*—„Записки западно-сибирск. отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ.". Кн. XXIII. — „Среди патріарховъ земледѣлія, народовъ ближняго и дальняго Востока". *И. Н. Клингена.*—Ч. I.—„Къ антропологіи великороссовъ". *Талько-Грынцевича.*—„Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края". *И. И. Майнова.*=„Алтайскій сборникъ". Т. III.—„Земля и люди". *Э. Реклю.* Соединенные Штаты. Ч. I. 90

Искусство: „Исторія русскаго искусства". Соч. *А. П. Новицкаго* . . 93

Политическая экономія, статистика: „Краткій курсъ экономической науки". *А. Богданова.*—„Очерки промысловъ Россіи". *П. А. Гасселькуса,*—„Систематическій сводъ узаконеній, распоряженій министерства финансовъ и разъясненій правительствующаго сената по казенной продажѣ питей". Сост. *А. Евреиновъ.*—„Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ.". Отчетъ *Н. Новомберскаго* 94

Естествознаніе: „Живое существо". *Ф. Ле-Дантека.* 98

Сельское хозяйство: „Русскій лѣсъ". Сост. *Ѳ. К. Арнольдъ.* . . . 99

Учебники, дѣтскія книги, пособія: „Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ". Состав. *А. Гусевъ*.—„Басни И. А. Крылова". Сост. подъ ред. *К. Ѳ. Грязнова*.—„Иллюстрированная сказочная библіотека". *Ф. Павленкова*.—„Разсказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста". *А. В. Круглова*.—„Друзья дѣтей". Сборникъ разсказовъ, сост. *А. Ивинымъ*.—„Пчелиный домикъ". *Анны Догановичъ*.—„Библіотека нашихъ дѣтей". Библіотека „Всходовъ". Дополненія къ учебнику русской словесности" 100

Книги для народа: Изданія Московскаго Общества грамотности и „Родного Слова" 105

II. Періодическія изданія

„Вѣстникъ Европы", *февраль*.—„Русское Богатство", *январь*. — „Міръ Божій", *февраль* 108

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1899 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
журнала Русская Мысль

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой)

Продаются слѣдующія книги:

Ингрэмъ, Дж. Исторія политической экономіи. Ц. 1 р. 50 к.
Бергманъ, Е. Историческій очеркъ теорій экономическихъ кризисовъ. Ц. 2 р. 50 к.
Ходскій, Л. В. Основ. теоріи и техники статистики. Ц. 2 р.
Майръ, Г. Закономѣрность въ общественной жизни. Ц. 1 р. 50 к.
Янсонъ, Ю. Сравнительная статистика населенія. Ц. 2 р.
Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ:

Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе. Ц. 2 р.
Озеровъ, И. Подоходный налогъ въ Англіи. Ц. 2 р. 50 к.
Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимат. за увѣчья и смерть рабочихъ. Ц. 2 р.
Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 75 к.
Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—95) 3 тома, по 2 р.
Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. Ц. 1 р. 25 к.
Григорьевъ. Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи. Ц. 1 р.
Л. В. Ходскій. Земля и землевладѣлецъ. Ц. за 2 т. 5 р.
Ѳ. Тернеръ. Государство и землевладѣніе. Ч. I. Ц. 2 р.
В. Е. Постниковъ. Южнорусское крестьянское хозяйство. Ц. 2 р. 50 к.
Р. Гвоздевъ. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значеніе. Ц. 75 к.
Изданіе Министерства Финансовъ. Производительныя силы Россіи. Ц. 5 р.
М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Ц. 3 р.
Итоги экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I: **А. Фортунатовъ.** Обзоръ статистики крестьянскаго хозяйства; **В. В.** Крестьянская община. Ц. 3 р. 50 к.
К. Ф. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Ц. 1 р. 50 к.
Ал. Фортунатовъ Урожаи ржи въ Европ. Россіи. Ц. 1 р. 25 к.
Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к.
Поль-де-Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
А. Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.
И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Ц. 3 р.
Мих. Соболевъ. Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. Ц. 2 р.
У. Дж. Эшли. Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической теоріей Ц. 2 р. 75 к.
Антоніо Лабріола. Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію. Ц. 50 к.
Владиміръ Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. Ц. 1 р. 50 к.
Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX в. Ц. 3 р.
Кучинскій. Союзы предпринимателей. Ц. 1 р. 25 к.

При магазинѣ находится отдѣленіе конторы редакціи Энциклопедическихъ словареи Брокгауза и Ефрона и отдѣленія конторъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы“, „Вопросы Философіи и Психологіи“ и „Русская Мысль“. Магазинъ высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и учебныя пособія и принимаетъ **годовую** подписку на всѣ періодическія изданія.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. 1½ к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. ½ к.

Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи, Цѣна 40 коп.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Ремезовъ, М. Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.

— Византія и Византійцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.

— Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Э. Малордъ. Баоушка. Ц. 50 к.

— Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ Ц. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли".

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.

Пере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.

Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.

Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.

Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.

Гауппъ Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.

Шериданъ. Школа злословія. *А. В. Погожева.* Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.

Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.

Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.

Бертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 коп.

Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1899 г.

Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. (1636—1730).

Аландскій. Исторія Греціи. Кіевъ, 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Антоновичъ. Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. Т. I. Кіевъ, 1885 г. Ц. 2 р.

Голубевъ. Къ исторіи Кіевской трехсвятительской церкви XVII в. Кіевъ, 1899 г. Ц. 40 к.

— Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. II. Кіевъ, 1898 г. Ц. 6 р.

— О древнѣйшемъ планѣ Кіева 1638 года. Кіевъ, 1898 г. Ц 1 р.

Грушевскій. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 75 к.

Данилевичъ. Исторія Полоцкой земли до конца XIV в. Кіевъ, 1896 г. Ц. 2 р.

Довнаръ-Запольскій. Исторія Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. Кіевъ, 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Драгомировъ. Очерки. Кіевъ, 1898 г. Ц. 1 р.

Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Кіевъ, 1849 г. Т. I и II. Ц. 5 р.

Зеландъ. Мозаика. Вильна, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Зеландъ-Дуббельтъ. Ложь. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.
Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Т. I. Ч. I и II. Кіевъ, 1891 г. Ц. 12 р.
Коротневъ. Поѣздка на Шпицбергенъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
Косоноговъ. Атмосферное электричество и земной магнетизмъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 1 р. 80 к.
Кулаковскій. Смерть и безсмертіе. Кіевъ, 1899 г. Ц. 1 р.
Лашкаревъ, П. Церковно-археологическіе очерки. Кіевъ, 1898 г. Ц. 2 р.
Линниченко. Изъ исторіи сословій въ Юго-Западной Руси XIV—XV вв. Кіевъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Лучицкій. Матеріалы для исторіи общины и общественныхъ земель въ Украинѣ XVIII в. Кіевъ, 1884 г. Ц. 2 р.
Ляскоронскій. Исторія Переяславской земли. Кіевъ, 1897 г. Ц. 3 р.
— Политическія и церковныя реформы въ Англіи при Генрихѣ II. Кіевъ, 1892 г. Ц. 20 к.
Матусевичъ. Введеніе къ ученію объ элементахъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 30 к.
Мемуары къ исторіи Южной Руси. Вып. I, 1890 г. Вып. II, 1896 г. Кіевъ. Цѣна за оба т. 4 р. 55 к.
Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года. Кіевъ, 1889 г. Ц. 2 р.
Новицкій. Адамъ Кисель, воевода Кіевскій. Кіевъ, 1885 г. Ц. 80 к.
Паліенкъ, Н. Законъ и административное распоряженіе. Кіевъ, 1898 г. Ц. 20 к.
— Сущность административной юстиціи. Кіевъ, 1898 г. Ц. 20 к.
Пискарскій, В. Франческо Ферручи и его время. Кіевъ, 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ренненкампфъ. Юридическая энциклопедія. Кіевъ, 1898 г. Ц. 2 р. 15 к.
Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 10 р.
Старицкіе. Передъ бурей. Кіевъ, 1899 г. Ц. 2 р.
Сухово-Кобылинъ. Свадьба Кречинскаго съ фототипіями со сцены театра Корша. М., 1898 г. Ц. 3 р.
Тьерри. Несторій и Евтихій ересіархи V вѣка. Кіевъ, 1883 г. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к. То-же. Вып. II Ц. 1 р. 50 к.
Удинцевъ. Спеціальные курсы въ Парижск. юрид. фак. Кіевъ, 1898 г. Ц. 30 к.
Фелькнеръ. Общедоступный спутникъ механика-строителя. Кіевъ, 1899 г. Ц. 2.
Юзефовичъ, Б. Основы самопознанія. Кіевъ, 1898 г. Ц. 40 к.
Юзефовичъ, В. Тридцать лѣтъ тому назадъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 75 к.
Яронъ, С. Г. Воспоминанія о театрѣ (1867—1897 гг.). Кіевъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ясинскій, А. Сочиненія кн. Курбскаго. Кіевъ, 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ясинскій, М. Волненія помѣщ. крестьянъ Кіевской губ. въ 1855 году. Кіевъ, 1890 г. Ц. 50 к.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли» складъ слѣдующихъ изданій М. И. Водовозовой:

Магаймъ, Э. Профессіональные рабочіе союзы. Перев. Н. В. Водовозова. 1895 г., стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.
Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Перев. съ англійск. А. Санина. 1896 г., стр. 339. Ц. 1 р. 50 к.
Гурвичъ, И. Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англійск. 1896 г., стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.
Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1896 г., стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.
Промышленность. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.
Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.
Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.
Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. Ц. 2 р.
Ильинъ, В. Экономическіе этюды и статьи. Спб., 1899 г., стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.
Эшли. Экономическая исторія Англіи. Перев. съ англійскаго Н. Муравьева. Стр. 800. Ц. 2 р. 75 к.
Шиппель, М. Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣмец. В. Ульриха. Стр. 135. Ц. 50 к.
Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнапна. Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. В. Дена. Стр. 352. Ц. 1 р. 50 к.
Бюхеръ, К. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей С. Н. Булгакова. 1897 г., стр. 91. Ц. 50 к.
Булгаковъ, С. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій очеркъ. 1897 г., стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.
Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Пер. Гершензона. Ц. 60 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.

Девятнадцатыи годъ изданія.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно, безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Сторонніе сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1899 г.:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край“ печатается **въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ, на новой ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа,** которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

Открыта подписка на 1899 годъ

НА

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для иногородныхъ: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.

Подписка принимается въ Тобольскѣ, въ библіотекѣ А. С. Суханова.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ, Редакція «Сибирскаго Листка».

ГОДЪ IV-й.

☞ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г. ☜

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ и ГЕОГРАФІЯ.

ГОДЪ IV-й.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня — іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы. Кромѣ того журналъ даетъ приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. А. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. И. Бородовскій, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ф. Кащенко, проф. Н. И Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Д. Карицкій, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, Борисъ Нечаевъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Паладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, А. Н. Рождественскій, К. Н. Россиковъ, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, проф. Н. В. Сорокинъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ, д-ръ Э. Эриксонъ и другіе.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1896, 1897 и 1898 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 2 руб. 50 коп. и къ 1-му іюня 2 руб.

Для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ платежомъ—въ началѣ января, въ началѣ марта, въ началѣ мая и, наконецъ, въ началѣ августа.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Контора редакціи: Москва, Большая Полянка, домъ Учительскаго Института.

Редакторъ-издатель **М. П. Баравва.**

Открыта подписка на 1899 годъ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ (1, 11, 21) книгъ въ годъ

ЖИЗНЬ.

РИСУНКИ и ПОРТРЕТЫ.

Съ 1899 г. журналъ будетъ выходить при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: К. С. Баранцевичъ, академикъ Н. Н. Бекетовъ, В. В. Брусянинъ, П. И. Вейнбергъ, А. А. Вербицкая, В. В. Вересаевъ, З. Л. Воронова, П. Н. Ге, М. П. Глѣбовъ, Р. Гвоздевъ, М. Горькій (А. М. Пѣшковъ), И. А. Гурвичъ, Г. А. Джаншіевъ, Н. П. Дружининъ, А. Дюкъ (A. Duc), Де-Греефъ (De Greef), П. П. Инфантьевъ, М. К. Исаевъ, М. В. Калитинъ, Б. Э. Кетрицъ, проф. Г. В. Левицкій, д-ръ М. П. Литвиновъ, д-ръ П. В. Левашовъ, А. Е. Лосицкій, Г. Ф. Львовичъ, В. Микуличъ, Н. М. Минскій, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, А. А. Никоновъ, Н. А. Окуневъ, проф. Э. Ю. Петри, В. А. Поссе, Д. Д. Протопоповъ, К. П. Пятницкій, Н. А. Рубакинъ, В. Ю. Скалонъ, М. А. Славинскій, Е. Смирновъ, Евг. А. Соловьевъ, П. Б. Струве, Н. Ф. Тепловъ, д-ръ В. Ѳ. Тотоміанцъ, М. И. Туганъ-Барановскій, В. М. Черновъ, А. П. Чарушниковъ, Евг. Чириковъ, Конрадъ Шмидтъ (Conrad Schmidt), проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ и др.

М. Горькій изъявилъ согласіе печатать въ „Жизни“ всѣ свои новыя произведенія, за исключеніемъ небольшихъ очерковъ, обѣщанныхъ имъ „Журналу для всѣхъ“.

12 книжекъ, выходящихъ 1 числа каждаго мѣсяца, заключаютъ въ себѣ литературный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: беллетристика, литерат. критика и искусство. 12 книжекъ, выходящихъ 11 числа, заключаютъ въ себѣ научный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по естествознанію и по общественнымъ наукамъ (соціологія, политическая экономія, право, исторія).

Особенное вниманіе будетъ обращено на ознакомленіе читат. съ новѣйш. научными теченіями.

12 книжекъ, выходящихъ 21 числа, содержатъ въ себѣ политическій отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: руководящія статьи по текущимъ вопросамъ русской и заграничной жизни, корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы.

Особенное вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ, касающихся крестьянскаго, городского и земскаго самоуправленія.

Многіе мѣстные общественные дѣятели обѣщали свое сотрудничество.

Для болѣе полнаго ознакомленія читателей съ заграничной жизнью, кромѣ отдѣльныхъ статей и корреспонденцій, редакція предполагаетъ помѣщать переводы стенографическихъ отчетовъ о наиболѣе интересныхъ засѣданіяхъ западно-европейскихъ парламентовъ.

Постоянныя корреспонденціи изъ Германіи, Франціи, Англіи, С. Ам. Соед. Штатовъ, Австріи, Бельгіи и др.

Библіографія распредѣляется по соотвѣтствующимъ отдѣламъ.

Къ каждой изъ 36 книжекъ прилагается обзоръ русской и иностранной жизни за 10 дней. Этимъ будетъ достигнуто соединеніе удобствъ ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго изданія.

Кромѣ того ежемѣсячно будутъ помѣщаться новости литературы, искусства и науки, а также мелочи русской и заграничной жизни. **Многія статьи (по искусству, исторіи и т. д.) будутъ иллюстрированы снимками съ картинъ и портретами.**

Помѣщеніемъ рисунковъ и портретовъ редакція, однако, отнюдь не думаетъ придать журналу характеръ иллюстрированнаго изданія.

Стремясь избѣгать помѣщенія большихъ литературныхъ произведеній небольшими отрывками, редакція рѣшила напечатать переводъ новаго большого романа **Гемфри Уордъ** (автора Марчеллы, Сэра Дж. Тресседи, Давида Грива и др.) **Хельбекъ изъ Баннисдэля** отдѣльной книгой и разослать его въ первой четверти 1899 года всѣмъ подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Контора редакціи готова исполнять порученія иногородныхъ подписчиковъ по покупкѣ и высылкѣ имъ книгъ.

Первыя три (январскія) книжки печатаются и выйдутъ въ декабрѣ. Желающимъ ознакомиться съ журналомъ, онѣ высылаются за *одинъ* рубль. Выписавшіе ихъ, продолжаютъ подписку за 6 рублей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ — 7 р.; на ½ года—4 р. Допускается разсрочка отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Главная контора: Спб., Бассейная, д. 14.

Отдѣленія конторы въ Москвѣ: книжн. маг. „Книжное Дѣло“ (Моховая, домъ Бенкендорфа); кн. скл. А. М. Муриновой (Трехпрудный пер., собств. д.).

Редакторъ Издатель *Д. М. Остафьевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, АРХІЕПИСКОПА КЕССАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ

въ русскомъ переводѣ.

Въ 1899 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ ежемѣсячно книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати и болѣе листовъ по прежней программѣ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться переводы святоотеческихъ твореній (толкованіе св. Кирилла Александрійскаго на Евангеліе отъ Іоанна и творенія св. Никифора Исповѣдника въ защиту иконопочитанія), изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, обозрѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, критика и библіографія. Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ продолжаться печатаніемъ автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіеп. Тверскаго (періодъ его дѣятельности въ званіи завѣдующаго Синодальной ризницей и, затѣмъ, въ должности ректора Московской Духовной Академіи).

Удерживая программу въ прежнемъ объемѣ, Московская Духовная Академія вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ благовременнымъ присоединить къ издаваемому ею журналу новое и существенно важное дополненіе. Уже болѣе чѣмъ полвѣка она непрерывно трудится надъ переводомъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ древней святоотеческой письменности эпохи ея наивысшаго расцвѣта. Предпринятая съ 1840 года, при непосредственномъ участіи приснопамятнаго Филарета, Митрополита Московскаго, дѣятельность Академіи по переводу Св. Отцовъ успѣла обнять собой очень значительное число святоотеческихъ писаній. По будучи по условіямъ книжнаго дѣла у насъ въ Россіи довольно высокими по цѣнѣ въ отдѣльной продажѣ, эти изданія святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ не достигли еще такого широкаго распространенія среди читающей публики, какого можно было бы пожелать для нихъ, какъ вообще въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ, такъ въ особенности въ виду наблюдаемаго въ наше время оживленія церковно-общественныхъ интересовъ и подъема просвѣщенія среди простого народа. Желая облегчить пріобрѣтеніе святоотеческихъ твореній для возможно большаго круга учрежденій и лицъ, Московская Духовная Академія и рѣшила съ наступающаго года выдавать имѣющіяся въ ея распоряженіи переводныя творенія Св. Отцовъ IV вѣка въ видѣ приложеній къ своему журналу по значительно уменьшенной цѣнѣ. На первый разъ выборъ Академіи остановился на твореніяхъ святого Василія Великаго, Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія, высокое богословско-образовательное и нравственно-воспитательное значеніе которыхъ не нуждается въ разъясненіяхъ. Эти творенія въ послѣднемъ полномъ и пересмотрѣнномъ изданіи ихъ, сдѣланномъ въ 1892 году въ семи томахъ, она и предложитъ подписчикамъ „Богословскаго Вѣстника“ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1899 г. по 1901 годъ, подъ условіемъ ежегодной доплаты одного рубля къ прежней подписной цѣнѣ журнала, въ такомъ порядкѣ, что подписчики первыхъ двухъ годовъ трехлѣтія получаютъ ежегодно по два тома твореній св. Василія Великаго, въ послѣдній же 1901 годъ—остальные три тома. Такимъ образомъ, уплативши въ теченіе года, сверхъ подписной цѣны журнала, одинъ только рубль, а за все трехлѣтіе три рубля, подписчикъ „Богословскаго Вѣстника“ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи полное собраніе твореній св. Василія Великаго, въ отдѣльной продажѣ стоящее восемь руб. сорокъ копеекъ. Въ томъ случаѣ, если это новое предпріятіе журнала „Богословскій Вѣстникъ“ найдетъ себѣ желательный откликъ среди ревнителей духовнаго просвѣщенія, Московская Духовная Академія, по истеченіи трехлѣтія, не замедлитъ обратиться къ другимъ замѣчательнымъ памятникамъ святоотеческой письменности, какъ-то: къ твореніямъ свв. Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго и т. д. и этимъ путемъ дастъ возможность подписчикамъ своего журнала пріобрѣсти послѣдовательно цѣлую святоотеческую библіотеку за весьма умѣренную цѣну, которая, къ тому же, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть еще болѣе понижена.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ на годъ:

Безъ приложенія твореній св. Василія Великаго: **шесть** руб. безъ пересылки, **семь** руб. съ пересылкой внутри Россійской Имеріи, **восемь** руб. за границу.

Съ приложеніемъ двухъ первыхъ томовъ твореній св. Василія Великаго: **семь** р. безъ пересылки, **восемь** р. съ пересылкою внутри Россіи, **девять** р. за границу.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Моск. губ., Редакція „Богословскаго Вѣстника“.

Вышла мартовская книжка 1899 года (№ 3) ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

и

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Содержаніе.

1. И. А. Крыловъ. Портретъ съ автографомъ. На отдѣльномъ листѣ. 2. Мыссйкина хурда-мурда. Повѣсть. Вас. Ив. Немировича-Данченко. Гл. I—V. Съ рисунк. К. Н. Чичагова. 3. Противъ вѣтра. Бернта-Ли. Гл. III. (Окончаніе). Съ норв. О. Аносовой. 4. Деревенскіе нищіе. Стих. С. Д. Дрожжина. Съ рисунк. А. М. Нечаева. 5. Рыцарь. Разсказъ. Ив. Митропольскаго. Съ рисунк. Ѳ. Ѳ. Бондаренка. 6. Гаральдъ и Зигфрида. Баллада. А. А. Ѳедорова-Давыдова. Съ рисунками. 7. Солнечный лучъ. Сказка. Луиджи Сапуани. Пер. Н. Съ рисунками. 8. Отрѣзанный ломоть. Воспоминанія. Дорога. Д. Н. Мамина-Сибиряка. 9. Явись, весна красавица!... Стих. Л. М. Медвѣдева. 10. Поѣздка на Іорданъ. М. Н. Ремезова. Съ рисунками. 11. Ямаудъ. Разсказъ. Генри Виллорда Фрэнча. Съ англ. А. Н. Рождественской. Съ рисунками. 12. Дѣтство и юность русскихъ писателей. 2) И. А. Крыловъ. Б. Б. Глинскаго. Съ автографами Крылова. 13. Рождественская рубаха (Альтобели). Съ итал. Е. Т. 14. Сусликъ. А. Чеглока. Съ рисунками. 15. Сербскія пѣсни о королевичѣ Маркѣ. Полководецъ Вутша. Л. Спицыной. 16. Странички изъ исторіи и географіи. Народные обычаи и обряды. 17. Канунъ Богоявленія. Богоявленіе. День Іоанна Крестителя. Праздникъ Срѣтенія. Русская Масляница. Е. Т. 18. Странички изъ жизни людей. Люди большого труда. — ва. 19. Странички изъ жизни природы. Насѣкомыя—распространители заразы. Е. Т. 20. Странички по естествознанію и техникѣ. Зрячія картины для слѣпыхъ. Гигіеническій полъ. Подводный замокъ. NOWS. 21. По бѣлу-свѣту. Неаполь. Съ рис. Е. Т. 22. Смѣхъ не грѣхъ. Веселыя странички. Шарады, загадки, шутки, съ рис. 23. Рѣшенія. 24. Объявленія.

Содержаніе третьей книжки „Педагогическаго Листка“.

1) О письменныхъ испытаніяхъ учениковъ начальной школы. Д. И. Тихомирова. 2) Объ англійскомъ воспитаніи и образованіи. В—ева. 3) Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Я. П. Полонскій. (Окончаніе). Н. П. Демидова. 4) Психическая жизнь животныхъ и методъ изученія предмета. (Окончаніе). В. А. Вагнера. 5) О популяризаціи правовѣдѣнія. В. А. Гольцева. 6) О провѣтриваніи классныхъ комнатъ сквознымъ вѣтромъ. Э. Вульфсонъ. 7) Памяти Л. И. Поливанова. Д. И. Тихомирова. 8) Изъ текущей литературы. 9) Библіографія. Приложеніе: „Наши тайные друзья и враги“. Бактеріологическіе очерки Перси Фаредэл Франклэнда. Переводъ подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Съ рисунками.

Подписная цѣна на годъ: на *Дѣтское Чтеніе* съ пересылк. 5 руб., на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 6 руб. Отдѣльно на *Педагогическій Листокъ* съ пересылкою—2 руб. 50 коп. Плата за объявленія: за страницу—20 руб., 1/2 стран.—10 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, домъ Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ—30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница Е. Д. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Стр.

XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театръ», бенефисъ Е. К. Лешковской: *Усмиреніе строптивой*, ком. въ 5-ти дѣйств., и 10 карт., Вильяма Шекспира, пер. П. И. Гнѣдича;—бенефисъ Н. А. Никулиной: *Ложь*, ком. въ 4-хъ дѣйств., Е. Зеландъ (Дубельтъ).—«Художественно-общедоступный театръ»: *Эдда Габлеръ*, драма въ 4-хъ дѣйств., Генриха Ибсена, пер. С. Л. Степановой-Марковой.—Ан. «Новый театръ»: *Эми Робзаръ*, драма въ 5-ти дѣйств., Виктора Гюго, пер. М. Н. Ремезова 178

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 187

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Коммиссія по упорядоченію хлѣбной торговли и рѣчь г. министра финансовъ.—Ходатайство московскаго купечества.—Новое торжество Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.—Высочайшее повелѣніе по поводу студенческихъ волненій и наша печать.—О бѣдствіяхъ неурожая.—Наши увеселенія.—Позорныя слова газеты *Кавказъ*. 193

XXI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. (Печатается на основаніи ст. 139 *Устава* о цензурѣ и печати). 204

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, біографіи.—Географія, этнографія, антропологія.—Искусство.—Политическая экономія, статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники, дѣтскія книги, пособія.—Книги для народа.—II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *февраль*.—«Русское Богатство», *январь*.—«Міръ Божій», *февраль*.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 99 г. 75

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи храпятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя стихотворенія редакціею не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

При этой книгѣ прилагаются для всѣхъ безъ исключенія подписчиковъ объявленія отъ конторы журнала „Русская Мысль“.

Изданія редакціи журнала
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русс. суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Въ пользу воскрес. школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р.

— Литературные очерки. Ц. 1 р.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова Ц. 1 р.

Женщина. Статьи: Э. Ожешковой, М-те А. Додэ, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 к. Вып. II. Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 к. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. среднихъ учебн. завед. муж. и жен.

Короленко, Влад. Очерки и разсказы. Книга первая. 6-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Короленко, Влад. Очерки и разсказы. Книга вторая (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціей журнала «Русская Мысль». Ц. 2 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ 2 предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.

— Безъ догмата. Романъ. Пер. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова 2-е изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

Столѣтовъ, А. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Хоинскій, Т. Послѣдніе Римляне. Истор. ром. Перев. съ польск. Петра Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Юно́ша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Складъ изданій при книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“, Москва, Большая Никитская, д. Вельтищевой.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045776058